У ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

У ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

РОМАН

ТОМ I

Перевод с китайского
А. Рогачева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Вступительная статья и примечания
А. РОГАЧЕВА

Переводы стихов под редакцией
А. АДАЛИС и И. ГОЛУБЕВА

Оформление художника
Г. ФИШЕРА

У ЧЭН-ЭНЬ И ЕГО РОМАН «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД»

I

Создание романа «Сию цзи» — «Путешествие на Запад» относится к середине правления Минской династии (1368—1644 гг.). Это была эпоха усиления господства императорской власти, эпоха жесточайшего угнетения народа. Коррупция, жадность и произвол чиновников достигли чудовищных размеров. Народ страдал от невыносимого гнета.

Интенсивное развитие товарно-денежных отношений в Минскую эпоху способствовало росту товарного производства в сельском хозяйстве и вместе с тем усиливало тягу к роскоши со стороны государственной бюрократии и правящей верхушки. Все это повело к усилению эксплуатации народа, к захвату земель и к высшей концентрации земельной собственности. Минские императоры превратились в крупнейших помещиков страны, сосредоточив в своих руках огромные земельные угодья, которые именовались дворцовыми, или кабинетскими поместьями. Нет надобности говорить о том, что эти огромные поместья создавались за счет ограбления крестьян. Помимо императорских, было множество поместий, принадлежавших членам императорской фамилии или придворной знати.

Жестокий гнет, грабежи и насилие вызывали время от времени крестьянские бунты. Против гнета, вымогательств и грабежа со стороны правящих кругов не раз поднималось с оружием в руках и городское население. И хотя все эти восстания подавлялись с беспощадной жестокостью, они все же сыграли свою историческую роль как предшественники огромного крестьянского восстания Ли Цзы-чэна и Чжан Сянь-чжуна, вспыхнувшего в конце правления Минской династии и охватившего почти всю страну. Борьба народа против угнетателей нашла своеобразное отражение в романе.

В основу романа легли предания о путешествии китайского монаха Сюань-цзана в Индию.

Уже с конца II века до н. э., в эпоху Ханьской династии (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.), между Китаем и странами Центральной Азии установились непосредственные связи.

Многочисленные караваны с шелком, железом, драгоценными металлами, лаковыми изделиями отправлялись в Бактрию, Индию, Согдиану. Китайские товары шли далеко на запад. В свою очередь из Центральной Азии в Китай проникали такие культуры, как виноград, фасоль, ореховое дерево. Ввозилось стекло, драгоценные камни, пряности, косметика.

Установлению культурного и торгового обмена между Китаем и странами Запада во многом способствовали китайские путешественники.

Наиболее знаменитым из них был Чжан Цянь, который еще в 138 году до н. э. побывал в Центральной Азии. За время своего путешествия Чжан Цянь посетил многие страны и собрал ценные сведения о культуре и народах этих стран, в том числе и об Индии.

Огромное значение для развития и укрепления культурных связей между Китаем и Индией имело путешествие другого знаменитого китайского путешественника — буддийского монаха Фа Сяня, жившего в IV—V веках н. э. В 399 году, в возрасте шестидесяти пяти лет, Фа Сянь в сопровождении десяти монахов покинул Китай, пересек безводные пустыни, Памирское плато, изъездил вдоль и поперек всю Индию, побывал на Цейлоне и Суматре и в 413 году морем вернулся в Китай. В 414 году он написал книгу о своем путешествии под названием: «Записки о путешествии в буддийские страны», которая является одним из наиболее ранних китайских памятников литературы этого рода. Книга представляет собой подробное описание поездки Фа Сяня и является богатейшим источником, содержащим разносторонние сведения по географии, истории, а также знакомит с нравами и обычаями народов, населявших страны Центральной Азии, Индии и Южных морей.

Знаменитый ученый и путешественник, буддийский монах Сюань-цзан (596—664 гг.), жил в Танскую эпоху (618—907 гг.). Предания о его путешествии в Индию как раз и послужили материалом для создания фантастического романа У Чэн-эня. Посвятив свою жизнь укреплению и распространению в Китае буддизма, Сюань-цзан решил изучить буддизм на его родине, в Индии, и привезти оттуда буддийские священные писания. С этой целью он и отправился в Индию в 629 году. Сюань-цзан не был послан в Индию императором, как об этом повествует роман, а наоборот, уехал туда тайно, вопреки воле императора. Это случилось после того как на его просьбу разрешить ему и другим монахам поехать в Индию последовал отказ. Он провел в странствиях семнадцать лет и за это время посетил более пятидесяти государств.

Из Индии Сюань-цзан вывез свыше шестисот буддийских сутр (священных книг) и, возвратясь на родину, возглавил работу по их переводу, показав себя блестящим ученым и переводчиком.

Однако Сюань-цзан известен не только как ученый-филолог, переводчик буддийских книг. Он оставил также замечательный труд — описание своего путешествия в Индию, который называется «Да тан Сиюцзи» — «Записки о странах Запада».

Записки Сюань-цзана являются подлинно научным географическим и этнографическим трудом и представляют собой подробное описание стран, городов и селений, лежавших на его пути, а также быта, нравов и

обычаев народов, с которыми он встречался. Труд этот и в наши дни служит ценнейшим материалом для изучения истории стран Средней Азии и Индии.

Несомненно, что путешествия китайских ученых — буддийских монахов, несмотря на их специфические цели, сводившиеся к стремлению насадить и распространить в Китае буддизм, помогали китайскому народу расширять знания об окружающем мире. Они являлись источником сведений о существовании богатых и культурных стран, таких, как Индия, и тем самым способствовали дальнейшему расширению издавна существовавших культурных и торговых связей со странами Запада, которыми для Китая в первую очередь являлись страны Центральной Азии и Индия.

II

Автор романа «Путешествие на Запад» У Чэн-энь родился в уезде Хуайань, провинции Цзянсу в 1500 году. С малых лет он отличался хорошими способностями, но служебной карьеры так и не сделал и прожил всю свою жизнь в крайней бедности.

Чтобы получить официальную должность, открывавшую в старом Китае доступ к чинам, а следовательно и к благополучию, надо было сдать государственные экзамены. К ним готовились многие годы, порой до глубокой старости, и зачастую безуспешно. Как раз наиболее талантливым соискателям ученых званий, одаренным фантазией и способностью самостоятельно мыслить, было очень трудно одолеть схоластическую науку. У Чэн-энь неоднократно терпел неудачи и лишь в возрасте сорока пяти лет на отборочных экзаменах в провинции получил звание «суйгуншэна» (отличного студента) — кандидата для прохождения столичных экзаменов. Но сдать экзамены в столице ему так и не удалось. Лишь на старости лет У Чэн-энь после многократных просьб и унижений получил незначительную должность помощника начальника уезда Чансин в провинции Чжэцзян. Однако на официальной службе он пробыл недолго; не поладив с начальством, он вернулся на родину, где целиком посвятил себя литературной работе. Когда У Чэн-энь приступил к написанию романа «Путешествие на Запад», ему исполнился семьдесят один год. Дата окончания романа неизвестна.

Не достигнув поставленной цели — сдачи экзамена на ученую степень,— У Чэн-энь очутился в числе ученых-неудачников, которых было немало в старом Китае.

В официальных летописях уезда Хуайань — «Хуай-ань фу чжи» — сохранилась следующая биографическая запись, характеризующая У Чэн-эня, как «талантливого и мудрого человека, незаурядного поэта, обладавшего прекрасным и изящным стилем и наделенного даром сарказма и иронии». Однако, несмотря на свои дарования, писатель жил в бедности. Почти все оставшиеся после него рукописи исчезли бесследно. Земляк У Чэн-эня — Цю Чжэн-ган собрал то, что сохранилось после смерти писателя (умер У Чэн-энь в 1582 г.), и издал его сочинения в четырех томах, под названием «Шэ Ян цуньгао» — «Наследство Шэ Яна» [1]. Впоследствии был опубликован еще один том. Эти

[1] Шэ Ян — прозвище У Чэн-эня.

издания сохранились до наших дней, но они составляют лишь незначительную часть творческого наследия писателя. Кроме «Путешествия на Запад», У Чэнэнь написал еще две книги: «Треножник императора Юя» и «Новое издание цветов и трав», однако эти книги до наших дней не сохранились.

Из предисловия к книге «Треножник императора Юя» известно, что У Чэнэнь с детства любил художественную литературу, особенно фантастические рассказы. Вот что говорит о себе У Чэн-энь в этом предисловии: «В детстве мне нравилось все чудесное и необычайное. Когда я был маленьким и учился в школе, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы сбегать на рынок и купить популярную народную книжку, повествующую о каком-нибудь историческом событии. Опасаясь, что отец или учитель будут ругать меня или отберут книгу, я прятался где-нибудь в укромном местечке и там читал. Чем длиннее была книга, тем больше она мне нравилась. Когда я стал взрослым, я старался повсюду отыскивать песни и легенды, и ими была полна душа моя».

Еще в юности У Чэн-энь полюбил народные предания и легенды и собирал их всюду, где мог. Прекрасное знание фольклора в соединении с блестящим даром сатирика позволило писателю создать такое замечательное произведение, как фантастический роман «Путешествие на Запад», который по праву можно назвать гордостью китайской классической литературы.

III

Роман «Путешествие на Запад», одно из самых замечательных и любимых произведений китайской классической литературы, возник на основе народных легенд и сказаний. Подобно другим китайским средневековым историческим романам, таким, как «Речные заводи» Ши Най-аня и «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, в романе «Путешествие на Запад» много элементов народной фантазии. До своего литературного воплощения все эти романы имели длительную историю и жили в народе в виде устных повествований. Еще задолго до того как в XVI веке при Минской династии писатель У Чэн-энь собрал воедино рассказы о путешествии ученого монаха Сюань-цзана в Индию за священными буддийскими книгами и придал им стройную форму романа, память об этом историческом факте, поразившая народное воображение, сохранялась и развивалась. Передавая из уст в уста в течение столетий рассказ об этом необыкновенном путешествии, одаренные богатой фантазией рассказчики — шошуды украсили легендарными вымыслами и сказочными образами оставшиеся в далеком прошлом подлинные события. Шошуды обращались непосредственно к народной аудитории. Одобрение слушателей, очень любивших сказочный вымысел, заставляло рассказчиков усиливать и усложнять фантастические и легендарные элементы.

Положив в основу своего романа паломничество буддийского монаха Сюань-цзана в Индию, У Чэн-энь обратился не к подлинной истории его путешествия по западным странам, от которой в романе осталось только несколько имен и дат, а выбрал народную версию, складывавшуюся в течение веков вокруг этого путешествия в виде легенд и сказаний. Эта версия облекает в сказочную фантастическую форму даже исторические лица.

И возможно поэтому главный герой романа монах Сюань-цзан отходит на второй план и его место занимает Сунь У-кун, фантастическое существо — Царь обезьян, наделенный сверхъестественной силой. Описанию неутомимой борьбы Сунь У-куна с небесными силами и злыми духами и посвящено в основном все повествование.

Сюань-цзан олицетворяет собой человека малодушного, нерешительного, трусливого. Всякий раз, как на пути ему встречаются трудности, он отчаивается, впадает в уныние.

Его спутники — в противоположность ему — наделены мужеством, готовностью преодолеть любое препятствие и честно, до конца выполнить свой долг — охранять монаха в его паломничестве на Запад.

Народ имел основания сделать главным героем своих повествований Сунь У-куна, поскольку безвестный пилигрим Сюань-цзан, вопреки императорской воле отправившийся на Запад, по возвращении на родину снискал милость императора и стал одним из представителей высшей духовной знати, по сути дела духовным государем. У народа не было кровной заинтересованности ни в его глубоких научных исследованиях, ни в его проповедях. Поэтому, наградив его всевозможными почтительными эпитетами и титулами, народ тем самым отделил его от себя.

Еще до появления фантастического романа У Чэн-эня ученики Сюань-цзана на основе народных преданий написали «Историю Танского милостивого учителя Сюань-цзана», в которую внесли некоторый элемент фантастики. В целом книга описывает трудности, которые приходилось преодолевать мужественному путешественнику, и является одним из первых опытов житийной буддийской литературы.

В созданной в Юаньскую эпоху (1280—1367 гг.) истории в стихах, повествующей о «Поездке за священными книгами Танского монаха Сюань-цзана», уже появляются образы волшебной обезьяны и монаха Ша-сэна (впоследствии герои романа «Путешествие на Запад»). Мало чем отличаются по своему содержанию от романа У Чэн-эня и пьесы У Чэн-лина (конец Юаньской династии) и Ян Чжи-хэ (середина Минской династии), написанные на сюжет путешествия Танского монаха. Однако вот что пишет по этому поводу Лу Синь:

«Пьеса Ян Чжи-хэ написана таким плохим и небрежным языком, что ее с трудом можно считать литературным произведением. Что же касается У Чэн-эня, то благодаря своему замечательному таланту, острому уму, глубокой эрудиции и изящному стилю он смог значительно обогатить имевшийся в его распоряжении материал. Подвергая осмеянию состояние современного ему общества, он почти полностью обновил то, что было до него.

...Личное дарование автора, умеющего подметить смешное, дало ему возможность, несмотря на то, что он рассказывает о чудесном и сверхъестественном, заставлять духов и оборотней принимать облик людей. Фантастика принимает вид непочтительного иносказания, высмеивающего общество».

По мере того как предания о путешествии Танского монаха в Индию изменялись, обогащались и переделывались, человеческая фантазия в значительной степени преувеличила трудности путешествия и придала им мистический оттенок. Превращение зверей в духов, наделенных человеческим обликом и

манерами, сделало повествование о паломничестве Танского монаха на Запад живым и увлекательным.

Начинается роман (после небольшого вступления, излагающего историю создания мира, согласно китайской мифологии) с описания того, как зародилась и появилась на свет волшебная обезьяна.

Первые семь глав повествуют о жизни Сунь У-куна с момента его чудесного появления на свет до усмирения его Буддой и заключения под гору Усиньшань.

Уже с самого начала увлекают необыкновенные приключения и подвиги героя романа. Волшебная обезьяна, появившись на свет, начинает проявлять бурную деятельность. Преодолевая множество преград, она находит для сородичей прекрасное жилье — «Пещеру водного занавеса», за что обезьяны провозглашают ее своим царем. Стремясь избавиться от естественных законов, которым подчинены простые смертные, волшебная обезьяна отправляется искать учителя, способного открыть ей путь к бессмертию, и находит его. Она постигает вечные истины и становится бессмертной; научается принимать семьдесят два различных вида: превращается в дерево, птицу, рыбу, кумирню, различных духов и тем самым получает возможность вводить в заблуждение своих противников. Наконец она получает монашеское имя Сунь У-кун. Постигнув способ семидесяти двух превращений, Сунь У-кун из озорства превращается в сосну, чем вызывает гнев своего учителя, и тот прогоняет его.

Далее рассказывается о том, как Сунь У-кун применяет свою чудодейственную силу. Он добывает у Царя драконов волшебное оружие: огромный железный брус, весом в 13 500 цзиней [1], которым когда-то был утрамбован Млечный Путь. Впоследствии он использует этот посох в борьбе с врагами. Брус этот, имеющий название «Посох исполнения желаний, с золотыми обручами», обладает способностью увеличиваться и уменьшаться по желанию своего хозяина.

Затем Сунь У-кун по недоразумению попадает в подземное царство, учиняет там скандал, так как считает, что, постигнув вечную истину, он уже не подвластен законам жизни и смерти. В ярости он вычеркивает из «Списка сроков жизни» всех обезьян и освобождает своих сородичей от власти смерти.

Жалобы Царя драконов и судей преисподней на то, что Сунь У-кун нарушил установленные небом порядки, вызывают вмешательство самого Нефритового императора (так называли небесного владыку — верховное даосское божество), который по совету Духа Вечерней звезды [2] сначала пытается усмирить Сунь У-куна, поселив его в небесных чертогах и назначив на должность конюшего. Неискушенный в званиях и должностях, Сунь У-кун сначала соглашается на это назначение, но потом, узнав, что предоставленная ему должность настолько незначительна, что даже не значится в табели о рангах небесных чинов, в гневе самовольно покидает небесные чертоги и спускается в свое царство, на Гору цветов и плодов.

Небесный император, обеспокоенный поведением Сунь У-куна, по совету своих сановников, снова призывает его на небо, соглашается пожаловать ему

---

[1] Цзинь — мера веса, равная 596 граммам.
[2] Название планеты Венеры.

102-2

звание «Великого Мудреца, равного небу» и назначает его хранителем сада, где растут персиковые деревья, приносящие плоды бессмертия.

Но и здесь Сунь У-кун остается недолго. Прежде всего он тайком поедает почти все священные плоды, а узнав случайно о том, что в списках приглашенных на пир у небесной царицы нет его имени, незамеченным проникает на место пиршества, выпивает там вино и поедает яства. В довершение ко всему, опьянев, он случайно попадает на небо Тушита — местопребывание Тай-шан Лао-цзюня[1] и проглатывает там приготовленный для пира эликсир бессмертия. Поняв, что его проступки не останутся безнаказанными, он поспешно покидает небо и возвращается домой.

Проделки Сунь У-куна встревожили обитателей неба, и Нефритовый император созывает все небесное воинство для усмирения Сунь У-куна.

Однако даже среди самых сильных военачальников, таких как Князь неба Вайсравана и его сын князь Ночжа, не нашлось никого, кто мог бы одолеть Сунь У-куна. Только с помощью одного из могущественных властителей преисподней племянника самого Нефритового императора Эрлана и волшебства Лао-цзюня в конце концов удалось поймать Сунь У-куна. Чтобы покончить с этим смутьяном, Лао-цзюнь предложил поместить его в одну из своих волшебных печей, в которых он приготовляет эликсир бессмертия. Но даже волшебный огонь не смог причинить вреда познавшему вечную истину Сунь У-куну. После четырех дней пребывания в печи он вышел оттуда невредимым. Только вмешательство самого Будды прекратило бесчинства Сунь У-куна: Будда заточил его на пятьсот лет под гору Усиньшань.

Переломным моментом в истории Сунь У-куна явилось посвящение его бодисатвой Гуаньинь в монашество. Сунь У-кун, дав обет свято соблюдать законы буддийского учения и быть верным учеником Танского монаха, освободился из заточения, в котором находился в течение пятисот лет, и отправился вместе с Танским монахом на Запад. В пути он должен был охранять своего учителя и тем самым искупить свои грехи. Сунь У-кун выполнил свой обет честно: он беззаветно боролся со встречающимися им чудовищами и злыми духами, много раз спасал жизнь Танскому монаху и помог ему выполнить его миссию.

На протяжении всего романа читатель может видеть, с какой любовью и симпатией автор рисует образ своего героя Сунь У-куна, наделяя его лучшими качествами: отвагой, бесстрашием, острым умом, гуманностью. Сунь У-кун в любой момент готов вступить в борьбу с насилием и несправедливостью.

К тому же Сунь У-кун, постигший вечную истину, наделен сверхъестественной силой: он обладает волшебным оружием, знает способ семидесяти двух превращений. Гордый и вспыльчивый, Сунь У-кун не раз возмущается поступками Танского монаха и делает попытки оставить его, но бодисатва Гуаньинь для обуздания строптивого характера Сунь У-куна передает Танскому монаху волшебный обруч. Красота этого обруча прельщает Сунь У-куна, и он сам попадает в ловушку, надевая обруч себе на голову. Снять его он уже не в силах, и ему приходится покоряться Танскому монаху, так как при малейшем неповиновении монах начинает читать заклинание, и обруч тотчас же сжимается, причиняя Сунь У-куну невыносимую боль.

---

[1] Даосское божество.

Другим, заслуживающим внимание, героем романа является Чжу Ба-цзе. Как и Сунь У-кун, хотя и в меньшей степени, Чжу Ба-цзе наделен чудесными способностями. Когда-то он был небесным полководцем, но за пристрастие к вину, несвойственные небожителям земные страсти и учиненное буйство был изгнан с неба. Бесхитростный, неуклюжий, грубоватый, любитель вкусно поесть и сладко поспать, он с трудом преодолевает пристрастие к земным радостям. Однако благодаря именно этим человеческим слабостям все действия и рассуждения Чжу Ба-цзе становятся близкими и понятными читателю. За простоту и бесхитростность Чжу Ба-цзе прозвали «Дурнем». Из-за своих слабостей Чжу Ба-цзе постоянно попадает в трудные и нелепые положения, вызывает насмешки Сунь У-куна. И все же, несмотря на свои недостатки, Чжу Ба-цзе завоевывает симпатию читателя. Читатель видит перед собой не духа, а живого человека со всеми его земными страстями и недостатками, понятными ему привычками и наклонностями. Однако следует сказать, что Чжу Ба-цзе свойственны не только недостатки. Автор наделяет его также и положительными качествами. Это существо в высшей степени жизнерадостное, незлобивое. Он не боится труда, храбр и вынослив. Несмотря на то что он иногда сомневается в правильности избранного им пути, он верен обету, данному бодисатве Гуаньинь, и добросовестно выполняет свой долг. Он приходит на помощь Сунь У-куну, когда тот попадает в беду, хотя и не упускает случая выместить на нем обиду за его издевки.

Китайские литературоведы не без основания считают, что в образе Чжу Ба-цзе автор правдиво отобразил характерные черты китайского крестьянина. Об этом свидетельствует и тот факт, что вначале Чжу Ба-цзе выступает зятем старшины Гао, в деревне Гаолаочжуан, в семью которого он был принят как хороший работник. Чжу Ба-цзе, скрепя сердце, расстается с деревней, но не теряет надежды снова вернуться туда. Наконец об этом же говорят грабли, которые служат Чжу Ба-цзе и как сельскохозяйственное орудие и как грозное оружие в сражении.

IV

В течение многих веков в Китае одновременно господствовали три религии: конфуцианство, буддизм и даосизм *. Представители этих религиозных направлений мирно уживались друг с другом, хотя временами между ними и возникало довольно острое соперничество за власть и влияние при императорском дворе. Такое длительное сосуществование привело к тому, что народ с трудом отличал одну религию от другой. Когда возникала необходимость обратиться за помощью к какому-нибудь высшему божеству, то обращались к тому из них, которое по народному представлению могло быть полезным для данного случая, независимо от того, к пантеону какой из этих трех религий оно относилось.

Персонажи романа в основном являются последователями двух из перечисленных выше религий: буддизма и даосизма. Конфуцианство упоминается лишь вскользь.

Являлся ли автор последователем буддизма, неизвестно, однако несомненно, что персонажи его романа — почитатели буддизма — пользуются у него большей симпатией, нежели представители даосизма. Буддисты — это серьезные и положительные герои. Даосы же показаны недалекими, лживыми, способ-

ными обманом завоевать власть и притеснять народ. В состязаниях и схватках почитателей буддизма с даосами верх почти всегда берут буддисты.

Тем не менее по ходу романа буддисты и даосы часто помогают друг другу. Так, Нефритовый император просит у Будды помощи для усмирения взбунтовавшегося Царя обезьян; охрану Танского монаха в его поездке на Запад несут как буддийские, так и даосские духи; Танский монах водит дружбу с даосскими праведниками, Сунь У-кун обращается за помощью к даосским небожителям.

V

Заимствуя лучшие традиции старого, У Чэн-энь создал новый вид китайской национальной художественной литературы — фантастический роман, в котором он в аллегорической форме выступил с резким осуждением существовавших в его время общественных порядков.

Среди китайских критиков существуют две точки зрения.

Одни считают, что хотя в романе «Путешествие на Запад» нет прямых указаний на крестьянские восстания, там в образе злых духов, с которыми Сунь У-кун ведет неутомимую борьбу на протяжении всего романа, ярко и правдиво показаны чиновники того времени и раскрыта сущность господствующего класса.

Другие же считают, что усматривать в борьбе Сунь У-куна элементы отражения крестьянских войн, значит упрощенно подходить к исследованию романа.

Представляется несомненным тот факт, что У Чэн-энь как великий писатель и художник не мог не раскрыть, хотя бы в иносказательной форме, картину общественной жизни своей эпохи. В этом именно и заключается большое социальное значение его романа. Но в силу своей исторической ограниченности и классового происхождения автор, естественно, не сумел определить конечную цель борьбы народа против угнетателей. Поэтому устами своих героев он высказал лишь пожелание, чтобы правители были более мудрыми и справедливыми, а отнюдь не ставил вопроса о том, чтобы избавиться от них совсем, несмотря на все их пороки, тупость и жестокость.

Как известно, глубокое и правильное отображение жизни общества соответствующей эпохи является основным критерием оценки художественного произведения. Поэтому чем правильнее и богаче художник отображает в своем произведении жизнь современного ему общества, тем большую социальную значимость приобретает его произведение, тем выше становится художественная ценность его творческого труда.

Роман «Путешествие на Запад» выдержал испытание временем, являясь в течение нескольких веков одной из любимейших книг в Китае. Пьесы о Царе обезьян, главном герое романа «Путешествие на Запад», столетиями не сходят со сцены китайских театров, доставляя высокое эстетическое наслаждение зрителям. Сам роман неоднократно переиздавался. Отрывки из него помещаются во всех школьных хрестоматиях и учебных пособиях, постоянно перепечатываются в современных газетах и журналах.

Несмотря на кажущуюся фантастичность героев и нереальность обстановки в романе, произведение это понятно и близко китайскому народу.

Необходимо отметить, что сама фантастика в романе У Чэн-эня постоянно переплетается с действительностью. Исторические личности наделяются сверхъестественными фантастическими качествами. Танского императора Тай-цзуна фантазия автора направляет в потусторонний мир на загробное судилище.

Он присутствует при разбирательстве возбужденного против него казненным драконом дела. Попав в мир тьмы, император встречает души умерших родственников, а также души людей, погибших по его вине. Чтобы избавиться от их назойливых требований, императору приходится откупаться. И, наконец, очевидно в назидание Тай-цзуну, прежде чем отпустить его в царство света, его проводят через восемнадцать отделений ада, в которых пребывают души различных грешников, подвергающихся всевозможным видам кары, в зависимости от совершенных ими при жизни преступлений.

Очень интересно то обстоятельство, что духи наделены автором не только сверхъестественными качествами. Они живут в обычных жилищах, как и человек, нуждаются в одежде и пище, женятся и рожают детей, ездят в гости, на охоту — в общем делают все то, что свойственно простым смертным. Доспехи и оружие духов-воинов такое, какое было в XVI веке. Описание боев представляет несомненный интерес для тех, кто изучает историю военного дела, тем более что устами духов — героев романа автор часто рассказывает о тех или иных законах ведения боя, упоминаемых в древних военных трактатах.

Наделяя духов человеческими свойствами, У Чэн-энь, естественно, приписывает им качества, присущие представителям общества его времени. Следовательно, герои его романа выступают как представители того или иного класса или сословия.

Описывает ли автор небо, землю или подземное царство, читатель всюду может заметить одни и те же формы общественной организации: правитель, сановники, чиновники, хозяева — владетели гор, рек, монастырей, слуги, простой народ. И взаимоотношения между представителями перечисленных сословий в указанных трех мирах — на небе, на земле и в подземном царстве — такие, какими они были на земле. Благодаря этому роман понятен широкому китайскому читателю.

Такая фантастика, которая заставляет читателя видеть перед собой живые существа, переживать вместе с героями романа их неудачи и радоваться их успехам, и дает основание китайским литературоведам, несмотря на кажущееся несоответствие, рассматривать роман «Путешествие на Запад» как реалистическое художественное произведение, как отображение современного автору феодального общества.

Роман «Путешествие на Запад» несомненно вызовет у советского читателя живой интерес. В яркой, увлекательной художественной форме он познакомит читателя с жизнью и бытом средневекового Китая, с древними верованиями и обычаями китайцев. Путешествуя по воле автора вместе с героями его романа по небу, земле и преисподней, читатель попадает в такие уголки и закоулки, знакомится с такими деталями жизни китайского народа, о которых он вряд ли узнает из специальных учебников истории и этнографии Китая.

Перед читателем развертываются картины жизни и быта знати и господствующего класса феодального Китая: описание дворцов, официальных приемов, пиров, боев; описание внутреннего убранства помещений, парадной

одежды, боевых доспехов. В романе много ценного материала, касающегося архитектуры и устройства буддийских и даосских храмов и монастырей, распорядка жизни в этих монастырях, описание религиозных споров и распрей, происходивших между представителями различных вероисповеданий, и изложение сущности религий, описание храмовых богослужений, одеяний духовенства и много других любопытных вещей.

Интересны подробности, касающиеся процедуры оформления охранных грамот, получения Танским монахом транзитных виз.

Во многих местах автор описывает жизнь охотников, земледельцев, ремесленников, помещиков, их дома, усадьбы, одежду.

Перед читателем проходит бесконечная галерея персонажей романа: императоры, сановники, полководцы, чиновники, торговцы, монахи, рыболовы, охотники, содержатели гостиниц, ремесленники, дровосеки, гадальщики, колдуны и злые духи. Каждый из этих персонажей представляет собой яркий запоминающийся образ, данный автором в реальной специфической для каждого из героев обстановке.

Самым подробным образом описана флора и фауна Китая. Читатель может найти много сведений о зверях, птицах, домашних животных, обитателях гор и рек.

Таким образом, роман У Чэн-эня не только очень интересная, увлекательная книга, но и ценная энциклопедия о средневековом Китае, из которой читатель сможет почерпнуть для себя самые разнообразные сведения о жизни и быте китайского народа.

VI

В заключение следует сказать несколько слов об У Чэн-эне как поэте. На протяжении многовековой истории поэзия пользовалась в Китае особым почетом и уважением. Одним из главных атрибутов образованного человека было знание на память классической поэзии и умение писать стихи. Поэтическое творчество, требовавшее, помимо таланта, широкого образования, глубокого знания литературы своей страны, обычно являлось привилегией знати и господствующих классов. Но, несмотря на это, народ также любил и ценил поэзию.

Наибольшее развитие китайская поэзия получила при Танской династии. Это была эпоха расцвета культуры, искусства, живописи. Доказательством широкого распространения поэзии может служить «Антология Танской поэзии», изданная при Цинском императоре Кан-си (1662—1722 гг.), которая состоит из 900 томов, включающих более чем 48 900 поэтических произведений, написанных 2300 поэтами. Если учесть, что эта Антология далеко не полная и что в нее включены наиболее выдающиеся поэтические произведения только Танской эпохи, то станет ясным, что в Китае поэзия не была достоянием узкого круга привилегированных классов, а широко распространилась в народе.

В романе «Путешествие на Запад» автор широко пользуется поэтической формой повествования. Нет почти ни одной главы, в которой У Чэн-энь не прибегал бы к стихотворной форме для выражения своих чувств, мыслей, раздумий. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на то что стихотворения представляют собой один из излюбленных приемов повествования, широко применяемых в произведениях китайской классической прозы, нет ни одного

крупного произведения, в котором стихи занимали бы такое значительное место, как в романе «Путешествие на Запад».

Не углубляясь в ритмику китайского стиха и поэтики, которые требуют специального изучения, нельзя не отметить того разнообразия жанров и настроений, посредством которых автор выражает свои мысли и чувства. Стихи У Чэн-эня органически связаны со всем ходом повествования, и читатель чувствует, что появляются они тогда, когда душа писателя переполнена возвышенными эмоциями и свои мысли он может передать только высоким слогом, отвечающим этим эмоциям.

В У Чэн-эне чудесным образом сочетались дарование прозаика-сатирика и замечательного лирического поэта. В стихах он выразил любовь к родной земле, воспел ее историю, природу, людей. Стихами он излагает свои философские раздумья о бренности и суетности мира.

У Чэн-энь любил и знал поэзию и потому так широко и умело применял ее для создания своего произведения. В его стихах отражены всевозможные стили: здесь есть и песенное творчество, и стихи, воспевающие героику, доблесть и отвагу; стихи, посвященные описаниям природы. Здесь читатель может встретить и волнующую, задушевную лирику и отголоски древних мифов, в стихах автор выражает свои философские размышления о мире, жизни и бытии, в поэтической форме герои романа рассказывают о своей жизни. Стихами автор описывает и бои, ведущиеся его героями, и их боевые доспехи, и оружие. Даже описание дворцов, храмов и монастырей, убранство помещений, пиршеств и яств, описание отдельных персонажей дается автором в поэтической форме.

Необходимо особо отметить то обстоятельство, что каждое стихотворение У Чэн-эня, несмотря на кажущуюся иногда фантастичность, не представляет собой абстракции, не оторвано от действительности. Напротив, его стихи глубоко реалистичны.

Приведем, например, разговор в стихах двух друзей — дровосека и рыбака. Эти стихи не только дают читателю в живых и ярких образах полное представление о жизни и быте простых тружеников, они, кроме того, полны жизнеутверждающего оптимизма. Устами своих героев автор воспевает жизнь на лоне природы, говорит о том, что счастье и радость люди могут найти только в близком общении с природой. Он отрицательно относится к городской культуре, к призрачности мирской славы, богатству и почету. Здесь, как и в других местах романа, отражены личные настроения У Чэн-эня, вызванные неудачами на служебном поприще.

Ввиду обширности материала здесь нет возможности остановиться хотя бы вкратце на перечислении всех тем и мыслей, которым автор в ходе своего повествования считает необходимым придать поэтическую форму. Нельзя не отметить лишь того, что вся поэзия У Чэн-эня глубоко связана с народными традициями, с китайским фольклором. Народность проявляется и в описании природы и в описании боев, где мечи сравниваются с коноплей, а лук — с серпом луны. Другие сравнения также близки к жизни, к народу: лицо старухи сравнивается с чайным сморщенным листом, пасть чудовища — с кузнечным горном, клыки — с шилом, губы — с вялыми листьями лотоса. Цвет одежды сравнивается то с желтым пухом гусенка, то с нежно-зеленой веткой ивы.

И, наконец, для иллюстрации того, насколько стихи У Чэн-эня реалистически описывают окружающий мир, укажем на небольшое стихотворение в

главе 35-й «От станции к станции десять ли», в котором дается картина государства, с определенным административным делением, четким распорядком жизни городов, хорошо налаженной связью как на суше, так и на воде. Любое стихотворение У Чэн-эня, посвященное описанию хижин, селений, усадеб, монастырей или городов, отличается большой силой изобразительности и высокой художественностью.

Отражение своеобразной символики китайского фольклора видно в описании похода водяного царства рыб, крабов, черепах. В романе упоминаются многие герои старинных народных сказаний и китайской мифологии: здесь мы встретим Пань-гу — установившего порядок на земле, великого Юя — усмирившего водную стихию, Нюй-ва — починившую небо, Янь-вана — владыку ада, не говоря уже о персонажах народных преданий, о мифических зверях и птицах: Цилине, фениксе, драконах, лисах и других животных.

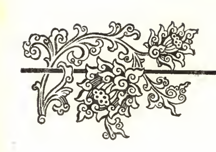
* * *

Роман У Чэн-эня переведен на русский язык впервые. Перевод осуществлен с пекинского издания 1954 года, выпущенного издательством «Писатель». В предисловии к этому изданию сообщается, что, прежде чем выпустить роман в свет, над текстом была проделана большая редакционная работа, позволившая внести исправления и устранить неточности. В основу этой работы были взяты как издания романа при Минской династии (XVI в.), так и более поздние издания, появившиеся в эпоху Цинской династии.

При чтении романа «Путешествие на Запад» советский читатель будет испытывать некоторые затруднения с запоминанием собственных имен и наименований. Как известно, в старом Китае человек имел несколько имен и прозвищ. Так, главный герой романа Сунь У-кун, встречается в тексте под самыми различными именами: Царь обезьян, Великий Мудрец, равный небу, Странствующий монах, бимавэнь (небесный конюший) и т. д. Сюань-цзан выступает под именем «Монаха, принесенного рекой», Танского монаха, Цзинь-чана — законоучителя, аскета, Трипитаки и т. д. Там, где это было возможно, в переводе мы старались придерживаться какого-нибудь одного имени или прозвища. Остальные имена или прозвища употреблялись только в тех случаях, когда этого требовал контекст.

А. Рогачев

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

которая расскажет вам о том, как в чудесном камне зародилась жизнь и как появившееся на свет существо, благодаря стремлению к самоусовершенствованию, постигло Великое учение

Стихи гласят:

Когда владел вселенной хаос * темный,
То покрывали весь простор огромный
И мрак, и мгла, и мутная вода,
Людского не виднелось здесь следа.

С тех пор, когда Пань-гу * в порядок стройный
Привел начальный хаос беспокойный,
Земля и Воздух им разделены
И каждому созданию даны.

Так почвою земля отныне стала,
И небо распростерло покрывало;
За эту милость тварь благодарит,
Все принимает совершенный вид.

Пусть тот, кто пожелает разуменья
Великого потока становленья,
«На Запад путешествие» возьмет,
Внимательно и тщательно прочтет![1]

Говорят, что жизнь вселенной исчисляется циклами. Полный цикл длится 129 600 лет. Цикл в свою очередь делится на двенадцать периодов, или двенадцать земных ветвей: Цзы, Чоу, Инь, Мао, Чэнь, Сы, У, Вэй, Шэнь, Ю, Сюй и Хай. Продолжительность такого периода 10 800 лет.

---

[1] С первой по десятую главу включительно (кроме некоторых страниц) стихи в обработке Н. Павлович.

Если говорить о периодах применительно к суткам, то мы узнаем, что каждый период длится два часа. В период Цзы (между 11 часами вечера и часом ночи) появляется положительное начало созидания;* в период Чоу раздается пение петуха. Когда наступает Инь, еще не светает, а во время Мао уже всходит солнце. Период Чэнь приходит после того, как люди поедят, а в период Сы приводятся в порядок дела. Полдень приходится на У, во время Вэй солнце начинает катиться на запад, в период Шэнь день уже клонится к вечеру. В период Ю солнце заходит за горизонт, когда наступает Сюй спускаются сумерки, и в период Хай все люди отходят ко сну.

Если теми же периодами исчислять историю мироздания, то происходит следующее. К концу периода Сюй вселенная погружается во мрак, и для всех живых существ наступают бедствия. По истечении 5400 лет, в начале периода Хай, не остается даже следов человека. Все окутано мраком. Поэтому-то и называют период Хай царством хаоса. Но проходит еще 5400 лет и перед концом периода Хай появляются признаки чистоты, а при приближении периода Цзы начинается постепенное просветление. Об этом периоде Шао Кан-цзе [1] говорит так:

По середине Цзы
Зима была бессменно,
И неподвижно
Замер центр вселенной.
С движеньем
Животворного начала
Явленье жизни
Вэй знаменовало.

Только в этот период возникают признаки образования неба. Через следующие 5400 лет, в период Цзы, чистые пары возносятся вверх и появляются солнце, луна, звезды и разные созвездия, называемые четырьмя видами небесных светил. Недаром говорят, что небо появилось в период Цзы.

По истечении следующих 5400 лет, когда период Цзы уже завершается и приближается период Чоу, начинает появляться твердь. Вот что написано об этом в книге Ицзин [2].

Нет меры беспредельности небесной,
О, как земля огромна и чудесна!
Законы неба держат в подчиненье
Всего живого в мире зарожденье.

К этому времени масса земли начинает сгущаться, постепенно затвердевает. Проходит еще 5400 лет, и в период Чоу твердеющая масса опускается; образуются вода, огонь, горы,

[1] Шао Кан-цзе, он же Шао Юн (1011—1077 гг.). Ученый Сунской эпохи (960—1278 гг.). Комментатор книги Ицзин.

[2] Ицзин — книга Перемен. Третья книга Конфуцианского Пятикнижия.

камни, земля — пять элементов *, которые получили название пяти стихий. Поэтому и говорят, что земля появилась в период Чоу.

Через следующие 5400 лет период Чоу кончается, и с наступлением периода Инь на земле зарождается жизнь. Вот что написано об этом времени в календаре:

Дух неба опустился с высоты,
И к небесам свой дух земля послала,
От сочетанья неба и земли
Живого на земле первоначало.

В период Чоу небо полностью отделяется от земли и силы Ян и Инь — положительного и отрицательного начал — приходят во взаимодействие. Проходит еще 5400 лет, и наступает период Инь. В этот период появляются живые существа и человек. Недаром говорится, что к этому времени три начала — Небо, Земля и Человек — заняли свои места. Вот почему и говорят, что человек появился в период Инь.

После того как Пань-гу преобразовал первобытный хаос на земле, три императора устроили мир, а пять императоров установили отношения между людьми[1]. Земля разделилась на четыре больших материка: Пурвавидеха, Джамбудвипа, Годанья и Курудвипа *. Но в нашей книге речь пойдет лишь о материке Пурвавидеха.

Была за морем страна и называлась она Аолайго. Страна эта прилегала к великому морю, посреди которого возвышалась Гора цветов и плодов. Она образовалась после того как отделились друг от друга небо и земля и был положен конец хаосу. От этой горы шли подземные жилы *, питавшие десять больших островов и являвшиеся источником благоденствия трех малых островов, населенных небожителями.

Это была поистине чудесная возвышенность, доказательством чего служит хвала, которую ей воздали в стихах:

Она по положенью своему
Владычицею стала над морями,
По грозному величью своему
Над бурными господствует морями.

Волн перламутр смиряется пред ней,
Но если волны серебристо-серы,
И кажутся горами серебра,
То рыбки робко прячутся в пещеры.

Когда ж она в величии своем
Встает державно, над волной зеленой,
Чудовище, живущее на дне,
Вдруг выплывает из морского лона.

---

[1] Три мифических императора — Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди и пять императоров, живших, по преданию, в 2952—2205 гг. до н. э.

И дерева стихии, и огня
Взлетают ввысь, зияет море щелью,
Здесь вся гора в обрывах страшных скал,
Здесь красные, глубокие ущелья.

Здесь фениксов четы всегда поют,
Уходят ввысь заостренные пики,
А у подножья гор лежит Цилинь *,
Фазанов золотых не молкнут крики.

И часто можно видеть у пещер
Драконов, выходящих и входящих,
И можно встретить оборотней лис,
Оленей долговечных в горных чащах.

И птицы там разумные живут,
Там аист мудрый, там прекрасны сосны,
В цветенье вечном редкие цветы,
И персики волшебно плодоносны.

И кажется весенним кипарис,
А на бамбуке задержались тучи,
Всегда свежа и зелена трава,
В долинах горных — сеть лиан могучих.

Поистине возможно говорить,
Что многих рек здесь чудное скрещенье,
Что эту гору — корень всей земли —
Не возмутят стихийные волненья,

Что бедствия бессильны перед ней,
Она стоит твердыней непреклонной,
Поддерживая весь небесный свод,
Как непоколебимая колонна.

На вершине Горы цветов и плодов стоял волшебный камень, высотой в три чжана [1], шесть чи и пять цуней и окружностью в два чжана и четыре чи. Три чжана, шесть чи и пять цуней составляют триста шестьдесят пять цуней, что соответствовало тремстам шестидесяти пяти дням, в течение которых происходит смена года на земле. Два чжана и четыре чи составляют двадцать четыре чи, что соответствует двадцати четырем периодам года, указанным в императорском календаре. На горе было девять углублений и восемь отверстий, что соответствовало восьми триграммам * и девяти гунам * в исчислении.

Вокруг этого камня не росли деревья, которые могли бы защитить его от горячих лучей солнца, однако там зеленела душистая трава и цвели чудесные цветы чжи-лань, приносящие долголетие.

Прошло много времени, и вот небо и благоухания земли, животворная энергия солнечных лучей и сияние луны словно вдохнули жизнь в скалу, и она зачала чудесный плод. Однажды

[1] Чжан — мера длины, равная 3,2 метра, чжан равен 1 чи; 1 чи равен 10 цуням.

скала эта раскололась и произвела на свет каменное яйцо величиной с мяч. Под действием ветра это яйцо постепенно развивалось и наконец превратилось в каменную обезьяну, наделенную всеми пятью органами чувств и четырьмя конечностями. Обезьяна сразу же выучилась карабкаться и бегать.

Прежде всего она поклонилась иа все четыре стороны и, совершая поклоны, устремила свой взор вдаль. Сверкавшие золотом лучи ее глаз достигли дворца созвездия Полярной звезды *, и сияние этих лучей так встревожило священного властителя неба — всемилостивого высочайшего Нефритового императора* восседавшего в это время в тронном зале в высших сферах неба в окружении священных сановников, что он приказал своим придворным Всевидящему глазу и Всеслышащему уху открыть Южные ворота неба и разузнать, что происходит.

Выполняя приказ своего повелителя, оба небесных сановника вышли за ворота, тщательно все осмотрели, прислушались и, возвратившись, доложили:

— По вашему повелению мы установили, что золотистый свет исходит из страны Аолайго, расположенной на материке Пурвавидеха, в восточной части моря. Там стоит Гора цветов и плодов, а на ней священная скала. Скала эта произвела на свет яйцо, которое под действием ветра превратилось в каменную обезьяну. И вот, когда эта обезьяна совершала поклоны, лучи света, исходящие из ее глаз, достигли дворца Полярной звезды. Сейчас обезьяна стала пить воду и есть пищу, поэтому блеск ее глаз уже тускнеет.

Выслушав такое сообщение, Нефритовый император соизволил склониться, удостоил сановников взглядом и милостиво промолвил:

— Создания, живущие там, внизу, появились в результате взаимодействия животворной силы неба и земли, и поэтому подобное событие не может вызывать удивления.

Между тем, обезьяна, живя в горах, научилась ходить, бегать и скакать. Она питалась травой и растениями, утоляла жажду из ручьев и источников, собирала горные цветы и отыскивала на деревьях плоды. Ее постоянно сопровождали волки и пантеры; она была дружна также с тиграми и барсами, ланями и оленями. Родственные ей породы обезьян окружали ее. На ночь обезьяна устраивалась под утесами, а с наступлением дня отправлялась бродить по горным пикам и ущельям. Поистине про нее можно было сказать:

В горах мгновеньям
Не ведётся счет,
Кому же знать,
Который ныне год?

Однажды утром, когда уже наступила сильная жара, обезьяна в сопровождении своих приятелей, укрывшись в тени сосен,

предавалась играм и забавам. Вы только посмотрите, что они проделывали:

Взбирались они на деревья,
В игре проводили все дни,
Но Будду они почитали,
И кланялись небу они.

Карабкались резво по веткам,
И в ямы бросались стремглав,
Песчаные строили башни
И туфли сплетали из трав.

Искали плодов они вкусных,
Красивых цветов для венка,
Купались они и плескались
В прозрачной воде родника;

Чесались, ища насекомых,
И блох выгрызали в шерсти,
Толпились, теснились, толкались,
Другим не давая пройти.

И вот как-то раз это стадо обезьян, вдоволь нарезвившись, отправилось к горному потоку купаться.

Глядя на его бурные воды, которые перекатывались, словно дыни, обезьяны задумались. «И птицы и животные имеют свой язык» — гласит старая поговорка.

— Никто не знает, откуда течет эта вода,— говорили между собой обезьяны.— Делать сегодня нечего, не отправиться ли нам ради забавы вверх по течению потока, чтобы посмотреть, откуда он берет свое начало! Кликнув младших и старших братьев, таща за собой детенышей, они с веселым шумом гурьбой стали карабкаться в гору, к тому месту, откуда начинался поток. И здесь они увидели водопад. Это было поистине великолепное зрелище.

Здесь, радугою трепеща,
Спадала лента водопада.
И в мириадах брызг цветных
Стояла горная громада.

Морского ветра никогда
Не прекращалось дуновенье.
Стекавший по траве ручей
Поил прибрежные растенья.

Холодный воздух наполнял
Скалистых круч разрез природный.
Поистине тот водопад
Был дивной занавесью водной.

— Что за прелесть! Какая чудесная вода! — в один голос закричали обезьяны, хлопая от восторга в ладоши.— Так вот откуда, оказывается, вытекает поток. Беря начало у подножья этой горы, вода проделывает огромный путь к далекому морю. Если бы среди нас нашелся кто-нибудь, кто решился бы проник-

нуть через этот водный занавес,— продолжали они,— и вернулся бы цел и невредим, мы сделали бы его своим царем.

И вот, когда они повторили это несколько раз подряд, из толпы выскочила каменная обезьяна.

— Я пойду! Я пойду! — громко крикнула она.

О, дорогая обезьяна!—
Ведь это вызвалась она!
В тот день решающий, великий
Она прославиться должна.

Ей уготовано жилище
И предназначены пути,
Чтоб в этот самый день отсюда
В чертог небесных сил взойти.

Теперь послушайте, что сделала наша обезьяна. Она зажмурила глаза, присела на корточки, затем распрямилась и одним прыжком перемахнула через струю водопада. И вот, когда она открыла глаза и, подняв голову, осмотрелась, ни воды, ни волн уже не было. Ее глазам представился большой мост во всем блеске.

Замерев на месте, она с затаенным дыханием стала рассматривать его. Мост был сделан из железа. Вода под ним била струей из скалы и затопляла вокруг все пространство. Наклонившись немного вперед, обезьяна взобралась на мост и, осмотревшись по сторонам, вдруг увидела перед собой что-то вроде жилища. Что это было за прекрасное зрелище!

Всюду расстилался
Мох ковром зеленым;
Облака скользили
Вдаль по небосклону.

То они сверкали,
То они белели,
То они, как яшма,
В небе розовели.

Через окна видишь
Тихие покои:
Отшлифован камень
Опытной рукою.

Гладкие скамейки,
Каменные ложа,
Чаши и кувшины —
На цветы похожи.

Влага чуть сочится
Из расселин в скалах,
Как глаза драконьи,
Светится в кристаллах.

Есть цветы живые
И теперь в жилище;
На столах остатки
И питья и пищи;

Очага обломки,
След огня былого...
И казалось, люди
Поселятся снова.

Рос бамбук у входа,
Зеленели сосны,
Зацветала слива,
Сеял дождик росный.

Обезьяна долго рассматривала все это, затем перебралась на середину моста и здесь увидела каменную плиту, на которой большими квадратными знаками была сделана надпись: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса — обитель бессмертных».

Прочитав это, обезьяна пришла в неистовый восторг. Она бросилась назад, закрыла глаза, присела и, сделав прыжок, снова очутилась за струей водопада.

— Ну и удача! — громко закричала она.— Нам просто счастье привалило!

— Что же там такое? — окружив ее, стали расспрашивать другие обезьяны.— Очень глубоко?

— Да там совсем нет воды,— отвечала каменная обезьяна.— Там стоит большой железный мост, а рядом с ним возвышается дом, созданный самим небом и землей.

— С чего ты взяла, что это дом? — снова спросили ее.

— А вот с чего,— продолжала каменная обезьяна,— вода вырывается из расщелины в скале и, протекая под мостом, заполняет собой все пространство. А за мостом, там где растут цветы и деревья, стоит каменный дом. В нем все сделано из камня: и котлы, и очаги, и чашки, и посуда, а также кровати и скамьи. Я видела там каменную плиту с надписью: «Благословенная земля на Горе цветов и плодов, Пещера водного занавеса — обитель бессмертных». Это великолепный уголок для нас. Там очень просторно и места хватит на тысячи таких, как мы. Давайте все вместе отправимся туда и станем жить. Это будет для нас прекрасным убежищем в любую погоду.

Возможно было спрятаться от ветра,
Убежище подобное найдя,
Возможно было отдыхать спокойно,
Не опасаясь бури и дождя.

Возможно было не бояться снега;
Сюда не долетал весенний гром...
Здесь розовое облако блистало,
Дышал благоуханьем светлый дом.

Бамбук вставал и зеленели сосны,
Был круглый год прекрасен их убор;
Здесь никогда цветы не увядали
И красотою восхищали взор.

Выслушав каменную обезьяну, остальные обезьяны пришли в восторг и закричали:

— Ну, что же, в таком случае ты иди первая и веди нас за собой.

Тут каменная обезьяна снова закрыла глаза, присела на корточки и прыгнула.

— Следуйте за мной! — крикнула она.— Идите все сюда!

Те, что были посмелее, тотчас же прыгнули вслед за ней, а трусливые лишь вытягивали и втягивали голову, почесывали за ушами и потирали от волнения щеки. Но наконец вся ватага с шумом и криком ринулась вперед, и вскоре все они очутились за водопадом. Тут обезьяны стали карабкаться на мост, хватать тарелки и чашки, дрались друг с другом из-за очагов и кроватей, перетаскивали вещи с места на место, словом, вели себя так, как и полагается обезьянам, обладающим буйным, озорным характером. Они ни на минуту не успокоились до тех пор, пока вся эта суматоха окончательно не утомила их. Лишь тогда они притихли. Тут каменная обезьяна уселась на возвышении и, приняв чинный вид, заявила:

— Друзья мои! Пословица гласит: «С человеком, которому нельзя верить, не следует иметь дела». Не вы ли только что говорили, что того, кто сумеет пройти сюда и возвратиться невредимым, вы сделаете своим царем. И вот я не только вошла сюда и возвратилась назад, но и привела всех вас на это место, нашла убежище, где вы можете спокойно отдыхать, спать и наслаждаться благополучием людей, имеющих свое собственное жилище. Почему же вы не приветствуете меня как своего повелителя?

Выслушав это, обезьяны почтительно сложили ладони рук и выразили свою покорность. Затем все они выстроились в ряд по старшинству и, почтительно кланяясь ей, воскликнули:

— Да здравствует великий государь!

Взойдя на возвышение, обезьяна не пожелала больше называться «каменной», а стала величать себя: «Прекрасный царь обезьян». Об этом рассказывается в стихах:

Если пробуждается природа,
Силы жизни в ней пробуждены.
И таит в себе священный камень
Семена и солнца и луны.

Из яйца родилась обезьяна,
Постепенно к истине пришла,
Имя новое себе снискала
И бессмертья камень обрела.

Внутреннюю сущность обезьяны
Невозможно было бы познать —
У нее нет образа и формы,
Как же этот образ начертать!

Внешнее же было очень ясно —
Ведь таков весь человечий род:
Государем быть захочет каждый,
Мудростью снискать себе почет.

Возглавив обезьянье царство, Прекрасный царь обезьян разделил своих подданных на группы и распределил между ними должности сановников и их помощников. Днем обезьяны разгуливали по Горе цветов и плодов, а с наступлением ночи устраивались на ночлег в Пещере водного занавеса. Жили они в дружбе и согласии, от птиц и зверей держались особняком. Сердце Царя обезьян было исполнено радости: ведь он стал независимым правителем. Поистине:

И пища и питье
Для них цветы —
Весной;
Плоды
Они вкушали
В летний зной;
А овощи
Их осенью питали;
Увядшую траву
Зимою собирали.

Довольно долго наслаждался этой простой, беззаботной жизнью Прекрасный царь обезьян, пока однажды, когда все обезьяны предавались веселью на пиру, он вдруг загрустил и разразился слезами. Увидев это, обезьяны встревожились, выстроились перед ним и, почтительно склонившись, спросили:

— Что вас так опечалило, великий государь?

— Даже сейчас, во время веселья, меня не покидает забота о будущем; вот о чем я печалюсь,— ответил им Прекрасный царь обезьян.

— Никак не угодишь на вас, великий государь,— сказали в ответ на это смеясь обезьяны.— Мы, что ни день, весело проводим время, живем в благословенных местах среди волшебных гор, в древних пещерах и на священных островах. Мы не подвластны ни единорогу, ни фениксу. Нас не притесняют также правители людей, и мы наслаждаемся полной свободой и безграничным счастьем. Что же может заботить и печалить вас, великий государь?

— Хотя сейчас мы и не подчинены законам человеческих правителей и можем не бояться ни зверей, ни птиц, но вот в будущем, когда я состарюсь и стану дряхлым, в один прекрасный день владыка преисподней Янь-ван прервет мою жизнь. Так разве не напрасно проживу я свою жизнь, если не сумею добиться бессмертия и остаться навсегда среди небожителей?

Выслушав это, обезьяны закрыли лица руками и горько заплакали; каждая из них думала о своем смертном уделе и бренности жизни. Вдруг в этот момент выскочила вперед какая-то обезьяна и громко крикнула:

— Раз вы, великий государь, стали беспокоиться о будущем, то это значит, что в вас зародилось стремление познать путь Истины — Дао! * Из живущих на земле существ только три категории* не подчинены владыке преисподней Янь-вану.

— Что же это за категории? — с живостью спросил царь.

— Это — Будда, бессмертные и мудрецы,— отвечала обезьяна.— Они не подчиняются законам жизни, перевоплощения * и разрушения; они вечны, как небо и земля, как горы и реки.

— А где же находятся эти небожители? — спросил повелитель обезьян.

— Они живут в стране Джамбудвипа, на священной горе, в древней пещере,— отвечала обезьяна.

Услышав это, Царь обезьян очень обрадовался и сказал:

— Тогда я завтра же распрощаюсь с вами, спущусь с горы и отправлюсь вслед за облаками. Пусть даже мне придется идти на край света, я непременно должен найти бессмертных, чтобы научиться у них бессмертию и навсегда избежать власти Янь-вана — владыки преисподней.

И что же вы думаете?! Слова эти были сказаны не напрасно. Царь обезьян научился, как избавиться от мук перевоплощения и в конце концов стал Великим Мудрецом, равным небу.

А обезьяны громко захлопали в ладоши:

— Вот и чудесно! — кричали они.— Вот и прекрасно! Завтра мы обойдем горы и холмы, наберем фруктов и ягод и устроим большое пиршество в честь отъезда нашего повелителя.

И действительно, на следующий день обезьяны отправились собирать волшебные персики и невиданные плоды. Накопали горных корнеплодов, собрали лечебные травы, орхидеи, душистые цветы и другие удивительные растения. Все это они аккуратно разложили на каменных скамьях и столах, а затем подали великолепную еду и напитки. Чего здесь только не было!

Вот пилюли золотые,
Шарики жемчужные!
Вот и вишни восковые,
Вишни в пору вьюжиую.

Это косточки краснеют,
Мякоть — желтовата;
Цвет — чудесен; вкус приятен!
Сладость аромата.

Золотистые пилюли,
Жемчуга зернистые...
Вот плоды созревшей сливы,
Сочные, душистые!

Это косточки краснеют,
Мякоть желтовата,
Слива зимняя прекрасна,
Нежно-кисловата.

Плод похож на виноградный,
Кожица — атласная.
Плод лайчи с малюткой косточкой,
Мякоть — ярко-красная.

Яблоки приносят с ветками,
А кизил — с листочками;
Головам подобны заячьим
Эти груши сочные.

Формой финики кунжутные,
Как сердца куриные,
А плоды личжи[1], с агатовой
Твердой сердцевиною.

Абрикосы здесь и персики
Как вино небесное,
И бодрят они с похмелья
Сладостью чудесною.

Здесь лежат арбузы красные,
С семечками черными
И гранаты переспелые
С жемчугами-зернами.

Нежный вкус настоек грушевых
Чистых, прохладительных,
Виноградных вин и сливовых,
Крепостью живительных.

Апельсины, мандарины
Горкою высокою,
И хурма четырехдольная
И золотобокая.

Абрикос — годятся косточки
На заварку чайную;
Сок пьянящий пальм кокосовых,
Чай — необычайные.

И орехов блюда полные,
С гор картофель жареный,
И фулин[2] с целебной силою,
Медленно распаренный.

Но, хотя в еде изысканность
У людей встречается,
С дивной трапезой бессмертною
Стол их не сравняется.

Своего повелителя обезьяны усадили на главном месте, а сами устроились ниже, в соответствии с возрастом и занимаемым положением. Братская чаша переходила из рук в руки, и каждая из обезьян старалась поднести царю вино, цветы, фрукты. Пир

[1] Личжи, иай, — плоды, произрастающие на юге Китая.
[2] Фулин — лекарственный гриб.

продолжался целый день. Назавтра Царь обезьян поднялся рано утром и распорядился:

— Дети мои! Срубите несколько старых сосен и сделайте из них плот. А затем найдите длинный бамбуковый ствол для шеста и соберите для меня плоды. Я отправляюсь в путь.

Когда все было готово, Царь обезьян взошел на плот. С силой оттолкнувшись от берега, он поплыл по волнам все дальше и дальше, направляясь прямо к морю. Благодаря попутному ветру он очень быстро добрался до границ страны Джамбудвипа. Вот что можно сказать про его путешествие:

Велик был совершенствования путь
У той, рожденной небом обезьяны;
Спустившись с гор, на маленьком плоту
Она пересекала океаны.

Ей было предназначено судьбой
Быть от земных страстей освобожденной,
И беспечально встретить на пути
Главнейшего, сильнейшего дракона.

Великую себе поставив цель,
Имела и великие деянья;
Она хотела с помощью друзей
Постигнуть все законы мирозданья.

Надо сказать, что судьба благоприятствовала Царю обезьян. С того самого момента, как он взошел на плот и все время пока плыл, дул сильный юго-восточный ветер. Вскоре плот прибило к северо-западному берегу. Там начиналась страна Джамбудвипа. Измерив шестом глубину воды и убедившись, что здесь мелко, Царь обезьян оставил плот и вскарабкался на берег. На берегу было много народу. Одни ловили рыбу, другие охотились на диких гусей, третьи вылавливали из воды ракушек и устриц, сушили соль.

Приблизившись к ним, Царь обезьян стал проделывать всевозможные штуки. Это так напугало людей, что они побросали свои корзины и сети и разбежались кто куда. Лишь один из них от страха не смог бежать. Царь обезьян поймал его, сорвал с него одежду и нарядился, как это делают люди. Затем он с важным видом отправился разгуливать по городам и селениям, площадям и рынкам. Он перенял манеры и привычки людей, научился их языку. Утром он вставал и завтракал, вечером ложился спать. Все его помыслы были устремлены к тому, чтобы найти бессмертных и узнать у них секрет вечной юности.

Но, встречаясь с людьми, он убедился в том, что все они гонятся лишь за выгодой и славой и никто не думает о бренности жизни.

За выгодой или за славой,
Когда ж прекратится погоня?
С утра до отхода ко сну
Человек все мятется...
Имеет осла или мула,
И все недоволен,
И все он стремится
Себе завести иноходца,
Сановником будучи первым,
Мечтает о троне;
Все думы людей об одном,—
Как поесть им сегодня,
И нет даже мысли
О времени том неизбежном,
Когда призовет их Янь-ван —
Господин преисподней.
И все помышляют о том,
Чтоб оставить наследство,
Никто и подумать не хочет
О праведном деле,
О том, как прожить эту жизнь,
Восходя к совершенству,
В своем оставаясь
Назначенном кармой — уделе.

Все поиски Царя обезьян оказались тщетны — он так и не нашел бессмертных. Незаметно прошло лет девять. Продолжая свои поиски, он странствовал из города в город, от селения к селению, пока вдруг не очутился у Западного океана. Тут он решил, что за этим океаном непременно должны жить бессмертные. Тогда он соорудил себе такой же плот, какой у него был когда-то, и отправился в путь через Западный океан. Он плыл до тех пор, пока не достиг Западных земель. Выйдя на берег и внимательно оглядевшись вокруг, он увидел красивую высокую гору, покрытую густым зеленым лесом. А так как Царь обезьян не боялся ни волков, ни тигров, ни барсов, то он смело стал взбираться на вершину горы, чтобы узнать, что там есть. Гора поистине была прекрасна.

Словно трезубцы,
К небу вздымались
Тысячи пиков.

Множество лезвий
Ширмой колючей
Рядом вставали.

Ливни смягчили
Ярость блистанья
Солнечных бликов.

Средь испарений,
Как изумруды
Солнце играло.

Цепко лианы
Ствол обвивали,
Сохли, чернели.

Издавна тропы
Здесь обрывались
У переправы;

Стебли бамбука,
Стройные сосны
Здесь зеленели.

Склоны Пэнлая *
Плотно покрыли
Пышные травы.

Неподалеку
Пели на склонах,
Дивные птицы,

И неумолчно
Чистых потоков
Слышался лепет.

Скалы, долины,
Луг в орхидеях
Шли вереницей...

То подымались,
То опускались
Горные цепи.

Местность удобна,
Чтоб предаваться
Здесь размышленью.

Мудрого мужа
Встретить смогу я
В уединенье.

И вот, когда Царь обезьян стал осматриваться кругом, до него из глубины леса донеслась вдруг человеческая речь. Он поспешил на голос, вошел в самую чащу и, внимательно прислушавшись, понял, что кто-то пел песню:

Пока глядел с восторгом дровосек,
Как шахматная шла игра,
За это время сгнила у него
Вся рукоятка топора*.

«Я лес рублю в горах,
И слышен звук — дин-дин,
Я рядом с облаком
Иду среди теснин.

Продав дрова,
Вина себе купил,
И хохочу я
До потери сил.

Я осенью лежу,
Лицом к луне;
Сосновый корень,—
Как подушка, мне.

О, как высок
Осенний небосвод!
И вот рассвет
На труд меня зовет.

Вокруг меня
Знакомые места,
И я иду
На перевал хребта.

Рублю лианы
По обрывам гор,
В руках моих
Испытанный топор.

Когда же я
Вязанку наберу,
Пойду на рынок
С песней поутру.

И вот цена
Товару моему:
Три шэна риса
За него возьму.

Я по дешевой
Продаю цене,
И торговаться
Непривычно мне.

Ни заговоров
Я не составлял,
Ни хитростей,
Ни зол не замышлял.

Ни славе, ни позору
Не сродни,
Простая жизнь
Мои продолжит дни.

И тот, кого
Встречаю с простотой,
Иль дух бессмертный,
Иль земной святой.

Спокойно сидя,
Разъясняет он
Ученья Дао
Правильный закон».

Услышав это, Прекрасный царь обезьян несказанно обрадовался и подумал: «Здесь, конечно, обитает бессмертный!» Он подбежал поближе и, присмотревшись, увидел дровосека, который, взмахивая топором, рубил кустарник. Наряд дровосека был не совсем обычен:

Одетый непохоже на других,
Он — в шляпе из побегов молодых,
Бамбуковой, с широкими полями,
А поясок на нем расшит шелками.
Ногам его удобны и легки
Из скрученных травинок башмаки.

Халат на нем широкий, полотняный,
Из пряжи хлопковой искусно тканный,
В руке его подъят топор стальной,
И вот над расщепленною сосной
Взвивается веревка с коромысла:
Умело брошена,— петля повисла.

Тут Царь обезьян выступил вперед и сказал:

— Уважаемый бессмертный, ученик почтительно приветствует вас.

Дровосек, быстро отбросив топор, повернулся к подошедшему и, отвечая на приветствие, сказал:

— Вы ошибаетесь, уважаемый! Я простой невежественный дровосек и не в состоянии даже прокормить себя, как же я могу называться бессмертным?

— В таком случае почему вы говорите так, как говорят бессмертные? — спросил Царь обезьян.

— Да что же я особенного сказал, что вы приняли меня за бессмертного? — удивился дровосек.

— Когда я был у опушки леса,— отвечал Царь обезьян,— то слышал, как вы говорили: «Тот, кого мне приходится встречать, либо бессмертный, либо праведник, и я спокойно сажусь с ним разбирать священную книгу Хуан-тин». А ведь книга «Хуантин» проповедует учение Дао. Кто же вы тогда, если не бессмертный?

— Ну что же, мне нечего обманывать вас,— промолвил, улыбаясь дровосек.— Этой песне, которая называется «Мань-тинфан», меня действительно обучил бессмертный: он живет недалеко от моей хижины. Видя, сколько горя в моей жизни и как много и тяжело я работаю, он посоветовал мне, когда придет какая-нибудь беда, читать вслух слова песенки. «Это,— сказал он,— утешит тебя и избавит от многих трудностей». И вот как раз сейчас мне нелегко приходится, грусть одолевает, потому я и пел свою песенку. Однако я не предполагал, что вы слушаете меня.

— Но ведь ты живешь по соседству с бессмертным, почему же не стал его учеником? — снова спросил Царь обезьян.— Не так уж плохо было бы узнать от него, как остаться вечно молодым.

— Жизнь моя очень тяжела,— отвечал на это дровосек.— До девяти лет я жил с отцом и матерью. Но не успел я узнать жизнь, как отец мой умер. Мать осталась вдовой. У меня нет ни сестер, ни братьев, и мне одному приходится трудиться с утра до ночи, чтобы поддерживать ее. Сейчас моя мать уже стара, и я

не вправе бросить ее. Кроме того, с нашего огорода, который запущен, мы не можем прокормиться и одеться, вот и приходится мне рубить хворост и нести его на рынок для продажи. На вырученные медяки я покупаю несколько доу [1] риса, сам вожусь у очага, готовлю пищу и чай и кормлю свою старую мать. Поэтому я и не могу стать учеником бессмертного.

— Судя по всему я вижу, что ты достойный человек и почтительный сын,— сказал Царь обезьян.— И за это в будущем, ты будешь, конечно, вознагражден. А мне все же хотелось бы повидать бессмертного.

— Да это совсем недалеко отсюда,— заметил дровосек.— Эта гора называется Священной террасой. В центре ее есть пещера под названием «Пещера косых лучей луны и звезд». Вот там и живет бессмертный. Имя его Суботи. Много было у него учеников, да и сейчас есть человек сорок. Вы идите вон по той тропинке и, когда пройдете на юго-восток семь-восемь ли, увидите его дом.

— Уважаемый брат,— обратился Царь обезьян к дровосеку, взяв его за руку,— пойдем вместе со мной. И, если там меня ждет удача, я никогда не забуду, что ты помог мне найти бессмертного.

— Ну до чего же трудно с тобой договориться,— отвечал Царю обезьян дровосек.— Ведь я только что объяснял тебе, почему не могу идти, а ты все понять не можешь! Да если я пойду вместе с тобой, то у меня остановится работа. Кто же будет кормить мою мать? Нет, уж ты ступай один, а я буду рубить дрова.

После этих слов Царю обезьян не оставалось ничего другого, как распроститься с дровосеком. Он вышел из леса, отыскал нужную тропинку и отправился к бессмертному на гору. Пройдя ли восемь, Царь обезьян увидел пещеру; он вытянул шею и осмотрелся кругом. Что за чудесное место! Да вы, читатель, сами посмотрите:

Вся в радуге — туманов пелена;
Сияют ярко солнце и луна,
И кипариса тысячи стволов
Вбирают жадно влагу облаков,
Бамбук высокий в тысячу колен
Листвой зеленой взял ущелье в плен,
И золотой парчой цветы лежат,
А травы льют у моста аромат.

Все заросло темно-зеленым мхом,
С вершины повисает он ковром;
Порой священным крикам журавля
Внимает потрясенная земля,
И фениксов прекрасные четы
Слетают постоянно с высоты.
Когда кричит журавль, протяжный звук
Летит и небо сотрясает вдруг;

[1] Доу — мера объема, равная примерно 10 литрам.

Когда же длится фениксов полет,
В их опереньe радуга цветет;
Играя, в чаще спутанных лиан,
Мелькают стаи желтых обезьян,
Гуляют белоснежные слоны,
А тигры и видны и не видны —
Скрываясь, прячутся они в тени,
И снова появляются они.
К благословенной присмотрись стране —
Она поспорит с раем в вышине!

Царь обезьян увидел, что дверь в пещеру крепко заперта. Кругом царила полная тишина, ничто здесь не напоминало о присутствии человека. Оглядевшись, Царь обезьян заметил на краю скалы камень, вышиной в три чжана и восемь с лишним чи в ширину. На нем была надпись большими иероглифами:

«Гора «Священная терраса», «Пещера косых лучей луны и звезд». Прекрасный царь обезьян пришел в неистовый восторг: «А народ здесь очень правдивый и честный,— подумал он.— И гора такая и пещера — все как дровосек сказал, так и есть».

Царь обезьян долго глядел на дверь, но постучаться не решался. Наконец он взобрался на верхушку сосны, стал там срывать сосновые шишки, грызть орехи и забавляться. Немного погодя он вдруг услышал скрип, дверь растворилась и из пещеры вышел божественный отрок удивительной красоты. От него так и веяло благородством, и он ничуть не был похож на обычных молодых людей. Да вы только взгляните на него!

Он в две косички волосы заплел
И ленточкою подвязал с боков;
И отличался у него халат
Свободной шириною рукавов.

У отрока был необычный вид:
Был чужд страстей всегда спокойный взор,
Ничто его не смело б загрязнить.
То был бессмертный отрок этих гор.

И шло вдали течение времен,
Которому был неподвластен он.

Появившись в дверях, отрок крикнул:

— Кто нарушает здесь тишину?

Тут Царь обезьян спрыгнул с дерева и почтительно поклонился.

— Божественный юноша,— сказал он,— я пришел для того, чтобы научиться бессмертию. Разве осмелился бы я бесчинствовать здесь?

— Ты пришел учиться бессмертию? — со смехом переспросил отрок.

— Да,— подтвердил Царь обезьян.

— Как раз сейчас после отдыха мой учитель взошел на кафедру читать проповедь, но, еще не начав ее, он велел мне выйти.

«Там за дверью стоит человек, который хочет заняться самоусовершенствованием, выйди навстречу ему»,— сказал он. Это он наверное о тебе и говорил.

— Ну, конечно, обо мне,— смеясь сказал Царь обезьян.

— Тогда ступай за мной! — приказал отрок.

Царь обезьян оправил на себе одежду и вошел вслед за отроком в пещеру. И вот чем дальше они углублялись в пещеру, тем больше открывались перед ними огромные покои. Они проходили по величественным жемчужным залам и великолепным перламутровым палатам. В отдаленных покоях стояла какая-то необыкновенная тишина. Наконец они приблизились к возвышению из зеленой яшмы, на котором восседал сам патриарх Суботи. Кафедру окружало человек тридцать бессмертных учеников. Поистине:

На западе наставник он святой,
Великий непорочной чистотой;
И времени не подчинялся он;
Бессмертный, он в себе являл закон,
И был он в созерцанье каждый миг,—
Таким путем он святости достиг
И стал подобен вечным небесам;
Людское горе он изведал сам,
Но чистоту хранил и чувств и дел:
Все трудности свои преодолел,
И, умудренный святостью своей,
Наставником он сделался людей.

При виде патриарха Царь обезьян тотчас же распростерся перед ним и, без конца отбивая земные поклоны, бормотал:

— О, учитель! Я, твой ученик, пришел сюда с искренним намерением приветствовать тебя! Прими мое нижайшее уважение.

— Из какой страны явился ты? — спросил патриарх.— Ты вначале скажи, откуда ты родом, назови свою фамилию, а потом уж совершай поклоны.

— Я из Пещеры водного занавеса, что находится на Горе цветов и плодов, в стране Аолайго, на земле Пурвавидеха,— отвечал на это Царь обезьян.

— Выгоните его вон! — вскричал тут патриарх.— Он, оказывается, лжец и обманщик! Как же может он говорить о самоусовершенствовании!

Царь обезьян, оторопев, изо всех сил продолжал отбивать поклоны.

— Я говорю сущую правду,— уверял он.

— В таком случае,— продолжал патриарх,— как можешь ты говорить, что прибыл сюда из Пурвавидеха? Ведь Пурвавидеха от здешних мест отделяют два океана и Южный материк. Как же мог ты добраться сюда?

— Я переплыл океаны, более десяти лет странствовал по суше и наконец добрался сюда,— отвечал с поклоном Царь обезьян.

— Вот как! Ну, раз ты пришел сюда не сразу, то это еще понятно,— промолвил патриарх.— А как твоя фамилия?

— Я никогда не проявляю своего характера [1],— отвечал Царь обезьян.— Когда меня бранят, я не обращаю внимания, и если даже бьют, то и тогда не сержусь. Наоборот, я становлюсь куда почтительнее — вот и все. За всю свою жизнь я ни разу не проявил характера.

— Да нет же, под словом «син» я подразумеваю не характер, а фамилию в вашем роду,— объяснил патриарх.

— У меня не было родителей,— сообщил Царь обезьян.

— Как же это у тебя не было ни отца, ни матери,— удивился патриарх,— ты что же на дереве вырос, что ли?

— Да нет, не на дереве,— отвечал Царь обезьян,— меня породил камень. Я знаю, что на Горе цветов и плодов стоит священная скала. Когда пришло время, она раскололась, и вот тогда я и появился на свет.

— Ну, в таком случае ты действительно являешься порождением неба и земли,— сказал патриарх.— Встань и пройдись, я посмотрю на тебя.

Царь обезьян вскочил на ноги и вразвалку прошелся несколько раз.

— Скроен-то ты как-то нескладно — засмеялся патриарх,— и по виду напоминаешь обезьяну Ху-сунь, питающуюся кедровыми орехами. Если дать тебе фамилию в соответствии с твоим видом, то ты будешь называться Ху. Этот иероглиф состоит из трех частей: первая обозначает животное. Ее можно бы и откинуть. Но остальные две части имеют значение «древний» и «луна». Древний — это значит старый, луна — относится к темному началу в природе. А, как известно, ни старое, ни темное не поддаются перевоспитанию. Поэтому, пожалуй, лучше дать тебе фамилию Сунь, которая также состоит из трех частей. Если отбросить первую часть, обозначающую животное, то остальные две значат — «ребенок» и «отпрыск» и вполне соответствуют смыслу этих слов. Поэтому я даю тебе фамилию Сунь.

Выслушав это, Царь обезьян был безгранично счастлив и, отвешивая поклоны с благодарностью, воскликнул:

— Вот и прекрасно и чудесно! Только сейчас наконец я получил фамилию! Никогда не забуду, учитель, оказанную мне великую милость! Ну, а теперь, раз у меня уже есть фамилия, то я почтительнейше прошу дать мне еще и имя.

— В нашей школе есть двенадцать категорий иероглифов, которые мы берем для имен. Ты принадлежишь к десятой.

— А что это за иероглифы? — поинтересовался Царь обезьян.

— Это — гуан, да, чжи, хуэй, чжэнь, жу, син, хай, ин, у, юань, цзюэ, что значит: широта, величие, мудрость, даровитость,

[1] Игра слов. Слова «фамилия» и «характер» по-китайски произносятся одинаково — «син».

истина, уподобление, натура, океан, разум, понимание, совершенство и просвещенность. Ты по своему положению принадлежишь к десятой ступени, поэтому тебе следует дать имя У, что значит понимание. Мы дадим тебе еще буддийское имя, и будешь ты называться У-кун, что значит Познавший небытие. Таким образом, твое полное имя будет Сунь У-кун. Ну что, согласен?

— Чудесно! Замечательно! — радостно воскликнул Царь обезьян.— Отныне все будут называть меня Сунь У-кун.

Поистине можно сказать:

Тогда, когда лишь хаос был кругом
И родового не было деленья,
Когда же в пустоте небытия
Великое свершилось разрушенье,
То истина осознана была,
И мысль тогда в сознание вошла.

Если вы хотите узнать, каковы были успехи Царя обезьян в самоусовершенствовании, то прочтите следующую главу, которая вам об этом расскажет.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун проникает в тайны учения Субо-ти, побеждает Демона — нарушителя спокойствия и возвращается к своему родному очагу

Вы зиаете уже о том, как Царь обезьяи получил фамилию и имя. Это привело его в такой восторг, что от избытка радости он прыгал перед патриархом и, в зиак благодарности, почтительио клаиялся ему. Патриарх велел своим ученикам отвести Сунь У-куна в помещение во втором дворе, иаучить его опрыскивать водой и подметать пол, объяснить, как иужио обращаться с людьми и как вести себя. Получив приказание, ученики покинули зал. Тут Суиь У-куи поклоиился всем своим товарищам и затем устроил себе иа террасе место для спаиья.

На следующее утро Суиь У-кун вместе со всеми стал обучаться разговору, маиерам поведеиия, читал священиые кииги, учился писать, а также возжигать фимиам. Так проходили деиь за днем. В свободное время Суиь У-кун подметал полы, полол сад, ухаживал за цветами и деревьями, ходил за хворостом и топил печи, иосил воду. В общем, вел все хозяйство. Так иезаметно ои прожил в пещере иесколько лет. Однажды патриарх, поднявшись на кафедру и заняв свое место, выступил перед собравшимися учеиикам и начал излагать учеиие о великой Истиие. О том, как он излагал это учение, действительио можио сказать:

Поистнне он был красноречнв,
Ученнкн речам его вннмалн.
Он высоту ученья разъяснял,
Не пропуская ни одной детали.

Бычачьнм он размахнвал хвостом,
Казалось, нить жемчужная блнстала,—
Порядок объясненья был таков:
Он положенье предлагал сначала,

А позже доказательства к нему...
Один исток у главных трех учений *,
Одно живое слово мудреца
Давало ясность ходу рассуждений.

Однажды во время проповеди Сунь У-кун пришел в такой восторг, что в волнении стал пощипывать себя за уши и потирать щеки. От возбуждения глаза его были широко открыты, он ни минуты не мог оставаться спокойным и все время двигал руками и ногами. Наконец патриарх обратил на него внимание.

— Сунь У-кун, ты ведь на занятиях! — заметил он ему.— Почему же, вместо того чтобы слушать мои разъяснения, ты пляшешь и прыгаешь?

— Я с большим вниманием слушаю вас, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Но вы рассказываете так чудесно, что я не могу удержаться от восторга. Потому и кажется, что я прыгаю. Умоляю вас простить меня!

— Ну, раз ты уяснил глубокий смысл моего учения, то ответь мне на такой вопрос: сколько времени прожил ты в этой пещере?

— А вот этого я как раз и не знаю,— даже смутился Сунь У-кун.— Помню только, что, когда в очаге погасал огонь, меня посылали собирать хворост. Там, за горой, я видел прекрасные персиковые деревья, они покрывали всю гору. Раз семь наедался я персиками до отвала.

— Гора, на которой ты был, называется Горой спелых персиков,— пояснил патриарх,— и если ты ел плоды семь раз, то я думаю, что прожил ты здесь семь лет. Чему же ты хотел бы научиться у меня?

— Я целиком полагаюсь на вас, учитель,— отвечал на это Сунь У-кун,— и готов заниматься всем, что относится к великому учению.

— Для постижения великого Дао существует триста шестьдесят всевозможных учений,— промолвил патриарх.— И все они обеспечивают путь к совершенству. Какое же из этих учений хотел бы ты познать?

— И в этом я тоже полностью полагаюсь на вас, учитель,— повторил Сунь У-кун.— Я готов выполнить все ваши указания.

— Ну, хорошо. А что, если я предложу тебе изучать волшебство?

— В чем же заключается этот способ? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Изучив его, ты сможешь при помощи оракула общаться с небожителями, гадать на стеблях тысячелистника, ты узнаешь, как обрести счастье и избежать несчастья.

— А можно ли этим способом добиться бессмертия? — спросил Сунь У-кун.

— Нет! Нельзя,— последовал ответ.

— Ну, в таком случае я не стану изучать его,— сказал Сунь У-кун.

— Может быть, ты хочешь постичь учение о перевоплощениях? — предложил тогда патриарх.

— А в чем оно заключается?

— Сюда входят разные школы: конфуцианцы, буддисты, даосы, гадатели, альтруисты, школа Мо-цзы *, врачеватели. Одни из них занимаются конфуцианскими канонами, другие постигают учение Будды, некоторые проводят дни в молениях, общаются с праведниками или вызывают духов. И все в таком роде.

— Ну, а таким путем можно добиться бессмертия? — спросил Сунь У-кун.

— Если ты хочешь добиться бессмертия, то этот путь будет для тебя чем-то вроде подпорки к стене.

— Учитель,— проговорил Сунь У-кун.— Я человек простой и вашего городского языка не понимаю. Что значит подпорки к стене?

— Когда люди начинают строить дом и хотят сделать его прочным и крепким, то между стенами они ставят подпорки. Но проходит время, и здание рушится, это значит, что подпорки сгнили.

— Судя по вашим словам и этот способ не годится для вечной жизни. Нет, в таком случае я не хочу заниматься этим,— заявил Сунь У-кун.

— Ну что ж, тогда, может быть, ты будешь изучать созерцание? — спросил патриарх.

— А что это такое? — спросил Сунь У-кун.

— Тут необходима умеренность в пище, полная бездеятельность, созерцание, самоуглубление и покой, а также воздержание в речах и соблюдение поста. Приверженцы этого учения совершали подвиг, пребывая в распростертом положении или же стоя. Некоторые сидя замирали и углублялись в самосозерцание, другие заточали себя в крохотные кельи, отказывались от всего мирского.

— А разве подобным путем можно достичь вечной жизни? — спросил Сунь У-кун.

— Учение это все равно, что сырой кирпич до обжига в гончарной печи,— отвечал патриарх.

— Учитель, это просто невозможно,— рассмеялся Сунь У-кун.— Ведь я только что сказал, что не понимаю ваших загадок, а вы опять говорите о какой-то сырой глине и гончарной печи.

— Кирпич и черепица, сделанные из глины, имеют определенную форму, однако, если их не обжечь в печи, они при первом же ливне превратятся в грязь.

— Раз этот путь тоже не сулит долголетия, то я и учиться ему не желаю.

— Ну, а если я предложу тебе обучаться действию, что ты на это скажешь? — снова спросил патриарх.

— А это что за способ?

— Этот способ заключается в деятельностн и энергин,— отвечал патриарх.— Ты будешь упражняться в занмствовании жизненной силы от темного начала и пополнять им светлое начало, натягивать лук и ударять по катапульте, растирать живот, чтобы сделать правильным дыхание, изготовлять лекарства и снадобья, сжигать пырей, бнть в треножник, нзготовлять лекарство из мочи мужчины, прннимать в виде лекарства месячные женщин, питаться грудным молоком и многое другое.

— Ну, а этим путем можно достнчь долголетия? — спросил Сунь У-кун, выслушав патриарха.

— Надеяться на это все равно, что пытаться выловнть луну из воды,— отвечал патриарх.

— Ну вот, вы опять за свое! — воскликнул Сунь У-кун.— Что значит выловить луну нз воды?

— Луна находится на небе, н хоть отраженне ее мы вндим в воде, но все попытки выловить ее оттуда оказалнсь бы напрасными.

— Ну, тогда учить мне все это совершенно не нужно! — заявил Сунь У-кун.

Услышав подобные слова, патриарх даже крякнул от изумления, спустнлся с возвышения и, тыча в Сунь У-куна лннейкой, воскликнул:

— Ах ты жалкая обезьяна! И этого ты не хочешь, и того не желаешь, так чего же тебе надо?

С этими словами он подошел к Сунь У-куну н стукнул его три раза по голове.

После этого он покинул своих слушателей и, заложнв рукн за спнну, удалился во внутренние покои, закрыв за собой дверь. Испуганные ученнки набросились на Сунь У-куна:

— Ты совсем не умеешь вести себя, мерзкая обезьяна! — кричали они.— Вместо того чтобы изучать законы истинного путн, которые предлагал тебе учитель, ты стал препнраться с ннм. Ты оскорбил его, и теперь нензвестно, когда он снова выйдет к нам.

Возмущенные поступком Сунь У-куна, ученики старалнсь всячески выказать ему свое негодование. Однако Сунь У-кун ничуть не опечалился, а наоборот, широко улыбался, не вступал ни с кем в спор и молча сносил нападки. А дело заключалось в том, что Царь обезьян понимал условный язык. Он знал, что три удара, которыми наградил его учитель, это третья стража *, в которую он — Сунь У-кун — должен явиться на свидание к учителю. Заложенные за спину руки патрнарха звали Сунь У-куна во внутреннне покои, а закрыв двери, учитель дал понять Сунь У-куну, что он должен прийтн с черного хода и выслушать его ученне.

Остаток дня Сунь У-кун провел у пещеры, играя и забавляясь с остальнымн учениками и с нетерпением ожидая наступ-

ления ночи. И вот, как только стемнело, он вместе с другими отправился спать. В постели Сунь У-кун притворился спящим, стараясь дышать ровно и спокойно. А надо вам сказать, что в горах ночную стражу не отбивают и там нет никаких приборов для измерения времени, поэтому определить время там трудно. И Сунь У-куну приходилось отсчитывать каждый свой вдох и выдох и так узнавать время. Когда, по его подсчетам, приближалась третья стража, он потихоньку поднялся, натянул на себя одежду и, крадучись, оставил своих товарищей. Выйдя за двери, Сунь У-кун поднял голову, и что же он увидел!

Луна светила яркая,
Роса была чиста,
И блеском звездных полюсов
Сияла высота.

Дремали птицы сонные
Под мерный плеск реки,
И светляков мерцающих
Мелькали огоньки.

Летели гуси дикие,
И час уже настал,
Когда пред третьей стражею
Наставник ожидал.

Вы только посмотрите: по знакомой дороге наш Сунь У-кун прошел к черному ходу и здесь увидел, что дверь полуоткрыта.

«Сомнений нет,— с радостью подумал Сунь У-кун,— учитель желает дать мне наставления и поэтому оставил дверь полуоткрытой». Он согнулся, вошел внутрь и направился прямо к постели патриарха. Учитель, поджав ноги, спал, повернувшись лицом к стене. Сунь У-кун не решился будить его и опустился перед постелью на колени. Вскоре патриарх проснулся и, вытянув ноги, пробормотал:

Это трудно! Это очень трудно —
Все глубины истины понять!
Разве философский камень* можно
К придорожным камням приравнять!

Если я достойного не встречу,
Чтобы в тайны жизни тот проник,
Значит, проповедь была бесплодной,
Я — напрасно иссушал язык.

Заметив, что патриарх проснулся, Сунь У-кун промолвил:

— Учитель, я давно уже здесь ожидаю, преклонив колена!

Услыхав знакомый голос, патриарх накинул на себя одежду и, сев на постели, закричал:

— Ах ты жалкая обезьяна! Почему ты покинул помещение и не спишь? Зачем пришел в мои покои?

— Я осмелился появиться перед вашим ложем лишь потому, что вчера во время беседы вы при всех велели мне прийти к вам в третью стражу через черный ход, чтобы выслушать ваши наставления,— отвечал на это Сунь У-кун.

Патриарха удовлетворил подобный ответ, и он подумал: «Этот парень действительно создан небом и землей! Иначе он не мог бы понять мои условные знаки».

— Здесь нет посторонних,— продолжал Сунь У-кун,— я здесь один, умоляю вас, учитель, проявите великое милосердие и передайте мне учение о вечной жизни. Подобную милость я никогда не забуду!

— Ну, раз у тебя такая судьба,— сказал патриарх,— и ты понял мой условный язык, я охотно научу тебя. Подойди ближе и внимательно слушай, я открою тебе тайну вечной жизни.

В благодарность Сунь У-кун отвесил земной поклон, снова опустился перед постелью на колени и, прочистив уши, приготовился внимательно выслушать все наставления патриарха. И учитель сказал:

— Способ этот наиболее совершенный, всеобъемлющий и таинственный из всех существующих. Нет иного учения, которое помогло бы постичь тайну вечной жизни. Способ этот сводится к совершенствованию духа и соблюдению полной тайны. То, что я передам тебе,— ты спрячь глубоко в своей душе, бережно храни это и способствуй его процветанию. Учение, в которое я посвящу тебя, откроет перед тобой широкий путь. Крепко запомни сказанное мной, и это принесет тебе большую пользу. Все твои мысли должны быть устремлены только к одной цели, и все остальное ты должен забыть. Только тогда ты будешь способен наслаждаться небесным светом и любоваться блеском луны. На луне спрятан яшмовый заяц *, на солнце — золотой ворон *. Змея и черепаха сочетаются с ними * и от этого сочетания жизнь твоя станет настолько крепкой, что ты будешь в состоянии разводить в огне золотой лотос. Природа пяти элементов будет полностью подвластна тебе, и за свои заслуги ты станешь равным Будде и небожителям.

Познав все тайны, Сунь У-кун возликовал душой. Он крепко запомнил все, что поведал ему патриарх, и, почтительно поблагодарив его за оказанную высокую милость, вышел через черный ход и огляделся. На востоке медленно пробивалась бледная полоса света, на западе небо стало золотым. Вернувшись к себе прежней дорогой, Сунь У-кун легонько толкнул дверь и, подойдя к своей постели, нарочно стал с шумом убирать ее.

— Уже рассвело! Вставайте! — крикнул он.

Все ученики еще крепко спали и, конечно, ничего не знали о том великом, что произошло в эту ночь с Сунь У-куном. Весь последующий день Сунь У-кун был словно в тумане. Он все время сдерживал себя, стараясь спокойно сидеть и отсчитывать свое дыхание.

Время летело, и незаметно прошло еще три года. Однажды патриарх взошел на свою кафедру и обратился с проповедью к ученикам. Предметом беседы были принципы жизни, излагавшиеся в виде притчей, и внешние проявления и формы этих принципов. Неожиданно патриарх прервал беседу вопросом:

— А где Сунь У-кун?

— Я здесь, учитель,— выступив вперед и опустившись на колени, отвечал Сунь У-кун.

— Многому ли ты научился за это время? — спросил его патриарх.

— За последнее время я в известной мере постиг сущность законов Будды и чувствую, что силы мои постепенно крепнут,— почтительно молвил Сунь У-кун.

— Ну, раз ты уже постиг основы учения Будды, смог освоить его основные начала и всем своим существом проникся этим учением, то тебе остается лишь подготовиться к тому, чтобы уберечь себя от трех стихийных бедствий.

Выслушав учителя Сунь У-кун долго думал и наконец сказал:

— По-моему вы, учитель, ошибаетесь. Я давно уже слышал, что тот, кто постиг великое учение, становится бессмертным. У того стихии огня и воды находятся в полной гармонии, и он избавлен от всяких болезней. О каких же трех бедствиях вы говорите?

— Это совсем особый закон,— пояснил патриарх,— ему подвластны творения неба и земли, которые он может разрушать. Это волшебная сила, способная поглотить даже солнце и луну. После того как ты овладеешь философским камнем, с тобой не смогут справиться ни черти, ни бессмертные, — ты будешь вечно юным. И все же через пятьсот лет небо ниспошлет на землю гром, который поразит тебя. Чтобы избежать беды, ты должен обладать прозорливостью, и, если тебе удастся спастись, ты будешь вечен как небо, иначе жизнь твоя оборвется. Пройдет еще пятьсот лет, и небо пошлет на тебя огонь, который испепелит тебя. Огонь этот не небесный огонь, а особенный, называется он «скрытый огонь». Он возникнет в тебе самом и дойдет до мозга. Он сожжет все твои внутренности и уничтожит весь твой организм. И тогда все те лишения и трудности, которые ты претерпел на пути к своему усовершенствованию, окажутся призрачными. Но пройдет еще пятьсот лет, и с неба придет новое бедствие — ветер, который уничтожит тебя. Он не будет похож на ветры, дующие с востока, юга, запада и севера, или те ветры, которые колышут цветы, ивы, сосны и бамбук. Это будет страшный смерч, который появится в тебе самом, проникнет в твои внутренности, пройдет через грудобрюшную преграду и вырвется через девять отверстий. Он рассеет твои кости и мускулы, и все тело твое распылится. Вот от каких бедствий ты должен спастись.

От слов патриарха волосы у Сунь У-куна стали дыбом. Распростершись ниц перед учителем, он стал умолять его:

— Учитель, сжальтесь надо мной, научите, как избавиться от этих трех бедствий. Подобной милости я никогда не забуду.

— Да в этом не было бы ничего трудного, если бы ты не отличался от обыкновенных людей. А так ничего сделать для тебя не могу,— сказал патриарх.

— Да ведь у меня такая же круглая голова, которая поднята кверху, такие же ноги, которыми я хожу по земле. У меня девять отверстий и четыре конечности и такие же внутренности, как у человека. Чем же я отличаюсь от людей?

— Хотя ты и похож на человека, однако щеки у тебя меньше,— возразил патриарх.

А у обезьяны действительно были впалые щеки и заостренная мордочка. Сунь У-кун пощупал их рукой и рассмеялся.

— Да ведь это же пустяки! Хотя щеки мои малы, но зато у меня есть подсумок, которого нет у людей, и это должно быть зачтено мне как достоинство.

— Ну ладно,— сказал патриарх.— Избежать этих бедствий можно двумя способами: способом созвездия ковша Большой Медведицы, который включает в себя тридцать шесть превращений, и способом звезды Земного исхода, который состоит из семидесяти двух превращений. Какой же из них ты хотел бы изучить?

— Я желал бы изучить более сложный,— отвечал Сунь У-кун,— способ звезды Земного исхода.

— Ну, тогда подойди ко мне, и я скажу тебе магическое заклинание.

С этими словами патриарх наклонился и стал шептать на ухо Сунь У-куну. Царь обезьян был очень способным; он запомнил заклинание, стал упражняться в применении семидесяти двух способов превращений и вскоре полностью овладел ими.

Однажды, отдыхая со своими учениками перед пещерой и любуясь вечерним пейзажем, патриарх вдруг спросил:

— Сунь У-кун, как твои успехи?

— Я глубоко признателен вам за вашу великую милость,— отвечал Сунь У-кун.— Все ваши наставления я хорошо усвоил и теперь могу уже летать на облаках.

— Ну-ка, поднимись в воздух, я посмотрю, — предложил патриарх.

Сунь У-кун употребил все свое уменье и, напрягшись, сделал прыжок, оторвавшись от земли на несколько чжан. Оседлав облако, он поездил на нем ровно столько времени, сколько необходимо для одного приема пищи, и, проделав около трех ли [1], опустился перед патриархом на землю. Сложив на груди руки, Сунь У-кун с поклоном обратился к учителю:

— Это и называется парить в облаках.

— Ну, я бы этого не сказал,— со смехом отвечал патриарх.— Это скорее можно назвать ползаньем в облаках. Ведь еще в древ-

[1] Ли — мера длины, равная 876 метрам.

ности говорили: «Бессмертные утром отправляются к Северному морю, а вечером они уже в Цан-у». А ты так долго пробыл в воздухе и не проделал даже трех ли. Да это и ползаньем, пожалуй, не назовешь!

— А что это значит: «Бессмертные утром отправляются к Северному морю, а вечером они уже в Цан-у»? — спросил Сунь У-кун.

— Тот, кто парит в облаках,— объяснил патриарх,— утром отправляется от Северного моря, пролетает над Восточным, Западным и Южным морями, поворачивает обратно и прибывает в Цан-у. А Цан-у — это горный пик в Северном море. Совершить в течение одного дня круговой полет по четырем морям, вот что называется парить в облаках.

— Это очень, очень трудно! — заметил Сунь У-кун.

— В мире нет ничего трудного,— возразил патриарх,— было бы твердое желание.

Тут Сунь У-кун почтительно склонился перед патриархом.

— Учитель,— сказал он,— говорят: «Если быть человеком, так надо уж быть им до конца». Прошу вас оказать еще одну великую милость и научить меня парить в облаках. Я никогда не забуду ваших великих благодеяний.

— Когда бессмертные собираются в облака, они прежде всего ударяют ногой о землю. Ты же делаешь не так. Я наблюдал, как ты перекувырнулся в воздухе и затем подпрыгнул. Я научу тебя делать настоящий прыжок в облака.

Сунь У-кун снова почтительно склонился перед учителем, и патриарх сообщил ему волшебное заклинание.

— Смотри на это облако, правильно произнеси заклинание, сделай движение руками, крепко сожми кулаки и затем сильным рывком оторвись от земли. Выполнив все это, ты сразу очутишься за сто восемь тысяч ли отсюда.

Ученики, услышав об этом, захихикали.

— Посчастливилось Сунь У-куну! — говорили они.— Если ему удастся изучить этот способ, он может служить гонцом, быстро доставлять почту, донесения и везде заработает себе на хлеб.

Так как время было уже позднее, учитель и ученики разошлись по своим помещениям. Сунь У-кун всю ночь усиленно изучал способ, который рассказал ему учитель, и постиг прыжок в облака. Последующие дни никто его не беспокоил, и он наслаждался сознанием того, что может изучить способы достижения бессмертия.

Однажды, в конце весны, когда уже начиналось лето, ученики долго занимались, сидя под соснами. Наконец один из них сказал:

— Сунь У-кун, в каком же это перевоплощении тебе была предназначена такая судьба? Ты уже знаешь, как избежать трех бедствий, ведь тебя недавно обучил этому наставник?

— Не стану скрывать от вас,— отвечал Сунь У-кун,— благодаря наставлениям учителя, а также моему усердию в течение многих дней и ночей, мне удалось уже овладеть всеми способами превращений.

— Сейчас как раз подходящий случай,— сказал один из учеников,— показать нам хоть что-нибудь из того, чему ты научился.

Тут Сунь У-кун и сам загорелся желанием показать свое искусство и, обращаясь к товарищам, спросил:

— Во что бы вы хотели, чтобы я превратился?

— Да вот хотя бы в сосну,— ответили ему.

Сунь У-кун сделал магическое движение руками, произнес заклинание, встряхнулся и превратился в сосну.

Поистине прекрасная сосна!
Туманами всегда окружена,

Она стоит и свежей и зеленой,
Упершись в тучи горделивой кроной,

И признаков нет обезьяньих в ней!
Она укрыта пологом ветвей,

В ней столько закаленности природной,
Что ей не страшен снег зимы холодной.

Превращение Сунь У-куна вызвало у товарищей восторг. Они хохотали и, громко аплодируя, восклицали:

— Прекрасно, обезьяна! Замечательно!

Своим шумом они потревожили патриарха, который с посохом в руках вышел к ним.

— Кто это поднял здесь такой шум? — спросил он.

Услышав его голос, ученики тотчас же притихли и, оправляя на себе одежду, выстроились перед учителем. Сунь У-кун поспешил принять обычный вид и, смешавшись с остальными, заговорил:

— Разрешите сказать, уважаемый учитель! Мы занимались своим делом, посторонних здесь не было, так что никто не мог шуметь.

— Люди, занятые своим усовершенствованием, не станут так кричать,— сердито сказал учитель.— Когда человек, занимающийся самоусовершенствованием, открывает рот, то с дыханием у него исчезает одухотворенность, когда он действует языком, то он либо скажет правду, либо соврет. Как же вы смеете здесь смеяться?

— Мы не осмелимся скрыть от вас правду, учитель,— сказали тогда ученики.— Мы только что попросили Сунь У-куна для забавы показать нам свое искусство превращения и уговорили его превратиться в сосну. Он выполнил просьбу, и это привело

всех в такой восторг, что мы стали громко выражать свое одобрение и аплодировали ему. Вот какой шум обеспокоил вас. Простите нас за это, учитель.

— Уходите отсюда все,— приказал патриарх.— А ты, Сунь У-куи, подойди поближе! Хотелось бы мие знать, иа что ты растрачиваешь свои духовиые силы, превращаясь в какую-то сосну? Ты, видно, проделываешь это, чтобы позабавить других? Но представь себе, что ты увидел бы, как кто-нибудь совершает то, чего ты ие умеешь, разве ие стал бы ты допытываться, как он это делает? Так вот, когда ты будешь показывать другим свое искусство, то, иесомиенио, иайдутся такие, которые захотят выведать твою тайиу. И если у тебя ие хватит решимости отказать, тебе придется выдать им свой секрет. А если ты ие захочешь отвечать, то неизбежно иавлечешь на себя беду. Вот видишь, ты сам подвергаешь свою жизнь опасности.

— Я виноват, простите меия, учитель! — взмолился Сунь У-кун, земно клаияясь.

— Я не стаиу наказывать тебя, ио ты должен уйти отсюда,— сказал патриарх.

Выслушав это, Сунь У-кун со слезами на глазах спросил:

— Куда же вы хотите послать меия, учитель?

— Мие кажется, ты должеи вернуться туда, откуда пришел,— сказал патриарх.

— Вы хотите, чтобы я отправился в Пещеру водиого заиавеса, на Горе цветов и плодов, в страие Аолайго? — быстро проговорил Сунь У-кун, поняв мысль патриарха.

— Да! — подтвердил патриарх.— И если ты хочешь сохраиить свою жизиь, ты должеи сделать это сейчас же. Оставаться здесь тебе больше иельзя!

— Разрешите сказать вам, учитель,— виновато проговорил Суиь У-кун.— Двадцать лет я ие был дома и мне, конечно, хотелось бы повидать своих поддаиных. Но как могу я уйти отсюда, зиая, что еще ие отблагодарил вас за все оказаиные мие милости.

— Какие там еще милости? — сказал патриарх.— Мне хотелось бы лишь одиого: чтобы ты не иатворил какой-нибудь беды и меия в нее не впутал!

Видя, что делать иечего, Сунь У-куи поклонился патриарху и распростился со своими товарищами.

— Я уверен в том,— сказал, прощаясь, патриарх,— что в этих твоих странствованиях тебя ждет немало злоключеиий. Одиако какую-бы беду ты ни натворил, я запрещаю тебе даже упоминать, что ты был моим учеником. И если только я узиаю, что ты хоть намекнул на это, я сдеру с тебя, обезьяна, шкуру и разрежу тебя на куски, а душу твою спущу в преисподнюю, где оиа и останется на веки-вечные, без всякой надежды на перевоплощение!

— Можете не сомневаться, учитель, я не обмолвлюсь о вас ни словом,— поспешил заверить патриарха Сунь У-кун.— Я буду говорить, что до всего дошел сам.

Еще раз поблагодарив учителя, Сунь У-кун повернулся, сделал движение руками, произнес заклинание и, выпрямившись, прыгнул в воздух на облако. Он направился прямо к Восточному морю и через каких-нибудь два часа уже увидел Пещеру водного занавеса на Горе цветов и плодов. Прекрасный царь обезьян был очень рад.

Он опустился на облаке прямо к Горе цветов и плодов и, отправившись по знакомой дороге, вдруг услышал курлыканье журавлей и крики обезьян. Они кричали так жалобно, что становилось даже больно.

— Дети мои!— позвал Сунь У-кун. — Я вернулся домой,

В тот же миг из всех расщелин скалы, из травы и кустарников повыскакивали тысячи обезьян, больших и малых. Они окружили Прекрасного царя обезьян и, земно кланяясь ему, восклицали:

— Великий царь! Вы совсем забыли о нас! Как же могли вы бросить нас на произвол судьбы на такое долгое время. Мы ждали вас с таким нетерпением, как голодающий ждет еду и питье. Сейчас нам житья не стало от злого духа. Он хочет отобрать у нас Пещеру водного занавеса, но мы боремся с ним не на жизнь, а на смерть. За это время этот негодяй отобрал у нас все имущество, отнял детей и довел до того, что мы все время должны сторожить наше жилище, не смыкая глаз ни днем, ни ночью. Как хорошо, что вы наконец вернулись. А не будь вас еще год-два, мы все и наша пещера оказались бы в чужих руках!

Выслушав обезьян, Сунь У-кун пришел в ярость:

— Что за злой дух осмелился безобразничать здесь? — заорал он.— Расскажите-ка мне обо всем подробно, и я постараюсь отомстить ему за вас!

— Разрешите сообщить вам, великий царь, что прозвали его Демон — нарушитель спокойствия,— с поклоном отвечали обезьяны,— и живет он к северу отсюда.

— А далеко это? — осведомился Сунь У-кун.

— Он появляется здесь словно облако и исчезает подобно туману, ветру или дождю, грому или молнии,— отвечали обезьяны.— Поэтому мы даже не знаем, далеко ли это отсюда.

— Ну, теперь-то вам бояться нечего,— успокоил их Сунь У-кун.— Вы тут мирно забавляйтесь, а я отправлюсь искать его.

Прекрасный царь обезьян! Он весь напрягся, подпрыгнул и, сделав прыжок, очутился на севере. Взглянув вниз, он увидел высокую гору, грозную и суровую на вид. Это была поистине замечательная гора:

Гора вздымалась кистью
В вышину.
Ущелья уходили
В глубину.

Подобно кисти,
Горный пик вздымался;
Казалось, ад
В ущельях раскрывался.

Крутые склоны
Грозных этих скал
Ковер цветов
Чудесных покрывал.

Породы незнакомой,
Неизвестной —
Росли деревья
На горе отвесной.

Соперничая в зелени,
Вокруг
Вставали рядом
Сосны и бамбук.

Гуляли слева
Мирные драконы,
Приютом игр
Лесные были склоны.

Ручные тигры
Справа жили тут,
И вол железный*
Начинал свой труд.

Распахивал прилежно
Землю эту,
Где золотые выросли
Монеты.

Здесь голос птиц
Невиданных звучал,
Пурпурный феникс,
Весь в лучах стоял.

И свет от камня
Лился фосфористый;
Родник в горах
Плескал струею чистой.

Бежали тропы
Вверх по кручам гор,
И был прекрасен
Дальний кругозор.

Пусть славных гор немало
Во вселенной,
Но эти пребывают
Неизменно.

Цветы, раскрывшись,
Скоро опадут,
Но мириады новых
Зацветут.

Из бездны
Восходя до облаков,
Встает гора —
Источник трех миров.

И пять стихий,
Питая светлой верой,
Видна в горе
Огромная пещера.

Залюбовавшись пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. Пройдя немного вниз по холму, он увидел пещеру, а перед ней — нескольких бесов, которые забавлялись и танцевали. Заметив Сунь У-куна, они бросились наутек.

— Постойте! — остановил их Сунь У-кун.— У меня есть к вам дело. Я — владетель Пещеры водного занавеса на Горе цветов и плодов. Ваш начальник, Демон — нарушитель спокойствия, кажется так его называют, много раз обижал моих подданных; вот сейчас я пришел, чтобы рассчитаться с ним!

Услышав это, бесы опрометью ринулись в пещеру.

— Великий царь! Беда пришла! — доложили они.

— Что еще за беда? — спросил Демон-повелитель.

— Возле пещеры стоит кто-то с головой обезьяны и заявляет, что он владетель Пещеры водного занавеса на Горе цветов и плодов. А поскольку вы много раз обижали его подданных, то сейчас он пришел расправиться с вами,— отвечали бесы.

— Я часто слышал от обезьян о том, что царь их отправился куда-то, чтобы заняться самоусовершенствованием,— со смехом сказал Демон.— Вот он вероятно вернулся. А как он одет и есть ли при нем оружие?

— Оружия при нем нет никакого,— отвечали бесы,— и голова ничем не покрыта, а одет он в красный халат, подпоясан желтым кушаком и на ногах у него черные туфли. Ни на монаха, ни на мирянина он не похож, да и даоса как будто не напоминает. Он пришел с голыми руками, стоит около пещеры и вызывает вас на бой.

— Ну-ка, дайте мне сюда мое оружие! — приказал Демон.

Бесы тотчас же подали боевые доспехи. Демон надел шлем, взял в руки меч и, выйдя в сопровождении бесов из пещеры, громко крикнул:

— Ну, кто это тут владетель Пещеры водного занавеса?

Сунь У-кун уставился на Демона и увидел:

Шлем на нем
Прекрасный, медный.

Пламенеющий
Победно;

Сверх брони
Железной, черной

Он халат
Носил узорный;

С плеч
Халат его спускался

И по ветру
Развевался.

Был ремень
Затянут туго,

Опоясывал
Кольчугу;

Сапоги
Из легкой кожи...

Облик грозный
И похожий

На вождя
И полководца...

Мощный стан его
Не гнется:

В десять он охватов
Станом.

Высотой
В четыре чжана;

Меч в руках его
Блестящий.

Страшен этот дух
Грозящий.

Выходящий
Для сраженья,—

Дух могучий
Разрушенья.

— Негодный, мерзкий Демон! — заорал Сунь У-кун.— Глазищи у тебя огромные, а не можешь даже меня распознать!

— Ты что, взбесился, что ли? — смеясь крикнул Демон.— В тебе нет и четырех чи роста и лет тебе не больше тридцати. Да к тому же ты без оружия, а кричишь о том, что пришел расправиться со мной!

— Ах ты, проклятый дух! — стал браниться Сунь У-кун.— Ты, видно, совсем ослеп. Я хоть и мал, но могу сделаться таким большим, как пожелаю. Пусть нет у меня никакого оружия, но этими вот руками я могу обхватить луну на небе. Ну, держись, испробуй, каковы мои кулаки!

С этими словами Сунь У-кун распрямился, прыгнул вперед и замахнулся, стремясь ударить Демона по лицу, но тот протянул руку, отразил удар и крикнул:

— Ты по сравнению со мной — карлик и дерешься одними кулаками, а у меня меч. Да если я убью тебя, меня же и засмеют. Постой, я положу свой меч и покажу тебе, как надо драться на кулаках!

— Вот это правильно! — воскликнул Сунь У-кун.— Ну, герой, выходи-ка!

Демон приготовился и нанес удар. Сунь У-кун ринулся на него, и завязалась борьба. Они дрались кулаками и ногами, налетая друг на друга. И надо сказать, что длинный удар часто пропадал впустую, тогда как короткий был крепким и твердым. Сунь У-кун наносил Демону удары под ребра, в пах и так его дубасил, что тот вынужден был отступить. Схватив свой меч, демон нацелился в голову Сунь У-куну и размахнулся, однако Сунь У-кун увернулся, и удар не попал в цель. Увидев, что Демон рассвирепел, Сунь У-кун применил способ «бесконечного размножения». Он выдернул у себя клок шерсти, изжевал его в мелкие куски и, развеяв их по воздуху, крикнул:

— Изменитесь!

В тот же момент частички шерсти превратились в маленьких обезьян, которых оказалось не меньше трехсот. Они окружили Демона — нарушителя спокойствия и стали наступать на него.

Вы должны знать о том, что человек, ставший бессмертным, получает способность выделять частицу своей души и совершать всевозможные превращения. Так было и с Царем обезьян. После того как он постиг истину, каждый из восьмидесяти четырех тысяч волосков на его теле он мог по желанию превращать во что угодно. Вызванные им к жизни маленькие обезьяны оказались настолько проворны и изворотливы, что их нельзя было поразить ни мечом, ни пикой. Чего только они не проделывали! Они налетали на духа спереди, вцеплялись в него, тащили, колотили в грудь, дергали за ноги. Они награждали его пинками, вырывали у него волосы, ковыряли глаза, щипали за нос, налетали толпой и опрокидывали его. Между тем Сунь У-кун, воспользовавшись суматохой, протиснулся вперед и схватил меч Демона. Растолкав маленьких обезьян, он размахнулся и с такой силой хватил Демона по голове, что рассек его пополам. Затем впереди остальных обезьян он ринулся в пещеру, и там они быстро прикончили остальных демонов, больших и малых. После этого Сунь У-кун снова произнес заклинание, и вырванный им у себя самого клок шерсти вернулся на место. Однако осталось еще

штук пятьдесят обезьян. Это были те самые обезьяны, которых Демон похитил из Пещеры водного занавеса.

— Как это вы очутились здесь? — удивился Сунь У-кун.

Обезьяны со слезами на глазах отвечали:

— Вы, великий царь, отправились в путь, чтобы постичь истину, и вот за последние два года, что вас не было с нами, мы подвергались нападениям этого Демона. В конце концов он выкрал нас, похитил все наши пожитки — тарелки, чашки и притащил сюда.

— Ну, раз все это имущество наше, забирайте его с собой! — приказал Сунь У-кун.

После этого они подожгли пещеру, принадлежавшую Демону, и уничтожили ее дотла.

— Ну, а теперь за мной! Двинемся в обратный путь! — сказал Сунь У-кун, когда они собрались все вместе.

— Великий царь,— отвечали ему на это обезьяны.— По дороге сюда мы слышали лишь свист ветра, который домчал нас в эту пещеру, но дороги мы не знаем. Как же мы теперь вернемся домой?

— Демон доставил вас сюда при помощи волшебства,— пояснил Сунь У-кун.— Однако трудного в этом ничего нет. Теперь я сам овладел магией и умею делать то же, что и он. Вы только закройте глаза и ничего не бойтесь!

Прекрасный царь обезьян! Он произнес заклинание, и сразу же сильный вихрь поднял всех их в воздух. Вскоре облако, на котором они неслись, опустилось вниз.

— Ну, ребятки! Можете открыть глаза! — крикнул Сунь У-кун.

Осмотревшись, обезьяны увидели, что стоят на твердой земле возле своего жилища. В неистовом восторге помчались они по знакомой тропинке. Вместе с другими обезьянами они заполнили всю пещеру и, выстроившись в ряд соответственно возрасту и положению, приветствовали своего повелителя. В честь его приезда устроили большое пиршество. Обезьяны расспрашивали Сунь У-куна о том, как удалось ему расправиться с Демоном и освободить их сородичей. Царь рассказал обо всем, что произошло, не упустив ни малейшей подробности, и привел в восторг слушателей.

— Вот уж никак мы не думали, что, пройдя учение, вы овладеете столь замечательным волшебством! — восклицали они радостно.

— В тот год, когда мы расстались,— продолжал Сунь У-кун,— я доверился волнам, и меня прибило к берегу в стране Джамбудвипа. Я проезжал Восточное море и страну Синюхэчжоу. Там я изучил обычаи и нравы людей. Научился носить их одежду и обувь. Затем в течение восьми-девяти лет я скитался по свету, но никак не мог познать истину. Мне пришлось пересечь еще один, Западный, океан, и тогда я очутился в стране Синюхэчжоу.

Прошло много времени пока, наконец, мне посчастливилось найти одного старца. Он стал моим учителем и открыл мне тайну вечной жизни.

— Какое редкое счастье обрести бессмертие! — радостно восклицали обезьяны, поздравляя своего повелителя.

— Дорогие мои дети! — продолжал Сунь У-кун.— У меня есть еще одна приятная новость для вас. Все мы отныне будем носить фамилию!

— Как же вас зовут? — поинтересовались обезьяны.

— Фамилия моя Сунь, а имя У-кун,— отвечал он.

Услышав это, обезьяны пришли в еще больший восторг и, хлопая в ладоши, зашумели:

— Великий царь, вы наш родоначальник, а мы все ваши потомки, дети. Теперь наш род и вся наша страна будут называться Сунь.

И тут все они наперебой стали подносить своему властелину чаши с финиками и виноградным вином, волшебные цветы и фрукты. Каждая из обезьян переживала торжественный момент.

Их связывает всех единый род,
Одно желанье в их сердцах живет,

Чтоб в список жизни им попасть блаженной
И пользоваться жизнью совершенной.

Однако мы не знаем, чем кончится все это и как потечет жизнь обезьян в дальнейшем, поэтому давайте послушаем, о чем расскажет нам следующая глава.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*из которой читатель узнает о том, как все горы и моря покорились Царю обезьян и почему были вычеркнуты имена из десяти списков Преисподней**

Итак, уничтожив Демона—нарушителя спокойствия и захватив его огромный меч, Прекрасный царь обезьян с триумфом возвратился домой. С этих пор он стал ежедневно проделывать военные упражнения и научил своих подданных изготовлять из бамбука острые пики, делать деревянные мечи и носить знамена. Показал им, как нужно нести дозорную службу, вести наступление и отступление, располагаться лагерем, строить заграждения и еще многому другому. Много времени проводили обезьяны в подобных забавах. Но однажды их царь сел и задумался:

— Наши забавы,— сказал он,— могут принять за военные приготовления. И тогда какой-нибудь правитель людей, птиц или животных подумает, что мы замышляем что-то недоброе и обвинит в том, что мы готовим войну. Как же мы будем защищаться? Ведь вы вооружены только одними бамбуковыми пиками да деревянными мечами! Надо иметь острые мечи, алебарды, трезубцы — настоящее оружие: только тогда мы будем жить спокойно. Но где достать все это?

Обезьяны встревожились.

— Наш повелитель совершенно прав,— говорили они,— но нам негде достать оружие.

Тут выступили вперед четыре старые обезьяны — две краснозадые и две с совершенно гладкой спиной.

— Великий царь,— молвили они.— Достать настоящее оружие не так уж трудно.

— Почему вы так думаете? — спросил Сунь У-кун.

— А вот почему,— отвечали обезьяны.— К востоку от нашей горы на двести ли расстилается водное пространство. Это — гра-

ница страны Аолайго. Там в одном из городов живет правитель, у которого войска и населения не перечесть. Вот где можно найти мастера и по металлу, и по золоту, и по серебру. Стоит вам только побывать в тех краях, и можете не сомневаться,— вы закажете или купите оружие. Тогда вы обучите нас пользоваться им, и мы будем готовы защитить нашу гору и на долгие времена сохраним мир и спокойствие.

Мысль эта очень понравилась Сунь У-куну, и он сказал:

— Вы пока оставайтесь здесь, забавляйтесь, как и прежде, и ждите меня, а я отправлюсь в путь.

И с этими словами Прекрасный царь обезьян подпрыгнул, уселся на облако и в одно мгновение очутился по ту сторону водного пространства. Там он действительно увидел большой обнесенный рвом город со множеством домов и улиц. Везде было полно народу, у всех был счастливый и радостный вид.

«Здесь, конечно, можно найти оружие,— решил Сунь У-кун.— Спущусь-ка я вниз да куплю немного. А может быть, лучше добыть его с помощью волшебства?»

Подумав так, он произнес заклинание и, глядя на землю, с силой выдохнул из себя воздух. Тотчас же поднялся невообразимый ветер, песок и камни закружились в воздухе и напугали людей.

Сходились облака из разных стран,
Мрак наступил, и черный пал туман.

Вздымались волны силы несравненной
Во всех концах взволнованной вселенной.

И эти волны испугать могли б
Креветок, крабов и проворных рыб.

В лесах деревья, падая, ломались,
И волчьи стаи в страхе разбегались.

Тигр присмирел и в горы убежал,
Чтоб прятаться под выступами скал.

И продавцов на улицах не стало,
И покупателей осталось мало:

Князья в покоях ищут тишины,
Военные, гражданские чины,

Давно уже вернулись в управленья;
Дворец многовековый впал в смятенье,

Шатаются высокие дома,
И трон свалила эта кутерьма.

Буря повергла в страх правителей страны Аолайго. В городе началась паника. Народ спешил закрыть двери и окна, и никто не решался выходить на улицу. Тогда Сунь У-кун спустился на

землю и направился прямо ко дворцу. Он отыскал арсеналы с оружием, взломал двери и увидел бесчисленное количество оружия. Чего там только не было — и мечи, и пики, и сабли, и алебарды, и боевые топоры, и секиры, косы, кнуты, грабли, вилы и дубинки, луки и арбалеты, копья и многое другое. Глядя на все это, Сунь У-кун пришел в восторг и воскликнул:

— Много ли смогу я один унести? Нет, чтобы переправить все, придется снова прибегнуть к волшебству.

Тут Прекрасный царь обезьян выдернул у себя пучок шерсти, разжевал ее на мелкие кусочки и, выплюнув, произнес заклинание.

— Превращайтесь! — крикнул он.

В тот же миг появились тысячи маленьких обезьян, которые наперебой стали хватать оружие. Кто посильнее, тащил по шесть-семь штук сразу, послабее — по две-три штуки. Арсенал быстро опустел. После этого все они взобрались на облако, и вызванный волшебством страшный ветер сейчас же доставил их на Гору цветов и плодов.

В это время обезьяны как раз забавлялись около своей пещеры. Вдруг они услышали вой ветра и в воздухе увидели бесчисленное множество существ, которые визжали и кричали. В страхе обезьяны разбежались и попрятались кто куда. Но вскоре Прекрасный царь обезьян спустился вниз, рассеял туман и, отряхнувшись, водворил на место выдранный клочок шерсти. Сложив на склоне холма все оружие в кучу, он крикнул:

— Ну-ка, ребята! Идите, разбирайте оружие!

Выглянув из своих укрытий, обезьяны увидели, что, кроме Сунь У-куна, никого больше нет. Тогда они бросились к нему и, кланяясь, стали расспрашивать обо всем, что с ним произошло. Сунь У-кун рассказал подробно о том, как вызвал бурю и доставил сюда оружие. Поздравив своего повелителя с успехом, обезьяны подбежали к оружию и целый день таскали его. Кто хватал меч, кто саблю, кто пику, кто топор, тащили луки и арбалеты. Шум стоял весь день невообразимый.

Назавтра они, как обычно, выстроились в ряд. Сунь У-кун насчитал более сорока семи тысяч обезьян. Цари диких зверей и животных, населяющих окрестные горы: волков, тигров, кабарги, оленей, диких кошек, барсуков, лис, сусликов, обезьян, львов, слонов, горилл, медведей, кабанов, козлов, маралов, носорогов, а также повелители Духов семидесяти двух пещер* — все пришли засвидетельствовать свое уважение Прекрасному царю обезьян и выразить ему свою покорность. Каждый год они преподносили ему дань и четыре раза являлись на проверку. Некоторые из них по очереди отбывали разные работы, другие доставляли в определенный срок продовольствие. На Горе цветов и плодов воцарился полный порядок, и она стала крепка, как железная стена. Отовсюду повелители Духов наперебой слали бронзовые барабаны, цветные знамена, кольчуги и шлемы.

С этих пор обезьяны ежедневно обучались владению оружием и совершали боевые походы.

И вот как-то раз, любуясь всем происходящим, Прекрасный царь обезьян вдруг обратился к своим подданным:

— Ну что же,— сказал он,— вы, кажется, научились обращаться с оружием, умеете стрелять из лука и арбалета. Только вот мой меч мне не особенно нравится, какой-то он большой и нескладный. Не знаю даже, как мне быть.

Тут вперед выступили четыре старые обезьяны и почтительно доложили:

— Ведь вы, великий царь, бессмертны, и вам просто не пристало носить обычное оружие. А теперь скажите нам, могли бы вы проникнуть в водные пучины?

— С тех пор, как я познал путь истины, я овладел искусством семидесяти двух земных превращений,— отвечал им на это Сунь У-кун.— И самым чудесным из них является то, что я научился летать на облаках. Я могу также стать невидимым. Для меня открыт путь и на небо и под землю. Проходя мимо солнца и луны, я не оставляю тени, могу без всяких препятствий проникать сквозь камень и металл. Вода не поглотит меня, а огонь не сожжет. Что же может помешать мне проникнуть в морские глубины?

— Раз уж вы, великий царь, владеете подобным волшебством,— молвили обезьяны,— то должны знать, что вода, которая протекает под этим мостом, ведет прямо во дворец Дракона Восточного моря. И если только вы пожелаете нанести визит повелителю драконов, то могли бы попросить у него какое-нибудь оружие. Он, конечно, не откажет вам в этом.

Совет обезьян пришелся Сунь У-куну по душе, и он сказал:

— Ждите меня! Я сейчас же отправляюсь туда.

Остановившись на краю моста, Прекрасный царь обезьян произнес заклинание, которое должно было предохранить его от действия воды. Нырнув в волны, он, прокладывая себе через воду путь, очень быстро очутился на дне Восточного моря. По дороге ему вдруг встретился дозорный Якша *, который остановил его.

— Что за праведник прокладывает себе путь в воде? — спросил он.— Скажите, кто вы такой, чтобы я мог доложить о вас своему повелителю, и он устроит вам подобающую встречу.

— Как же можешь ты не знать меня? — удивился Сунь У-кун.— Ведь я — рожденный небом праведник с Горы цветов и плодов по имени Сунь У-кун и прихожусь, можно сказать, ближайшим соседом вашему Царю драконов.

Якша мигом бросился в хрустальный дворец и доложил своему повелителю:

— Великий царь, сюда пожаловал рожденный небом праведник Сунь У-кун. Он называет себя вашим ближайшим соседом и говорит, что прибыл с визитом во дворец.

Услышав это, Царь драконов Восточного моря Ао Гуан поспешно поднялся и, ведя с собой детей и внуков, а также креветок-солдат и крабов-генералов, вышел из дворца навстречу Сунь У-куну.

— Прошу вас, почтенный бессмертный, входите! — обратился он к пришедшему и ввел гостя. После обычных церемоний гостя усадили на почетное место и поднесли ему чаю.

— Могу ли я узнать,— спросил Царь драконов,— когда вы постигли истину и какому волшебному искусству научились?

— Только появившись на свет,— отвечал Сунь У-кун,— я сразу же отрешился от бренного мира и начал самоусовершенствоваться. И вот сейчас тело мое уже неподвластно законам рождения и разрушения. Недавно я стал обучать своих подданных военному делу, чтобы они могли защищаться, если будет нужно, и мне самому необходимо хорошее оружие. Я давно уже слышал, что у вас, уважаемый сосед, в покоях вашего дворца из кораллов и зеленого нефрита хранится много волшебного оружия. И вот сейчас я прибыл сюда только для того, чтобы попросить у вас что-нибудь из этого оружия для себя.

Царь драконов не решился отказать его просьбе и велел командиру-окуню тотчас же принести огромный меч, который и преподнес гостю.

— Я почему-то не могу пользоваться этим мечом,— сказал Сунь У-кун,— может быть, вы соизволите дать мне что-нибудь другое?

Тогда Царь драконов послал командира-малявку и силача-угря за боевыми вилами с девятью зубцами. Увидев вилы, Сунь У-кун вскочил, схватил их и, проделав несколько упражнений, воскликнул:

— Нет, они легкие! Очень легкие! Да к тому же мне как-то неудобно ими действовать. Очень прошу вас, дайте мне что-нибудь другое.

— Уважаемый бессмертный! — возразил смеясь Царь драконов.— Да вы разве не видите, что в этих вилах три тысячи шестьсот цзиней [1] весу.

— Все равно они мне не годятся,— повторил Сунь У-кун.

Тут Царь драконов растерялся и приказал генералу-лещу и командующему-карпу доставить огромную алебарду весом в семь тысяч двести цзиней. Увидев алебарду, Сунь У-кун подбежал к ней, схватил и, сделав несколько упражнений и выпадов, воткнул ее в землю.

— И это все еще не то! Легковата она! — сказал он.

Царю драконов стало страшно.

— Уважаемый бессмертный! — обратился он к Сунь У-куну.— Это самое тяжелое оружие, которое есть в моем дворце. Больше мне нечего вам предложить.

---

[1] Цзинь — мера веса, равная 0,6 килограмма.

— Еще в старину люди говорили,— отвечал со смехом Сунь У-кун,— «Это все равно, что Царю драконов печалиться о том, что у него нет сокровищ!» Вы поищите-ка получше и если найдется что-нибудь подходящее для меня, то я перед вами в долгу не останусь.

— Но у меня действительно ничего больше нет! — продолжал уверять Царь драконов.

В этот момент из внутренних покоев появилась жена Царя драконов с дочерью и, приблизившись к супругу, сказала:

— Великий царь! По всему видно, что этот мудрец —существо необыкновенное. У нас есть волшебное железо, которым был утрамбован Млечный Путь. В последние дни от этого железа исходит какое-то странное сияние. Я думаю, что оно предвещало нам приход этого мудреца, а сейчас словно велит нам отдать железо ему.

— Да ведь железо это священное. Сам великий Юй * устанавливал с его помощью глубину рек и морей,— сказал на это Царь драконов.— Как же сможет мудрец им пользоваться?

— А ты не беспокойся об этом,— уговаривала жена своего супруга,— ты подари ему железо, и все. Пусть делает с ним, что хочет. Лишь бы только выпроводить его из дворца.

Царь драконов послушался совета жены и рассказал о железе Сунь У-куну.

— Ну-ка, принесите его мне, я посмотрю,— попросил Сунь У-кун.

— Да что вы! — замахал руками Царь драконов.— Оно такое тяжелое, что его и с места не сдвинуть. Вы сами пойдите посмотрите.

— Что же, покажите тогда, где оно находится,— попросил Сунь У-кун.

И вот Царь драконов привел Сунь У-куна в сокровищницу моря. Тут вдруг в глаза им ударил блеск множества золотых лучей.

— Вот здесь оно и лежит! — сказал Царь драконов, указывая на то место, откуда исходило сияние.

Сунь У-кун подобрал полы своего халата, сделал несколько шагов вперед и, приблизившись к предмету, пощупал его. Оказалось, что это большой железный столб, толщиной с бадью и длиной свыше двух чжан. Сунь У-кун поднатужился и схватил его обеими руками.

— Длинноват, пожалуй, да и объемист! — сказал он.— Если бы чуть покороче и потоньше, вот было бы хорошо!

Не успел он закончить, как железный столб уменьшился в объеме и стал короче. Сунь У-кун прикинул, сколько он весит, и опять сказал:

— Еще бы чуточку потоньше!

И подумать только! Столб снова уменьшился, чем доставил Сунь У-куну огромное удовольствие. Сунь У-кун вытащил его

и стал рассматривать. Столб был сделан из черного железа, по краям сверкали золотые обручи. На одном из них выделялись выгравированные иероглифы: «Посох исполнения желаний с золотыми обручами. Весит 13 500 цзиней»,— гласила надпись.

Сунь У-кун остался очень доволен и решил: «Это как раз то, что мне нужно».

Однако, неся посох и подбрасывая его на ходу, Сунь У-кун снова стал размышлять:

«Как было бы чудесно, если бы он стал еще меньше».

Но когда Сунь У-кун вышел из сокровищницы, то оказалось, что посох уже имел два чжана длины, а толщиной был лишь в чашку. По дороге во дворец Сунь У-кун начал проделывать с посохом всякие чудеса, показывал различные приемы, и так напугал всех, что Царь драконов дрожал от страха, а у принцев душа ушла в пятки. Напуганные черепахи втянули головы, рыбы же, крабы и креветки попрятались кто куда мог.

Придя в хрустальный дворец, Сунь У-кун уселся и, не выпуская из рук своего сокровища, с улыбкой обратился к Царю драконов:

— Я вам очень благодарен, уважаемый сосед, за вашу доброту.

— Ну что вы, стоит ли говорить об этом.

— Слов нет, этот кусок железа мне очень нравится,— продолжал Сунь У-кун,— однако я хочу попросить вас еще об одном.

— О чем же, великий бессмертный?

— Пока я не имел этого железа, то и говорить было не о чем,— сказал Сунь У-кун.— Но теперь, когда оно у меня в руках, а на мне нет подобающего одеяния, я чувствую себя как-то неловко. Что же делать? Может быть, у вас найдется какой-нибудь наряд, я бы очень просил подарить его мне, а я за все сразу уж и отблагодарю вас.

— Вот уж таких вещей у меня действительно нет,— отвечал Царь драконов.

Но Сунь У-кун сказал на это:

— Старая поговорка гласит: «Порядочный гость не будет беспокоить двух хозяев». Вы хоть и говорите, что у вас нет подходящего одеяния, но знайте, что я не уйду отсюда, пока не добьюсь своего.

— Вы бы отправились в другое море, быть может, вам удастся там найти то, что нужно,— посоветовал Царь драконов.

— Говорят: «Лучше остановиться в одном доме, чем бегать зря по трем»,— возразил Сунь У-кун.— Я еще раз очень прошу вас найти для меня что-нибудь.

— Но право же, у меня ничего нет,— продолжал уверять Царь драконов.— Поверьте, имей я такое одеяние, я с удовольствием преподнес бы его вам.

— Так вы говорите, что у вас действительно ничего нет?— с угрозой в голосе сказал Сунь У-кун.— Ну что ж, придется мне тогда испробовать на вас это железо.

— Постойте, великий бессмертный, не надо драться,— поспешно заговорил Царь драконов.— Я посмотрю, нет ли чего-нибудь у моих братьев. Тогда, может быть, я и смогу удовлетворить ваше желание.

— А где ваши братья? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Один из них — Ао Цинь — Царь-дракон Южного моря, другой, Ао Шунь — Царь-дракон Северного моря и третий, Ао Жун — Царь-дракон Западного моря.

— Но я вовсе не желаю идти к ним!— воскликнул Сунь У-кун.— Правильно говорит пословица: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Я надеюсь все же, что вы сами найдете что-нибудь подходящее для меня.

— Да вам и не нужно идти к ним,— успокоил его Царь драконов.— В моем дворце есть металлический барабан и золотой колокол. И вот в особо важных случаях мы бьем в эти инструменты, и братья тотчас же являются сюда.

— Ну, тогда бейте скорее в колокол и барабан,— согласился Сунь У-кун.

И действительно, не успел крокодил ударить в колокол, а черепаха в барабан, как три царя-дракона, встревоженные этими звуками, немедленно явились на зов. Хозяин встретил их около дворца.

— Дорогой брат,— молвил Дракон Южного моря Ао Цинь,— что случилось? Почему ты бьешь в барабан и колокол?

— Дорогие братья,— заговорил старый Дракон.— Трудно даже рассказать вам об этом. Какой-то праведник с Горы цветов и плодов, рожденный небом, пришел навестить меня, как своего соседа. А затем стал просить какое-нибудь оружие. Я дал ему стальные вилы, но они показались ему малы. После этого я предложил ему огромную алебарду, однако и ее он счел легкой. Тогда я решил отдать ему священное железо, которым утрамбовывали Млечный Путь. Он сам вытащил его и проделал несколько упражнений. Сейчас этот праведник сидит во дворце и требует для себя еще одеяние, а у меня здесь ничего подходящего нет. Вот почему я приказал бить в барабан и в колокол и звать вас сюда. Может быть, у вас, дорогие братья, найдется для него какое-нибудь платье, тогда мы отдадим его праведнику и выпроводим его.

Выслушав это, Дракон Ао Цинь так и вскипел от гнева.

— А почему бы нам не привести сюда наши войска и не схватить его?— воскликнул он.

— Об этом ты даже и не заикайся!— поспешно перебил его старый Дракон.— Стоит только ему взять в руки это железо, и гибель наша неизбежна. От одного прикосновения этого железа можно расстаться с жизнью.

— Действительно, лучше не трогать его, братья,— предложил Дракон Западного моря Ао Жун.— Мы найдем ему какое-

нибудь платье, лишь бы только избавиться от него, а затем обратимся с жалобой к небу, и оно накажет его.

— Правильно,— подтвердил Дракон Северного моря Ао Шунь.— У меня, например, есть туфли из корней лотоса, в которых можно ходить по облакам.

— А я захватил с собой золотую кольчугу с замками,— сказал Дракон Западного моря Ао Жун.

— У меня есть шлем из пурпурного золота, украшенный перьями феникса,— сообщил Дракон с юга Ао Цинь.

Слова их доставили огромное удовольствие старшему Дракону. Он ввел братьев во дворец, чтобы познакомить их с Сунь У-куном и преподнести ему подарки.

Сунь У-кун надел на себя шлем, кольчугу и туфли и с жезлом в руках сейчас же покинул дворец.

— Ишь разворчались!— сердито бросил он, проходя мимо драконов.

Мы не будем рассказывать о том, что возмущенные братья стали держать совет, как обратиться к владыке неба с жалобой на Сунь У-куна.

Послушайте лучше, что случилось дальше. Покинув подводное царство, Царь обезьян быстро очутился у железного моста и взобрался на него. Здесь его уже поджидали четыре старые обезьяны, а с ними и остальные. Они увидели, что неожиданно появившийся из воды Сунь У-кун совершенно сух. Весь сияя золотом, он прошел на мост, и тут все обезьяны склонились перед своим повелителем, то и дело восклицая:

— Какое великолепие! Какая роскошь!

Широко улыбаясь, Сунь У-кун поднялся на трон и поставил перед собой свой посох. Не зная, что это за диковина, обезьяны бросились к сокровищу, желая подержать его. Но представьте себе, что стрекоза захотела бы потрясти железный столб! Они даже с места не могли его сдвинуть. Покусывая пальцы и высовывая языки, обезьяны выражали свое удивление:

— Повелитель! Лишь тебе одному под силу такая тяжесть!

Тут Сунь У-кун выступил вперед и поднял посох одной рукой.

— Каждая вещь имеет своего хозяина!— улыбаясь, проговорил он.— Это сокровище пролежало на дне моря много тысяч лет и лишь в этом году стало излучать свет. Царь драконов думал, что это просто кусок черного железа, хоть и называл его чудесным сокровищем, которым утрамбовали Млечный Путь. Никто не мог поднять посох, и они попросили меня пойти и взять его. Когда он впервые очутился в моих руках, то имел более двух чжан в длину и был толщиной с бадью. Я решил, что это, пожалуй, велико для меня, и он тотчас же стал намного меньше. И вот всякий раз, как я хотел, чтобы посох уменьшился, желание мое исполнялось. На посохе я увидел надпись: «Посох исполнения желаний с золотыми обручами. Весит 13 500 цзиней».

А теперь расступитесь и посмотрите, как по моему велению посох будет изменяться.

И действительно, держа в руке свое сокровище, Царь обезьян крикнул:

— Уменьшайся! Уменьшайся! Уменьшайся!

И посох сразу же стал таким маленьким, как игла для вышивания, которую совершенно свободно можно спрятать в ухе. Все были поражены и закричали:

— Великий царь! Проделай с ним еще что-нибудь!

Тогда Царь обезьян вытащил иглу из уха и, положив ее на ладонь, приказал:

— Становись больше, больше, больше!

И посох увеличился до двух чжан длины и стал толщиной с бадью. Тут Сунь У-кун вошел в азарт. Он вскочил на мост, выбежал со своим сокровищем из пещеры, и, прибегнув к небесному волшебству, нагнулся и крикнул:

— Становись длиннее!

В тот же момент Сунь У-кун поднялся вверх на десять тысяч чжан. Голова его стала подобна горе Тайшань, талия напоминала горные хребты, глаза сверкали, словно молнии, рот походил на кровавую чашу, а зубы — на ножны сабель. Посох, который Сунь У-кун не выпускал из рук, достигал вверху тридцать третьего неба *, а внизу касался восемнадцатого слоя преисподней. Перепуганные тигры, барсы, волки, шакалы и другие звери заполнили горы, а злые Демоны — правители обитателей семидесяти двух пещер, дрожа от страха, пали ниц и отбивали земные поклоны. Вдруг Сунь У-кун снова произнес магическое заклинание и принял прежний вид, а его драгоценность превратилась в иглу для вышивания. Он спрятал ее в ухо и вернулся к себе в пещеру. Демоны — обитатели пещер явились к нему с поздравлениями.

И тогда приказали бить в барабаны и гонги. Был устроен торжественный пир, во время которого подавали всевозможные редкие яства, сок из кокосовой пальмы, разные наливки и настойки из винограда. Веселились очень долго, а затем снова приступили к занятиям военным делом.

Царь обезьян пожаловал четырем старым обезьянам звания полководцев. Двух макак он назвал командующими Ма и Лю, а двух других назвал военачальниками Пэн и Ба.

Поручив четырем обезьянам устройство и укрепление лагеря, а также распределение наград и наложение наказаний, Сунь У-кун со спокойной душой стал каждый день совершать на облаках прогулки по окрестным морям и горам. Он упражнялся в военном деле, посещал доблестных героев, совершенствовался в применении волшебных заклинаний и завел много друзей среди небожителей. Он успел побрататься с шестью злыми демонами: быком, водяным драконом, грифом, духом обезьяны, макакой, львом. Они часто встречались, беседовали о житейских делах

и о военном искусстве, пили чарами и кубками вино, играли на музыкальных инструментах, распевали песни и танцевали. Так, собираясь по утрам и расходясь лишь к вечеру, проводили они время во всевозможных забавах и увеселениях. Проделать путь в десять тысяч ли было для них все равно, что выйти за ограду своего дома. Стоило им кивнуть головой, и они могли очутиться в другом месте, где-нибудь за три тысячи ли. Один поворот тела переносил их дальше, чем на восемьсот переходов.

Как-то раз Сунь У-кун приказал своим четырем полководцам устроить пиршество и пригласил к себе в пещеру шестерых своих побратимов—правителей духов. Забили коров и лошадей, чтобы принести жертвы небу и земле. Всем было разрешено петь, плясать и веселиться до упаду, есть и пить вволю.

Проводив своих гостей — шестерых повелителей духов, Сунь У-кун оделил подарками больших и малых начальников, после чего прилег у моста в тени под сосной отдохнуть и тотчас же уснул. Четыре военачальника охраняли покой своего повелителя, и никто не осмеливался громко разговаривать.

И увидел Царь обезьян во сне, что к нему приблизились два духа с бумагой в руках. На бумаге было три иероглифа, из которых состояло его имя: Сунь У-кун. Не успел Царь обезьян произнести и слова, как они вытащили веревки и, связав ему душу, поволокли ее за собой к обнесенному стеной городу. К этому времени хмель у Сунь У-куна стал проходить. Подняв голову и оглядевшись, он увидел на стене железную вывеску: «Преисподняя».

«Как же это я очутился здесь?— промелькнуло в голове у Сунь У-куна.— Ведь Преисподняя находится во власти Князя смерти Янь-вана».

— Годы твоей жизни кончились,— промолвили тут духи, доставившие его сюда,— и нас послали за тобой.

— Я выше земного мира чувственных страстей,— воскликнул Сунь У-кун.— Я не состою из пяти элементов и не подчинен власти Князя смерти. Вы что, с ума сошли? Как же осмелились вы схватить меня и тащить сюда?!

Но посланцы ада продолжали тащить Сунь У-куна, не обращая внимания на его слова. Тут Царь обезьян рассердился, вытащил из уха свою драгоценность, потряс ею, и она стала толщиной с чашку. Он легонько взмахнул ею и ударил духов, посланных за его душой. От тех осталось лишь мокрое место. Освободившись от веревок, Сунь У-кун, широко шагая, направился в крепость, размахивая своим посохом. Увидев его, демоны с головой быка и мордой лошади в страхе стали метаться из стороны в сторону, а толпа других демонов ринулась во дворец и доложила:

— Великий царь! Беда! Беда! Какой-то Бог грома с обросшим шерстью лицом приближается ко дворцу!

Тут десять судей смерти * пришли в сильное замешательство и,

быстро приведя себя в порядок, вышли посмотреть, что происходит. Увидев рассвирепевшего Сунь У-куна, они выстроились в ряд и громко приветствовали его:

— Великий бессмертный, назовите нам свое имя!

— Раз вы не знаете меня, то как осмелились послать за мной своих людей?— крикнул Сунь У-кун.

— Да разве посмели бы мы поступить подобным образом!— возразили судьи.— Вероятно, посланные допустили какую-то ошибку!

— Я святой мудрец из Пещеры водного занавеса, с Горы цветов и плодов,— представился Царь обезьян.— А вы кто будете?— спросил он их в свою очередь.

— Мы десять судей Владыки Преисподней,— отвечали те с поклоном.

— Ну так вот, если не хотите, чтобы я побил вас, быстрее называйте свои имена!— приказал Сунь У-кун.

И все десять судей назвали свои имена.

— Если вы действительно судьи смерти, то должны быть наделены божественным провидением,— сказал Сунь У-кун.— Как же вы не разбираетесь в делах? Я постиг истину и стал бессмертным праведником, вечным, как небо. Я стою выше чувственного мира и не подчиняюсь законам пяти стихий. Как же смели вы послать своих людей схватить меня и привести сюда?

— Не гневайтесь, праведник,— отвечали судьи.— Мир велик, и людей, носящих одинаковые имена, много. Очевидно, наши посланцы совершили ошибку и спутали вас с кем-нибудь другим.

— Все это ерунда!— крикнул Сунь У-кун.— Ведь существует даже поговорка, которая гласит: «Правители могут быть плохими, чиновники могут быть плохими, но тот, кого они посылают, ни при чем». Дайте-ка мне сейчас же книги с именами живых и мертвых, и мы посмотрим, в чем дело!

Судьи пригласили Сунь У-куна во дворец Владыки Преисподней, и он с посохом в руках последовал за ними и уселся в центре зала лицом к югу [1]. Между тем судьи приказали чиновнику, ведающему списками, принести все дела для проверки. Чиновник поспешил в канцелярию, вытащил там несколько папок с документами и десять книг со списками и стал одну за другой просматривать их. Он проверил список обыкновенных насекомых, насекомых, покрытых шерстью, крылатых насекомых, чешуйчатых, но нигде не обнаружил имени Сунь У-куна. Тогда он взялся за списки обезьян, но и здесь Сунь У-куна не оказалось. А надо вам сказать, что обезьяны, хоть и похожи на человека, а в списках людей не числятся. Есть у них сходство и с животными, но они не живут в какой-либо определенной стране. Похожи они также на зверей, однако не подчиняются

[1] В древнем Китае лицом к югу садились цари, князья, правители.

Цилиню и, несмотря на свое сходство с птицами, не подвластны фениксу.

Но нашлась еще одна книга, которую Сунь У-кун решил проверить сам. И вот здесь он прочитал: «Душа номер 1350», а ниже: «Сунь У-кун. Каменная обезьяна, порожденная небом. Продолжительность жизни — 342 года. Спокойная смерть».

— Я сам не помню, сколько лет я прожил!— воскликнул Сунь У-кун.— Мое имя надо вычеркнуть отсюда! Дайте-ка мне кисть!

Чиновник поспешно подал ему кисть, густо обмакнув ее в тушь.

Тогда Сунь У-кун взял книгу и вычеркнул из нее все имена обезьян, которые там значились. Затем, отбросив книгу, он воскликнул:

— Ну, теперь мы в расчете! Больше мы вам не подвластны!

И, взяв свой посох, он стал прокладывать себе дорогу из царства мрака.

Ни один из десяти судей не решился даже приблизиться к нему. Они отправились во Дворец бирюзовых облаков и, склонившись перед бодисатвой Дицзан-ваном *, стали спрашивать его, следует ли им обратиться с жалобой к Нефритовому императору. Однако рассказывать об этом мы сейчас не будем.

Выбравшись из крепости, Царь обезьян запутался в траве и едва удержался на ногах. Тут он пришел в себя и понял, что все это было сном. Потягиваясь, он услышал, как четыре его полководца и другие обезьяны говорили:

— Великий царь! Вы много выпили, проспали здесь всю ночь и все еще не можете проснуться.

— Все это неважно,— отвечал им Сунь У-кун.— Но когда я спал, сюда пришли два человека, которые увели меня в царство мрака. Тут только я проснулся и произнес свое волшебное заклинание. Меня проводили прямо во дворец Владыки Преисподней, где восседали судьи смерти. Их было десять. Я поссорился с ними, с этими судьями, просмотрел книгу жизни и смерти и там нашел наши имена. Я вычеркнул их, и теперь мы не будем больше подчиняться Владыке Преисподней.

Обезьяны стали земно кланяться своему повелителю, благодарили его. И вот с тех пор многие горные обезьяны не стареют, потому что их имена были вычеркнуты из списков ада. Царь поведал о том, что с ним произошло, и обезьяны-полководцы оповестили обо всем Духов — властителей пещер. А те не замедлили прийти и принести свои поздравления. Прошло несколько дней, и шесть побратимов Сунь У-куна явились с поздравлениями. Они тоже выслушали рассказ Сунь У-куна и несказанно обрадовались тому, что имена обезьян вычеркнуты из книги. Вместе с царем братья проводили время в забавах и увеселениях, но рассказывать об этом мы не будем.

Послушайте лучше о том, как Дракон Восточного моря подал

жалобу божествеииому всемилостивейшему Нефритовому императору иеба. Как-то раз во время утреннего приема, когда император восседал в своем облачном дворце с золотыми воротами в Зале божествеиного небосвода, окруженный божествеииыми сановниками, военными и граждаискими чинами, одии из придворных, праведник Цю Хуи-цзи почтительно молвил:

— Разрешите доложить вам, великий царь! Ко дворцу прибыл Дракон Восточного моря, ои прииес жалобу и нижайше просит принять его.

Император велел пригласить Дракоиа. Ао Гуана ввели в Зал божествеииого небосвода, и он воздал императору полагающиеся почести. После этого стоявший в стороне божествеииый отрок взял у Дракона бумагу и поднес ее императору. Император иачал читать:

Я — Ао Гуан, Восточного моря Дракон,
Отдаю повелнтелю неба смнренный поклон,
Доношу, что обидел меня безо всяких на это причин
Сунь У-кун, знаменитый волшебник из горной пещеры.
Он без спроса спустился на дно океанских пучин
И ворвался в подводный дворец, обнаружив плохие манеры,
И, оружия требуя, поднял в покоях скандал,
И тогда, повелев прекратить назревавшую драку,
Я невольно злодею оружие грозное дал,
Повннуясь смиренно волшебному жесту н знаку...
Распугал он в воде обитающих рыб и зверей,
В скалах прятались крабы, уплыли на дно черепахи,
И драконы могучие трех океанских морей
Притаились, втянув чешуйчатые головы в страхе.
И тогда перед ним я склонился, бессилен и нем,
И поднес победителю посох волшебный, железный,
Золотой, разукрашенный перьями феникса, шлем,
Башмаки для ходьбы в облаках над воздушною бездной
И кольчугу с замком... Дорогие подарки приняв,
Удалился злодей, повторяя прыжки и удары,—
Не принес извинений за свой необузданный нрав
И ушел невредимый, избегнув заслуженной кары.
И поскольку волшебная сила его велика,
О прнвычном спокойствии в мире подводном радея,
Я прошу императора тотчас отправить войска
И могучей рукой покарать наглеца и злодея [1].

Прочитав жалобу до коица, император соизволил приказать:

— Пусть Дракои возвращается в свое море. Мы пошлем войска и арестуем преступника.

Склоиившись перед императором и поблагодарив его, Дракои удалился. Но ие успел ои уйти, как появился небесный советиик по имеии Гэ Сяиь-вэи, который, представ перед императором, провозгласил:

— Ваше величество! Во дворец прибыл первый судья смерти. Он принес с собой жалобу от бодисатвы Дицзаи-ваиа.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Тогда божественная фея взяла бумагу и преподнесла ее императору. Нефритовый владыка прочитал ее с начала до конца:

В тиши Преисподней в подземной таинственной мгле
Судом беспристрастным подводятся жизням итоги,
И демоны ищут приюта на грешной земле,
И есть для святых в небесах безмятежных чертоги.
Как мир изначально мельканье ночи и дня,
У птиц и зверей оболочки телесные тленны,
Но души не старятся, цепь воплощений храня,
Законы природы во веки веков неизменны.
И эти законы задумал нарушить злодей —
По воле небесной родившийся Царь обезьяний.
Он вестников смерти убил, напугал в Преисподней судей,
Устроил скандал во дворце и немало иных злодеяний.
Он в книге судеб, что в подземных покоях хранится,
Посмел зачеркнуть подчиненных своих имена
И черною тушью запачкал святые страницы,—
Теперь над его обезьянами смерть не вольна.
Подземные силы бессильны его покарать,
Небесное войско для этого дела пригодней,
И мы умоляем направить волшебную рать,
Могуществом неба покой возродить в Преисподней [1].

— Пусть правители царства мрака возвращаются к себе в Преисподнюю,— приказал император, прочитав все до конца.— Мы отправим военачальников и схватим этого смутьяна.

Склонившись перед императором и поблагодарив его, первый судья царства мрака удалился. Тогда император обратился к окружавшим его сановникам:

— Когда появилась эта волшебная обезьяна и в каком перевоплощении ей было предназначено постигнуть великое учение?

Едва он произнес это, как вперед выступили Всевидящий глаз и Всеслышащее ухо:

— Эта каменная обезьяна появилась триста лет назад из расщелины скалы. Вначале она ничем особенным не отличалась. Но за последние годы ей каким-то образом удалось усовершенствовать себя и достичь бессмертия. И вот теперь она покоряет драконов, усмиряет тигров и самовольничает, изменяя списки царства мрака.

— Кто же из вас, бессмертных, согласится сойти вниз, чтобы смирить этого беззаконника?— спросил, выслушав их, император.

Тут выступил вперед Дух Вечерней звезды и, преклонив колена, молвил:

— О священнейший! Все существа, которые населяют землю и имеют девять отверстий, могут достичь бессмертия. Поэтому вовсе не удивительно, что обезьяна, созданная небом и землей, сиянием солнца и луны, вскормленная росой и жившая под открытым небом, достигла пределов возможного. Она самоусовершенствовалась, познала великое учение и теперь обладает силой,

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

способной покорять драконов и тигров. Обезьяна эта ничем не отличается от человека. Поэтому я обращаюсь к вашему величеству с нижайшей просьбой: явите свое императорское милосердие и вызовите эту обезьяну на небо, назначьте на официальную должность и занесите в списки слуг вашего величества. Здесь она будет постоянно находиться под надзором. И тогда, если она станет подчиняться велениям неба, вы сможете даже повысить ее в должности и наградить. А не пожелает слушаться, то ее тут же можно и усмирить. И вот, если мы поступим подобным образом, не нужно будет посылать войска, а, кроме того, это будет лучшим способом привлечь к себе бессмертного.

Слова эти доставили большое удовольствие Нефритовому императору.

— Быть посему! — молвил он и тут же велел своему писцу написать соответствующий указ, с которым отправил Духа Вечерней звезды. Дух вышел через Южные ворота, сел на облако и вскоре очутился на Горе цветов и плодов у Пещеры водного занавеса.

— Я посланец неба,— обратился он к толпе обезьян,— и прибыл сюда с высочайшим указом. Нефритовый владыка призывает вашего царя на небо. Доложите ему об этом поскорее.

Обезьяны стремглав бросились во внутренние помещения пещеры.

— Великий царь!— обратились они к своему повелителю.— Там, у пещеры, стоит какой-то старец. Он говорит, что послан сюда небом с высочайшим указом, в котором вас приглашают отправиться вместе с ним на небо.

Услышав это, Прекрасный царь обезьян не мог скрыть своей радости.

— А я ведь последнее время как раз думал о том, чтобы отправиться на небо,— промолвил он,— и вот видите, посланец прибыл очень кстати. Пригласите-ка его побыстрее сюда.

Царь быстро привел в порядок свою одежду и головной убор и поспешил навстречу гостю.

Пройдя в середину зала, Дух звезды остановился, повернулся лицом к югу и произнес:

— Я — Дух Вечерней звезды. Меня послал сюда Нефритовый император. Он шлет вам указ, в котором призывает вас на небо. Там вы получите должность и станете небесным чиновником.

— Я очень тронут тем вниманием, которое вы оказали мне, спустившись на землю,— отвечал на это Сунь У-кун и тут же велел своим подданным устроить в честь гостя пир.

— Но я привез с собой священный указ,— возразил Дух звезды,— и поэтому не могу долго задерживаться. У нас еще будет случай побеседовать с вами после вашего назначения.

— Не смею настаивать,— почтительно отвечал Сунь У-кун.— Благодарю за честь, которую вы оказали нам своим посещением.

После этого он подозвал четырех старых обезьян-военачальников и дал им наставления.

— Обучайте молодых обезьян со всем усердием и ждите меня. Я побываю на небе, посмотрю, хорошо ли там, и тогда возьму и вас туда с собой, и мы будем жить вместе.

Обезьяны-полководцы склонились перед своим повелителем в знак согласия, и Царь обезьян последовал за Духом звезды. Они сели на облако и стали подниматься ввысь.

И поистине:

Вознесся на небо,
И ныне в высшем сане

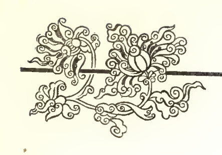
В одном ряду
С бессмертными он встанет:

Теперь он к облакам
Небесным близок,

Внесенный
В самый драгоценный список.

Читатель! Вы еще не знаете, какую должность получил Сунь У-кун. Поэтому прошу вас послушать, о чем повествует следующая глава.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как Царь обезьян остался недоволен назначением на должность бимавэня и о том, как он не успокоился даже после того, как стал называться «Великий Мудрец, равный небу»

Итак, Дух звезды вместе с Прекрасным царем обезьян покинул пещеру. Они сели на облако и поднялись ввысь. А надо вам сказать, что Сунь У-кун передвигался на облаках особым способом и именно благодаря этому двигался необычайно быстро. Очень скоро Дух звезды остался далеко позади, и Сунь У-кун первым прибыл к Южным воротам неба. Однако в тот момент, когда он уже собирался войти, дорогу ему преградил начальник стражи небесных ворот сопровождаемый большим отрядом охраны, вооруженной пиками, мечами и алебардами.

— Оказывается, этот старый Дух просто жулик!— возмутился Царь обезьян.— Ведь он сам пригласил меня сюда, зачем же ему понадобилось высылать навстречу мне стражу с мечами и пиками?!

Как раз в этот момент подоспел запыхавшийся Дух звезды. Увидев его, Сунь У-кун сердито крикнул:

— Ты что это, старик, вздумал обманывать меня! Ты сам сказал, что по указу Нефритового императора пригласил меня на небо! Почему же стража не впускает меня?

— О государь! Не сердитесь,— с улыбкой промолвил Дух.— Ведь вам еще не приходилось посещать небесные чертоги, и здесь вас никто не знает. Как же могла небесная стража впустить вас? Вот сегодня, когда вы представитесь императору и получите назначение и звание, никто больше не помешает вам входить и выходить.

— Ах, вот как,— сказал Сунь У-кун,— в таком случае я не хочу идти туда.

— Да нет, со мной-то вы войдете,— и с этими словами Дух остановил Сунь У-куна, собиравшегося уже уходить, и, приблизившись к небесным воротам, громко крикнул:

— Эй! Охрана, военачальники и стражники! Дайте дорогу! Сюда явился бессмертный с земли, которого я вызвал по указу Нефритового императора.

Тут начальник стражи и охрана убрали оружие и удалились. Лишь теперь Сунь У-кун поверил Духу и спокойно последовал за ним. Когда он вошел во дворец, его глазам представилась картина, о которой поистине можно было сказать:

Кто посещал впервые мир небесный,
Тот попадал и во дворец чудесный,
Где радуга на стенах трепетала
И алые лучи свои сплетала,
Где сотни струй эфирных в сочетанье
Отбрасывали алое сиянье.
Взгляните же на Южные ворота —
Какая здесь искусная работа! —
Отделаны глазурью совершенной
И темно-синей яшмой драгоценной.
По сторонам начальники стояли
И потолка главою достигали,
В руках бунчук держали и оружье,
А воины стояли полукружьем,
В строю, за полководцами своими,
Кольчугами сверкая золотыми.
У них в руках стальные были плети,
Блюли порядок строгий стражи эти.
Снаружи все не слишком поражало,
Зато внутри пришельцев ослепляло.
Стремились ввысь огромные колонны,
Вокруг которых обвились драконы,
И чешуя сверкала золотая.
Прогуливались фениксы, блистая
Раскрашенными яркими крылами
И красными качая головами;
Здесь длинные мосты повсюду были,
По ним-то эти фениксы ходили,
Неся лучей небесных отраженье
В своем прекрасном, пестром оперенье;
Оно цветы земли напоминало,
Туманы над Медведицею Малой!

Здесь тридцать три дворца в небесной сени;
Вот, например, «Дворец пяти учений»,
Большой «Дворец Хранителя закона»,
Иль «Облаков — скитальцев небосклона».
Здесь семьдесят и два имелось зала:
«Лингуандянь»... да и других немало,
«Просторов неба», «Светов знаменитых»;
Цилини здесь стояли из нефрита.
Терраса Шоусин была веками
Засажена бессмертными цветами,
И никогда цветы не увядали.
Здесь в тигле эликсир приготовляли —

Бессмертье сообщающий напиток;
И был вокруг зеленых трав избыток.
Когда же императора покои
Увидели пришельцы пред собою,
То темно-синий занавес кисейный,
Весь в звездах, распахнулся легковейно.
Там в глубине покоилась корона,
Она казалась мальвой золоченой,
Алмазным блеском ослепляли взоры
Бесценные прекрасные уборы.
Расшиты были туфли жемчугами,
Лежали ленты рядом с орденами.
При звуках колокола золотого
Сановники к вратам спешили снова.
Когда же громко в барабан ударят,
Князья идут в покои государя.
Вошли пришельцы в Зал небес священный,
Где дверь была из яшмы драгоценной,
А створки на златых гвоздях держались,
Где фениксом ворота украшались.
Его изобразили кисть и краски,
Прекрасного в своей священной пляске.
Так шли они от зала к залу — дале,
И множество чудес они видали:
Лепились по карнизам крыш драконы,
На гребне кровли, высоко вознесенном,
Темно-пурпурный куполок вздымался;
Источником сиянья он являлся,
И был подобен тыквочке-горлянке;
Внизу же феи, верные служанки,
Держали — кто зонты, кто — опахала,
А та салфеткой блюдо прикрывала.
И стража и начальник по приему
Хранили верность духу боевому,
Здесь воины стояли в карауле
И стерегли бессмертия пилюли,
Которые в прекрасном этом зале
В лазурной вазе горкою лежали.
А в дивной вазе черного агата
Коралла ветвь светилась красновато.
Здесь столько было во дворцах небесных
Вещей необычайных и чудесных:
Ворота раскрывались золотые,
Звонили колокольчики литые
Серебряным своим прозрачным звоном,
Луна плыла тихонько перед троном,
И солнце, к утреннему встав приему,
В низине шло по небу голубому.
Попав сюда, владыка обезьяний
Не должен был спускаться в мир страданий
И пасть на землю из небесной сени
Для суеты людской, для искушений.

Вместе с Прекрасным царем обезьян Дух подошел к Залу священного небосвода и без доклада проследовал прямо к императорскому трону. Здесь он, низко склонившись, приветствовал императора. Сунь У-кун, между тем, стоял выпрямившись рядом с ним. Он, видимо, не имел ни малейшего намерения от-

давать почести императору и лишь слегка склонил ухо, чтобы слышать все, что скажет Дух.

— Разрешите доложить,— начал посланец неба,— я выполнил ваш указ и привел земного бессмертного.

— О каком бессмертном идет речь?— взглянув вниз, спросил владыка неба.

— Это я — Сунь У-кун,— подал голос Царь обезьян, склонившись, наконец, перед императором.

— Что за невежественная обезьяна!— побледнев от негодования, возмущенно заговорили присутствовавшие на приеме сановники.— Как осмелилась она не воздать императору должных почестей, а ответить просто: «Это я — Сунь У-кун». Да за такой поступок она достойна смерти!

— Этот Сунь У-кун — земной бессмертный,— соизволил заметить император.— К тому же он недавно приобрел человеческий облик. Не удивительно, что он не знает правил придворного этикета, и на этот раз мы должны отнестись к нему снисходительно.

Подобная милость вызвала восхищение божественных сановников, а Сунь У-кун только теперь произнес приветствие. Затем император приказал всем гражданским и военным сановникам просмотреть списки и найти для Сунь У-куна свободную должность. Тут выступил вперед властитель звезды Уцюй и почтительно доложил:

— Сейчас ни в одном из дворцов и залов небесных чертогов не найдешь свободной должности. Только у надзирателя императорских конюшен есть место смотрителя.

— Ну что ж, назначьте его на должность бимавэнь *— смотрителя конюшен,— приказал император.

Все снова выразили восхищение милостью императора. А император велел Духу звезды Мудэ проводить Сунь У-куна к надзирателю конюшен, где он и должен был приступить к исполнению своих обязанностей.

Между тем Прекрасный царь обезьян очень охотно последовал за Духом звезды Мудэ и, прибыв на место, вступил в свою должность. После того Дух звезды Мудэ вернулся во дворец. В конюшнях собрались надзиратели, их помощники, военная охрана, писари, служители и все остальные, большие и малые чиновники конюшен. Ознакомившись с делами, Сунь У-кун узнал, что здесь находится только тысяча небесных коней. Тут были и восемь знаменитых скакунов Чжоуского императора Му-вана*, знаменитый скакун Гуань-юя * — Красный заяц и много других прославленных в истории коней.

Каждый конь был так могуч, что от ржанья его поднимался ветер, и так быстр, что мог догнать молнию. Эти кони умели бегать по туманам и облакам, и сила их была неиссякаемой.

Сунь У-кун вначале просмотрел все инвентарные списки, а затем проверил количество коней и ознакомился с обязанно-

стями служащих. Писари ведали заготовкой фуража, конюхи должны были чистить и мыть коней, косить и нарезать траву, носить воду и готовить корм. Надзиратели и их помощники помогали управляющим вести остальные дела. День и ночь все они ухаживали за лошадьми, кормили их, и ни у кого не оставалось времени даже поспать. Кони подобрались капризные и беспокойные. День еще проходил сносно, но вот ночью они доставляли всем конюхам много хлопот. Надо было поднять и накормить лошадей, которые уже улеглись спать, или же идти и ловить тех, что убежали.

В тот день, когда небесные кони увидели Царя обезьян, они с такой жадностью стали пожирать корм, что очень скоро разъелись. Недели через две выдалось свободное утро, и служащие конюшен решили устроить пирушку в честь прибытия Сунь У-куна. Они хотели поздравить его с назначением. В разгар веселья Царь обезьян вдруг отставил свой бокал.

— Что за звание бимавэнь? — поинтересовался он.

— Это просто название твоей официальной должности,— отвечали ему.

— А к какому рангу относится эта должность?— снова спросил У-кун.

— Да ни к какому.

— Выходит, должность эта настолько высока, что не относится ни к одному из разрядов?

— Да нет, это совсем маленькая должность, она даже так и числится «без ранга».

— Как это так «без ранга»?— продолжал допытываться Сунь У-кун.

— Это самая последняя должность. На такие должности, как ваша, назначается тот, кто не зачислен ни в один из служебных рангов. Назначенные на должность бимавэнь должны присматривать за конями. Если они делают это добросовестно, может быть, их и похвалят иногда. Если же кони станут хиреть, то за это может и достаться. А когда с ними что-нибудь случится, нечего и говорить — накажут без всякого снисхождения.

В груди Царя обезьян забушевало пламя гнева, и он даже зубами заскрежетал.

— Так вот как обошлись со мной — Сунь У-куном! На Горе цветов и плодов я был отцом и государем, а здесь меня обманули и заставили ухаживать за лошадьми! Если моя должность считается такой ничтожной и ее могут выполнять подростки и низкие люди, так зачем назначили меня сюда?! Нет, не стану я больше работать на них и сейчас же уйду!

С криком негодования Сунь У-кун опрокинул стол, вынул из-за уха свое сокровище, которое вмиг превратилось в посох толщиной с чашку и, прокладывая себе дорогу, ринулся вон из конюшен прямо к Южным воротам. Небесная стража, которой уже было известно, что он зачислен в списки бессмертных и

Сановник Вэй-чжэн и Танский император Тай-цзун

занимает официальную должность бимавэнь, не осмелилась задержать Сунь У-куна. и он свободно прошел через Южные ворота.

Вскоре на облаке он достиг Горы цветов и плодов и здесь увидел, как его четыре военачальника вместе с духами — правителями пещер производят военные учения.

— Ребятки! К вам вернулся ваш господин!—громко крикнул Сунь У-кун.

В тот же миг его толпой окружили обезьяны и, земно кланяясь, приветствовали. Затем они с почетом проводили своего повелителя в пещеру, усадили на трон и спешно занялись приготовлением пира в честь его прибытия.

— Примите наши поздравления, великий царь,— говорили они.— Вы прожили на небе более десяти лет, остались, несомненно, довольны и прибыли со славой.

— Ведь я покинул вас всего каких-нибудь полмесяца назад, откуда же вы взяли, что я пробыл там более десяти лет?— удивился Сунь У-кун.

— На небе время течет незаметно,— отвечали ему.— Один день, проведенный там, равен году на земле. Осмелимся ли мы узнать, великий царь, какую вы там получили должность?

— Даже сказать стыдно!— замахал в ответ руками Сунь У-кун.— От подобного позора можно умереть! Этот Нефритовый император совсем не умеет ценить людей и не придумал ничего лучшего, как назначить меня на должность бимавэнь, как у них она называется. Мне поручили уход за лошадьми, а занимающему эту должность звания вообще не полагается. Вначале я ничего об этом не слышал и жил в свое удовольствие в императорских конюшнях. И лишь сегодня, беседуя со своими сослуживцами, узнал о постигшем меня позоре. Я сильно разгневался, опрокинул рабочий стол и, бросив свою должность, спустился на землю.

— Вы замечательно поступили, великий царь!— воскликнули в один голос обезьяны.— Разве можно променять трон правителя столь счастливой страны, как наша, на должность какого-то конюха!

— В таком случае, ребятки, приготовьте-ка поскорее вина, чтобы рассеять печаль вашего повелителя,— приказал Сунь У-кун.

И вот, в разгар веселья в пещеру вошел дежурный и доложил:

— Великий царь, у дверей ожидают два духа Единорога, они хотят видеть вас.

— Ну, что же, зови их сюда.

Духи оправили на себе одежду и, войдя в пещеру, пали ниц перед царем.

— По какому делу вы пожаловали ко мне?— молвил Прекрасный царь обезьян.

— Мы давно слышали о том, что вы принимаете в свое цар-

ство всех достойных,— отвечали духи,— но до сих пор у нас не было случая засвидетельствовать вам свое почтение. И вот, узнав о том, что вы получили назначение на небесах и с почетом вернулись, мы решили принести вам, великий царь, свои поздравления и в знак нашего уважения преподнести вам халат оранжевого цвета. Если же вы не сочтете унизительным принять к себе на службу нас, недостойных, то мы до конца дней своих будем служить вам верой и правдой.

Эти слова доставили большое удовольствие Царю обезьян. Он тут же облачился в оранжевый халат, а остальные обезьяны, сияя радостью, выстроились в ряды и воздали ему почести. Духам было присвоено звание военачальников передовых отрядов. Поблагодарив за оказанную им милость, духи принялись расспрашивать Сунь У-куна о том, долго ли он пробыл на небе и какую должность там занимал.

— Нефритовый император не ценит способных людей,— ответил на это Царь обезьян.— Он назначил меня на должность какого-то бимавэня.

— Да разве можно с такими волшебными способностями, какими обладаете вы, великий царь, ухаживать за лошадьми?— воскликнули духи.— Неужели вы недостойны получить звание «Великого Мудреца, равного небу»?

Царь обезьян пришел в неописуемый восторг и стал радостно восклицать:

— Вот это чудесно! Замечательно!

Он тут же велел четырем военачальникам отдать приказ изготовить знамя с надписью из четырех больших иероглифов: «Великий Мудрец, равный небу», и вывесить его на большом бамбуковом шесте. Отныне все должны были называть его «Великим Мудрецом, равным небу», а не просто великим царем, как раньше. Он повелел оповестить об этом приказе всех демонов — властителей пещер. Однако распространяться об этом больше нет надобности.

На следующий день, когда у Нефритового императора происходил прием, небесный наставник подвел к трону начальника конюшен и его помощника, а те склонились перед императором.

— Разреши доложить тебе, великий государь, что вновь назначенный бимавэнем Сунь У-кун вчера покинул небесный дворец, так как считает для себя эту должность унизительной.

Как раз в этот момент к трону приблизился начальник охраны Южных небесных ворот в сопровождении стражников.

— По неизвестным причинам бимавэнь прошел через небесные ворота и удалился,— доложил он.

Тогда Нефритовый император повелел:

— Пусть небесные служители возвращаются к своим делам. Мы пошлем небесных воинов арестовать негодника.

Тут из толпы царедворцев выступил князь неба Вайсравана* со своим сыном Ночжа * и, приветствуя владыку неба, молвил:

— Великий государь! Хоть способности мои и невелики, но я просил бы послать меня с этим поручением.

Нефритовый император остался очень доволен, назначил Вайсравану главным командиром, сына его — Ночжа — помощником, велел им собрать войско и отправиться в поход.

Вайсравана и Ночжа пали ниц перед императором, поблагодарили его за оказанную честь и вернулись к себе во дворец, где собрали войско и назначили командиров. Передовым отрядом должно было командовать огромное божество. В арьергарде следовало войско под командой генерала Юйду, а Якша командовал резервом. Войско прошло через Южные небесные ворота и очень быстро достигло Горы цветов и плодов. Выбрав ровное место, воины расположились лагерем. Дух рек Цзюйлиншэнь * должен был вызвать врага на бой. Он привел себя в боевую готовность и, размахивая огромными топорами, приблизился к Пещере водного занавеса. Там он увидел множество оборотней. Среди них были волки, тигры, шакалы и другие звери, которые с диким визгом и ревом прыгали и бегали, размахивая пиками и мечами. Они проводили учебный бой.

— Эй вы твари!— крикнул Дух рек.— Я прибыл сюда по приказанию Нефритового императора, чтобы усмирить бимавэня. Немедленно доложите ему об этом и скажите, чтобы он сейчас же вышел сюда, не то я всех вас уничтожу.

С криком: «Беда пришла, беда пришла!» — оборотни стремглав бросились в пещеру.

— Какая там еще беда?— спросил их Царь обезьян.

— К пещере подошел какой-то небесный полководец и говорит, что прибыл сюда по повелению Нефритового императора, чтобы усмирить вас. Он требует, чтобы вы сейчас же вышли к нему и выразили свою покорность небу, иначе все мы поплатимся жизнью.

— Подать мне боевые доспехи!— приказал Царь обезьян. Ему принесли шлем из пурпурного золота и кольчугу из желтого золота, туфли для хождения по облакам и волшебный посох. Облачившись и взяв в руки посох, царь вывел всех своих воинов и выстроил их в боевой порядок. Дух рек от удивления даже глаза раскрыл и не мог не согласиться с тем, что Царь обезьян действительно выглядел великолепно:

Кольчуга дивная была на нем,
Он в шлеме красовался золотом;
На посохе был обруч золотистый;
Звездой светился взор его лучистый.
Магические туфли на ногах
Носил он для хожденья в облаках;
А тело, подготовя к превращенью,
Держал он непрерывно в напряженье.
Стояли брови у него торчком,
И в голосе был колокольный гром;
А уши у него до плеч свисали.

Он скалился — и зубы выступали.
Но бимавэнь, зубастый, востромордый,
Охвачен был одной мечтою гордой,
И целый день он помышлял о том,
Что будет Равным Небу мудрецом.

— Ничтожная обезьяна!— громко крикнул Дух рек Цзюйлиншэнь.— Ты что, не узнаешь меня?

— Ах ты несчастный дух!— крикнул в ответ Мудрец. — Мне никогда не приходилось встречать тебя. Ну-ка, говори живее, как тебя зовут?

— Да как ты смеешь, низкая обезьяна, притворяться, что не узнаешь меня,— крикнул Дух рек.— Я Цзюйлиншэнь — командир передового отряда небесного войска, которое по велению Нефритового императора прибыло сюда под командованием князя неба Вайсраваны, чтобы усмирить тебя! Немедленно сложи оружие и сдавайся на милость неба, если не хочешь, чтобы все обитатели этих гор были уничтожены. Помни! При малейшем сопротивлении тебя сотрут в порошок!

Эти слова привели Царя обезьян в неописуемое бешенство.

— Ах ты, подлый дух! Перестань бахвалиться и спрячь свой длинный язык! Я мог бы прикончить тебя своим посохом, но не сделаю этого только потому, что мне некого будет отправить с донесением на небо. Сейчас же ступай к своему императору и передай ему мои слова. Он совершенно не ценит способных людей, если не нашел для меня лучшей должности, чем бимавэнь. Видишь, что написано на этом знамени? Так вот, если император согласен сохранить за мной это звание, я не стану с ним воевать, и тогда и на небе и на земле будет царить покой. Если же он не пожелает поступить подобным образом, я нанесу такой удар по его священному трону, что он свалится.

Цзюйлиншэнь взглянул в ту сторону, куда указывал Сунь У-кун, и увидел там развевающееся по ветру большое знамя с крупными иероглифами: «Великий Мудрец, равный небу». Тут Цзюйлиншэнь не выдержал и презрительно расхохотался.

— Какая дерзость! Значит, ты, ничтожная обезьяна, хочешь стать «Великим Мудрецом, равным небу», ну, так испробуй сначала моего топора!

С этими словами он взмахнул топором и нацелился прямо в голову Сунь У-куна. Но Царь обезьян увернулся и отразил удар. Между ними завязался жестокий бой.

«Посохом желаний» — назывался посох,
«Истины поборник» — топора названье.
И достойны оба встретиться друг с другом,
Началось в сраженье их соревнованье.

Дар свой чародейный скрыл один противник,
А другой хвалился волшебством могучим:
Дунув, мог он вызвать облака, туманы,
И, воздевши руки, пыль вздымал он тучей.

Постиженьем дао Цзюйлиншэнь был славен,
Сунь У-кун — искусством дивных превращений.
Был топор, как феникс средь цветов душистых,
Посох был драконом с красотой движений.

Цзюйлиншэня чтили всюду в Поднебесье,
Но его противник славился недаром:
В голову нацелясь, посохом вращал он,
Чтоб его обрушить бешеным ударом.

Наконец Цзюйлиншэнь понял, что ему не устоять. И в тот момент, когда Царь обезьян занес над его головой посох и Цзюйлиншэнь, чтобы отразить удар, поднял свой топор, раздался громкий треск, и рукоятка топора разлетелась надвсе. Тут Цзюйлиншэнь бежал с поля боя.

— Эх ты щенок! — крикнул смеясь Царь обезьян.— Я пощажу твою жизнь! Беги быстрее и сообщи, что произошло!

Вернувшись в лагерь, Цзюйлиншэнь прошел прямо к Вайсраване и, повалившись ему в ноги, задыхаясь, промолвил:

— Бимавэнь обладает столь чудодейственной силой, что я не смог одолеть его, потерпел поражение и вот явился к вам с повинной.

— Этот негодяй опозорил меня!— с негодованием закричал Вайсравана.— Выгнать его отсюда и отрубить ему голову!

Но в этот момент вперед выступил сын Вайсраваны — Ночжа и, низко поклонившись отцу, молвил:

— Не гневайся, отец! Помилуй на этот раз Цзюйлиншэня и разреши мне вступить в бой с обезьяной. Я сам хочу посмотреть, что за существо этот бимавэнь.

Вайсравана послушался совета сына, приказал Цзюйлиншэню вернуться в лагерь и ждать там окончательного решения. А Ночжа, надев на себя шлем и кольчугу, помчался из лагеря и сразу же очутился у Пещеры водного занавеса. Сунь У-кун как раз собирался отвести свои войска, как вдруг увидел Ночжа. Этот принц выглядел настоящим героем.

В косички часть волос заплетена,
Лишь темя закрывать она должна,
А волосы, что на затылке были,
Длиной до плеч ему не доходили.
Был юноша и мудр, и даровит,
Имел прекрасный и изящный вид;
Открытым был, разумным и спокойным,
И сыном своего отца достойным.
Он праведностью славился своей;
Конечно, не походит на людей
Ведущий род от самого дракона,
И, с детства красотою одаренный,
Он отличался от детей земных
И существом не походил на них.
Шестью приемами он мог сражаться —
Оружье неба может изменяться;

Указ же императорский гласил,
Чтоб он высокий чин в войсках носил —
«Помощника и друга полководца».
Так этот чудный юноша зовется.

— Ты откуда взялся?— выступив вперед, спросил его Сунь У-кун. И зачем ворвался к нам?

— Да ты, я вижу, и узнавать меня не желаешь, негодная обезьяна?— крикнул тот.— Я принц Ночжа, сын небесного князя Вайсраваны. По повелению Нефритового императора мы прибыли сюда схватить тебя.

— Вот что, князек!— рассмеялся Сунь У-кун.— У тебя молоко еще на губах не обсохло, да и пупок не совсем засох, а ты осмеливаешься разговаривать со мной таким тоном! Я сохраню тебе жизнь, но хочу, чтобы ты прочитал надпись на этом знамени. Передай Нефритовому императору: если он присвоит мне такое звание, я сам выражу ему покорность и ему незачем будет посылать сюда свои войска. Если же он не согласится выполнить мое желание, я разнесу его драгоценный Зал священного небосвода.

«Видно, эта подлая обезьяна в самом деле вообразила себя каким-то необычайным волшебником, раз посмела называться таким именем!»—подумал Ночжа, прочитав надпись на знамени. — Ну, держись! Придется тебе познакомиться с моим мечом.

— Смотри же!— крикнул Сунь У-кун.— Руби своим мечом, сколько хочешь! Я с места не двинусь.

Эти слова вывели Ночжа из себя.

— Изменись!— воскликнул он и тотчас же превратился в божество с тремя головами и шестью руками.

Ночжа был страшен. В каждой руке он держал оружие. Тут были и меч для казни чудовищ, и нож, и веревка, и пест для покорения, и разрисованный шар, и огненное колесо. С этим оружием принц ринулся вперед.

Сунь У-кун встревожился.

— А этот мальчишка кое-что умеет,— сказал он.— Смотри не зазнавайся! Сейчас я покажу тебе свое волшебство! Изменись!— раздался громкий голос Сунь У-куна.

И в тот же миг он превратился в существо с тремя головами и шестью руками. Затем он взмахнул своим жезлом с золотым обручем и в руках у него оказалось сразу три жезла. Сунь У-кун ринулся вперед, и вот между Царем обезьян и принцем завязался такой бой, что задрожала земля и покачнулись горы. Поистине это было замечательное сражение:

Был Ночжа шестирукий смел и рьян,
Соперник — Царь прекрасный обезьян;
Для одного — здесь с неба нисхожденье,
Чтоб данное исполнить порученье.
Другой же о себе настолько мнил,
Что небеса мятежно возмутил.

Был приготовлен острый меч для казни.
Никто не мог увидеть без боязни
То лезвие, что чудища разит,
Пред ним святой и демон задрожит.
Уже взвились удавом жадным путы,
Был волчьей мордой пест, смирявший смуты,
Вращенье посоха рождало блеск и жар,
И грозно перекатывался шар.
Три «Посоха желаний» вверх взлетали
И Мудреца надежно прикрывали.
Вничью кончалась схватка не одна,
И не была победа решена.
Ночжа не допускал и на мгновенье
Прекрасного сраженья прекращенье;
Он много раз оружье умножал,
По-разному врага он поражал,
Но Сунь У-куна это не страшило,
Смеялся он, сражаясь с новой силой:
Не посохом одним вооружен,—
Был в тысячи тот посох превращен.
И посохов теперь взметнулась стая,
Как молнии, по воздуху летая.
И повалились демоны в горах,
Скрыв головы, испытывая страх.
Властители пещер закрыли входы;
Перед Ночжа трепещет вся природа.
Когда ж оружье двух бойцов встречалось,
То грохотанье грома раздавалось,
Небесный вопль с одной шел стороны,
И люди были им потрясены;
С другой же стороны во вражьем стане
Взвивался стяг высокий, обезьяний,
И это было страшно для людей.
Так битва шла в жестокости своей:
Противники сражались, не робея,
Но кто из них сильнее, кто — слабее?

Принц Ночжа и Царь обезьян Сунь У-кун вихрем носились, пустив в ход все свое искусство. Они схватывались уже более тридцати раз. За это время принц успел приумножить свое оружие во много тысяч раз. То же самое проделал Сунь У-кун со своими посохами. Оружие их сверкало в воздухе, искры разлетались во все стороны; но все еще нельзя было сказать, кто из них победит.

Сунь У-кун был очень ловок и проворен. В разгар боя он выдернул у себя из шерсти волосок и крикнул: «Изменись!» В тот же миг волосок превратился в точную копию царя. И этот второй Сунь У-кун стал наступать на Ночжа спереди. Воспользовавшись этим, Сунь У-кун зашел позади Ночжа и, взмахнув своим жезлом, нанес ему сильный удар в левое плечо. В этот момент Ночжа собрался совершить какое-то магическое заклинание. Услышав позади свист посоха, он хотел уклониться от удара, однако не успел и, ощутив сильную боль, бросился бежать с поля боя. Ночжа потерпел поражение. Он снял с себя чары волшебства, принял свой обычный вид и вернулся в лагерь.

А надо вам сказать, что наблюдавший за ходом боя Вайсравана хотел уже послать войска на помощь сыну, как вдруг перед ним предстал принц Ночжа и, весь дрожа от страха, доложил:

— Венценосный отец мой! Этот бимавэнь—существо поистине необыкновенное! Даже я, твой сын, владея всевозможными волшебными приемами, не в состоянии был одолеть его. Он нанес мне поражение и ранил в плечо.

— Если этот мошенник обладает столь чудодейственной силой, то разве сможем мы усмирить его?!— воскликнул, окончательно растерявшись, Вайсравана.

— Около его пещеры на огромном шесте висит знамя с надписью: «Великий Мудрец, равный небу»,— продолжал Ночжа.— И вот он хвастается, что заставит Нефритового императора пожаловать ему это звание. Иначе он угрожает разнести Зал священного небосвода.

— Тогда лучше пока оставить его в покое,— заметил на это Вайсравана.—Вернемся на небо и обо всем доложим императору. А потом усилим небесные войска подкреплением и еще успеем окружить и захватить этого негодяя.

Мы не станем подробно рассказывать вам о том, как принц из-за боли в плече уже не мог сражаться и вместе со своим отцом вернулся на небо.

Когда Царь обезьян с победой возвратился к себе на гору, Демоны—правители семидесяти двух пещер и шесть его побратимов явились к нему с поздравлениями. По этому случаю в пещере обетованной земли был устроен великолепный пир. И вот на пиру Сунь У-кун обратился к своим побратимам:

— Поскольку отныне меня будут величать Великим Мудрецом, равным небу, вы все также должны называться великими мудрецами!

В ответ на это князь Демонов громко воскликнул:

— О! Это очень разумно, мудрый брат! Пусть теперь все называют меня «Великим Мудрецом, усмиряющим небо».

— А меня «Великим Мудрецом, будоражащим море»,— закричал демон Водяной дракон.

— А я буду «Мудрецом, вызывающим смуту на небе»,— предложил Дух грифа.

— А я—«Мудрецом, сдвигающим горы»,—промолвил Дух льва.

— Пусть зовут меня «Мудрецом, проникающим всюду ветром»,— заявил Дух обезьяны-макаки.

— А меня—«Мудрецом, изгоняющим священных духов»,— откликнулся Дух обезьяны.

Итак, каждый из шести названных братьев сам пожаловал себе звание; все они остались очень довольны друг другом, гуляли и веселились весь день и разошлись только с наступлением вечера.

Между тем Вайсравана и принц Ночжа во главе своих отрядов

вернулись на небо, явились в Зал священного небосвода и доложили:

— По твоему приказу, наш повелитель, мы с войсками спустились на землю, чтобы усмирить бессмертного Сунь У-куна. Однако, вопреки нашим ожиданиям, его волшебные силы оказались настолько велики, что мы не смогли одолеть его. Поэтому покорнейше просим, ваше величество, дать нам еще подкрепление,— тогда мы уничтожим его.

— Как же так! Неужели какая-то ничтожная обезьяна обладает такими огромными силами, что для того, чтобы справиться с ней, нужно еще подкрепление?— молвил император.

В этот момент вперед выступил Ночжа.

— Великий государь!— сказал он.— Я совершил тяжкое преступление, но прошу смилостивиться надо мной. У этой дикой обезьяны есть железный посох, им-то она и поразила Цзюйлиншэня, а затем ранила в плечо и меня. Около пещеры, в которой она живет, стоит бамбуковый шест, на котором висит знамя с иероглифами: «Великий Мудрец, равный небу». И вот она заявила, что если получит это звание, тогда незачем посылать войска, она сама придет сюда. В противном случае обезьяна грозит разрушить Зал священного небосвода.

— Как же смеет эта дикая обезьяна так нагло вести себя!— гневно воскликнул император и тут же приказал отправить войско уничтожить Сунь У-куна.

Но в этот момент из рядов придворных выступил вперед Дух Вечерней звезды и так сказал:

— Все это пока только разговоры. Никто не знает, на что способна эта обезьяна. Если снова послать войска для ее усмирения, то надо приготовиться к длительной и упорной борьбе, так как вряд ли удастся справиться с ней сразу. Уж лучше вы, великий государь, явите свое милосердие. Призовите эту обезьяну к себе и пожалуйте ей титул «Великого Мудреца, равного небу». Это можно сделать лишь для виду, не назначая обезьяну на сколько-нибудь важную должность с жалованьем.

— Я что-то не совсем понимаю, как можно иметь должность и не получать жалованья,— удивился император.

— Очень просто, обезьяна получит звание «Великого Мудреца, равного небу», но никакой официальной должности и жалованья иметь не будет,— ответил Дух Вечерней звезды.— Однако, находясь в Поднебесной, она отучится от своих порочных привычек и не станет вести себя так сумасбродно, как до сих пор. Тогда на небе и на земле воцарятся мир и спокойствие.

— Быть посему,— молвил император, выслушав Духа звезды и тут же велел приготовить указ, с которым приказал отправить Духа звезды.

И вот Дух снова вышел через Южные небесные ворота и направился прямо к Пещере водного занавеса. Однако теперь здесь все изменилось. Местность имела грозный вид. Каких только

чудовищ, свирепых, сильных, могущественных, здесь не было! Размахивая мечами и пиками, саблями и палицами, они с диким визгом скакали и носились. Увидев Духа, они сразу же ринулись на него.

— Эй вы, начальники!— обратился к ним Дух.— Доложите своему повелителю, что сюда со священным указом прибыл посланец небесного императора. Вашего царя приглашают прибыть в небесный дворец.

Чудовища тотчас же бросились докладывать.

— Возле пещеры стоит какой-то старик,— сказали они.— Он говорит, что прибыл сюда с императорским указом, в котором вас приглашают в небесный дворец.

— Что ж, очень хорошо!— обрадовался Сунь У-кун.— Это, наверное, Дух Вечерней звезды. Он и в прошлый раз приходил приглашать меня на небо. Хотя мне и не дали достойного звания, но я не жалею, что побывал там. А сейчас он, вероятно, прибыл сюда с хорошими вестями.

И Сунь У-кун приказал своим командирам выстроить войска и встретить посланца с развернутыми знаменами и барабанным боем. Сам Мудрец облачился в оранжевый халат, надел шлем, кольчугу и туфли для хождения по облакам, поспешил во главе своих подданных навстречу посланцу и, низко склонившись перед ним, громко его приветствовал:

— Прошу вас, почтенный Дух, войти и извинить меня за то, что не успел встретить вас.

Быстрыми шагами Дух Вечерней звезды вошел в пещеру и, остановившись в центре, повернулся лицом к югу и провозгласил:

— Я должен сообщить тебе, Великий Мудрец, следующее: когда небесному императору доложили о том, что ты счел для себя оскорбительным то назначение, которое ты получил, и покинул конюшни, владыка сказал: «При прохождении службы обычно начинают с низких должностей и постепенно доходят до более высоких. Как же можно уже в самом начале выражать недовольство незначительной должностью?» После этого император отдал приказ Вайсраване и Ночжа спуститься на землю, чтобы усмирить тебя. Однако твоя волшебная сила победила их. Вернувшись на небо, они доложили о том, что ты требуешь для себя звания «Великого Мудреца, равного небу». Тогда против тебя снова хотели направить войска, и вот я, рискуя навлечь на себя гнев императора, предложил не отправлять против тебя войск, а присвоить тебе это звание. Император согласился, и сейчас я пришел за тобой.

— Премного благодарен вам за ваши хлопоты и заботу обо мне, как в прошлый раз, так и сейчас,— с улыбкой промолвил Сунь У-кун.— Не знаю только, есть ли на небе звание «Великий Мудрец, равный небу»?

— Я осмелился явиться сюда лишь после того, как уверился,

что звание это ты получишь,— отвечал Дух звезды.— Во всяком случае, что бы там ни произошло, всю вину я готов принять на себя.

Слова эти очень обрадовали Сунь У-куна. Он хотел было задержать Духа звезды, чтобы устроить в честь его пир, но тот отказался. Тогда они отправились на облаке к Южным небесным воротам и там прошли прямо в Зал священного небосвода. Склонившись перед императором, Дух звезды доложил:

— Ваше повеление выполнено: Сунь У-кун здесь.

— Подойди сюда,— приказал император Сунь У-куну.— Я провозглашаю тебя «Великим Мудрецом, равным небу». Звание это высокое, и я надеюсь, что отныне ты будешь вести себя рассудительно.

Царь обезьян остановился перед троном и громко приветствовал императора, выражая свою благодарность. После этого император приказал небесным служителям выстроить справа от персиковых садов управление Великого Мудреца, равного небу. В управлении учреждалось два департамента: один под названием «департамент тишины и спокойствия», другой — «департамент спокойных духов». Для ведения дел ему выделили целый штат небесных служащих. Затем император приказал Духу созвездия Удоу проводить Сунь У-куна в его помещение. Царю обезьян были пожалованы две меры вина и десять золотых цветов. При этом ему пожелали успокоить свое сердце, утвердиться в своих стремлениях и не допускать впредь безрассудных поступков.

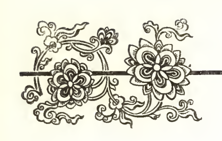
Получив свое назначение, Сунь У-кун тотчас же отправился с Духом созвездия Удоу к себе. Здесь он откупорил вино и вместе со всеми распил его. После этого Дух созвездия вернулся во дворец. Добившись осуществления всех своих желаний, Сунь У-кун был безмерно счастлив и стал жить в свое удовольствие в небесных чертогах, не зная ни забот, ни печали.

Поистине:

Бессмертный, в списки жизни занесенный
И времени уже не подчиненный,
И превращеньям не подвластен он...
Что для него круговорот времен!

О том же, что происходило в дальнейшем, вы можете узнать из следующей главы.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун расстроил Персиковый пир и украл эликсир бессмертия, а также о том, как он учинил дебош в небесных чертогах и небожители устроили поход против волшебной обезьяны

По правде говоря, Мудрец, равный небу, был всего-навсего волшебной обезьяной. В чинах и званиях он совершенно не разбирался, деньги его тоже не прельщали и больше всего ему хотелось, чтобы имя его значилось в списках небожителей. Жил он во дворце, где к нему были приставлены чиновники двух департаментов. Три раза в день наш Мудрец принимал пищу, по ночам великолепно спал, не знал забот и наслаждался полной свободой.

Все свое время он употреблял на встречи с друзьями, прогулки во дворец и на завязывание знакомств с обитателями неба. Из всех небожителей он должен был с особым почтением относиться только к троице буддийского божества * и правителям четырех небес, называя буддийское божество «преподобным», а каждого правителя «ваше величество». С Духами же девяти планет, зенита и четырех стран света, двадцати восьми созвездий, четырех небесных правителей, двенадцати знаков зодиака и остальными обитателями звезд и Млечного Пути, Сунь У-кун обращался как равный с равными.

Свои прогулки Сунь У-кун совершал на облаках. Сегодня он отправлялся на восток, завтра держал путь на запад. В своих передвижениях он не ставил перед собой каких-нибудь определенных целей, а летел куда ему вздумается. Но вот однажды во время утреннего приема у императора из рядов придворных выступил бессмертный по имени Сюй Цзин-ян и, склонившись перед императором, молвил:

— Почтительно довожу до сведения вашего величества, что Великий Мудрец, равный небу, проводит время в безделье и праздности. Он со всеми перезнакомился, и сейчас все духи звезд, как высших, так и низших, стали его закадычными друзьями. Боюсь, как бы он не натворил беды. Не лучше ли дать ему какую-нибудь работу.

Император тут же велел привести Царя обезьян. Сунь У-кун явился в радостном настроении.

— Вы звали меня, ваше величество, конечно, для того, чтобы объявить мне о повышении или награде?

— Мы слышали,— отвечал император,— что у тебя нет сейчас подходящего дела и решили дать тебе работу. Отныне ты будешь охранять Персиковый сад*, надеюсь, что к своим новым обязанностям ты отнесешься с должным усердием.

Подобная милость доставила Великому Мудрецу огромное удовольствие. Он поблагодарил императора и, отдав ему почести, удалился. Горя нетерпением вступить в новую должность, Сунь У-кун поспешил в Персиковый сад. Но, когда он приблизился, Дух-сторож преградил ему дорогу.

— Куда вы направляетесь, Великий Мудрец?

— Нефритовый император повелел мне наблюдать за Персиковым садом, и вот я прибыл сюда, чтобы осмотреть мои новые владения.

Тогда Дух оказал Сунь У-куну все полагающиеся почести и позвал землекопов, водоносов, подметальщиков, чтобы представить их новому начальнику. Работники поклонились ему до земли, а потом провели в сад. Что за волшебная картина открылась перед глазами Сунь У-куна!

Качаются, блестят на солнце
Деревьев стройные ряды,
Одни — еще цветут прекрасно,
А на других — висят плоды.

На кожицу плодов — узоры,
Как на парчу, легко легли;
Под тяжестью плодов созревших
Склонились ветви до земли.

Но только раз в тысячелетье
Деревья ведают расцвет,
Для них значенья не имеют
Ни миг, ни десять тысяч лет.

Созрев, плоды в румянце алом
Казались от вина пьяны,
На черенках еще висели
Те, что остались зелены;

Под солнцем искрились янтарно,
А у корней трава росла,
И ни в какое время года
Она увянуть не могла.

Везде встречались там беседки,
Менялись радуги цвета,
И поражала, ослепляла
Неведомая красота.

Ведь не простой садовник смертный
Творцом был этаких чудес:
Сад посадила драгоценный
Ван-му *— владычица небес.

— Сколько же здесь деревьев?— спросил Великий Мудрец.

— Деревьев здесь три тысячи шестьсот,— отвечал Дух.— В начале сада растут деревья с мелкими цветами и небольшими плодами, их всего тысяча двести. Плоды на них созревают раз в три тысячи лет. Тот, кто вкусит эти плоды, превращается в бессмертного, познавшего истину; тело его становится крепким и легким. В центре сада растет еще тысяча двести деревьев. Цветут они в несколько слоев и имеют сладкие плоды, которые созревают раз в шесть тысяч лет. Тот, кто отведает этих плодов, остается вечно юным; он может свободно подниматься на облаках и туманах. И в конце сада вы увидите еще тысячу двести деревьев. Плоды у них пурпурного цвета, с бледно-желтыми косточками. Созревают они раз в девять тысяч лет, и тот, кто отведает этих плодов, становится равным небу и земле, вечным, как солнце и луна.

Все, что услышал Сунь У-кун, привело его в восторг. Он сразу же проверил, в порядке ли деревья, пересчитал беседки, пагоды и павильоны, после чего вернулся в свой дворец. В дальнейшем раз в пять дней, а то и чаще Сунь У-кун, с удовольствием посещал сад. Теперь он уже не встречался со своими друзьями и не путешествовал.

Но вот однажды высоко на деревьях он заметил много спелых персиков. Ему захотелось отведать свежих плодов, но, как нарочно, его всегда сопровождал кто-нибудь из служителей — то Дух, то работники сада. В этот раз он решил во что бы то ни стало избавиться от своих провожатых.

— Вы можете идти,— сказал он им.— Я что-то устал и, пожалуй, отдохну немного здесь, в беседке.

Оставшись один, Царь обезьян сбросил одежду и, вскарабкавшись на дерево, принялся рвать самые крупные и спелые плоды. Когда персиков собралось очень много, он пристроился на ветвях и стал с наслаждением уплетать их. Вдоволь наевшись, Сунь У-кун спустился вниз, облачился в свои одежды, позвал свиту и торжественно вернулся в свои покои. Дня через три он снова нашел способ, чтобы полакомиться персиками.

Но вот однажды царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир *. Для этого празднества были отведены драгоценные залы и Дворец нефритовой заводи. Царица приказала феям-служанкам — в красном, синем, черном, пурпурном, желтом и зеленом одеяниях — отправиться с корзинами в сад и собрать

там персиков. У ворот феи встретили Духа, служителей сада и чиновников двух департаментов.

— Царица Ван-му приказала нам собрать персиков для пира,— молвили феи. — Мы пришли сюда выполнить ее поручение.

— Придется вам обождать, волшебные красавицы,— отвечал им Дух.— Сейчас здесь не так, как в прошлом году. Нефритовый император назначил Великого Мудреца, равного небу, наблюдать за Персиковым садом. Мы должны доложить ему о вас, и если он разрешит, то откроем ворота.

— А где сейчас Великий Мудрец?— спросили феи.

— Он утомился и отдыхает в беседке.

— Ну так пойдите за ним. Нельзя нам здесь задерживаться.

И вот они все вместе направились к беседке. Но там они нашли лишь головной убор да одежду Великого Мудреца. Тщательные поиски оказались напрасными — Сунь У-куна нигде не было.

А надо вам сказать, что, ускользнув от своих спутников, наш Мудрец съел несколько персиков и, превратившись в крохотного человечка, уснул под большим листом на верхушке дерева.

— Мы должны выполнить приказ царицы,— тревожились феи-служанки,—что будет, если вы не отыщете Великого Мудреца? Ведь не можем мы вернуться с пустыми руками!

— Ну что ж, волшебные красавицы, раз вы пришли сюда по высочайшему повелению,— сказал один из служителей Великого Мудреца,— мы не смеем задерживать вас. Наш Великий Мудрец в свободное время обычно совершает прогулки и, сейчас, возможно, отправился к кому-нибудь из своих друзей. Идите за персиками, а, когда он вернется, мы доложим о вас.

Феи-служанки так и сделали. В начале сада они собрали три корзины, потом столько же в центральной его части и затем пришли в конец сада. Но тут на деревьях почти ничего не было. Лишь на некоторых ветках можно было заметить несколько зеленых персиков. Все спелые плоды съел Царь обезьян. Долго искали феи-служанки и, наконец, на ветке, обращенной к югу, увидели один-единственный еще не дозревший персик. Фея в синем нагнула ветку, а фея в красном сорвала плод. Это была как раз та самая ветка, на которой спал превратившийся в крохотного человечка Великий Мудрец. Когда ветку отпустили и она взлетела вверх, Сунь У-кун от резкого толчка проснулся. Он тут же принял свой обычный вид и вытащил из уха посох с золотыми обручами. Помахав ею, он превратил ее в большой посох и закричал:

— Ах вы ведьмы, откуда вы явились? И как осмелились без разрешения срывать мои персики?!

Перепуганные феи одна за другой упали на колени и взмолились:

— Не гневайтесь на нас, Великий Мудрец, мы вовсе не

ведьмы. Мы феи, нас послала сюда сама царица неба Ван-му и велела нам собрать волшебных персиков. Ведь скоро в Драгоценном зале будет Персиковый пир. Когда мы прибыли сюда, то встретили Духа-сторожа и другую вашу стражу. Они везде искали вас, но так и не нашли. А мы, боясь нарушить приказ царицы, не дождались вас и стали собирать персики. Умоляем вас простить нашу вину!

Выслушав их, Великий Мудрец сменил гнев на милость и молвил:

— Встаньте, красавицы, и скажите мне, кого позовут на Персиковый пир к царице Ван-му?

— По обычаю,— отвечали ему феи,— на пир приглашают Будду западного неба, Лоханей * бодисатв *, небожителей. Приходят также богиня южного полюса — Гуаньинь *, высокочтимый священный император Востока, бессмертные духи десяти материков и трех островов, Дух северного полюса, Великий Мудрец вселенной—с желтым рогом, божества всех частей света, духи восьми верхних пещер, духи трех небес, четыре небесных правителя, Дух Северной звезды Тай-и*, духи восьми верхних средних пещер Нефритового императора, духи моря и гор, духи восьми нижних пещер, Владыка Преисподней и те, что ведут счет всем живым существам. Ну и, конечно, все высокочтимые небожители дворцов и залов небесных чертогов.

— Ну, а меня пригласят на пир?— спросил улыбаясь Сунь У-кун.

— Об этом мы ничего не слышали,— отвечали ему феи.

— Ведь я Великий Мудрец, равный небу. Почему бы вашей царице не пригласить и меня на это торжество?

— Мы сказали вам лишь о том, как было раньше,— отвечали феи,— а кого пригласят на этот раз — не знаем.

— Да, это верно,— согласился Великий Мудрец,— и я на вас нисколько не сержусь. Побудьте здесь, а я обо всем узнаю.

О Прекрасный Мудрец! Он поднял руки, произнес заклинание и крикнул феям:

— Стойте на месте! Не шевелитесь!

И тотчас феи словно приросли к земле и застыли под деревьями, от испуга таращa друг на друга глаза. А Великий Мудрец в это время покинул сад, взобрался на облако и устремился во Дворец заводи зеленого нефрита. По дороге ему открылось удивительное зрелище.

До краев простор небесный
Наполняли облака,
Разноцветные качались,
Прилетев издалека.

Вдруг журавль прекрасный, белый
Громко крикнул с высоты,
Пробудив в речных низинах
Задремавшие цветы.

А кругом необозримо
Закипал листвы разлив.
Появился дух бессмертный,
Благороден и красив.

Танец радуги волшебной
Свод небесный окружал.
Списки точные бессмертных
Босоногий дух держал.

В красоте, великолепье,
Восходя в небесный мир,
С этой книгой вечной жизни,
Шел на Персиковый пир.

И вот, повстречавшись с Босоногим бессмертным, Великий Мудрец решил обмануть его и пробраться на Персиковый пир.

— Куда путь держите, почтенный Мудрец?— склонившись, спросил Сунь У-кун.

— Царица неба Ван-му зовет меня на Персиковый пир,— отвечал тот,— сейчас я туда и направляюсь.

— О, вы еще ничего не слышали,— промолвил Великий Мудрец:— Нефритовый император, зная, как быстро я передвигаюсь на облаках, послал меня предупредить всех гостей, чтобы они сперва посетили Дворец космического света, где начнется торжество, а затем уже отправлялись на пир.

По простоте душевной, бессмертный принял эту выдумку за истину, но все же заметил:

— Обычно торжество начиналось во Дворце заводи зеленого нефрита. Почему же сейчас все изменилось?

Но, несмотря на некоторое сомнение, он повернул свое облако и направился во Дворец космического света. А Великий Мудрец тем временем произнес заклинание, встряхнулся и в тот же миг принял вид Босоногого бессмертного. После этого он помчался ко Дворцу заводи зеленого нефрита и очень быстро достиг Башни сокровищ. Здесь Сунь У-кун остановил свое облако и потихоньку вошел внутрь. Что за картина представилась его глазам!

Дым благовонных свечей заполнял все пространство.
И расходилась кругами волна аромата.
Башня сокровищ энергией жизни лучилась,
Мрамор террас был украшен резьбою богатой.

Как бы парили, спускаясь с небес на колонны,
Фениксов пестро окрашенных изображенья.
Девять престолов стояло,—над каждым был феникс,
Радугой яркой блистало его оперенье.

На середине прекрасный престол возвышался;
Радугой он отливал, золотой и точеной,
А с потолка опускались цветы золотые,
Словно жемчужные гроздья, свисали бутоны.

Тонкий рисунок сквозил на нефритовых вазах,
Яства изысканны были, и редки, и странны:
Феникса хрищ и отменная печень дракона,
Лапа медведицы или губа обезьяны.

Были плоды неземной красоты ароматны;
Свежестью яства пленяли и были приятны.

Все уже было приготовлено к пиру, но гости еще не собрались. Великий Мудрец никак не мог насмотреться на это великолепие. Вдруг в нос ему ударил аромат вина. Он обернулся и увидел, что справа, под балконом, у стены, несколько волшебных служителей приготовляют вино. Одни подносили барду, другие таскали воду, подростки подбрасывали щепки в огонь, мыли и вытирали чаны и кувшины. Готовое вино и всевозможные настойки издавали нежный аромат. У Великого Мудреца даже слюнки потекли и ему захотелось сейчас же отведать вина, но из-за служителей он не мог сделать этого. Тогда он решил пустить в ход волшебство. Выдернув у себя из шерсти несколько тоненьких волосков, он положил их в рот, разжевал на мелкие кусочки, выплюнул и громко произнес заклинание:

— Изменитесь!

В тот же миг волоски превратились в насекомых, от укусов которых люди засыпали. Они мгновенно облепили лица служителей. И что только с теми сталось! Руки их ослабли, голова опустилась, глаза сомкнулись. Забыв о своей работе, служители заснули. Тогда наш Мудрец выбрал самые лучшие яства и отправился под балкон. Здесь, переходя от кувшина к кувшину, наклоняя каждый чан с вином, Сунь У-кун напился допьяна.

Надо сказать, что он довольно долго наслаждался трапезой, но вдруг спохватился:

— Плохи мои дела! Скоро начнут собираться гости и тогда мне несдобровать. Они сразу схватят меня. Как же быть? Пожалуй, пока их еще нет, надо отправиться домой и выспаться хорошенько.

О прекрасный Великий Мудрец! Покачиваясь из стороны в сторону, совершенно пьяный, он побрел прочь. Он плохо понимал, что делает, и поэтому ничего нет удивительного в том, что сбился с дороги и вместо того, чтобы отправиться к себе домой, забрел во дворец Тушита*. Оглядевшись, он понял, куда попал, и удивился.

— Ведь дворец Тушита — заоблачное обиталище великого Тайшан Лао-цзюня — находится над тридцать третьим небом. Как же я мог спутать дорогу и очутиться здесь? А впрочем, все равно! Я давно хотел встретиться с этим почтенным старцем, но до сих пор не было подходящего случая. Раз уж я по ошибке попал сюда, пожалуй, будет неплохо, если познакомлюсь с ним.

И вот, приведя себя в порядок, Сунь У-кун вошел во дворец. Но ни самого Тайшан Лао-цзюня, ни других небожителей он там не увидел. А надо сказать, что в этот момент Тайшан Лао-цзюнь вместе с Буддой Прошлого Дипамкара находился на третьем ярусе верхнего помещения Небесной жемчужной террасы и вел беседу об Истине. Вокруг расположились слушатели — небесные отроки, военачальники, чиновники и служащие.

Тогда Сунь У-кун отправился в помещение, где изготовлялся эликсир бессмертия, но и там никого не нашел. У очага он увидел жаровню, в ней горел огонь. Рядом стояло кувшинов пять, сделанных из тыквы и наполненных эликсиром бессмертия.

— О? Ведь это самое драгоценное сокровище бессмертных! — с восторгом воскликнул Великий Мудрец.— С тех пор как я постиг учение о Великой Истине, мне удалось познать законы единства тождества внутреннего и внешнего. Еще тогда я хотел заняться изготовлением эликсира бессмертия, чтобы помочь людям. Но неожиданно мне пришлось вернуться домой и уже некогда было взяться за это дело. Но вот сегодня я случайно попал сюда, во дворец, и нашел эликсир бессмертия. Воспользуюсь тем, что здесь нет самого Тайшан Лао-цзюня, и отведаю этой божественной пищи.

С этими словами наш Мудрец взял тыкву, наклонил ее и съел все содержимое, словно жареные бобы. От эликсира Сунь У-кун стал приходить в себя и понял, что совершил преступление.

— Плохи мои дела! — воскликнул он.— Страшно даже подумать, что может получиться из всего этого! Если о моем поступке узнает Нефритовый император, я погиб! Бежать! Бежать сейчас же! Уж лучше быть правителем на земле!

Сунь У-кун покинул дворец Тушита, но побежал не обычным путем, а через Западные ворота неба. Здесь он произнес заклинание, стал невидимым и, взобравшись на облако, отправился на Гору цветов и плодов. Прибыв в свои владения, Сунь У-кун увидел множество знамен, перед ним засверкали пики и мечи. Оказалось, что как раз в этот момент его подданные—четыре военачальника и Духи—правители семидесяти двух пещер проводили военные занятия.

— Дети мои! Я снова вернулся к вам! — крикнул Великий Мудрец.

Все мигом побросали оружие и, склонившись перед Сунь У-куном, молвили:

— Великий Мудрец! Вы так беззаботны! Сколько времени прошло с тех пор как вы покинули нас! Вы совершенно забыли о своих подданных.

— Но ведь я совсем недавно расстался с вами,— оправдывался Сунь У-кун.

Так, беседуя, они вошли в пещеру. Здесь военачальники распорядились привести все в порядок, тщательно убрали возвышение, на котором обычно восседал Сунь У-кун и, склонившись перед царем, стали спрашивать:

— Вы провели сто с лишним лет на небе. Что делали вы там все это время? И какое получили назначение?

— Почему сто с лишним лет! Мне кажется я пробыл там всего лишь полгода,— отвечал со смехом Сунь У-кун.

— Но ведь день на небе равен году на земле,— молвили в ответ военачальники.

— В этот раз мне удалось добиться милости Нефритового императора, — продолжал Сунь У-кун,— и он пожаловал мне титул Великого Мудреца, равного небу. Для меня выстроили дворец с двумя департаментами: один назывался «Департамент тишины и спокойствия», другой — «Департамент спокойных духов». При департаментах состоял целый штат служащих. Но потом император узнал, что я не у дел, и отдал в мое ведение Персиковый сад. И вот царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир, а меня не позвала. Не дожидаясь приглашения, я сам отправился во Дворец заводи зеленого нефрита и тайком съел там все яства и выпил вино, которое было приготовлено для пира. Я сильно опьянел и, выйдя из Дворца заводи зеленого нефрита, по ошибке попал во владения великого Тайшан Лао-цзюня, где опустошил еще пять кувшинов с эликсиром бессмертия. Тут я решил, что за все это Нефритовый император непременно накажет меня, сейчас же покинул небо и вот, как видите, прибыл к вам.

Все радовались возвращению Сунь У-куна. Сейчас же появился большой чан с вином из кокосового ореха. Верноподданные собирались распить его в честь своего царя. Но Великий Мудрец отведал вина, скривился и воскликнул:

— Да это вино никуда не годится! Его просто невозможно пить!

— Конечно, после того как вы вкусили волшебного напитка и чудесных яств в небесных чертогах, вам уже не нравится вино из кокосового ореха,— почтительно молвили два военачальника.— Однако поговорка гласит: «Неважно, какое на вкус, а важно, что свое».

— А есть и другая,— добавил Сунь У-кун:— «Земляки всегда близкие люди». Кстати, сегодня утром, когда я был на небе и пировал внизу под галереей, то заметил там множество кувшинов, наполненных экстрактом из нефрита и рубина. Вам, я думаю, никогда в жизни еще не приходилось отведать подобного напитка. Я мигом слетаю на небо и добуду там несколько кувшинов для вас. Кто выпьет хоть полчашки этого вина, никогда не состарится и будет жить вечно.

Обезьяны пришли в восторг. А Великий Мудрец снова покинул пещеру, сделал магический прыжок, превратился в неви-

димку и тотчас же очутился на том месте, где должен был состояться Персиковый пир. Когда он вошел во Дворец заводи зеленого нефрита, служители, изготовлявшие вино, подносчики барды, водоносы, истопники все еще сладко похрапывали. Захватив два огромных кувшина под мышки и взяв в каждую руку еще по кувшину, Сунь У-кун благополучно покинул дворец, повернул свое облако и пустился в обратный путь. И вот в пещеру собрались все обезьяны на «пир с вином бессмертных». Каждой досталось по нескольку чашечек небесного напитка. Можете представить себе, какое поднялось веселье!

Однако оставим в покое подвыпивших обезьян и вернемся к феям-служанкам, которых, если вы помните, заколдовал Великий Мудрец. Весь день стояли они, не шелохнувшись, на месте и лишь к вечеру освободились от чар. Феи тут же подхватили свои цветные корзинки, помчались к царице неба Ван-му и доложили ей о том, как Великий Мудрец своим волшебством приковал их к месту. Вот почему они и запоздали.

— А сколько вы набрали персиков?— поинтересовалась царица.

— Две корзины маленьких персиков и три корзины средних,— отвечали феи.— Затем мы пошли в конец сада, но там не нашли ни одного. Вероятно, их тайком съел Великий Мудрец. Когда мы искали персики, вдруг показался он сам. Вид у него был очень свирепый, и он уж совсем было собрался нас бить, но потом спросил, кто приглашен на Персиковый пир. Мы рассказали ему, кого звали раньше в подобных случаях. Тогда он при помощи волшебства пригвоздил нас к месту, а сам куда-то исчез. Только сейчас нам удалось избавиться от его чар и вернуться.

Царица Ван-му тотчас же отправилась к Нефритовому императору и сообщила ему обо всем, что произошло. Не успела она закончить, как явилась толпа служителей, изготовлявших вино, и другие слуги, которые доложили императору о том, что в зале, отведенном для Персикового пира, какой-то неизвестный учинил беспорядок. Он выпил весь экстракт из нефрита и рубина, а также съел все яства. В этот момент четыре небесных наставника доложили, что прибыл сам Тайшан Лао-цзюнь. Нефритовый император вместе с царицей неба Ван-му поспешил ему навстречу. Когда была закончена церемония приветствия, Лао-цзюнь обратился к императору:

— Позвольте доложить вашему величеству, что девять сортов эликсира бессмертия, которые я приготовил специально для пира, украл какой-то разбойник.

Такое сообщение не могло не встревожить императора.

В это время появился служащий из управления Великого Мудреца. Он доложил о том, что Сунь У-кун со вчерашнего дня не выполняет своих обязанностей, куда-то исчез и до сего времени еще не возвращался. Нефритовый император, давно уже питавший недоверие к Великому Мудрецу, еще больше убедился

в своей проницательности. Вдобавок ко всему, явился Босоногий бессмертный, который, склонившись перед императором, сообщил следующее:

— Получив приглашение царицы неба прибыть на пир, я отправился в путь и вчера повстречался с Великим Мудрецом, равным небу. Он сказал мне, что по приказу вашего величества должен оповестить всех гостей о том, что в этот раз торжество начнется в Зале космического света. Ну, я и отправился туда. Однако, не обнаружив там вашей колесницы, поспешил сюда, во дворец.

Тут возмущение Нефритового императора достигло предела, и он воскликнул:

— Как смеет этот бездельник обманывать моих мудрых сановников, выдумывая, будто я просил его оповестить гостей? Сейчас же послать небесных инспекторов разыскать этого мошенника!

Инспекторы, не мешкая, произвели тщательное расследование, вернулись к императору и подробно обо всем доложили, подтвердив, что беспорядки в небесных чертогах действительно произведены Великим Мудрецом, равным небу.

Нефритовый император дал волю своему гневу. Он приказал четырем главным небесным князям, а также Князю неба Вайсраване и его сыну Ночжа взять с собой двадцать восемь военачальников дворцов, Духов девяти планет и военачальников двенадцати счастливых созвездий, пять Духов — распространителей учения Будды, четырех небесных стражей, Духов созвездий Востока и Запада, Духов Южной и Северной полярных звезд, Духов пяти священных гор и четырех больших рек, а такжеДухов всего небосвода и во главе стотысячного небесного войска выступить в поход. Император велел захватить восемнадцать заграждений и спуститься на землю, окружить Гору цветов и плодов, схватить и наказать преступника. Получив приказ, небесные полководцы тотчас же собрали войско и покинули небесные чертоги. Поистине поход этот являл собою величественное и грозное зрелище:

Сильный ветер клокотал и бился,
Желтизной окрашивая небо,
И туман клубился темно-красный,
Нагоняя сумерки на землю.
Только потому, что князь-волшебник
Обманул на небе государя,
Отдан был приказ сойти на землю
Четверым небесным полководцам.

На землю были отправлены четыре главных небесных военачальника и пять Духов — распространителей учения Будды. В руках главных четырех небесных военачальников находилась вся власть. Пять Духов—распространителей учения Будды ведали передвижением войск. Вайсравана занимал командный пост, гроз-

ный Ночжа командовал передовыми отрядами. Князь тьмы Раху * был назначен главным инспектором, князь Кету * вздымался в арьергарде. Дух луны имел бодрый и воинственный вид, Дух солнца ярко освещал все вокруг. Духи пяти стихий горели желанием проявить свое геройство и отвагу, Духи девяти планет были рады возможности отличиться друг перед другом, Духи двенадцати счастливых созвездий ведали распределением времени. Все, как один, были отважны и сильны. С востока и запада следовали духи У-вэнь и пяти священных гор, следившие за боевым и моральным духом воинов, слева и справа — даосские духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя. Священные драконы четырех рек, разделившись, контролировали верхнее и нижнее течение. Духи двадцати восьми планет следовали рядами один над другим. Четыре Духа восточных планет были назначены начальниками, а четыре Духа западных планет бурно проявляли свой боевой дух. Семь Духов северных созвездий показывали свои способности, семь Духов южных созвездий, потрясая пиками и размахивая мечами, проявляли божественную мощь. Приостановив облака и опустив туман, они спустились на землю и разбили лагерь перед Горой цветов и плодов.

Стихи гласят:

Царь прекрасный обезьяний,
Небом и землей рожденный,
Зная тайны превращенья,
Эликсир бессмертной жизни
И вино украл на небе;
У себя в пещере горной
Он устроил угощенье.

Но за то, что он нарушил
Персиковый пир священный,
Пренебрег порядком древним,
Войск стотысячная сила,
Под начальством полководцев
И начальников небесных,
Ту пещеру окружила.

И вот небесный князь Вайсравана отдал приказ разбить лагерь и окружить Гору цветов и плодов таким плотным кольцом, чтобы даже вода туда не проникала. Когда, наконец, устроили крепкий заслон и в восемнадцати местах на небе и на земле выставили заставы, вперед отправились Духи девяти планет. Они должны были вызвать Сунь У-куна на бой. Когда духи во главе отряда прибыли к пещере, то увидели множество обезьян самых различных возрастов, которые забавлялись и кувыркались.

— Эй вы оборотни! — крикнул начальник, Дух планеты. — Где ваш Великий Мудрец? Мы посланцы небесного войска, которое прибыло усмирить этого мятежника, Великого Мудреца. Скажите ему, чтобы он немедленно явился и выразил нам свое повиновение. Иначе все вы будете уничтожены!

Обезьяны опрометью бросились в пещеру с криком:

— Великий Мудрец! Беда пришла, беда! К пещере явились Духи девяти планет. Они говорят, что посланы сюда небом для того, чтобы вас привести в покорность.

А надо вам сказать, что Великий Мудрец в это время как раз веселился и распивал вино вместе с Духами —повелителями семидесяти двух пещер и четырьмя полководцами. Он пропустил мимо ушей слова своих подчиненных и, как бы невзначай, сказал:

— Раз есть вино, будем пить. Нам дела нет до того, что творится за дверьми нашего дома!

Однако не успел он договорить, как в пещеру снова вбежали его подчиненные.

— Эти страшные духи в бешенстве бранятся и рвутся в бой! — кричали они.

— А вы не обращайте на них внимания,— рассмеялся Великий Мудрец.— Лишь бы были вино и стихи, чтобы сделать радостным сегодняшний день, а за славой не гонитесь.

Тут в пещеру вбежала целая толпа обезьян.

— Повелитель! Ужасные духи сломали ворота и ворвались сюда,— сообщили они.

— Видно, эти негодяи совсем не знают приличий! — разгневанно крикнул Великий Мудрец.— Я не хотел связываться с ними, зачем же они сами лезут сюда и наносят мне оскорбление!

И он тут же приказал Единорогу — повелителю дьяволов, а также Духам — повелителям семидесяти двух пещер вступить в бой с врагом, сам же он вместе со своими четырьмя полководцами последовал за ними. Повелитель дьяволов немедленно отправился со своим войском вперед, но у железного моста дорогу им преградили Духи девяти планет. Вид у них был грозный. Повелитель дьяволов приготовился к бою, однако в этот момент на помощь ему подоспел Великий Мудрец.

— Прочь с дороги! — закричал он и несколько раз взмахнул своим посохом. Посох тотчас же удлинился до двух чжанов и стал в чашку толщиной. Тогда наш Мудрец начал орудовать им и пробивать себе дорогу. Ни один из девяти небесных духов не осмелился оказать ему сопротивление, все они отступили. Однако после того они все же выстроились в боевой порядок и предводитель их крикнул:

— Ах ты конюх несчастный! Глупая твоя голова! Каких только преступлений ты не совершил! Украл персики и вино! Расстроил Персиковый пир. Утащил эликсир бессмертия у Лаоцзюня! Унес божественное вино, чтобы наслаждаться им здесь! Неужели ты не понимаешь, что натворил?!

— Ну что ж, все это правильно! Все так и было! — рассмеялся Великий Мудрец.— Но что вы можете со мной сделать?!

— Мы получили приказ Нефритового императора прибыть сюда с войском и усмирить тебя,— отвечали ему Духи планет.—

Немедленно сдавайся, тогда мы сохраним жизнь всем этим существам. Если же будешь сопротивляться, разнесем всю вашу пещеру и сравняем эту гору с землей.

Но Великий Мудрец с гневом крикнул:

— Да как вы, презренные духи, посмели сказать мне все это?! Разве хватит у вас сил выполнить свою угрозу?! Ну, держитесь! Сейчас вы познакомитесь с моим посохом!

Все девять духов ринулись на Великого Мудреца, но Прекрасного Царя обезьян это ничуть не испугало. Размахивая своим посохом, он спокойно отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары. Наконец духи окончательно выбились из сил и, волоча за собой оружие, один за другим покинули поле боя. Потерпев поражение, они поспешили укрыться в своем лагере и, представ перед Вайсраваной, доложили:

— Этот Царь обезьян поистине отважный воин. Мы не могли одолеть его и отступили.

Тогда Вайсравана приказал вступить в бой четырем главным военачальникам и духам двадцати восьми звезд. Однако Великий Мудрец и на этот раз не испугался. Он вывел войска Единорога—повелителя дьяволов, Духов—повелителей семидесяти двух пещер и своих четырех полководцев и расставил их перед пещерой в боевом порядке.

Невозможно описать, какая ожесточенная борьба началась между врагами, она могла повергнуть в трепет людей.

Холодный ветер завывал уныло,
И землю тень туманная покрыла.
Взвивался стяг на стороне одной,
Напротив — копья высились стеной;
Кипело море шлемов и сверкало.
Казалось, небо музыкой звучало,
И разносилась в воздухе игра
Звенящего на солнце серебра.
Подобно молнии взлетавший меч
Одним ударом тучу мог рассечь,
А демонов заостренные копья
Туманные нанизывали хлопья.
И плети с глазом тигра встали в ряд,
Как в поле стебли конопли стоят.
Из арбалетов пущенные стрелы
Летели во враждебные пределы,
И опереньем беркута была
Оснащена крылатая стрела.
Гадюками кончавшиеся пики
В сердцах врагов рождали страх великий,
А бронзовых мечей высокий лес,
Казалось, подымался до небес.
На этом необъятном поле брани
Мудрец сражался «Посохом желаний»,
Желал он войско неба одолеть.
Здесь птица не могла бы пролететь,—
Настолько всюду стало в Поднебесной
От схваток и ударов этих тесно.

Для всех был страшен бушевавший гнев:
Спасались бегством тигры, оробев,
И край нагорный волки покидали,
Удары грома землю сотрясали.
Пугал чертей и духов грозный звон,
Казалось, грохот шел со всех сторон.

Бой завязался ранним утром и не утихал до захода солнца. Единорог— повелитель дьяволов и Духи—повелители семидесяти двух пещер попали в плен к небесным воинам. А четырем полководцам и обезьянам удалось бежать и скрыться в самых отдаленных уголках Пещеры водного занавеса. На поле боя остался только Великий Мудрец. Он один своим посохом сдерживал натиск четырех главных небесных военачальников, князя Вайсраваны и Ночжа, продолжая биться с ними даже в воздухе. Долго сражался наш Мудрец не на жизнь, а на смерть со своими врагами. Наконец он заметил, что становится уже поздно. Он вырвал у себя клок шерсти, пожевал ее и, выплюнув, крикнул:

— Изменись!

В тот же миг в воздухе появились тысячи таких же, как он Великих Мудрецов, с такими же посохами, украшенными золотыми наконечниками. Они отразили нападение Ночжа и нанесли поражение Духам пяти стран света.

Одержав победу, Великий Мудрец водворил вырванный клок шерсти на прежнее место и отправился в пещеру. Там, на железном мосту, с четырьмя полководцами во главе, его встретили остальные обезьяны, которые, смеясь и плача, кланялись своему повелителю.

— Почему, встречая меня, вы и смеетесь и плачете?—удивился Великий Мудрец.

— Плачем мы потому, что небесные воины захватили в плен Духов—повелителей семидесяти двух пещер и Единорога—повелителя дьяволов, и нам пришлось бежать, спасая свою жизнь. Ну, а смеемся мы, конечно, от радости: ведь вы вернулись с победой целым и невредимым.

— В военном деле победы и поражения часто сменяют друг друга,— молвил Великий Мудрец.— Ведь еще в старину говорили: «Уничтожение десятитысячного войска противника обходится в три тысячи жизней своих солдат». Нечего горевать! В плен попали начальники тигров, барсов, волков, оленей, лисиц и других животных, а из обезьян никто не пострадал. С помощью волшебства я заставил врагов отступить. Они наверное разобьют лагерь около нашей горы. Нужно быть начеку и беречь свои силы. На рассвете я пущу в ход все свое искусство, захвачу небесных полководцев и отомщу за наших пленников.

После этого четыре полководца и остальные обезьяны выпили по нескольку чашечек кокосового вина, улеглись спать, и в эту ночь ничего особенного больше не произошло.

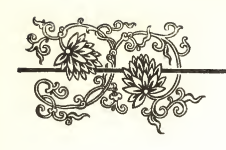
Между тем, когда четыре небесных военачальника отвели свои войска, со всех сторон стали поступать донесения. Некоторые докладывали о том, что им удалось захватить тигров и барсов, другие сообщали, что захватили оленей, третьи — что лисиц и барсуков. Однако никому не удалось захватить хотя бы одну обезьяну.

Затем они сделали все так, как и предполагал Великий Мудрец: разбили лагерь, окружили его высоким частоколом, а после этого роздали награды тем, кто их заслужил. Войска расположились вокруг пещеры. Воинов, которые охраняли заслон в воздухе и на земле, предупредили о том, что по сигналу они должны будут тесным кольцом окружить Гору цветов и плодов. На рассвете предстоит решающий бой. Вот уж поистине:

Волненье в небесах
Мятежно вызвал он,
И будет он теперь
Врагами окружен.

Однако о том, что произошло, когда наступил рассвет, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как бодисатва Гуаньинь, прибыв на Персиковый пир, узнала, что там произошло, а также о том, как Малый Мудрец своим могуществом покорил Великого Мудреца

Мы не будем пока говорить вам о том, как небесное войско окружало Великого Мудреца в то время как он спокойно отдыхал у себя дома. Расскажем лучше, как всемилосердная и сострадательная, помогающая в горестях и бедствиях бодисатва Гуаньинь по приглашению царицы неба Ван-му прибыла с горы Путолоцзяшань из-за Южного моря, чтобы принять участие в великом Персиковом пире. Бодисатву сопровождал ее старший ученик Хуэй-ань.

Войдя во Дворец заводи зеленого нефрита, оба гостя увидели беспорядок. Там, правда, оказалось несколько бессмертных, но никто не занимал своих мест, все слонялись из угла в угол и что-то оживленно обсуждали. Обменявшись с Гуаньинь приветствием, бессмертные подробно рассказали ей обо всем, что здесь произошло.

— Что ж! Раз торжество не состоялось и обряд возлияния вина отменяется,— сказала она,— давайте вместе отправимся к Нефритовому императору.

Все охотно согласились с предложением бодисатвы и последовали за ней. У Дворца космического света они встретили четырех небесных наставников, Босоногого бессмертного и других гостей. Все они приветствовали бодисатву Гуаньинь и сообщили ей о том, что Нефритовый император очень обеспокоен и отправил небесное войско захватить чудовище, однако воины его до сих пор не вернулись.

— Мне бы очень хотелось повидать Нефритового императора,— промолвила тогда Гуаньинь,— и я прошу вас доложить ему о моем прибытии.

Небесный страж Цю Хун-цзи поспешил в Зал священного

небосвода, доложил о бодисатве императору и после этого пригласил ее войти. Рядом с императором в это время находился Тайшан Лао-цзюнь, а позади него — императрица неба Ванму. Войдя в залу, бодисатва совершила перед Нефритовым императором полагающиеся почести, а затем приветствовала Лао-цзюня и царицу Ван-му.

— Что же произошло с Персиковым пиром?—усевшись, спросила бодисатва.

— Каждый год мы проводим этот праздник в радости и веселье,— отвечал император.— Но на сей раз эта ужасная обезьяна перевернула все вверх дном. Нам очень неприятно, что понапрасну побеспокоили вас.

— А откуда взялась эта ужасная обезьяна?— поинтересовалась бодисатва.

— Она вылупилась из каменного яйца на Горе цветов и плодов в стране Аолайго, на материке Пурвавидеха. Из глаз ее исходило золотое сияние, озарившее даже небесные чертоги. Вначале ее появление не тревожило нас, но со временем эта обезьяна приобрела такую волшебную силу, что стала покорять драконов и тигров и осмелилась даже вычеркнуть себя из списков смертных. Об этом мне донесли Царь драконов и Князь смерти Яньван. Я тогда же хотел приказать, чтобы ее схватили и привели сюда, но Дух Вечерней звезды — Чангэн доложил о том, что все существа вселенной, имеющие девять отверстий, способны стать бессмертными. Тогда я послал за обезьяной своих мудрецов, призвал ее на небо и назначил в императорские конюшни на должность бимавэня. Однако подобное назначение показалось обезьяне недостойным ее, и она взбунтовалась. Чтобы усмирить ее, я отправил на землю Князя неба Вайсравану и его сына Ночжа. Таким образом мне еще раз удалось привести ее к послушанию. Я снова призвал ее к себе и дал ей звание Великого Мудреца, равного небу. Но это было одно только звание без официальной должности и жалованья. И вот, свободная от всяких обязанностей, обезьяна стала повсюду разгуливать. Опасаясь, как бы она снова чего-нибудь не натворила, я поручил ей ведать Персиковым садом. И тут-то, нарушив законы, она тайком съела все персики с самых больших и старых деревьев. На Персиковый пир мы решили ее не приглашать, поскольку она не состоит в списках официальных чиновников. Тогда она пошла на хитрость, обманула Босоногого бессмертного и, приняв его облик, проникла туда, где должен был состояться пир. Там она съела все яства, выпила все вино, выкрала у Тайшан Лао-цзюня эликсир бессмертия и, в довершение ко всему, унесла с собой все императорское вино и устроила на Горе цветов и плодов пир со своими подданными —обезьянами. Все это меня очень встревожило, и я решил отправить стотысячное небесное войско, окружить и поймать ее. Однако до сих пор мои воины не вернулись, и я не знаю, как обстоят у них дела.

Выслушав такое сообщение, бодисатва обратилась к своему ученику:

— Немедленно отправляйся к Горе цветов и плодов и разузнай, каков исход сражения. Если встретишься с врагом, прими бой и окажи небесным воинам помощь. Что бы ни случилось, непременно разузнай, что происходит у Горы цветов и плодов и возвращайся обратно.

Хуэй-ань, не мешкая, привел себя в порядок, взял железный посох и, оседлав облако, покинул небесные чертоги; вскоре он очутился у горы, которая представляла собой сплошную линию укреплений. У всех ворот были выставлены часовые. Укрепления образовали настолько плотное кольцо, что на гору невозможно было проникнуть. Хуэй-ань остановился и громко крикнул:

— Эй! Небесные воины, кто там из вас находится в лагере! Доложите о моем прибытии. Я — второй сын небесного князя Вайсраваны— Мокша* и первый ученик бодисатвы Гуаньинь — Хуэй-ань. Меня прислали узнать, как у вас тут обстоят дела.

Об этом немедленно передали в главный штаб и к воротам прибыли духи созвездий Овена, Козерога, Весов и Рака. Те в свою очередь известили о Хуэй-ане главное командование. Князь неба Вайсравана отдал приказ открыть ворота и впустить прибывшего.

На востоке уже забрезжил рассвет. Следуя за вестовым, Хуэй-ань вошел в шатер и склонился перед хранителями четырех стран и Князем неба Вайсраваной.

— Откуда ты, сын мой?— спросил его Вайсравана.

— Я сопровождал бодисатву на Персиковый пир,— молвил Хуэй-ань,— но вместо торжества бодисатва нашла полное запустение и необычную тишину во Дворце заводи зеленого нефрита. Тогда в сопровождении бессмертных, а также захватив меня с собой, она отправилась к Нефритовому императору. Император поведал ей о том, что вы, великий отец, отправились на землю усмирить волшебную обезьяну. Целый день ждали от вас вестей, однако напрасно. Тогда бодисатва приказала мне, вашему сыну, отправиться сюда и обо всем узнать.

— Мы прибыли к этой горе вчера и расположились здесь лагерем,— отвечал Вайсравана.—Я послал Духов девяти планет вызвать на бой этого мошенника. Но негодяй использовал волшебные чары, и Духи девяти планет, потерпев поражение, вернулись обратно. Тогда я сам повел свою армию. Мошенник этот тоже вывел свое войско и расставил его в боевой порядок. Все сто тысяч небесных воинов сражались с ним до самого вечера, однако он опять использовал колдовство и заставил нас отступить. При проверке пленных оказалось, что попались только тигры, волки, барсы и другие звери. Ни одной обезьяны среди пленников не было. Сегодня мы еще не вступали в бой.

Не успел он это сказать, как от главных ворот прибыли люди с донесением о том, что к воротам лагеря во главе множества обезьян прибыл Великий Мудрец и вызывает на бой. И вот, когда хранители четырех стран, Вайсравана и его сын совещались о том, как вывести войска и начать сражение, Мокша сказал:

— Князь — отец мой! Посылая меня на землю, бодисатва велела мне узнать обо всем, что здесь происходит. Кроме того, она сказала, что если я встречу врага, то должен помочь вам и принять участие в бою. Мне бы очень хотелось взглянуть на этого Великого Мудреца и посмотреть, что он собой представляет.

— Сын мой,—молвил Вайсравана.—Последние годы ты находился в обучении у бодисатвы и, несомненно, узнал, как применять некоторые способы магии. Не забудь сейчас о них, но действуй осторожно.

О, герой принц! Туго подпоясав свой расшитый халат и держа обеими руками посох, он выскочил из ворот лагеря и громко крикнул:

— Кто здесь Великий Мудрец?

— Это я,— отвечал Сунь У-кун.— А ты кто такой, что осмеливаешься мною интересоваться?— спросил он в свою очередь.

— Я — второй сын Небесного князя Вайсраваны —Мокша!— отвечал тот.— Первый ученик бодисатвы Гуаньинь и охранитель религии. Мое духовное имя — Хуэй-ань.

— Но ведь ты совершенствуешься в Южном море, зачем же пожаловал сюда?

— Меня прислал мой наставник узнать, каков исход боя. Но, увидев такого разбойника, как ты, я решил захватить тебя сам.

— Как ты смеешь столь заносчиво разговаривать со мной?!— воскликнул Великий Мудрец.— Вот я покажу тебе! Испробуй-ка вкус моего посоха!

Однако Мокша ничуть не испугался этой угрозы и с железным посохом в руках смело ринулся на своего противника. И вот на склоне горы, вблизи лагеря, между двумя достойными соперниками разыгрался невиданный бой.

Были посохи оружьем
У того и у другого,
Но из разного железа
Этих посохов основа.

Завязалась здесь не битва
Человеческого рода,—
Сунь У-куна породила
Силой дивною природа.

А противник — бодисатвы
Ученик был несравненный,
С посохом особой ковки,
Чудодейственной, священной.

«Посохом желаний» — посох
Суньукуновский назвали.
Этим посохом когда-то
Млечный Путь утрамбовали.

Все моря ему покорны
И подвластны водоемы...
Изменялись непрерывно
Двух противников приемы.

Посох первого, как ветер,
Налетал на поле брани,
Промаха в бою не ведал
Царь прекрасный обезьяний.

Угрожавшие удары
Отражал он непрестанно;
Подымались справа флаги,
Слева — били в барабаны.

А небесных войск отряды
Продолжали оцепленье,
Обезьян они теснили,
Отступавших к укрепленью.

Но в чудовищном тумане
Перепутались дороги.
Дышат смертью и войною
Все небесные чертоги.

Бой вчерашний показался
Лишь игрой,— пустой, бесцельной,
А сегодняшняя битва —
Это ужас беспредельный.

Ведь способности у Мокши
Необычны, без сомненья,
Но бежал он, жизнь спасая,
Из опасного сраженья.

Раз шестьдесят схватывались противники, наконец у Хуэйаня от усталости онемели плечи, и он, не в силах дальше сопротивляться, лишь для виду помахивая оружием, бежал с поля боя. Великий Мудрец отвел своих воинов-обезьян к пещере отдыхать. Между тем небесные стражники князя Вайсраваны встретили принца и, распахнув перед ним ворота, провели его в центр лагеря. Представ перед хранителями четырех стран света, Вайсраваной и Ночжа, Хуэй-ань, едва переводя дух, заговорил:

— Это поистине Великий Мудрец; он проник в самые тайники волшебства. Я не мог с ним справиться и вынужден был покинуть поле боя.

Князь Вайсравана пришел в отчаяние и тут же приказал составить донесение на небо и просить о помощи. С донесением он отправил Князя демонов и принца Мокшу. Они немедленно покинули лагерь и, оседлав облака, полетели на небо.

Вскоре они прибыли во Дворец космического света, и четыре небесных наставника провели их в Зал священного небосвода, где посланцы передали донесение. Увидев бодисатву, Хуэй-ань отдал ей полагающиеся почести.

— Ну, как обстоят дела там, внизу?— спросила бодисатва.

— Выполняя ваш приказ,— отвечал Хуэй-ань,— я прибыл к Горе цветов и плодов и, приблизившись к линии укреплений, попросил, чтобы меня впустили. Там я встретился с отцом и рассказал ему, зачем вы послали меня на землю. Отец сообщил мне, что вчера в бою они захватили много вражеских воинов, но ни одна обезьяна не попала в плен. И вот в тот момент, когда он говорил со мной, доложили, что волшебник прибыл к лагерю и вызывает на бой. Я тут же вооружился железным посохом и стал с ним драться. После того как мы схватились раз шестьдесят, я понял, что не смогу одолеть его, покинул поле боя и удалился в лагерь. Вот почему отец решил послать Князя демонов и меня на небо с просьбой о помощи.

Выслушав это, бодисатва опустила голову и задумалась. Между тем Нефритовый император распечатал донесение и, дойдя до того места, где излагалась просьба о помощи, иронически улыбаясь, сказал:

— Неужели эта волшебная обезьяна обладает такой магической силой, что осмелилась одна сопротивляться стотысячному небесному войску? Кого могу послать я на помощь самому Князю неба Вайсраване?

Только успел он произнести это, как Гуаньинь, сложив ладони, обратилась к нему

— Не печальтесь, ваше величество,— молвила она.— Разрешите только призвать одно божество; оно-то непременно победит обезьяну.

— Какое же это божество?— поинтересовался император.

— Ваш племянник — Высочайший Мудрец бессмертный Эрлан, — отвечала бодисатва Гуаньинь.— Живет он у устья реки Гуаньцзян и наслаждается благовониями, которые возжигаются в честь его на земле. Еще в давние времена он сумел уничтожить шесть чудовищ. Есть у него еще братья с горы Мэйшань и тысяча двести травяных божеств, обладающих великой чудодейственной силой. Но просьба на него не подействует, ему надо приказать, только тогда он послушается. Прикажите ему послать войска, и тогда с его помощью мы сможем захватить преступника.

Выслушав это, Нефритовый император тотчас же приказал заготовить указ и поручил Князю демонов Махабали доставить его по назначению. Князь демонов тотчас же взгромоздился на облако и направился к устью реки Гуаньцзян. Не прошло и часа, как он достиг храма Эрлана. Стоявшие у ворот на страже духи демонов поспешили доложить Эрлану о прибытии небесного посланца с рескриптом Нефритового императора. Эрлан

вместе со своими братьями поспешил навстречу гостю, возжег благовония и, распечатав рескрипт, прочел его. Рескрипт гласил:

«Великий Мудрец — волшебная обезьяна с Горы цветов и плодов творит бесчинства. Она осмелилась украсть в небесных чертогах волшебные персики, утащила вино и эликсир бессмертия, натворила много всяких бед в зале, где обычно устраивается Персиковый пир. За это мы выслали против нее стотысячное небесное войско и у Горы цветов и плодов возвели укрепления в виде восемнадцатиярусной сети; мы окружили Великого Мудреца со всех сторон, стремясь привести его к покорности, однако все понапрасну. Настоящим повелеваем тебе, мудрый племянник, вместе с твоими достойными помощниками отправиться к Горе цветов и плодов и оказать помощь в уничтожении преступника. В случае успешного завершения боя вы будете вознаграждены по заслугам и получите соответствующее повышение».

Прочитав рескрипт, бессмертный Эрлан остался доволен и молвил в ответ:

— Небесный посланец может передать императору, что мы тотчас же поведем свои войска и сделаем все, что в наших силах.

О том, как возвратился Князь демонов с докладом, мы говорить не будем.

Тем временем Эрлан вызвал всех своих сподвижников с горы Мэйшань: четырех правителей — Кана, Чжана, Яо и Ли — и двух полководцев — Го Шэна и Чжи Цзяня. Когда все собрались, Эрлан повел такую речь:

— Только что я получил приказ Нефритового императора идти к Горе цветов и плодов для усмирения волшебной обезьяны. Сейчас мы все вместе и отправимся туда.

Его сподвижники обрадовались возможности принять участие в походе и тут же собрали свои волшебные войска. У каждого на плече сидел сокол, за собой они вели собак, в руках несли самострелы. Подхваченные бешеным ветром, сподвижники вмиг пересекли Восточное море и очутились у Горы цветов и плодов. Тут они увидели, что укрепления плотным кольцом окружили гору, двигаться дальше было невозможно. Тогда они крикнули:

— Эй вы воины, охраняющие кордон, слушайте нас! Я бессмертный Эрлан прибыл в лагерь по приказу Нефритового императора, чтобы захватить обезьяну-волшебника. Живее открывайте нам ворота!

И волшебные воины один за другим вошли в лагерь. Хранители четырех стран света и Князь неба Вайсравана вышли им навстречу. После церемонии приветствий прибывшие поинтересовались боевыми успехами. Князь неба Вайсравана подробно рассказал о том, что случилось.

— Я прибыл сюда посостязаться с обезьяной в применении волшебных превращений,— сказал смеясь Эрлан, выслушав

Вайсравану.— Оставайтесь здесь, охраняйте кордон и не беспокойтесь о том, что будет происходить наверху. Если мне придется туго, вы можете не оказывать помощи. Меня поддержат мои воины. Если же я одержу верх, не спешите связывать преступника, так как с этим делом они тоже справятся. Все, о чем я хотел бы попросить вас, Князь неба, это находиться между небом и землей с «волшебным зеркалом», чтобы следить за действиями этого волшебника. Я боюсь, что в случае поражения он попытается улизнуть. Тогда, чтобы не дать ему возможности бежать, дайте мне сигнал этим зеркалом.

Небесный князь и все остальные заняли соответствующие места и расставили в боевом порядке небесные войска. А Эрлан во главе четырех правителей и двух полководцев покинул лагерь и отправился вызывать противника на бой. Всем командирам он строго-настрого приказал охранять лагерь и крепко держать на привязи соколов и собак. Духи с соломенными головами тоже получили соответствующие распоряжения.

Прибыв к Пещере водного занавеса, Эрлан увидел огромное количество обезьян, выстроенных в строгом боевом порядке, который формой своей походил на извивающегося дракона. В центре стоял огромный шест со знаменем, на котором красовались четыре иероглифа: «Великий Мудрец, равный небу».

— Как же эта ничтожная обезьяна осмелилась назвать себя равной небу?— воскликнул Эрлан.

— Да не обращай ты на это внимания,— посоветовали ему названые братья.— Вызывай его на бой, и все.

Между тем, находившиеся возле лагеря обезьяны, завидев Эрлана, поспешили сообщить о нем своему царю. И вот Царь обезьян надел кольчугу из желтого золота, туфли для хождения по облакам, укрепил на голове золотой шлем и, схватив железный посох, ринулся из ворот. Оглядевшись, он увидел перед собой Эрлана. В своем роскошном одеянии он выглядел поистине великолепно:

Величье у него и обаянье,
В глазах его лучистое сиянье.
И уши длинные до плеч свисают,
На шлеме перья феникса блистают.
Халат, как пух гусенка, желтоватый;
Лук, словно месяц молодой, рогатый;
Расшит богато пояс жемчугами;
Дух держит пику с острыми зубцами;
В два лезвия зубец наточен каждый;
Он дивный подвиг совершил однажды:
Гора Таошань, где мать была сокрыта,
Волшебным топором была разбита,
И Персиков разрушена «обитель»;
И победил чудовищ небожитель,
Двух фениксов убил из арбалета,—
И принесло ему известность это.
Семи бессмертных на горе Мэйшани
Он — родич, но на реку Возлияний

5*

Ушел и связей не любил семейных,
Знал тайны превращений чародейных,
Святым он в Красном городе считался
И мудрецом Эрланом назывался.

Увидев его, Великий Мудрец рассмеялся и, взмахнув своим железным посохом с золотым обручем, крикнул:

— Ты откуда взялся, ничтожный вояка?! Как осмелился прийти сюда и вызывать меня на бой?!

— Да никак у тебя в глазах зрачков нет, что ты не узнаешь меня?— отозвался Эрлан.— Я племянник Нефритового императора — Эрлан, мне пожаловано высокое звание Линь-сянь вана, и прибыл я сюда по высочайшему повелению, чтобы схватить тебя — жалкую обезьяну-конюха, нарушившего покой в небесных чертогах. Неужели ты не понимаешь, что пробил твой последний час?

— Теперь как будто припоминаю, когда я был на небе, то слышал, что младшая сестра Нефритового императора полюбила простого смертного Янь Цзюня, сделалась его женой и родила сына, а сын этот топором расколол Персиковую гору. Так уж не ты ли это? Для начала следовало бы тебя хорошенько отругать, да ведь нет между нами вражды. Можно, конечно, вздуть тебя как следует, но ведь от моего удара ты, пожалуй, распрощаешься с жизнью. Вот что, барчонок, ступай-ка ты поскорее туда, откуда явился, и позови четырех небесных полководцев.

Выслушав это, Эрлан так и вскипел от гнева.

— Ах ты низкая обезьяна!— заорал он.— Не мешало бы тебе обращаться со мною немного повежливее. Ну-ка познакомься с моим мечом!

Однако в этот момент Великий Мудрец ловко уклонился от удара и, размахнувшись своим железным посохом, нанес ответный удар. И разгорелся сказочный бой между ними.

С одной стороны был великий Эрлан,
С другой — был прекраснейший Царь обезьян;
Один в самолюбии гордом своем
Не мыслил о том, чтоб считаться с врагом;
А Царь обезьян полководца не знал,
И в сердце вражды никакой не питал.
И каждый из них в состязанье вступил,
Не зная противника подлинных сил.
Вничью эти схватки кончались не раз,
Друг друга враги узнавали сейчас.
То «Посох желаний» летал, как дракон,
Метался, бросался по воздуху он;
Как феникс танцующий, пика была,
Взлетала она и остра и светла.
Вот слева удар отраженный отбит,
Вот справа противник в атаку летит,
Но сзади— защита, удар — лобовой,
И враг отвечает своей головой.
С одной стороны встали братья с Мэйшань
И ждут, не пора ли им ринуться в брань,

С другой стороны — полководцы Ма, Лю
Готовят к сраженью дружину свою.
И машут знаменами зря и не зря,
Чтоб в битве вернее подбодрить царя;
Там гонг боевой и звучал и крепчал,
Чтоб дух подымался, не падал накал!
Скрестились вплотную мечи у врагов,
И каждый к продленцю боя готов.
Вот посох летит с ободком золотым,
Победу неся превращеньем своим...
Одно промедленье, неправильный ход,—
И ждет пораженье, и все пропадет.

Уже более трехсот раз схватывались друг с другом чжэньцзюнь Эрлан и Великий Мудрец, однако все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг Эрлан встряхнулся что было силы и, пустив в ход все свое волшебство, превратился в великана, став выше на десять тысяч чжанов. В каждой руке он держал по волшебному трезубцу с обоюдоострыми зубьями. Трезубцы эти походили на пики гор Хуашань[1]. Лицо у великана было синее, волосы ярко-рыжие, зубы безобразно торчали. Он был поистине страшен. Нацелившись, великан нанес Великому Мудрецу страшный удар. Однако Великий Мудрец тоже пустил в ход волшебство и в один миг превратился в точно такого же великана, как Эрлан. Он взмахнул своим железным посохом, который походил на огромный столб, вздымающийся к небу выше гор Куэнь-лунь, и отразил удар Эрлана.

Это зрелище повергло в такой трепет обезьян-военачальников Ма и Лю, что они даже перестали размахивать флагами. А полководцы Пэн и Ба от страха утратили способность владеть мечами. Военачальники Кан, Чжан, Яо, Ли, Го Шэнь, Чжи Цзянь отдали приказ вывести божества с головами растений, те бросились к Пещере водного занавеса и, выпустив соколов и собак, с натянутыми луками смело ринулись в бой. И, о ужас, они сразу же рассеяли войско четырех полководцев обезьян и захватили в плен почти три тысячи этих волшебных созданий. Несчастные, побросав оружие и снаряжение, с криком и визгом разбежались кто в горы, кто в пещеру, словно спящие птицы, вспугнутые кошкой. Однако, как одержали братья эту победу, мы рассказывать не будем.

Вернемся лучше к Эрлану и Великому Мудрецу. В тот момент, когда они, превратившись в чудовища, сражались друг с другом, Великий Мудрец заметил вдруг, что обезьяны, находившиеся в его лагере, в страхе разбегаются. Это встревожило его и, приняв свой обычный вид, наш Мудрец стремительно побежал прочь.

— Ты куда?— крикнул Эрлан, бросившись за ним вдогонку.— Сдавайся лучше, тогда я пощажу твою жизнь!

---

[1] Горы Хуашань — одна из высочайших горных цепей Восточного Китая.

Однако у Великого Мудреца не было ни малейшего желания продолжать бой, и он улепетывал, что было мочи. Наконец он достиг пещеры, но тут дорогу ему преградили четыре давэя и два цзянцзюня[1] — сподвижники Эрлана.

— Ах ты наглая обезьяна,— закричали они,—куда бежишь?!

Тут уж Великий Мудрец совсем растерялся. Он тотчас же превратил свой посох в иглу, спрятал ее в ухо, а сам встряхнулся, сразу же превратился в воробья, взлетел и сел на ветку. Все шесть братьев метались из стороны в сторону, пытаясь найти его, но напрасно.

— Сбежала таки проклятая обезьяна! Сумела скрыться!— громко ругались они.

Пока они суетились и кричали, к месту происшествия прибыл Эрлан и крикнул:

— Братья! Я гонюсь за этим мошенником, не видели вы его?

— Да мы только было окружили его, а он куда-то скрылся,— отвечали те.

Эрлан округлил свои глаза, огляделся и увидел, что Великий Мудрец превратился в воробья и сидит на ветке. Тогда он отбросил свое волшебное копье и самострел, встряхнулся и, превратившись в коршуна, расправил крылья и ринулся на воробья. Тут Великий Мудрец мигом обернулся большим бакланом и взлетел в небо. Но Эрлан, расправив крылья, тут же превратился в огромного морского журавля и ринулся в погоню за своим противником. Однако Великий Мудрец устремился вниз и, превратившись в рыбу, нырнул в поток. Эрлан же, достигнув берега, не нашел следов Великого Мудреца и решил:

«Эта мерзкая обезьяна, превратившись в рыбу, ракушку или какую-нибудь водяную тварь, скрылась в воде, и, чтобы поймать ее, мне тоже придется принять другой вид».

Он превратился в баклана и стал плавать по поверхности воды, выжидая удобного момента. Между тем Великий Мудрец, превратившись в рыбу, плыл по течению, как вдруг увидел вверху птицу. Она напоминала коршуна, но оперение ее не было черным. Походила она также на цаплю, однако не имела хохолка. Ее можно было бы принять за журавля, если б ее лапы были красными. «Это Эрлан превратился в птицу и высматривает меня»,— подумал Великий Мудрец, быстро повернулся и, сделав круг, уплыл.

Эрлан в это время раздумывал: «Рыба, метнувшаяся в омут, с виду похожа на карпа, однако хвост у нее не красный. Может быть это линь, но почему чешуя у него не разноцветная? Если это черная рыба, так отчего у нее на лбу нет звезды? А если это лещ, то почему на жабрах у него нет колючек? И отчего, завидев меня, она сейчас же повернула обратно? Вероятно, это обезьяна превратилась в рыбу». И Эрлан, раскрыв клюв, тотчас же ри-

[1] Давэй, цзянцзюнь — воинские звания.

нулся в погоню. Однако Великий Мудрец выскользнул на берег, превратился в ужа и скрылся в траве. Эрлану так и не удалось схватить рыбу, но, заметив, что из воды выскользнула змея, он сообразил, что это Великий Мудрец, и моментально превратился в серого журавля с красным хохолком. Вытянув голову с острым, словно ножницы, клювом, Эрлан совсем уж было приготовился проглотить змею. Но она, подпрыгнув, неожиданно превратилась в пятнистую дрофу, одиноко и мрачно стоящую среди прибрежных зарослей.

Когда Эрлан увидел, что Великий Мудрец превратился в столь низкую тварь, а надо вам сказать, что среди птиц дрофа считается самой низкой и грязной, так как она сходится без разбору с любой птицей, которая попадается ей на пути: и с цаплей, и с фениксом, и с ястребом, и с вороном, то он не стал даже приближаться к нему, а, приняв свой первоначальный вид и взяв пращу, выстрелил в нее. Великий Мудрец даже перекувыркнулся.

Однако воспользовавшись этим, Великий Мудрец кубарем скатился с горы и превратился в кумирню бога земли. Его пасть стала входом в кумирню, зубы—створками дверей, язык—статуей бодисатвы, а глаза — круглыми окнами. Он не мог только придумать, что сделать с хвостом, но потом задрав его кверху, превратил в шест для флага.

Достигнув подножия горы, Эрлан не нашел здесь никакой дрофы и увидел лишь небольшую кумирню. Тщательно присмотревшись, он вдруг разглядел позади кумирни шест для флага и рассмеялся.

— Да ведь это же обезьяна! Она снова задумала провести меня. Много встречал я кумирен на своем веку, но никогда не видел, чтобы позади кумирни был шест для флага. Эта тварь снова проделывает всякие штуки, она хочет укусить меня и думает, что я подойду к ней. Так я тебе и подошел! Вот обожди! Выбью сначала кулаком окна, а потом ногой высажу двери!

Тут Великий Мудрец сильно струхнул: «Это уж, пожалуй, слишком!— подумал он.— Ведь двери это мои зубы, а окна — глаза. Что же будет, если он и в самом деле выбьет мне зубы и вышибет глаза».— И он, прыгнув словно тигр, исчез в небе.

Эрлана уже стала утомлять эта беспорядочная погоня, но в этот момент к нему на помощь подоспели его братья — четыре давэя и два цзянцзюня.

— Ну как, брат, поймал ты Великого Мудреца? — поинтересовались они.

— Эта обезьяна хотела надуть меня и превратилась в кумирню,— со смехом отвечал Эрлан.— И когда я уж совсем было собрался выбить окна и вышибить двери, она вдруг неожиданно сделала прыжок и исчезла. Это поистине странно!

Все были поражены и начали осматриваться по сторонам, но никаких следов Великого Мудреца так и не обнаружили.

— Вот что, братья,— сказал тогда чжэньцзюнь.— Сторожите его здесь, а я подымусь наверх.

С этими словами он резким прыжком вскочил на облако и поднялся вверх. На полпути он увидел вдруг Вайсравану с волшебным зеркалом в руках, а рядом с ним принца Ночжа.

— Князь неба,— обратился к нему чжэньцзюнь,— не встречался ли вам Царь обезьян?

— Здесь его еще не было,— отвечал Вайсравана.— Я слежу за ним в зеркало.

Чжэньцзюнь рассказал о битве, обо всех превращениях Великого Мудреца, о том, как захватили обезьян, и закончил:

— Под конец он превратился в кумирню, я хотел разнести ее, но не успел оглянуться, как кумирня исчезла.

Выслушав Эрлана, Вайсравана снова осветил все вокруг своим зеркалом и, расхохотавшись, сказал:

— Ну, чжэньцзюнь Эрлан, пошевеливайся быстрее! Обезьяна сделалась невидимой, удрала с поля боя и сейчас мчится к твоему обиталищу — реке Гуаньцзян.

Эрлан, не мешкая, схватил свою волшебную пику и ринулся в погоню.

Тем временем Великий Мудрец достиг реки и, встряхнувшись, принял облик Эрлана. Спустившись на облаке, он вошел во дворец. Духи, ничего не подозревая, земно кланялись и приветствовали своего господина. Усевшись посредине храма, Великий Мудрец стал рассматривать принесенные жертвоприношения и проверять, верно ли они записаны. Ли-ху принес в жертву обещанных животных [1], Чжан-лун — обещанный узел с подношением, Чжао-цзя молил о ниспослании сына, а Цяньбин — об исцелении от болезни. Вдруг Великий Мудрец услышал, как кто-то пришел и доложил:

— Еще один господин Эрлан пожаловал!

Духи поспешили взглянуть на прибывшего и пришли в неописуемое изумление.

— Не было ли здесь сейчас кого-нибудь, кто называет себя Великим Мудрецом, равным небу? — спросил Эрлан.

— Никакого Великого Мудреца мы не видели, но в храме находится еще один священный Эрлан, который проверяет запись жертвоприношений.

Услышав это, чжэньцзюнь ринулся в храм, но Великий Мудрец, увидев его, принял свой обычный вид и заявил:

— Господин Эрлан! Не шумите зря! Эта кумирня теперь уже принадлежит мне.

Тут Эрлан схватил свое волшебное копье с трезубцем и, размахнувшись им, ударил Великого Мудреца прямо по лицу. Царь обезьян применил прием, называемый шэн-фа, то есть броском в сторону избежал удара. Затем он выдернул из уха

[1] Свинья, бык и баран.

иглу, помахал ею и, превратив ее в огромный посох, ринулся на противника. Завязалась борьба. С криками и бранью они вылетели из храма и, очутившись в облаках, продолжали бой. Так незаметно они снова очутились у Горы цветов и плодов, где переполошили четырех небесных военачальников и других обитателей горы, которым пришлось усилить оборону. Навстречу Эрлану вышли братья и объединенными силами стали со всех сторон наседать на прекрасную обезьяну. Однако говорить об этом мы пока не будем.

Передав приказ Эрлану и шести его братьям во главе войск отправиться для поимки Великого Мудреца, Князь демонов поспешил на небо с докладом о выполнении своей миссии. В это время Нефритовый император, бодисатва Гуаньинь, царица неба Ван-му, окруженные сонмом небесных сановников, находились в Зале священного небосвода и вели беседу.

— Сражаться отправился сам Эрлан, почему же нет никаких известий? — недоумевали они:— Ведь прошел уже целый день.

— Может быть, вы разрешите, ваше величество,— обратилась Гуаньинь к императору, почтительно сложив ладони рук,— мне вместе с патриархом выйти за Южные ворота неба и посмотреть, что там происходит.

— Что ж, в этом, пожалуй, есть смысл,— отвечал император. И в сопровождении пышного кортежа, вместе с патриархом, Гуаньинь, царицей неба Ван-му и сановниками направился к Южным воротам, где небесная стража поспешила распахнуть перед ним ворота. Взглянув вниз, они увидели огромный заслон — это было небесное войско. Вайсравана с принцем Ночжа находился в центре, между небом и землей, и держал в руках волшебное зеркало. А Эрлан с братьями окружили Великого Мудреца и, наседая на него со всех сторон, вели отчаянную борьбу.

— Ну как, права я была, когда посоветовала отправить сражаться Эрлана? — обращаясь к Лао-цзюню, спросила Гуаньинь.— Он поистине обладает волшебной силой. Правда, ему не удалось пока захватить Великого Мудреца, но он уже успел загнать его в ловушку. Вот погодите, сейчас с моей помощью он захватит его.

— Какое же оружие вы намерены использовать? — спросил Лао-цзюнь.

— Я брошу в голову этой обезьяне вазу с веткой ивы,— отвечала на это Гуаньинь.— Ваза не убьет обезьяну, а только свалит ее с ног, а Эрлан тем временем схватит ее.

— Да ведь ваза фарфоровая,— запротестовал Лао-цзюнь.— Хорошо, если вы попадете прямо в цель. А вдруг ваза пролетит мимо и ударится о Железный посох, ведь она разлетится на куски. Вы уж лучше погодите и дайте мне помочь ему.

— Ну, а вы чем хотите сразить обезьяну?— поинтересовалась Гуаньинь.

— Да у меня есть чем,— отвечал Лао-цзюнь и, взмахнув рукавом халата, с левой руки снял браслет.— Это оружие,— объяснил он,— сделано из сплава золота и стали, к которому добавлен эликсир бессмертия. Теперь браслет превратился в волшебное существо и легко перевоплощается. Он не боится ни огня, ни воды и обладает способностью охватывать любую вещь. Называется он «цзиньганчжу», или «цзиньгантао» [1]. Еще в те годы, когда я выезжал за пределы Ханьгугуань* и призывал варваров к просвещению, этот браслет мне очень помог. Он всегда предохраняет от всякого рода опасностей. Дайте-ка я брошу его на эту обезьяну.

С этими словами он бросил браслет. Браслет полетел вниз словно блестящая струя, по направлению к Горе цветов и плодов и опустился прямо на голову Царя обезьян. Тот был всецело поглощен ожесточенной борьбой с наседавшими на него семью волшебниками и вовсе не ожидал, что с неба на него свалится подобное оружие. Не удержавшись на ногах, он свалился, но тотчас же вскочил и побежал. Однако вдогонку за ним пустилась собака Эрлана, она стала хватать его за икры, и он снова споткнулся и упал.

— Ах ты дьявол этакий!— громко ругал он собаку, растянувшись на земле.— Лучше б ты охраняла своего хозяина.

Он сделал резкое движение, желая перевернуться, но встать не мог. Семеро братьев крепко прижали его к земле, крепко скрутили веревками и переломали ему ключицу, чтобы он не смог уж больше менять своего вида. Между тем Лао-цзюнь забрал свой браслет и пригласил Нефритового императора, Гуаньинь и царицу Ван-му в Зал священного небосвода.

В это время четыре небесных военачальника, Вайсравана и остальные небесные полководцы отозвали свои войска, сняли ограждения и, окружив Маленького Мудреца — Эрлана, поздравляли его.

— Эта победа принадлежит вам,— говорили они.

— При чем тут я,— скромно отвечал Эрлан.— Захватить обезьяну удалось исключительно благодаря милостям неба и отваге небесного воинства.

— Не будем говорить об этом,— вмешались тут братья Эрлана.— Сейчас следует доставить этого молодчика на небо и получить указания от Нефритового императора, что с ним делать.

— Дорогие братья,— сказал на это чжэньцзюнь Эрлан,— вы не состоите в списках бессмертных и вам не положено лицезреть Нефритового императора. Пусть небесные войска доставят обезьяну на небо, а я вместе с Вайсраваной тоже отправлюсь туда, чтобы доложить о выполнении порученного нам дела и получить дальнейшие указания. Вы же обыщите здесь всю гору,

---

[1] Браслет или кольцо из золота и стали.

а затем возвращайтесь к реке Гуаньцзян и ждите меня. Я представлю вас к награде и когда получу ее, то вернусь к вам, и мы все вместе отпразднуем нашу победу.

Братья согласились. А Эрлан вместе с остальными взобрался на облако и, распевая победные песни, отправился на небо. Вскоре они достигли Дворца космического света, где небесный наставник доложил:

— Четыре небесных военачальника и их войско захватили волшебную обезьяну — Великого Мудреца, равного небу, и прибыли сюда, чтобы выслушать ваши указания.

Нефритовый император тут же приказал Князю демонов Махабали и другим небесным воинам доставить пленника на эшафот и разрубить его на мелкие части. И увы!

За ложь и за мятежное восстанье
Жестокое потерпит наказанье,
А дух геройский будет осужден
Молчать века и лучших ждать времен.

Но если вы хотите узнать, что же в конце концов произошло с Царем обезьян в дальнейшем, прошу вас выслушать следующую главу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как Великий Мудрец бежал из волшебной печи и как горой Усиншань была придавлена бунтующая обезьяна

Богатство и славу,
И происхожденье
Судьба назначает
Еще до рожденья.

Подобный порядок
Извечно ведется,
И люди не могут
С законом бороться.

Так честность в той жизни
Даст в нынешней славу,
Заслужит возмездья
Поступок лукавый.

Хоть ты и не терпишь
Сейчас наказанья,
Тебя не избавит
Его опозданье.

И праведна кара
И неотвратима.
За что обезьяна
Судьбою гонима?

За то, что в безумном
Своем самомненье,
Она безрассудна
В делах и стремленье.

И мира порядок
Она нарушала,
И старших не чтила,
Как чтут изначала.

И вот небесные воины подвели Великого Мудреца, равного небу, к эшафоту и привязали его к столбу. Они принялись рубить его мечами, рассекать топорами, колоть пиками и разрубать саблями. Однако Великий Мудрец остался цел и невредим. Тогда Дух звезды Южного полюса приказал Духу Огненной звезды напустить на него огонь. Однако и огонь не сжег Мудреца. Наконец духам Грома было приказано сразить Мудреца громом и молнией. Но все их старания оказались напрасными. Мудрец по-прежнему оставался невредим, ни один волос его не пострадал. Тогда Князь демонов Махабали, а за ним все остальные обратились к Нефритовому императору.

— Ваше величество,— молвили они.— Мы совершенно не понимаем, откуда удалось этому Мудрецу узнать подобные способы самозащиты. Ни меч, ни топор, ни гром, ни молния, ни огонь не берут его. Что же с ним делать?

— Да, он просто неуязвим и трудно даже сказать, как поступить с ним,— выслушав их, растерянно ответил Нефритовый император.

Но тут вперед выступил Лао-цзюнь и сказал:

— Эта обезьяна съела персики бессмертия, выпила небесное вино, а затем украла еще у меня пять бутылей эликсира бессмертия. Правда, не весь он был готов. Все это находится теперь у нее в желудке и при помощи огня Самади * расплавилось и превратилось в одно целое. Благодаря этому тело ее стало твердым, словно алмаз, и сейчас она неуязвима. Давайте отведем обезьяну ко мне, я помещу ее в волшебную печь, где алхимический огонь выплавит из нее эликсир бессмертия, тогда тело ее превратится в пепел.

Выслушав Лао-цзюня, Нефритовый император приказал воинам передать ему Мудреца. Приказание его было выполнено, и Лао-цзюнь отправился выполнять распоряжение императора. После этого Эрлана занесли в списки бессмертных и наградили сотней золотых цветов, сотней кувшинов небесного вина, сотней шариков эликсира бессмертия, а также несметным количеством драгоценных камней, жемчуга, шелка, парчи, которые он должен был разделить между братьями. Поблагодарив императора за оказанные милости, Эрлан отправился к реке Гуаньцзян, однако говорить об этом мы не будем.

Между тем Лао-цзюнь вернулся во дворец Тушита, освободил Великого Мудреца от веревок, вытащил клинок, который был воткнут в ключицу Мудреца, и втолкнул пленника в волшебную печь. Затем он приказал прислуживавшим у печи работникам и поддерживавшим огонь подросткам раздуть сильное пламя и приступить к расплавливанию.

Надо вам сказать, что очаг этот был разделен на восемь частей, каждая из которых представляла одну из восьми триграмм: цянь, кань, гэнь, чжэнь, сюнь, ли, кунь, дуй — соответственно означающих: небо, воды, горы, гром, ветер, сияние, земля,

разлив. И вот изо всех сил пытавшегося освободиться, извивающегося Мудреца втолкнули в часть очага именуемую «сюнь»— ветер. От ветра огонь тотчас погас, но зато повалил такой дым, что глаза у Мудреца стали красными от боли. Эта болезнь осталась у него навсегда, вот почему его и стали впоследствии называть «Огненные глаза».

Время быстро летело, прошло уже семь раз по семь дней, и вот наступил наконец сорок девятый день, в который должен был завершиться процесс алхимии. Когда Лао-цзюнь подошел к волшебной печи, чтобы достать из нее эликсир жизни, Великий Мудрец так сильно тер глаза, что из них даже потекли слезы. Услышав, что с очага сняли крышку, он широко раскрыл глаза. Но свет причинил ему сильную боль. Не в силах вынести ее, он выпрямился и тотчас же с шумом выпрыгнул из печи. На ходу он перевернул волшебную печь и бросился бежать. Находившаяся у печи охрана — служители и истопники — пустилась было за ним вдогонку, но он всех разбросал. В этот момент он походил на дракона, белолобого тигра или же взбесившегося единорога. Лао-цзюнь бросился вперед и хотел сам схватить его, но Великий Мудрец так швырнул его, что тот полетел вверх тормашками и бежал, спасая свою жизнь.

Тогда Сунь У-кун вынул из-за уха свой посох желаний и помахал им по ветру. Посох тотчас же стал толщиной в чашку и увеличился во много раз. Тут Сунь У-кун схватил его и стал громить в небесных чертогах все, что попадалось ему под руку. Он производил разрушения с такой яростью, что Духи девяти светил поспешили закрыть свои двери, а четыре небесных военачальника бесследно исчезли. Громадной силе, которую на сей раз проявила прекрасная обезьяна, посвящены даже стихи, которые гласят:

Строенье тела обезьяны
Закон небес определил.
Пройдя сквозь тысячи мучений,
Мудрец все тот же, что и был.

Он все такой, каким природа
Его когда-то создала,
И ни в одной печи горящей
Не мог бы он сгореть дотла.

Не ртуть, не медь здесь расплавляли —
Сжигали с грозным торжеством
Того, кто был рожден священным,
Был настоящим божеством.

И, проходя все превращенья,
Он жизни длил круговорот,
Трех драгоценностей буддизма
Еще не принимал в расчет.

Есть другие стихи, которые гласят:

До краев проник вселенной
Самый малый луч священный;
Так и посох чудотворный:
Он, хозяину покорный,
Был прямым и поперечным,
Был коротким, бесконечным,
Был способен к расширенью
И к такому ж сокращенью.

И далее:

Был в этом теле обезьяньем
Дух человечий заключен,
А если этот дух разумен,
То, значит, мыслить может он.

Мудрец Великий, равный небу,
Наименован так не зря,
Не зря назначен бимавэнем —
Великим конюшим царя.

Бег мысли в нем не прекращался—
Таков коня упорный бег,
А в сердце вечную тревогу
Нес обезьяно-человек.

Но эти мысли и стремленья
Связаться накрепко должны,
И власти одного закона
Все существа подчинены.

Царь обезьян уничтожал всех без разбора. Он наносил удары во все стороны, и никто не осмелился бы остановить его. Однако, когда он уже пробился в Зал космического света и очутился перед Залом священного небосвода, тут, к счастью, оказался помощник начальника охраны Ван Лин-гуань, который как раз ведал этим залом. Увидев Великого Мудреца, Ван Лин-гуань, подняв металлическую плетку, преградил ему дорогу.

— Ты куда лезешь, проклятая обезьяна!— закричал он.— Разве не видишь, кто перед тобой? Оставь свои сумасбродные выходки!

Однако Великий Мудрец не пожелал даже разговаривать с Ван Лин-гуанем и бросился на него со своим посохом. Но Ван Лин-гуань тоже взмахнул хлыстом и ринулся навстречу противнику. И вот перед Залом священного небосвода между ними завязалась ожесточенная борьба.

Верностью, храбростью, славой
Ван Лин-гуань был велик;
Царь обезьян святотатством
Лишь поношенья достиг.

Два храбреца и героя
Силой равняться могли,
Встретились в схватке жестокой
Дети небес и земли.

Посох был страшен; сверкала
Молниевидная плеть;
Ван Лин-гуань обезьяны
Больше не мог потерпеть.

Был он Тай-и — громовержцем,
Славой он был осиян,
Враг же его назывался
Славным Царем обезьян.

Посох и плеть золотая
Были оружьем святым,
Силу они проявляли,
Втайне присущую им.

Бой завязался у входа
В дышащий святостью зал;
Каждый из этих героев
Только любовь вызывал.

Не было личной корысти
В пламенном гневе сердец,
Только мятежник стремился
Взять многозвездный дворец.

Вышел другой на защиту
Светлых владений небес.
Было еще неизвестно,
Чей в этот день перевес.

Посох и плеть золотые
Так и взлетали в бою;
Страха не знали герои,
Честь защищая свою.

Долго боролись они, но одолеть друг друга не могли. Тогда начальник охраны послал своего помощника во Дворец грома и призвал тридцать шесть полководцев. Они плотным кольцом окружили Великого Мудреца. У каждого в руках было грозное оружие. Однако и это нисколько не испугало мятежника. Вращая в воздухе свой посох, он, как ни в чем не бывало, отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары. Кольцо из мечей, копей, пик, хлыстов, топоров, крючьев, серпов, бунчуков и другого оружия сжималось все теснее и теснее. Наконец Великий Мудрец встряхнулся и тут же превратился в чудовище с тремя головами и шестью руками. Затем он взмахнул несколько раз посохом, и из одного посоха стало три. Взяв каждый посох двумя руками, он стал вращать ими так быстро, что, казалось, вертится колесо прялки. Ни один из полководцев Грома не смел даже приблизиться к нему. Поистине это было так:

Посох, в воздухе вращаясь,
Создавал круги блистанья.
Мир извечно существует,
Но откуда эти знанья?

Мудреца вода и пламя
Погубить бы не сумели,
И мечи и алебарды
Повредить ему не смели.

Мог быть злым, а мог быть добрым,
Доброе творить и злое.
Человек, творящий благо,
Входит Буддой в мир покоя.

Как чудовище с рогами,
Будет зло творящий — гадок.
Обезьяний царь устроил
В самом небе беспорядок.

Проходил он превращенья,
И являлся по-другому,
Отступал пред ним бессильно
Даже Бог великий грома.

Итак, полководцы Грома, окружив Великого Мудреца, все же не могли приблизиться к нему. Наконец весь этот шум достиг ушей Нефритового императора и встревожил его. Он тут же приказал послать двух чиновников в страну Запада и просить там Будду усмирить мятежника. Получив распоряжение, посланцы тотчас же очутились перед обиталищем Будды — храмом Раскатов грома. Они поклонились божествам-хранителям и восьми бодисатвам, а затем стали просить их как можно скорее доложить об их прибытии. И вот все небожители предстали перед троном Будды. Услыхав о прибытии посланцев, Будда велел привести их к нему. Посланцы совершили по три поклона и встали перед троном.

— Что случилось? Почему Нефритовый император потревожил вас и послал сюда?— спросил их Будда.

Посланцы рассказали, что в один прекрасный день на Горе цветов и плодов родилась обезьяна. Каким-то образом ей удалось собрать вокруг себя других обезьян, и она стала чинить в мире беспорядки. Тогда Нефритовый император призвал обезьяну к себе и, чтобы умиротворить ее, назначил на должность бимавэня. Однако должность эта показалась обезьяне унизительной, и она вернулась на землю. Для поимки ее были посланы Князь неба Вайсравана с сыном — принцем Ночжа, но схватить обезьяну не удалось. Тогда решили обойтись с ней мирным путем и присвоили ей титул Великого Мудреца, равного небу. Вначале у него был только этот титул, но через некоторое время Мудреца назначили ведать Персиковым садом. И вот тут-то он украл персики, а затем отправился во Дворец нефритовой заводи, где тайком поел приготовленные для пира яства, выпил вино,— в общем, расстроил намеченный банкет. Опьянев, он отправился во дворец Тушита, выкрал там изготовленный Лао-цзюнем эликсир бессмертия и после этого покинул небесные

чертоги. Тогда Нефритовый император отправил стотысячное небесное войско, чтобы схватить мятежника, но и это не удалось. Тут бодисатва Гуаньинь призвала Эрлана, который вместе со своими братьями вступил с мятежником в смертельный бой. Но мятежник при помощи волшебства много раз изменял свой вид. И лишь благодаря Лао-цзюню, который набросил свой золотой браслет на смутьяна, Эрлану удалось его захватить и доставить Нефритовому императору. Император повелел немедленно казнить мятежника. Обезьяну кололи мечами, рубили топорами, жгли в огне, поражали громом, но все это не причинило ей ни малейшего вреда. Тогда Лао-цзюнь предложил расплавить мятежника в своей печи. Но когда через сорок девять дней волшебную печь открыли, смутьян выскочил, расшвырял небесных воинов и проник в Зал космического света. Но перед Залом священного небосвода помощник начальника охраны Ван Лин-гуань задержал его. Тут между ними начался ожесточенный бой. Через некоторое время были вызваны еще тридцать шесть божеств Грома, они плотным кольцом окружили смутьяна, однако приблизиться к нему никак не могли. Положение создалось угрожающее. Поэтому Нефритовый император и решил обратиться к вам с просьбой о помощи.

Выслушав их, Будда обратился к окружавшим его бодисатвам с такими словами:

— Вы оставайтесь здесь, в храме, и не нарушайте установленных молений. А я, как только усмирю это чудовище, сейчас же вернусь.

Затем Будда подозвал своих учеников Ананда и Касьяпу и велел им сопровождать его. Покинув свое обиталище, все трое сразу же очутились перед Залом священного небосвода. Здесь среди невообразимого шума и грохота тридцать шесть божеств Грома старались окружить Великого Мудреца. Будда тут же приказал божествам Грома прекратить сражение и покинуть поле боя, а Великому Мудрецу велел приблизиться, чтобы узнать, какими волшебными силами тот обладает. Когда божества Грома удалились, Великий Мудрец принял свой обычный вид и, выступив вперед, надменно крикнул:

— Ты что за птица такая, что смеешь мешать нашему бою и учинять мне допрос?!

— Я Сакья-муни из рая Западного мира,— с улыбкой отвечал Будда.— Недавно я прослышал, что ты творишь безобразия и уже не раз восставал против небесных чертогов. Откуда же ты явился, когда постиг Учение, и почему творишь подобные безобразия?

На это Великий Мудрец ответил так:

Землей и небом порожденный,
С Горы цветов я и плодов,
Ученьем тайным просвещенный,
Я не жалел своих трудов.

Я Царь почтенный обезьяний,
И наконец бессмертным стал,
Мир человеческих страданий
Ничтожен для меня и мал.

В Пещере занавеси водной
Я знал одни свои дела,
Теперь волшебник я свободный,
Мне силы магия дала.

Я обучился превращенью,
Во все я превращаться смог,
Во мне — великое стремленье
Небесный захватить чертог.

О, разве должен непременно
Властитель прежний им владеть!
Земным правителям есть смена,
Черед уйти и умереть.

Сильнейшему — почет и слава,
И он уступит мне дворец.
Один герой имеет право
На первенство и на венец.

Выслушав все это, Будда холодно усмехнулся.

— Ведь ты всего лишь обезьяна,— молвил он.— Как же смеешь ты даже мыслить о том, чтобы захватить трон Нефритового императора? Он занимался самоусовершенствованием с самого раннего возраста, упорно работая над собой в течение тысячи семисот пятидесяти калп, а каждая калпа составляет сто двадцать девять тысяч шестьсот лет. Ты только подумай, сколько нужно времени, чтобы достичь столь глубокой мудрости! Как же ты, животное, впервые появившееся в мире в образе человека, осмеливаешься так бахвалиться?! Это недостойно сына человека. Я лишаю тебя долголетия. Смирись и больше не твори подобных глупостей. Если же ты совершишь еще какое-нибудь злодеяние, то немедленно поплатишься за это и умрешь. А на сей раз я буду снисходителен и сохраню тебе жизнь.

— Пусть даже он и начал свое самоусовершенствование с юных лет,— сказал Великий Мудрец,— но это вовсе не значит, что он должен оставаться здесь навсегда. Ведь не зря же существует поговорка: «Сегодня император он, а завтра — я». Прикажи ему убраться отсюда и уступить небесные чертоги мне. На этом мы и покончим. Если же он не согласится, я буду действовать, как и прежде, и в небесных чертогах никогда не наступит покой.

— Какими же волшебными силами, кроме уменья превращаться, ты обладаешь, что осмеливаешься говорить о захвате небесных чертогов?— спросил Будда.

— О, я многое постиг,— отвечал Великий Мудрец.— Я обладаю способом семидесяти двух превращений. Мне известен секрет вечной юности и бессмертия. Я могу совершать прыжок

на расстояние сто восемь тысяч ли. Отчего же мне не занять небесный трон?

— Ну, тогда давай заключим пари,— предложил Будда.— Если ты действительно обладаешь такими способностями, выпрыгни из ладони моей правой руки: сделаешь это — значит выиграл; тогда можно будет прекратить эти ожесточенные сражения, и я попрошу Нефритового императора перебраться на жительство в Западную страну, а небесные чертоги уступить тебе. Если же ты не сможешь этого сделать, то в наказание должен будешь отправиться на землю и в течение многих калп находиться там. Лишь после этого ты сможешь оспаривать свое право.

«Да этот Будда — настоящий дурак,— подумал с усмешкой Великий Мудрец.— Я могу прыгнуть на сто восемь тысяч ли, а его ладонь не больше одного чи. Как же я не смогу выпрыгнуть из его ладони?»

— А сможешь ли ты выполнить то, что обещаешь?— поспешил спросить он.

— Конечно, смогу,— успокоил его Будда, и с этими словами вытянул вперед правую руку, раскрыв ладонь величиной с лист лотоса.

Великий Мудрец заложил свою палицу в ухо и, встряхнувшись всем телом, прыгнул как раз на середину ладони. Затем, сотворив магическое заклинание, он устремился вперед и, как ему казалось, мчался словно луч света, проследить за полетом которого совершенно невозможно. А Будда, наблюдавший за ним оком разума, убедился в том, что стремительный полет Великого Мудреца подобен всего-навсего вращению колеса прядильного станка.

Между тем, стремясь вперед, Великий Мудрец вдруг увидел пять розовых столбов, вздымавшихся к небу.

«Ну, здесь — конец мира,— подумал он.— Сейчас я могу вернуться к Будде и, рассказав об этих столбах, требовать свой выигрыш. Трон в Зале священного небосвода отныне принадлежит мне. Однако, — продолжал он думать,— не мешает оставить здесь надпись. Так легче будет добиться у Будды выполнения заключенного пари».

И, выдернув у себя волосок, он дунул на него и приказал: «Изменяйся!» Тотчас же волосок превратился в кисточку, густо смоченную тушью. И вот на центральном столбе Великий Мудрец сделал такую надпись: «Это место посетил Великий Мудрец, равный небу».

Водворив кисть на прежнее место, он из озорства помочился у основания первого столба. Проделав все это, он совершил прыжок и, снова очутившись на ладони у Будды, сказал:

— Ну вот, я и побывал там, где нужно. Теперь можешь приказать Нефритовому императору уступить мне небесные чертоги.

— Гнусная ты обезьяна! — выругался Будда.— Все это время ты оставался на моей ладони!

— Да ведь ты ничего не знаешь! — вскричал Великий Мудрец. — Я побывал на краю света, видел пять вздымающихся к небу столбов, цвета человеческого тела, и на одном из них сделал даже надпись. Если хочешь, то можешь вместе со мной отправиться туда и сам посмотреть.

— В этом нет никакой надобности,— промолвил Будда.— Ты лучше посмотри вниз.

Великий Мудрец широко раскрыл свои огненные глаза, посмотрел вниз и на среднем пальце руки Будды прочел надпись: «Это место посетил Великий Мудрец, равный небу». А между большим и указательным пальцами чувствовался запах мочи. Все это так поразило Великого Мудреца, что он мог лишь воскликнуть:

— Невероятно! В чем же тут дело? Я сделал надпись на столбе, который вздымался к самому небу, как же она очутилась на пальце Будды?! Не иначе, как он применил какое-то волшебство! Я не верю, не верю! Отправлюсь-ка я туда еще разок и посмотрю, в чем дело!

О, драгоценный Мудрец! Только было собрался он совершить прыжок, как Будда неожиданно перевернул ладонь и вытолкнул Царя обезьян прямо к Западным воротам неба. После этого он превратил пять своих пальцев в пять элементов: металл, дерево, воду, огонь и землю, а из этих пяти элементов сделал гору, состоящую из пяти пиков и с пятью вершинами и назвал ее Усиншань, что значит гора пяти элементов. Гора в момент накрыла Великого Мудреца. Наблюдавшие эту сцену божества Грома, а также Ананда и Касьяпа не могли сдержать своего восторга и, сложив ладони рук, восклицали:

— Чудесно! Превосходно!

Когда-то под влиянием природы
Царь обезьян родился из яйца.
Усовершенствовать себя хотел он
И степени достигнуть мудреца.

Навеки, несмотря на все старанья,
Без измененья оставался он,
Теперь же пожелал он измениться,
Но был в беде бессильем поражен.

Хотел нарушить он законы неба
И захватить в небесном царстве власть,
Он обманул бесстыдно Лао-цзюня,
Чтоб эликсир бессмертия украсть.

Но чаша переполнилась терпенья,
И безнаказанным не будет зло,
Возможно ли отныне возрожденье,
Когда возмездье за грехи пришло.

Усмирив таким образом обезьяну-волшебника, Будда подозвал к себе Ананда и Касьяпу, чтобы вместе с ними вернуться в

Земной рай на Запад. Но в этот момент к нему приблизились посланцы небесного императора, срочно прибывшие из Дворца священного небосвода, и, обращаясь к нему, сказали:

— Умоляем вас, великий Будда, обождать немного, сейчас сюда прибудет наш владыка.

Услышав это, Будда повернул голову и, взглянув вверх, вскоре увидел колесницу, покрытую сверкающим драгоценностями балдахином и разноцветными зонтами. В тот же миг послышались таинственные звуки священной музыки и пение псалмов. Наполняя все пространство чудесным ароматом, в воздухе летали священные цветы.

— Очень благодарен вам за то, что вы расправились с этим чудовищем,— молвил Нефритовый император, приблизившись к Будде.— Надеюсь, вы не откажетесь немного задержаться здесь. Я хочу пригласить всех бессмертных на пир, который устрою в вашу честь.

Будда не мог отказаться от приглашения и, сложив руки, поблагодарил.

— Я прибыл сюда по вашему вызову, великий император,— сказал он,— и этот скромный успех не следует считать моей личной заслугой. Просто это ваше счастье и победа всех небожителей, поэтому я вовсе недостоин вашей благодарности.

Тут Нефритовый император приказал божествам Грома отправиться в разные места и пригласить императоров трех небес, четырех цензоров, пять старейшин, шесть начальников департаментов, семь старейшин, восемь Духов всех сторон света, Духов девяти светил и десять начальников отделов во дворец императора, чтобы отблагодарить Будду за оказанную им милость. Затем он приказал четырем небесным военачальникам и небожительницам девятого неба раскрыть все дворцы и сокровищницы, дворцы Тай-сюань и Дун-ян-юй-гуань и пригласил Будду занять место на Троне семи драгоценностей. Для всех остальных были устроены сиденья соответственно чину и рангу. На столах среди множества яств можно было увидеть печень дракона и мозги феникса, сок яшмы и волшебные персики.

Вскоре на приглашение явились императоры трех небес, бессмертные четырех туманностей, Духи пяти созвездий, три даосских божества — неба, земли и воды, четыре божественных мудреца, Духи девяти светил, два помощника слева и справа, небесный принц Ночжа.

Кругом развевались флаги и знамена, несли балдахины и хоругви, Будде преподнесли сверкающий жемчуг и редкие драгоценности, плоды долголетия, редчайшие изумительные цветы и, почтительно кланяясь, говорили:

— Мы глубоко тронуты проявлением вашей необыкновенной силы, благодаря которой вам удалось усмирить волшебную обезьяну. И вот, пользуясь тем, что наш великий император устроил в честь вас пир, мы прибыли отблагодарить вас за оказанные ми-

лости и просим вас, священный Будда, особо отметить этот пир, присвоив ему соответствующее наименование.

Выслушав небожителей, Будда отвечал:

— Я думаю, что сегодняшний пир следует назвать «Пиром успокоения неба».

Это предложение очень понравилось всем небожителям, и они в восторге стали хором восклицать:

— Чудесно! Прекрасно! Пусть этот пир называется Пиром успокоения неба!

Затем все расселись по своим местам, и кубки и чаши пошли по кругу. Звуки чудесной музыки, сопровождавшиеся боем барабана, разносились вокруг, наполняя воздух. Пир был поистине великолепен. Его воспели в стихах:

Пир из персиков сорван Царем обезьяньим вначале,
Но не менее праздничным шествием он заменен,
Колесницы сиянье волшебных камней излучали,
На ветру колыхались шелка драгоценных знамен.
В тихом воздухе лились святые мелодии песен,
С трелью яшмовых флейт образуя торжественный хор,
Аромат из курильниц взмывался, и чист и чудесен,
Поздравляли прибывшие мирно ликующий двор...

И вот в самом разгаре веселья на пиру появилась сама царица неба. Выступая словно пава в сопровождении небесных отроков, прекрасных девушек и изящных сановных дам, она, танцуя, подошла к Будде и, учтиво склонившись перед ним, произнесла:

— До этого наш Персиковый пир был нарушен волшебной обезьяной. И только благодаря вашей божественной силе вы смогли обуздать этого злостного упрямца. В честь вас устроен этот пир, Пир успокоения неба, но нет такой драгоценности, которой можно было бы достойно отблагодарить вас. Сегодня я своими собственными руками сорвала несколько больших персиков бессмертия, которые почтительно и преподношу вам.

И поистине об этих плодах можно сказать:

Полукрасные, полузеленые,
Источали они аромат,
И растили их тысячелетьями
Для небесных, бессмертных услад.

Эти персики лучше по качеству,
Чем плоды в заповедном раю:
Светло-желтая косточка в мякоти,
Источающей сладость свою.

В этих персиках тайна бессмертия,
Смерть она прогоняет навек;
Кто плодов долголетья отведает,
Тот уже не простой человек.

В ответ на эти слова Будда сложил ладони рук и, склонившись, поблагодарил ее за подношение.

Затем царица подала знак, чтобы пришедшие с ней небесные отроки, девушки и сановные дамы продолжали пение и пляску. Присутствующие на пиру небожители пришли в восторг. Поистине об этом зрелище можно было сказать:

Туманное небо заполнилось все ароматом,
Цветы покрывали широкое это пространство,
Дворцы золотые блистали своей красотою,
И было чудесно небесного пира убранство.

Бессмертные гости, священные жители неба,
Сюда собрались, и теперь отдыхали блаженно;
Хоть тысячи бедствий они испытали когда-то,
Но все прожитое на небе забылось мгновенно.
Когда же они вспоминали свои воплощенья,
То не было в них перед прошлым своим изумленья.

И вот, в самом разгаре пира, когда царица неба велела небесным отрокам и девушкам танцевать, а гости чокались бокалами, все вдруг почувствовали какой-то необычайный аромат.

Созвездий духи, духи звезд молчат,
Необычайный чуя аромат;
Отставил Будда чашу в изумленье,
Все смотрят вверх, не будет ли явленья?
Меж небом и землею просияв,
Чудесный старец нес корзину трав,
А в тыкве нес Пилюли жизни вечной,
И сам он жил на свете бесконечно.
Таков ему судьбой был дан удел:
В пещерах жил свободно, как хотел;
Хранил он силу жизни в тыкве этой,
И много путешествовал по свету.
Он посетил немало разных стран,
Бывал на Персиковом пире пьян,
А протрезвившись замечал, бывало:
Луна, все та же, на небе сияла.
Длинноголов он был и длинноух,
Звезды бессмертья знаменитый дух.

Итак, на пир прибыл Дух звезды долголетия. Отдав полагающиеся почести Нефритовому императору, он затем принес глубокую благодарность Будде.

— Как только я услышал о том, что Лао-цзюнь увел волшебную обезьяну во дворец Тушита, чтобы расплавить ее в волшебной печи, я решил что, несомненно, воцарятся мир и спокойствие. Но, вопреки ожиданиям, обезьяне снова удалось ускользнуть невредимой. И вот, к нашему общему счастью, вам, великому Будде, удалось наконец усмирить это чудовище, за что все мы и приносим вам свою благодарность на этом пиру, устроенном в честь вас. Узнав об этом, я поспешил сюда. Не имея ничего более достойного, чтобы отблагодарить вас, осмелюсь преподнести вам этот

фиолетовый ирис и драгоценные травы, лазоревый корень лотоса и эликсир жизни.

Корень лотоса лазурный
И пилюли жизни вечной
Подношу владыке Будде
С благодарностью сердечной.

Пусть покой благополучья
На земле отныне будет.
Воздадим и честь и славу
Побеждающему Будде.

Он владыка всех бессмертных,
Словно предок для вселенной,
Дар бессмертья получает —
Муж бесстрастный, совершенный.

Изваянье Будды может
Облегчить людей страданье,
В милосердной власти Будды
Долголетья дарованье.

Будда с благодарностью принял подношение, после чего Дух звезды долголетия занял свое место. И снова по кругу пошли чаши и кубки, наполненные вином. Вскоре на пир прибыл Босоногий бессмертный. Отдав земные поклоны Нефритовому императору, он обратился с выражением благодарности к Будде.

— Разрешите и мне,— сказал он,— принести вам, великий Будда, нижайшую благодарность за усмирение волшебной обезьяны. Не имея ничего особенного, чтобы выразить вам свое уважение, я принес с собой лишь две груши и несколько красных фиников.

Пришел на пир в небесные чертоги
Великий и Бессмертный босоногий.
И Будде финики подносит он
И отдает почтительный поклон:
Незыблемым да будет над вселенной
Его престол, навек благословенный,
Святого Будды жизнь, как мир, вечна,
И счастлива поистине она,
Потоки счастья источая людям,
Хвалить его нелицемерно будем.

На западе его сияет царство —
Благополучно это государство.

Будда снова поблагодарил за принесенные ему дары и велел Ананде и Касьяпе собрать все подношения. После этого он еще раз поблагодарил Нефритового императора за роскошный пир. И вот, когда гости сильно захмелели, неожиданно появился один из небесных патрулей.

— Из-под горы показалась голова Великого Мудреца! — доложил он.

— Ну, это ничего не значит,— успокоил всех Будда и вытащил из рукава печать с надписью: «Ом мани падме хум» [1]. Передав печать Ананде, он велел ему поставить ее на вершине горы, под которой был заключен Великий Мудрец.

С печатью в руках Ананда вышел из небесных ворот и, достигнув горы Усиншань — пяти элементов,— крепко-накрепко приложил печать к квадратному камню на вершине горы. В тот же миг все трещины у подножия горы исчезли, и осталось лишь отверстие для воздуха. Однако сквозь это отверстие нельзя было даже просунуть руку или хотя бы сделать попытку освободиться.

— Все сделано,— возвратившись, доложил Ананда.

После этого Будда распростился с Нефритовым императором и остальными небожителями и в сопровождении своих учеников вышел из ворот неба. Здесь Будда проявил свое милосердие и, произнеся заклинание, вызвал местного духа, которому приказал вместе со стражами пяти сторон света жить у горы и охранять ее. Если Великий Мудрец проголодается — давать ему железные пилюли, когда его станет мучить жажда — преподнести ему расплавленную ярь-медянку. «По окончании срока наказания сюда прибудет тот, кому предназначено освободить обезьяну»,— сказал Будда.

Обезьяну, что имела смелость
Выступить мятежно против неба,
Усмирил лишь всемогущий Будда,
И теперь она в неволе тяжкой.
Ей веками жажду утоляет
Лишь расплавленная ярь-медянка.
Если голодом она томится,
То одни железные пилюли
Подают ей для продленья жизни.

Так она переносила беды;
Как ни трудно было заключенье,
Жизнь свою она продлить хотела,
Чтоб зажить по-прежнему свободно,
Надо было ей, по слову Будды,
В путешествии святом на Запад
Танскому сопутствовать монаху.

*

Царь обезьян был полон дерзновенья,
Он изучил искусство превращенья,
Смирил драконов силой чудотворной,
Носил он даже важный чин придворный
И, сопричтенный всем небесным силам,
Разгуливал свободно по светилам.

Но, переполнив меру злодеяний,
Познал теперь он горечь испытаний.
Душой он был хорош, и без сомнений,
Ждал для себя счастливых изменений;

[1] «О ты, сокровище на лотосе». Буддийское заклинание.

И верил, что закончатся напасти,
Что избежит он Будды грозной власти,
А Танского монаха появленье
Подаст ему возможность избавленья.

Если вы хотите узнать, сколько длилось это наказание и в каком году и каком месяце кончился его срок, вы должны прочесть следующую главу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

повествующая о том, как Будда создал священные каноны с изложением высшего блаженства, а также о том, как бодисатва Гуаньинь получила указание отправиться в Чаньань

Обратимся нынче
Мы с вопросом к Будде:
Тщетно суетятся
В этом мире люди.

Никакого толку
Нет от их старанья:
Так беречь возможно
Снег для пропитанья,

Кирпичу простому
Блеск давать зеркальный...
Сколько лет пропало
Пусто и печально!

Изваянье Будды
Только улыбнется,
Если выпить море
Кто-нибудь возьмется,

Или кто Сумеру
Сдвинуть пожелает:
Счастлив тот, кто эту
Мудрость понимает.

Три пройдет извечных
Десяти ступеней,
Будет он свободен
От перерождений.

Где зарю не встретят
Крики козодоя,
Цао-си струится
Мертвою водою.

И Цзю-Лин взмывает
Ввысь за облаками...
Здесь не будет встречи
С прежними друзьями.

Здесь лишь водопадов
Грозное паденье,
Пятилепестковых
Лотосов цветенье.

Высятся на скалах
Древние палаты;
Сквозь завесу двери
Льются ароматы.

Три драконьих клада
Там открыты знанью;
Люди постигают
Тайны мирозданья.

Стихи эти написаны в стиле Су-у-мань. А теперь вернемся к Будде. Распростившись с Нефритовым императором, он возвратился в храм Раскатов грома. И тут пред ним предстали три тысячи Будд, пятьсот архатов, восемь огромных богов — хранителей ворот и великое множество бодисатв. Все они со знаменами и хоругвями в руках, возжигая божественные благовония, рядами выстроились у границ священной горы и под священными деревьями Сала, чтобы достойным образом встретить Будду. Остановив свое священное облако, Будда обратился к собравшимся с такой речью:

— Благодаря глубокой мудрости, я познал три мира существования — мир желаний, мир формы и мир бесформенности. По природе своей человек подвержен полному уничтожению. Все в мире — суета сует, все тщетно. Я употребил все свое уменье, чтобы усмирить лукавую обезьяну, но она этого не поняла. Когда приходит слава, наступает смерть. Таковы священные законы Будды.

Когда Будда умолк, вспыхнула радуга, ее разноцветные лучи осветили все небо и разошлись по сорока двум направлениям, соединив юг и север. При виде этой картины все присутствующие почтительно приветствовали Будду. Немного погодя он собрал чудесные разноцветные облака и туман и, поднявшись к высшим ярусам своего обиталища, уселся там. Тогда три тысячи будд, пятьсот архатов, восемь богов — хранителей ворот и четыре бодисатвы, сложив ладони рук, склонились перед Буддой и обратились к нему с вопросом:

— Кто же это посмел учинить беспорядки на небе и расстроить Персиковый пир?

— Это сделала волшебная обезьяна, которую породила Гора цветов и плодов,— отвечал им Будда.— Злодеяния, совершенные ею, столь велики, что даже описать невозможно. Никто из небесных военачальников не мог усмирить волшебную обезьяну. Эрлану, правда, посчастливилось поймать ее, а Лао-цзюнь даже под-

жаривал ее на огне, но обезьяна оставалась невредима. И вот, когда я прибыл туда, обезьяна-волшебник, несмотря на то что ее окружили божества Грома, пустила в ход всю свою силу и искусство, хвастаясь своим волшебством. Когда я приказал прекратить бой и спросил волшебника, откуда он взялся,— он ответил, что постиг истину, а также законы превращений, может летать на облаках и одним прыжком преодолеть расстояние в сто восемь тысяч ли. Я заключил с ним пари. Однако выпрыгнуть за ладонь моей руки он не смог, тогда я схватил его и, придавив рукой, превратил свои пять пальцев в гору Усиншань, под которую и упрятал волшебника. Желая отблагодарить меня, Нефритовый император отворил небесные чертоги и устроил пир, который получил название Пира успокоения неба, а также оказал мне всяческие почести. Лишь после этого я смог распрощаться с ним и вернуться сюда.

Все небожители с неописуемым восторгом выслушали рассказ Будды и, поблагодарив его, разошлись каждый по своим делам, наслаждаясь предоставленными им природными дарами.

Над Индией разлился аромат,
И радугами Будда был подъят.
На Западе верховный он властитель
И несравненный мудрости учитель.
Там фениксы танцуют на цветах;
Бессмертье — дар священных черепах.
Плоды несут смиренно обезьяны,
Олень и лось — цветущие лианы;
Пророчат людям счастье журавли
И безмятежна чистота земли;
Растенья той страны в цветенье дивном,
Плоды же — в созреванье непрерывном.
И самосозерцанья верный путь
Дает возможность истину вернуть;
Для праведных, прошедших очищенье,
И в небесах свободное движенье,
Зной не томит и холод не гнетет.
И времени там не ведется счет.

*

Здесь свободно ходят в облаках,
Не смущают ни печаль, ни страх,
Здесь, в раю, всегда простор и свет,
Для счастливцев времени здесь нет.

Однажды Будда, пребывавший на священной горе, в храме Раскатов грома, собрал всех будд, архатов, бодисатв, богов — хранителей ворот, странствующих монахов-бикшу и монашек и других небожителей и обратился к ним с такими словами:

— Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я усмирил строптивую обезьяну и на небе воцарилось спокойствие. Полагаю, что по земному исчислению уже половина тысячелетия. Сейчас как раз наступил первый месяц осени. У меня есть драго-

ценные вазы со всевозможными цветами и редкими чудесными фруктами. Что вы скажете, если я отдам все это для пира, который хочу устроить во имя спасения бесприютных душ.

При этих словах все присутствующие сложили ладони рук и почтительно склонились перед Буддой, благодаря его за милости. И вот Будда велел своим ученикам Ананде и Касьяпе взять вазы с цветами и фруктами и преподнести небожителям. Глубоко тронутые оказанным им вниманием, небожители в знак благодарности сложили следующие стихи:

СТИХИ О СЧАСТЬЕ

Перед Буддой вечно светит
Счастья яркая звезда,
И да будет это счастье
Неизменным навсегда.

Добродетель и блаженство
Беспредельны и вечны,
Предназначены судьбою,
Небесами нам даны.

Урожай земли счастливой
Возрастает каждый год.
И в бездонном море счастья
Глубина его растет.

Полнятся земля и небо
Счастьем чистым и святым,
Подавая людям радость,
Покровительствуя им.

СТИХИ О БЛАГОПОЛУЧИИ

Благополучье высится горой,
Где феникс дивный распевает песни,
Оно и процветает и растет,
И вечно живо, становясь чудесней.

Здоровье ваше укрепит оно,
И вы способствуете миру в мире.
Благополучье ваше велико,
И равно небесам и моря шире.

Благополучья все желают вам,
Нет для него ни меры, ни границы,
Благополучье всюду на земле
Желается, и ценится, и чтится.

СТИХИ О ДОЛГОЛЕТИИ

Дух звезды долголетья
Подносит дары,
Принимает их Будда;
Долголетье само
Начинается в мире
Отсюда.

И блистает,
Неся долголетья плоды,
Драгоценное блюдо.

Трон великого Будды
Цветы долголетья обвили,
И стихи красоте долголетья
Поэты сложили,
Долголетию песни
Блаженство в душе пробудили.

Как луна и как солнце,
И жизнь на земле бесконечна.
Долголетье, как море и горы,
Продолжится вечно.

И оно еще дальше,
Не зная пределов,
Продлится,
Потому что бессмертию
Нет во вселенной
Границы.

И вот, после того как бодисатвы прочли свои подношения, Будда, по просьбе учеников, изложил основы и истоки своего учения и дал толкование священным буддийским книгам.

И вы только посмотрите:

Небесными драконами он окружен.
Падают цветы разноцветным дождем.

И поистине:

Сердце Будды светило,
Как луна над вселенной;
Существо его — небо
В чистоте неизменной.

Окончив проповедь, Будда сказал своим ученикам:

— Я познакомился с жителями четырех стран света и установил, что они по своему характеру совершенно различны. Жители восточного континента — почтительны, миролюбивы и жизнерадостны. Люди, населяющие северный континент, жестоки и воинственны,— но такими сделали их условия жизни. Они недалеки, угрюмы и апатичны, однако особого вреда причинить не могут. На нашем, западном, континенте нет ни жадности, ни убийств. Мы воспитываем в себе жизненную энергию и накапливаем духовные силы. Высшего совершенства мы еще не достигли, однако все у нас достигли долголетия. А вот в Джамбудвипа, на южном континенте, народ жаден, похотлив и склонен к преступлениям. Эти люди любят побоища и драки. У них процветают ссоры и сплетни, они утопают в море лжи и злобы. Но у меня есть священное писание, которое помогло бы изменить нравы этих людей.

Тут бодисатвы с благоговением преклонили колена и спросили:

— Что же это за священное писание?

— В одной книге, посвященной буддизму — Винайя — рассказывается о небе,— отвечал Будда.— Вторая книга — Трактаты, там говорится о земле. И третья книга— Сутра, в которой говорится о злых демонах. Эти книги состоят из тридцати пяти частей и составляют пятнадцать тысяч сто сорок четыре тома. Они помогают людям совершенствоваться и указывают истинный путь. Мне хотелось бы послать эти книги людям восточного континента. Однако жители земли — народ недалекий, они, пожалуй, станут глумиться над истинным учением, не поймут главного в моем законе и не оценят правильного учения йогов. Если бы нашелся мудрый небожитель, который отправился бы в Китай и отыскал там верующего человека, а этот человек смог бы проделать длиннейший путь через горы и реки и прибыть сюда за книгами, я передал бы ему священное писание, чтобы он увез его в Китай и с его помощью изменял сердца людей. Подобное деяние можно было бы счесть огромным благом. Кто из вас согласится отправиться в Китай?

Не успел Будда договорить, как к лотосовому трону приблизилась бодисатва Гуаньинь. Трижды поклонившись Будде, она произнесла:

— Несмотря на скромные способности, которыми я обладаю, я хотела бы отправиться в Восточную землю и отыскать человека, который явился бы сюда за священными книгами.

Тут все небожители подняли голову и увидели стоявшую перед ними бодисатву Гуаньинь.

Являла, светлой мудрости полна,
Четыре добродетели она;
Была, как золотое изваянье,—
На нежной шее жемчуга блистанье,
Прическа, словно свившийся дракон,
А волосы, как в тучах небосклон.
Из тюля сделан воротник открытый,
Пошел на юбку лучший бархат рытый,
А золотой изящный поясок —
На счастье бодисатвы был намек.
Ее лицо сияло белизною,
Краснели губы точкою одною,
Прекрасный взор ее горел звездой,
А брови, словно месяц молодой,
Казалось, изгибались прихотливо.
Неувядающие ветви ивы
Она в сосуде золотом несла.
Роса в нем благодатная была.
Она в ответ на каждое моленье
С любовью посылает облегченье,
Ей молится с надеждою народ,
Она от всяких бед его спасет,
И, как гора Тайшань, она надежна,
И потому довериться ей можно.
Она живет у южных берегов
И чутким сердцем слышит каждый зов.

Лиловая довольна орхидея,
Когда бамбук прекрасно лиловеет,—
Так добрый человек другому рад,
Так радостен цветенья аромат.
Добра — как Лоцзяшань — гора святыни,
Та бодисатва из пещеры Чаоиня.

— Вы, пожалуй, лучше всех справитесь с этим поручением,— взглянув на нее, восторженно промолвил Будда.— Ваша святость и необычайные дарования помогут вам с успехом завершить это дело.

— Может быть, вы дадите мне какие-нибудь наставления или указания, перед тем как я отправлюсь в дорогу? — спросила бодисатва Гуаньинь.

— Необходимо изучить путь, которым вы будете следовать,— сказал Будда.— Поэтому вы не должны лететь на самых высоких облаках, летите на средних облаках или на тумане. Исследуйте горы и реки, которые попадутся вам в пути. Запомните количество остановок и расстояния между ними. Все это необходимо будет сообщить искателю священных книг. Пусть он твердо верит в свое дело, путь предстоит ему тяжелый. Поэтому я дам вам пять талисманов,— и он тут же приказал Ананде и Касьяпе принести вышитую парчой рясу и посох священнослужителя с девятью кольцами. Передавая эти вещи бодисатве, Будда сказал:

— Рясу и посох передайте искателю священных книг, отныне они принадлежат ему. Если он примет твердое решение приехать сюда, пусть наденет эту рясу, и он навсегда будет избавлен от земных перевоплощений. А этот посох избавит его от всяких бедствий.

Бодисатва Гуаньинь почтительно приняла переданные ей вещи, после чего Будда вынул три обруча и, передавая их бодисатве, молвил:

— Эти амулеты называются: «сжимающие обручи». По виду все они одинаковы, но каждый из них имеет свое назначение и свое заклинание. Если паломник встретит на своем пути какого-нибудь демона, обладающего сверхъестественной силой, то вы должны направить этого демона на путь Истины и обратить его в ученика паломника. Если же демон не пожелает сразу подчиниться, тогда этот обруч следует надеть ему на голову и произнести соответствующее заклинание. После этого глаза демона полезут из орбит, ему покажется, что от боли у него разрываются мозги, и тогда будет совсем легко обратить его в нашу веру.

Выслушав наставление, бодисатва почтительно поклонилась и, приказав своему ученику Хуэй-аню следовать за ней, ушла. Хуэй-ань захватил с собой огромный железный посох весом в тысячу цзиней, так как должен был неотлучно находиться около бодисатвы в качестве телохранителя и усмирять встречающихся демонов. Бодисатва увязала рясу, велела своему ученику нести узел на

спине, затем, спрятав обручи, взяла посох и вместе с Хуэй-анем спустилась со священной горы.

И как будто самой судьбой было предопределено, чтобы ревностный последователь учения Будды Танский монах, стремящийся найти путь к Истине, достиг своей цели.

Очутившись у подножия горы, бодисатва и ее ученик увидели скит, в котором жил великий отшельник. Святой преградил бодисатве дорогу и умолял ее остановиться — он хотел преподнести путнице чай. Однако бодисатва не пожелала долго задерживаться.

— Будда велел нам отправиться в Восточную землю,— сказала она праведнику,— и найти человека, который явился бы в нашу страну за священными книгами.

— А когда должен прибыть этот паломник? — поинтересовался отшельник.

— Точно сказать нельзя, но думаю, что через два-три года он доберется сюда,— ответила бодисатва.

После этого наши путники распростились с бессмертным. Летя не очень высоко в небе, они отправились в путь, отмечая и запоминая дорогу, по которой им пришлось следовать.

И вот, продвигаясь вперед, бодисатва и ее ученик увидели устье реки Жошуй, впадающей в реку Сыпучих песков.

— Ученик мой,— молвила Гуаньинь,— это место очень трудно перейти. А ведь паломник, который отправится за священными книгами, будет простым смертным. Как же он переправится здесь?

— Бодисатва, взгляните, большая ли это река? — спросил Хуэй-ань.

Остановив полет своего облака, Гуаньинь посмотрела вокруг. Что же она увидела?

С востока на запад река уходила,
Где есть дикарей племена;
На юге У-гэ достигала, на север
К татарам склонялась она.

Длиною на тысячи ли, шириною
Казалась на ли восемьсот;
Не мог бы проплыть по волнам и порогам
Самих небожителей плот.

Гремела река на больших перекатах
И за десять слышалась ли,
И волны вставали, как темные горы,
Казалось, из лона земли.

И грохот стоял
На речном перекате;
В заливе носилась
Трава на закате.

*

Облака были желты
И тени бросали на солнце.
И плотины безмерность
Эта желтая мгла омрачала;

Разве мог бы сюда
Продавец забрести для торговли,
Разве мог бы рыбак
Здесь найти уголок для причала?

На песчаной равнине
И стаи гусей не спускались.
Только крик обезьян
За рекой раздавался, как стоны.
Можно было узнать это место
По красной осоке,
Да вода была в заводи
Ряской покрыта зеленой.

Но в этот момент вдруг раздался сильный всплеск и из бушующих волн выскочило отвратительное чудовище.

Он как будто черный и не черный,
Синий и не синий;
Сумрачная морда,
Словно он в тревоге;
Длинный и не длинный,
И большой и малый,
Страшный, босоногий.
А глаза пылали,
Пламенели жарко;
В очагах пылает
Пламень этот яркий.
Пасть была подобна
Мясника лохани.
А клыки мечами
Острыми торчали;
Он метался в гневе,
В яростном тумане,
И раскаты грома
В реве грохотали;
Рыжий и лохматый,
И смерчу подобный,
Вызывал на битву
И рычал он злобно.

С посохом в руках чудовище выскочило на берег и ринулось на бодисатву. Однако находившийся рядом Хуэй-ань своим железным посохом преградил путь чудовищу и крикнул: «Стой!»

Тут чудовище бросилось на Хуэй-аня, и между ними на берегу реки Сыпучих песков завязался страшный бой.

Муча
Железным посохом своим
Ученье защищал
И был непобедим.

А посох духа
Злобной силой чар
Мог нанести
Решающий удар.

Казалось, два
Серебряных удава
Свиваются
И грозно и лукаво.

Так два монаха
Бились у реки.
Обоих силы
Были велики.

Один подобен был
Пескам зыбучим;
Другой же — Гуаньинь
Защитник был могучий.

Один вздымал волну
Из лона вод;
Другой же тучи гнал
На небосвод.

От возмущенных волн
По всей вселенной
Распространялся сумрак
Постепенно.

От облаков
И мутного тумана
И солнце и луна
Мрачнели странно.

И посох одного,
Как тигр, был разъярен.
Другого посох был,
Как дремлющий дракон.

Так, посохи взметнув,
Шли оба в наступленье,
Чтоб насмерть поразить
Противника в сраженье.

И до ночи они
Борьбы не прекращали,
Но вот спустился мрак,
И звезды заблистали.

Один был той реки
Исконный обладатель,
Другой — священных гор
Отважный обитатель.

Уже несколько десятков раз сходились друг с другом противники, но так и нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Вдруг чудовище остановилось и, поставив на землю железный посох, крикнуло:

— Ты откуда взялся, монах, и как смеешь сопротивляться мне?!

— Я принц Мокша, второй сын Вайсраваны, а монашеское имя мое Хуэй-ань,— отвечал тот.— Я охраняю моего учителя, направ-

ляющегося в Восточную землю разыскать человека, который был бы достоин отправиться за священными книгами. А ты что за чудовище и как смеешь преграждать нам путь?

— Так вот оно что! — воскликнуло чудовище.— Теперь я припоминаю, что видел тебя в пурпурной бамбуковой роще Гуаньинь на Южном море, ты занимался самоусовершенствованием. Как же ты попал сюда?

— Да разве ты не видишь, что на берегу стоит сама бодисатва — мой учитель? — спросил в свою очередь Хуэй-ань.

Услышав это, чудовище в ответ лишь застонало и, отдавшись в руки Мокше, позволило отвести себя к Гуаньинь.

— Смилуйся надо мной, бодисатва, — взвыло чудовище, склонившись перед Гуаньинь.— Разреши слово молвить. Я вовсе не чудовище, я главный полководец Дворца священного небосвода. Прежде я прислуживал Нефритовому императору во время его поездок на колеснице фениксов. И вот на Персиковом пиру со мной случилось несчастье: я разбил хрустальную вазу. По приказу императора я получил восемьсот ударов палками и был отправлен в нижний мир и превращен в чудовище. Но это еще не все. Каждые семь дней здесь появляется летающий меч, который более ста раз пронзает мне грудь и бока. Вот какие беды приходится мне переносить! Я страдаю от голода и холода, поэтому раз в несколько дней выхожу из воды и подкарауливаю какого-нибудь путника, он и служит мне едой. И вот сегодня, по своему неведению, я сам, не желая того, напал на вас, милосердная бодисатва.

— За совершенные на небе преступления ты изгнан в нижний мир,— сказала бодисатва.— А сейчас еще осмеливаешься губить живые существа, ведь этим ты усугубляешь свою вину. По велению Будды я направляюсь в Восточную землю для того, чтобы найти человека, готового отправиться на поиски священных книг. Почему бы тебе не присоединиться к нам и не вступить на путь добродетели? Ты мог бы стать учеником искателя священного писания и вместе с ним отправиться в Индию к Будде за священными книгами. Я же сделаю так, чтобы летающий меч больше не мучил тебя. Успешно завершив дело, ты искупишь свою вину и будешь восстановлен в прежней должности. Что скажешь ты на это?

— Я бы очень желал встать на истинный путь,— отвечало чудовище.— Но, милосердная бодисатва, вот что я должен сказать тебе: за время своего пребывания здесь я поел огромное количество людей, в том числе и паломников, которые отправлялись на поиски священных книг. Головы съеденных мною людей я бросал в реку Сыпучих песков, и все они погружались на дно. Эта река отличается тем, что на поверхности ее воды не может продержаться даже пушинка. Однако черепа девяти паломников не пошли ко дну и продолжают плавать на поверхности. Подобное явление мне показалось необычайным. Я нанизал эти черепа на веревку и забавлялся ими в часы досуга. И вот я опасаюсь, что

паломники за книгами уже больше не пойдут этим путем, а тогда мои надежды на лучшее будущее не оправдаются.

— Не может этого быть,— успокоила чудовище бодисатва.— Ты возьми эти черепа и повесь их себе на шею. А когда прибудет паломник, для них найдется применение.

— Ну, в таком случае,— сказало тогда чудовище,— я с большой охотой дам обет.

И вот бодисатва возложила на чудовище руки, сообщила ему заповеди и дала имя Ша У-цзин — Песчаный монах; так чудовище приняло монашеский постриг. Проводив бодисатву через реку, новоявленный монах всего себя посвятил раскаянию и очищению от грехов. Он не загубил больше ни одной жизни и с нетерпением ожидал прибытия паломника за священными книгами.

А бодисатва, расставшись с чудовищем, вместе с Мокшей продолжала путь, стремясь поскорее добраться до Восточной земли. Они проделали уже довольно большой путь, как вдруг увидели перед собой высокую гору. Сверху донизу гора эта была окутана каким-то отвратительным смрадным чадом, который мешал подниматься на гору. И вот, в тот момент, когда бодисатва и ее ученик хотели подняться на своих облаках и перевалить через гору, неожиданно забушевал ураган и перед ними появилось отвратительное, свирепое на вид чудовище.

Чудовище сморщило губы,
Как лотоса вялые листья,
И хлопали длинные уши,
Как будто бы веер работал.
И золотом очи блистали,
Клыки были остры, как шило,
Огромная пасть раскрывалась,
Подобно кузнечной жаровне;
А шлем золотой и забрало
Держались надежно и плотно.
Тугой облегающий панцирь
Похож был на кожу удава:
Чудовище грабли держало,
Подобные лапе дракона,
И лук на его поясище,
Как месяца серп, изгибался.
Чудовище это металось,
Волненье и злобу являя.
Желая в бою повстречаться
С планеты Му-син властелином.
Оно было духом отважным,
В своей дерзновенной гордыне,
Готовым к отчаянной схватке
Со всею небесною силой.

Чудовище ринулось на бодисатву и, взмахнув своими граблями, собралось нанести ей удар. Однако Мокша отразил этот удар и грозно крикнул:

— Ах ты грязная тварь! Не смей безобразничать! Вот испробуй-ка мой посох!

— Тебе что же, поганый монах, жизнь надоела, что ли?! Ну, так познакомься с моими граблями!

И вот у подножия горы завязался ожесточенный бой.

Чудовище свирепость проявляло,
Но Хуэй-аня все ж не испугало.
Железный посох был непревзойден,
Но граблями удар был отражен;
И долго над высокими горами
Вздымалась пыль огромными столбами,
Летели камни,— в черных небесах
На демонов напал великий страх.
Один боец — Мокша — был небожитель;
Его отец небесный был властитель.
Другой же — был прославленный герой,
Он много лет придавлен был горой;
А тот силен в буддийском был законе,
И вот они сошлись на горном склоне.
Кто верх возьмет — нельзя предугадать,
Кто будет бит?
Кто сможет устоять?

И вот в самый разгар сражения Гуаньинь, следившая за всем, что происходило внизу, бросила цветок лотоса, который упал как раз между вилами и посохом. Цветок этот привел чудовище в неописуемое удивление.

— Да ты откуда взялся, поганый монах, что осмеливаешься еще выкидывать со мной всякие штуки?

— Вот я тебе покажу, ничтожная тварь! — крикнул Мокша.— Я ученик бодисатвы Южного моря! Как же ты не понимаешь, что этот цветок бросила сама богиня?

— О ком это ты говоришь? — изумилось чудовище.— О всемилостивой бодисатве Гуаньинь, избавляющей от трех бедствий и восьми несчастий?

— О ком же еще мог я говорить?! — воскликнул Хуэй-ань.

Тут чудовище швырнуло наземь свои грабли и, склонившись до земли, молвило:

— Дорогой брат! А где же сейчас бодисатва? Умоляю тебя, проведи меня к ней.

— Да вот же она! — отвечал Мокша, указывая вверх.

Тут чудовище снова поклонилось до земли и, глядя вверх, громко запричитало:

— Смилуйся надо мной, бодисатва!

В это время Гуаньинь спустилась на своем облаке и, приблизившись к ним, сказала:

— Ты кто, кабан или старая свинья, и где применяешь свое колдовство? Как смеешь ты преграждать мне путь?

— Да я вовсе и не кабан и не старая свинья. Я был небесным полководцем на Млечном Пути. Однажды я немного выпил и пошутил с богиней луны. За это Нефритовый император приказал всыпать мне две тысячи ударов и изгнать на землю. И вот, когда настал срок моего перерождения, мне пришлось драться, чтобы во-

плотиться в какое-нибудь существо. К несчастью, я по ошибке попал к свинье в брюхо. Вот поэтому я и приобрел подобный вид. Свинью-матку я загрыз, перебил много поросят. И после этого обосновался здесь. Живу я тем, что пожираю людей. Но на тебя, бодисатва, я не думал нападать. Смилуйся надо мной!

— А как называется эта гора? — поинтересовалась бодисатва.

— Это Гора счастья,— отвечало чудовище.— В горе есть пещера, которая называется Пещера облаков. В этой пещере раньше жила Луань Эр-цзе. Когда она убедилась в том, что я искусный воин, она сделала меня своим хозяином и назвала зятем. Но не прошло и года, как она умерла и все имущество пещеры перешло ко мне. Живу я тем, что ловлю путников и пожираю их. Умоляю тебя, бодисатва, простить мои прегрешения!

— Еще древние люди говорили,—молвила бодисатва:—«Если хочешь своего спасения, не делай того, что этому мешает». Ты нарушил законы Неба, но вместо того чтобы покаяться в своих грехах, ты продолжаешь творить зло, пожирая людей. Неужели ты думаешь, что своим поведением не заслужишь еще большего наказания?

— Да разве могу я думать о спасении?! — гневно воскликнуло чудовище.— Последуй я твоему совету, мне придется одним ветром питаться. Не зря существует поговорка: «Если придерживаться законов, установленных властями,— забьют до смерти, если же следовать законам Будды — помрешь с голоду». Иди-ка ты лучше своей дорогой! А я по-прежнему буду ловить одиноких путников и наедаться досыта. Все равно, семь бед — один ответ.

— «Небо помогает людям с добрыми намерениями»,— гласит пословица,— отвечала на это бодисатва.— Если захочешь вступить на путь Истины, то можешь не сомневаться, что у тебя всегда будет пища. На земле растет много хлебов, которыми можно утолить голод. Зачем же питаться человеческим мясом?

Слова бодисатвы как будто пробудили чудовище от сна.

— Да, я хотел бы исправиться, но ведь не зря же существует пословица о том, что: «Тому, кто совершил преступление против неба, не помогут никакие молитвы».

— Сейчас я по велению Будды следую в Китай, чтобы найти паломника за священными книгами. И вот если бы ты стал учеником этого паломника, то смог бы отправиться вместе с ним в Индию и искупить все свои грехи. Тогда, ручаюсь тебе, ты избавился бы от всех бедствий.

— Я всеми силами желаю этого! — несколько раз повторило чудовище.

Тогда бодисатва возложила на его голову руки, и чудовище приняло постриг, получив монашескую фамилию Чжу — свинья, а полное имя — Чжу У-нэн — Свинья, постигающая человеческие способности. Ему было велено встать на путь Истины, дать зарок не употреблять запретной пищи и ждать прибытия паломника, который отправится за священными книгами.

После этого бодисатва и Мокша простились с Чжу У-нэном и, поднявшись на невысокие облака и туман, продолжали свой путь. Вдруг они услышали зов Нефритового дракона. Приблизившись к нему, бодисатва спросила

— Откуда ты взялся, дракон? И за какие грехи находишься здесь?

— Я сын Царя драконов Западного океана Ао Жуна,— отвечал тот.— По моей вине во дворце произошел пожар и сгорело много драгоценностей. Мой отец в донесении небесному суду обвинил меня в непокорности. Тогда Нефритовый император велел дать мне триста ударов и подвесить на небе. На днях меня казнят. Милостивая бодисатва, помоги мне, спаси меня!

Выслушав его, Гуаньинь и Мокша тотчас же поднялись к Южным воротам неба, где их встретили небесные наставники Цю и Чжан.

— Куда путь держите? — спросили они.

— Мне хотелось бы повидать Нефритового императора,— отвечала бодисатва.

Наставники поспешили доложить о прибытии бодисатвы, и Нефритовый император вышел из дворца встретить ее. Приблизившись к императору и воздав ему соответствующие почести, бодисатва сказала:

— По велению Будды я направляюсь в Китай, чтобы найти паломника, который отправился бы за священными книгами. И вот по дороге мы встретили подвешенного в небе дракона. Я пришла просить вас помиловать его и передать мне. Пусть он сопровождает паломника за священными книгами.

Выслушав бодисатву, Нефритовый император тотчас же отдал приказ о помиловании дракона и послал небесных командиров привести преступника и передать его в распоряжение бодисатвы. Поблагодарив императора за оказанную милость, бодисатва удалилась. Молодой дракон принес глубокую благодарность за спасение и выразил свою готовность служить бодисатве. Бодисатва же приказала дракону спуститься в глубокую реку и там ожидать прихода паломника. После этого дракон должен превратиться в белого коня и искупить свою вину верной службой. Получив приказ, дракон тотчас же исчез, и говорить о нем мы больше не будем.

Миновав гору, бодисатва с Мокшей продолжали свой путь. Но не успели они пройти и нескольких ли, как перед ними блеснули расходящиеся во все стороны золотистые лучи, и воздух наполнился чудесным ароматом.

— Учитель,— промолвил Мокша,— эти лучи исходят с Горы пяти элементов, на которой я вижу печать Будды.

— Не под этой ли горой заключен Великий Мудрец, равный небу, который расстроил Персиковый пир и учинил неслыханный дебош в небесных чертогах? — спросила бодисатва.

— Именно под этой,— подтвердил Мокша.

Поднявшись на гору, они увидели там печать и на ней четыре священных слова: «Ом мани падме хум». Тяжело вздыхая, бодисатва сложила такие стихи:

Печально узнать, что волшебная та обезьяна
И доблестью и безрассудством была знаменита,
Законов не чтила, нарушила пира уставы,
Бесчинство она учинила в чертоге Тушита.

Сто тысяч небесного войска она одолела,
Во всех девяти небесах вызывала смятенье,
И только наш Будда смирил ее властью священной,
В неволе она — и дождется ли освобожденья?

Разговор бодисатвы с Хуэй-анем растревожил Великого Мудреца.

— Кто это там, на горе, читает стихи о совершенных мной проступках?! — громко крикнул он.

Услышав это, Гуаньинь спустилась с горы и пошла на голос. Под горой она увидела местных земных и горных духов, а также стража-хранителя, сторожививших Великого Мудреца. Они собрались, чтобы приветствовать ее. Дух-страж провел бодисатву к тому месту горы, где была упрятана обезьяна. Преступник находился в каменном ящике и хотя мог говорить, но не в состоянии был шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Ну как, Сунь У-кун, узнаешь ты меня? — спросила бодисатва.

Великий Мудрец широко раскрыл свои огненные глаза и, кивнув головой, громко крикнул:

— Да как же мне не узнать тебя?! Ты — милосердная спасительница от всех бедствий, бодисатва Гуаньинь с острова Поталака. Очень благодарен тебе за внимание. Сюда, где день тянется, словно год, никто из моих друзей и знакомых не пришел навестить меня. Откуда же ты явилась?

— По велению Будды я направляюсь в Китай, чтобы отыскать паломника, который отправится за священными книгами,—отвечала Гуаньинь.— А так как эта гора лежит на нашем пути, то я и решила задержаться и навестить тебя.

— Будда одурачил меня,— пожаловался Великий Мудрец,— прошло уже более пятисот лет с тех пор, как он заключил меня под этой горой, где я не могу даже шевельнуться. Умоляю тебя, милосердная бодисатва, спаси меня, если можешь!

—Ты совершил слишком тяжкое преступление,— отвечала ему Гуаньинь, — и я боюсь освободить тебя, ведь ты снова можешь натворить всяких бед.

— Нет, я уже раскаялся,— сказал на это Великий Мудрец,— и надеюсь на твое милосердие. Единственное, чего я желаю сейчас,— это стать на путь Истины и всего себя посвятить делам милосердия. Об этом поистине можно сказать:

Если сердце человека
Мысль великую рождает,
То вселенная об этом,
Без сомненья, узнает.

Если зло с добром смешавшись,
Возмещенья не имели,
Это значит, что корыстны,
Что не чисты были цели.

Бодисатва осталась очень довольна ответом Великого Мудреца и сказала ему:

— В священном писании говорится: «Добрые слова находят сочувствие за тысячу ли, дурные слова встречают отпор за тысячу ли». Если у тебя действительно добрые намерения, то обожди, пока я побываю в Китае, в земле Танов, и найду паломника. Я постараюсь, чтобы он освободил тебя. Ты станешь его учеником, примешь постриг и сможешь вступить на путь Истины. Что ты на это скажешь?

— Я всем сердцем готов так поступить! — воскликнул Великий Мудрец.

— Если ты действительно хочешь принять постриг, то мне остается лишь дать тебе монашеское имя,— промолвила Гуаньинь.

— А оно уже есть у меня,— отвечал Великий Мудрец.— Имя мое Сунь У-кун, что значит — познание пустоты.

— Есть еще двое, выразившие желание принять постриг, в их монашеские имена тоже входит иероглиф «у» — познание. Ну что ж, значит, имена у вас совпадают, это очень хорошо. А теперь мне нечего больше делать здесь, и я отправлюсь дальше.

Так Великий Мудрец показал, что он всеми своими помыслами готов встать на путь Будды, а бодисатва, не забывая о своей цели, отправилась на поиски преподобного монаха.

Покинув гору, бодисатва и Хуэй-ань отправились дальше на восток и вскоре достигли города Чанъаня в царстве Танов. Спустившись на землю, наши путники приняли вид оборванных странствующих монахов и вошли в город. Наступил уже вечер. Бродя по улицам, путники увидели храм Бога города и вошли в него. Появление бодисатвы, которую, несмотря на превращение, можно было узнать, привело в страх и трепет местного бога и богов — хранителей храма, и все они почтительно склонились перед богиней.

Местный бог немедленно оповестил все остальные храмы и кумирни города о прибытии бодисатвы, и вскоре в храм Бога города собрались духи и божества всех городских кумирен, чтобы приветствовать бодисатву и принести ей свои извинения за то, что они не вышли встретить ее.

— О моем появлении никто не должен знать,— сказала им Гуаньинь. — Прибыла же я сюда по поручению Будды. Мне нужно найти паломника, который доставил бы священные книги из Ин-

дии в Китай. Я хотела бы остановиться на несколько дней в одном из ваших храмов, а как только найду нужного мне человека, тотчас же отправлюсь в обратный путь.

Выслушав бодисатву, все божества вернулись по своим местам, а бодисатва со своим учеником остались в кумирне Бога города под видом простых монахов.

О том же, кто согласился отправиться в Индию за священными книгами, вы узнаете, прочитав следующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как Чэнь Гуан-жуя постигло несчастье и как Монах, принесенный рекой, отомстил за совершенное преступление

Надо сказать вам, что город Чанъань в течение многих веков был столицей Китая. Со времен Чжоу, Цинь и Хань эта страна расцветала, словно узоры на парче. Омываемая со всех сторон водой, страна поистине была знаменита.

В тот момент, когда бодисатва прибыла в этот город, на престоле вот уж тринадцатый год восседал император Танской династии Тай-цзун[1]. Он переименовал годы правления на Чжэнь-гуань. В стране царили мир и спокойствие. Со всех концов сюда стекались дань и дары, и все страны выражали готовность признать Тай-цзуна своим повелителем.

И вот однажды, когда перед восседавшим на троне императором собрались высшие гражданские и военные сановники, вперед выступил первый министр государства Вэй-чжэн и обратился к императору с такой речью:

— Сейчас, когда в стране и на ее границах царят мир и спокойствие, разрешите, как это полагается по древнему обычаю, устроить очередной экзамен, дабы отобрать достойных и ученых мужей для управления страной.

— Ваши слова вполне разумны, почтенный сановник! — соизволил ответить на это император; и вслед за тем по всей стране, во всех областях и уездах были расклеены объявления, призывавшие всех, независимо от чина и сословия, явиться в Чанъань и принять участие в экзаменах.

И вот некий Чэнь Э из Хайчжоу, второе имя которого было Гуан-жуй, прочитав объявление, тотчас же вернулся домой и сказал своей матери:

---

[1] Годы правления 627—650.

— Император призывает всех талантливых людей из всех провинций принять участие в экзаменах. Я хочу держать эти экзамены. И если мне посчастливится получить какую-нибудь должность, это даст мне возможность быть достойным сыном своих родителей и помочь семье. Таково мое скромное стремление. Итак, я пришел сообщить тебе о том, что уезжаю.

— Ты человек ученый, сын мой,— промолвила в ответ мать.— Пословица гласит: «Учись пока молод, чтобы применить свои знания, когда станешь взрослым». Поступай так, как решил. Прошу тебя лишь об одном: береги себя в дороге и, как только выдержишь экзамены, возвращайся домой.

Чэнь Гуан-жуй приказал слуге собрать необходимые вещи и, простившись с матерью, поспешил в столицу. Он прибыл в Чанъань как раз к началу экзаменов и отправился в то место, где они происходили. По окончании экзаменов выяснилось, что Чэнь занял первое место, о чем ему была выдана соответствующая грамота, собственноручно подписанная императором. Затем, как того требовал обычай, победителя в течение трех дней возили верхом на коне по улицам столицы.

И вот однажды, когда процессия поравнялась с воротами дома первого императорского сановника Инь Кай-шаня, дочь его, по имени Вэнь-цяо, или Мань Тань-цяо, сидела в разукрашенной цветами башне и собиралась гадать. Гаданье это состояло в том, что она хотела бросить вниз вышитый мяч, и тот, в кого этот мяч попал бы, должен был стать ее мужем. Когда Чэнь Гуан-жуй проезжал мимо башни, девушка заметила его и сразу же увидела, что человек он необычный, да еще красив и умен. Она догадалась, что это тот человек, который занял первое место на экзаменах, очень обрадовалась и сразу же бросила мяч вниз. Мяч попал прямо в черную парадную шапочку Чэнь Гуан-жуя.

В тот же миг раздались чарующие звуки свирели, и с башни сошла толпа служанок; они взяли под уздцы коня Чэнь Гуан-жуя и повели его во двор сановника, приветствуя молодого ученого как жениха. Навстречу ему из своих покоев вышел сам сановник с супругой; они стали приглашать гостей на свадебную церемонию, которую собирались устроить в честь их дочери и Чэнь Гуан-жуя. После того как жених с невестой поклонились небу и земле, а затем и родителям невесты, сановник приказал устроить свадебный пир. Веселье продолжалось всю ночь. Когда же пир окончился, новобрачные, держа друг друга за руки, удалились в брачные покои.

На рассвете следующего дня, когда Тай-цзун восседал на своем троне в Зале золотых колокольчиков, к нему на утренний прием собрались гражданские и военные сановники.

— На какую должность назначен Чэнь Гуан-жуй, занявший первое место на экзаменах? — спросил император.

Тут выступил вперед первый сановник Вэй-чжэн и почтительно доложил:

— В подвластных мне областях и городах есть вакансия начальника округа в Цзянчжоу. Прошу вашего разрешения назначить его на это место.

Тай-цзун не замедлил отдать приказ о назначении Чэнь Гуан-жуя на эту должность и велел ему тотчас же отправляться к месту назначения, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей.

Поблагодарив императора за милость, Чэнь Гуан-жуй покинул двор и возвратился в дом своего тестя-сановника. Здесь он собрался с женой в путь и, распростившись с тестем и тещей, отправился к месту своего назначения в Цзянчжоу.

Когда они выехали из Чанъаня, весна была на исходе. Нежный ветерок колыхал зелень ив, а небольшой дождь орошал пестрые цветы. По дороге Чэнь Гуан-жуй заехал к себе домой, чтобы познакомить мать со своей молодой супругой.

— Прими мои поздравления, сын мой,— промолвила мать.— Ты должен быть счастлив вдвойне, так как вернулся с молодой женой.

— Благодаря твоему благословению я выдержал экзамены,— отвечал Чэнь Гуан-жуй.— А когда меня как победителя возили по улицам города, я очутился у дома сановника Инь Кай-шаня, тут в меня попал гадательный мяч, и сановник оказал мне честь, выдав за меня замуж свою дочь. Теперь же я еду к месту своего назначения, в город Цзянчжоу. Император назначил меня на должность начальника округа. А сюда я приехал за тобой—поедем все вместе.

Госпожа Чжан была счастлива, быстро собралась, и они отправились в путь. Через несколько дней путники остановились в гостинице Ваньхуадянь, которую содержал некий Лю Сяо-эр. Здесь госпожа Чжан неожиданно заболела.

— Мне что-то нездоровится,— пожаловалась она сыну.— Отдохнем день-два, а потом поедем дальше.

Чэнь Гуан-жуй согласился. На следующее утро, он увидел у ворот гостиницы рыбака, который продавал золотого карпа. Чэнь купил его за связку монет, намереваясь изжарить рыбу и угостить мать. Но вдруг он заметил, что глаза карпа как-то странно сверкают. Это его изумило. «Говорят, что когда глаза у змеи или у рыбы сверкают, это какое-то волшебное существо»,— подумал он.

— Ты где поймал эту рыбу? — спросил он у рыбака.

— На реке Хунцзян, в пятнадцати ли от города,— отвечал тот.

Чэнь Гуан-жуй отправился к реке Хунцзян, пустил рыбу в воду и, возвратившись в гостиницу, рассказал обо всем матери. Выслушав его, госпожа Чжан сказала:

— Освобождение живых существ — доброе дело. И твой поступок меня очень радует.

— Мы живем здесь уже три дня,— продолжал Чэнь,— истекает назначенный императором срок явки к месту назначения.

Я думаю, что завтра следует трогаться в путь. Как ты себя чувствуешь?

— Я еще не совсем здорова,— отвечала мать.— А сейчас такая жара, что, боюсь, в дороге мне станет еще хуже. Может быть, ты снимешь для меня комнату, и я пока останусь здесь. Дай мне только немного денег на расходы, а сам с женой поезжай. Я поживу здесь до осени, и когда станет немного прохладнее, ты приедешь за мной.

Чэнь Гуан-жуй посоветовался с Вэнь-цяо, затем снял для матери комнату, оставил ей денег и, распрощавшись, вместе с женой двинулся дальше.

Путь был тяжелый. Выезжали они рано, а отдыхать останавливались только ночью. Вскоре они достигли переправы через реку Хунцзян и увидели двух перевозчиков — Лю Хуна и Ли Бяо, которые на своей лодке подъехали к ним навстречу. Возможно, когда-то в одном из предыдущих перевоплощений Чэнь Гуан-жуй чем-нибудь обидел этих людей, и они стали его врагами, и вот сейчас ему суждено было попасть в беду. Как только они с женой очутились на пароме и очень удобно там устроились, Лю Хун во все глаза уставился на молодую женщину. А она была поистине писаная красавица. Лицо словно полная луна, глаза — осенние волны, маленький ротик — что плод вишни, тонкая талия — как гибкая ива, в общем вся она была красоты удивительной. И вот перевозчики задумали недоброе. Пошептавшись, они решили завести лодку в безлюдное место, а глубокой ночью убить сначала слугу Чэня, а потом и его самого, а трупы их бросить в воду. Так они и сделали. Увидев, что муж ее убит, жена решила броситься за ним в воду, но Лю Хун крепко держал ее.

— Если ты будешь слушаться меня,— сказал он ей,— то можешь ни о чем не беспокоиться. Если же станешь сопротивляться, то этим мечом я рассеку тебя надвое.

Жена Чэня не знала, что делать, и ей не оставалось ничего другого, как уступить и полностью подчиниться воле Лю Хуна. А этот разбойник переправил паром на южный берег и передал его в распоряжение Ли Бяо. Сам же он нарядился в одежду Чэнь Гуан-жуя, взял все его документы и вместе с женой Чэня отправился в Цзянчжоу.

Между тем, в то время как выброшенное в воду тело слуги поплыло вниз по реке, тело Чэнь Гуан-жуя опустилось прямо на дно и лежало там неподвижно. И вот, когда дозорный Якша *, обходя реку Хунцзян, увидел это, он опрометью бросился во дворец и доложил только что взошедшему на трон Царю драконов:

— Сегодня какой-то человек убил на реке Хунцзян одного ученого, а тело его бросил в реку.

Царь драконов приказал доставить погибшего к нему, а когда труп принесли, он внимательно оглядел его и сказал:

— Это мой благодетель, он спас мне жизнь. Как же это его

убили? Пословица гласит: «За добро платят добром». Я должен отплатить ему за добро и вернуть ему жизнь.

И царь тут же написал бумагу и отправил Якшу в храм местного бога в Хунчжоу с просьбой отдать душу Чэнь Гуан-жуя и вернуть его к жизни. Бог местного храма призвал к себе подчиненного и велел ему передать душу Чэнь Гуан-жуя Якше. Якша доставил душу в Хрустальный дворец Царя драконов и, представ перед своим повелителем, доложил о выполнении данного ему поручения.

— Как вас зовут, уважаемый ученый? Откуда и зачем вы прибыли сюда и кто вас убил? — спросил царь.

— Зовут меня Чэнь Э, мое второе имя Гуан-жуй,— отвечал тот.— Сам я из уезда Хуннун, области Хайчжоу. Недавно я занял первое место на экзаменах и получил назначение на должность начальника округа Цзянчжоу. Вместе с женой я следовал к месту своего назначения, и вот, когда мы доехали до реки и сели на паром, чтобы переехать на другой берег, один из перевозчиков, по имени Лю Хун, воспылал страстью к моей жене, убил меня, а тело мое бросил в реку. Умоляю вас, великий царь, помочь мне!

— Так вот оно что,— промолвил Царь драконов.— А знаете ли вы, господин ученый, что золотой карп, которого вы однажды отпустили в реку, не кто иной, как я сам. Так разве могу я вас, моего благодетеля, не выручить из беды?

И он тут же приказал положить труп Чэнь Гуан-жуя в сторону, рот ему заткнуть «жемчужиной», предохраняющей тело от разложения, чтобы впоследствии в него могла вселиться душа и отомстить за себя, а затем сказал:

— А сейчас я хотел бы, чтобы ваша душа служила чиновником в моем дворце.

Чэнь Гуан-жуй почтительно склонился перед Царем драконов и с благодарностью принял его предложение.

По этому случаю Царь драконов устроил роскошный пир, однако распространяться об этом мы не будем.

Жена Чэнь Гуан-жуя продолжала питать глубокую ненависть к разбойнику Лю Хуну. Однако она помнила, что должна стать матерью, и потому, превозмогая свое отвращение, старалась ни в чем не перечить ему. Вскоре они прибыли в Цзянчжоу. Встречать их вышли все чиновники. В областном управлении устроили в честь вновь прибывшего начальника пир, и вот на этом пиру Лю Хун сказал:

— Я прибыл сюда и надеюсь на вашу помощь и поддержку.

— Ваше высокое назначение является достойной наградой за исключительные способности, которыми вы обладаете,— отвечали ему на это чиновники.— В свою очередь и мы выражаем надежду на вашу отеческую доброту к подчиненным, на вашу справедливость и проницательность при решении судебных дел. Поэтому не умаляйте своих достоинств и не считайте наши слова лестью.

Как только пир окончился, все разошлись по домам.

Время летело быстро. И вот однажды, когда Лю Хун уехал по делам службы, жена Чэня сидела в садовой беседке, предаваясь печальным размышлениям о судьбе мужа и его матери. Вдруг она почувствовала какое-то недомогание и резкие боли в животе, затем, лишившись чувств, упала и тут же родила сына. В этот момент какой-то торжественный голос сказал ей на ухо следующие слова:

— Мань Тань-цяо, внимательно слушай, что я буду говорить тебе. Я — Дух Южной полярной звезды. По велению бодисатвы Гуаньинь я принес тебе сына. Он будет необыкновенным человеком и прославится. Когда разбойник Лю Хун вернется, он постарается погубить ребенка, но ты должна любым способом сохранить его. Твоего мужа спас Царь драконов и придет время, когда вы снова будете все вместе, а ваши обидчики понесут заслуженное наказание. Крепко запомни мои слова, а теперь быстрее просыпайся!

Сказав это, дух исчез, а женщина, очнувшись, крепко запомнила каждое сказанное ей слово и сжала в объятиях ребенка, но, что делать дальше, она не знала. Неожиданно возвратился Лю Хун. Увидев ребенка, он тотчас же хотел уничтожить его, но женщина сказала:

— Сегодня уже поздно. Разреши мне завтра самой бросить его в реку

К счастью, на следующий день Лю Хун снова уехал по какому-то срочному делу.

«Как только вернется этот разбойник,— раздумывала жена Чэня,— он тут же погубит моего ребенка. Уж лучше я сама брошу его в реку, а там будь что будет. Если небо сжалится над ним, какой-нибудь добрый человек спасет и вырастит его. Может быть, когда-нибудь мы и встретимся с сыном...»

Затем она подумала, что, когда сын вырастет, она может не узнать его и, надкусив палец, собственной кровью на листе бумаги написала имена родителей ребенка, подробно изложив всю его историю, а затем сделала надкус на мизинце его левой ноги. После этого она взяла свою рубашку, завернула в нее младенца и, пользуясь тем, что на улице никого не было, с ребенком на руках вышла из дома. К счастью, ямынь [1] находился недалеко от реки. Подойдя к берегу, женщина горько заплакала. И вот в тот момент, когда она хотела бросить ребенка в воду, она увидела доску, которую прибило к берегу. Женщина сотворила молитву, взяла свой шарф, привязала к доске ребенка, положила ему на грудь написанное собственной кровью письмо и оттолкнула доску от берега. После этого, едва сдерживая слезы, она возвратилась домой. Однако говорить об этом мы не будем.

Тем временем доску все несло и несло по течению и наконец

---

[1] Ямынь — управление.

прибило к подножию горы, на которой стоял монастырь Цзиньшаньсы — монастырь Золотой горы. Настоятеля этого монастыря называли Фа-мин — Просвещенный монах. Это был человек необыкновенной святости и высокой добродетели, постигший великую тайну истинного учения. И вот однажды, когда он сидел погрузившись в самосозерцание, раздался плач ребенка. Плач этот встревожил настоятеля, и он отправился к реке посмотреть, что случилось. Оказалось, что к берегу прибило доску с привязанным к ней младенцем. Настоятель поспешил вытащить доску на берег и сразу же заметил, что на груди у младенца спрятано письмо, написанное кровью. Из этого письма настоятель узнал всю историю ребенка. Он тут же дал мальчику монашеское имя Цзян-лю, что значит «Принесенный рекой», и отдал его на воспитание крестьянам, а письмо и вещи спрятал в надежное место.

Время летело быстро. Дни и месяцы мелькали, словно челнок в ткацком станке, и Цзян-лю незаметно исполнилось восемнадцать лет. Тогда настоятель монастыря постриг его в монахи и дал ему монашеское имя Сюань-цзан. Приняв обет, Сюань-цзан целиком отдался изучению Истины.

И вот однажды, в конце весны, когда монахи в тени под соснами, предавались самосозерцанию, читали священные книги и обсуждали тайны учения Истины, один из них, поставленный доводами Сюань-цзана в тупик, вышел из себя и закричал:

— Ах ты несчастная скотина! Да как ты, человек без роду, без племени, смеешь еще рассуждать!

Не стерпев подобного оскорбления, Сюань-цзан вошел в храм и, встав на колени перед своим учителем, горько заплакал.

— Как известно, все люди состоят из пяти элементов, происходящих от двух начал Инь и Ян и каждый рожден от отца и матери. Как же может быть, чтобы человек не имел родителей?

Он долго умолял учителя сжалиться над ним и открыть ему тайну, кто же его родители. Наконец настоятель промолвил:

— Если ты действительно хочешь узнать, кто твои родители, следуй за мной в мою келью.

Сюань-цзан повиновался. Когда они пришли, настоятель достал ящичек, находившийся далеко за балкой и, открыв его, вынул письмо, написанное кровью, и женскую рубашку. Все это он передал Сюань-цзану. Юноша развернул письмо, прочитал его и лишь теперь узнал, кто его родители и какое зло им причинили.

Он разрыдался и, повалившись наземь, воскликнул:

— Тот, кто не в силах отомстить за родителей, недостоин называться человеком. Восемнадцать лет я прожил, не ведая, кто мои родители, и лишь сейчас узнал, что у меня есть мать! И если бы не вы, дорогой учитель, вскормивший и воспитавший меня, я так и остался бы в неведении. Разрешите же мне отправиться на поиски моей матери. Торжественно клянусь, что в будущем я восстановлю этот храм, чтобы отблагодарить вас, дорогой учитель, за все ваши милости.

— Ну что же, раз ты решил идти на поиски матери, возьми с собой это письмо и рубашку. Выдавай себя везде за странствующего монаха, а когда придешь в Цзянчжоу, ступай прямо к начальнику округа. Там ты найдешь свою мать.

Сюань-цзан последовал совету учителя, нарядился странствующим монахом и отправился в Цзянчжоу. И вот случилось так, что, когда он прибыл в город, Лю Хун уехал по служебным делам. Казалось, само небо желало, чтобы сын и мать встретились. Подойдя к двери окружного управления, Сюань-цзан попросил подаяния. А надо вам сказать, что его матери в эту ночь приснился удивительный сон. Она видела, как луна, бывшая на ущербе, сделалась снова полной. И тогда она подумала:

«От матери мужа я не имею никаких вестей, мужа убил этот бандит, а своего ребенка я бросила в реку. Если кто-нибудь подобрал и воспитал его, ему теперь должно быть уже восемнадцать лет. Может быть, небо поможет нам еще встретиться, кто знает?..»

Она была погружена в глубокое раздумье, когда вдруг услышала, что у ворот их дома кто-то читает молитву и просит подаяние. Женщина тотчас вышла и увидела монаха.

— Ты откуда? — спросила она.

— Я ученик Фа-мина, настоятеля монастыря Цзиньшаньсы,— отвечал тот.

— Ах вот как, ты ученик настоятеля монастыря Цзиньшаньсы,— промолвила женщина, пригласила монаха войти в дом и дала ему постной пищи.

Внимательно приглядевшись к нему, она едва удержалась от того, чтобы не воскликнуть: «Как он похож на моего мужа!..» Затем, отослав служанку, сказала:

— Ты еще так молод, духовный наставник! Когда же тебя постригли в монахи — в детстве или позднее? Как тебя зовут? Есть ли у тебя родители?

— Я не по своей воле покинул мир,— отвечал Сюань-цзан.— Не стану скрывать от вас, я затаил обиду, великую, как само небо, и ненависть, глубокую, словно море! Какой-то злодей убил моего отца, а мать захватил в плен. Мой духовный отец — настоятель монастыря Цзиньшаньсы — велел мне идти в Цзянчжоу, в дом окружного управления и сказал, что здесь я найду свою мать.

— А как же зовут твою мать? — спросила женщина.

— Фамилия ее Инь, а имя — Вэнь-цяо,— отвечал Сюань-цзан.— Фамилия моего отца — Чэнь, а имя— Гуань-жуй. Мое мирское имя Цзян-лю, а духовное — Сюань-цзан.

— Вэнь-цяо — это я,— произнесла женщина.— А есть ли у тебя какие-нибудь доказательства в подтверждение твоих слов?— спросила она.

Тогда Сюань-цзан упал на колени и, громко рыдая, воскликнул:

— Если ты не веришь мне, то вот взгляни,— и он передал ей письмо, написанное кровью, и рубашку.

Женщина тотчас узнала эти вещи, и мать с сыном, обняв друг друга, разрыдались. Вдруг она воскликнула:

— Уходи отсюда, сын мой. Уходи скорее!

— До восемнадцати лет я не знал ни отца, ни матери! И вот теперь, когда я наконец нашел тебя, ты гонишь меня!

— Сын мой, уходи отсюда сейчас же! — настаивала она.— Если вернется разбойник Лю Хун и застанет тебя здесь, он убьет тебя! А я притворюсь завтра больной и скажу, что когда-то дала обет подарить монахам сто пар туфель и для того, чтобы выполнить этот обет, я повезу эти туфли в монастырь, и тогда мы с тобой обо всем поговорим.

Сюань-цзан послушался матери и, поклонившись, ушел.

Между тем встреча с сыном и радовала и печалила мать. На следующий день она вдруг сказалась больной, легла в постель и отказалась пить и есть. А когда вернулся Лю Хун и спросил что с ней, она ответила:

— Еще в молодости я дала обет пожертвовать монахам сто пар туфель. И вот пять дней тому назад мне приснился монах. В руках он держал острый меч и требовал обещанные туфли. С той ночи я и почувствовала себя больной.

— Ну, это ерунда,— успокоил ее Лю Хун. — Почему ты не сказала раньше?

И он через своих подчиненных отдал приказ, чтобы сто дворов населения Цзянчжоу изготовили по одной паре соломенных туфель и в течение пяти дней доставили их в управление. Когда приказ был выполнен и туфли доставлены, женщина сказала:

— Ну вот, туфли готовы, какой же тут есть поблизости монастырь, куда бы я могла съездить без особых хлопот и выполнить свой обет?

— В области Цзянчжоу есть два монастыря: Цзиньшаньсы и Цзяошаньсы [1]. Поезжай в любой из них,— посоветовал ей Лю Хун.

— Я слышала много хорошего о монастыре Цзиньшаньсы,— сказала женщина,— туда, пожалуй, и поеду.

Лю Хун приказал слугам приготовить лодку, в которую села его жена в сопровождении наиболее преданной ей служанки, и очень скоро лодочник доставил их в монастырь Цзиньшаньсы.

Здесь надо сказать, что когда Сюань-цзан вернулся в монастырь, он рассказал своему учителю обо всем, что с ним произошло, и его рассказ доставил большое удовольствие настоятелю. На следующий день к ним явилась служанка, которая известила их о том, что ее госпожа, желая выполнить данный ею обет, направляется в монастырь. Все монахи вышли навстречу гостье. Прибыв в монастырь, женщина поклонилась изображению бодисатвы, устроила торжественную трапезу для монахов, а затем велела служанке сложить носки и туфли и отнести их на подносе

---

[1] Цзяошаньсы — монастырь Опаленной горы.

в зал. В зале женщина зажгла фимиам, прочитала молитву, а затем попросила настоятеля удалить всех монахов. Как только монахи вышли, Сюань-цзан подошел к матери и опустился перед ней на колени. Мать велела ему снять туфли и носки. На мизинце левой ноги у него до сих пор действительно виднелся след от надкуса. Тогда мать и сын снова обнялись, и мать склонилась перед настоятелем, благодаря его за то, что он сделал доброе дело и воспитал ее сына.

— Сударыня, вы повидались с сыном, а теперь вам следует поскорее вернуться домой, чтобы не вызвать подозрений у злодея и не накликать на себя новой беды,— сказал настоятель.

— Сын мой,— промолвила тогда женщина,— возьми вот эту ладанку и отправляйся в город Хунчжоу, это примерно в тысяче восьмистах ли к северо-востоку отсюда. Там ты найдешь гостиницу Ваньхуадянь, где когда-то мы оставили мать твоего отца госпожу Чжан. Кроме того, я дам тебе письмо, с которым ты пройдешь в столицу и разыщешь дом сановника Инь Кай-шаня, что находится около Золотого дворца. Там живут твои дедушка и бабушка, мои родители. Передай это письмо дедушке и скажи ему, чтобы он подал императору ходатайство. Пусть император пошлет сюда свои войска, которые схватят и казнят этого разбойника. Только тогда твой отец будет отомщен, а я вырвусь из рук этого злодея. Однако сейчас мне нельзя больше задерживаться здесь, чтобы этот злодей чего-нибудь не заподозрил.

После этого женщина села в лодку и отправилась в обратный путь.

А Сюань-цзан в слезах вернулся в монастырь, прошел к настоятелю и, простившись с ним, тотчас же отправился в Хунчжоу. Придя в гостиницу Ваньхуадянь, он обратился к хозяину Лю Сяо-эру с таким вопросом:

— Когда-то у вас в гостинице останавливался начальник округа Цзянчжоу, по имени Чэнь, и оставил здесь свою мать. Как сейчас ее здоровье?

— Некоторое время,— отвечал Лю Сяо-эр,— она действительно жила здесь, в гостинице. Но потом она ослепла и в течение нескольких лет не платила за свою комнату. Сейчас она живет в заброшенной гончарной печи у Южных ворот и собирает милостыню. Не знаю почему, но чиновник, который оставил ее здесь, до сих пор не дает о себе знать.

Выслушав его, Сюань-цзан тотчас же направился к Южным воротам и там очень скоро разыскал бабушку.

— Твой голос так напоминает мне голос моего сына — Чэнь Гуан-жуя,— сказала старуха.

— Нет, я не Чэнь Гуан-жуй, я его сын,— отвечал Сюань-цзан,— а Вэнь-цяо — моя мать.

— Почему же твои родители так долго не приезжали за мной?

— Злодей убил моего отца, а мать насильно сделал своей женой.

— А как же ты нашел меня?

— Мать послала меня разыскать вас и дала мне письмо и ладанку.

Взяв письмо и ладанку, старушка громко разрыдалась.

— Ох, горе какое! — причитала она.— Мой сын был послан на должность за свои заслуги. А я-то еще подумала, что он забыл свой сыновний долг и бросил меня. Откуда же я могла знать, что он погиб от руки злодея! Спасибо, что небо сжалилось надо мной и послало нашему роду наследника. Теперь хоть внук пришел навестить меня!

— А что у вас с глазами, бабушка?

— Я все время думала о твоем отце и не переставала ждать его. А когда отчаялась, то так горько плакала, что глаза мои перестали видеть.

Тогда Сюань-цзан опустился на колени и стал молиться:

— Мне исполнилось восемнадцать лет, но до сих пор я не мог отомстить за зло, причиненное моим родителям. По велению матери я прибыл сюда, чтобы разыскать бабушку. О небо, внемли моим искренним молитвам и верни зрение моей бабушке!

Окончив молитву, он кончиком языка провел над веками старушки, и в тот же миг глаза ее раскрылись, и она снова стала видеть.

— Ты действительно мой внук! — воскликнула она, взглянув на молодого монаха.— Вылитый отец!

Старушка даже не знала, то ли ей радоваться, то ли печалиться. Сюань-цзан повел ее в гостиницу Лю Сяо-эра, снял для нее комнату и оставил деньги на расходы.

— Сейчас я должен уехать примерно на месяц,— сказал он,— а потом вернусь сюда.

И, распростившись с бабушкой, Сюань-цзан отправился в столицу. Прибыв туда, он разыскал на Восточной улице императорского города дом сановника Иня и, обращаясь к привратнику, сказал:

— Я родственник вашего хозяина и хотел бы повидаться с ним.

— У меня нет родственников монахов,— ответил сановник, когда ему доложили о приходе гостя.

— Прошлой ночью я видела во сне нашу дочь Тань-цяо,— вмешалась в разговор его супруга,—может быть, этот монах принес письмо от зятя?

Тогда сановник велел пригласить монаха в парадный зал. Увидев сановника и его супругу, монах, рыдая, опустился на колени и, кланяясь, вынул из-за пазухи письмо и передал его сановнику. Когда сановник распечатал и прочитал письмо, то зарыдал от горя.

— Что случилось? — спросила его супруга.

— Жена,— промолвил сановник,— этот монах — наш внук.

Нашего зятя — Чэнь Гуан-жуя убил разбойник, который насильно взял нашу дочь себе в жены.

Услышав это, женщина стала горько плакать.

— Ну ладно, не отчаивайся,— успокаивал ее муж,— завтра на аудиенции я доложу императору обо всем и сам поведу войска, чтобы отомстить за смерть нашего зятя.

И действительно на следующий день сановник прибыл на аудиенцию к императору и обратился к нему с такой речью:

— Мой зять Чэнь Гуан-жуй занял на экзаменах первое место и, получив назначение на официальную должность, вместе с женой выехал в Цзянчжоу. По дороге он был убит перевозчиком Лю Хуном, который силой заставил мою дочь стать его женой. И вот теперь, выдавая себя за моего зятя, негодяй уже много лет занимает официальную должность. Это дело чрезвычайной важности, поэтому умоляю вас отправить войска и уничтожить разбойника.

Выслушав это, император пришел в ярость и тотчас же приказал отрядить в поход войско в шестьдесят тысяч человек под командой сановника Иня. Сановник Инь, получив приказ, покинул дворец и сразу же отправился на плац, где произвел смотр войску и, не мешкая, двинулся в поход на Цзянчжоу. Солдаты шли ускоренным маршем и в короткий срок достигли Цзянчжоу. Здесь, на северном берегу реки, сановник Инь разбил свой лагерь. Он тут же отправил местных жителей к двум заместителям начальника округа Цзянчжоу с сообщением о случившемся и просил их прийти с войсками на помощь, вместе с ним перейти реку и двинуться вперед. Перед рассветом ямынь, где служил Лю Хун, был окружен. Лю Хун только что проснулся, когда услышал звуки стрельбы и барабанного боя. Не успел он предпринять что-нибудь, как очутился в руках вторгшихся в его дом воинов. Сановник велел связать разбойника и вместе с другими преступниками отвести на место казни, а своим солдатам приказал разбиться лагерем за городскими стенами.

Затем он прошел в главный зал управления округа и тотчас послал за своей дочерью. Сначала Вэнь-цяо хотела было выйти к отцу, но потом она ощутила стыд и решила покончить с собой. Как только Сюань-цзан узнал об этом, он поспешил к матери и, встав перед ней на колени, сказал:

— Я и мой дед прибыли сюда отомстить за моего отца. Преступник схвачен, зачем же ты вздумала покончить с собой? Разве смогу я пережить твою смерть?

Тут пришел сановник Инь и тоже начал успокаивать Вэнь-цяо.

— Я слышала,— сказала Вэнь-цяо,— что порядочная жена должна сохранять верность своему мужу. Но мой несчастный супруг был убит этим разбойником. Я же подчинилась ему лишь потому, что была беременна, я превозмогла стыд, чтобы сохранить жизнь ребенку. К великой радости сын мой вырос и стал взрос-

лым. А мой почтенный отец привел сюда войска, чтобы отомстить за нанесенное нам оскорбление. Как же я теперь стану смотреть вам в глаза? Мне остается лишь умереть, чтобы искупить свою вину перед мужем!

— Это вовсе не твоя вина, дочь моя,— отвечал ей на это сановник.— Все произошло вопреки твоей воле. Чего ты стыдишься?

Отец и дочь обняли друг друга и горько заплакали, рядом безудержно рыдал Сюань-цзан.

— Ну, вам теперь не о чем больше беспокоиться,— промолвил, вытирая слезы, сановник.— Преступник схвачен и остается только покончить с ним.

С этими словами сановник отправился к месту казни.

Между тем по распоряжению помощника начальника округа Цзянчжоу были посланы люди для того, чтобы арестовать и привести второго злоумышленника — Ли Бяо. Когда его привезли, сановник обрадовался и приказал отвести обоих преступников под строгим конвоем к месту казни и каждого из них наказать ста ударами палок. Затем были составлены протоколы с подробным изложением показаний об обстоятельствах убийства Чэнь Гуан-жуя. После этого Ли Бяо пригвоздили к фигуре деревянного осла и отвезли на рыночную площадь, где и разрезали на мелкие части, а голову вывесили на шесте.

Лю Хуна же отвезли к реке Хунцзян, на то самое место, где он когда-то убил Чэнь Гуан-жуя. Сановник, его дочь и Сюань-цзан отправились туда же. Здесь они совершили жертвоприношение и, вырезав у Лю Хуна сердце и печень, принесли их в жертву Чэнь Гуан-жую. Одновременно была сожжена жертвенная бумага.

Обращенные к реке стенания трех человек привели в смятение водное царство. Дозорный Якша доложил о молении Царю драконов. Когда же Царь драконов узнал, по какому поводу совершено моление, он тотчас послал командира-черепаху за Чэнь Гуан-жуем и, когда тот прибыл, сказал ему:

— Примите мои поздравления, почтенный ученый! В этот момент ваша супруга, сын и тесть на берегу реки в память о вас совершают церемонию жертвоприношения. Сейчас я верну вам вашу душу. Кроме того, я подарю вам «жемчуг — амулет исполнения желаний», две жемчужины, обладая которыми вы сможете ездить, куда вам заблагорассудится, десять кусков шелка и пояс, отделанный жемчугом. Сегодня вы наконец можете встретиться со своей супругой и сыном.

Чэнь Гуан-жуй в знак благодарности трижды поклонился Царю драконов. А тот приказал Якше доставить тело Чэнь Гуан-жуя на прежнее место в реке и вернуть ему душу. Якша удалился выполнять распоряжение.

Между тем жена Чэня, оплакивая своего мужа, хотела броситься в реку, и Сюань-цзану стоило больших усилий удержать ее. И вот как раз в этот момент они вдруг увидели, как на поверхность реки всплыл труп человека и его прибило к берегу. Вэнь-

цяо, подавшись вперед, присмотрелась к трупу, признала в нем своего покойного мужа и разразилась громкими рыданиями. В это время каждый старался подойти поближе вперед и посмотреть, что делается. Вдруг все увидели, как Чэнь Гуан-жуй расправил руки и ноги и стал двигаться. Затем, к великому изумлению всех присутствующих, он взобрался на берег, сел и широко открыл глаза.

Подле него, рыдая, стояли его супруга, тесть и молодой монах.

— Как вы очутились здесь? — спросил он.

— После того как тебя убили, я родила сына,— начала рассказывать жена. — На наше счастье ребенка подобрал настоятель монастыря Цзиньшаньсы и воспитал его. Затем сын нашел меня. Я отправила его к моему отцу, и наш сын обо всем ему рассказал. Отец доложил об этом деле императору, а император отрядил войска на поимку разбойника. Злодея схватили, и вот мы только что вынули у него сердце и печень и принесли их тебе в жертву. Нам и в голову не приходило, что ты оживешь и вернешься к нам.

— А произошло это потому, что когда-то я купил в гостинице Ваньхуадянь золотого карпа и выпустил его на волю,— сказал Чэнь Гуан-жуй.— Кто бы мог подумать, что этот карп окажется Царем драконов? Гнусный злодей бросил мой труп в реку, но Царь драконов спас меня и вот сейчас вернул мне душу, да еще преподнес дорогие подарки. Разве мог я подумать, что ты родишь сына и что мой дорогой тесть отомстит за меня? Вот уж поистине: когда зло достигает предела, приходит добро! Какое необыкновенное счастье!

Когда местные власти услышали об этой истории, они все поспешили прибыть, чтобы принести свои поздравления. А сановник Инь приказал устроить в честь прибывших торжественный пир и в тот же день отправился со своим войском в обратный путь. У гостиницы Ваньхуадянь сановник Инь приказал остановиться, а Чэнь Гуан-жуй с сыном пошли навестить старушку. А надо вам сказать, старушке в прошлую ночь приснилось, что расцвело засохшее дерево и за домом стрекочут сороки. «Никак внук мой приедет...» — подумала она.

И только она об этом подумала, как увидела, что к гостинице подошли ее сын и внук. Указывая на нее отцу, Сюань-цзан сказал:

— А вот и моя бабушка!

Чэнь Гуан-жуй поклонился матери до земли и, обнявшись, они расплакались. Затем они долго рассказывали друг другу о том, что с ними произошло за это время.

Расплатившись за гостиницу, все отправились в столицу. И вот в доме сановника Чэнь Гуан-жуй, его супруга, мать и сын от всего сердца приветствовали хозяйку дома. А та была вне себя от радости и тотчас же приказала слугам приготовить все к торжественному пиру в честь прибывших.

— Наше сегодняшнее торжество мы должны назвать «пиром

встречи после разлуки»,— предложил сановник Инь. Его предложение было принято с восторгом.

На следующий день во время аудиенции сановник Инь подошел к трону и подробно доложил императору обо всем, что произошло. Кроме того, он советовал, учитывая таланты Чэнь Гуан-жуя, назначить его на должность императорского академика. Император согласился и отдал приказ о назначении Чэнь Гуан-жуя.

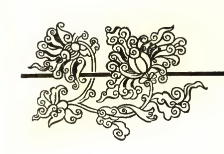
Отныне Чэнь Гуан-жуй обязан был находиться при дворе и заниматься делами правления государства.

Сюань-цзана же, поскольку он твердо посвятил себя монашеской жизни, отправили в храм Хунфусы для дальнейшего самоусовершенствования.

Жена Чэня все же покончила с собой. А Сюань-цзан, перед тем как отправиться в храм Хунфусы, вернулся в монастырь Цзиньшаньсы и отблагодарил настоятеля Фа-мина за все его благодеяния.

Если вам, читатель, интересно узнать о том, что произошло дальше, прочитайте следующую главу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

повествующая о том, как Царь драконов нарушил волю неба и как сановник Вэй-чжэн отправил письмо в Царство мрака

Мы не будем пока говорить о том, как Чэнь Гуан-жуй справлялся со своими обязанностями и как Сюань-цзан занимался самоусовершенствованием, а расскажем здесь лишь о двух мудрых людях, которые жили на берегу реки Цзинхэ, в предместье города Чанъань; о рыбаке Чжан Шао и о дровосеке Ли Дине. Оба они отличались ученостью, хоть никогда не держали государственных экзаменов и были просто крестьянами-грамотеями.

Однажды они пришли в Чанъань, один—с вязанкой дров, другой—с корзиной карпов. Продав свой товар, друзья заглянули в кабачок и изрядно выпили, а затем, захватив с собой еще по бутылке вина, спокойно отправились в обратный путь вдоль берега реки Цзинхэ, ведя тихую беседу.

— Дорогой брат Ли,— молвил Чжан Шао,— мне кажется, что люди, которые гонятся за славой и выгодой, только губят себя. Ведь получить высокий титул все равно что с закрытыми глазами броситься в объятия тигра, а уж принять чьи-либо благодеяния не лучше, чем положить змею в собственный рукав. Как вспомнишь обо всем этом, так и подумаешь, что лучше нашего с тобой привольного житья нет. Мы живем среди гор, на берегу реки, можем любоваться красотами природы и гулять, когда нам вздумается, мы довольствуемся своей скромной участью: чем богаты, тем и рады.

— Твои слова вполне справедливы,— дорогой Чжан,— отвечал на это Ли Дин.— Но скажу тебе, что жизнь у воды все же не так хороша, как в горах.

— Ну, это ты не говори,— запротестовал Чжан Шао.— Красоту гор никак нельзя сравнить с пейзажем реки. Вот послушай, о чем говорится в стихах из сборника «Де-люань-хуа»:

В туманных пространствах струящихся вод
Челнок, словно маленький листик, плывет;
И я под навесом сижу, одинок,
Покой охватил и меня и челнок.
И песня красавицы где-то слышна...
Мне кажется, слава уже не нужна,
Корысть и расчеты — ничто для души,
Блаженствуешь здесь, где шумят камыши.
И радостно чаек приморских считать,
К заросшему берегу тихо пристать,
Где встретят и дети тебя и жена,
Закроешь глаза — все лепечет волна;
О славе, бесславье не думаешь ты,
Далекий от тщетной мирской суеты.

— И все же твоим водным просторам далеко до моих гор,— настаивал Ли Дин.— Если хочешь, я тоже могу прочитать тебе стихи из того же сборника:

Где к облакам леса устремлены,
Заметна крона гордая сосны;
Стоит в лесу дремучем тишина,
И только песня иволги слышна.
Как флейта — звуки песенки лесной,
И мир окутан теплою весной.
Одела зелень ветви и кусты,
И всеми красками цветут цветы.
Но не замедлит летних дней приход...
Вот снова наступает поворот,
И, подбираясь, осень входит в сад,
Цветы желтеют, льется аромат.
Покой и радость чувствуешь тогда,
А там уже подходят холода,
В зиме ты удовольствие найдешь.
Так — беспечально круглый год живешь.
Никто, вмешавшись дерзостной рукой,
Не станет мирный нарушать покой.

— Никак твои горы не могут быть лучше моего водного царства,— стоял на своем рыбак.— Ничего полезного там не найдешь. Вот что говорится об этом в стихах из сборника «Чжэгутянь»:

В стране бессмертных облака
И чистая вода
Для жизни нужное дают —
Питье в них и еда.

Послушным
Я гребу веслом,
Мне лодка
Заменила дом.

Зажариваю черепах,
Креветок я ловлю
Камыш, и водяной орех,
И лотос я хвалю.

Пусть многолетний лотос вновь
Побег живой дает!
Прекрасны лотоса цветы
На светлом лоне вод.

— Да разве можно сравнивать твои воды с зеленью моих гор! — воскликнул дровосек.— В сборнике «Чжэгутянь» также говорится о многих полезных предметах, которые можно найти в горах. Вот послушай:

Высокие горные пики
Стремятся кругом в синеву,
Я в хижине, крытой травою,
Средь гор и ущелий живу.

Солю для себя куропаток,
А мясо гусей и свиней
Намного, конечно, креветок,
И крабов, и рыбы вкусней.

Какая же прелесть — побеги,
Съедобные листья, му-юй,
Пурпурные сливы и груши!—
Похваливай их да ликуй!

— Нет, уж ты не сравнивай свои горы с моей водой,— не сдавался рыбак.— Вот послушай-ка, что говорят об этом стихи из сборника «Тяньсяньцзы»:

Плыву на маленьком челне,
А надо отдохнуть,
Где захочу — остановлюсь,
И не боюсь ничуть.

Пусть за волною чередой
Опять идет волна,
Заброшу сеть, и без приправ
Уха для нас вкусна.

На трапезу садится в круг
Со мной моя семья:
Богатый свой улов всегда
Продам в Чанъани я.

На выручку куплю вина,
И вдрызг я буду пьян,
И одеялом старый плащ
Послужит мне в туман.

А по ночам я крепко сплю,
Не ведая забот,
За знатностью я не гонюсь,
Не нужен мне почет.

— И все же твоя вода не может идти ни в какое сравнение с моими горами,— не унимался дровосек.— Вот послушай, что говорится в том же сборнике «Тяньсяньцзы»:

У самого подножья гор
Я хижину сложил;
Пошло на все мое жилье
Лишь несколько стропил

Хожу я много по горам,
Валежника ищу...
Кому ж входить в мои дела? —
Да я и не пущу!

Я сколько захочу, продам
Валежника и дров,
И я по рыночной цене
Отдать товар готов.

На выручку могу купить
Дешевого вина,
Чтоб выпить, если захочу,
Когда душа полна.

Я чайник глиняный припас,
И чашка есть со мной,
Напьюсь и завалюсь я спать
Спокойно под сосной.

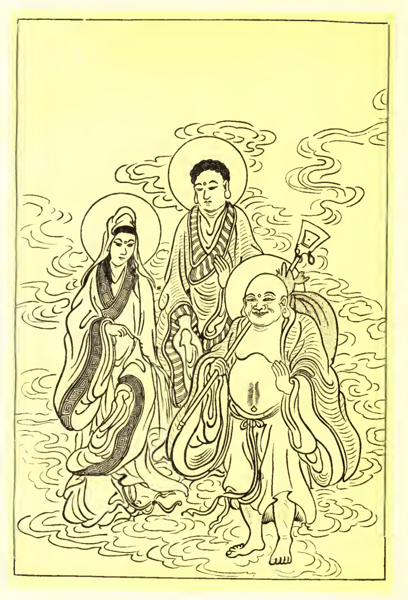
И до меня ни у кого
На свете дела нет,
И безразлично мне, что там —
Упадок иль расцвет.

— Дорогой брат Ли, да как же ты можешь говорить, что жить в горах привольнее, чем у воды. Вот послушай, что говорится по этому поводу в сборнике «Сицзянюэ»:

Красные заросли
В дивных цветах,—
Под сияньем луны;
Желтый камыш
Покачнулся
Над зыбью волны.

Небо Чунцзяна
Бездонно;
На зыби волны
Звезды небесные
В заводи
Отражены.

В лодке сижу я,
И мелкая рыба
Клюет,

Будда Татагата, бодисатва Гуаньинь и Будда Майтрея

Стаями крупная рыба
В мой невод идет.

Щедрый улов,— и уха —
Мой сегодняшний пир.
С тихой усмешкой
Жалею
Мятущийся мир.

— Ну, если говорить о приволье, брат Чжан, так жизнь на воде не может равняться с жизнью в горах. В доказательство этого я приведу тебе стихи из того же сборника «Сицзянюэ»:

Уже застилают дороги
Сухие лианы,
Бамбука валяются всюду
Сухие верхушки;
Чтоб связывать хворост,
Из трав я сплетаю веревки,
И цапля стоит
Средь увядшей листвы—
На опушке.
Червь точит у ивы
Глубоко ее сердцевину,
И ветер ломает
Сосновые ветки и кружит...
Валежник продам,
Часть его на вино обменяю,
И зиму я встречу теперь
И дыхание стужи.

— Ну, может быть, у тебя в горах и неплохо,— промолвил рыбак,— но там не найдешь ни покоя, ни красоты, которыми славится вода. Вот послушай, что об этом говорится в стихах «Линьцзянсянь»:

С отливом челнок
Возвращается мой,
И еду я с песнями
Ночью домой.

В плаще травяном,
При ущербной луне,
Как в платье волшебном,
Плыву по волне.

Но чайка спокойно
На отмели спит,
Ее не пугает
Мой сказочный вид.

Прозрачен, лишен облаков
Небосвод;
Я сплю в камышах
Без житейских забот.

Уж солнце в зените,
По-прежнему сплю.
На что променяю
Я долю свою!

Министр, приходящий
К царю на прием,
Стесненней меня
В положенье своем.

— Ну, где уж покою и уединению твоих речных просторов сравниться с тишиной моих лесов? Послушай-ка в доказательство стихи из того же сборника:

В осенний лес пошел я с топором,
Вязанку дров принес домой потом,
И в волосы воткнул цветок полей,—
Особенность наружности моей!
В туманах горных я искал проход.
Луна взошла — и вот я у ворот.
Бегут навстречу дети и жена,
И радости семья моя полна.

На ложе я соломенном лежу,
Под голову чурбанчик подложу;
Уже дымится на столе пшено,
И молодое пенится вино,
Поистине, какая благодать!
Какой покой! Чего еще желать!

— Ну, ладно, пока мы говорили только о наших занятиях и о том, чем мы богаты,— сказал тогда рыбак.—Но вот часы досуга ты не можешь проводить так прекрасно, как я.

В свободное время любуюсь
На белого аиста я,
И лодку свою оставляю,
Вернувшись домой, у ручья.

Ворот закрываю я створки,
Вхожу по-хозяйски в свой дом,
Сажусь под навесом,— и сына
Знакомлю с моим ремеслом.

Устал я от гребли, и сети
Сушить помогает жена,
Душа успокоилась так же
Как в речке утихла волна.

Все тело мое отдыхает,
Под ветром смиряется зной;
К услугам моим постоянно
И шляпа и плащ травяной;

И если об этом подумать,
То здравым рассудком поймешь,
Что лучше такая одежда
Парадного платья вельмож.

— Ну нет, об этом могу еще с тобой поспорить и в доказательство тоже приведу стихи:

Я в свободные минуты
Облаками очарован;
Закрываю двери дома
И сижу один, взволнован,

И даю советы сыну,
Предлагаю наставленья;
Вместе с сыном мы читаем
Знаменитые творенья.

А когда бывают гости,
В шахматы играю с ними,
И брожу с веселой песней
Я тропами полевыми.

А когда на сердце радость,
Лютню я беру с волненьем,
Восхожу на холм зеленый,
Там играю с упоеньем.

— Дорогой Ли Дин,— сказал наконец Чжан Шао,— зря мы спорим с тобой. Нельзя же сравнивать сандаловое дерево с золотым сосудом для вина. Однако мы занимаемся только лишь литературными упражнениями, а это ведь не такое уж трудное дело. Каждый из нас может, не задумываясь, сложить собственные стихи. Давай поговорим о наших занятиях собственными стихами и посмотрим, что из этого получится.

— Вот это замечательно, дорогой брат Чжан,— воскликнул Ли Дин.— Так начинай же:

Стал на зеленой воде
Мой челнок,
Дом мой в горах
И от речки далек.

Больше всего я
В сторонке моей
Мостик люблю
Через горный ручей.

И подымается
В сердце тоска,
Если плывут
Над горой облака.

Радуюсь я
На хороший улов;
Рыбу варить я
И жарить готов.

Невод и удочки
Будут меня
Сытно кормить
До последнего дня.

7*

И с коромыслом, с веревкой —
Нигде
Не пропаду я
В жестокой нужде.

С лодочки
Долго слежу я своей
За перелетами
Диких гусей.

Как-то я шел
По тропинке лесной,
Стон лебединый
Звучал надо мной.

Мирно живу я
От дрязг в стороне,
Правда и кривда
Остались вовне.

Сеть я развесил
В кустах, как парчу;
Острый топорик
На камне точу.

С удочкой длинной
Сижу над волной,
Тихо сижу
Под осенней луной.

Пусто в горах
И во время весны:
Горы особой
Полны тишины.

Если же сеть моя
Рыбой полна,
Я покупаю
На рынке вина.

Пью понемногу
С женою своей;
Хворост продам —
Угощаю детей.

Все в моей воле:
Захочется пить,
Можно и милых
Друзей угостить.

Весело нам:
Соберемся и пьем,
«Братьями» все мы
Друг друга зовем.

Часто зовем
На пирушку свою
И дровосеков старейших
Семью.

Чаша застольная
Ходит кругом,
В игры играем
И песни поем.

Крабами мы
Угощаем гостей,
Вдоволь нажарим
Мы диких гусей.

Чаю для нас
Приготовит жена,
Льется беседа друзей
Допоздна.

Если жена
Приготовит обед,
Больше забот
У хозяюшки нет.

А на заре
Я свой посох беру,
Радуюсь легким волнам
Поутру.

Солнце восходит,
С вязанкою дров
Улицы города
Мерить готов.

В дождь надеваю
Накидку свою,
Карпов живых
Я на речке ловлю.

Ветер подымется,
С песней простой
В лес я иду
И рублю сухостой.

Имя скрываю,
Держусь простаком —
Глухонемой
В окруженье мирском.

— Ну что ж, дорогой Ли,— промолвил Чжан Шао.— Я начал и сложил свои стихи как мог, теперь твоя очередь, а потом снова я буду продолжать.

О, как прекрасен этот вид,
Величья наших гор!
Рыбак я старый, и люблю
Родную ширь озер.

Свободная, простая жизнь
На долю мне дана,
От всех раздоров я далек —
На сердце тишина.

В соломенном своем жилье
Спокойно, крепко сплю,
А на рассвете старый плащ
Напялю и встаю.

Лишь сливы дикие в горах
Да сосны — мне друзья,
И независим я и горд,
Забыл о прошлом я.

Средь белых цапель день идет,
Средь чаек на волне,
Уже ни слава, ни корысть
Не докучают мне.

И гулом боя не смутит
Жестокая война;
Как только захочу — налью
Душистого вина.

Три раза в день вкушаю я
Полей простую снедь.
Две связки хвороста нужны,
Чтоб мне не умереть.

Удилище и леска — снасть,
Что кормит с давних пор;
Порою детям я велю
Мне наточить топор.

Порою сыну прикажу,
Чтоб починил он сеть...
А как мне нравится весной
На тополя смотреть!

Мне летом радует глаза
Цветенье камыша:
На выращенный мной бамбук
Любуется душа.

Ешь летом водяной каштан
И вкусен этот плод,
А осень куропаток нам
С собою принесет.

В девятом месяце, глядишь,
И раки подрастут;
Потом зима придет — и с ней
К нам холода придут.

Бывает, солнышко взойдет,
А я все сплю да сплю,
Оно уже не хочет греть,
Вот я и не встаю.

В любое время года мне
В горах легко везде,
И никогда не тягощусь
Я жизнью на воде.

Вязанку хвороста связав,
Повеселюсь я всласть;
До мира мне и дела нет,
Когда заброшу снасть.

Как небожитель счастлив я,
Прекрасна жизнь моя,
Когда тихонько по воде
Скользит моя ладья.

С тремя сановниками * я
Меняться б не хотел.
Сильнее крепости мой дух,
Надежен мой удел.

А крепость ждать врагов должна,
И высшие чины
Другим чинам, иным князьям
Еще подчинены.

Поклонник я и вод и гор —
Ценнейших этих благ.
Хвала и небу и земле
За каждый день и шаг!

Так, напевая песенки и складывая новые стихи, они дошли до того места, где пути их расходились, и стали церемонно раскланиваться, прощаясь друг с другом.

— Береги себя, дорогой брат,— промолвил на прощанье Чжан Шао.— Особенно остерегайся в горах тигров. Случись какая беда, и, как говорится, «назавтра у меня будет одним другом меньше».

— Ах ты негодяй этакий! — рассердился Ли Дин.— Хороший человек сам готов жизнь отдать за друга, а ты что говоришь? Если я погибну от тигра,— то ты-то непременно перевернешься с своей лодкой и утонешь в волнах.

— Ну, уж этому не бывать,— отвечал Чжан Шао.

— Пословица говорит: «Счастье изменчиво, как погода». Как же ты можешь утверждать, что с тобой ничего не случится? — удивился Ли Дин.

— Дорогой Ли, говорить-то ты говоришь, а сам ничего не

понимаешь. Что же касается моего дела, так я твердо уверен в том, что ни в какую беду никогда не попаду.

— Да ведь рыбацкий промысел — занятие очень опасное и рискованное,— сказал Ли Дин.— Ни в чем нельзя быть уверенным. Почему же ты так уверен в себе?

— Ты, видно, не знаешь,— отвечал на это Чжан Шао,— что у Западных ворот города живет один прорицатель. Я каждый день преподношу ему золотого карпа, а он из своих волшебных рукавов каждый раз преподносит мне определенное предсказание. Он еще ни разу не ошибся. Сегодня я тоже ходил к нему. Он велел мне забросить сети к востоку от залива на реке Цзинхэ, а на западном берегу расставить переметы и предсказал богатый улов. И вот завтра, когда я продам рыбу в городе, мы с тобой, брат, снова выпьем и потолкуем.

На этом они и расстались. Однако не зря говорит пословица: «Что говорят на дороге, то слышит человек в траве». Случилось так, что в тот момент, когда друзья разговаривали, поблизости находился дозорный Якша. Услышав о том, что гадальщик никогда не ошибается в своих предсказаниях, он тотчас же ринулся в Хрустальный дворец и поспешил с докладом к Царю драконов.

— Беда! Беда! — закричал он.

— Что случилось? — спросил Царь драконов.

— Когда я обходил с дозором,— отвечал Якша,— то очутился около берега и услышал, как разговаривали рыбак с дровосеком. И вот, когда они расставались, я услышал нечто ужасное. Рыбак говорил о том, что в Чанъане, у Западных ворот есть гадальщик, который очень верно предсказывает. Этот рыбак каждый день дарит ему карпа, а гадальщик гадает ему и всегда правильно. Если так будет продолжаться, наше водное царство скоро погибнет. Как же мы можем теперь спокойно жить? Как можем будоражить волны и поддерживать могущество великого царя?

Услышав это, Царь драконов рассвирепел, схватил меч и хотел уж было броситься в Чанъань, чтобы разом покончить с дерзким гадальщиком, но тут к нему подоспели его сыновья и внуки, креветки-сановники, крабы-воины, рыбы-военачальники и еще многие чины водного царства.

— Не гневайтесь, великий царь,— успокаивали они его.— Ведь в пословице говорится: «Нельзя верить всем слухам». Если вы отправитесь в город, за вами понесутся облака, пойдет дождь, вы только перепугаете народ, и люди будут жаловаться на это небу. Уж лучше пустите в ход волшебство, ведь вы обладаете способностью превращения и можете явиться в Чанъань под видом ученого. Там вы разузнаете все подробно и, если то, что вам рассказали,— правда, вы немедленно уничтожите гадальщика. А вдруг все это ложь, тогда было бы несправедливо причинять вред невиновным.

Царь драконов послушался и отбросил меч. Не собирая туч, не вызывая дождя, он вышел на берег, сделал магическое заклинание и, встряхнувшись, превратился в молодого ученого, одетого в белую одежду.

И поистине:

Он, поднимаясь в поднебесье,
Величественный вид хранил.
Мэнцзы, Конфуцию подобно,
О нравственности говорил.

На нем халат был цвета яшмы,
Отличный шелковый халат;
И вдруг толпа пред ним предстала
У Западных Чаньаньских врат.

Прибыв к Западным воротам города Чанъань, он увидел толпу, которая шумела и толкалась. Посредине толпы кто-то важно разглагольствовал:

— Тому, кто родился под знаком дракона, будет сопутствовать благополучие. Того, кто родился под знаком тигра, постигнет несчастье. Созвездия Близнецов, Льва, Девы и Рыбы, хоть и собраны вместе, однако для них есть один страшный властелин — это дух Юпитера.

Царь драконов понял, что это как раз и есть предсказатель, и протиснулся вперед. Что же он увидел:

И угломер и четки были там,
Развешаны по четырем стенам,
Там вышивки искуснейшие были,
Хранилась чистая вода в бутыли.
Курился драгоценный аромат,
Ван Вэя [1] живопись пленяла взгляд;
Висело там Гуй Гу [2] изображенье,
Стояло для учителя сиденье.
Тушница с тушью дымно-золотой
И кисточки блистали красотой;
Гаданье Го-Бу [3] правил было строгих,
Покоилось оно на знаньях многих —
Шестерки знаков и восьми триграмм —
Учитель в этом разбирался сам.
И злых и добрых духов заклинанье
Входило в это мудрое гаданье.
Учитель знал движение светил,
О прошлом без ошибки говорил,
И лунное волшебное зерцало
Грядущее послушно отражало.
И мог он тайным знанием прочесть,
Что ждет в грядущем — гибель или честь.
Предсказывал и смерть он и рожденье,
И дождь, и зной, и ветра измененье,
Одной запиской трепет наведя,
Он ждал от духов вёдра иль дождя.

---

[1] Ван Вэй (699—759) — знаменитый поэт и художник Танской эпохи.

[2] Гуй Гу — философ-мистик.

[3] Го-Бу (276—324) — жил в Цзиньскую эпоху. Поэт. Разработал систему гадания.

На вывеске было написано: «Предсказатель ученый Юань Шоучэнь».

Здесь следует сказать вам несколько слов об этом человеке. Он приходился дядей Юань Тянь-гану, императорскому цензору, и обладал поистине необыкновенной внешностью. Он был статен и красив, благодаря своему искусству прославился по всей стране и считался непревзойденным прорицателем в Чанъане.

Войдя в помещение, Царь драконов поклонился предсказателю. Когда же церемония была закончена, хозяин пригласил гостя сесть и приказал подростку-слуге подать чай.

— По какому делу вы прибыли? — осведомился хозяин.

— Я хотел попросить вас погадать о том, какая будет завтра погода,— отвечал ему Царь драконов.

Предсказатель вытащил из рукава кости, стал гадать и наконец промолвил:

Лес покрыла пелена тумана,
В облаках и скалы и обрывы.
Хочешь знать о завтрашней погоде —
Будет завтра хмуро и дождливо.

— А в какое время пойдет дождь и много ли воды прольется на землю? — допытывался Царь драконов.

— В час дракона тучи заволокут небо, в час змеи грянет гром, в полдень польет дождь и будет он идти до часа овцы, а выпадет его всего три чи, три цуня и сорок восемь дяней.

— Так вот что я тебе скажу, только без шуток,— выслушав его, рассмеялся Царь драконов.— Если завтра сбудется все, как ты предсказал, я преподнесу тебе в награду пятьдесят лян золота. Если же дождя не будет или хоть одно из твоих предсказаний окажется ложным, предупреждаю тебя, я разнесу все, что здесь есть, разломаю твою вывеску, выгоню тебя из города и не позволю больше обманывать простой народ!

— Пожалуйста, пожалуйста,— охотно согласился предсказатель.— Вы можете ставить любые условия, какие вам угодно. Завтра после дождя мы с вами встретимся.

Расставшись с предсказателем, Царь драконов покинул Чанъань и вернулся к себе во дворец. Здесь его встретили все обитатели дворца от мала до велика и начали расспрашивать о том, что узнал он, посетив предсказателя.

— Да, там действительно есть такой человек, но это просто болтун. На мой вопрос, когда будет дождь, он ответил, что завтра. А когда я пожелал узнать, в какое время и сколько выпадет дождя, он подробно рассказал, когда появятся тучи, когда ударит гром и сколько точно выпадет дождя. Тогда я заключил с ним уговор: если сбудутся все его предсказания, я подарю ему пятьдесят лян золота, если же хоть что-нибудь будет не так, я разнесу все его заведение, а его самого выгоню из города, чтобы он больше не обманывал народ.

Выслушав царя, все рассмеялись.

— Ведь вы — повелитель восьми рек,— промолвили они,— и Дракон дождя подвластен вам. Будет дождь или не будет — зависит только от вас. Как же смеет этот предсказатель болтать подобные глупости. Он наверняка проиграет!

Но в этот момент с неба вдруг раздался голос, который повелевал Царю драконов принять высочайший указ. Все как один подняли голову и увидели небесного посланца в золотых одеждах. Он прибыл во дворец с указом Нефритового императора. Встревоженный Царь драконов быстро привел себя в порядок, поспешил воскурить фимиам и лишь после этого принял указ. А посланец в золотой одежде вернулся на небо. Вознеся благодарность небу за оказанную ему милость, Царь драконов вскрыл конверт и прочитал указ. Там говорилось:

«Настоящим предлагается владыке восьми рек собрать гром и молнии, отправиться завтра в город Чанъань и послать на его землю ливень».

Далее следовали указания о том, когда должен начаться дождь и сколько времени он должен идти, которые в точности совпадали с тем, что говорил предсказатель. Царь драконов был ошеломлен.

— Возможно ли, чтобы среди простых смертных был такой чародей, который проникал бы в законы неба и земли? — медленно, с трудом произнес он, немного придя в себя.— Как же его победить?

— Успокойтесь, великий царь,— промолвил тут полководец-рыба.— Вы легко можете одержать над ним верх. У меня есть небольшой план, прибегнув к которому мы сразу же заставим замолчать этого мошенника.

И на вопрос Царя драконов о том, что это за план, полководец так отвечал:

— Надо только немного изменить время, когда пойдет дождь и количество осадков. Тогда предсказания гадальщика окажутся неправильными, и вы наверняка останетесь победителем. За вами сохранится полное право сорвать у него вывеску, а его самого выгнать из города.

Царю понравился этот план, и он немного успокоился.

На следующий день он призвал повелителей ветров и грома, молодых распорядителей облаками и мать молний, вместе с ними отправился в город Чанъань и расположился там на девятом небе. И вот, когда наступил час змеи, он опустил облака, в полдень выпустил гром, а с наступлением часа овцы вызвал дождь. Кончился дождь в час обезьяны, и выпало его всего три чи и сорок дяней. Таким образом он изменил время на одну стражу и уменьшил количество дождя на три цуня восемь дяней. После этого он распустил подвластных ему повелителей сил природы, опустился на облаке вниз и, приняв вид молодого ученого, отправился к дому предсказателя. Ворвавшись к нему, он без всяких разговоров

сорвал и разбил вдребезги вывеску, а также уничтожил кисти, тушницу и остальные принадлежности гадальщика.

Между тем гадальщик продолжал невозмутимо сидеть в своем кресле, не выражая даже удивления. Тогда Царь драконов схватил створку дверей, взмахнул ею и приготовился бить гадальщика.

— Ты, гнусный волшебник, ты только и можешь наносить вред простым людям и смущать их сердца! Твое предсказание оказалось выдумкой и нелепой болтовней! И время дождя и его количество не совпадают с тем, что ты предсказывал, а ты еще сидишь с гордым видом, как ни в чем не бывало! Немедленно убирайся отсюда, если хочешь остаться живым!

Однако Юань Шоу-чэн продолжал сидеть, не выражая никакого страха. Наоборот, устремив взор на небо, он холодно усмехнулся и ехидно сказал:

— А я ничуть тебя не боюсь! Я не совершал никакого преступления, которое следовало бы покарать смертью! А вот ты совершил такой проступок! Ты можешь обманывать кого угодно, но меня провести тебе не удастся! Мне известно, что ты вовсе не ученый, а Царь драконов из реки Цзинхэ. Ты нарушил приказ Нефритового императора: изменил время и уменьшил количество выпавшего дождя, установленного небом. Боюсь, как бы тебе не пришлось кончить свою жизнь на плахе для казни драконов. А ты, несмотря ни на что, осмеливаешься еще приходить сюда и браниться!

Когда Царь драконов услышал это, у него от страха даже волосы стали дыбом, створка дверей, которой он грозил ударить гадальщика, выпала из его рук. Он поправил на себе одежду и упал перед предсказателем на колени, восклицая:

— Дорогой учитель, не гневайтесь на меня! Я говорил все это в шутку! Да разве мог я подумать, что моя шутка будет воспринята как нарушение небесного приказа? Умоляю вас, простите меня. Если же вы не поможете мне, то я и после смерти не дам вам покоя!

— Сам я не в силах сделать что-либо для тебя,— отвечал на это Юань Шоу-чэн.— Но я могу указать тебе путь, который поможет тебе остаться в живых и снова переродиться.

— Я выполню все, что вы мне скажете! — с готовностью промолвил дракон.

— Тебя должны предать смерти завтра в полдень,— сказал тогда гадальщик. — Главным распорядителем во время казни назначен сановник Вэй-чжэн. Так вот, если хочешь спасти свою жизнь, немедленно отправляйся к императору Танов — Тайцзуну, у которого этот сановник состоит министром. Если император прикажет ему проявить милосердие, ты спасен.

Выслушав предсказателя, Царь драконов простился с ним и ушел, едва сдерживая слезы.

В это время огненно-красный диск солнца уже опустился за горизонт, и на небе засверкала луна.

Вы только взгляните:

В долинах расстилаются туманы,
А горы сделались пурпурно-алы.
В гостинице ночлега ищет путник,
И вороны домой летят устало.

И гусь дикий, молодой, отстав от стаи,
Здесь отдыхает на песке нагретом,
На небе Млечный Путь блеснул звездами,
И третью стражу отбивают где-то.

Вот огоньки мелькают одиноко
В далеком и заброшенном селенье.
Спят бабочки и улицы безлюдны,
И нет в домах ни шума, ни движенья.

В буддийском храме́ дым из труб выходит,
По ветру вьется смутной пеленою,
И тень цветов проходит по решетке,
Освещена спокойною луною.
Мерцают звезды; полночь над вселенной,—
Страж ночи происходит смена.

Царь драконов реки Цзинхэ не вернулся в свое водное царство. Он продолжал оставаться в воздухе до тех пор, пока не наступил час крысы. Тогда он привел свои волосы и бороду в порядок и очутился как раз перед императорским дворцом. А в это время императору приснилось, что он вышел из дворца погулять в тени цветущих деревьев и вдруг увидел Царя драконов, в образе человека, который выступил вперед и опустился перед ним на колени.

— Спасите меня, ваше величество! Помогите! — произнес он.

— Кто ты такой? — спросил Тай-цзун.— Я, конечно, помогу тебе.

— Ваше величество,— отвечал Царь драконов.— Вы — чистый дракон. Я же дракон, обреченный на смерть. Я нарушил указ неба и теперь должен быть казнен вашим сановником Вэй-чжэном. Вот почему я и обратился к вам. Умоляю вас, ваше величество, спасите меня.

— Если тебя должен казнить действительно Вэй-чжэн, то я помогу тебе, можешь не беспокоиться,— успокоил его император.

Поблагодарив императора и отвесив ему земной поклон, обрадованный Царь драконов удалился.

Между тем, когда император проснулся, он отчетливо вспомнил все, что ему приснилось. И вот утром в пятую стражу и три четверти наступил час приема во дворце: сюда собрались все сановники, как гражданские, так и военные, и выстроились перед императорским троном. Что за величественное это было зрелище!

Окутывал дворец, дымился фимиам,
Вздымался аромат к последним этажам,
Блестели во дворце краснеющие окна,
И плыли облаков прозрачные волокна.
Такой же при дворе хранился ритуал,
Какой при Хань и Чжоу уставом строгим стал;
Такие ж, как при Яо, остались отношенья —
Властителя страны, двора и населенья.
На двери в виде ширм написан был павлин
И украшал дворец поставленный цилинь;
Фонарь дежурного, придворной дамы веер,
Казалось, смутный свет вносили в галереи.
Когда владыки вход был громко возвещен,
В одеждах пышных двор отдал ему поклон.
Сады кругом цвели, даря благоуханье,
А музыка была полна очарованья,
И над плотиною склонялись ветви ив,
Движенье свое вплетая в тот мотив.
Все потонуло здесь в сиянии и блеске;
На золотых крючках висели занавески,
И шелка бирюза и скатный жемчуг штор,
Медали, ордена ошеломляли взор.
Дорога во дворце шла вверх, а то — в низину.
Сановники на ней стояли все по чину,
И, обвеваемый прохладой опахал,
Властитель той страны надменно проезжал.
Как небо и земля, империя стояла,—
Могуществом она и крепостью сияла.

Как только закончилась церемония приветствия, каждый сановник занял свое место. Император обвел величественным взором ряды своих сановников: перед ним выстроились знакомые ему именитые гражданские и военные чины, но среди них он не увидел Вэй-чжэна. Тогда он подозвал к себе сановника Сюй Ши-цзи и сказал ему:

— Сегодня ночью мне приснился необыкновенный сон. Будто я встретил одного человека, который, склонившись передо мной, сказал, что он Царь драконов реки Цзинхэ и что за нарушение воли неба должен быть казнен сановником Вэй-чжэном. Он умолял меня спасти ему жизнь, и я обещал ему помочь. И вот сегодня я почему-то не вижу Вэй-чжэна среди других сановников.

— Вэй-чжэна нужно вызвать во дворец,— сказал Сюй Ши-цзи,— и не отпускать целый день. Тогда дракон, которого вы видели во сне, будет спасен.

Император был очень доволен этим ответом, тотчас же приказал послать за Вэй-чжэном и вызвать его во дворец.

Между тем, когда Вэй-чжэн сидел ночью у себя дома и наблюдал за небесными явлениями, возжигая драгоценный фимиам, он вдруг услышал высоко в небе крик журавля. Это был посланец неба, прибывший к нему с указанием Нефритового императора. Этим указом ему предписывалось в полдень, во сне, казнить Царя драконов реки Цзинхэ. Сановник вознес благодарность небу за

оказанную ему честь, принял обет поста и совершил омовение. Затем он проверил свой меч и решил собраться с душевными силами, вот поэтому он и не явился на прием к императору. Однако, когда к нему прибыл посланный с указом явиться ко двору, он даже встревожился, опасаясь, что навлек на себя гнев императора. Не смея больше задерживаться, он поспешил надеть парадные одежды и вместе с посланцем отправился ко двору. Представ перед императором, он отвесил земной поклон и принес свои извинения.

— Великодушно прощаю вас и не считаю, что вы совершили преступление,— промолвил император Танов.

И так как сановники все еще были на местах, последовал указ о том, что прием закончен и сановники могут свернуть свои свитки и разойтись. Император повелел остаться одному только Вэй-чжэну. Затем он приказал Вэй-чжэну пройти с ним во внутренние покои. Там они поговорили сначала о государственных делах, о вопросах умиротворения и укрепления государства, а когда время стало приближаться к полудню, император приказал принести шашки.

— Я хочу сыграть с сановником партию в шашки,— заявил император.

Присутствовавшие фрейлины тотчас же принесли шашки и приготовили столы для игры. И вот между императором и сановником началась борьба, которая перешла в настоящий бой. О такой игре и говорится в книге «Ланькэцзин»: [1]

«В искусстве игры в шашки самым главным считается строгость и осторожность. Самым важным местом для развития действий считается центр доски, худшим — у ее бортов и средним ее углы. Это — общеизвестный закон для игроков в шашки. Закон этот гласит: лучше лишиться шашки, чем потерять инициативу. Когда бьешь влево — смотри направо, атакуя сзади — смотри вперед. Ибо случается, что, продвигаясь вперед, оказываешься позади, и, наоборот, отступая назад очутишься впереди. Когда два пункта твоих неуязвимы — не разрывай их. Если все пешки оказываются недоступными — не соединяй их. В ширину — позиция не должна быть слишком разреженной, а плотность ее не может быть слишком тесной. Не жалей шашек и не стремись к тому, чтобы все они были целы. Бывает так, что, пожертвовав ими, добиваются победы. Чем делать ход на безопасное или изолированное поле, лучше так укрепить позицию шашек, чтобы они могли поддерживать друг друга. Если противник силен, а твои силы незначительны, прежде всего обеспечь как следует безопасность своих шашек. Когда же ты достаточно силен, то смело разворачивай свою мощь. Не борись с тем, кто умеет побеждать; не вступай в бой с тем, кто искусен в построении позиций. Ты не сможешь поразить того, кто хорошо сражается, и не приведешь в смятение того, кто умеет переносить поражения. Ведь

[1] «Ланькэцзин» — «Книга о гнилом топорище».

игра в шашки начинается с правильной расстановки и кончается удивительной победой. Когда противнику ничто не угрожает, а он усиливает сам себя — это значит, что он имеет намерение вторгнуться и прорвать твой фронт. Когда кто-нибудь не обращает внимания на мелочи и жертвует ими,— это значит, что он замыслил что-то более крупное. Беспомощен в стратегии тот, кто ставит шашки на доске как попало. Тот кто отвечает на удар противника, не продумав своего хода,— обрекает себя на поражение».

Пусть это будет
Памяткой полезной:
Будь осторожным,
Словно ты над бездной.

А в стихах по этому поводу сказано:

Доска лежит,
Подобная земле.
Движенья шашек —
Звездные движенья,
Как мир, что создают
Инь и Ян,
Так совершенно их расположенье.
Отдельный ход
Едва приметен нам,
Вдруг вся игра
Пойдет ясней и чище,
Смеешься ты
И хвалишься потом,
Как отрок с Горы
Гнилого топорища.

Игра между императором и его министром продолжалась до полудня и вот, когда еще нельзя было говорить о том, кто победит, Вэй-чжэн вдруг склонил голову на край столика и тотчас же сильно захрапел.

— Сановник весьма утомлен делами благоустройства государства и нет ничего удивительного в том, что он задремал,— сказал улыбаясь император, и не стал будить Вэй-чжэна.

Через некоторое время Вэй-чжэн проснулся и, поняв, что задремал, бросился к ногам императора, восклицая:

— Я тысячу раз заслуживаю смерти! Но я почувствовал вдруг какую-то усталость и сам не понимаю, как все это произошло. Умоляю вас, ваше величество, простить мне мою непочтительность!

— Встаньте! Ничего непочтительного вы не сделали,— отвечал на это император,— и, убрав с доски остававшиеся на ней шашки, предложил сановнику начать новую партию.

Вэй-чжэн поблагодарил за оказанную ему милость, но в тот момент, когда они снова расставили шашки и хотели продолжать игру, на улице вдруг раздался шум и в комнату вбежали

полководцы Цинь Шу-бао и Сюй Мяо-гун, неся голову дракона, с которой капала кровь.

— Ваше величество! — воскликнули они.— Нам известно, что мелеют моря, что высыхают реки, но мы никогда не слышали о таких страшных вещах.

— Откуда вы это взяли?! — в один голос воскликнули император и Вэй-чжэн, вскочив со своих мест.

— Это упало из облаков, на перекрестке, в тысяче шагов от Южной галереи,— ответили в один голос Цинь Шу-бао и Сюй Мяо-гун,— и мы сочли необходимым тотчас же доложить вам об этом.

— Что все это может значить? — спросил взволнованный император, обращаясь к Вэй-чжэну.

— Это голова дракона, которого я только что казнил во сне,— склонившись перед императором, ответил Вэй-чжэн.

— Да как же вы могли казнить дракона, когда во время сна даже не шелохнулись и к тому же у вас не было при себе меча! — воскликнул изумленный император.

— Ваше величество,— отвечал Вэй-чжэн:

Несмотря на то, что тело
Оставалось в этом зале,
Был во сне в другом я мире,
Где меня вы не видали.

Хоть за столиком сидел я,
Это не было помехой,
Я в страну звезды Полярной,
Сев на облако, поехал.

Там дракон лежал на плахе,
Ожидая смертной казни.
Увидав меня, заплакал
От печали и боязни.

Я сказал ему: «Ты неба
Нарушал предначертанья,
И казнить тебя я должен,
Выполняя приказанье».

А дракон все плакал горько,
Взгляд его был полон страха:
Шаг вперед тогда я сделал,
Меч я поднял для размаха.

Наконец, собравшись с духом,
Я ударил непреклонно,—
Вниз на землю покатилась
Голова того дракона.

Выслушав это, император был очень опечален и вместе с тем доволен. Он радовался тому, что пока при дворе есть такой отважный и преданный герой, как сановник Вэй-чжэн, то нечего беспокоиться за безопасность страны. Опечалило же импе-

ратора то, что во сне он обещал спасти дракона, но так и не смог выполнить своего обещания. Наконец, придя в себя, император приказал вывесить голову дракона на базарной площади и оповестить об этом жителей города Чанъаня, а Вэй-чжэна вознаградил, после чего отпустил своих сановников.

Весь вечер император не мог освободиться от печали. Он все время вспоминал о том, как Царь драконов со слезами на глазах умолял его спасти ему жизнь, и вот получилось так, что он оказался не в состоянии предотвратить этого бедствия. Император так сильно переживал это событие, что в конце концов почувствовал себя совершенно больным.

В эту ночь, во вторую стражу, император вдруг услышал плач у ворот дворца, и это еще сильнее встревожило его. Позднее, когда он только задремал, он увидел перед собой Царя драконов реки Цзинхэ, который, держа в руках окровавленную голову, взывал к нему:

— Император Танов Тай-цзун! Верни мне мою жизнь! Спаси меня! Вчера ночью ты говорил, что поможешь мне, почему же, когда наступил срок казни, ты послал своего сановника обезглавить меня? Пойдем сейчас же к Владыке ада Янь-вану; ты повинен в нарушении обещания.— Говоря это, он все время хватал императора за полы одежды.

Император пытался закричать, но звуки застревали у него в горле. Ему как будто зажали рот, и он не мог произнести ни слова. Он сопротивлялся изо всех сил, тело его покрылось потом. И вот, когда последняя надежда была, казалось, потеряна, в южной стороне вдруг начали клубиться благовонные облака, и в цветах радуги появился образ Бессмертной женщины. Она приблизилась с ивовой веткой в руках, взмахнула ею, и дракон без головы с горькими стенаниями удалился на северо-запад.

И кто бы, вы думали, это был? Это была сама бодисатва Гуаньинь, которая по указанию Будды прибыла в Китай для того, чтобы найти паломника за священными книгами. Находясь в храме местного бога города Чанъань, она услышала ночью стенания и явилась, чтобы прогнать дракона и спасти императора. И дракон, сетуя на несправедливость, удалился в царство мрака.

Между тем император наконец очнулся и закричал:

— Привидение! Привидение!

Своим криком он так всех напугал, что императрица, придворные дамы, дежурный придворный евнух, а также остальные обитатели дворца трепетали от страха и всю ночь не могли сомкнуть глаз. Когда наступила пятая стража и три четверти, все гражданские и военные чины собрались у ворот дворца и стояли в ожидании утренней аудиенции. Однако стало уже светать, а аудиенция не начиналась. Все стояли растерянные и напуганные, не зная, что делать. Наконец, когда солнце было уже совсем высоко, вышел посланец и объявил, что так как императору нездоровится, утренний прием отменяется. Прошло несколько

дней. Придворные сановники каждый день толпились у ворот дворца, желая узнать о здоровье императора. Затем стало известно, что по приказу императора во дворец вызвали лекаря, и императору было прописано лекарство. У дворца собралась толпа народа, всем хотелось узнать последние новости, и, когда из дворца вышел лекарь, народ тесным кольцом обступил его, наперебой спрашивая о здоровье императора.

— У его величества неровный пульс,— ответил лекарь,— то слабый, то учащенный. Он, как безумный, говорит с привидением. После каждых десяти ударов пульс останавливается. В его внутренних органах уже нет жизненной энергии. Я опасаюсь, что в течение семи дней наступит конец.

Эти слова привели всех в неописуемый ужас, все стояли подавленные. Вдруг стало известно, что император вызывает к себе трех высших сановников: Сюй Мао-гуна, Ху Го-гуна и Юй Чи-гуна. Сановники поспешили во дворец и, приблизившись к ложу императора, отдали ему соответствующие почести. Обращаясь к ним, император твердым и спокойным голосом сказал:

— Мои мудрые сановники! С девятнадцати лет я водил свои войска в походы по всем направлениям и участвовал в многочисленных и жестоких боях. И за все это время я никогда не подвергался злому наваждению духов. А вот теперь мне стали являться привидения!

— За время наших завоеваний,— сказал на это Юй Чи-гун,— вы, ваше величество, погубили немало жизней, почему же именно теперь вы стали бояться привидений?

— Вы не верите мне,— продолжал император.— Но как только наступает ночь, вокруг моей спальни начинают летать кирпичи и черепицы, а духи так пронзительно визжат, что нет сил выносить это. Днем, может быть, не было бы так страшно, но ночью это просто невыносимо.

— Можете быть спокойны, ваше величество,— промолвил тогда сановник Цинь Шу-бао.— Сегодня ночью мы с сановником Ху Цзин-дэ будем охранять ворота дворца и увидим, какой дух беспокоит вас.

Император согласился, а сановники, раскланявшись, удалились. С наступлением ночи два полководца в полном боевом вооружении, с топорами и алебардами в руках, стали на караул у ворот императорского дворца.

Золотые шлемы
С блеском отраженным,
Панцири как панцирь
Золотой дракона.

Для защиты сердца
Служит щит могучий,
На железной глади
Отразились тучи.

Поясом узорным
Панцирь стянут ловко;
Крепкие застежки —
Львиные головки.

Полководец справа —
С фениксовым взглядом.
Небо отвечало
Взгляду звездопадом.

А глаза другого —
С лунною игрою...
Так у врат стояли
Славные герои.

Всю ночь доблестные полководцы стояли у ворот дворца, но так и не увидели никакого привидения. Император же спокойно спал эту ночь, а на утро вызвал полководцев к себе и щедро наградил их.

— Когда у меня началась болезнь,— сказал он им,— несколько дней я был лишен покоя и сна. Сегодня же благодаря вашей могущественной охране я чувствовал себя совершенно спокойно. Идите, отдыхайте, а с наступлением ночи снова встаньте на стражу.

Поблагодарив императора, военачальники удалились. Они несли охрану еще три ночи, и все было спокойно. Тем не менее у императора совсем пропал аппетит, и здоровье его все ухудшалось. Не желая больше утруждать своих военачальников, император вызвал их, а также Ду Ю-фая и Фань Сюань-лина, к себе и сказал им:

— Последние дни я чувствую себя лучше, однако мне неудобно больше утруждать военачальников Цинь Шу-бао и Ху Цзин-дэ, заставляя их по ночам охранять ворота. Найдите искусных художников, пусть они сделают точные изображения полководцев и прикрепят их к воротам дворца. Это избавит их от излишнего труда. Что вы скажете об этом?

Воля императора была выполнена: два художника нарисовали точные копии полководцев, причем изобразили их в том облачении, в котором они несли стражу в предыдущие ночи. Эти изображения прикрепили к воротам дворца, и ночь прошла без всяких происшествий.

Однако через несколько дней грохот и шум по ночам стали раздаваться у задних ворот дворца, и снова в воздухе летали кирпичи и черепицы. На утро император вызвал к себе сановников и сказал:

— На наше счастье, вот уже несколько ночей у передних ворот дворца все спокойно. Но, к сожалению, сегодня ночью шум и беспорядки произошли у задних ворот. И это вселяет в сердце тревогу.

Тут вперед выступил сановник Сюй Мао-гун.

— Когда было неспокойно у передних ворот,— молвил он,— на охрану их стали полководцы Ху Цзин-дэ и Цинь Шу-бао. Пусть же сейчас охрану у задних ворот возьмет на себя Вэй-чжэн.

Император согласился и приказал Вэй-чжэну нести в эту ночь охрану задних ворот. Выполняя волю императора, Вэй-чжэн в полном боевом снаряжении с мечом, которым он казнил дракона, стал на стражу у задних ворот дворца. Вид у него был поистине воинственный и геройский:

Была в повязке черной
Голова,
И ветер забирался
В рукава;
Из шелка был
Халат широкий сшит,
И пояса
Поблескивал нефрит.
Чернели туфли
На его ногах,
Держал он грозно
Острый меч в руках.
Вэй-чжэн со всею зоркостью
Глядел,
Злой дух к нему приблизиться
Не смел.
Так напрягал и зренье он
И слух,
Что никакой не смел явиться
Дух.
Уж ночь прошла, и наступил
Рассвет;
Явлений духов не было
И нет.

Однако императору становилось все хуже. И вот как-то раз по повелению императрицы был созван совет сановников. Они должны были обсудить вопрос об устройстве императорских похорон. Сам император вызвал к себе сановника Сюй Мао-гуна и объявил ему свою волю точно так, как в свое время Лю Бэй[1]. После этого императора обмыли, облачили в чистые одежды, и он лежал, ожидая своей кончины.

Но тут выступил вперед сановник Вэй-чжэн. Приблизившись к императору, он коснулся края его одежды и произнес:

— Не тревожьтесь, ваше величество, я знаю, как продлить вашу жизнь на долгие годы.

— О чем ты говоришь,— промолвил император,— ведь я чувствую, что болезнь проникла в костный мозг и ощущаю дыхание смерти. Как же можно спасти меня?

— У меня есть письмо, которое вы возьмете с собой в царство мрака и передадите там судье Цуй Цзюе.

[1] Лю Бэй — полководец и государственный деятель. Герой средневекового романа Ло Гуань-чжуна «Троецарствие».

— А кто такой Цуй Цзюе? — спросил император.

— Он был сановником при дворе основателя нашей династии — отвечал Вэй-чжэн.— Вначале он служил начальником области Цзы-чжоу, а затем возвысился до поста распорядителя церемоний. Мы были с ним в самых близких и дружественных отношениях. Когда он умер, в царстве мрака ему поручили ведать книгами суда смерти. Я часто вижу его во сне. И вот, если, отправляясь туда, вы возьмете мое письмо, и передадите ему, он из уважения ко мне освободит вас и поможет вернуться обратно. Он сделает так, что ваша душа возвратится в этот мир, вы снова будете в столице и вернетесь на императорский трон.

Выслушав это, Тай-цзун взял письмо и положил его в рукав. После этого он умер. Императрица, наложницы, а также все придворные чины, военные и гражданские, оплакивали императора с примерным благочестием. Тело его перенесли в Зал белого тигра и говорить об этом мы больше не будем. О том же, вернулась ли душа в тело императора, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как вернулась душа к императору Тай-цзуну, побывавшему в Преисподней, а также о том, как Лю Цюань принес плоды в царство мрака и встретился там со своей женой

Стихи гласят:

Уплывают столетья рекою...
Плоды твоих долгих деяний

Так же, как пузыри на воде,
Не оставят следа,

Щеки были вчера еще
Цвета персика даже румяней,

А сегодня как снег
Голова твоя стала седа.

Лишь во сне тебе грезилась
Радость побед боевая,

Добродетель твоя
К светлой истине путь озарит.

Кто добро совершает —
Тот жизни другим продлевает.

Небо знает о нем
И достойно его наградит [1].

Однако вернемся к императору Тай-цзуну. Душа его очутилась у Башни пяти фениксов, окутанной пеленой тумана. Неожиданно император увидел своего охранника, который держал под уздцы его боевого коня и приглашал императора отправиться на охоту. Тай-цзун охотно согласился и, как тень, легко и быстро

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

направился к нему. Он прошел довольно большое расстояние, когда вдруг обнаружил, что и охранник и конь исчезли, а он совершенно один идет по какой-то дикой и глухой местности. Растерявшись, он стал искать хоть какую-нибудь тропинку, но в это время услышал чей-то голос:

— О великий император, прошу вас, пожалуйте сюда!

Император поднял голову и увидел человека, который звал его:

Шапка его из шелка,
Шелк — золотисто-черный,

У пояса рог носорога
Умелой рукой золоченый.

Ленты нежны, прозрачны,
Их ветерок колышет,

Узор причудливых линий
На ярком поясе вышит...

Шелков переливы прекрасны —
Блестит ослепительный бисер...

Волшебные белые туфли
Несут в безграничные выси.

Он знает дорогу в вечность,
Откуда уж нет возврата,

Он стар — и недаром щеки
Заросли бородой косматой.

Прежде он был вельможей
Во дворе императора Танов,

А теперь он — чиновник Ада —
Всесильный слуга Янь-вана [1].

Тай-цзун подошел поближе. Незнакомец стоял на коленях у обочины дороги и почтительно кланялся ему.

— Простите меня, ваше величество, что я не мог встретить вас раньше.

— Кто вы? И почему вышли встречать меня? — спросил его император.

— Полмесяца назад,— отвечал тот,— в зале Владыки ада я встретил духа Царя драконов реки Цзинхэ. Он приходил с жалобой на то, что вы, ваше величество, обещали спасти ему жизнь, а его все-таки обезглавили. И вот старший судья смерти Цинь Гуан послал демонов, чтобы привести вас на суд. Узнав об этом, я и пришел сюда встретить вас. И вот уж не думал, что опоздаю. Умоляю вас быть великодушным и простить меня.

— Но позвольте узнать, как вас зовут и какую должность вы занимаете? — снова спросил император.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

— Имя мое — Цуй Цзюе,— отвечал тот.— При жизни я служил покойному императору. Вначале был начальником округа, затем — распорядителем церемоний. Здесь же, в царстве смерти, меня назначили судьей личного приказа.

Услышав это, император остался очень доволен, поспешил к Цуй Цзюе и помог ему встать.

— Весьма признателен за внимание,— промолвил император.— Очень хорошо, что мы встретились. У меня есть к вам письмо от моего сановника Вэй-чжэна.— С этими словами он вынул из рукава письмо и протянул его Цуй Цзюе.

Цуй Цзюе почтительно принял послание и, распечатав его, прочитал следующее:

«Ваш недостойный младший брат Вэй-чжэн, почтительно склонив голову, приветствует вас, высокочтимый брат Цуй. Вспоминая наши прежние встречи, я как бы снова слышу ваш голос и вижу вас перед собой. Но уже много лет я не получаю ваших высоких наставлений. В установленные сроки я приношу вам жертвы, но не знаю, доходят ли они до вас. Однако вы были очень любезны, известив меня о вашем высоком назначении. О, почему царство света так далеко от царства тьмы, и мы лишены возможности встречаться с вами! И вот сейчас, когда внезапно скончался наш император Тай-цзун, я подумал, что он обязательно встретится с вами на суде смерти. Поэтому и решил обратиться к вам с глубокой мольбой, в память о нашей дружбе, когда вы были еще в этом мире, сделать все возможное и вернуть нам нашего владыку! Разрешите еще раз поблагодарить вас и на этом закончить свое послание».

Прочитав письмо, судья пришел в неописуемый восторг и воскликнул:

— О том, что Вэй-чжэн несколько дней тому назад обезглавил во сне почтенного дракона, я уже знаю и считаю, что поступил он замечательно! Мне известно также, что он всегда был добр и справедлив к моим потомкам. Не сомневайтесь, ваше величество, я сделаю все, чтобы вы вернулись в мир света и снова заняли свой трон!

Тай-цзун выразил Цуй Цзюе свою глубокую благодарность. В это время появились два отрока в черных одеяниях с огромными императорскими зонтами в руках:

— Князь смерти Янь-ван просит вас пожаловать к нему,— громко провозгласили они.

Император последовал за судьей и отроками. Вскоре они остановились у ворот с огромными золотыми иероглифами: «Вход в царство мрака». Отроки несколько раз взмахнули зонтами, ввели Тай-цзуна в город и вместе с ним пошли по улице. Здесь император увидел своих предшественников: Ли Юаня, своего старшего брата Ли Цзянь-чэна и младшего брата Ли Юань-цзи. Все они бросились к нему с криком:

— Смотрите, Ши-минь[1] пришел! Ши-минь здесь!

Братья стали хватать его за полы одежды, умоляя спасти их. Тай-цзун попытался было проскользнуть мимо, но не успел — они остановили его. К счастью, Цуй Цзюе велел клыкастому демону с черным лицом прогнать их, и лишь тогда Тай-цзун продолжал свой путь. Пройдя всего несколько ли, они очутились у высокой башни, сделанной из бирюзового кирпича. Что за великолепная это была постройка!

Летят облака,
Как букеты прекрасных цветов.

Подкрался туман —
Стал багровым большой небосвод.

Зверей изваянья
Красивы на стенах дворцов,

И птиц на карнизах
В полете застыл хоровод...

Гвоздями из золота
Дверь и стена скреплены,

Порог из нефрита
У двери похож на ковер.

Туман и туман,
И под утро кончаются сны,

И молнии луч
Промелькнул меж трепещущих штор...

Огромные башни
В небесные выси глядят,

Беседки, кумирни
Прелестны при свете зари,

Придворных одежда —
Сколь тонок ее аромат!

Парча и шелка —
Все на утреннем солнце горят!

А слева — похож на быка —
Полководец святой

И справа святой,
Что конем благородным слывет.

Усопшим даруют они
Безмятежный покой,—

[1] Ши-минь, Ли Ши-минь — имя Тай-цзуна.

Взмахнут белой лентой —
И в рай открывается вход...

Так им повелел
Тот, кто знает всех жизней исход! [1]

Тай-цзун внимательно осмотрелся и заметил, что башня украшена гирляндами, унизанными колокольчиками. Вокруг распространялся чудесный аромат. В этот момент из-за башни показалось несколько факельщиков, за которыми следовали десять судей смерти: Цинь Гуан-ван[2], Чу Цзян-ван, Сун Ди-ван, У Гуань-ван, Янь Ло-ван, Пин Дэн-ван, Тай Шань-ван, Ду Ши-ван, Ця Чэн-ван и Чжуань Лунь-ван. Они вышли из дворца Князя смерти навстречу и, склонившись, приветствовали императора. Эти почести так смутили Тай-цзуна, что он остановился в нерешительности.

— Вы, ваше величество,— промолвили судьи,— владыка на земле, мы же — Демоны — властители царства мрака. Наш долг — оказать вам почести, и вам не следует проявлять излишнюю скромность.

— Я предстал перед вами за совершенное мной преступление,— отвечал Тай-цзун.— Так разве осмелюсь я даже напомнить о своих правах! — Лишь после долгих уговоров он согласился пройти первым.

Во дворце Князя смерти после совершения полагающихся церемоний все расселись, заняв соответственно места хозяев и гостя. После непродолжительного молчания старший судья смерти Цинь Гуан-ван, почтительно сложив руки, обратился к императору:

— Дракон — властитель реки Цзинхэ подал жалобу на ваше величество. Он обвиняет вас в том, что вы обещали спасти ему жизнь, а его все же казнили. Что вы можете сказать по этому поводу, ваше величество?

— Я видел дракона во сне,— отвечал Тай-цзун.— Он умолял спасти его, и я действительно обещал ему помочь. Но разве мог я подумать, что он совершил тяжкое преступление, за которое должен непременно быть казнен? И так как обезглавить его было поручено моему сановнику Вэй-чжэну, то, желая спасти дракона, я пригласил Вэй-чжэна во дворец поиграть со мной в шашки. Но мне и в голову не приходило, что Вэй-чжэн заснет, и именно в этот момент казнит дракона. Мой сановник совершил казнь во сне, это поистине странно, однако дракона за его преступление следовало обезглавить. Поэтому я не могу понять, в чем состоит моя вина.

Выслушав императора, старший судья с почтительным поклоном отвечал ему:

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.
[2] Ван — князь.

— Еще до появления этого дракона на свет в Книге смерти Южной Полярной звезды было записано, что дракон будет обезглавлен человеком. Но, поскольку он подал жалобу, мы вынуждены были вызвать вас сюда и разобрать это дело. Теперь мы предадим этого дракона Колесу перевоплощения, и он перейдет в новый вид существования. А сейчас, пользуясь тем, что вы, ваше величество, спустились в наш мир, мы умоляем вас простить нас за те неприятности, которые мы вам невольно причинили.

После этого судьи приказали чиновнику Цуй Цзюе, ведающему делами жизни и смерти, принести книги, чтобы посмотреть, сколько времени еще суждено жить императору. Цуй Цзюе поспешил туда, где хранились книги, и разыскал те, в которых значились имена всех императоров Поднебесной. Найдя в списке императоров Южного материка имя Тай-цзуна, он увидел, что императору предназначено умереть в тринадцатый год правления Чжэнь-гуань.

Цуй Цзюе был так напуган этим, что, схватив кисть, густо обмакнул ее в тушь и к первой единице прибавил еще две черточки[1]. Лишь после этого он представил книгу судьям. Старший судья, увидев, что Тай-цзуну предназначено умереть в тридцать третий год правления Чжэнь-гуань, с изумлением спросил:

— Сколько времени вы пробыли на троне, ваше величество?

— Ровно тринадцать лет,— отвечал император.

— Ну, тогда вам не о чем беспокоиться,— промолвил Князь смерти Янь-ван.— Вы проживете еще двадцать лет. Здесь мы уже все выяснили по вашему делу, и теперь вы спокойно можете возвращаться в мир света.

Тай-цзун низко поклонился, поблагодарив за оказанную ему милость. Затем Князь смерти Янь-ван велел судье Цуй Цзюе и командиру Чжу Тай-юю сопровождать императора и вернуть ему душу.

Выходя из дворца Князя смерти, Тай-цзун обернулся и спросил Янь-вана:

— А все ли в порядке с членами моей семьи и не угрожает ли кому-нибудь из них опасность?

— Все они в полной безопасности,— отвечал Янь-ван.— Вот только вашей младшей сестре как будто осталось немного жить.

Тай-цзун еще раз поклонился и с благодарностью сказал:

— Вернувшись в мир света, я хотел бы послать вам какой-нибудь подарок. Скажите, любите ли вы плоды и фрукты?

— Мы всегда получали много дынь и фруктов и с востока и с запада, а вот с юга у нас еще не было,— обрадовавшись, сказал Янь-ван.

---

[1] Китайские цифры пишутся так: единица — одна горизонтальная черточка, тройка — три черточки.

— Что же, как только я вернусь, я вам тотчас же пришлю этих дынь,— пообещал император.

После этого он распрощался с Князем смерти и последовал за Чжу, который шел впереди со знаменем духа-праведника. За ним, охраняя императора, следовал судья Цуй Цзюе. Так они вышли из дворца смерти.

Неожиданно Тай-цзун заметил, что они идут не по той дороге, по которой он пришел сюда.

— А не сбились ли мы с пути? — спросил он судью Цуй Цзюе.

— Нет, не сбились,— отвечал тот.— В этом месте царства мрака есть только выход, войти же здесь невозможно. Сейчас, когда мы снова провожаем вас в царство света, и вы проходите через Колесо превращений для перерождения, мы хотим показать вам царство тьмы и, кроме того, вернуть вас к жизни через перевоплощение.

Тай-цзун послушно следовал за ними. Пройдя несколько ли, они очутились у высокой горы. Темные тучи нависали сверху. Густой черный туман заволакивал воздушное пространство.

— Почтенный господин Цуй Цзюе, что это там за горы? — поинтересовался Тай-цзун.

— Это Гора теней в царстве мрака,— отвечал тот.

— Как же я взберусь на нее? — испугался император.

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, мы проведем вас туда,— успокоил императора Цуй Цзюе.

Дрожа всем телом, владыка Поднебесной в сопровождении своих спутников взбирался по отвесным скалам. И, когда он поднимал голову, перед ним открывалась величественная картина.

Охраняемый своими спутниками, Тай-зцун наконец благополучно миновал Гору теней. Они прошли еще много страшных мест, откуда доносились душераздирающие стоны. Стоны были столь ужасны, что сердце сжималось от страха.

— Что же это за место? — спросил император.

— Мы находимся за Горой смерти в восемнадцатом аду,— отвечал Цуй Цзюе.

— Что это за восемнадцатый ад? — продолжал расспрашивать император.

— А вот послушайте, я расскажу вам.— И Цуй Цзюе начал читать:

Тянули жилы, мучили в темницах,
Держали в ямах, где бушует пламя.

Тянулось время медленно и скучно —
В душевной пустоте, большой печали.

Кто совершал грехи большие в жизни,
Кто был запятнан черными делами,

За прошлое, за тяжкие проступки
Заслуженную кару получали...

Их устрашали, за язык тянули...
Как мясники, сдирали клочья кожи

С тех, кто презрел небесные законы,
С тех, кто разил людей змеиным жалом,

Их, грешников — на муки обреченных —
Избавить от суда никто не может:

В муку смололи, в ступе раскрошили,
И чтобы мучить, снова воскрешали...

И рвали на куски тела несчастных,
Безжалостно калечили их лица,

Вытягивали прочь кишки из чрева,
Мороз на них свирепый напускали,

Варили в масле, в темноте томили,
В крови повелевали им топиться...

На дыбе истязали долгой пыткой,
Дробили кости, жилы подрезали...

На долгие столетья каждый грешник
В темницы ада для расправы брошен,

Бежать нельзя — напрасны все попытки:
Веревками тугими грешник связан,

Для тех, кто прежде убивал и мучил,
Исход перерождений невозможен,

Кто лицемерит, кто наживы жаждет —
Тот будет за грехи свои наказан! [1]

Стихи эти повергли Тай-цзуна в страх и трепет. Пройдя еще немного, они увидели толпу духов-посланцев. Выстроившись в ряд по обеим сторонам дороги со знаменами и зонтами в руках, они, почтительно склонившись, доложили:

— Нас послал навстречу вам управитель мостами.

Цуй Цзюе приказал им идти вперед, а за ними по золотому мосту последовал Тай-цзун. Пройдя золотой мост, Тай-цзун увидел впереди еще один, сделанный из серебра. По этому мосту навстречу им тоже со знаменами и зонтами двигалось множество душ. Это были души праведников. За серебряным мостом возвышался еще один, под которым завывал ледяной ветер и бушевали кровавые волны. Здесь не умолкали вопли и стенания.

— А чем знаменит этот мост? — спросил Тай-цзун.

— Это Мост страданий,— отвечал Цуй Цзюе.— Когда вы, ваше величество, вернетесь в царство света, постарайтесь непременно рассказать о нем.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

В реке
Водовороты и пороги,

И грешники
Висят над крутизной,

Узка над бездной
Полоса дороги,

Людей пронзает
Ветер ледяной.

Внизу клокочет
Огненная лава,

Вскипает где-то
Яростный поток,

О нет, здесь невозможна
Переправа!

...С косматой головою,
Босоног,

Спасенья ищет грешник —
Бесполезно!

Ведь мост высок —
Немало сотен чи,

Нет поручней —
Летит несчастный в бездну,

И там его хватают
Палачи...

Невестки,
Не послушные свекрови,

Развратницы —
Без чести и стыда —

Для вас теперь
Бушуют волны крови,

От кары
Не уйти вам никуда!

Наги вы —
Платья брошены на сучья,

Здесь злобных духов
Вечен грозный вой,

Здесь псы и змеи
Будут падших мучить,

Здесь — демон зла
С коровьей головой...[1]

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

В это время вернулись духи-посланцы с Моста страданий. Тай-цзун был в таком ужасе от всего услышанного, что только покачивал головой да тяжело вздыхал, следуя за своими провожатыми, с которыми он только что перешел зловещий Мост страданий и вышел из пределов ада крови. Затем они подошли к Городу смерти. Оттуда доносились крики и шум. Среди этого шума можно было ясно различить возгласы:

— Ли Ши-минь пришел! Ли Ши-минь пришел!

Тай-цзуна охватило смятение. В этот же момент на него ринулась толпа жалких духов с изуродованными телами. Некоторые из них были с ногами, но без головы. Все они кричали:

— Верни нам жизнь! Верни нам жизнь!

Император до того растерялся, что не знал, куда деваться, и воскликнул:

— Господин Цуй Цзюе, спасите меня! Помогите! — Они вышли на ровную дорогу и пошли вперед. Шли они довольно долго и наконец очутились у Моста шести превращений. Здесь они увидели следующего на облаках служителя, выполняющего различные приказания, на котором был накинут плащ, сотканный из зари, а к поясу у него была подвязана золотая рыба — знак его полномочий. Тут же было множество буддийских и даосских монахов, всякого рода зверей и птиц, а также разных духов и демонов. Все они стремительно мчались по дорогам превращений, следуя каждый по предназначенному ему пути.

— Что все это значит? — изумленно спросил император.

— Следите как можно внимательнее и хорошенько запоминайте, ваше величество, все, что вы здесь увидите и услышите, для того чтобы рассказать об этом людям в царстве света. Место это называется «Мостом шести превращений». Тот, кто совершает добро, превращается здесь в бессмертного праведника; кто доказал свою безграничную преданность, перерождается в более благородное существо, существо высшего порядка; проявивший почтительность старшим, возрождается к счастливой жизни; придерживающийся справедливости может снова стать человеком; тот, кто был добродетельным, возрождается к богатой жизни и, наконец, творившие зло, превращаются в демонов.

Выслушав это, император Танов лишь покачал головой и, вздохнув промолвил:

О небосвод — высокий, благодатный!
Творя добро — спасемся от несчастий!
Добра желая, будешь добр всегда ты,
Ведь дверь к добру всегда раскрыта настежь!

Не дозволяй, чтоб сердце зло искало,
И хитростью не оградишь себя ты,
Ведь Небо всем удел предначертало
Творящий зло не избежит расплаты! [1]

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Ваше величество,— промолвил судья,— это духи бунтовщиков из шестидесяти четырех мест и приспешников всяких разбойничьих главарей из семидесяти двух мест. Все они напрасно подвергаются наказанию за свою невинную гибель, и здесь никто не желает принимать их или ведать ими. Вот поэтому они и не могут вернуться к жизни. Кроме того, у них нет средств на пропитание, и все они страдают от голода. Дайте им немного денег, ваше величество, и они сразу же оставят вас в покое.

— Но у меня ничего нет при себе,— отвечал Тай-цзун,— где же я возьму деньги?

— В царстве света, ваше величество, живет один человек, который посылает в царство мрака большие суммы золотом и серебром. Вы можете занять у него под мое поручительство и раздать эти деньги бесприютным духам. Тогда они отстанут от вас, и вы сможете свободно пройти.

— Кто же этот человек? — спросил император.

— Зовут его Сян Лян. Живет он в провинции Хэнань в городе Кайфын. Здесь есть тринадцать кладовых с золотом и серебром, которые принадлежат ему. Возьмите из этих кладовых, а когда вернетесь в царство света, отдадите ему.

Тай-цзун очень обрадовался и подписал долговое обязательство на бочонок серебра, который ему дал Цуй Цзюе. Затем он попросил сопровождавшего его командира Чжу-Тай-юя распределить деньги между духами.

— Только по-честному делите! — крикнул Цуй Цзюе.— А теперь дайте дорогу его величеству, императору великих Танов. Ему еще суждено долго жить. По приказанию судей смерти я должен вернуть ему душу и научить, как вернуться в царство света. А вы, если снова вернетесь к жизни, не творите больше безобразий!

Выслушав это наставление, духи взяли деньги и, поклонившись, удалились. Цуй Цзюе приказал командиру несколько раз взмахнуть флагом и вывел Тай-цзуна из Города смерти.

Цуй Цзюе проводил императора Танов до ворот, открывающих путь к благородству и, поклонившись ему, сказал:

— Здесь, ваше величество, уже выход, и я должен возвращаться. Оставляю вас на попечение командира Чжу, который проводит вас дальше.

— Разрешите поблагодарить вас,— промолвил император,— извините, что доставил вам столько хлопот.

— Когда вы, ваше величество, вернетесь в царство света,— продолжал Цуй Цзюе,— не забудьте совершить моление о душах, не имеющих пристанища. Если в царстве мрака никто не будет жаловаться на несправедливость, то и в царстве света все будут наслаждаться миром и спокойствием, и любой проступок легко будет исправить. Велите всем совершать добро, и род ваш продлится на долгие годы, а владения будут вечны и нерушимы.

Император обещал все это выполнить, распрощался с Цуй Цзюе и последовал за командиром Чжу Тай-юем. В воротах стоял оседланный гнедой конь с черным хвостом. Чжу пригласил императора сесть на коня и помог ему взобраться. Конь стрелой понесся вперед и вскоре примчал императора к берегу реки Вэйхэ, которая протекала к югу от его столицы. Здесь император увидел двух золотых карпов, которые резвились и прыгали, то и дело появляясь на поверхности воды. Императору очень понравилась эта игра, и, осадив коня, он залюбовался рыбами.

— Надо спешить, ваше величество,— сказал Чжу,— вам следует пораньше прибыть в город.

Однако император так увлекся, что у него пропала охота ехать дальше.

— Почему вы медлите?! Чего ждете?! — закричал Чжу и с силой столкнул ногой коня в реку. В этот момент император перешел из царства мрака в царство света.

Между тем вся семья императора, императорские сановники Сюй Мао-гун, Цинь Шу-бао и другие дворцовые служащие собрались в восточной части дворца, в Зале белого тигра, для совершения обряда погребения и оплакивали покойного императора. Было решено на этом же богослужении испросить волю неба и возвести на престол наследника.

— Я попрошу вас, господа, повременить немного,— обратился ко всем сановник Вэй-чжэн.— Этого сейчас никак нельзя делать. Если мы потревожим народ, могут произойти всякие неожиданности. Подождем еще день, и ручаюсь вам, что к нашему повелителю вернется душа.

Тут выступил вперед сановник Сюй Цзин-цзун.

— Что за вздор вы мелете, сановник Вэй-чжэн,— возмутился он.— Недаром еще в древности говорили: «Пролитую воду не собрать, умершего не оживить». Зря вы болтаете, лишь смущаете людей.

— Не стану обманывать вас, почтенный Сюй Цзин-цзун,— отвечал ему Вэй-чжэн.— Но я еще с малых лет овладел искусством бессмертия и совершенно точно знаю,что император не умер.

В этот момент из гроба послышались громкие крики:

— Он утопил меня, утопил!

Присутствующие гражданские и военные сановники, жена императора и его родственники, услышав эти крики, были перепуганы насмерть.

Всех, кто был в Зале белого тигра, словно ветром смело, никто не осмелился приблизиться к гробу. Лишь честнейший Сюй Мао-гун, справедливый Вэй-чжэн, доблестный Цинь Цзюн и бесстрашный Ху Цзин-дэ подошли к гробу и, склонившись, промолвили:

— Если вы испытываете какие-нибудь неудобства, ваше величество, скажите нам об этом. Только, пожалуйста, не шумите зря, ведь вы перепугали всю вашу семью.

— О каком шуме может быть речь,— вмешался тут сановник Вэй-чжэн,— император возвращается к жизни. Принесите поскорее инструменты!

Когда гроб был вскрыт, все увидели императора, который сидел там и продолжал кричать:

— Он утопил меня! Спасите!

— Успокойтесь, ваше величество,— промолвил Сюй Мао-гун, поддерживая императора.— Вы возвращаетесь к жизни, и мы, ваши сановники, всегда готовы охранять вас.

— Мне только что угрожала смертельная опасность,— открыв, наконец, глаза, произнес император.— С огромным трудом я вырвался от духов в царстве мрака, а затем чуть было не утонул в реке.

— Не волнуйтесь, ваше величество,— успокаивали владыку сановники,— и скажите нам, где вы могли утонуть?

— Я ехал верхом,— промолвил император,— и на берегу реки Вэйхэ залюбовался резвящимися в воде рыбами. В этот момент сопровождавший меня командир Чжу задумал недоброе, столкнул меня вместе с конем в воду, и я чуть было не утонул.

— Вы, ваше величество, еще находитесь во власти нечистой силы,— сказал Вэй-чжэн.

Тут был немедленно вызван придворный врач, который приготовил микстуру и кашицу. Император в несколько приемов принял лекарство и лишь после этого пришел в себя и стал узнавать окружающих. С момента смерти императора и до возвращения его на трон прошло всего трое суток. Об этом удивительном происшествии сложили стихи:

С древних времен наши горы и реки
Облик меняли не раз,

Пало немало великих династий —
Новые власть обрели,

Чжоу и Цинн, Ханн и Цзини
Знали о многом до нас,

Только о том, чтоб воскрес император,
Разве помыслить могли? [1]

Когда день, в который происходили описываемые события, прошел и наступил вечер, все пожелали императору спокойной ночи и разошлись по домам.

Назавтра сановники спрятали траурные одежды и, надев парадное платье, расшитые парчой и золотом халаты и черные головные уборы, собрались у ворот и ожидали аудиенции.

Между тем император, приняв лекарство, восстанавливающее дух и энергию и съев несколько порций кашицы, крепко спал всю

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

ночь и теперь чувствовал себя здоровым и бодрым. Он встал на рассвете и снова принял свой величественный вид. Вы только взгляните, как роскошно он был одет!

Острой шапкой своею
Высокое небо пронзит,

Халат его желтый
Как будто огнем озарен,

Пояс — нежно-зеленый,
И пряжка — лазурный нефрит,

В чудодейственных туфлях
Не знает усталости он.

Он достоинства полон,
Он храбр, всемогущ и велик,

Поступь танского Вана
Всегда тяжела и грозна,

Превосходит он силою
Самых могучих владык,

С ним покой и расцвет
Обретала большая страна.

Ныне он доказал,
Где находится жизни исток:

Он из мертвых воскрес —
Даже смерть Ли Ши-минь превозмог! [1]

Как только император великих Танов вышел в зал для приемов, все собравшиеся гражданские и военные сановники выстроились перед ним двумя рядами. После того как были совершены полагающиеся поклоны и произнесены приветствия и каждый из сановников занял полагающееся его званию место, было провозглашено обычное:

— У кого есть какое-нибудь дело к императору, пусть выйдет вперед и доложит, у кого дела нет, может удалиться!

Тут сановники, стоявшие по правую сторону: Сюй Мао-гун, Вэй-чжэн, Ван Гуй, Ду Жу-хуэй, Фан Сюань-лин, Юань Тянь-ган, Ли Чунь-фын, Сюй Цзин-цзун и стоявшие слева —Инь Кай-шань, Лю Хун-цзи, Ма Сань-бао, Дуань Чжи-сянь, Чэн Яо-цзинь, Цинь Шу-бао, Ху Цзин-дэ, Сюэ Жэнь-гуй, выступили вперед и, склонившись перед белым нефритовым троном, спросили:

— Можно ли нам узнать, ваше величество, почему вы так долго спали? Ведь вы уснули несколько дней тому назад!

— Когда я взял от Вэй-чжэна письмо,— начал рассказывать император,— то почувствовал, как душа моя покинула дворец, затем я увидел одного из моих охранников, который пригласил

[1] Перевод стихов И. Голубева.

меня на охоту. Но, когда я приблизился к нему, и он и конь исчезли. Потом я увидел своего покойного отца и братьев, они что-то кричали мне. И вот, находясь в весьма затруднительном положении, я вдруг заметил человека в черном халате и черной шапочке. Это был судья Цуй Цзюе, он-то и отогнал от меня духов умерших. Я передал судье письмо, которое мне дал Вэй-чжэн. Когда Цуй Цзюе читал письмо, появился еще один человек, также одетый в черное, с большим зонтом в руках. Он проводил меня в царство мрака, прямо во дворец Владыки ада Янь-вана, который долго уговаривал меня занять почетное место. Янь-ван сказал мне, что владыка реки Цзинхэ — дракон — обвинил меня в том, что я обещал спасти ему жизнь, а вместо этого казнил его. Тогда я рассказал все, как было. На этом Владыка ада закончил разбор моего дела и приказал доставить ему книгу смерти, чтобы определить, сколько мне еще осталось жить. Цуй Цзюе тотчас же принес эту книгу, оказалось, что мне суждено царствовать всего тридцать три года, а так как на престоле я уже тринадцать лет, то жить мне осталось двадцать лет. После этого Янь-ван приказал командиру Чжу и судье Цуй Цзюе проводить меня в царство света. Я простился со всеми и пообещал послать им в благодарность плодов. Как только я вышел из дворца Янь-вана, я сразу же увидел ад. Кто при жизни нарушил верность или был непочтителен к старшим, недостаточно учтив или несправедлив, кто вытаптывал хлеб, лгал и обманывал, обвешивал, насильничал, разбойничал, занимался блудом и обманом, подвергается там всевозможным мучениям: его пропускают через мельничные жернова, предают огню, толкут и рассекают. Там и поджаривают, и варят, и подвешивают, и сдирают кожу. Наказаний там столько, что всех и не перечесть. Затем мне пришлось проходить через Город смерти невинно погибших, где находится бесчисленное множество бесприютных духов. Все это — либо разбойники из шестидесяти четырех наиболее известных мест и мятежники, либо души разбойников других семидесяти двух мест. Они набросились на меня и преградили мне путь. Лишь благодаря помощи Цуй Цзюе, который поручился за меня и помог мне получить взаймы денег из кладовой хэнаньского жителя Сяна, мне удалось откупиться от этих духов. Провожая меня в царство света, судья Цуй Цзюе строго-настрого наказал мне совершить заупокойное богослужение для того, чтобы помочь этим бездомным духам найти успокоение. Этот наказ он повторил мне и при расставании. Когда мы вышли из ада, где совершается шесть превращений, командир Чжу Тай-юй пригласил меня сесть на коня. Вихрем долетели мы до берега реки Вэйхэ, и здесь я увидел в воде двух резвящихся рыб. Я невольно засмотрелся на них, и в этот момент Чжу столкнул меня вместе с конем прямо в воду. Тут-то ко мне и вернулась моя душа.

Все сановники, выслушав императора, поспешили принести ему свои поздравления. Вскоре весть об этом событии облетела

всю страну, и чиновники различных уездов и областей приносили императору свои поздравления, однако распространяться об этом здесь мы не будем.

Между тем император приказал опубликовать указ о всеобщем помиловании, а также велел произвести проверку посаженных в тюрьму за особо тяжелые преступления. Расследованием было установлено, что в ведомстве по уголовным делам преступников, приговоренных к повешению или обезглавливанию, насчитывается более четырехсот, о чем и было доложено императору. По приказанию императора, казнь этих преступников была отложена на год, а сами они были отпущены по домам, чтобы проститься со своими родными и оставить распоряжения об имуществе. Далее был опубликован Указ об оказании помощи вдовам и сиротам. Затем был произведен учет имеющихся во дворце наложниц — оказалось, что их имеется три тысячи. Все они были распределены среди военных. После этого во дворце и по всей стране воцарились мир и порядок.

Добродетели Танского Вана
Велики, как поток бездонный,

Он, как Яо и Шунь, желает,
Чтобы жили люди богато.

Отпустил он из мрачных тюрем
Всех, на страшную казнь обреченных,

Дал он волю дворцовым женам —
Опустели гаремов палаты.

И чиновники всей Поднебесной
Молят небо продлить его годы,

Восхваляют его, превозносят
Все простые, незнатные люди.

Небо Вану добром ответит,
Раз творил он добро народу,—

Для семнадцати поколений
Свет его лучезарным будет! [1]

*

Мир вечен —
Он горит, но не сгорает,
Он озарен огнем
Немеркнущих светил,
О, нет вселенной
Ни конца, ни края,
И зло
Закон всеобщий запретил!

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

Кому обманы
По душе пришлись,
Того еще при жизни
Кара ждет,
Но кто добро творит,
Презрев корысть,
Тот и за гробом
Будет награжден...

Полезней в мире
Жить самим собой,
Не быть злодеем
Право же умней,
Чем недовольным
Миром и судьбой
Войти в ряды
Бессовестных людей.

Когда ты мыслишь
Только о добре,
Я поклоняюсь
Твоему уму,
Но если людям
Ты приносишь вред,
То все твои молитвы
Ни к чему!..[1]

И вот весь народ в Поднебесной стал совершать добрые дела. Надо еще вам сказать, что повсюду были расклеены также объявления, призывающие всех достойных людей доставить плоды в царство мрака. Не забыл император и о своем долге. Государственному казначею было дано распоряжение отправить сановника Ху Цзин-дэ к Сян Ляну с огромным количеством золота и серебра.

Через несколько дней во дворец явился какой-то добродетельный человек по имени Лю Цюань из Цзюньчжоу, который заявил о своем желании доставить плоды в царство мрака. Человеком он был весьма состоятельным. Как оказалось, его жена Ли Цуй-лянь стояла однажды у ворот и, вытащив из прически золотую шпильку, подала ее проходившему монаху, как подаяние. Лю побранил ее и сказал, что ее поведение недостойно замужней женщины и что она вообще не должна была выходить из женской половины дома. Жена его была оскорблена, и, не в силах вынести такого позора, повесилась. Осталось двое маленьких детей, которые жалобно плакали дни и ночи. Лю Цюань не мог перенести всего этого и так же решил покончить с собой, покинув свою родню и детей. Увидев объявление, он выразил желание доставить дыни в царство смерти. Когда он прибыл ко двору, император приказал провести его во дворец. Там на голову ему положили две дыни, в рукав засунули бумажные жертвенные деньги, а в рот вложили пилюлю с ядом.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Проглотив яд, Лю Цюань сразу умер, а душа его, держа на голове дыни, тотчас же очутилась у ворот ада.

— Ты кто такой? И как осмелился явиться сюда?! — крикнул стоявший у ворот дух-привратник.

— Я посланец императора великих Танов — Тай-цзуна. Он велел мне доставить дыни судьям смерти,— отвечал Лю Цюань.

Услышав это, дух-привратник охотно впустил его и провел прямо во дворец владыки.

— По указу императора Танов я принес вам дыни, которые он посылает вам в знак благодарности за ваше милосердие и великодушие,— сказал Лю Цюань, преподнося дыни Янь-вану.

— О, император Тай-цзун очень добродетельный человек, он вполне заслуживает доверия,— обрадованно воскликнул Владыка ада, принимая дыни. Затем он спросил, кто он такой и откуда родом.

— Я родился в Цзюньчжоу,— отвечал тот,— а зовут меня Лю Цюань. Жена моя повесилась, оставив мне двоих детей, за которыми некому было присмотреть. Поэтому я тоже решил покинуть мир. Желая послужить моей родине, я выразил готовность принести вам дыни от Танского императора, великий князь, в благодарность за ваши милости.

Выслушав его, десять судей тотчас же послали за душой его жены Цуй-лянь. Дух-посланец быстро разыскал ее и доставил во дворец властителя ада. Супругам велели изложить свое дело. Оказалось, что по Книге судеб им суждено прожить до преклонного возраста и сделаться бессмертными. Тут же был дан приказ немедленно вернуть их к жизни. Однако дух, которому было поручено сделать это, доложил:

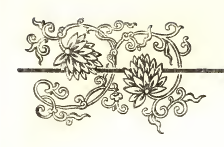
— Душа Ли Цуй-лянь уже долгое время находится в преисподней, и я думаю, что тело ее уже разложилось. Что же делать?

— Сегодня должна умереть сестра императора — Ли Юйин,— сказал тогда Владыка ада.— Возьми ее телесную оболочку и вложи в нее душу Цуй-лянь.

Дух-посланец взял с собой души Лю Цюаня и его жены, чтобы вывести их из царства мрака.

Однако о том, как душам супругов удалось вернуться к жизни, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как император Танов устроил торжественные моления и как бодисатва Гуаньинь явилась в своем божественном величии

Когда Лю Цюань с женой в сопровождении духа вышли из царства тьмы, их подхватил черный вихрь и понес в столицу империи Чанъань. Душу Лю Цюаня примчало прямо в беседку императора, а душу его жены Цуй-лянь — во внутренний сад дворца. В этот самый момент принцесса Юй-ин как раз прогуливалась в тени деревьев по зеленой лужайке. Сопровождавший супругов дух толкнул принцессу в грудь, и она упала. Дух вынул у принцессы душу и вселил в тело Юй-ин душу Цуй-лянь. После этого он вернулся в царство смерти, однако об этом мы говорить здесь не будем.

Находившиеся в саду служанки видели, как принцесса Юй-ин замертво упала на землю и бросились в зал сообщить императрице, что принцесса умерла. Перепуганная императрица поспешила с этой вестью к императору.

— Так и должно было случиться,— сокрушенно покачивая головой, вздохнув, сказал император.— Когда я спросил судей смерти о судьбе моей семьи, они ответили, что ни с кем из нас ничего не случится и только сестра моя вскоре умрет. Так оно и вышло.

К месту происшествия собрались все придворные, чтобы выразить свое горе. Тут они заметили, что принцесса еще слабо дышит.

— Не шумите! Не тревожьте ее! — промолвил император. Он подошел к сестре и приподнял ее голову:

— Сестра! Очнись!

В тот же миг принцесса пошевелилась и закричала:

— Муж, не торопись! Обожди меня!

— Сестра,— стал успокаивать ее император,— мы все здесь с тобой.

Тогда принцесса приподнялась и, с удивлением глядя на императора, воскликнула:

— Кто вы такой? Как смеете прикасаться ко мне?

— Да ведь это я — твой царственный брат и царица-золовка здесь,— отвечал император.

— У меня никакого царственного брата и царицы-золовки нет,— отвечала принцесса.— Я родилась в семье Ли и зовут меня Ли Цуй-янь, а моего мужа — Лю Цюань. Оба мы из Цзюньчжоу. Три месяца тому назад я отдала монаху, который просил подаяния, мою золотую шпильку. Муж выбранил меня за то, что я осмелилась выйти из дому, и сказал, что я веду себя не так, как подобает замужней женщине. Не вытерпев такого позора, я повесилась на собственном поясе. Остались двое детей, они плакали день и ночь. И вот теперь император великих Танов послал моего мужа отнести дыни в царство тьмы. Но владыка Янь пожалел нас и возвратил нам жизнь. Муж шел впереди, я задержалась и хотела его догнать, но споткнулась и упала. Не будьте столь бесцеремонны со мной. Ведь я даже не знаю, как вас зовут, зачем же вы прикасаетесь ко мне?

— Очевидно, моя сестра при падении повредила себе голову и говорит все это в бреду,— промолвил император, обращаясь ко всем, кто здесь находился.

Он приказал придворному врачевателю приготовить лекарства, а Юй-ин велел перенести во дворец.

Когда император взошел на трон, появился чиновник.

— Разрешите доложить вашему величеству, человек, которого вы послали с дынями в царство тьмы,— по имени Лю Цюань, ожил, находится сейчас возле дворца и ждет ваших указаний.

Император был изумлен и приказал тотчас же ввести Лю Цюаня. Войдя, Лю Цюань склонился перед троном.

— Расскажи, как удалось тебе доставить дыни в царство тьмы?

— Когда я очутился в царстве тьмы,— начал свой рассказ Лю Цюань,— меня провели во дворец Владыки ада. Там я увидел самого Янь-вана и преподнес ему дыни, сказав, что дыни эти посланы вами в знак вашей признательности за его благодеяния. Янь-ван был очень доволен и с большим уважением отозвался о вас. «О, император Тай-цзун очень добродетельный человек, он вполне заслуживает доверия»,— сказал он.

— Что же ты видел в царстве тьмы? — спросил император.

— Пробыл я там недолго и почти никуда не ходил,— отвечал Лю Цюань.— Когда же меня спросили, откуда я родом и как меня зовут, я рассказал всю свою историю: о том, как удавилась моя жена, как я решил расстаться с жизнью и покинул свою семью, а также о том, как сам выразил желание доставить дыни в царство мрака. После этого Янь-ван тотчас же приказал одному

из духов привести душу моей жены к нему во дворец. Так мы и встретились с ней. Затем Янь-ван раскрыл Книгу судеб и сказал, что нам с женой суждено бессмертие. Потом он послал духа проводить нас в царство света. Я шел впереди, жена следовала за мной. К моему великому счастью, я снова вернулся к жизни, но, где сейчас моя супруга,— не знаю.

— Вспомни, не говорил ли Янь-ван еще что-нибудь о твоей жене? — спросил изумленный император.

— Нет, кажется, ничего больше,— отвечал Лю Цюань.— Правда я слышал, как сопровождавший нас дух говорил о том, что душа моей жены Лю Цуй-лянь находилась в царстве мрака очень долго, и в ее тело уже невозможно вселить ее душу. На это Янь-ван сказал, что сестре Танского императора Ли Юй-ин суждено сегодня умереть и приказал духу вселить душу Цуй-лянь в тело Юй-ин. Но где находится ваша царственная сестра,— мне неизвестно, поэтому я не успел еще разыскать ее.

Император остался очень доволен и, обращаясь к присутствующим, сказал:

— Прощаясь с Владыкой ада Янь-ваном, я спросил его, какая судьба ждет мою семью. Он ответил, что все обстоит благополучно, только моей сестре осталось жить недолго. И вот, гуляя по саду, Юй-ин вдруг упала замертво; я поспешил к ней на помощь, но очень скоро она очнулась и стала звать мужа, кричала, чтобы он подождал ее. Сначала я думал, что сестра повредила себе голову при падении и заговаривается, а потом, когда подробно расспросил ее, то оказалось, что ее рассказ полностью совпадает с тем, что сказал Лю Цюань.

— Ваша сестра стала говорить все это, как только очнулась,— сказал Вэй-чжэн.— А это как раз и значит, что душа жены Лю Цюаня вселилась в тело вашей сестры. Это вполне возможно. Давайте пригласим вашу сестру сюда и послушаем, что она скажет.

— Я только что приказал придворному врачу подать ей лекарство, и вот не знаю, что теперь с ней,— промолвил император и приказал придворным дамам пойти пригласить принцессу. Когда посланные пришли во дворец, они услышали, как принцесса кричит:

— Что еще за лекарство вы мне даете? Разве это мой дом?! Я живу в скромном доме, крытом черепицей, а не в этих противных огромных желтых палатах, разукрашенных и блестящих! Отпустите меня! Отпустите!

Она продолжала кричать и тогда, когда несколько придворных дам и евнухов, поддерживая ее, привели в зал.

— А ты узнаешь своего мужа? — спросил император.

— Да что спрашивать об этом! — воскликнула Юй-ин.— Как же я могу не узнать его, если мы были помолвлены с детства и я имею от него детей?!

Тогда император приказал свести ее с трона.

Как только принцесса увидела Лю Цюаня, она сразу же бросилась к нему и закричала:

— Дорогой мой муж! Почему же ты не подождал меня? Я споткнулась и упала, а когда очнулась, то увидела, что возле меня столпились эти бесцеремонные люди. Что же это такое происходит?

Лю Цюань стоял в нерешительности, не зная, что делать. По голосу говорившая несомненно была его женой, но наружность ее ничего общего с наружностью его жены не имела.

— Это поразительное событие! — воскликнул император Танов.— Где это видно, чтобы живого человека подменяли умершим?

И добродетельный император велел передать Лю Цюаню все принадлежавшие принцессе сундуки с туалетами, платья, головные украшения, словно выдавал за него замуж свою сестру. Кроме того, он приказал заготовить указ о пожизненном освобождении Лю Цюаня от всякого рода повинностей и работ, а затем отпустил супругов домой. Муж и жена, отблагодарив императора за оказанное им благодеяние, радостные вернулись к себе на родину.

Это необыкновенное событие воспето даже в стихах.

И рожденье и смерть
Начертаньям судьбы подвластны,

Жизни вымерен срок —
Он не может быть больше иль меньше,

Лишь один Лю Цюань
Путь нашел из подземного царства —

И вселилась душа Цуй-лянь
В тело Юй-ин умершей...[1]

Итак, простившись с императором, супруги направились прямо в город Цзюньчжоу. Там они нашли свой дом в полном порядке, а детей в добром здравии и отныне стали прославлять свое имя добрыми делами. Но об этом мы рассказывать здесь не будем.

Вернемся теперь к сановнику Юй Чи-гуну, который, захватив с собой золото и серебро, отправился в провинцию Хэнань, город Кайфын, чтобы найти Сян Ляна и вернуть ему долг. Сян Лян работал водоносом и, кроме того, вместе со своей женой по имени Чжан-ши торговал у ворот дома гончарными изделиями. Они тратили из своего заработка лишь на самое необходимое, а все остальное расходовали на богослужение, или же накупали жертвенные деньги и, сжигая их, совершали жертвоприношения. За все их добрые дела небо ниспослало им благополучие. Поэтому и получилось так, что в этом мире они были людьми весьма

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

добродетельными, но очень бедными, зато в царстве мрака у них скопились большие деньги.

И вот, когда сановник Юй Чи-гун, в сопровождении большого количества экипажей, прибыл к хижине с грузом денег, супруги были до того перепуганы, что не знали что и делать. Онемев от ужаса, они упали перед сановником на колени и без конца отбивали поклоны.

— Встаньте, почтенные люди,— промолвил сановник.— Я прибыл сюда по поручению нашего императора лишь для того, чтобы вернуть вам деньги, которые вы одолжили ему.

— Мы никогда никому не одалживали денег,— дрожа от страха, отвечали супруги,— как же мы можем принять богатство, которое не принадлежит нам?

— Мне известно, что вы люди бедные,— продолжал Юй Чи-гун,— однако благодаря тому, что вы помогаете монахам и постоянно сжигаете жертвенные деньги в честь духов, у вас в царстве мрака скопились большие деньги. На днях наш император провел три дня в царстве мрака. Когда он возвращался в царство света, ему понадобились деньги, чтобы откупиться от преследовавших его духов. Пришлось позаимствовать из ваших накоплений. И вот сейчас я прибыл сюда для того, чтобы вернуть вам долг. Вы можете проверить это, тогда я вернусь и доложу императору о том, что его указ выполнен.

Однако супруги Сян Лян только кланялись и никак не решались взять деньги.

— Если мы примем все это богатство,— говорили они,— нам скоро придет конец. Мы, как люди верующие, действительно совершали жертвоприношения, но никому об этом не говорили. Да, кроме того, где доказательство, что император занял именно наши деньги? Нет, мы не можем на это согласиться.

— Да ведь в качестве поручителя за его величество выступил сам судья Цуй Цзюе, так что вы уж лучше примите эти деньги,— уговаривал Юй Чи-гун.

— Нет, мы скорее умрем, чем согласимся на это,— стояли на своем супруги.

После столь упорного отказа сановнику Юй Чи-гуну не оставалось ничего другого, как послать гонца к императору. Прочитав донесение о том, что супруги Сян Лян отказываются от денег, император промолвил:

— Это поистине очень высокая добродетель,— затем он приказал сановнику Ху Цзин-дэ выстроить на эти деньги храм в честь супругов, возле храма поставить статуи мужа и жены и совершить богослужение, считая, что этим самым он возместил свой долг.

Ху Цзин-дэ поклонился в сторону дворца, выражая благодарность за великую милость, и объявил волю императора. Затем был куплен свободный участок земли в пятьдесят му, на кото-

рый не могли бы претендовать ни военные чины, ни гражданские, и на нем воздвигнут храм. По обеим сторонам у входа были поставлены статуи супругов Сян. Кроме того, на большой плите выгравировали надпись, гласящую о том, что постройка храма производилась под наблюдением сановника Юй Чи-гуна.

Этот храм, называемый Дасянго, стоит до сих пор.

Когда императору доложили о том, что храм выстроен, он остался очень доволен. Затем он призвал к себе сановников и приказал им объявить о том, что из разных мест приглашаются монахи для совершения заупокойной службы о спасении душ умерших. Извещения об этом были разосланы по всей стране. Чиновники выбирали монахов, отличающихся ученостью и благочестием, и примерно через месяц все они собрались в Чанъане. Тогда император приказал главному астроному Фу И выбрать из собравшихся монахов наиболее достойного и поручить ему провести богослужение. В ответ на этот указ Фу И представил письменный доклад с просьбой не приступать к сооружению буддийской пагоды, утверждая, что никакого Будды не существует. Учение Запада не признает отношений между господином и подданным, отцом и сыном. По этому учению существует три стадии наказания и шесть стадий перевоплощения, которыми и одурманивают простой народ.

Распространенное на Западе учение
Не требует от сыновей почтения,
Покорности властям не признает,
Три наказания, шесть перевоплощений —
Дурман, которым опоен простой народ;
Познав всю мерзость заблуждений прежних,
Ты обеспечишь счастье впереди,
Чтоб уберечь себя от мыслей грешных,
Священное писание тверди.
Жить долго будешь ты на свете или мало,—
Природы тайна — кто в нее проник?
Но горе, счастье, милость и опала
Зависят только от земных владык:
Твердят теперь невежды повсеместно,
Что это все приносит людям Будда —
Разоблачить нетрудно эту ложь:
Пять императоров, три князя в Поднебесной
Совсем недавно правили — и все ж
При них о Будде не было известно,
Никто не знал ни кто он, ни откуда,
Но были преданны тогда чины и войско,
Сановники умны и прозорливы,
И до глубокой старости в довольстве
И счастье жил народ трудолюбивый.
Но Мин-ди Ханьский Будде поклоненье
Ввел,— и с тех пор учение пустое
Идет из поколенья в поколенье,
Нарушив все исконные устои[1].

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Ознакомившись с этим докладом, Тай-цзун передал его на обсуждение своим сановникам. И вот вперед выступил первый министр Сяо Юй; склонившись перед императором, он промолвил:

— Учение Будды процветает уже в течение многих веков, оно сеет добро и борется со злом, тем самым способствуя укреплению государства. Поэтому отказываться от этого учения было бы неразумным. Будда — святой человек, и тот, кто осмеливается порочить его учение, нарушает закон. Поэтому я прошу сурово наказать выступающих против учения Будды.

Между Фу И и Сяо Юем разгорелся спор. Один говорил, что добродетель заключается в служении своему государю и своим родственникам, а учение Будды проповедует отказ от родных и отрешение от мира. Тем самым оно призывает народ к сопротивлению императору и восстанавливает детей против родителей. А Сяо Юй, хотя и не буддист, но сторонник учения, отрицающего повиновение родителям. Тот же, кто отрицает учение о почитании старших, не признает родителей. Тут Сяо Юй, почтительно сложив руки и кланяясь императору, сказал:

— Ад создан именно для таких людей, как Фу И.

Тогда Тай-цзун велел подойти сановникам Чжан Дао-юаню и Чжан Ши-хэну и спросил их: можно ли, почитая буддизм, достигнуть счастья и как вообще следует относиться к этому учению.

На это сановники отвечали следующее:

— Учение Будды проповедует очищение от грехов, гуманность и всепрощение и ведет к добру, но Будда — это лишь имя, так как конечная цель буддизма — нирвана. Со времен императора У-ди, династии Чжоу, конфуцианство, даосизм и буддизм существовали одновременно, и на протяжении веков народ почитал их.

Еще в древности говорили, что нет ничего выше, чем три религии. Эти религии нельзя ни уничтожить, ни забыть. Все это мы и осмелились представить на высочайшее рассмотрение вашему величеству.

Император остался очень доволен и сказал:

— Ваши слова, несомненно, справедливы, и тот, кто выступит против них, будет сурово наказан.

После этого император приказал Вэй-чжэну, Сяо Юю и Чжан Дао-юаню созвать всех собравшихся буддийских монахов и выбрать из них наиболее добродетельного и достойного священнослужителя, который руководил бы церемонией богослужения. Выслушав императора, присутствующие почтительно склонились перед ним в знак благодарности и разошлись.

С этого времени учение Будды укрепилось в стране, а у того, кто поносил или порицал это учение, отсекали руку.

На следующий день три сановника созвали монахов и в Храме гор и рек произвели тщательную проверку, выбрав из среды монахов наиболее достойного.

Он принял имя Золотой цикады,—
Земного воплощенья божества,
И небом удостоен был награды —
Услышать Будды мудрые слова.
Его душа с рождения казалась
Запутанной в сетях молвы мирской,
У злых людей кипела в сердце зависть,
Но не терял он мудрость и покой.
На жизненном пути его немало
Должно случиться было разных бед.
В великой императорской столице
Придворным был его известный дед,
Отец его — хайчжоуский начальник,
Прославленный познаний глубиной,—
Но сына ожидал удел печальный —
Младенцем он тонул в воде речной.
Течение несчастного помчало
Вниз по реке с огромной быстротой
И выбросило на берег песчаный
На остров пред Горою Золотой.
И местный настоятель монастырский
Решил его вскормить и воспитать,
Но юноша с монахом распростился,
Чтоб отыскать свою родную мать.
Потом в столицу он стопы направил,
Почтить визитом деда-старика,
Но полководец-дед тогда возглавил
Громившие разбойников войска.
С отцом он снова очутился вместе,
Когда покинул тот загробный мир,
Он удостоен был владыкой чести
И всех в стране заслугами затмил.
Но гордо он отверг мирскую почесть
И вновь монахом сделался простым,
Чтоб знания расширить и упрочить,
Пошел в Хунфу,— известный монастырь.
И вот — с буддийским, истинным ученьем
Все мысли навсегда свои связал,
Был в мире прозван «Быстрое теченье»,
Монашеское имя — Сюань-цзан[1].

В тот же день весь народ оповестили об избрании Сюань-цзана распорядителем церемоний. Этот человек с детства был посвящен в монахи и еще в раннем возрасте принял обет воздержания и поста. Его дед, Инь Кай-шань, был главнокомандующим при царствовавшей в то время династии. Отец — Чэнь Гуан-жуй, получил первую ученую степень на экзаменах и был назначен академиком императора. Все стремления Сюань-цзана были направлены на то, чтобы постичь великое учение Будды. Его не интересовали ни почести, ни слава. Он всем сердцем стремился к тишине и покою. Это был человек добродетельный, благородного происхождения. Не было такой книги из священного писания, которую бы он не знал. Каждое божественное слово Будды находило понимание в его сердце.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

И вот три сановника, ликуя, привели Сюань-цзана к трону императора. Когда были закончены церемонии приветствия, сановники сказали:

— Во исполнение вашей монаршей воли, мы выбрали распорядителем церемонии этого достойного монаха, его зовут Чэнь Сюань-цзан.

Император глубоко задумался и затем сказал:

— Уж не приходитесь ли вы сыном ученому Чэнь Гуан-жую?

— Совершенно верно,— отвечал Сюань-цзан, земно кланяясь императору.

— О! Тогда выбор сделан вполне правильно,— с удовлетворением промолвил император.— Я слышал, что человек этот святой и весьма добродетельный. Жалую вас званием главы всех монахов и всей религии в стране.

Сюань-цзан снова склонился перед императором и принял это почетное звание. Затем ему были пожалованы парчовая, шитая золотом, ряса и шапочка буддийского монаха. Император приказал ему с должным усердием относиться к своим обязанностям и как подобает провести богослужение. После этого был написан указ, в котором император повелевал Сюань-цзану отправиться в храм Воплощения и выбрать счастливый день для проведения церемонии.

Получив приказ, Сюань-цзан поклонился императору и, покинув дворец, проследовал прямо в храм Воплощения, где призвал к себе монахов. Они привели в порядок места для самосозерцания, развесили изображения Будды, приготовили музыкальные инструменты. Он выбрал тысячу двести наиболее достойных монахов и велел им совершить богослужение в трех храмах — верхнем, среднем и нижнем. Все ритуальные предметы были в полном порядке расставлены перед изображением Будды.

Счастливый день*, в который предстояло совершить богослужение, приходился на третий день девятого месяца. Заупокойная служба должна была продолжаться семь седьмиц, то есть сорок девять дней. Обо всем этом Сюань-цзан доложил императору. Сам Тай-цзун, его семья, императорский двор и все гражданские и военные чиновники пожаловали на богослужение в точно установленное время. Они возжигали благовония и слушали проповеди.

В тринадцатый год Чжэнь-гуаня, в третий день девятого месяца Чэнь Сюань-цзан — распорядитель церемонии богослужения, собрал тысячу двести высших священнослужителей, и вот в храме Хуашэнсы, в городе Чанъань началось богослужение, чтение священных книг и пение псалмов.

Император по окончании утренней аудиенции в сопровождении множества сановников — гражданских и военных — сошел с трона, сел в императорскую карету, украшенную изобра-

жениями фениксов и драконов, и направился прямо в храм Хуашэнсы для возжигания благовоний. Императорский выезд был поистине великолепен:

В бескрайнем небе разлилось благоуханье
Над миром, ярким солнцем озаренным,
Чиновники в парадных одеяньях
Стоят двумя рядами перед троном;
По сторонам взметнулись к небу стяги,
И добрый ветер шелестит шелками,
И полководцы, полные отваги,
Сжимают древки алебард руками.
Фонариков сверкают вереницы,
Струится из курильниц дым и тает,
За рыбою ныряют в воду птицы,
И смелый коршун в облаках летает.
Стремится в небеса дракон огромный,
И феникс в танце закружился плавном,
У трона — справедливый люд чиновный —
Владыка мудрый святостью прославлен!
Так прежде Шунь и Юй в свое правленье
Держали мир в довольстве непрестанном,
Так всем на десять тысяч поколений
Покой дарован Яо был и Таном.
Чиновники богато разодеты,
На каждом драгоценностей немало,
Из пестрой яшмы сделаны браслеты,
Из фениксовых перьев опахала,
Их медленные плавные движенья
Рождают легкий ветерок прохладный,
Дракона на груди изображенье
Украсило парадные халаты.
Была и величава и пышна
Торжественно шагающая свита!
Сверкали золотые ордена,
Чтоб солнце было легкой тенью скрыто.
Идет в рядах могучая охрана,
И двигается тихо колесница,
Владыка Будду почитает рьяно
И неустанно к истине стремится[1].

* * *

Когда пышный выезд Танского императора остановился у храма, последовал приказ прекратить музыку. Император сошел с колесницы, в сопровождении сановников вошел в храм, поклонился статуе Будды и возжег благовония. Когда эта церемония была закончена, император поднял голову, и перед ним открылась прекрасная картина:

Шелка знамен слегка затрепетали,
Когда прохладный ветер пробежал,
И отраженный пестрыми зонтами
Огонь зари был необычно ал.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Стояло в центре Будды изваянье
И статуи Лоханей по бокам,
Сандала дым, дразнящий обонянье,
Из храма уносился к облакам.
В великолепных вазах из фарфора
Букетов красота еще видней,
И на подносах — фруктов красных горы,
Совсем недавно сорванных с ветвей.
И на столах изысканные яства,
И, выстроившись в ряд, жрецы поют,
Несчастному вымаливая счастье,
А бесприютным — ласку и приют[1].

Тай-цзун и сопровождавшие его сановники, неся благовонные свечи в руках, совершили поклонение перед золотым изваянием Будды, а затем поклонились также статуям Лоханей. Затем распорядитель церемоний Чэнь Сюань-цзан собрал всех монахов для воздания почестей императору. Когда и эта церемония была закончена, монахи разделились на группы и начали богослужение. Распорядитель церемоний поднес текст молитвы за спасение усопших императору. Текст молитвы гласил:

Добродетели
Конца и края нет,

Воцарилась
В храме тишина.

Проникает
В душу чистый свет,

К Трем мирам*
Уносит вдаль волна,

Перевоплощений
Длинный ряд

И проникновенье
В Инь и Ян

Тело укрепят
И закалят.

Тот бессмертен,
Кто познал «чжэнь-чан»!*

...Но к душе
Умершего в изгнанье

Да не потеряет
Состраданье!..

А святой наказ
Гласит о том,

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Что монахов
Следует собрать,

В суть ученья вникнуть —
И потом

Смысл канонов всех
Пересказать.

Пусть ученью
Двери распахнут,

Милосердию
Дадут простор,

В море зла
Еще живых спасут,

Шесть путей* пройдут:
Увидит взор

Самые большие
Устремленья

И от бед
Наступит избавленье!

На дорогу Истины
Ступить,

В хаосе
Найти благой удел,

Прекратить движенья —
И застыть,

Чтобы мутный хаос
Просветлел![1]

Далее шли следующие строки:

Поверх курильниц медленно струится
Дым фимиама сладкий в храме душном,
Секрет таят священных книг страницы —
Как дать свободу бесприютным душам.
И вот уж неба к ним спустилась милость,
Они выходят навсегда из ада.
Молиться будем, чтоб установились
В стране навек спокойствие, отрада[2].

Прочитав это, Тай-цзун остался очень доволен, и, обращаясь к монахам, сказал:

— Вы с чистым сердцем относитесь к своему делу и к делу служения Будде. Я щедро награжу вас, и вы с миром вернетесь домой, зная что не напрасно потратили время.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.
[2] Стихи в обработке В. Гордеева.

Монахи почтительно склонились перед императором. После богослужения император сел на колесницу и вернулся во дворец. А по истечении семи дней богослужение возобновилось и императора снова пригласили для возжигания благовоний. К вечеру все сановники стали расходиться по домам. Перед ними открылся вечерний пейзаж:

Солнце поблекло
    близок его заход,

А пустота ниспростерта
    на тысячи ли.

Черные вороны
    свой прекратили полет.

И, опустившись на землю,
    покой обрели...

Трубы дымятся,
    покой безмятежен, глубок,

Вот уже город
    в ночных переливных огнях,

Это и есть
    установленный ранее срок —

Час твоего появленья,
    буддийский монах[1].

На следующее утро священнослужители снова пришли в храм и продолжали богослужение, однако говорить об этом мы пока не будем.

Вернемся теперь к бодисатве Гуаньинь; она, как мы знаем, в поисках добродетельного человека, который должен был отправиться за священными книгами и доставить их в Китай, по повелению Будды прибыла в Чанъань с горы Путошань из-за Южного моря. Прошло много времени, а она все не встречала человека, который обладал бы необходимыми добродетелями. Но вот она услышала о том, что император Тай-цзун устраивает богослужение и главным распорядителем церемонии назначил наиболее достойного священнослужителя. Узнав, что этот священнослужитель не кто иной как Монах, прибитый течением реки, сын Будды, сошедший из рая, тот, рождению которого она способствовала, ниспослав Духа Вечерней звезды, бодисатва осталась очень довольна и, захватив данные ей Буддой драгоценности, отправилась с Мокшей на рынок продавать их.

Может быть, читатель спросит: «Что это за драгоценности?» А это как раз и были драгоценная парчовая ряса и монашеский

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

посох с девятью кольцами. Кроме того, у нее были три золотых обруча для обуздания непокорных, но их она оставила у себя, так как они могли ей пригодиться.

В это время по улицам бродил один невежественный монах, который не попал в число избранных для богослужения. Увидев бодисатву Гуаньинь, переодетую жалким монахом, в лохмотьях, босую, с непокрытой головой и сверкающей на солнце рясой в руках, монах вспомнил, что у него еще остались кой-какие деньжата и, подойдя к бодисатве, крикнул:

— Эй ты паршивый монах! Сколько хочешь за свою рясу?

— За рясу пять тысяч лян, а за посох две тысячи,— ответила Гуаньинь.

— Ах вы проклятые монахи, с ума вы, что ли, спятили? — воскликнул монах.— Запрашивать семь тысяч лян за такие грубые, скверные вещи! Даже средство, дающее бессмертие или же возможность стать Буддой, не стоило таких денег. Забирайте-ка свое барахло и живо убирайтесь отсюда! Все равно вам его не продать!

Гуаньинь не стала спорить с монахом и отправилась с Мокшей дальше. Шли они довольно долго и наконец достигли ворот Дункуа. Здесь они повстречались с самим Сяо Юем, первым сановником, который возвращался домой с аудиенции императора. Его свита расчищала ему путь. Но Гуаньинь даже не подумала отойти в сторону, она стояла посреди дороги, держа в руках рясу и ожидая приближения сановника. Подъехав, Сяо Юй остановил коня и, увидев ослепительно сверкающую рясу, приказал слуге спросить, сколько она стоит.

— Пять тысяч лян за рясу и две тысячи лян за посох,— отвечала бодисатва.

— В чем же достоинства этих вещей и почему так высока их цена? — поинтересовался Сяо Юй.

— Эта ряса может оказаться весьма полезной для одних и столь же вредной для других,— отвечала бодисатва.— Для одних она может стоить дорого, для других ничего не стоить.

— В чем же все-таки ее достоинства и в чем недостатки? — снова спросил Сяо Юй.

— Тот, кто наденет эту рясу,— отвечала бодисатва,— не утонет, не попадет в ад, не будет отравлен и не встретит на своем пути хищных зверей. Вот в этом ее достоинства, но они проявятся лишь в том случае, если ее наденет достойный человек. Если же ею завладеет прожорливый и похотливый монах, или же тот, кто не выполняет обетов и заповедей, или мирянин, который наносит вред священному писанию и поносит священное имя Будды, то он пожалеет о том дне, когда увидел эту рясу. Вот в этом ее недостаток.

— А почему же ты говоришь, что для одних эта ряса может стоить очень дорого, а для других ничего не стоить? — снова спросил Сяо Юй.

— А это значит, что человеку, который не почитает учения Будды и трех сокровищ[1] и который силой приобрел бы эти вещи, ряса и посох обойдутся в семь тысяч лян. Но тому, кто почитает три сокровища, кто совершает добрые дела и предан Будде, я охотно отдам эти вещи просто так, ради хорошего знакомства. Вот что это значит.

Выслушав все это, Сяо Юй просиял от радости, так как понял, что перед ним добродетельный человек. Он сошел с коня и, почтительно склонившись перед Гуаньинь, промолвил:

— Уважаемый наставник Великого учения! Простите меня за невежливость. Император Танов — человек добродетельный, и все сановники уважают его. Сейчас согласно его повелению происходит торжественное богослужение. Эта ряса вполне подойдет верховному священнослужителю монаху Сюань-цзану, распорядителю церемонии богослужения. Пойдемте во дворец, вы доложите об этом императору.

Бодисатва охотно последовала за Сяо Юем, и они прошли прямо в ворота Дунхуа. Стража доложила об их прибытии, и император приказал провести гостей в зал. Когда Сяо Юй вошел, ведя за собой двух покрытых паршой монахов, император обратился к нему с вопросом:

— Что привело вас сюда, Сяо Юй?

Склонившись перед императором, Сяо Юй отвечал:

— Когда я выехал за ворота Дунхуа, то повстречал там этих монахов. Они продавали рясу и посох. Я сразу же решил, что эти вещи как будто специально предназначены для нашего верховного священнослужителя Сюань-цзана, поэтому я и осмелился привести этих монахов к вам.

Император пришел в восторг от этого предложения и поинтересовался ценой рясы и посоха.

Между тем бодисатва со своим учеником Мокшей стояли в ожидании около трона, даже не думая совершать церемонию поклонов и лишь когда император спросил о цене рясы и посоха, они ответили:

— Ряса стоит пять тысяч лян, а посох — две тысячи.

— Каким же достоинством обладает эта ряса, что стоит так дорого?

Небесные девы волшебную рясу соткали
Из тонкого шелка червей «ледяных» шелковичных,
Ее невозможно обычными выткать станками,
И вся она сплошь состоит из узоров различных.
На рясе из ткани, покрытой узором блестящим,
Повсюду цвета сочетались легко и удачно,
И нет украшений на свете таких же изящных,
И ткани на свете не встретишь такой же прозрачной.
Оденешь ее — словно в красный туман облачишься,
Снимаешь — и полы цветными плывут облаками,
Сиянье ее у небесного входа лучится,

[1] Три сокровища — Будда, его учение и буддийская община.

Пять горных вершин озарив с вековыми снегами.
На тонкой материи западный выдавлен лотос
И звезд изобилье, небесным созвездиям равных,
Ночами от жемчуга пламень невиданный льется,
На самом верху изумруд изумительный вправлен.
Коль даже не полностью он озаряется светом,
Все ж восемь святых драгоценностей он затмевает,
Касаться одежды святой не дозволено смертным —
И только бессмертный порою ее надевает...
Хоть тысячу раз заверни эту рясу — и снова
Заметишь, как в воздухе яркие радуги блещут,
Увидев волшебную рясу на теле святого,
Нечистые духи в бессилии злобном трепещут;
Есть жемчуг на ней, что желанье исполнит любое,
Есть жемчуг такой, что любой ураган обуздает,
Она белизною соперничать может с луною,
И ясное солнце своей красотой затмевает.
Украшена ряса богато прекрасным агатом,
Останками Будды, коралловой темною вяткой,
И тело святого сияньем прикрыв благодатным,
Она аромат источает — прекрасный и редкий.
И тигры от блеска ее убегают большими прыжками,
Драконы с морских островов уплывают в смятении страшном,
Скрепляется ряса двумя золотыми замками,
Застежки и ворот украшены белою яшмой[1].

Имеются стихи по этому поводу, которые гласят:

Триратна* — всемогуща, высока,
И путь ее буддистами любим,
«Четыре существа»* и «шесть путей» —
Все учтено учением святым.
Стремление к душевной чистоте —
Вот для людей и для небес закон,
Тем мудрецам, кто суть во всем нашел,
Большой светильник разума зажжен!

И телом и душою крепким быть —
То значит — золотой приблизить век,
Но, как луна — кристальной чистоты,
Душа твоя должна быть, человек!
С тех пор как ряса соткана была,
Открыт простор для истин мудреца,—
Кто станет отрицать, что Будды путь
Не знает ни начала, ни конца?[2]

Выслушав эти хвалебные стихи, император остался очень доволен и спросил монахов о том, какими достоинствами обладает посох с девятью кольцами.

— О моем посохе я вот что вам скажу,— отвечала Гуаньинь:

Девять колец из железа и меди,—
Причудливой формы цветные узоры.

Окрашенный в цвет самый чистый и нежный,
Красив этот посох — он радует взоры.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.
[2] Перевод стихов И. Голубева.

Возьмешь его в руки — он сразу невидим,
Спускаешься с гор — как на облаке белом,

Ло, ищущий мать, был могуч и отважен,
На посохе этом весь мир облетел он![1]

Когда бодисатва умолкла, император приказал развернуть рясу, тщательно осмотрел ее и, убедившись в том, что перед ним действительно редкостная вещь, промолвил:

— Ну что ж, наставник! Скрывать нам от вас нечего. Сегодня я буду присутствовать на торжественном богослужении о спасении бесприютных духов, чтобы избавить их от бедствий. Там соберется множество монахов и будет проповедоваться учение Будды. Среди монахов, совершающих богослужение, есть один, наиболее достойный по своей святости и добродетели. Его монашеское имя Сюань-цзан. Я покупаю вашу рясу и ваш посох для него и хотел бы знать окончательную цену.

Когда император умолк, бодисатва и ее ученик Мокша, почтительно сложив ладони рук и склонившись перед императором, произнесли приветствие.

— Если это человек поистине добродетельный, тогда мы, скромные монахи, охотно подарим ему эти вещи, и никаких денег нам не нужно.

Сказав это, они повернулись и пошли прочь. Император приказал Сяо Юю сейчас же вернуть их и со своего трона с поклоном сказал:

— Ведь вы говорили, что ряса стоит пять тысяч, а посох две тысячи лян, а теперь отказываетесь от денег. Может быть, я был недостаточно учтив с вами и вы подумали, что я хочу силой завладеть вашими вещами, так должен вам заявить, что подобных намерений у меня не было. Я уплачу вам ту сумму, которую вы назвали, и на этом мы покончим.

— Мы дали зарок, что если повстречаем добродетельного человека, почитающего три сокровища буддизма, то, выполняя волю Будды, отдадим ему эти вещи безвозмездно,— промолвила бодисатва, воздев руки к небу.— Сегодня мы убедились в вашей высокой добродетели, ваше величество, и в милостивом внимании к последователям учения Будды. Вы сказали нам о том, что монах, которому предназначаются эти вещи, отличается высокой добродетелью и святостью и проповедует учение Будды. Поэтому мы сочли своим долгом преподнести ему рясу и посох и решительно отказываемся от всякой платы. Разрешите же нам оставить эти вещи здесь и удалиться.

Искренность и почтительность, прозвучавшие в словах бодисатвы, до глубины души тронули императора, и он тотчас же приказал одному из сановников приготовить торжественную трапезу, чтобы отблагодарить монахов за их подарок, но

[1] Перевод стихов И. Голубева.

бодисатва наотрез отказалась принять угощение и с достоинством удалилась прочь, укрывшись в кумирне местного бога. Однако распространяться об этом мы не будем.

Вы должны узнать о том, что в полдень император устроил у себя прием и приказал Вэй-чжэну пригласить Сюань-цзана. Сюань-цзан в этот момент собрал всех монахов и совершал богослужение, во время которого читались священные книги и звучали песнопения. Узнав о том, что его вызывает император, Сюань-цзан сошел с алтаря, привел себя в порядок и вместе с Вэй-чжэном отправился ко двору.

— Я пригласил вас в Чанъань на богослужение, но не имел еще случая отблагодарить вас за труды,— сказал император, обращаясь к нему.—Сегодня Сяо Юй привел ко мне двух монахов, которые изъявили желание подарить мне вышитую парчовую рясу и посох с девятью кольцами. И вот я пригласил вас сюда для того, чтобы преподнести вам эти вещи.

Выслушав императора, Сюань-цзан склонился перед ним, выражая благодарность за оказанную милость.

— Если вы не откажетесь от подарка,— продолжал император,— то прошу вас надеть эту рясу. Я хочу посмотреть, идет ли она вам.

Сюань-цзан взял рясу, встряхнул ее и надел, затем взял посох и стал перед троном. Все присутствующие были поражены его великолепным видом. Сюань-цзан выглядел истинным последователем Будды:

Лицом красив и станом величав,
Он в платье Будды дивное оделся,
И так оно сидело на плечах,
Как будто он и был его владельцем.
О, блеск волшебный платья был таков,
Что им весь мир огромный озарялся,
И длинными рядами жемчугов
Украшена была святая ряса.
Фестоны, словно в воздухе застыв,
Края одежды покрывали снизу,
И ярким блеском нитей золотых
Весь шелк великолепный был пронизан.
Свисала всюду шелковая ткань,
Парча ее изящно окаймляла,
Сплетенье вышивок, куда ни глянь,
Искусством выполненья изумляло.
Восьми сокровищ прелесть высока,
Их украшают яркие букеты,
Сквозь золото колец воротника
Шнурки из пряжи бархатной продеты.
Огромна статуй Будд величина,
И ряса словно небо охватила,
И в небе по заслугам и чинам
Расставлены небесные светила.
Да, Сюань-цзан судьбою наделен
На самом деле необыкновенной!
Святую рясу Будды принял он —

И был прекрасен как Лохань священный
И эта святость — есть ли ей предел? —
Не уступала западной нисколько,
Железный посох весело гремел,
Прекрасные на нем блестели кольца,
И шапочка его была под стать
Сверкающему Будды одеянью,
И ясно было — он сумел познать
Возвышенное духа состоянье![1]

Все гражданские и военные чины остались очень довольны всем происшедшим. Император был в восторге. Он назначил свиту, которая должна была сопровождать Сюань-цзана, выделил большое количество чиновников, всем им надлежало отправиться с Сюань-цзаном по улицам города до храма и торжественно сопровождать его, как обычно сопровождали выдержавшего экзамен на высшую ученую степень.

Сюань-цзан снова поклонился императору, выражая свою благодарность, и торжественная процессия двинулась по улицам. Что творилось в городе! Проезжие купцы и именитые местные торговцы, вся знать города, ученые и писатели, пожилые и молодые стремились получше рассмотреть эту процессию и выразить свое восхищение.

— Благородный священнослужитель! Лохань, спустившийся на землю! Живой бодисатва, сошедший в мир! — слышались повсюду восторженные крики.

Когда процессия достигла храма, все монахи вышли встретить Сюань-цзана. Увидев его в новом облачении, с посохом в руках, они готовы были поверить тому, что это прибыл сам бодисатва Кшитигарба и, почтительно поклонившись ему, выстроились в два ряда. Войдя в храм, Сюань-цзан возжег фимиам перед статуей Будды и поблагодарил народ за оказанные ему почести. Когда церемония закончилась, все расселись по своим местам.

Круг блестящий солнца опустился
И в закатных облаках исчез,
А туман вечерний уж сгустился,
Он окутал и луга и лес.
И простор столичных светлых улиц
Опустел от пешеходов вдруг,—
Жители усталые вернулись,
Полночь возвещает гонга звук...
И в деревне дальней запустенье,
В царстве темноты и тишины
Только монастырские строенья
Множеством огней озарены.
Там монахи службу начинают,
Чтоб молиться ревностно всю ночь,
Помогает тишина ночная
Отогнать мирские мысли прочь...[2]

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Время летело, и вскоре наступил день последнего торжественного богослужения, это было в седьмой день седьмой седьмицы (сорок девятый день). Сюань-цзан приготовил заключительную проповедь и пригласил императора пожаловать на богослужение. В это время по всей Поднебесной разнеслись добрые вести. Слава императора распространилась по всей вселенной. Ранним утром Тай-цзун в сопровождении огромной свиты, множества гражданских и военных сановников, императрицы и членов императорской фамилии отправился в храм. Устремились послушать проповедь и жители города: и стар, и млад, и благородный, и простолюдин.

— Сегодня — конец седьмой недели, в храме будут служить последнюю и самую торжественную заупокойную службу,— говорила в это время бодисатва Гуаньинь своему ученику Мокше.— На этом церемония богослужения заканчивается. Мы пойдем с тобой вместе, смешаемся с толпой и посмотрим, как все это будет происходить. Интересно, принесли ли Сюань-цзану наши дары счастье. Кроме того, необходимо послушать и узнать, какую школу буддизма он проповедует.

И вот бодисатва вместе с Мокшей направились в храм. И словно было им суждено попасть в родную обстановку. На богослужении незримо присутствовала Парамита,— высшая мудрость, последняя ступень к переходу в нирвану. Войдя в храм, они увидели истинное великолепие, достойное великой империи и великой династии. И все это великолепие затмевало блеск рясы и свидетельствовало о том, что ряса попала в надлежащие руки. Такую торжественную обстановку можно было встретить только в лучших буддийских храмах. Громко звучали божественные звуки, превознося имя Будды. Гуаньинь прошла прямо к кафедре, и перед ней во всем великолепии предстал Сюань-цзан.

Об этом сложены стихи:

Все озарили лучи —
До самой малой частицы,

Он возвестил начало
Великого торжества.

Бездомные души,
Взлетев высоко над столицей,

Жадно ловили
Священные эти слова.

Он совершает службу
И в ревностной вере,

Мысли свои далеко,
Глубоко устремил.

Каждое слово его
Открывает широкие двери

К заветным желаньям:
Снова вернуться в мир!

Вера в ученье Будды
У всех возрастала,

Снова твердя заклинанья
Священных сутр,

С радостью ждали
В храме малый и старый,

Какую же милость
Им небеса принесут?![1]

Сюань-цзан стоял на возвышении. Вначале он прочитал сутру о спасении умерших и успокоении душ, затем об умиротворении государства и наконец изложил учение о пользе самоусовершенствования. Тут Гуаньинь приблизилась к кафедре и, ударив по ней рукой, громко крикнула:

— Почему же ты, монах, говоришь только об учении Малой колесницы [2], отчего не расскажешь о писании Большой колесницы?

Этот вопрос привел Сюань-цзана в восторг: он сошел с возвышения и, подойдя к бодисатве, приветствовал ее:

— Почтенный наставник! Простите, что я не приветствовал вас. Присутствующие здесь монахи проповедуют лишь учение Малой колесницы, они понятия не имеют о Большой колеснице.

— Ваше учение Малой колесницы,— отвечала на это Гуаньинь,— не может спасти души умерших и создает путаницу. Я обладаю тремя сокровищами буддийских писаний, известных под названием Большой колесницы, которые включают изречения Будды, порядок и учение о религии. Все вместе они называются Трипитака, три сокровищницы. Они помогают душам умерших переселиться на небо, могут избавлять от бедствий, могут продлить жизнь и освободить верующих от грядущих перевоплощений.

В то время как они беседовали, один из придворных чиновников, на обязанности которого лежало наблюдение за порядком в храме, бросился к императору и доложил ему, что какие-то покрытые паршой монахи прервали проповедь верховного священнослужителя и, стащив его с кафедры, затеяли с ним глупый спор. Император приказал задержать монахов и привести к нему. Представ перед императором, монахи не только не приветствовали

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

[2] Учение Малой колесницы, или Хинайяна,—одно из разновидностей буддизма.

его поднятием руки или земными поклонами, но, глядя ему прямо в лицо, спросили:

— Зачем вы звали нас, ваше величество?

— Ведь вы те самые монахи, которые принесли мне рясу,— сказал император. Он узнал их.

— Да, это действительно мы,— подтвердила Гуаньинь.

— Раз уж вы пришли послушать проповедь,— промолвил император,— то имеете право разделить трапезу наравне с другими. Но почему вы прерываете проповедь нашего учителя? Нарушая установленный порядок богослужения, вы мешаете нам молиться Будде.

— Ваш проповедник говорил только об учении Малой колесницы, — отвечала на это Гуаньинь,— а это учение не помогает душам умерших переселиться на небо. Мы же постигли учение Большой колесницы, оно может спасти души умерших, помогает людям, попавшим в беду, дает долголетие и благополучие.

Эти слова доставили большое удовольствие императору, и он спросил:

— А где же проповедуют это учение?

— В Индии, в храме Раскатов грома, в том месте, где обитает Будда — Татагата[1],— отвечала Гуаньинь.— Это учение может избавить от всяких невзгод и предотвратить всевозможные бедствия.

— А вы знаете это учение наизусть? — снова спросил император.

— Да, знаю,— отвечала бодисатва.

— Тогда мы попросим нашего учителя пригласить вас на кафедру, чтобы вы изложили это учение,— произнес довольный император.

Но в этот момент бодисатва вместе со своим учеником Мокшей поднялась на кафедру, оттуда вознеслась в облака и, держа священную вазу с ивовой ветвью в руках, предстала народу во всем своем блеске и славе. Слева от нее, держа посох в руках, стоял ее ученик Мокша — Хуэй-ань,— вид у него был поистине величественный. Пораженный великолепием этой картины, император Танов пал ниц, вслед за ним, возжигая благовония в честь бодисатвы, склонились все гражданские и военные сановники. Присутствующий в храме народ — монахи, монахини, миряне, чиновники, ремесленники и торговцы — тоже с благоговением склонился перед бодисатвой.

Император позабыл обо всем на свете, а его сановники были настолько возбуждены,что забыли всякий этикет. Из окружавшей их толпы беспрерывно неслись восклицания:

— Слава великой бодисатве Гуаньинь, слава!

Император Тай-цзун повелел вызвать искуснейшего живо-

---

[1] Будда — Татагата (в китайской транскрипции Жу Лай-фу) — в буддийских страиах почитается как главиый Будда.

писца, для того чтобы в красках запечатлеть истинный облик бодисатвы. Тотчас же был приглашен искуснейший живописец У Дао-цзы, прославившийся своими изображениями святых и небожителей. Это был тот самый художник, который впоследствии написал портреты великих людей Танской эпохи в знаменитой галерее Парящих облаков. Живописец взял в руки свою волшебную кисть и в точности воспроизвел облик бодисатвы. Между тем бодисатва постепенно уносилась все выше и выше, исходившее от нее лучезарное сияние вскоре исчезло, а с неба упал свиток бумаги, на котором очень отчетливо было написано следующее:

Шлю привет и поклон
Государю империи Танов!

Текст канонов буддийских
На западе ныне хранится,

Тот, кто хочет познать
Заклинанья из книг Махаяны,

Будет долго в пути —
Но труднее назад возвратиться...

Много ли впереди —
Этот путь и суров, и опасен,

Столько тягот приняв,
Кто сумеет пройти испытанья?

Коль найдется такой —
Он поистине смел и прекрасен,

Он — мудрец совершенный,
Достойный священного званья![1]

Тогда император Танов, обращаясь к монахам, промолвил:

— Пусть прекратится на время богослужение. Необходимо тотчас же найти человека, который отправился бы за священными книгами Большой колесницы. Это даст нам возможность быть более искренними и обеспечит путь к самосовершенствованию.

Все были готовы выполнить волю императора. И как только в храме прозвучал вопрос о том, кто хотел бы во исполнение воли императора отправиться на Запад, за священным писанием, вперед выступил Сюань-цзан и, низко кланяясь императору, произнес:

— Я скромный монах и, хотя не обладаю особыми талантами, хочу верой и правдой послужить вам и, выполняя вашу волю, отправиться за священными книгами. Надеюсь, что этим я хоть в какой-то мере буду способствовать укреплению нашего государства.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

Услышав подобные речи, император остался очень доволен, подошел к Сюань-цзану и, помогая ему подняться, сказал:

— Преподобный учитель! Если вы поистине преданы и добродетельны и готовы сослужить мне эту службу, если вас не останавливают трудности столь дальнего пути, горы и реки, которые вы встретите в дороге, тогда разрешите мне считать вас отныне своим братом.

Сюань-цзан низко склонился перед императором, благодаря за оказанную ему честь. Император же, человек весьма добродетельный, перед изображением Будды отвесил Сюань-цзану четыре поклона и промолвил:

— Святой отец, брат мой!

Сюань-цзан не переставая благодарил императора и в свою очередь сказал:

— Ваше величество! Разве смею я, скромный монах, не отличаясь ни особыми добродетелями, ни выдающимися способностями, принимать столь незаслуженные милости? Я приложу все свои ничтожные силы, чтобы добраться до Индии. Если же мне не удастся завершить свой путь и привезти священные книги, то я скорее умру и навеки сойду в преисподнюю, нежели соглашусь вернуться на родину с пустыми руками.

Желая подтвердить свою клятву, он воскурил фимиам перед статуей Будды. Император пришел в восторг и отдал приказ возвращаться во дворец и ждать счастливого дня, чтобы снабдить паломника документами, необходимыми ему в пути.

Все разъехались по домам. Сюань-цзан вернулся в храм Хунфусы. Навстречу ему вышли монахи и его ученики, до которых уже дошли слухи о предстоящем паломничестве их учителя. Он подтвердил им, что дал клятву отправиться в Индию.

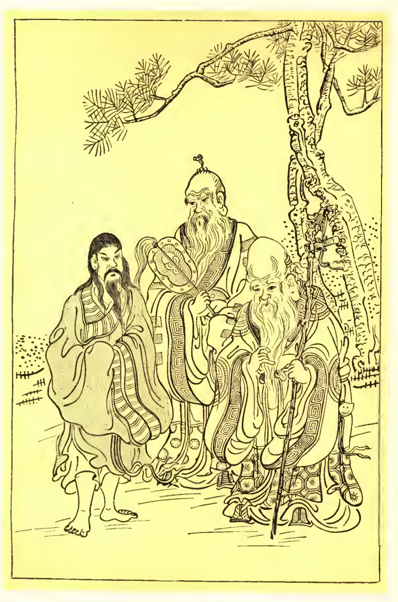
— Учитель,— молвил тогда один из его учеников,— я слышал, что путь в Индию далек и труден, что по дороге очень много тигров, барсов и злых духов. На каждом шагу там подстерегают опасности, и вряд ли вы благополучно возвратитесь.

— Я торжественно поклялся в том, что если не привезу священных книг, то лучше отправлюсь навеки в преисподнюю,— отвечал Сюань-цзан.— После того как я щедро осыпан милостями императора, я должен сдержать данное мною слово и с честью послужить стране, хотя отлично представляю себе все трудности, которые предстоят мне на моем пути.

Ученики мои! Возможно, что мы расстаемся с вами на два-три года, а может быть даже на пять—семь лет. Но что бы ни случилось, знайте: если ветви сосны, которая растет во дворе этого храма, будут обращены на восток — значит я возвращусь. Если же нет, мы с вами никогда уже больше не увидимся.

Ученики крепко запомнили эти слова.

На следующий день император в присутствии всех сановников написал рескрипт о том, что Сюань-цзан уполномочен привезти

Тайшань Лао-цзюнь, Босоногий бессмертный и дух созвездия Южного полюса

священные книги, и закрепил этот рескрипт печатью, которая давала свободный проезд. В этот момент астролог Цянь доложил:

— Сегодня как раз благоприятный день для отправления в дальний путь. Расположение звезд предсказывает счастливую дорогу.

Император остался очень доволен. В этот же момент доложили о приходе Сюань-цзана, и император приказал ввести его.

— Брат мой,— промолвил, обращаясь к нему, император,— мне сообщили, что сегодня благоприятный день для отправления в путь. Вот здесь бумаги для беспрепятственного проезда. Кроме того, я хочу подарить вам золотую чашу, она пригодится вам для сбора подаяний в пути. Я уже выбрал двух человек, которые будут сопровождать вас, а также жалую вам коня, который будет везти ваши вещи. Вы можете тронуться в путь сейчас же.

Сюань-цзан с радостью выслушал императора и, с благодарностью приняв предназначенные ему дары, без всякого промедления, сопровождаемый императором и целой свитой сановников, двинулся к городским воротам. У ворот Сюань-цзана ожидали монахи и ученики из храма Хунфусы, они принесли ему зимнюю и летнюю одежду. Император приказал упаковать все это, приготовить коня, а когда все было сделано, приказал подать вина.

Подняв чашу, Тай-цзун обратился к Сюань-цзану с вопросом:

— Брат мой, как ваше имя?

— Ведь я монах, ушел из мира и считал невозможным называть себя каким-нибудь именем,— отвечал на это Сюань-цзан.

— Я слышал, бодисатва говорила,— продолжал император,— что священные книги в Индии называют Трипитака. Согласны ли вы, чтобы ваше прозвище было Трипитака и напоминало о том, что вы отправляетесь на поиски этих книг?

Сюань-цзан с благодарностью принял свое новое прозвище, однако, принимая от императора чашу с вином, промолвил:

— Ваше величество! Воздержание от вина является первой заповедью монаха, и за всю свою жизнь я не брал в рот ни капли хмельного.

— Но сегодня исключительный случай,— заметил Тай-цзун.— Да и вино совсем слабое. Выпейте чашечку за то, чтобы ваша миссия завершилась успехом.

Трипитака не посмел отказаться. Но в тот момент, когда он хотел выпить, император быстро наклонился и, взяв горсть земли, бросил ее в чашу. Трипитака не мог понять, что это значит, но император улыбаясь сказал ему:

— Дорогой брат! Сколько времени вы будете отсутствовать?

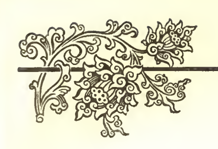
— Надеюсь года через три вернуться домой,— отвечал Трипитака.

— О, это очень долгий срок,— произнес император.— Вам предстоит большой и трудный путь. Дорогой брат, выпейте это вино. Ведь правильно говорится, что горсть родной земли дороже десяти тысяч лян чужеземного золота.

Тут только Сюань-цзан понял, зачем император бросил ему в вино горсть земли, и с благодарностью осушил чашу до дна. После этого он тронулся в путь, а император со своей свитой вернулся во дворец.

Если вы хотите узнать, как началось путешествие Сюань-цзана, прочитайте следующую главу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как путники попали в логово тигра, как Дух Вечерней звезды спас их от опасности, а также о том, как охотник с горы Шуньчалин пригласил к себе Сюань-цзана

Приказом Танского императора Сюань-цзану предлагалось отправиться на поклонение основателю религии.

Сюань-цзан во время дальних странствий
Видел цель перед собой одну:
Дал рескрипт ему владыка Танский —
Сакья-муни посетить страну.
Путника дорога пролегала
Через множество далеких стран,
И порой его на перевалах
Облачный окутывал туман.
Но держал он твердо направленье
К западу, одну мечту тая:
Вникнуть в суть буддийского ученья
И постигнуть смысл небытия[1].

Итак, Сюань-цзан покинул Чанъань за три дня до полнолуния девятой луны в тринадцатом году правления Чжэньгуаня. До городских ворот его провожал сам император со своей свитой. После двух дней тяжелого пути они добрались, наконец, до монастыря Фамынь. Настоятель, окруженный множеством монахов, — их было больше пятисот, — вышел ему навстречу. Монахи выстроились в два ряда. Сюань-цзана провели в храм, предложили ему чаю, а затем устроили роскошную трапезу, которая закончилась лишь к вечеру. Что за картина открылась взорам всех собравшихся!

В мерцанье чистых звезд водой речною
Небесная Река отражена,
Блестящей, без единого пятна
Окрестность озаряется луною...

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

А в небе — одинокий дикий гусь,
Пронесся звонко крик его печальный;
Однообразьем навевает грусть
Стук равномерный дальней наковальни.
И стан птиц летят издалека
К своим гнездовьям, и в покое полном
Монахи на коврах из тростника
Псалмы читают далеко за полночь...[1]

Зажгли огни. Монахи вели беседу о законах буддизма и обсуждали предстоящее путешествие Сюань-цзана. Говорили о широких реках, через которые ему придется переправиться, о неприступных горах, о тиграх, барсах и других диких зверях, которыми кишат дороги. Рассказывали об опасных, трудно проходимых горах и пропастях, о непобедимых свирепых духах и демонах. Сюань-цзан сидел молча, он не произнес ни единого слова и лишь, указывая пальцем на свое сердце, качал головой. Монахи не могли понять, что хочет сказать Сюань-цзан и, почтительно сложив руки, обратились к нему:

— Учитель, соблаговолите объяснить нам вашу мысль.

— Когда в сердце возникают желания или чувства, непременно появляются духи, — отвечал Сюань-цзан.— Но если желания уничтожены, духи исчезают. В монастыре Хуашэнсы я торжественно поклялся перед изображением Будды выполнить свою миссию, какие бы трудности ни возникали передо мной. Раз уж я пустился в путь, то должен во что бы то ни стало добраться до Индии, увидеть Будду и попросить у него священные книги, чтобы его учение могло свободно распространяться и обеспечить нашему священному государству прочное и вечное царствование.

Эти слова привели монахов в восторг.

— Верный, доблестный священнослужитель! — восклицали они, провожая Сюань-цзана после беседы на покой.

На рассвете, когда серп луны скрылся в зарослях бамбука, пропел петух и заря окрасила облака, монахи приготовили утреннюю трапезу. Сюань-цзан облачился в рясу, прошел в храм и, склонившись перед статуей Будды, промолвил:

— Ученик твой Сюань-цзан отправился в трудный путь за священными книгами. Однако мои невежественные глаза еще не удостоились лицезреть живого Будду. Торжественно клянусь в каждой кумирне, которую встречу по дороге, возжигать фимиам и совершать поклоны перед каждым изображением Будды, а также наводить порядок в каждой пагоде. Молю тебя, Будда, яви милосердие и образ свой в золотом сиянии, пожалуй мне священные книги и помоги доставить их в Китай.

Окончив молитву, Сюань-цзан вернулся в келью и приступил к трапезе. После трапезы спутники Сюань-цзана оседлали для него коня и все они поспешили в путь. За воротами монастыря Трипитака стал прощаться с монахами. Однако те никак не

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

хотели расставаться с ним и лишь проводив его за целых десять ли, со слезами на глазах простились. Сюань-цзан отправился прямо на Запад. Стояла уже поздняя осень.

В деревиях поникли деревья,
Опадают цветы тростника,

Листву на сырую землю
Роняют осенние клены.

Встреча с друзьями
В пути в эту пору редка,

Видны только цветы хризантем
И хребта силуэт отдаленный.

Лотос замерз,
И на сердце печаль и тоска,

В белом инее красная ряска,
Под снегом осока,

Камнем падает утка,
Туманом подернут закат,

Облака пролетают тоскливые
В небе далеком.

Улетают от холода лебеди,
Ласточка к югу стремится,

Ночь спускается быстро —
Умолкли и люди и птицы[1].

Через несколько дней они достигли города Гунчжоу. Власти и население вышли за городские ворота встретить Сюань-цзана. Отдохнув за ночь, они на следующее утро отправились дальше. Проголодавшись, Сюань-цзан и его спутники останавливались, чтобы утолить голод и жажду. С наступлением ночи они располагались на отдых, а на рассвете продолжали свой путь. Вскоре они достигли заставы Хэчжоу. Здесь в Танскую эпоху проходила государственная граница. Командующий местной пограничной охраной и монахи, заранее узнав о прибытии посланца и побратима императора, следующего на Запад повидать Будду, устроили Сюань-цзану торжественную встречу и с почетом проводили его в монастырь Фуюаньсы, чтобы он отдохнул там. После того как все монахи по очереди представились Сюань-цзану, был устроен ужин. После ужина Сюань-цзан велел своим спутникам накормить коня и сказал, что они отправятся дальше до рассвета.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

И действительно, как только пропел петух, Сюань-цзан разбудил своих спутников, а за ними поднялись и все остальные монахи. Они быстро приготовили чай, закуски и пригласили гостей позавтракать. После завтрака отправились в путь и выехали за заставу.

Они выехали так рано потому, что Сюань-цзан очень спешил. Стояла уже глубокая осень, в это время года петух поет раньше, чем обычно, во всяком случае не позднее четвертой стражи. Все вокруг было покрыто инеем, который сверкал при ярком свете луны. Пройдя несколько десятков ли, путники увидели перед собой горный кряж. Здесь дороги уже не было и приходилось прокладывать себе путь, раздвигая высокую траву. Шли они по извилистым, крутым и труднопроходимым горам. Вдруг им показалось, что они сбились с пути. И вот, когда они остановились в нерешительности, обсуждая, что им делать, земля у них под ногами заколебалась, и они все вместе с конем полетели в глубокую яму. Сюань-цзан растерялся, его спутники дрожали от страха. Не успели они опомниться, как неожиданно услышали свирепые крики:

— Хватайте их! Тащите!

В тот же миг на них вихрем налетела целая толпа чудовищ. Они выволокли Сюань-цзана и его спутников наверх. Чуть живой от страха Сюань-цзан огляделся вокруг и увидел возвышавшегося над другими Князя демонов. Он был поистине страшен.

Он кричал так ужасно, что душа Сюань-цзана от страха ушла в пятки, у спутников его подкосились ноги, а руки беспомощно повисли. По приказу Князя демонов чудовища связали пленников и собрались их сожрать, как вдруг услышали снаружи какой-то шум. Кто-то сообщил, что это прибыли властитель Медвежьей горы и молодой Бык-отшельник. Сюань-цзан поднял голову и увидел перед собой черную фигуру.

Противников он сразу потрясал
Свирепым видом, телом мускулистым,
Неутомимо бегал по лесам,
Играя силой,— радостен, неистов.
Легко одолевал потоки вплавь...
Богатыря достойный, крепким станом
И мощью никому не уступал,
Не мыслил он, что эти дни настанут,
Что грезы и мечты увидит въявь.
Выхватывал стволы деревьев с корнем,
О холодах задолго узнавал,—
И духи слушались его покорно:
По праву звался он Владыкой горным![1]

Поэтому-то он и назывался властителем горы. За ним следовал здоровенный детина.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Торчат на шлеме выше гор рога,
Могучий стан попоною прикрыт,
Вся внешность и спокойна и строга,
Тверда походка, громок стук копыт.
Зовется ныне по отцу Быком,
Коровой прежде звался он, как мать,
С работой в поле хорошо знаком,
Быком-отшельником его привыкли звать[1].

Князь демонов поспешил им навстречу.

— Ну как, полководец Инь, кажется, как всегда, везет? Могу поздравить вас с удачей!

— У вас замечательный вид,— поддержал приятеля Бык-отшельник.— Это чрезвычайно приятно!

— А как ваши дела? — спросил в свою очередь Князь демонов.

— Да так, пробавляемся кое-как,— ответил властитель горы.

— Тянемся понемногу,— поддакнул Бык-отшельник.

Они сели, продолжая шутить и разговаривать. Вдруг один из спутников Сюань-цзана, которого скрутили веревками, завопил от боли.

— Как они сюда попали? — спросил черный.

— Сами заявились — отвечал князь.

— Так, может быть, угостите нас? — со смехом сказал Бык-отшельник.

— Сделайте одолжение! — промолвил князь.

— Но за один раз нам их не съесть,— проговорил властитель Медвежьей горы.— Расправимся вначале с двоими, а одного, пожалуй, оставим?

Князь отдал приказ. Чудовища тотчас же разделали туши двоих спутников Сюань-цзана, вынули у них сердце, печень. Голова, сердце и печень были предложены гостям, а ноги и руки хозяин взял себе. Остальное разделили между чудовищами. Заскрежетали челюсти, защелкали зубы, казалось, тигр пожирает пойманную им овцу. Очень скоро пир закончился. Сюань-цзан был ни жив ни мертв от страха. Но это было лишь первым испытанием после его отъезда из Чанъаня.

Когда Сюань-цзан был уже в полном отчаянии, на востоке начала заниматься заря. Чудовища исчезли.

— Ну и попировали мы сегодня,— расходясь говорили между собой чудовища.— Завтра продолжим.

После этого все они удалились. Вскоре над небосклоном появился красный диск солнца. Сюань-цзан от страха был почти без сознания и потерял уже всякую надежду на спасение, когда вдруг появился какой-то старец с посохом в руках. Подойдя к Сюань-цзану, он протянул руку, прикоснулся к веревкам, и они

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

тотчас же упали. Потом он дунул в лицо Сюань-цзана, тот словно ожил и упал перед своим спасителем на колени:

— Благодарю вас, почтенный старец,— говорил он,— вы спасли мне жизнь.

Ответив на его поклоны, старец молвил:

— Встаньте и скажите мне, не потеряли ли вы что-нибудь?

— Двух моих спутников,— отвечал Сюань-цзан,— сожрали чудовища. А где мои вещи и мой конь, я не знаю.

— Лошадь и два тюка находятся вон там,— сказал старец, указывая посохом.

Сюань-цзан посмотрел в том направлении, куда указывал старец, и действительно увидел, что его конь и тюки целы и невредимы. Успокоившись немного, он спросил старца:

— Скажите, почтенный человек, как называется эта местность? И откуда вы явились сюда?

— Это место называется Хребет двух вилок,— отвечал старец.— Оно кишит тиграми и волками. Как это вас занесло сюда?

— Мы встали сегодня с петухами,— стал объяснять Сюань-цзан,— и вышли за заставу Хэчжоу. Было еще очень рано и пришлось идти по дороге, покрытой инеем. Мы заблудились и вот неожиданно очутились в этом месте. Тут мы попали в лапы к Князю демонов, страшному и свирепому. Его чудовища связали нас. Затем пришел какой-то черный человек, которого называли властитель Медвежьей горы, и с ним здоровенный детина по прозвищу Бык-отшельник. Князя демонов они называли командующим Инем. Втроем они съели двух моих спутников, а когда стало светать, исчезли. Вот уж не ожидал, что судьба будет так милостива ко мне. Я глубоко благодарен вам, почтенный отец, за то что вы спасли мне жизнь.

— Бык-отшельник — это Дух быка,— сказал старец,— властитель Медвежьей горы — Дух медведя, а полководец Инь — Дух тигра. Остальные чудовища — духи различных зверей и деревьев. Чистота вашей внутренней природы лишила их возможности съесть вас. А сейчас ступайте за мной, я выведу вас на правильный путь.

Преисполненный благодарности, Сюань-цзан увязал тюки и, взяв коня за повод и без труда следуя за старцем, вышел на дорогу. Сюань-цзан отвел коня в сторону, привязал его и хотел было совершить перед старцем поклоны, но тот превратился в ветерок и, оседлав белого журавля с красной головой, вознесся на небо. Затем Сюань-цзан увидел листок бумаги, который, трепыхаясь на ветру, упал с неба. На листке было написано: «Я — Дух Вечерней звезды с Запада и прибыл сюда для того, чтобы спасти вашу жизнь. На всем вашем пути небесные силы будут оказывать вам помощь; они будут ограждать вас от всевозможных опасностей».

Прочитав это, Сюань-цзан трижды поклонился небу.

— Благодарю тебя, Дух Вечерней звезды, за то, что ты избавил меня от смертельной опасности. — И, взяв под уздцы коня, Сюань-цзан отправился дальше совершенно один, навстречу всем тем превратностям, которые предстояло ему встретить по пути, рискуя собственной жизнью.

Разлился в чаще леса холодок,
Как будто бы прошел внезапный ливень,
И где-то вдалеке шумел поток
На перекатах — быстрый и бурливый.
Прохладный ветер аромат цветов,
Росой обрызганных, донес с полянки,
Утес нагромоздился на утес,
На склонах гор высоких, в беспорядке.
Из глубины лесной во тьме неслись
Стай обезьяньих яростные крики,
А на лугу сверкающем неслись
Пугливые стада оленей диких.
Неугомонный щебет птиц летел
Из густоты ветвей, с деревьев ближних,
И о желанной близости людей
Не говорил здесь ни малейший признак.
В лесу густом стоял опасный мрак,
И сердце у святого трепетало;
Коню с трудом давался каждый шаг,—
Частенько спотыкался конь усталый...[1]

Добрую половину дня Сюань-цзан взбирался на высокий хребет, не встретив на своем пути никаких признаков человеческого жилья. Он проголодался. Дорога становилась все более крутой и труднопроходимой. Сюань-цзан стал выбиваться из сил и вдруг услышал где-то неподалеку рыканье тигров, а оглянувшись, увидел нескольких огромных извивающихся змей. Но это было еще не все. Слева от него ползали какие-то ядовитые гады, а справа — появился чудовищный зверь. Одному ему, конечно, было не под силу справиться со всеми этими зверями, гадами и чудовищами, поэтому ему не оставалось ничего другого, как положиться на свою судьбу. У коня от страха подкосились ноги, и он опустился на землю. Сколько Сюань-цзан ни хлестал его, как сильно ни тянул за повод, конь не двигался с места. Сюань-цзан понял, что положение критическое и что в этом глухом, заброшенном месте неоткуда ждать спасения. Но спасение пришло. Вдруг все дикие звери и гады разбежались в разные стороны. Исчезли свирепые тигры, уползли огромные змеи. Подняв голову, Сюань-цзан увидел выходящего из-за холма человека с рогатиной в руках, с луком и стрелами у пояса. Выглядел он настоящим молодцом.

Леопарда шкурой пятнистой
Верх его головы покрыт,
Страшен в злобе своей неистовой —
Вылезают глаза из орбит.
Носит он расшитый узорами
Из овечьей шерсти халат,

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Как у духа речного, в стороны
Борода и усы торчат,
Сапоги, из замши пошитые,
Богатырским под стать ногам,
Стрелы острые и ядовитые
Наполняют его ятаган.
С мордой львиною пряжка пояса,
Ствол рогатины лапами сжат,
Смелость духа и мощь его голоса
Всех зверей в округе страшат[1].

Сюань-цзан опустился на колени и, почтительно сложив руки, кланяясь, промолвил:

— Великодушный человек, спасите меня!

Незнакомец подошел к нему, положил рогатину и, поддерживая Сюань-цзана, помог ему подняться и сказал:

— Не бойтесь, уважаемый учитель! Я не разбойник, я житель этих гор и промышляю охотой. Фамилия моя — Лю, имя Бо-цинь, а прозвище Великий усмиритель гор. Я отправился, чтобы раздобыть парочку горных животных себе на ужин, и вот неожиданно встретил вас. Извините, что своим неожиданным появлением напугал вас.

— Я посланец императора Танов и еду в Индию поклониться Будде и испросить у него священные книги,— пояснил Сюань-цзан.—Не успел я прийти сюда, как меня со всех сторон окружили дикие звери, ядовитые гады, и я не мог идти дальше. Лишь благодаря вашему появлению звери разбежались, и мне остается только принести вам свою нижайшую благодарность за то, что вы спасли мне жизнь!

— Мой дом недалеко отсюда,— промолвил охотник,— живу я тем, что охочусь на диких зверей. Звери боятся меня и потому сейчас разбежались. А мы, оказывается, с вами земляки, вы ведь идете в Индию по велению Танского императора, а эти земли находятся в его владении. Бояться вам теперь нечего. Следуйте за мной. Вам и вашему коню необходимо отдохнуть, а завтра утром я провожу вас.

Сюань-цзан с радостью принял приглашение охотника и последовал за ним, ведя под уздцы коня. Когда они перевалили через гору, то вдруг услышали свирепое рыканье.

— Обождите немного, учитель,— сказал охотник,— когда шумит ветер, это значит, что идет тигр. Я сейчас убью его и угощу вас ужином.

Сюань-цзана обуял страх, и он не осмеливался ступить и шагу дальше. А охотник взял свою рогатину и двинулся вперед. В этот момент прямо перед ним вырос огромный тигр. Увидев охотника, он бросился бежать.

— Куда бежишь, скотина! — громовым голосом закричал охотник.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Тигр, почуяв, что ему не удрать, выпустил когти и ринулся на охотника. А охотник, взмахнув своей рогатиной, бросился на тигра. Сюань-цзан, никогда в жизни не видавший подобных схваток, от страха в изнеможении опустился на землю.

У подножия холма между охотником и тигром завязалась отчаянная борьба.

Гнев и гнев —
Им воздух напоен,

Ветер, ветер —
Стал неистов он!

. . . .

Гнев и гнев —
Им воздух напоен:

Богатырь
Всю мощь свою напряг,

Ветер, ветер —
Стал неистов он:

Зверь могуч,—
Ему не страшен враг!

. . . .

Зверь взревел
И все вокруг потряс,

Горы, реки
Задрожали вдруг,

Звери, птицы
Скрылись вмиг из глаз,

Их сердца
Сковал немой испуг...

Богатырь вскричал —
Вскричал как волк,

Звезды задрожали
В небесах,

Небо и земля —
Весь мир умолк,

Столь велик
Перед борцами страх![1]

Прошло два часа, тигр стал уставать. Наконец охотнику удалось всадить рогатину зверю прямо в грудь. Зверь упал, заливая кровью все вокруг. Охотник оттащил его за уши на дорогу и как ни в чем не бывало сказал:

— Повезло! Мяса этого тигра хватит нам надолго.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

Сюань-цзан был потрясен и восторженно воскликнул:

— Уважаемый охотник! Вы — истинный бог гор!

— Да что же тут особенного,— возразил охотник.— Вы напрасно хвалите меня. Мне повезло потому, что вы были здесь. Однако пойдемте скорее домой. Надо содрать шкуру, а мясо мы зажарим, и я угощу вас на славу.

Держа в одной руке рогатину, а другой волоча убитого тигра, охотник вышел на дорогу. Сюань-цзан, ведя под уздцы своего коня, следовал за ним. Перевалив через гору, они увидели перед собой усадьбу. Это было поистине великолепное строение:

Вздымалась к небу роща вековая —
Лианами стволы оплетены,
Холодный ветер мчался, завывая,
В ущельях непроглядной глубины
Кругом — нагромождения утесов.
Благоухал цветами горный луг,
Сплошной стеной зеленою вознесся
В тенистых рощах молодой бамбук.
Поместье наконец открылось взорам —
Фасад к воротам стройным обращен,
Двор огорожен глиняным забором,
Покрытым густо вьющимся плющом.
И над наполненным водою рвом
Ряд каменных мостов сооружен;
Хотя пейзаж осенний был суровым —
Он прелести особой не лишен.
Вдали клубятся тучи над хребтами,
Края дорог засыпаны листвой,
И птиц лесных не молкнет щебетанье,
И лает злобно пес сторожевой [1].

Подойдя к воротам, охотник оставил убитого тигра и крикнул работников. На его зов появилось несколько парней свирепого вида. Он приказал им внести тигра в усадьбу, освежевать его и приготовить кушанья.

После этого он пригласил Сюань-цзана в дом. Здесь он еще раз приветствовал своего гостя и предложил ему сесть. Сюань-цзан снова низко поклонился и поблагодарил его за то, что он спас ему жизнь.

— За что же благодарить меня,— отвечал охотник.— Ведь мы земляки.

Когда они выпили чаю, из внутренних комнат вышли две женщины: одна пожилая, другая молодая. Хозяин представил Сюань-цзану мать и жену.

— Разрешите просить вас занять почетное место и совершить перед вами полагающиеся поклоны,— сказал Сюань-цзан, обращаясь к матери хозяина.

— Вы гость, прибывший к нам издалека,— отвечала старушка,— и вам не следует утруждать себя подобными церемониями.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Этот почтенный монах по велению Танского императора направляется в Индию, чтобы повидаться с Буддой и попросить у него священные книги,— пояснил матери хозяин.— Я случайно встретил его в горах и, когда узнал, что мы земляки, пригласил к нам отдохнуть с дороги, а завтра мы снова проводим его в путь.

Услышав это, мать чрезвычайно обрадовалась:

— Вот и чудесно! — промолвила она.— Ведь более удобный случай трудно было найти. Завтра годовщина смерти твоего отца, и мы попросим святого монаха совершить службу и почитать священные псалмы. А потом проводим его в путь.

Следует сказать вам, что этот охотник, невежественный истребитель тигров, был очень почтительным сыном. Не успела мать договорить, как он сейчас же распорядился приготовить курительные свечи и жертвенную бумагу и уговорил Сюань-цзана остаться на день.

Время было позднее. Слуги накрыли стол и принесли несколько блюд, приготовленных из тигра. Мясо, видимо, только что сняли с огня, так как оно еще потрескивало. Все эти блюда поставили перед гостем и хозяином. Хозяин пригласил Сюань-цзана отведать угощения и сказал, что потом приготовят еще блюда. Однако Сюань-цзан, почтительно сложив руки и, благодаря хозяина, воскликнул:

— О боже милосердный! Должен признаться вам, что стал монахом почти сразу же после своего рождения и никогда в жизни не потреблял мясной пищи.

Услышав это, охотник подумал и сказал:

— Почтенный отец! А в нашем роду на протяжении нескольких поколений даже не знают, что такое постная пища. У нас, конечно, есть побеги бамбука, мы собираем грибы, разные коренья, приготовляем бобовый сыр, но готовим все это на животном жиру. И очаг насквозь пропитан этим жиром. Как же быть? Вы уж простите меня, что по своему невежеству я предложил вам пищу, которую вам нельзя есть.

— Не беспокойтесь, почтенный хозяин,— отвечал Сюань-цзан,— кушайте сами. А я, чтобы не нарушить монашеского обета, могу дней пять совсем не принимать пищи.

— Но разве могу я допустить, чтобы вы умерли здесь с голоду! — воскликнул хозяин.

— Я так благодарен вам за то, что вы спасли мне жизнь,— сказал Сюань-цзан,— гораздо лучше умереть с голоду, нежели быть съеденным тигром.

— Да что тут говорить,— вмешалась в разговор мать хозяина.— Я могу предложить нашему гостю постную пищу.—И она тут же велела снохе принести небольшой котел, выжгла на огне все остатки масла, а затем хорошенько почистила и вымыла его. Затем наполнила котел до половины кипятком и поставила его на очаг. Сорвав листьев с горного дерева, женщина заварила чай,

потом помыла рис и приготовила овощей. Когда еда была готова, она накрыла стол скатертью и поставила две чашки.

— Прошу вас, почтенный отец, отведать кушанья,— сказала она.— Мы с невесткой сделали все, как полагается.

Сюань-цзан поблагодарил и сел к столу.

Между тем хозяин сел отдельно и принялся за мясо тигра, которое ему подали без соли и всяких приправ. Кроме того, перед ним были блюда с олениной, мясом змеи, лисы, кролика, а также куски сушеной оленины. И вот когда хозяин совсем было приготовился приступить к еде, он услышал, что Сюань-цзан, сложив руки, что-то говорит. Охотника это так поразило, что он отложил в сторону палочки для еды и поспешно встал рядом с Сюань-цзаном. Между тем Сюань-цзан произнес всего лишь несколько фраз и сказал, что можно приступать к еде.

— У вас какие-то очень короткие псалмы,— удивился хозяин.

— А это не псалом,— ответил Сюань-цзан, — я просто молился перед едой.

— Много у вас, монахов, каких-то странных обычаев,— сказал хозяин.— Даже перед едой вы читаете молитвы.

Когда они поели, время было уже позднее, и хозяин предложил гостю посмотреть его усадьбу и повел его из центрального помещения по дорожке в хижину, крытую соломой, позади дома. Стены ее были сплошь увешаны луками, пращами, колчанами со стрелами и другим оружием. На балке висели две свежие, еще окровавленные шкуры. Вдоль стены в стойках были расставлены пики, мечи, рогатины. Посредине стояли два кресла. Хозяин предложил гостю присесть. Однако Сюань-цзан от одного лишь вида этих ужасных, вызывающих у него отвращение вещей, почувствовал себя плохо и, не в силах задерживаться здесь, вышел наружу. Они пошли дальше и очутились у беседки в саду, где все вокруг поросло кустами золотистых хризантем и кленом с багряными листьями. Вдруг послышался шум и из-за кустов выскочило более десятка откормленных оленей и стадо желтых косуль. Приход людей нисколько не спугнул их, и они свободно разгуливали по лужайке.

— Это ваши питомцы? — спросил Сюань-цзан.

— Да,— подтвердил охотник.— Жители Чанъаня копят деньги и ценности, крестьяне делают запасы зерна, а мы, охотники, должны иметь прирученных животных на черный день.

Пока они беседовали, совсем стемнело, и они вернулись домой отдыхать. На следующее утро собралось все семейство охотника. Для гостя приготовили трапезу и попросили его совершить богослужение. Сюань-цзан вымыл руки, вместе с хозяином дома возжег благовонные свечи перед домашним алтарем, затем, совершив поклоны, начал бить в барабан, имеющий форму рыбы. Он прочитал молитву об очищении уст от грехов, затем об очищении души. После этого он раскрыл книгу и про-

чел псалом о спасении души. Тогда охотник попросил его написать на полоске бумаги молитву о спасении душ умерших, и Сюань-цзан громко и внятно прочел гимны из сутры Алмазного резца и сутры Гуаньинь. После этого моления был устроен обед, а затем Сюань-цзан снова прочел несколько гимнов из сутр Лотоса и Амитаба, далее прочел гимн из сутр Павлина и рассказал историю о том, как Будда помог бедному человеку, посвятившему себя самосовершенствованию. С утра до позднего вечера они возжигали благовония, сжигали сделанных из бумаги жертвенных животных, а также поминания о душах усопших с написанными на них молитвами. Когда моления были закончены, все разошлись на покой.

Надо вам сказать еще о том, что душа отца охотника после смерти попала в преисподнюю, благодаря молитвам освободилась оттуда и в эту ночь явилась во сне всем членам семьи и сообщила им следующее:

— Моя душа после смерти попала в преисподнюю, где претерпевала всяческие мучения и была лишена возможности перерождения. И вот сейчас благодаря молитвам этого благочестивого монаха моя душа очистилась от всех грехов, и Владыка преисподней Янь-ван отправил ее с провожатым в Китай для того, чтобы я перевоплотился в новорожденного ребенка богатого землевладельца. Не жалейте ничего, чтобы достойно отблагодарить почтенного священнослужителя. А теперь я ухожу.

Был величествен и могуч —
Будде в жизни он подражал,

Приношения делал предкам,—
Часа смертного избежал! [1]

На следующее утро вся семья проснулась, когда солнце уже взошло на востоке. И вот жена охотника, обращаясь к мужу, промолвила:

— Тай-бао [2], сегодня во сне ко мне явился твой отец. Он рассказал о том, что долгое время терпел в преисподней мучения и никак не мог возродиться к новой жизни. И вот благодаря тому что духовный отец совершил богослужение, теперь ему отпущены его грехи, и Владыка преисподней Янь-ван отправил его душу с провожатым в семью богатого землевладельца в Китай, чтобы он перевоплотился во вновь рожденного. Он велел достойно отблагодарить священнослужителя и после этого исчез. Я хотела оставить его, звала, но все напрасно. Проснувшись, я поняла, что это был всего лишь сон.

— Мне приснилось то же самое,— сказал охотник.— Пойдем расскажем матери.

Но мать опередила их.

[1] Перевод стихов И. Голубева.
[2] Тай-бао — муж.

— Сынок,— сказала она,— иди-ка сюда. Мне надо кое-что тебе рассказать.— И когда они подошли, мать, сидя на кровати, продолжала: — Сынок, мне приснился сегодня очень хороший сон. Я видела, будто к нам приходил отец и рассказал о том, что благодаря молитвам почтенного монаха ему сейчас отпущены все грехи, и он перевоплотится в новорожденного в почтенной семье в Китае.— Охотник и его жена выслушали ее и рассмеялись.

— Мы видели то же самое,—сказали они.—И только было хотели рассказать тебе об этом, как ты позвала нас.

После этого собралась вся семья и, окружив паломника, стала сердечно благодарить его. Затем Сюань-цзану оседлали коня, собрали вещи и, кланяясь, говорили ему:

— Мы глубоко признательны вам, почтенный отец, за то, что вы помогли возродиться душе нашего покойного отца и не знаем даже, как отблагодарить вас за это.

— Я не сделал ничего особенного, зачем же так усердно благодарить меня? — отвечал Сюань-цзан.

Однако, когда хозяин рассказал Сюань-цзану, что трое из их семьи видели один и тот же сон, он остался очень доволен. Хозяева приготовили гостю завтрак и преподнесли ему в благодарность один лян серебра, но Сюань-цзан, несмотря ни на какие уговоры, решительно отказался от денег и только сказал:

— Если бы вы были так добры и проводили меня один переход, это было бы для меня вполне достаточным вознаграждением.

Тогда женщины поспешили испечь лепешек и сказали хозяину, чтобы он проводил Сюань-цзана. Сюань-цзан с благодарностью принял лепешки, а хозяин, в сопровождении нескольких парней, вооружившись охотничьим оружием, отправился провожать Сюань-цзана. Когда они вышли на дорогу, перед ними раскрылся горный пейзаж неописуемой красоты.

К полудню они подошли к высокой горе. Вершина ее, казалось, упиралась в небо. Здесь было много суровых ущелий и скал. Охотник начал легко взбираться на гору, как будто шел по ровной земле, а Сюань-цзан в это время только подошел к подножью. И вот, когда они достигли половины горы, охотник остановился, и, обращаясь к Сюань-цзану, сказал:

— Здесь, почтенный отец, я должен проститься с вами. Вы идите, а мне нужно возвращаться домой.

Услышав это, Сюань-цзан поспешно сошел с коня и сказал:

— Я очень прошу вас проводить меня еще один переход.

— Вам неизвестно, конечно, почтенный отец, что эта гора называется Горой двух границ. Восточная ее часть входит во владения великих Танов, а западная — принадлежит татарам. Тигры и волки на той стороне уже неподвластны мне. Да к тому же я не имею права переходить границу. Так что дальше вам придется идти одному.

Сюань-цзан в отчаянии ломал руки и, ухватившись за одежду охотника, едва сдерживал слезы.

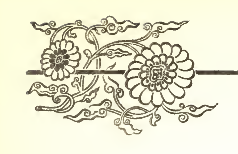
И вот, когда они стали прощаться, не в силах расстаться друг с другом, из-под горы прогремел голос:

— Учитель пришел! Учитель пришел!

И Сюань-цзан и охотник от изумления замерли на месте.

Но, если вы хотите узнать, чей это был голос, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как мятущаяся обезьяна вступила на путь Истины и как были уничтожены шесть разбойников

Я душу Буддой назову,
А Будду — символом души,

Душа и Будда — вот закон,
Что миром правит, всем вершит...

Кто овладел своей душой,
С мирской расстался суетой,

Тот — Будда чистый и простой,
Тот — Будда мудрый и святой.

Тот — Будда истинный вовек,
Кто вечное добро творил.

Его блаженная душа,
Как солнце, освещает мир!

Вне тела истина живет,
Вне тела истину творят,

Не в форме истина, а в том,
В чем формы нет на первый взгляд;

Есть пустота. Быть может, в ней
Ни формы, ни пространства нет,

И кто ушел — тот не придет,
Его уже потерян след...

Где тождеств нет, различий нет,—
Там все подвластно пустоте:

Небытие —там все же есть,
И есть святое бытие!

То, что в душе и вне души
Везде одним лучом горит,

Лишь Будда все объединит
И наши души озарит...

Быть может, тысячу миров
Уже вложил в песчинку он,

И в разуме его живет
Из тысячи любой закон!

Быть равнодушным к суете,
То значит Истину познать,

Нельзя для этого себя
Ни очернить, ни запятнать...

Кто цену знал добру и злу —
И не во сне, а наяву,

Того — великим и святым —
Того я Буддой назову! [1]

И вот не успели охотник и Сюань-цзан прийти в себя от изумления, как снова услышали тот же голос:

— Учитель пришел!

Тогда слуги, сопровождавшие охотника, сказали:

— Это голос старой обезьяны, которая заключена в каменном ящике под горой.

— Да, конечно, это она! — воскликнул охотник.

— А что это за обезьяна? — спросил Сюань-цзан.

— Когда-то гора эта называлась Усиншань — Горой пяти элементов,— пояснил охотник.— Но после того как император Танов совершил походы на запад и установил здесь границу, эта гора стала называться Пограничной. Несколько лет назад один старик рассказывал мне, что когда Ван-ман[2] узурпировал власть во времена Ханьской империи, небо опустило эту гору на землю, чтобы придавить ею волшебную обезьяну, которая не ест, не пьет и не боится ни жары, ни холода. Охраняет ее местный дух, который, если обезьяна очень уж проголодается, дает ей поесть железных пилюль и расплавленной меди. Несмотря на холод и голод, обезьяна до сих пор жива. Это, конечно, она кричит. Но вам, почтенный учитель, нечего беспокоиться. Мы сейчас спустимся с горы и посмотрим на эту обезьяну.

Сюань-цзан последовал за охотником. Они прошли всего несколько ли, и действительно увидели каменный ящик. Из него высовывалась голова обезьяны и лапы, которыми она усиленно жестикулировала:

— Учитель! Почему вас так долго не было? Вы пришли очень

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

[2] Ван-ман — император Ханьской династии. Годы правления 9—23.

кстати. Освободите меня из этого ящика, и я буду охранять вас на протяжении всего вашего пути.

Сюань-цзан подошел к ящику и внимательно посмотрел на обезьяну. Кого же, вы думаете, он увидел?

Острая мордочка —
С виду как будто без щек,

Хитрые глазки,
А в них — золотой огонек...

Мох нависает
Над хрупкой его головой,

Уши обвиты
Целебною, дикой травой.

Вместо волос он травою порос,
В длинных усищах — песок,

А борода опускается вниз,
Словно осоки росток...

Глины кусок
В переносицу узкую врос,

Грязью дорожною
Туго закупорен нос...

С виду он был
И неистов, и жалок, и дик,

Руки не мыл он
И грязные ногти не стриг,

Сплошь бородавками
Пальцы его обросли,

К жесткой ладони
Приклеились комья земли...

Но излучали зрачки его глаз
Теплый и радостный свет,

Чистым и радостным стал голосок —
В нем добродушный привет...

Быстро и радостно заговорил,—
Что за приятная речь!

Только не в силах он двигаться был —
Ни приподняться, ни лечь...

Силою неба пять долгих веков
Скован Великий Мудрец.

Кончился срок — и страданьям его
Будет сегодня конец...[1]

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

Охотник смело приблизился к обезьяне, вытащил траву из ее шерсти и, смахнув с подбородка песчинки, спросил:

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе — ничего,— ответила обезьяна.— Позови сюда почтенного отца, я хочу его спросить кое о чем.

— О чем же ты хочешь спросить меня? — поинтересовался Сюань-цзан.

— Не вас ли император великих Танов послал в Индию за священными книгами?

— Да, именно меня,— отвечал Сюань-цзан.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Я — Великий Мудрец, равный небу,— промолвила обезьяна.— Пятьсот лет тому назад я обманул небо и учинил там дебош. За это Будда заточил меня в ящик. Недавно здесь побывала бодисатва Гуаньинь, посланная Буддой в Китай для того, чтобы отыскать человека, который отправился бы на Запад за священными книгами. Я обратился к ней с просьбой спасти меня, и она обещала мне сделать это, если я не буду впредь совершать злодеяний, буду следовать законам Будды и преданно охранять человека, отправившегося на Запад за священными книгами. С тех пор я дни и ночи с нетерпением жду вашего прихода в надежде, что вы освободите меня. Я буду охранять вас во время вашего пути и стану вашим верным учеником.

Сюань-цзан, выслушав его, пришел в восторг.

— То, что у тебя такие благие намерения и ты решил стать последователем учения бодисатвы, очень хорошо. Беда лишь в том, что у меня нет с собой ни топора, ни долота, и я не знаю, как освободить тебя.

— Для этого не потребуется ни топора, ни долота,— отвечала обезьяна.— Достаточно вам только захотеть, и я буду свободен.

— Я очень хочу помочь тебе,— промолвил Сюань-цзан,— но как это сделать, не знаю.

— На вершине этой горы,— сказала тогда обезьяна,— есть печать с золотыми иероглифами, тиснутыми самим Буддой. Вам нужно только подняться на гору, снять печать, и я буду свободен.

Сюань-цзан тут же попросил охотника проводить его на гору.

— Да ведь еще неизвестно, правда ли все это? — усомнился охотник.

— Это самая настоящая правда, и никакого обмана здесь нет,— громко крикнула обезьяна.

Тогда охотник, поддерживая Сюань-цзана под руку, повел его на гору, а своим работникам приказал взять у Сюань-цзана коня и следовать за ними. Им пришлось пробираться сквозь густую чащу. Цепляясь за заросли, они с большим трудом взобрались, наконец, на вершину. И здесь действительно увидели квадратную каменную плиту, излучающую золотое сияние, пред-

вещающее счастье. На плите была надпись из золотых иероглифов: «Ом мани падме хум».

Приблизившись к плите, Сюань-цзан опустился на колени и стал отбивать поклоны. Затем, повернувшись лицом к Западу, он произнес молитву:

— Твой почтительный ученик Сюань-цзан, повинуясь указу, отправился за священными книгами. И если этой обезьяне действительно суждено быть моим учеником, пусть эта надпись отделится от плиты, волшебная обезьяна получит освобождение и будет сопровождать меня к священному месту Будды. Если же эта обезьяна не может быть моим учеником, не совершит ничего достойного и по-прежнему останется непокорным чудовищем, тем самым опозорив звание ученика, тогда пусть эта надпись останется на месте.

И вот, когда он кончил молитву и, продолжая кланяться, подошел к плите и легонько дотронулся до надписи, подул ароматный ветерок, который отделил надпись от плиты и вознес ее в воздух. В тот же момент раздался голос:

— Я охраняю Великого Мудреца. Сегодня кончился срок его испытания, и я отправляюсь к Будде, чтобы отнести ему эту надпись с печатью.

Трепеща от страха, Сюань-цзан, охотник и работники склонились в том направлении, откуда послышался голос, затем спустились с горы и, приблизившись к ящику, в котором сидела обезьяна,— сказали ей:

— Надпись снята, можешь выходить.

— Учитель! — обрадованно воскликнула обезьяна,— отойдите немного, не то я могу напугать вас своим появлением.

Услышав это, охотник отвел Сюань-цзана и сопровождавших его работников в сторону на несколько ли, но тут снова раздался голос обезьяны:

— Дальше, дальше!

Сюань-цзан и его спутники отошли еще немного и спустились с горы. В этот момент они услышали такой грохот, словно земля разверзлась и рушились горы. Они замерли от страха и тут увидели обезьяну, которая приблизилась к коню Сюань-цзана, и, как была голая, опустившись на колени, сказала:

— Учитель, я свободна! — Совершив перед Сюань-цзаном четыре поклона, она поспешно вскочила на ноги и приветствовала также охотника:

— Почтенный брат,— промолвила она.— Вы взяли на себя труд проводить нашего учителя. А теперь не откажите в любезности и вытащите солому у меня из шерсти.

Поблагодарив за услугу, обезьяна увязала тюки и привязала их на спину коня. А конь, завидев обезьяну, стал смирным, послушным и дрожал, не смея двинуться с места. Дело в том, что обезьяна была в свое время бимавэнем — надзирателем в небесных конюшнях и знала, как управлять конями и драконами,

вот почему этот земной конь отнесся к ней с величайшим послушанием.

Убедившись в том, что у обезьяны добрые намерения и что ведет она себя как и подобает истинному последователю Будды, Сюань-цзан обратился к ней с вопросом:

— Скажи, ученик мой, как твоя фамилия?

— Фамилия моя Сунь,— отвечал Царь обезьян.

— Я дам тебе духовное имя, так удобнее будет к тебе обращаться,— предложил Сюань-цзан.

— Не затрудняйте себя понапрасну, учитель,— сказал на это Царь обезьян.— Оно уже есть у меня и зовут меня Сунь У-кун, что значит — Познание пустоты.

— Вот и замечательно,— обрадовался Сюань-цзан.— Это имя как раз напоминает имена, которые носят последователи Будды моей секты. Но так как с виду ты похож на отшельника, то я хотел бы дать тебе еще и другое прозвище и назвать тебя Странствующим монахом. Что ты на это скажешь?

— Чудесно! — воскликнул Сунь У-кун, и с этого времени у него появилось еще одно имя: Сунь — Странствующий монах.

Между тем охотник, увидев, как старательно Сунь У-кун все выполняет, стал поздравлять Сюань-цзана:

— Я очень рад, почтенный учитель, что вам посчастливилось найти такого хорошего ученика. Он очень пригодится вам. Теперь я могу спокойно распрощаться с вами и вернуться домой.

— Я заставил вас так далеко идти,— промолвил Сюань-цзан,— и не знаю даже, как благодарить вас. Когда вернетесь домой, передайте вашей матушке и жене мою благодарность и извинения за те хлопоты, которые я причинил им. На обратном пути я непременно заеду к вам, чтобы еще раз поблагодарить за все.

На этом они расстались.

Сунь У-кун пригласил Сюань-цзана сесть на коня а сам, взвалив на спину вещи своего учителя, совершенно голый пошел впереди. Через некоторое время, когда они перевалили Пограничную гору, перед ними вдруг появился тигр. Он свирепо рычал и яростно колотил хвостом. Сюань-цзан пришел в ужас, но Сунь У-кун почему-то обрадовался.

— Вы не бойтесь его, учитель,— сказал он, опуская вещи на землю.— Этот тигр пришел для того, чтобы снабдить меня одеждой.— С этими словами он вынул из уха иголку и, повернувшись лицом к ветру, взмахнул ею. В тот же миг игла превратилась в огромный железный посох.

— Прошло уже более пятисот лет, как я в последний раз пользовался этой прекрасной вещью,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Пусть же сегодня она послужит мне и поможет добыть одежду.

И вот, ринувшись навстречу тигру, он крикнул:

— Ты куда бежишь, проклятая тварь?

Тигр от страха даже присел, а потом припал к земле, не смея пошевелиться. В тот же момент посох всей своей тяжестью обрушился на голову тигра, земля вокруг обагрилась кровью, зубы повыскакивали, словно бусинки жемчуга. Пораженный всем этим, Сюань-цзан даже свалился с коня, отскочил и, кусая пальцы от страха, воскликнул:

— О, небо!—Он вспомнил, что, когда позавчера охотник убил тигра, ему пришлось очень долго бороться с ним. А Сунь У-куну это не стоило никаких трудов. Он подошел и одним ударом уложил тигра на месте. Недаром говорится: «И среди сильных всегда найдется более сильный».

Между тем Сунь У-кун подтащил тигра и сказал:

— Вы отдохните немного, учитель, пока я сниму с него одежду и надену ее на себя. А потом мы двинемся дальше.

— Да какая же у тигра одежда? — удивился Сюань-цзан.

— Не беспокойтесь, учитель,— отвечал на это Сунь У-кун.— Я знаю, что делать.

О Прекрасный царь обезьян! Он выдернул у себя волосок, дунул на него своим волшебным дыханием и крикнул: «Изменяйся!» В тот же момент волосок превратился в небольшой острый нож. Царь обезьян вспорол тигру живот и снял с него шкуру. Затем он отрезал лапы и голову, вырезал квадрат и поднял шкуру тигра, примеряя ее:

— Немного широка,— сказал он,— надо разделить на две части.— С этими словами он разрезал шкуру. Одну часть обмотал вокруг талии, а другую свернул и заткнул за пояс. Затем он выдернул растущее у дороги ползучее растение и, крепко подпоясавшись им, скрыл нижнюю часть своего тела.

— Ну что ж, учитель, теперь можно идти,— сказал Сунь У-кун.— Когда мы доберемся до какого-нибудь жилья, я попрошу иглу и там уж сделаю все как полагается.— После этого он произнес заклинание, и посох снова превратился в иглу, которую он положил в ухо. Взвалив вещи на спину, он пригласил Сюань-цзана сесть на коня.

Когда они тронулись в путь, Сюань-цзан спросил:

— А где же твой посох, которым ты убил тигра?

— Вы не знаете, учитель, что это за посох,— сказал с улыбкой Сунь У-кун.— Я получил его во дворце Царя драконов Восточного моря. Он раньше назывался волшебным брусом, утрамбовавшим Млечный Путь, или еще Посохом исполнения желаний. Как раз с этим самым посохом я и учинил дебош в небесных чертогах. Я могу изменять его по своему желанию, делать большим или маленьким. Сейчас я превратил его в иглу для вышивания и положил в ухо. Таким образом он у меня всегда под рукой.

Сюань-цзан остался очень доволен.

— А почему, когда тигр увидел тебя, он застыл на месте и позволил убить себя? — снова спросил Сюань-цзан.

— Мне нечего скрывать от вас, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Не только тигр, но даже дракон при встрече со мной не осмелится причинить мне вреда. Более того, я обладаю сверхъестественной силой: могу усмирять драконов, покорять тигров, поворачивать вспять реки и вызывать бурю на море. Встретив любой предмет, я могу определить его сущность, услышав звук, могу определить причину его возникновения. Я могу одолеть все на свете от тончайшего волоска до всей вселенной, я могу бесконечно превращаться, и никто не сможет догадаться, что это я. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я смог содрать с тигра шкуру. Вот когда мы встретимся с настоящими трудностями, вы увидите, на что я способен.

Выслушав все это, Сюань-цзан понял, что теперь ему можно ни о чем не беспокоиться, и, подхлестнув коня, спокойно поехал вперед. Так, беседуя друг с другом, они не заметили, как солнце стало склоняться к западу.

Сверкающее, яркое светило
Бросает свой косой вечерний луч,

Оно уходит далеко за море,
Где волнами омыты клубы туч,

На склонах гор еще щебечут птицы,
Но, глядя на вечернюю росу,

Пока светло — подумай о ночлеге,—
Ужели нет пристанища в лесу!

Спешат в берлоги друг за другом звери
И парами и стаями бредут,

Они проходят семьями, стадами —
Есть и у них в полночный час приют.

И вот уже, как чистый серп, сверкая,
Над миром месяц молодой плывет

И вот уже мерцающий и яркий,
Сияет в небе звездный хоровод...[1]

— Учитель,— промолвил Сунь У-кун,— поспешим, время не раннее. Я думаю, что в лесу, который виднеется вдали, непременно должны жить люди. Нам надо прийти туда пораньше и попроситься на ночлег.

Сюань-цзан подхлестнул коня, и вскоре они действительно увидели усадьбу. Подъехав к воротам, путники остановились. Сунь У-кун положил вещи на землю и, подойдя к воротам, громко крикнул:

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

— Откройте!

В тот же момент, опираясь на бамбуковую палку, из дома вышел старик и распахнул ворота. Увидев Сунь У-куна, закутанного в шкуру тигра и страшного, словно Бог грома, он от страха едва не упал и мог лишь пробормотать:

— Оборотни явились! Дьяволы!

Но Сюань-цзан поспешил к нему и, поддерживая, сказал:

— Высокочтимый благодетель! Не бойтесь. Это не оборотень, а мой ученик.

Глядя на Сюань-цзана, имевшего степенный вид, старик немного успокоился и спросил:

— Из какого монастыря вы пришли и откуда взяли такое чудовище?

— Я посланец императора Танов, иду в Индию за священными буддийскими книгами,— отвечал Сюань-цзан.— Встретив на пути ваш дом, мы решили обратиться к вам с просьбой разрешить нам переночевать у вас, так как время уже позднее. А завтра до рассвета мы отправимся дальше. Окажите милость и пустите нас переночевать.

— Вы, может быть, действительно посланец императора,— сказал на это старик,— но можно поручиться, что это отвратительное чудовище к Танам никакого отношения не имеет.

— Да что у тебя глаз, что ли, нету? — заорал Сунь У-кун.— Посланец Танов — мой учитель. И никакой я не сахарный [1] и не медовый. Я — Великий Мудрец, равный небу. В здешних краях знают меня. Да и с тобой мы раньше встречались.

— Где же это мы встречались? — удивился старик.

— Разве не ты, когда был маленьким, очищал от травы и мха мое лицо?

— Что ты городишь? — рассердился старик. — Где жил ты и где я? Когда это с твоего лица я собирал хворост?

— Это ты ерунду городишь, дорогой сынок! — сказал Сунь У-кун.— Ты просто не узнал меня. Всмотрись-ка хорошенько, неужели ты не узнаешь Великого Мудреца, заключенного в каменном ящике на Пограничной горе?

— И верно ты похож на него.— Только теперь старик начал припоминать Сунь У-куна.— Но как же тебе удалось выбраться оттуда? — спросил он.

Тогда Сунь У-кун рассказал ему историю о том, как бодисатва призвала его к добродетельной жизни и как после этого он ждал прихода Танского монаха — Сюань-цзана, который должен был снять с него заклинание. После этого старик почтительно склонился перед Сунь У-куном и пригласил их с Сюань-цзаном в дом. Он позвал жену и детей и представил их гостям. Потом был подан чай.

---

[1] Здесь игра слов. По-китайски название династии и сахар звучат одинаково — «Тан».

— Сколько же вам лет, Великий Мудрец? — спросил старик Сунь У-куна.

— Ты лучше сначала скажи, сколько лет тебе? — вопросом на вопрос отвечал Сунь У-кун.

— Да вот сто тридцать стукнуло,— отвечал старик.

— Тогда ты можешь быть моим праправнуком,— сказал Сунь У-кун.— Я сам не представляю, когда родился, но знаю точно, что под этой горой я пробыл пятьсот лет.

— Верно, верно! — подтвердил старик.— Помню, как еще мой прадед рассказывал мне, что эта гора была опущена с неба для того, чтобы заключить под ней волшебную обезьяну. Значит, вы только сейчас освободились. Когда я был еще ребенком, то видел вас. На голове у вас росла трава, а щеки были вымазаны грязью, и все же я не боялся. А вот сейчас травы на голове у вас нет, лицо чистое, вы стали как будто тоньше, но шкура тигра делает вас похожим на чудовище.

Тут все громко расхохотались. Вскоре его жена подала на стол постную пищу. После еды Сунь У-кун спросил у хозяина:

— А можно узнать, как ваша фамилия?

— Наша фамилия Чэнь,— отвечал старик.

Услышав это, Сюань-цзан встал и, поклонившись старику, промолвил:

— А мы с вами, уважаемый благодетель,— однофамильцы.

— Как же так? — удивился Сунь У-кун.— Ведь ваша фамилия Тан!

— Моя фамилия в миру была Чэнь,— пояснил Сюань-цзан.— Я уроженец деревни Цзясянчжуан, уезда Хуннун, округа Хайчжоу, империи Танов. Мое монашеское имя — Чэнь Сюань-цзан. Когда император великих Танов сделал меня своим побратимом, он пожаловал мне еще одно имя — Трипитака и повелел носить фамилию Танов, вот почему я и называюсь Танский монах.

Старику было очень приятно, что гость — его однофамилец.

— Уважаемый господин Чэнь! — обратился к хозяину Сунь-У-кун.— Раз уж нам пришлось побеспокоить вас, я хочу обратиться к вам с просьбой. Дело в том, что в последний раз я умывался более пятисот лет тому назад. Не можете ли вы дать нам немного горячей воды? Я думаю, что и учитель с удовольствием умоется. На прощанье мы за все отблагодарим вас.

Хозяин тотчас же велел согреть воды, принести таз и зажечь лампу. Умывшись, гости сели у лампы.

— Почтенный Чэнь,— снова обратился к хозяину Сунь У-кун.— У меня есть к вам еще одна просьба. Не могли бы вы дать мне иголку с ниткой?

— Как же, пожалуйста! — с готовностью отвечал хозяин и велел жене принести иголку с ниткой.

Сунь У-кун был очень наблюдателен. Заметив, что Сюань-цзан снял перед мытьем белую рубашку и больше не надел ее, он схватил рубашку и надел на себя. После этого он стащил с себя шкуру

тигра и сшил оба куска вместе. Получилось нечто вроде передника со складками. Он надел его на себя, подвязался поясом из пальмы, завязав его узлом в виде лошадиной морды и, подойдя к Сюань-цзану, спросил:

— Как вы находите, сегодня я одет лучше, нежели вчера?

— Великолепно! — воскликнул Сюань-цзан.— Вот теперь ты похож на настоящего паломника. Ученик мой,— продолжал он,— если не брезгуешь, то можешь носить мою рубашку всегда.

— Премного вам благодарен,— промолвил Сунь У-кун, почтительно кланяясь.

После этого он вышел во двор, достал сена и накормил коня. К этому времени все уже закончили свои дела и разошлись на покой.

На следующее утро Сунь У-кун поднялся очень рано и предложил Сюань-цзану отправляться в путь. Сюань-цзан стал одеваться и велел Сунь У-куну собрать постели и упаковать вещи. Они хотели распрощаться с хозяевами, но в это время хозяин принес им кувшины с водой для мытья и приготовил завтрак. Позавтракав, они отправились в путь. Сюань-цзан ехал верхом, а Сунь У-кун шел впереди в качестве проводника. Так, потихоньку они продвигались вперед. Ранним утром отправлялись в путь и поздним вечером останавливались на ночлег. Днем они делали привал, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Незаметно наступила зима.

Красные листья иней покрыл
И поредели леса,

Сосны и кедры вершины свои
С гор вознесли в небеса,

Запахом нежным цветов мэйхуа
Воздух уже напоен —

Тонким лучом молодая весна
Каждый раскроет бутон,

А хризантемы завяли уже,
Вянут и лотос и чай,

И по холодным перилам моста
Ветки сухие стучат...[1]

И вот однажды раздался резкий свист и на дорогу с пиками, мечами, кинжалами и луками выскочили разбойники—их было шесть человек, и с шумом и криками бросились на них.

— Эй вы монахи! — кричали они.— Куда идете? Если вам дорога жизнь, оставляйте своего коня и вещи.

Сюань-цзан свалился с коня и от страха не мог вымолвить ни слова.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

— Да вы не беспокойтесь, учитель,— поддерживая его, сказал Сунь У-кун.— Теперь у нас прибавится одежды и денег на дорогу.

— Да ты что, оглох, что ли? — удивился Сюань-цзан.— Они требуют у нас коня и вещи, а ты говоришь, что у нас прибавится одежды и денег.

— Вы присмотрите за вещами и конем, а я сейчас расправлюсь с ними. Тогда поймете, что я хочу сказать.

— Не зря говорится, что один в поле не воин. Их шесть здоровенных парней, а ты—маленькое существо. Как же ты рискнешь драться с ними?

Сунь У-кун не стал больше спорить, выступил вперед и, сложив руки на груди, поклонился разбойникам.

— Почтенные господа! Зачем вы останавливаете нас, бедных монахов, и не даете нам возможности следовать своим путем?

— Мы атаманы с большой дороги, справедливые хозяева гор. Наши имена известны повсюду. Неужели вы не слышали о нас? Ну, живо оставляйте свои вещи и можете отправляться дальше. Не вздумайте только возражать, не то мы раскромсаем вас на куски и сотрем в порошок ваши кости.

— А я ведь тоже наследный царь и долгое время был правителем гор,— продолжал Сунь У-кун.— Но о вас я никогда не слышал.

— Ну, раз не слышал, так вот что я тебе скажу,— промолвил один из них.— Первого из нас зовут Глаз, который видит и наслаждается, второго — Ухо, которое слышит и возмущается, третьего — Нос, который обоняет и радуется, четвертого — Язык, который пробует и жаждет, пятого — Разум, который постигает и испытывает вожделение. Шестой олицетворяет собой печаль.

— Да вы просто мелкие воришки,— рассмеялся Сунь У-кун.— А известно ли вам, что мы — монахи — ваши господа, как же вы смеете преграждать нам дорогу? Сейчас же доставьте сюда награбленное добро, разделите его на семь частей и одну отдайте мне. Тогда я помилую вас!

Его слова поразили разбойников и в соответствии со своими именами каждый реагировал на это по-своему. С криком они ринулись вперед.

— Да что этот монах спятил, что ли?! — орали они.— Хочет, чтобы мы делились с ним. Прощайся лучше со своим добром!

Размахивая пиками и мечами, они ринулись на Сунь У-куна, и на его голову посыпался град ударов. Однако он продолжал спокойно стоять, словно все происходящее вовсе не касалось его.

— Вот так монах! — закричали они.— Крепкая у тебя голова!

— Ну что, убедились! — воскликнул Сунь У-кун.— А вот когда вы устанете, я выну свою иглу и немного побалуюсь с ней!

— Да этот монах видно из лекарей, которые лечат уколами,— сказал кто-то из разбойников.— Но среди нас ведь нет больных.

Тут Сунь У-кун вынул из уха свою иглу и, взмахнув ею несколько раз против ветра, превратил ее в огромный железный посох, толщиной с чашку.

— Ни с места! — крикнул Сунь У-кун.— Сейчас увидите, как я буду расправляться с вами!

Разбойники в страхе бросились кто куда, но Сунь У-кун мигом догнал их и перебил всех по одному. Затем он стащил с них одежду, забрал их пожитки и, подойдя к Сюань-цзану, сказал:

— А теперь, учитель, мы можем следовать дальше. Я перебил их всех до единого.

— Должен сказать тебе, что ты чересчур жесток,— упрекнул его Сюань-цзан.— Этих разбойников надо было передать властям. А тебе следовало отогнать их, вот и все. Зачем же ты убил их? Это говорит о твоей жестокости, а монах не может быть жестоким. Человек, отрекшийся от мира, подметая пол, старается не погубить муравья, а из любви к бабочкам на фонарь надевает шелковый абажур. Как же мог ты без разбору убивать их? И если здесь, в горах, где так мало людей, ты ведешь себя подобным образом, что же будет в городе? Если ты будешь раздражаться по всякому поводу и убивать, в какое положение поставишь меня?

— Но если бы я не убил их, они убили бы вас,— оправдывался Сунь У-кун.

— Нам, монахам, лучше умереть, нежели совершить злодеяние,— отвечал Сюань-цзан.— Если бы они убили меня, погиб бы один человек, а ты убил сразу шестерых. Чем же можно оправдать твой проступок? Представь себе, что это дело разбирали бы в суде и судьей оказался бы твой отец, ведь и он не смог бы тебя оправдать.

— Известно ли вам, учитель,— сказал тогда Сунь У-кун,— что пятьсот лет назад, когда я царствовал на Горе цветов и плодов, я перебил невесть сколько народу. И если бы я придерживался таких же взглядов, как вы, я никогда не стал бы Великим Мудрецом, равным небу.

— Вот за все твои преступления и сумасбродные действия, за то, что ты обманывал небо и бесчинствовал на земле и никто тобой не управлял, ты и должен был нести наказание в течение пятисот лет,— отвечал на это Сюань-цзан.— И если впредь будешь совершать злодеяния и губить людей, ты не сможешь идти в Индию, не сможешь быть монахом. Ведь это отвратительно.

А надо вам сказать, что Сунь У-кун не выносил, когда его ругали. Вот и на этот раз он не сдержал своего возмущения.

— Хорошо! Раз вы позволяете себе так говорить и считаете, что я недостоин быть монахом, я не пойду в Индию и покину вас. Не желаю слушать ваши нападки!

Сюань-цзан молчал. Это еще больше разозлило Сунь У-куна, и он крикнул:

— Я ухожу!

Когда Сюань-цзан поднял голову, обезьяны уже не было. Слышался лишь гул, удалявшийся в восточном направлении. Сюань-цзан одиноко стоял, покачивая головой. «Учить таких людей бесполезно,— подумал он, тяжело вздыхая.— Сказал ему несколько слов, а он исчез. Ну что ж поделаешь! Не суждено мне, видно, иметь учеников. Теперь все равно не найдешь его. Станешь звать — он не откликнется. Придется идти одному». И несмотря на опасности, которые ждали его в пути, Сюань-цзан все же решил отправиться дальше.

Собрав вещи, он привязал их к коню, и, держа в одной руке повод, а в другой посох, тяжело вздыхая, двинулся на запад. Пройдя совсем немного, он увидел старуху. Она несла рясу, поверх которой лежала вышитая шапочка. Когда старуха приблизилась, Сюань-цзан поспешил отвести лошадь в сторону, чтобы пропустить женщину.

— Вы откуда, почтенный отец, и куда направляетесь в одиночестве? — спросила старуха.

— Я посланец Танского императора и путь держу в Индию к Будде, чтобы взять у него священные книги.

— Будда живет в Индии, в храме Раскатов грома,— промолвила старуха.— Это в восемнадцати тысячах ли отсюда. Как же вы доберетесь туда без помощников и учеников, с одним лишь конем?

— Несколько дней назад я нашел было одного послушника,— отвечал Сюань-цзан,— но он стал бесчинствовать, и я отчитал его. Это ему не понравилось, и он покинул меня.

— Ватная ряса, которую я несу, и шапочка с металлическим обручем,— продолжала старуха,— принадлежали моему сыну. Он постригся в монахи, но через три дня после этого умер. Сейчас я как раз возвращаюсь из монастыря: поплакала там, простилась с его учителем и взяла себе эти вещи на память. Если бы у вас, почтенный отец, был послушник, я с радостью подарила бы вам эти вещи для него.

— Вы очень добры,— сказал Сюань-цзан,— но мой ученик сбежал от меня, поэтому я не могу принять от вас эти вещи.

— А в каком направлении он исчез? — спросила старуха.

— По звуку можно было определить, что в восточном,— отвечал Сюань-цзан.

— В таком случае он далеко не ушел,— сказала старуха.— Там как раз находится мой дом. Я думаю, что он непременно придет туда. У меня есть заклинание, которое называется «Истинное наставление для утверждения сердца», или «Заклинание сжатия обруча». Вы хорошенько запомните его, но, смотрите, не передавайте никому другому. А я пойду искать вашего ученика и пришлю его к вам. Дайте ему рясу и шапочку. А если он не будет повиноваться вам, произнесите это заклинание, и он никогда не будет бесчинствовать и не посмеет больше покинуть вас.

Выслушав это, Сюань-цзан склонил голову в знак благодарности, а старуха превратилась в золотой луч и исчезла в восточном направлении. Тут Сюань-цзан понял, что слышал наставления самой бодисатвы Гуаньинь и поспешил возжечь фимиам и совершить поклоны. Затем он убрал рясу и шапочку в узел, а сам сел у дороги, повторяя переданное ему заклинание. Он повторял его до тех пор, покуда не выучил наизусть.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. Покинув своего учителя, он сделал волшебный прыжок и вмиг очутился у Восточного моря. На облаке он опустился вниз и, рассекая воду, явился ко дворцу Царя драконов Восточного моря. Встревоженный царь вышел ему навстречу и, введя во дворец, усадил на почетное место. Когда была закончена церемония приветствий, Царь драконов сказал:

— Я слышал недавно, что срок вашего наказания кончился, но не успел поздравить вас. Я всегда был уверен, что вы снова станете праведником и вернетесь в свои владения.

— Так я и хотел сделать,— промолвил Сунь У-кун.— Но сначала мне пришлось стать монахом.

— Как же так? — удивился Царь драконов.

— Бодисатва Южного моря Гуаньинь посоветовала мне стать на праведный путь и сопровождать Танского монаха в Индию к Будде за священными книгами. Я выполнил ее волю и стал странствующим монахом.

— Вы поступили очень хорошо,— сказал Царь драконов,— примите по этому поводу мои поздравления. Это как раз и называется искупить свои прегрешения, встать на праведный путь, осудить свои заблуждения и усовершенствовать свое сердце. Однако почему вы возвратились на восток? — спросил он.— Вы ведь должны быть сейчас на западе.

— Этот Танский монах совершенно не понимает вежливого обращения,— сказал Сунь У-кун.— В пути на нас напали разбойники, ну я и перебил их. А он стал меня отчитывать. Стерпеть этого я не мог, покинул его и теперь возвращаюсь в свое царство. По дороге решил заглянуть сначала к вам в надежде на то, что вы угостите меня чаем.

Царь драконов тут же приказал подать ароматного чаю. Выпив чашку, Сунь У-кун оглянулся и увидел висящую на стене картину: «Чжан-лян на мосту Ицяо подносит туфлю». Сунь У-кун поинтересовался, что это за картина.

— Вы не знаете ее истории,— сказал Царь драконов,— потому, что в то время были на небе. Эта картина называется «Троекратное подношение туфли на мосту Ицяо».

— А что это значит? — спросил Сунь У-кун.

— Святой человек, который изображен здесь — Хуан Ши-гун,— промолвил Царь драконов.— А этот паренек, Чжан-лян, жил в Ханьскую эпоху. Хуан Ши-гун сидит на мосту, с ноги его упала вниз туфля. Он подозвал Чжан-ляна и велел ему достать

туфлю. Чжан-лян поспешил выполнить приказ и, почтительно преклонив колени, преподнес ему туфлю. Но бессмертный снова уронил ее,— так было три раза. Однако Чжан-лян не проявил ни нетерпения, ни заносчивости. Хуан Ши-гуну понравились прилежность и почтительность Чжан-ляна, и в одну прекрасную ночь Хуан Ши-гун передал Чжан-ляну небесную книгу и послал его оказать поддержку дому Ханей. Впоследствии Чжан-лян стал самым заслуженным сановником Ханьской династии и, работая у себя в кабинете, решал исход сражений за тысячу ли. После того как в государстве воцарился мир, он бросил свою должность, отправился в горы, сделался учеником Чи Сун-цзы и постиг учение Дао. Великий Мудрец,— закончил свою речь Царь драконов,— если вы не будете сопровождать Танского монаха и не раскаетесь в своих проступках, то так и останетесь простым мудрецом-волшебником и никогда не постигнете Истину.

Выслушав его, Сунь У-кун глубоко задумался.

— Вы должны научиться сдерживать себя, Великий Мудрец,— продолжал Царь драконов,— и не действовать так, как вам заблагорассудится. Иначе вы погубите свое будущее.

— Ну ладно, хватит об этом,— сказал Сунь У-кун.— Я вернусь к Танскому монаху, буду сопровождать его в Индию, и дело с концом.

Царь драконов несказанно обрадовался.

— В таком случае не смею задерживать вас,— сказал он.— Явите милосердие и не будьте грубым и невнимательным к своему учителю.

Заметив, что царь торопит его, Сунь У-кун простился, потянулся и покинул дно морское. И вот, когда он на облаке плыл обратно, он повстречал бодисатву Гуаньинь.

— Ты что здесь делаешь? — обратилась она к нему.— Почему не совершенствуешься и не сопровождаешь Танского монаха?

Растерявшийся Сунь У-кун поспешил приветствовать бодисатву и промолвил:

— Вы милостиво обещали мне, что Танский монах освободит меня из заточения. Так и случилось. После этого я стал учеником монаха. Но когда он упрекнул меня в жестокости, я решил сбежать. А сейчас снова иду к нему.

— Отправляйся быстрее и постарайся исправиться,— сказала бодисатва. После этого каждый из них отправился своей дорогой.

Вмиг Сунь У-кун очутился на месте. Сюань-цзан с убитым видом сидел на обочине дороги. Сунь У-кун подошел к нему и спросил:

— Учитель, почему же вы не отправились дальше?

— Где же ты был? — спросил в свою очередь Сюань-цзан, подняв голову.— Ты отбил у меня всякую охоту идти, я сидел и дожидался тебя.

— А я ходил к Царю драконов Восточного моря попить чайку,— ответил Сунь У-кун.

— Вот что, ученик мой,— отвечал Сюань-цзан.— Запомни, монахи никогда не должны лгать. Ты ходил всего какой-нибудь час, а говоришь, что пил чай у Царя драконов Восточного моря.

— Мне нечего обманывать вас, учитель,— улыбнулся Сунь У-кун.— Я обладаю искусством одним прыжком сквозь облака покрыть расстояние в сто восемь тысяч ли. Вот почему я успел побывать у Царя драконов и вернуться обратно.

— А я подумал было, что ты рассердился на меня и сбежал,— сказал Сюань-цзан.— Хорошо, что ты обладаешь способностью совершать прогулки, во время которых можешь попить чаю. А я вот не могу этого сделать и поэтому сижу голодный. Тебе, я думаю, и самому стыдно.

— Если вы голодны, учитель,— сказал Сунь У-кун,— я могу достать для вас еды.

— Нет, в этом нет никакой необходимости,— отвечал Сюань-цзан.— У меня в узле осталось немного сухих лепешек, которые мне положила мать охотника. Ты лучше возьми чашку и принеси воды: я подкреплюсь, и мы двинемся дальше.

Сунь У-кун развязал узел, достал сухие лепешки и передал их Сюань-цзану. И тут он заметил сверкающую на солнце вышитую парчовую рясу и вышитую шапочку с металлическим обручем.

— Вы привезли эти вещи из Китая? — спросил он.

— Я носил их, когда был еще маленьким,— не задумываясь отвечал Сюань-цзан.— Тот, кто наденет эту шапочку, может читать священные книги, даже не изучив их,— продолжал он.— А кто наденет эту рясу, может совершать церковные обряды, даже не зная их.

— Дорогой учитель! Разрешите мне надеть их на себя,— попросил Сунь У-кун.

— Что ж, если они тебе подойдут, надевай,— сказал Сюань-цзан.

Сунь У-кун, не мешкая, нарядился в рясу, а на голову надел шапочку. Все это, казалось, было сделано специально для него. Увидев, что Сунь У-кун нарядился, Сюань-цзан не стал есть, и быстро пробормотал заклинание.

— Ой, голове больно! — завопил Сунь У-кун.

Сюань-цзан продолжал шептать заклинание, а Сунь-У-кун от боли катался по земле, пытаясь сорвать металлический обруч. Боясь, как бы он этого действительно не сделал, Сюань-цзан на миг умолк, и в тот же момент у Сунь У-куна прекратились боли. Он ощупал голову, и ему показалось, что кто-то металлической проволокой крепко-накрепко прикрепил эту шапочку к его голове, она словно вросла в кожу, так что ни снять, ни сдвинуть с места ее было нельзя. Тогда Сунь У-кун вынул из уха свою иглу и попробовал приподнять шапочку, но напрасно. Между тем Сюань-цзан, опасаясь, как бы Сунь У-кун не сломал обруч, снова начал бормотать свои заклинания, и у Сунь У-куна тотчас же

начались боли. Он корчился, прыгал, как стрекоза, кувыркался. Лицо его побагровело и казалось, что глаза вот-вот выскочат из орбит.

Сюань-цзан не в силах был больше смотреть на мучения Сунь У-куна и перестал произносить заклинания. Сунь У-кун тотчас же успокоился.

— Эту боль вызывают у меня, вероятно, ваши заклинания,— промолвил Сунь У-кун.

— Какие еще заклинания? — сказал Сюань-цзан.— Я просто читал цитату из сутры Железный обруч.

Не успел Сюань-цзан раскрыть рот, как боли сразу возобновились.

— Остановитесь! Стойте! — закричал Сунь У-кун.— Как только вы начинаете читать, у меня сразу же появляется боль! Что все это значит?

— Ну как, будешь ты впредь выполнять все, что я тебе скажу? — в свою очередь спросил Сюань-цзан.

— Конечно, буду,— сразу же согласился Сунь У-кун.

— И никогда больше не станешь безобразничать?

— Никогда,— отвечал Сунь У-кун.

Однако в душе Сунь У-кун затаил недобрые намерения. Он вынул свою иглу, помахал ею и, превратив в огромный посох, бросился на Сюань-цзана. Сильно напуганный Сюань-цзан снова произнес заклинание, и Сунь У-кун тут же свалился от боли, посох выпал из его рук, и он, совершенно беспомощный, закричал:

— Учитель, простите меня! Перестаньте читать!

— Вот видишь, как ты коварен, ты осмелился поднять на меня руку!

— Теперь уж я больше не осмелюсь поступать подобным образом,— сказал Сунь У-кун.— А кто научил вас этому заклинанию, учитель?

— Старуха, которую я только что встретил,— отвечал Сюань-цзан.

— Можете больше не говорить! — гневно воскликнул Сунь У-кун.— Теперь все ясно, это была не кто иная, как Гуаньинь! И как только она осмелилась причинить мне такое зло? Вы обождите меня учитель, а я мигом слетаю на Южное море и дам ей хорошую трепку!

— Раз этому заклинанию научила меня она,— сказал Сюань-цзан,— то сама, видимо, тоже знает его. Если ты отправишься к ней, она прибегнет к помощи заклинания, и ты погиб!

Поразмыслив, Сунь У-кун решил, что Сюань-цзан прав и, не решаясь больше что-нибудь предпринимать, опустился на колени.

— Учитель! Этот способ Гуаньинь придумала для того, чтобы заставить меня сопровождать вас в Индию. Я больше не буду вызывать ее недовольство. Учитель, не принимайте всерьез того,

что я говорю, и молитесь бодисатве Гуаньинь. Отныне я буду верой и правдой служить вам и охранять вас до конца вашего пути.

— Что ж, очень хорошо,— отвечал Сюань-цзан.— А сейчас помоги мне сесть на коня.

Удрученный Сунь У-кун покорно уложил вещи, встряхнулся и подвязал рясу. Затем навьючил вещи на коня, и они двинулись на Запад.

Однако о том, что происходило дальше, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как духи с горы Шэпаньшань тайно помогали паломникам и как был усмирен взбунтовавшийся дракон реки Инчоуцзян

Так, Сунь У-кун вместе с Танским монахом отправился на Запад и в пути прислуживал ему. Прошло несколько дней. Стоял двенадцатый лунный месяц. Погода была холодная. Дул резкий северный ветер. Все вокруг покрылось изморозью.

Путникам приходилось взбираться по отвесным скалам, по извилистым, крутым тропинкам. Перед ними вздымались мощные утесы, громоздились горные цепи. И вот однажды Сюань-цзан услышал шум бурлящей воды. Обернувшись к Сунь У-куну, он спросил:

— Скажи, пожалуйста, что это за шум?

— Если память не изменяет мне,— отвечал Сунь У-кун,— это место называется Шэпань-шань — гора Извивающейся змеи, а река, которая здесь протекает, носит название Инчоуцзян, что значит — река Орлиной печали. Я думаю, что здесь слышно, как она шумит.

И не успел он договорить, как они очутились у реки. Сюань-цзан остановил коня, и глазам его представилась великолепная картина:

Волны устремились в облака,
Бешеное море бушевало,

Яркие, багровые лучи
На потоки вод заря бросала.

Было шумно — словно сильный дождь
Ночью разбудил немые горы.

Выли ветры — стали тесны им
Моря необъятные просторы...

. . . .

Цапля чайку
В небе не найдет,

Над землей ползет
Густой туман,

И рыбачью лодку
Поглотил

Неспокойный,
Грозный океан![1]

Вдруг на середину потока со страшным шумом выскочил дракон. Рассекая воду и вздымая волны, он ринулся прямо к берегу. Сунь У-кун поспешно положил свою ношу и, стащив Сюань-цзана с коня, отбежал с ним назад. Дракон, видя, что ему не догнать их, проглотил коня вместе с седлом и сбруей и тотчас же исчез в волнах.

Между тем Сунь У-кун привел Сюань-цзана на высокий холм, усадил его там, а сам отправился за конем и вещами. Однако на берегу он нашел только вещи, коня нигде не было. Вернувшись с вещами к Сюань-цзану, Сунь У-кун сказал:

— Учитель! Этот проклятый дракон скрылся, но он очевидно напугал вашего коня и тот ускакал куда-то.

— Ученик мой! — воскликнул Сюань-цзан.— Как же мы найдем его?

— Успокойтесь, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Я тотчас же отправлюсь на поиски.— С этими словами Сунь У-кун свистнул и взвился ввысь. Прикрыв рукой свои огненные глаза, он осмотрел все вокруг, но никаких следов коня не обнаружил. Тогда он на облаке спустился вниз и, подойдя к Сюань-цзану, сказал:

— Учитель! Нет никаких сомнений в том, что нашего коня сожрал дракон. Я очень внимательно осмотрел все вокруг, но коня не обнаружил.

— Ученик мой! — отвечал на это Сюань-цзан.— Неужели у этого дракона такая огромная пасть, что он смог проглотить моего коня вместе с седлом и сбруей? Нет, я думаю, что конь испугался и спрятался где-нибудь в ущелье. Поищи получше.

— Вы, видно, не знаете моих способностей,— отвечал Сунь У-кун.— Днем мои глаза могут разглядеть счастье и несчастье на тысячу ли. И если на таком расстоянии стрекоза взмахнет крыльями, я непременно замечу. Как же мог я не увидеть такого огромного коня?

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

— Но если дракон действительно проглотил коня, как мы пойдем дальше? — спросил Сюань-цзан.— Вот беда! Ведь теперь нам не пройти ни через горы, ни через реки.— Говоря это, Сюань-цзан горько заплакал.

Отчаяние и слезы возмутили Сунь У-куна, и он крикнул:

— Учитель! Не унижайте себя так! Сейчас я разыщу этого мерзавца дракона, заставлю его вернуть нам коня, и дело с концом!

— Дорогой ученик! — стал удерживать его Сюань-цзан.— Где же ты будешь искать его? А вдруг он притаился тут поблизости и, когда ты уйдешь — выскочит? Тогда я погиб.

Эти слова окончательно вывели Сунь У-куна из терпения, и он громовым голосом закричал:

— Вы совершенно невозможный человек! Так дело не пойдет. Вы хотите ехать на коне, и в то же время не даете мне возможности отыскать его. Так мы можем просидеть на ваших вещах до самой старости и ничего не сделаем! — бушевал Сунь У-кун, не в силах подавить своего гнева. Вдруг откуда-то сверху раздался голос:

— Великий Мудрец Сунь У-кун, усмири свой гнев! А вы, побратим императора Танов, не отчаивайтесь. Мы — духи, посланные сюда бодисатвой Гуаньинь для того, чтобы сопутствовать вам и тайно охранять паломника за священными книгами.

Сюань-цзан поспешил приветствовать их поклонами, а Сунь У-кун спросил:

— Сколько вас и как зовут? Я должен знать это.

— Мы духи тьмы и света — Лю-дин и Лю-цзя, хранители пяти частей света, четыре стража и восемнадцать хранителей монастырей. Охрану будем нести по очереди.

— Кто начнет? — спросил Сунь У-кун.

— Сегодня будут нести охрану Лю-дин, Лю-цзя, четыре стража и стражи монастырей. Один только Златоглавый страж будет неотлучно находиться здесь и днем и ночью.

— Кто не занят на дежурстве — может удалиться,— распорядился Сунь У-кун.— Лю-дин, постоянный дух времени и духи-хранители останутся здесь и будут охранять нашего учителя, пока я не вернусь. А я отправлюсь на поиски этого проклятого дракона и заставлю его вернуть нам коня.

Духи почтительно выполнили приказание. Только теперь Сюань-цзан окончательно успокоился и, усевшись на скале, стал давать напутствия Сунь У-куну, наказывая ему быть осторожным и беречь себя.

— Вы можете быть совершенно спокойны,— отвечал ему Сунь У-кун.

После этого он подвязал рясу, подоткнул полы, и держа в руках посох с золотым обручем, ринулся прямо к потоку. Плывя на легких облаках над водой, он кричал:

— Эй ты проклятый угорь! Сейчас же верни нам коня!

Между тем дракон, сожрав белого коня, принадлежавшего Сюань-цзану, лежал в это время на дне и переваривал свою добычу. Вдруг он услышал, что кто-то шумит и требует вернуть коня. Этого он, конечно, стерпеть не мог и, вздымая волны, выпрыгнул наверх.

— Кто смеет шуметь здесь и ругать меня! — крикнул он.

— Ни с места! — прогремел Сунь У-кун.— Сейчас же верни моего коня! — размахнувшись посохом, Сунь У-кун опустил его на голову дракона. А дракон, разинув пасть и выпустив когти, ринулся на Сунь У-куна. И на берегу между ними завязался отчаянный бой. Соперники дрались, как истинные герои.

У дракона,что выпустнл когтн нз лап,
В позе оборонительной,
Седнна бороды сравнться могла б
С белоснежных жемчужнн ннтямн.
Взметнулся в небо посох царя,
Золотым украшенный ободом,
Глаза расшнрнлнсь, двум фонарям
Сверканнем грозным подобные.
Однн облака на врага выдыхал,
Усы жемчужные выставнв,
Другой в небесах поднимал ураган
Двнженьямн посоха быстрымн.
Безвестных роднтелей сын-дракон,
Не знал нн рода, нн племенн,
А Царь чародеямн был порожден
И сослан за преступлення.
Окреплн онн, через много преград
Пройдя невреднмымн ранее,
И каждый в бою был нспользовать рад
Свон сокровенные знання [1].

Они долго бились, то наступая, то отступая, то кружась, пока наконец дракон не почувствовал, что силы его покидают. Тогда он бежал с поля боя, бросился в воду и скрылся на дне реки.

Как Сунь У-кун ни бранил, как ни поносил его, он не отзывался. Убедившись, что ничего не может сделать, Сунь У-кун вернулся к Сюань-цзану.

— Учитель! — сказал он.— Когда я стал бранить это чудовище, оно вылезло из воды. Мы долго бились, но он струсил, бежав с поля боя, скрылся в реке и больше не показывался.

— Но как узнать, действительно ли он съел моего коня? — промолвил Сюань-цзан.

— Подумайте, что вы говорите! — воскликнул Сунь У-кун.— Разве стал бы он вступать со мной в драку, если бы не съел коня?

---

[1] Стихн в обработке В. Гордеева.

— Когда несколько дней назад ты убил тигра,— сказал Сюань-цзан,— ты, кажется, говорил, что обладаешь способностью усмирять драконов и покорять тигров. Почему же сегодня ты не смог расправиться с этим чудовищем?

Вы уже знаете, читатель, что эта обезьяна совершенно не выносила, когда кто-нибудь задевал ее. И вот, когда Сюань-цзан бросил ей такое оскорбление, она призвала всю свою волшебную силу и закричала:

— Довольно! Хватит! Я с ним схвачусь еще раз, и тогда посмотрим, чья возьмет!

И Царь обезьян большими шагами направился к берегу. Призвав на помощь свою волшебную силу, он так взбаламутил реку Инчоуцзян, что прозрачная, как стеклышко, вода стала желтой. Такой бывает Хуанхэ во время большого половодья.

Между тем дракон-изгнанник, находившийся глубоко на дне реки, встревожился и не знал, что делать.

— Вот уж не зря говорится: «Пришла беда, открывай ворота»,— думал он.— Я едва избежал смертного приговора небесного суда. Но не прошло и года, как, покорившись своей судьбе, я обосновался здесь, и на мою голову свалился этот проклятый черт. Он, несомненно, хочет погубить меня!

И чем больше дракон размышлял, тем больше расстраивался. Наконец не в силах сдерживать своей обиды, он, скрипнув зубами, выпрыгнул из воды:

— Откуда только ты взялось, окаянное чудовище! — кричал он.— И как смеешь оскорблять меня?!

— Зачем тебе знать, откуда я взялся! — крикнул в ответ Сунь У-кун.— Если хочешь остаться в живых, сейчас же отдавай коня!

— Да ведь я твоего коня проглотил. Ну что ты теперь со мной сделаешь?

— В таком случае видишь эту дубинку? Чтобы отомстить за нашего коня, мне придется убить тебя, только и всего!

И тут под горой снова разгорелся отчаянный бой. После нескольких схваток дракон, убедившись в безвыходности своего положения, при помощи волшебства превратился в водяную змею и скрылся в прибрежных зарослях.

Царь обезьян с дубиной в руках ринулся за ней. Раздвигая кусты и траву, он обшарил все вокруг, но змеи и след простыл. Тогда Сунь У-кун призвал трех духов*, обитающих в каждом человеке, и из всех семи отверстий * у него повалил дым. Затем он произнес заклинание: «Ом»,— и тотчас же перед ним предстали все местные духи-хранители и, склонившись, промолвили:

— Мы явились по вашему приказанию.

— Протяните ваши лапы, и я вкачу вам для первого знакомства по пяти ударов, чтобы хоть немного отвести душу,— сказал Сунь У-кун.

— Мы желаем вам всяческого благополучия, Великий Мудрец,— отвечали двое из духов, печально склонив голову,— разрешите нам, ничтожным, обратиться к вам!

— Ну, что там у вас такое?

— Нам было известно, что вы долго находились в заточении,— отвечали духи,— но мы не знали, что вы прибудете сюда, поэтому не смогли достойным образом встретить вас. Будьте снисходительны и простите нас.

— Ну что же, на первый раз прощаю,— сказал Сунь У-кун.— Да, кстати, что за волшебный дракон живет в реке Инчоуцзян и как посмел он сожрать коня моего учителя?

— Великий праведник, ведь раньше у вас не было никакого учителя,— удивились духи.— Все знали, что вы бессмертны и не желаете подчиняться ни земным, ни небесным властям. Откуда же взялся у вас учитель и о каком коне вы говорите?

— Вы, значит, ничего не знаете,— произнес Сунь У-кун.— За все дела, которые я натворил, я в течение пятисот лет находился в заключении. Но теперь срок моего наказания кончился. По милости бодисатвы Гуаньинь Танский монах освободил меня. Но бодисатва заставила меня стать его учеником и следовать за ним в Индию за священными книгами. И вот добравшись сюда, мы лишились коня, на котором ехал учитель.

— Так вот оно что! — воскликнули духи.— В этой реке никогда не водились чудовища. И, несмотря на то что она глубока и широка, вода в ней настолько прозрачна, что видно дно. Вороны и сороки боятся пролетать над ней, так как принимают свое отражение за живых птиц и в страхе бросаются в воду. Вот почему река эта называется рекой Орлиной печали. Но в прошлом году, когда бодисатва Гуаньинь, направляясь в Китай искать паломника за священными книгами, проходила здесь, она спасла от казни Нефритового дракона и направила его в эти места, приказав ждать паломника за священными книгами и не совершать никаких злодеяний.

Дракон выходил на берег только сильно проголодавшись и ловил ворон, сорок, а иногда ланей или оленей. Как мог он не узнать вас, Великий Мудрец, да еще напасть на вас, совершенно непонятно.

— Он осмелился даже драться со мной, но затем покинул поле боя и как я ни бранил его, как ни оскорблял, он не показывался. Тогда я взбаламутил реку, и он вынужден был выйти из воды. Тут он еще раз попробовал схватиться со мной, но, видимо, не знал, как тяжела моя дубина. Не в силах защититься от ее ударов, он поспешно превратился в змею и скрылся в траве. Сколько я ни искал его, не мог обнаружить даже следов.

— Вы, вероятно, не знаете, Великий Мудрец,— сказал местный дух,— что эта река изобилует множеством отверстий и скважин. Поэтому она так глубока и стремительна. В одно из от-

верстий дракон, обернувшись змеей, скрылся. Но зачем волноваться и искать его? Лучше обратиться к бодисатве Гуаньинь, и она сразу же усмирит его.

Выслушав это, Сунь У-кун вместе с духами явился к Сюаньцзану и доложил ему обо всем происшедшем.

— Если ты отправишься за Гуаньинь, то пока вернешься я могу умереть с голоду или замерзнуть.

Но едва успел он сказать это, как откуда-то с высоты раздался голос Златоглавого стража:

— Великий Мудрец! Вам незачем ходить за бодисатвой. Я сам сделаю это.

— Будь так любезен, только побыстрее, пожалуйста,— обрадованно сказал Сунь У-кун.

Златоглавый страж взобрался на облако и тотчас же исчез в направлении Южного моря. Сунь У-кун приказал духам охранять учителя, а дежурному велел принести поесть. Сам же он отправился на берег, чтобы продолжить поиски, однако распространяться об этом мы здесь не будем.

Между тем Златоглавый страж очень быстро достиг Южного моря и, следуя в том направлении, откуда исходило лучезарное сияние, очутился у пурпурной бамбуковой рощи. Это было местопребывание бодисатвы. Дух в золотом панцире и Мокша Хуэйань доложили о Златоглавом страже, и его провели к бодисатве.

— Что привело тебя сюда? — спросила бодисатва.

— Танский монах у реки Инчоуцзян, которая протекает в местности Шэпань-шань, потерял своего коня. Он очень взволнован и даже Великий Мудрец Сунь У-кун ничем не может помочь ему. Он вызвал местных духов, рассказал им, что коня сожрал дракон, отбывающий наказание в реке Инчоуцзян, а меня послал к вам доложить об этом. Он велел просить вас усмирить дракона и заставить его вернуть коня.

— Этот дракон, сын Царя драконов Западного моря Аожуна,— выслушав его, промолвила бодисатва.— За то, что он устроил пожар во дворце и сжег драгоценности, отец обвинил его в сыновней непочтительности, и Небесный суд приговорил его к смертной казни. Но я попросила небесного императора сослать его в наказание на землю и заставить служить Танскому монаху. Как же он мог сожрать его коня? Придется отправиться в Шэпань-шань.

И, сойдя с трона, бодисатва покинула священную пещеру и на луче божественного света пересекла Южное море.

«Святые сутры в три сокровищницы собраны
И в странах Запада сохранены»,—
Так объяснила бодисатва добрая,
Из-за Великой появясь стены.
И вот уже познала вся вселенная
Значенье этой мудрости святой,
И оболочка тягостная, бренная
Отброшена Цикадой золотой.

Реки Инчоу яростным течением
Путь к Истине героям прегражден,
Но был дракон исправлен поучением
И в скакуна мгновенно превращен [1].

Очень скоро бодисатва в сопровождении духа-хранителя прибыла в Шэпань-шань. Остановив божественный луч света, они посмотрели вниз и тут увидели Сунь У-куна, который ходил по берегу и ругался вовсю. Бодисатва велела позвать Сунь У-куна. Тогда Златоглавый страж спустился на облаке вниз, и, не подходя к Сюань-цзану, прошел прямо на берег.

— Бодисатва явилась,— сказал он Сунь У-куну.

Услышав это, Сунь У-кун выпрямился и, прыгнув на облако, обратился к бодисатве:

— О ты, учитель семи Будд, основатель учения о милосердии и сострадании! Как могла ты причинить мне такое зло!

— Ты! Безрассудный бродяга! Глупая краснозадая обезьяна! Ведь я только о том и думаю, чтобы паломник за священными книгами благополучно достиг цели. Я велела ему освободить тебя из заключения, а ты вместо того чтобы благодарить меня за это, начинаешь бесчинствовать.

— Хорошо ты обращаешься со мной! — отвечал Сунь У-кун.— Раз уж ты освободила меня, так разрешила бы действовать, как мне заблагорассудится, и все было бы в порядке. Я готов даже помириться с тем, что получил выговор, когда повстречался с тобой несколько дней назад над морем и ты заставила меня идти к Танскому монаху и служить ему верой и правдой. Но для чего тебе понадобилось дарить ему вышитую шапочку, от которой я терплю невыносимые мучения? Ведь обруч прирос к моей голове. К тому же ты научила его заклинанию, и как только монах начинает читать его, голова у меня трещит по всем швам. Вот какое зло ты мне причинила!

— Ах ты обезьяна! — улыбнулась бодисатва.— Ты ведь не желаешь выполнять то, что тебе велят, и не стремишься к истинному блаженству. Дай тебе только волю, ты снова взбунтуешься против неба. Кто удержит тебя? А теперь тебе хоть и пришлось перенести все эти испытания, ты сама изъявила желание встать на праведный путь нашего великого Будды!

— Ну, хорошо,— сказал Сунь У-кун.— Пусть то, что вы сказали обо мне,— справедливо. Но зачем в таком случае вы послали сюда этого дракона и позволили ему съесть коня моего учителя? Ведь подобный поступок не назовешь добрым делом!

— Этот дракон,— сказала бодисатва,— отправлен сюда в наказание Нефритовым императором по моей личной просьбе и должен сопровождать паломника за священными книгами. Подумай сам, как мог обыкновенный конь пересечь тысячи гор и

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

рек и доставить паломника из Китая в Индию, к священной горе — обиталищу Будды! Это под силу было лишь коню-дракону.

— Но что же теперь делать? Я так его напугал, что он куда-то спрятался и не показывается,— признался Сунь У-кун.

Тут бодисатва подозвала Златоглавого духа и сказала ему:

— Ступай сейчас же на берег реки и крикни: «Нефритовый дракон, третий сын царя драконов Ао-жуна, выходи! Сюда явилась бодисатва Гуаньинь с Южного моря». Как крикнешь, так он тут же выйдет.

И действительно не успел Златоглавый дух подойти к берегу и крикнуть дважды то, что ему велела бодисатва, как молодой дракон, вспенивая воды, выпрыгнул на поверхность реки, превратился в человека, встал на облако и, поднявшись в воздух, предстал перед бодисатвой. Воздав ей почести, он сказал:

— Вы были так милостивы, бодисатва, что спасли мне жизнь. Я нахожусь здесь уже очень долго, но до сих пор ничего не слышал о паломнике.

— Разве ты не видишь, что перед тобой великий ученик паломника? — указывая на Сунь У-куна, сказала бодисатва.

— Да это же мой заклятый враг! — воскликнул дракон, увидев Сунь У-куна.— Вчера, сильно проголодавшись, я действительно проглотил коня. А он (дракон указал на Сунь У-куна), пользуясь своей силой, вступил со мной в драку. Ну, я не вытерпел и бежал с поля боя. После этого как он ни ругал меня, я не смел больше показаться. Но он ни слова не сказал мне о том, что является учеником паломника и вместе с ним идет в Индию.

— Да ты и не поинтересовался, как меня зовут и кто я такой! — воскликнул Сунь У-кун.

— Разве я не спрашивал тебя о том, откуда ты, низкое чудовище, появился? — воскликнул дракон.— Но ты в ответ закричал: «Тебе незачем знать, откуда я явился, верни коня, вот и все!» Разве ты хоть словом обмолвился о том, что вы посланники Танского императора?

— Да эта обезьяна только и знает, что бахвалится своей силой,— сказала бодисатва.— Разве станет она обращать внимание на кого-нибудь? Ну, так вот что,— продолжала она,— в пути ты должен строго выполнять следующее правило: на вопрос о том, кто вы, ты прежде всего отвечай, что вы идете за священными книгами. Тогда тебе не придется тратить понапрасну силы, так как все будут подчиняться тебе.

Эти слова доставили Сунь У-куну большое удовольствие. Бодисатва подошла к дракону, удалила жемчужину мудрости из-под его подбородка, затем взяла ивовую ветвь, окропила дракона свежей росой, дунула на него своим волшебным дыханием и крикнула: «Изменись!» В тот же миг дракон превратился в

коня, которого недавно проглотил. После этого бодисатва дала ему следующий наказ:

— Ты должен всеми силами стараться искупить свой проступок. В награду за это ты станешь золотым.

Взнузданный дракон выразил полную готовность выполнить все наставления. Тогда бодисатва велела Сунь У-куну отвести дракона к Сюань-цзану.

— А сейчас я удаляюсь к себе, на Южное море,— промолвила она.

Однако Сунь У-кун схватил ее за полы одежды и крикнул:

— Никуда я не пойду! Не желаю! Путь в Индию далек и опасен. Кто может поручиться, что простой смертный сможет когда-нибудь добраться туда? Да при всех тех тяготах и невзгодах, которые предстоит нам перенести, я не могу поручиться даже за свою собственную жизнь. Что же тут говорить о каких-то заслугах? Нет, я решительно отказываюсь идти!

— Помнится мне, что ты с большой охотой и искренностью готов был получить познание тогда, когда еще не было проявлено милосердия. Почему же ты отлыниваешь от этого сейчас, когда избавился от постигшего тебя бедствия? Только уединением и самоуничижением мы достигаем совершенства, только глубокая вера приносит свои плоды. Ну, а в тех случаях, когда вашей жизни будет грозить опасность, я разрешаю тебе обращаться к небу, и оно придет вам на помощь, духи земли помогут вам. Если же вы попадете в безвыходное положение, я сама приду вам на помощь. А теперь подойди ко мне, я научу тебя еще коечему.

С этими словами бодисатва оторвала от ивовой ветки три листочка и, положив их на затылок Сунь У-куна, крикнула: «Изменитесь!» Листочки мгновенно превратились в волшебные волоски, обладающие способностью спасать от смерти.

— Когда увидишь, что положение безвыходно, можешь тотчас же превратить эти листочки во что тебе будет угодно, они спасут от любой беды.

Выслушав эти добрые советы, Сунь У-кун поблагодарил милосердную бодисатву. А она, восседая на покачиваемых благовонным дуновением радужных облаках, отправилась домой. После этого Сунь У-кун на облаке спустился вниз и, держа за загривок коня-дракона, подошел с ним к Сюань-цзану.

— Ну, учитель, теперь мы с конем! — промолвил он.

Увидев коня, Сюань-цзан пришел в восторг, но тут же заметил:

— Не кажется ли тебе, что наш конь стал тучнее? Где ты нашел его?

— Учитель! — воскликнул Сунь У-кун,— неужели вы только что проснулись? Разве вы не слышали, как Златоглавый дух пригласил сюда бодисатву? Ведь это она превратила дракона в белого коня, точь-в-точь такого, какой был у нас. Жаль только,

что этот конь без сбруи. Поэтому мне и приходится держать его за гриву.

— А где же бодисатва? — встрепенулся Сюань-цзан.— Погоди, я пойду отблагодарю ее.

— Не стоит утруждать себя! Бодисатва сейчас уже на Южном море.

Тогда Сюань-цзан взял щепоть земли, возжег благовония и, обратясь лицом на юг, совершил поклоны. После этого он вместе с Сунь У-куном уложил вещи, и они собрались в путь. Между тем Сунь У-кун отпустил местных духов, дал наказ Златоглавому духу и стражам и подвел к Сюань-цзану коня.

— Как же я поеду? Ведь конь без узды и поводьев! Кроме того, надо найти лодку, чтобы переправиться через реку. А там уж мы посмотрим, что делать.

— Этот учитель не от мира сего! — воскликнул Сунь У-кун.— Где возьмешь паром в таких глухих горах? Этот конь давно живет здесь и, конечно, хорошо знает реку. Садитесь, не бойтесь, он перевезет вас лучше всякого парома.

Сюань-цзану ничего не оставалось, как согласиться с Сунь У-куном, и он взобрался на коня. Сунь У-кун подхватил тюки, и они двинулись в путь. Очутившись у берега, они заметили рыбака, который плыл вниз по течению на старом, прогнившем плоту. Сунь У-кун помахал ему рукой и крикнул:

— Эй, рыбак! Подъезжай сюда! Мы паломники из Китая и идем за священными книгами. Мой учитель не может перебраться на тот берег, перевези его!

Рыбак тотчас же поспешил к ним, а Сунь У-кун помог учителю сойти с коня. Сюань-цзан вошел на плот. Туда же ввели коня и уложили вещи. Когда все разместились, рыбак оттолкнулся от берега, и плот с быстротой ветра переправил их. Как только они сошли на берег, Сюань-цзан велел Сунь У-куну достать из узла немного денег и дать их рыбаку, но тот уже отчалил и крикнул:

— Не надо никаких денег! — С этими словами он скрылся из виду.

Сюань-цзану было очень неловко, и, сложив руки, он выразил свою благодарность.

— Да что его благодарить, учитель! — сказал Сунь У-кун.— Вы ведь не знаете, кто он такой. Это водяной дух, и если бы он не вышел нам навстречу, я непременно вздул бы его. Пусть скажет спасибо, что остался небитым. А о плате и толковать нечего.

Сюань-цзан отнесся к словам Сунь У-куна с недоверием, но промолчал, взобрался на коня, и они двинулись дальше. Глазам их открылись необъятные просторы. Казалось, они попали в другой мир и, очистившись сердцем, вступили на священные горы. Они и не заметили, что красный диск солнца стал клониться к западу — приближались сумерки.

Тучки беспорядочные, быстрые
Бледною озарены луной,
Иней воздух наполняет искрами,
Дрожь рождает ветер ледяной.
Птичьих стай, летящих к югу с криками,
В небесах лазурных больше нет,
С озаренными закатом пиками,
Кажется, уходит вдаль хребет.
Средь ветвей шуршания постылого
Только обезьян тоскливый визг,
И дорога пыльная пустынная
Вьется по горам то вверх, то вниз.
Лишь когда ночная тьма сгущается,
Вдалеке мелькают огоньки —
То из странствий дальних возвращаются
К берегу родному моряки [1].

— Сунь У-кун! — позвал он.— Я вижу человеческое жилье. Мы остановимся там на ночлег, а утром тронемся дальше.

Посмотрев вперед, Сунь У-кун промолвил:

— Нет, учитель, это не жилье.

— Как же так? — удивился Сюань-цзан.

— Там на крыше я вижу изображения не то летающих рыб, не то животных. Это, пожалуй, храм или кумирня.

Так, беседуя друг с другом, они добрались до ворот строения, которое заметили издали, и над воротами увидели доску с тремя огромными иероглифами: «Храм местного бога». Они вошли в ворота и во дворе увидели старца, у которого на шее висели четки. Сложив руки и приветствуя их, старец сказал:

— Прошу, учитель, садитесь!

Сюань-цзан поспешил поклониться ему в ответ и, подойдя к алтарю, совершил поклон перед изображениями святых. Старик велел юному послушнику принести чаю. Когда они выпили по чашке, Сюань-цзан спросил:

— Почему эта кумирня называется «Храмом местного бога»?

— Это место называется государством Хами,— отвечал старец.— За храмом находится селение. Жители его отличаются благочестием и решили построить храм. Вот почему он и называется «Храмом местного бога». Каждый сезон — весной, во время пахоты, летом при прополке, осенью во время сбора урожая и зимой, когда уже сделаны запасы продовольствия, крестьяне приходят в храм и здесь совершают жертвоприношения. Поэтому счастье не покидает их, они всегда собирают обильные урожаи, стада их множатся.

Слушая это, Сюань-цзан одобрительно кивал головой и наконец сказал:

— Вот уж не зря говорится: «Отъедешь от дома на три ли, и встретишь другие обычаи». У нашего народа, к сожалению, нет такого хорошего обычая.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— А вы откуда пожаловали, учитель? — поинтересовался старец.

— Я из страны великих Танов,— отвечал Сюань-цзан.— По высочайшему повелению я направляюсь в Индию за священными книгами. День уже клонился к вечеру, когда мы увидели ваш храм, и решили обратиться в это священное место с просьбой приютить нас на ночь. С рассветом мы тронемся дальше.

Старик с радостью согласился предоставить им ночлег и все приговаривал:

— Вы уж простите меня, что не встретил вас, как полагается.

И он тут же приказал послушнику приготовить ужин. После ужина Сюань-цзан поблагодарил хозяина. Между тем от зорких глаз Сунь У-куна не скрылось, что под навесом висит веревка для сушки белья. Он схватил ее и спутал ноги коня.

— Где это вы украли коня? — смеясь спросил старик.

— Что ты болтаешь, старик,— огрызнулся Сунь У-кун.— Как можем мы воровать, если носим священный сан и идем на поклонение Будде!

— Почему же в таком случае на нем нет сбруи? — не отставал старик.— И, чтобы стреножить его, ты берешь мою веревку для сушки белья?

— Ну что за вредное создание! — промолвил Сюань-цзан, извиняясь за Сунь У-куна.— Ему бы только зло творить. Если хочешь стреножить коня, попросил бы у почтенного хозяина веревку, зачем же хватать без спросу? Вы уж не сердитесь на него, уважаемый хозяин,— продолжал он.— Не стану обманывать вас, но конь этот действительно не краденый. У белого коня, на котором я ехал из Китая и добрался до реки Инчоуцзян, была сбруя. Но совершенно неожиданно дракон, который отбывал наказание в этом потоке и совершенствовался там, выскочил из воды и проглотил его вместе со сбруей. И только благодаря моему ученику, который обладает чудесным даром, а также великой милости бодисатвы Гуаньинь, нам удалось поймать этого дракона. Бодисатва превратила его в белого коня, точь-в-точь такого, какой был у меня, велела ему служить мне и сопровождать к обиталищу Будды, в Индию. Не прошло еще и дня, после того как мы переправились через реку, и вот попали к вам. Поэтому-то наш конь без сбруи, мы не успели ее достать.

— Вы не сердитесь на меня, учитель, что я позволил себе пошутить немного,—стал извиняться старик.—Я не думал, что ваш ученик примет мою шутку всерьез. Когда я был молод, у меня водились деньги, и я любил хороших рысаков. Ну, а потом с годами отяжелел и как приехал сюда уж больше не занимался этим делом. Я согласился быть служителем этого храма, совершаю богослужения, возжигаю фимиам, совершаю жертвоприношения. Мои благодетели, живущие в деревне за храмом, не забывают обо мне. Они собирают для меня подаяния. Однако до сих пор у меня сохранилась сбруя, которою я когда-то больше

всего дорожил. Несмотря на всю мою бедность, я никак не мог решиться продать ее. Но после того, что вы мне рассказали, узнав, что сама бодисатва спасла этого священного дракона и, превратив его в коня, заставила служить вам, я считаю своим долгом хоть чем-нибудь вам помочь. Завтра я достану сбрую и преподнесу ее вам, почтенный отец. Надеюсь, вы не откажетесь принять от меня этот скромный дар.

Сюань-цзан был тронут до глубины души и выразил старику свою искреннюю признательность. После того как все поели и послушник прибрал со стола, зажгли фонарь, приготовили постели и отправились на покой. На следующий день, поднявшись рано утром, Сун У-кун, обращаясь к Сюань-цзану, сказал:

— Учитель! Вчера вечером хозяин обещал дать нам сбрую. Напомните ему об этом!

Не успел он это сказать, как увидел, что старик несет полный комплект сбруи. Здесь были и седло, и уздечка, и аркан, в общем все, что полагается. Подойдя к ним, старик положил все это на землю и сказал:

— Разрешите преподнести вам мой скромный дар, учитель!

Сюань-цзан с благодарностью принял подарок и велел Сунь У-куну надеть все это на коня. Сунь У-кун внимательно осмотрел каждую вещь и убедился в том, что сбруя действительно отличная.

О ней даже сложены стихи:

Как серебро звезды, горят сплетенья
Узоров на поверхности седла.
И кожа драгоценного сиденья,
Как золото, блестяща и светла.
И край попоны праздничной атласной
Спускается в три слоя со спины,
И в шнур поводьев, тонкий и прекрасный,
Три длинных нити шелка вплетены.
И украшают яркие букеты
Узду из превосходного ремня,
Чтоб от простуды оградить, надеты
Накидки шерстяные на коня.
И на зонте фигуры золотые
Диковинных невиданных зверей,
И удила железные, литые,
Тяжелые,— чтоб конь бежал скорей [1].

Сунь У-кун остался очень доволен всеми полученными вещами и надел сбрую и седло на коня. А Сюань-цзан в знак благодарности земно поклонился старцу, который тут же бросился поднимать Сюань-цзана.

— Что вы, что вы! Стоит ли благодарить за это?

Когда церемонии были окончены, хозяин не стал задерживать гостей. Сюань-цзан вышел за ворота и, ухватившись за седло, взобрался на коня, а Сунь У-кун взвалил на спину вещи.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

В этот момент старик вытащил из рукава плетку, сделанную из полосок кожи, с кнутовищем из душистого дерева, переплетенным жилами тигра и кисточками из красного шелка и, подавая ее Сюань-цзану, сказал:

— Святой отец, возьмите заодно и эту плетку.

— Я очень благодарен вам за внимание и любезность,— отвечал Сюань-цзан и только было собрался спросить о чем-то старца, как тот исчез.

Сюань-цзан оглянулся на храм, но увидел лишь ровное место. В этот момент с высоты вдруг раздался голос:

— Святой отец! Простите, что не был достаточно учтив с вами. Я — местный дух Лоцзяшань и по поручению бодисатвы доставил вам сбрую для коня. Всеми силами стремитесь на Запад и не теряйте попусту времени.

Перепуганный Сюань-цзан от неожиданности свалился с коня и, простирая руки к небу, стал отбивать поклоны.

— Прости меня, божественный дух, за то, что своими грешными глазами я не распознал твою божественную сущность. Передай от меня глубокую благодарность бодисатве за ее великие к нам милости!

Он без конца продолжал отвешивать поклоны, устремив взор в небо. А на обочине дороги Великий Мудрец Сунь У-кун так и покатывался со смеху. Затем, подойдя к Танскому монаху и схватив его за рукав, он сказал:

— Учитель! Да вставайте же! Он уже сейчас далеко, не слышит ваших молитв и не видит ваших поклонов. Зачем же зря стараться?

— Почему, скажи, когда я совершал поклоны, ты не только не последовал моему примеру, но еще позволил себе насмехаться надо мной? Разве можно так?

— Да что вы понимаете? — рассердился Сунь У-кун.— Этого стервеца следовало бы вздуть хорошенько; лишь ради бодисатвы я не тронул его, пусть этим будет доволен. Чтобы я ему кланялся, пусть и думать об этом не смеет. Я с юных лет был истинным удальцом и никогда не снисходил до того, чтобы кланяться кому-то. Даже при встрече с Нефритовым императором и Лаоцзюнем я ограничился только одним приветствием.

— Ты недостоин звания человека! — возмущенно сказал Сюань-цзан.— И не болтай зря! Вставай скорее, нам нельзя мешкать!

И, собрав свои пожитки, путники двинулись дальше.

Целых два месяца они шли спокойно, хотя на пути им встречались люди из дикого племени ло-ло и мусульмане. Нередко попадались волки, тигры, барсы.

Время летело быстро, и незаметно подошла весна. Горы оделись в яркий бирюзовый наряд, буйно разрослась трава, и на деревьях появились почки, слива оголилась, а на ивах распустились нежно-зеленые листики.

И вот однажды, наслаждаясь в пути весенней природой, учитель и ученик не заметили, как наступил вечер. Сюань-цзан, сидя на коне, посмотрел вдаль и увидел очертания каких-то строений. Видны были крыши беседок и павильонов.

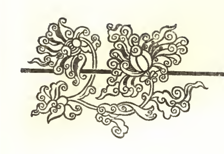
— Сунь У-кун! Как, по-твоему, что это за место?

— Это или храмовые постройки, или же монастырь,— посмотрев в том направлении, куда показывал Сюань-цзан, отвечал Сунь У-кун.— Нам надо поспешить и попроситься там на ночлег.

Сюань-цзан охотно согласился с ним и подстегнул своего коня. Вскоре они прибыли на место.

Однако о том, куда они прибыли, вы узнаете, прочитав следующую главу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как настоятель монастыря замыслил овладеть буддийской драгоценностью — рясой и как Дух горы Черного ветра похитил эту драгоценность.

Итак, Сюань-цзан подстегнул своего коня и вместе со своим учеником поспешил к видневшимся вдали храмовым постройкам. Приблизившись к воротам, они действительно убедились в том, что это монастырь.

Был монастырь на этом горном склоне,
Изящные беседки здесь стояли,
И шли от павильона к павильону
Террасы многоцветными слоями...
Прославивший утехи и отраду —
Огромный зал окутан облаками,—
И радужные клубы за ограду
Сквозь стройные ворота проникали.
Тенистые сосновые аллеи,
Бамбука купы окружали зданья,
Годов не замечая, не старея,
Они вовек не знали увяданья...
Среди акаций гордо и спокойно
Столетние вздымались кипарисы.
На пагоды взгляни и колокольни —
На их верхушках облака повисли...
Не потревожит суета мирская —
Монахи могут в думы углубиться,
Шумит, шумит листва, не умолкая,
В ветвях поют, не умолкая, птицы.
Покой, что для молений предназначен,
Как никакой иной, и чист и светел,
И духу безграничную прозрачность
Способна дать одна лишь добродетель [1].

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Они хотели было войти в ворота, но в этот момент оттуда вышли монахи. И вы только посмотрите, как они выглядели:

Высокие шапки
Головы украшали,

На них белоснежные
Были халаты надеты,

Неспешно шагали,
Качались у них под ушами

Из меди блестящей и красной
Литые браслеты.

И шелком крученым
Они затянули у талий

Широкие полы
Одежды изящной и скромной,

И ноги усталые
Туго обули в сандальи,

Искусно сплетенные ими
Из прочной соломы

И каждый рукою
Держал барабан деревянный,

И в такт песнопеньям
Монахи по ним колотили.

И видел любой,
Что молитвы твердя непрестанно,

Монахи служению Будде
Себя посвятили [1].

Завидев монахов, Сюань-цзан почтительно посторонился и приветствовал их. Монахи поспешили ответить на приветствие и, улыбаясь, сказали:

— Простите, что не заметили вас. Откуда путь держите? — и пригласили гостя в келью настоятеля выпить чаю.

— Ваш покорный слуга едет из Китая по высочайшему повелению в храм Раскатов грома для того, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас поздно, вот мы и решили обратиться к вам с просьбой приютить нас на ночлег.

— Пожалуйста, сделайте милость, заходите, — снова пригласил их монах.

Тогда Сюань-цзан велел Сунь У-куну ввести коня. Между тем монах только сейчас как следует разглядел Сунь

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

У-куна и был настолько поражен его видом, что с опаской спросил:

— Скажите, пожалуйста, что это за существо такое?

— Говорите потише,— предупредил Сюань-цзан.— Этот парень очень горяч. И если ему покажется, что вы сказали что-нибудь не так, он тут же подымет скандал. Это — мой ученик.

У монаха от этих слов даже мороз пошел по коже, и он, покусывая пальцы, сказал:

— Как же вы решились взять такое чудовище к себе в ученики?

— Ну, вы его не знаете,— отвечал Сюань-цзан.— Вид у него действительно безобразный, но он приносит мне большую пользу.

Все втроем они вошли во двор, где помещался центральный храм с надписью, сделанной крупными иероглифами: «Храм созерцания бодисатвы Гуаньинь». Увидев это, Сюань-цзан очень обрадовался:

— Бодисатва много раз оказывала мне милости, но до сих пор я не имел возможности поклониться ей в знак благодарности. И вот сейчас мне представляется счастливый случай. Вознести благодарность в этом храме все равно, что совершить моление перед самой бодисатвой.

Тут монах подозвал послушника, велел ему открыть двери храма и пригласил Сюань-цзана войти и совершить поклонение. Сунь У-кун, положив вещи на землю и привязав коня, тоже вошел в храм.

Подойдя к золотой статуе бодисатвы, Сюань-цзан благоговейно распростерся перед ней. В этот момент монах начал бить в барабан, а Сунь У-кун стал звонить в колокол. Сюань-цзан, распростершись перед алтарем, возносил самые горячие молитвы. Наконец он умолк, монах перестал бить в барабан, а Сунь У-кун все звонил и звонил. Удары то учащались, то становились реже.

— Зачем же бить в колокол, если моление уже закончено? — наконец не вытерпев, заметил монах.

Тут только Сунь У-кун бросил молоток и, улыбаясь, сказал:

— Да кто вас там разберет! Мне что, я, как говорится, отзвонил и с колокольни долой!

Между тем барабанный бой и колокольный звон переполошили всех обитателей монастыря, и они все, независимо от звания и положения, высыпали из своих келий и, столпившись, встревоженно говорили:

— Что за дикарь бьет в колокол и колотит в барабан?!

Выскочив из храма, Сунь У-кун крикнул:

— К вашим услугам почтенный Сунь У-кун! Это я, видите ли, немножно позабавился.

Увидев его, монахи пали ниц и, ползая перед ним на коленях, восклицали:

— Отец наш, Бог грома!

— Ну, Бог грома мне приходится праправнуком! — возразил

на это Сунь У-кун.— Встаньте! Вам нечего бояться меня. Мы — священнослужители великой империи Танов и прибыли сюда из Китая.

Но монахи успокоились лишь после того, как увидели Сюань-цзана. Среди них был сам настоятель монастыря.

— Прошу вас, почтенные, пройти в келью, что позади храма, и выпить чаю,— пригласил он гостей.

Сунь У-кун взял вещи, отвязал коня и, ведя его под уздцы, вместе со всеми обошел главный храм и вошел в находившееся позади жилое помещение. Здесь все расселись по старшинству. Настоятель велел принести чай и закуски. Было еще не поздно, когда они закончили трапезу. Не успел Сюань-цзан отблагодарить за радушный прием, как из внутреннего помещения вышел старый монах, поддерживаемый под руки двумя послушниками.

На голове у старца верх убора
Опаловыми выложен камнями,
Из тонкой золотой парчи оборки
Шерсть рясы бирюзовой окаймляли.
С лишаньскою богиней престарелой
Был внешне схож. Светился ум во взоре,
И так же проницательно смотрел он,
Как яростный дракон в Восточном море.
Зубов немного у него осталось,
И был всегда открытым рот щербатый,
Сухое тело так согнула старость,
Как будто был он смолоду горбатым[1].

— Наставник пришел,— раздались голоса.

— Почтенный наставник, разрешите приветствовать вас! — низко склонившись, промолвил Сюань-цзан, поспешив навстречу монаху.

Священнослужитель ответил на приветствие, и они уселись, как и полагалось, по старшинству.

— Мои послушники сказали мне о том, что к нам прибыл из Китая посланец Танского императора,— промолвил наставник.— И я поспешил приветствовать вас, почтенный отец.

— Простите великодушно за то, что мы без предупреждения нарушили ваш покой,— отвечал Сюань-цзан.

— Стоит ли об этом говорить! — возразил монах.— Скажите, пожалуйста, далеко отсюда до Китая?

— От Чанъаня до границы я проехал более пяти тысяч ли,— отвечал Сюань-цзан.— Когда проезжал через Пограничную гору, небо послало мне ученика. Мы миновали Западное государство Хами, ехали два месяца, затем проделали еще пять-шесть тысяч ли, и вот очутились в этих местах.

— Значит, всего вы проехали десять тысяч ли,— сказал наставник.— А я так и прожил свою жизнь, никогда не выезжая из

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

монастыря. Вот уж поистине живешь как бесплодная смоковница, сидишь, словно в колодце, и видишь только клочок неба над собой.

— А разрешите спросить, сколько вам лет, почтенный наставник? — спросил Сюань-цзан.

— Да вот исполнилось двести семьдесят,— отвечал наставник.

— Значит, ты приходишься мне праправнуком,— вмешался в разговор Сунь У-кун.

— Веди себя пристойнее! — одернул его Сюань-цзан, покосившись на него.— Надо думать, когда говоришь. Тебе бы только оскорблять человека.

— А сколько вам, почтенный господин, лет? — в свою очередь спросил Сунь У-куна наставник.

— Мне? Трудно даже сказать! — произнес Сунь У-кун.

Наставнику этот ответ показался неучтивым, он не стал больше обращаться к Сунь У-куну и велел подать чаю. Расторопный послушник вытащил блюдо из белоснежной яшмы и три синих с золотым ободком чашки. Второй послушник налил всем из медного чайника душистого чаю. Аромат его был настолько восхитителен, что с ним не могли сравниться даже цветы коричного дерева.

— Какой прекрасный напиток! Какие чудесные сосуды! — не переставал восторгаться Сюань-цзан.

— Да вы просто льстите нам! — сказал наставник.— Вы прибыли сюда из великой страны, где, несомненно, много редкостных вещей, так стоит ли говорить о какой-то посуде. Вы, конечно, везете с собой какие-нибудь драгоценности, не соблаговолите ли показать их нам?

— К великому сожалению,— промолвил Сюань-цзан,— ничего особенно примечательного у меня на родине нет. А если бы даже и было, я все равно не смог бы взять это с собой в такой дальний путь.

— Учитель,— вступил тут в разговор Сунь У-кун.— А разве ряса, которую я видел в вашем узле несколько дней тому назад, не драгоценность? Почему бы не показать ее?

Тут монахи ехидно улыбнулись.

— Что рассмешило вас? — спросил Сунь У-кун.

— Да это действительно смешно,— отвечал наставник.— Разве ряса это драгоценность? У каждого из нас есть не меньше двадцати — тридцати ряс. А вот у меня за двести шестьдесят лет службы здесь накопилось штук восемьсот! Принесите-ка их, покажем гостям! — приказал он.

Монаху очень хотелось похвастаться своим богатством. Он позвал работников и приказал им открыть кладовые. Монахи вытащили ящиков двенадцать, поставили их посреди двора и стали вытаскивать оттуда рясы, встряхивая и развешивая их на веревках. Весь двор и стены сверкали шелком, золотом, парчой.

Сунь У-кун внимательно осмотрел все рясы. Они были поистине великолепны. Но он с улыбкой сказал:

— Замечательно! Однако уберите все это. Теперь мы покажем то, что есть у нас!

— Ученик,— тихонько сказал Сюань-цзан, одернув Сунь У-куна,— нам не следовало бы хвастаться. Мы на чужбине, одни, как бы чего не случилось.

— Да что может случиться от того, что они посмотрят рясу? — возразил Сунь У-кун.

— Ты многого не понимаешь,— сказал ему Сюань-цзан.— Еще в старину говорили: «Никогда не показывай драгоценности жадным, завистливым людям». У завистливого человека непременно появится желание во что бы то ни стало завладеть твоей драгоценностью. Ты играешь с огнем! Смотри, не накликай на себя беды! Тут можно и жизни лишиться.

— Успокойтесь,— промолвил Сунь У-кун,— и предоставьте все мне!

Тут он без дальнейших разговоров быстро подошел к узлу, развязал его, и сразу же вокруг разлилось лучезарное сияние. А когда Сунь У-кун развернул два слоя промасленной бумаги, в которую была упакована ряса, и вынув ее, встряхнул, все помещение засияло и чудесный аромат разлился в воздухе. Все так и замерли от восхищения. И надо сказать, что ряса была поистине великолепна:

Повсюду перлы драгоценные разбросаны,
Они на нити длинные нанизаны,
Применены таинственные способы,
Чтоб свет их всю материю пронизывал.
И бородатые драконы извиваются,
И по краям блестит кайма волнистая,
При виде рясы в Преисподнюю спускаются
Мгновенно духи злобные, нечистые [1].

Наставник был пленен и взволнован. Приблизившись к Сюань-цзану и опустившись перед ним на колени, он со слезами в голосе воскликнул:

— Что за несчастная судьба у меня!

— Почему вы так говорите, уважаемый наставник? — спросил Сюань-цзан, помогая ему подняться.

— Ну, сами посудите, разве это не так? Не успел этот почтенный человек развернуть драгоценность, как вокруг потемнело. А в сумерках глаза мои ничего не видят.

— В таком случае надо принести фонарь,— посоветовал Сюань-цзан.

— Ваша драгоценность, почтенный отец,— сказал на это наставник,— сама излучает сияние. А если зажечь фонарь, то можно будет просто ослепнуть. Разве рассмотришь как следует?

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Ну, а где бы вы хотели полюбоваться ею? — спросил Сунь У-кун.

— Если вы будете столь любезны, почтенный отец, и разрешите мне взять ее к себе в келью, то я буду созерцать ее всю ночь, а завтра утром, когда вы соберетесь в путь, верну ее вам. Каково будет ваше просвещенное мнение?

Услышав это, Сюань-цзан испугался и сердито сказал Сунь У-куну:

— Вот что ты наделал!

— Да что его бояться? — улыбаясь отвечал Сунь У-кун.— Я сейчас заверну рясу и пусть берет. А если что-нибудь случится. я отвечаю.

Сюань-цзану ничего не оставалось, как передать рясу наставнику.

— Пожалуйста, возьмите,— сказал он.— Только, прошу вас, обращайтесь с ней осторожно, не попортите, не испачкайте.

Наставник пришел в восторг, велел послушнику отнести рясу к нему в келью, а монахам приказал прибрать в храме, постелить две циновки и приготовить гостям постель: пусть хорошенько отдохнут. Кроме того, он распорядился на утро приготовить завтрак, чтобы достойно проводить гостей. Наконец все разошлись отдыхать. О том, как Сюань-цзан со своим учеником ушел в храм, затворил двери и лег спать, мы пока говорить не будем.

Расскажем сейчас лучше о том, как наставник, выпросив рясу, зажег светильник у себя в келье и стал рассматривать ее. Любуясь этой великолепной вещью, наставник предавался полному отчаянию, плакал, стенал и так переполошил послушников, что те не решались идти спать. Не зная, что делать, они пошли к монахам и сказали:

— Наш отец наставник проплакал до второй стражи и до сих пор не спит.

Тогда два любимых ученика наставника решили пойти к своему учителю и узнать, что случилось.

— Отец наставник,— молвили они, придя к нему.— Почему вы так убиваетесь?

— Мне очень горько, что я не могу вдоволь налюбоваться такой драгоценностью,— отвечал им наставник.

— Зачем так убиваться? — спросили ученики.— Вы, уважаемый отец, немало пожили на свете, многое повидали. Ведь ряса лежит перед вами, и можете любоваться ею сколько угодно.

— Времени очень мало,— промолвил наставник.— В этом году мне исполнилось двести семьдесят лет. Те несколько сот ряс, которые мне удалось приобрести, ничего не стоят в сравнении с этой. А вот как достать такую драгоценность, как стать Танским монахом?

— Ну, тут вы, почтенный отец, неправы,— сказали в один голос ученики.— Танский монах покинул родину и пустился странствовать. Вам же, в столь почтенном возрасте, следовало бы

довольствоваться своим высоким саном. Разве можете вы думать о том, чтобы пуститься в такое путешествие?

— Хотя остаток моей жизни я провожу здесь в покое и радости и наслаждаюсь природой, меня все же огорчает то, что я никогда не смогу надеть такой рясы. Если бы мне удалось поносить ее хотя бы день, я мог бы умереть спокойно с сознанием того, что не зря прожил жизнь.

— Все это пустяки! — сказали монахи.— Если вам так уж хочется поносить эту рясу, это вовсе не трудно сделать. Мы можем задержать монаха. Захотите день ее поносить — задержим на день. Захотите десять — задержим на десять, и все будет в порядке. Зачем же так страдать?

— Не этого я хочу,— продолжал наставник.— Пусть даже вам удастся задержать его на год, в таком случае я смогу носить рясу всего лишь год. А когда он захочет уйти, мне придется с ней расстаться. Ведь навсегда он не останется здесь.

И вот, когда они говорили об этом, молодой монах, по прозвищу «Гуан-чжу — Смекалистый» подошел к наставнику и тихо сказал ему:

— Если бы вы, почтенный отец, пожелали оставить себе эту рясу навсегда, все можно было бы легко устроить.

— Что ты хочешь сказать, сын мой? — живо спросил наставник, которого слова монаха привели в восторг.

— Ведь Танский монах и его ученик—простые путники,—отвечал тот.— В дороге им пришлось перенести немало трудностей. Они сильно устали и сейчас крепко спят. Давайте соберем нескольких сильных парней, вооружимся пиками, взломаем дверь в храм и покончим с ними. Трупы закопаем позади храма в саду. Конь и вещи достанутся нам, а рясу можно будет считать наследственной драгоценностью. Нравится вам мой план?

Эти слова привели наставника в еще больший восторг. Он вытер слезы и радостно сказал:

— Замечательно! Прекрасный план!

Тотчас же приготовили оружие. Однако другой молодой монах по прозвищу «Гуан-моу — Сообразительный», духовный брат Гуан-чжу, выступил вперед и сказал:

— Я считаю, что план этот негоден. Чтобы покончить с ними, придется применить силу. Если легко справиться с белолицым монахом, то убить того, у которого лицо обросло шерстью, не так-то просто. А если нам не удастся покончить с ним, неприятностей не оберешься. Я хочу предложить другой способ, который даст возможность покончить с ними, не прибегая к оружию. Не знаю только понравится ли он вам.

— Говори, сын мой,— велел наставник.

— Надо сейчас же собрать всех монахов из келий, расположенных на Восточной горе, и приказать им принести по вязанке сухого хвороста. Придется, конечно, пожертвовать храмом с тремя залами, сложить там хворост и поджечь. Бежать они не

смогут и погибнут в огне вместе со своим конем и вещами. Пожар увидят жители гор, и им можно будет сказать, что постояльцы сами были виноваты, так как неосторожно обращались с огнем. И тогда нас ни в чем не заподозрят. Таким образом ряса достанется нам по наследству.

Монахам очень понравился этот план.

— Вот здорово! Ай, ловко! Конечно, так куда лучше! — раздавались голоса. Вслед за этим монахам было приказано принести по вязанке хвороста.

Но увы! Эта затея печально кончилась. Жизнь наставника храма прервалась, а монастырь бодисатвы Гуаньинь превратился в пепел. Надо сказать, что в монастыре было примерно около восьмидесяти келий, в которых проживало человек двести. О том, как в эту ночь обитатели монастыря таскали хворост, обкладывали им со всех сторон стены храма и, заложив все выходы, подожгли, мы пока рассказывать не будем.

Вернемся лучше к Сюань-цзану и его ученику. Итак, придя в храм, они устроились на ночлег и спокойно заснули. Однако Сунь У-кун, как существо необыкновенное, даже во время сна бодрствовал, все видел и все слышал. Когда снаружи послышались шелест и шуршанье, у него тотчас же возникло подозрение.

«Ночь спокойная, тихая,— размышлял он.— Кто же это ходит там? Не иначе, как разбойники, которые задумали погубить нас...» При этой мысли он тотчас же вскочил на ноги и хотел было выйти через дверь, но побоялся разбудить учителя. Тогда он снова прибегнул к помощи своего волшебства и, встряхнувшись, сразу же превратился в пчелу. Поистине об этом можно было сказать:

С узенькой талней, крошечным телом,
Рыльце в меду, а в жале яд —
Сквозь ветвн нв подобно стрелам
В поля за нектаром онн летят.
Звездам небесным подобны падучнм,
Сыплются, сыплются вниз без конца,
И поднимаются с грузом пахучнм,—
Плотно на тельце налнпла пыльца;
Тонкие крылышкн бьются упрямо,
Ноша прн ветре для ннх тяжела...
Выползла нз буддийского храма
Маленькая пчела [1].

Увидев, как монахи, обложив храм хворостом, приготовились поджечь его, Сунь У-кун, в душе смеясь, подумал:

«А ведь прав оказался мой учитель! Они задумали погубить нас и завладеть нашей рясой, вот почему и решились на такое злодеяние. Тут надо было бы поорудовать моим посохом, но это невозможно: учитель снова будет обвинять меня в жестокости. А ведь достаточно одного удара, чтобы перебить их всех. Постой, постой! — обрадовался он.— А почему бы мне тоже не пуститься

[1] Стихн в обработке В. Гордеева.

на хитрость и не сорвать их плана? Ничего нет трудного на их козни ответить кознями».

И, совершив прыжок в воздух, он тотчас же очутился перед Южными воротами неба. Четыре стража — Лун, Лю, Гоу, Би затрепетали от страха при его появлении и почтительно склонились. А небесные военачальники Ма, Чжао, Вэнь и Гуань хором воскликнули:

— Беда пришла! Беда! Парень, который учинил дебош на небе, снова здесь!

Сунь У-кун помахал им рукой и сказал:

— Господа! Оставьте церемонии и не бойтесь меня. Я пришел к князю Западного неба Гуан-моу Вирупакше.

Не успел он этого сказать, как к нему прибыл сам небесный князь.

— Давненько не виделись,—приветствовал он Сунь У-куна.— Слышал я, что бодисатва Гуаньинь побывала у Нефритового императора и просила его послать небесных духов охранять Танского монаха в его поездке в Индию за священными книгами. От нее мы также узнали, что вы стали учеником этого монаха. Каким же образом вы очутились здесь?

— Сейчас мне не до разговоров,— сказал Сунь У-кун.— По дороге мы повстречались с дурными людьми, и они собираются поджечь храм, в котором сейчас находится Танский монах. Ждать нельзя ни минуты. Я явился сюда для того, чтобы попросить у вас колпак для защиты от огня. Дайте мне его поскорее. Мы вернем его вам.

— Вы что-то спутали,—отвечал на это небесный князь.—Для того чтобы спасти монаха, вам нужна вода. Причем же тут колпак для защиты от огня?

— Да вы не знаете всех тонкостей! — воскликнул Сунь У-кун.— Огонь, конечно, можно загасить водой, но этим я лишь помогу нашим врагам. Колпак же защитит Танского монаха от огня, а на остальное мне наплевать, пусть хоть все сгорит. Пожалуйста, не задерживайте меня, я должен как можно быстрее возвратиться на землю.

— Эта обезьяна неисправима,— рассмеялся небесный князь.— Только и думает о себе, а до других ей дела нет.

— Да перестаньте вы болтать! Давайте быстрее колпак,— торопил их Сунь У-кун.— Неужели вы не понимаете, насколько все это опасно!

Не смея возражать, небесный князь передал Сунь У-куну колпак. Сун У-кун взобрался на облако и вмиг опустился на крышу храма. Накрыв колпаком Танского монаха, белого коня и вещи, сам он отправился на задний двор, к покоям, в которых жил наставник, и уселся на крыше стеречь рясу. Увидев, что монахи подожгли хворост, Сун У-кун произнес заклинание и дунул. В тот же миг налетел сильный порыв ветра и огромные языки пламени взметнулись в небо.

Все тонуло в клубящемся черном дыму,
Только пламя порой языками вздымалось,
Прорезая над миром нависшую тьму,—
И на небе звезды ни одной не осталось;
И на тысячу ли над бескрайней землей
Свет пожара разлился тревожный, багряный,
И огонь, что пополз золотою змеей,
Вдруг взметнулся, как конь с окровавленной раной;
Словно в пламени, «Жизни Начало» бурлит,
Бог огня передал ему силу стихии,
И Суйжэнь свое дерево снова сверлит,
Чтобы порохом вспыхнули ветки сухие.
Жар палящий небесных ворот достигал,
Разноцветное пламя гудя бесновалось,
Так, что справиться с дверцами у очага
Даже Лао-цзы мудрому не удавалось.
В небе вихрь раскаленные смерчи крутил,—
Царь его обуздать не сумел бы, пожалуй,
Он ужасного бедствия не прекратил,
А, напротив, способствовал силе пожара.
Пламя крепло от ветра и к небу рвалось,
Вверх на тысячу чжанов поднявшись колонной,
И на небе девятом бессмертным пришлось
Очутиться под пеплом его раскаленным.
И такой оглушительный грохот и треск
Над стихией бушующей там раздавались,—
Словно лопался старый бамбук на костре,
Словно в небе ракеты, шипя, разрывались;
Так огонь разгорелся, что в злобе тупой
Уничтожил священные статуи даже,
И в притворе восточном, собравшись толпой,
Ждали гибели верной несчастные стражи.
Величавою силой огонь поражал,
С ним способны бы выдержать были сравненье
Лишь в чертогах Афан знаменитый пожар
Да еще под Чиби боевое сраженье [1].

Искры плясали в воздухе, казалось, пламя спалит все поля, простирающиеся вокруг. Бушующее море огня вмиг захлестнуло храм бодисатвы Гуаньинь. А что творилось с монахами! Одни тащили сундуки, другие корзины, третьи хватали столы, утварь. Они заполнили весь двор, издавая жалобные вопли. Только дом, в котором жил Танский монах, охраняемый Сунь У-куном, и храм в переднем дворе, накрытый колпаком, оставались невредимы. Все остальные постройки пылали. Столбы пламени поднимались к небу, вокруг все вспыхивало.

Пожар встревожил обитателей окрестных гор, зверей и чудовищ. Здесь следует сказать, что в двадцати ли от монастыря бодисатвы Гуаньинь прямо к югу находилась гора Черного ветра. На этой горе была пещера, которая также называлась пещерой Черного ветра. В этой пещере жил дух-волшебник. И вот ночью, переворачиваясь с боку на бок, волшебник заметил, что в окно проникает свет. Подумав, что уже светает, волшебник

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

встал, но, выглянув наружу, увидел в северной стороне пламя пожара.

— Ай-я! — воскликнул волшебник.— Да ведь это горит монастырь бодисатвы Гуаньинь! Какой неосторожный народ эти монахи! Придется отправиться им на помощь.

Тут волшебник сел на облако и вмиг очутился на месте пожара. Море огня ослепило его. Передние храмы были пусты, два ряда строений стояли охваченные пламенем. Волшебник ринулся прямо к месту пожара и стал кричать, чтобы несли воду. Но тут он вдруг заметил, что помещение позади храма уцелело, а на крыше сидит какой-то человек и изо всех сил дует. Он бросился в помещение и увидел, что келья наставника вся в лучезарном сиянии, а на алтаре лежит что-то завернутое в синюю шерстяную материю. Развязав узел, он обнаружил парчовую рясу, которую последователи Будды считали неоценимой драгоценностью.

Недаром говорят, что богатство вызывает алчность. Волшебник мгновенно забыл о том, зачем явился сюда. Он не звал больше никого таскать воду, а, воспользовавшись суматохой, стащил рясу и быстро вернулся к себе в пещеру.

Между тем пожар бушевал всю ночь и лишь к пятой страже, когда начало светать, утих. С монахами творилось что-то невообразимое. Раздетые, они с воплями и рыданиями разыскивали в пепелище остатки меди и железа, разбрасывали тлеющий уголь и искали золото и серебро. Одни покрывали циновками отверстия в стене, пытаясь соорудить себе какое-нибудь убежище. Другие подносили к обожженным стенам котлы, собираясь приготовить еду. Кругом царили хаос и беспорядок, раздавались стоны, крики. Однако об этом мы больше говорить не будем.

Вернемся пока к Сунь У-куну. Сняв колпак, защищающий от огня, он одним прыжком оказался у Южных ворот неба и, отдавая его Небесному князю Гуан-моу, промолвил:

— Премного благодарен вам за вашу любезность.

— А вы, оказывается, очень честны, Великий Мудрец! — сказал, принимая колпак, небесный князь.— Я, признаться, начал уже беспокоиться, думал, что вы не возвратите моего талисмана и вас теперь не найти. Но, к счастью, вы сами явились.

— Да разве я обманщик какой-нибудь,— обиделся Сун У-кун.— Ведь не зря говорится: «Долг платежом красен». Отдашь вовремя — тебе и в следующий раз одолжат.

— Давненько мы с вами не виделись,— продолжал небесный князь,— может быть, зайдете во дворец, отдохнете немного.

— Не могу. Сейчас не то что раньше, когда я мог свободно ходить по гостям и вести разговоры,— отвечал Сунь У-кун.— Я должен охранять Танского монаха. Так что вы уж извините меня!

И поспешно распрощавшись, Сунь У-кун на облаке спустил-

ся на землю и снова увидел над собой солнце и звезды. Очутившись перед храмом, он встряхнулся и, превратившись в пчелу, проник внутрь. Здесь он принял свой настоящий вид и увидел, что Сюань-цзан продолжает сладко спать.

— Вставайте, учитель, уже рассвело! — окликнул его Сунь У-кун.

— А ведь правда,— повернувшись, промолвил Сюань-цзан. Он оделся и вышел. Его взору представились разрушенные, обгорелые стены; ни строений, ни пагод, ни храмов — ничего не было.

— Ай-я,— воскликнул он в ужасе. — Где же храмы?! Почему кругом пепелище?

— Вы все проспали! — сказал Сунь У-кун.— Сегодня ночью был пожар!

— Как же так! — спросил пораженный Сюань-цзан.

— Я охранял этот храм,— пояснил Сунь У-кун.— А вы так сладко спали, учитель, что мне жаль было вас тревожить.

— Почему же ты не спас остальные строения? — спросил Сюань-цзан.

— А для того, чтобы вы еще больше убедились в своей правоте, учитель,— рассмеялся Сунь У-кун.— Как вы вчера сказали, так и получилось. Монахам понравилась ваша ряса, и они решили сжечь нас. Если бы я вовремя не узнал об этом, то сейчас от нас остался бы только пепел да обожженные кости.

— Неужели это они подожгли? — испуганно спросил Сюань-цзан.

— Ну, а кто же?

— Я не хочу обидеть тебя подозрениями, но не твоих ли рук это дело?

— Да что я, разбойник какой-нибудь, что ли, чтобы чинить подобные безобразия,— обиделся Сунь У-кун.— Подожгли, конечно, монахи. А я не только не помог им гасить пожар, но еще и раздул его ветерком.

— О боже! — в отчаянии воскликнул Сюань-цзан.— Всем известно, что пожар гасят водой, зачем же ты вызвал ветер?

— Вы должны знать, учитель,— отвечал Сунь У-кун,— что еще в древности говорили: «Если человек не разозлит тигра, то и тигр не нанесет вреда человеку». Если бы они не устроили поджога, разве стал бы я раздувать пламя!

— А где же ряса? — спохватился Сюань-цзан.— Неужели сгорела?

— Да нет же! — успокоил своего учителя Сунь У-кун.— Целехонька. Келья, в которой она спрятана, не сгорела.

— Я не желаю тебя знать! — сердито закричал Сюань-цзан.— В том, что пожар причинил столько бед, есть доля твоей вины. Сейчас я прочту заклинание, и ты погибнешь!

— Учитель, пожалуйста, не читайте! — в испуге закричал Сунь У-кун.— Давайте разыщем вашу рясу и отправимся в путь.

Сюань-цзан сменил гнев на милость. Взяв под уздцы коня, он повел его, а Сунь У-кун взвалил себе на спину вещи. Они вышли из храма и направились в помещения, находящиеся позади храма.

Когда убитые горем монахи вдруг увидели перед собой Сюань-цзана, ведущего коня, и Сунь У-куна с вещами, у них от испуга душа ушла в пятки.

— Души невинно погибших явились за нами,— истошным голосом закричали они.

— Какие там еще души! — сердито крикнул Сунь У-кун.— Верните нам нашу рясу! Живо!

Тут монахи повалились на колени и стали отбивать земные поклоны, непрестанно причитая:

— Дорогой отец! Ведь всем известно, что у каждого обиженного есть мститель, так же как у каждого должника заимодавец. Вы пришли расправиться с виновниками, но мы к этому делу непричастны. Погубить вас замыслил Гуан-моу вместе с наставником, так что вы уж смилуйтесь над нами!

— Вот скоты безмозглые, черт бы вас побрал! — не вытерпев, воскликнул Сунь У-кун.— Кому нужна ваша поганая жизнь! Говорят вам, верните рясу, и мы отправимся своим путем.

В этот момент два монаха посмелее, обращаясь к Сюань-цзану и его ученику, сказали:

— Почтенные господа! Вы ведь находились в храме и должны были сгореть там. А сейчас вы вдруг пришли и требуете рясу. Кто же вы в конце концов, люди или духи?

— Ну, прямо скоты безмозглые, да и только! — смеясь, сказал Сунь У-кун.— Да вы пойдите взгляните на центральный храм, а потом будем разговаривать.

Монахи с трудом поднялись с земли и отправились в передний двор. Храм действительно стоял на месте цел и невредим, двери и окна не тронул огонь. При виде этого зрелища монахи затрепетали. Теперь они поняли, что Сюань-цзан — святой, а Сунь У-кун истинный последователь буддизма. Приблизившись к ним, монахи земно поклонились и промолвили:

— И зачем только человеку глаза даны! Не могли распознать праведника, сошедшего на землю. Так знайте, ваша ряса находится в келье наставника.

Проходя мимо разрушенных стен и обгоревших строений, Сюань-цзан тяжело вздыхал. Но келья наставника стояла невредимой. Монахи вбежали туда с криком:

— Почтенный отец! Танский монах — святой! Он не сгорел в огне. Зря сожгли столько добра! Лучше вернуть поскорее рясу.

Между тем наставник, обнаружив, что рясы нигде нет, пришел в отчаяние. Он не знал, что ответить и, не находя выхода из создавшегося положения, решил, что в живых ему все равно не остаться. Тогда он с разбега ударился головой о стену. Удар был настолько силен, что голова несчастного раскололась и из нее хлынула кровь, оросив землю.

Об этом были сложены стихи.

Увы, монаха жизнь была напрасной,
Он прожил много лет — и все ж умрет,
Стремился дерзкий, чтоб священной рясой
Стал обладать его ничтожный род.
Как мыслить мог о рясе драгоценной
Привыкший думать о простых вещах?
И замысел монаха дерзновенный
Был обречен на неизбежный крах!
От Гуан-чжу и Гуан-моу мало толка —
Всех ненавидя, вред другим творя,
Они ошибок допустили столько,
Что вызвали пожар монастыря [1].

Монахи от горя совершенно обезумели.

— Что нам теперь делать? — причитали они.— Наставник погиб, рясы нигде нет!

— Видно, кто-то из вас, разбойников, спрятал ее,— сказал Сунь У-кун.— Ну-ка принесите мне списки монахов, я проверю! — приказал он.

Смотритель монастырских зданий тотчас же принес две книги, где были записаны монахи, послушники и работники. Всего двести тридцать человек. Сунь У-кун попросил Сюань-цзана занять почетное место и после этого начал по очереди вызывать монахов. Каждого из них он заставлял развязывать пояс и тщательно обыскивал. Но, несмотря на все усилия, рясы обнаружить не удалось. Тогда из всех помещений были вынесены и просмотрены сундуки, корзины и другие вещи. Однако все оказалось бесполезным.

Сюань-цзан, восседавший на возвышении, был до того огорчен и зол на Сунь У-куна, что решил проучить его. Он стал читать заклинание, и в тот же миг Сунь У-кун повалился на землю, обхватил руками голову и, не в силах вынести адской боли, завопил:

— Учитель, остановитесь! Ручаюсь вам, что найду рясу!

Мучения Сунь У-куна повергли в ужас монахов. Дрожа от страха, они повалились перед Сюань-цзаном на колени и умоляли его пощадить Сунь У-куна. Сюань-цзан сжалился. Тогда Сунь У-кун вскочил на ноги, выхватил из уха свой железный посох и ринулся на монахов. Но Сюань-цзан грозно крикнул:

— Глупая обезьяна! Видно, мучения не проучили тебя! Ты снова собираешься безобразничать. Не смей двигаться! И смотри никому не наноси вреда! А теперь ищи рясу!

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Между тем монахи, пав ниц и отбивая перед Сюань-цзаном поклоны, говорили:

— Дорогой отец, пощади нашу жизнь! Мы клянемся, что не видели рясы. Все это дело рук старого хрыча. Вчера, увидев вашу рясу, он плакал до глубокой ночи и все не мог налюбоваться ею. Он только и думал о том, как бы оставить ее у себя навсегда и сделать наследственной драгоценностью. И вот он вместе со своим учеником задумал сжечь вас. Когда начался пожар, поднялся бешеный ветер, и все были заняты тем, что старались погасить пламя и спасти вещи. Но куда могла деться ряса, мы понятия не имеем.

Тут Сунь У-кун окончательно рассвирепел. Ворвавшись в келью наставника, он вытащил его труп, снял с него одежду и тщательно обыскал. Но и тут не нашел никакой рясы. Он даже вырыл под кельей наставника яму в три чи глубиной, но там также ничего не было. Тогда, поразмыслив, он спросил у монахов:

— А нет ли здесь поблизости какого-нибудь волшебника?

— Вот хорошо, что вы спросили, мы сами не вспомнили бы об этом! — воскликнул смотритель монастыря.— К юго-востоку отсюда находится гора Черного ветра. В горе есть пещера, которую тоже называют пещерой Черного ветра. В этой пещере живет дух, Черный князь. Покойный наставник часто беседовал с ним. Этот князь — настоящий волшебник.

— А далеко до этой горы? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Да всего двадцать ли,— отвечал смотритель.— Видите вон ту вершину? Это и есть гора Черного ветра.

— Ну, теперь успокойтесь, учитель,— смеясь сказал Сунь У-кун,— больше мне ничего не надо. Рясу, конечно, похитил этот волшебник.

— Да ведь гора эта находится в двадцати ли отсюда,— возразил Сюань-цзан,— откуда же тебе известно, что это сделал именно он?

— Вы не видели, какой сегодня ночью был пожар,— отвечал на это Сунь У-кун.— Пламя вздымалось на десятки тысяч ли вверх. Его отблески достигали третьего неба. Тут не только за двадцать, за двести ли все было видно! Увидев пламя, волшебник тайно прибыл сюда и, заметив вашу драгоценность, решил воспользоваться суматохой и унести ее с собой. Дайте срок, я найду его.

— Как же я останусь здесь без тебя? — испугался Сюань-цзан.

— Не бойтесь,— успокоил его Сунь У-кун.— Я позабочусь о том, чтобы вас оберегали духи, и прикажу монахам служить вам.— С этими словами Сунь У-кун подозвал к себе монахов:

— Нескольким людям накажите закопать труп старого дьявола, а остальные пусть ухаживают за моим учителем и присматривают за конем!

Монахи покорно склонились.

— Но смотрите,— предупредил Сунь У-кун,— в мое отсутствие не вздумайте нарушить своего обещания. Чтобы учитель был всем доволен, а у коня были бы в достатке и вода и корм. Если сделаете хоть что-нибудь не так, придется вам отведать моего посоха.

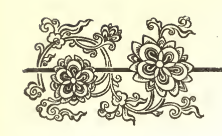
С этими словами он поднял посох и с такой силой опустил его на стену, что превратил несколько рядов ее в песок. У монахов от страха даже ноги подкосились и, земно кланяясь, они со слезами на глазах говорили:

— Дорогой отец! Можете спокойно отправляться, мы сделаем все возможное, чтобы достойным образом служить учителю, и не допустим никаких ошибок.

Тут Сунь У-кун совершил прыжок в воздух, очутился на облаке и отправился на гору Черного ветра разыскивать рясу.

Однако о том, удалось ли Сунь У-куну найти рясу и что ему пришлось испытать, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как Сунь У-кун учинил разгром на горе Черного ветра и как бодисатва Гуаньинь усмирила Духа медведя

Итак, Сунь У-кун взлетел на облако. Видевшие это монахи, послушники и монастырские работники перепугались насмерть, пали ниц и, совершая поклоны, говорили:

— Милостивый отец! Оказывается, это сошел на землю праведник, который обладает способностью ездить на облаках и путешествовать на тумане. Ничего нет удивительного в том, что огонь не нанес ему вреда. Будь проклят этот старый сквалыга, который не сумел распознать божественное существо. Перемудрил и сам погиб.

— Встаньте, почтенные, и не давайте волю своему гневу,— промолвил Сюань-цзан.— Пусть только мой ученик найдет рясу, и все будет в порядке. А вот если он не найдет ее, дело может обернуться скверно. Характер у моего ученика дурной, и я не смогу поручиться даже за то, что кто-нибудь из вас останется в живых.

Услышав это, монахи пришли в отчаяние и стали призывать на помощь небо, давая всевозможные обеты, моля о том, чтобы ряса нашлась. Однако мы пока оставим монахов с их переживаниями и вернемся к Сунь У-куну. Повернувшись несколько раз вокруг собственной оси, он быстро добрался до горы Черного ветра и здесь, остановив свое облако, внимательно осмотрелся. Перед ним была чудесная гора. Весна стояла в полном разгаре. Картина открывалась поистине великолепная.

Потоки мчатся по ущельям с ревом
И злобно брызжут пеною седой,
И пики — величавы и суровы —
Соперничают дикой красотой;
Повсюду тишь. Умолкли птичьи стаи.
Не видно человеческих следов,
И благоухать леса сильнее стали —

Густ аромат увядших трав, цветов...
Промчался ливень, небосвод обширный,
Казалось, стал и ярче и светлей,
И лес сосновый протянулся ширмой,
Колышет ветер изумруд ветвей.
Разросшихся зеленых трав сплетенья
Над пропастью свисают со скалы,
И гибкие ползучие растенья
Смоковниц пышных оплели стволы.
Здесь, на тропе, не встретится отшельник,
Топор в лесу не застучит вблизи,
И лишь журавль с подругой длинношеей
Склонились, клювы в воду погрузив... [1]

Любуясь красивым пейзажем, Сунь У-кун вдруг услышал голоса. На покрытом душистой травой склоне горы кто-то разговаривал. Осторожно ступая, чтобы не быть услышанным, Сунь У-кун шмыгнул за скалу и, украдкой выглянув оттуда, увидел трех духов-оборотней, сидевших на земле. Наверху сидел какой-то черный человек, слева от него — даос и справа — ученый. Говорили они напыщенно, громко. Разговор в основном шел о том, как устанавливать треножники и печи, о способах закладки киновари, свинца и ртути [2] и о тех путях и способах, которые применяются в других религиозных учениях.

— А ведь послезавтра у меня день рождения,— смеясь сказал черный человек.— Надеюсь, что вы, уважаемые, окажете мне честь своим посещением.

— Мы каждый год празднуем день вашего рождения, почтенный князь, как же можем мы не явиться в этом году? — отвечал ученый в белых одеждах.

— Сегодня ночью я раздобыл одну драгоценность,— продолжал черный человек,— расшитую золотом рясу Будды. Вещь поистине великолепная. В честь дня своего рождения я завтра выставлю ее напоказ и приглашу всех даосских служителей, пусть придут поклониться рясе Будды. А пир мы назовем «Пиром в честь одеяния Будды». Что вы об этом скажете?

— Превосходно! Замечательно! — в восторге воскликнул даос.— Завтра я непременно буду у вас, хочу заранее поздравить вас с днем вашего рождения, а послезавтра приду на пир.

Сунь У-кун, услышав слова «Ряса Будды», сразу же решил, что речь идет о драгоценности, которую он ищет. Не в силах больше сдерживать своего гнева, он выскочил из-за скалы и, взмахнув посохом, крикнул:

— Наконец вы попались мне, разбойники! Украли мою рясу, да еще собираетесь устраивать какой-то Пир в честь одеяния Будды! Ну-ка, верните мне ее, только живо! Ни с места! — закричал Сунь У-кун и взмахнул своим посохом, целясь в голову противника. Однако черный человек, испугавшись, превратился

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.
[2] Способы изготовления эликсира бессмертия в даосской магии.

в ветер и исчез. Успел сбежать и даос: он улетел на облаке. Остался только ученый, которого Сунь У-кун одним ударом уложил на месте. Оттащив его в сторону и рассмотрев хорошенько, Сунь У-кун увидел, что это была белая пятнистая змея-оборотень. Сунь У-кун растерзал ее на мелкие кусочки и ринулся в горы на поиски черного человека, оказавшегося волшебником. Он обогнул острый пик, перевалил через хребет и там увидел высокую отвесную скалу, а в ней пещеру. Что за великолепная картина открылась перед ним!

Густой лес из сосен и кипарисов, стоял, окутанный розовой дымкой.

У входа в пещеру Сунь У-кун увидел плотно затворенные каменные ворота, а над воротами — каменную плиту с надписью, сделанной крупными иероглифами: «Пещера на горе Черного ветра». Вращая посохом, Сунь У-кун закричал:

— Открывай!

Охранники-оборотни открыли ворота и, выйдя наружу, спросили:

— Ты кто такой и как смеешь врываться в нашу священную пещеру?!

— Ах вы мерзкие скоты! — заорал Сунь У-кун.— Да как вы смеете называть эту поганую дыру священной пещерой, хоть для вас она, может быть, и священна. Если хотите остаться в живых, живо бегите к своему господину и скажите ему, чтобы он сейчас же принес мне рясу.

Духи мигом скрылись и, вбежав к своему повелителю, сказали:

— Великий князь! Устраивать «Пир в честь одеяния Будды» не придется. У пещеры стоит какой-то монах, очень похожий на Бога грома, лицо его покрыто шерстью. Он требует рясу.

Между тем Черный волшебник, удрав от Сунь У-куна с лесной поляны, едва успел затворить ворота своей пещеры и еще не отдышался. Когда ему доложили о том, что Сунь У-кун явился сюда, он со злостью подумал:

«Откуда только взялась эта тварь и как смеет она ломиться в ворота?»

Властитель горы Черного ветра накинул на себя одежду, туго подпоясался и, вооружившись пикой с черной кисточкой, вышел из пещеры. Сунь У-кун шмыгнул за створку ворот и, держа посох наготове, уставился во все глаза на Черного волшебника. Вид у властителя Черной горы был действительно свирепый.

Шлем — словио чаша по форме —
Блестит ослепительным светом,

Из червониого золота латы
Яркнм огнем горят,

Шелковая одежда
На плечи его надета,

Нежный ветер волнует
Прекрасный его наряд.

Идет он тяжелой походкой.
В руках — две большие плети

И черный волшебный посох.
С посохом он могуч

Поистине: горный владыка
По имени Черный ветер.

Но взгляд его столь же светел,
Как молния среди туч! [1]

«Этот стервец словно обожжен в гончарной печи или же сделан из угля,— подумал, смеясь про себя, Сунь У-кун.—Видимо, он кормится тем, что подметает уголь. Иначе он не стал бы таким черным».

— Ты откуда взялся, монах? — закричал громовым голосом Черный волшебник.— И как смеешь так дерзко вести себя?!

— Нечего зря болтать! — тоже во всю мочь закричал Сунь У-кун и ринулся на противника с посохом.— Немедленно отдавай рясу твоего деда[2].

— Да ты из какого монастыря? — спросил властитель горы.— Где потерял свою рясу и почему пришел искать ее именно сюда?

— Моя ряса лежала в келье наставника монастыря бодисатвы Гуаньинь как раз к северу отсюда,— отвечал Сунь У-кун.— А ты, мерзавец, воспользовавшись пожаром в монастыре и суматохой, выкрал эту рясу и собираешься еще устроить пир в день своего рождения и назвать его Пиром в честь одеяния Будды. Может быть, ты посмеешь отрицать это? Так вот, сейчас же отдавай рясу, тогда я помилую тебя. Если же вздумаешь возражать мне, я переверну твою гору, сравняю с землей пещеру, а всех твоих оборотней сотру в порошок!

Услышав это, Черный волшебник презрительно расхохотался:

— Ах ты низкая тварь! — воскликнул он.— Ведь пожар ты сам устроил! Ты сидел на крыше дома наставника, раздувая пламя бешеным ветром. Пусть даже я и взял эту рясу, тебе-то что? Откуда ты явился и кто такой? Какой особой силой ты обладаешь, что позволил себе явиться сюда и хвастаться?

— Значит, ты не желаешь признавать своего деда! — воскликнул Сунь У-кун.— Я — ученик буддийского священнослужителя Сюань-цзана, побратима самого императора великих Танов! Фамилия моя Сунь, зовут У-кун, по прозвищу Странствующий монах. Ты спрашиваешь, на что я способен? Да если я скажу тебе, у тебя от страха душа улетит, и ты тут же умрешь!

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.
[2] Оскорбительное обращение к противнику.

— Я что-то тебя не понимаю!— отвечал властитель горы.— Говори толком, я послушаю!

— Ну, младенец,— рассмеялся Сунь У-кун.— Держись крепче и внимательно слушай, что я тебе скажу:

В боях меняя образ свой мгновенно,
Я побеждал любых героев грозных —
Недаром способ быстрых превращений
В младенчестве еще был мною познан.
Я закалялся, проходило время
В лучах палящих солнца, под луною,
Законы смерти, властные над всеми,
Теперь уже не властны надо мною.
Трудился долго, искренне, упорно,
Стремлением высоким увлекаем,
И на горе Лингай ученья зерна
Заколосились бурным урожаем.
Там, от земного мира отгорожен,
Отшельник одинокий обитает,—
Сто восемь тысяч лет на свете прожил,
Секретом долголетья обладает.
К нему я обратился, грешник сирый,
И мне ответил мудрый: знай отныне,—
Кто примет тайно каплю эликсира,
Того навеки страх земной покинет.
Когда святые книги ты получишь,
Где заклинаний смысл глубок и сложен,
Ты вникни в них, познай, как можно лучше,—
И сам тогда владеть их силой сможешь.
Сиди под отраженными лучами,
Чтоб сердце было в благостном покое,
Чтоб страсти ненасытные молчали,
Чтоб душу не терзало все мирское,—
И чувств шести утраченные силы
Проснутся заново в окрепшем стане.
И тот, кто старцем дряхлым был и хилым,
По воле неба снова юным станет.
И если за три года ты не выдашь
Ни разу тайны волшебства великой,
То к святости широкий путь увидишь
И будешь приобщен к бессмертных лику.
Я триста лет скитался неустанно
По островам и странам отдаленным,
И за бескрайней далью океана
На край земли взирал я изумленно.
И все же не был на небе девятом,—
Хотя на дно морское опустился,
Там, в глубине пучин драконом спрятан,
Волшебный посох с обручем хранился.
Я драгоценность дивную похитил
И на Горе цветов и плодов зажил,
Как оборотней признанный правитель,
Нечистых духов окруженный стражей.
Призвал меня Нефритовый владыка,
Был Мудрецом я, равным небу, назван,
Но на небе разбушевался дико —
И совершил поступок безобразный.
Не мог я званьем удовлетвориться,
Мала казалась мне небес награда,

И у самой Ван-му — небес царицы—
Украл святые персики из сада.
Я окружен стотысячным был войском,
Никто сквозь строй, казалось, не пробьется,—
Но в поединке трудном и геройском
Поверг на землю князя-полководца,
И Ночжа ожидала та же участь,
И отражен был стойкий в обороне
Сошедший с неба праведник могучий,
В искусстве превращений изощренный.
Нефритовый владыка, бодисатва
И Лао-цзюнь с небесного порога,
Увидев, как войска бегут обратно,
Смутились, охватила их тревога...
Пришлось вмешаться Лао-цзы,— иначе
Был и Эрлан бы мною обесславлен.
Тогда лишь только был я войском схвачен
И с ликованьем на небо доставлен.
Там во дворце воздвигли столб позорный,
К нему узлами тело привязали,
И палачи, орудуя проворно,
Меня с утра до вечера терзали:
Мечи вонзали, пиками кололи,
По сердцу молотком стучали медным,—
Как каменный, не ощущал я боли,
И оставалось рвенье их бесследным.
Тогда они позвали духов грома,
Чтоб разом в пепел превратили тело,
Но было заклинанье мне знакомо,
И туча молний мимо пролетела.
Тогда меня в жаровню посадили,
В очаг для выплавленья эликсира.
Усердно духи Лю и Дин следили,
Чтоб в нем огонь пылал неугасимо.
Когда же наконец я обнаружил,
Что иссякает палачей терпенье,
То в злобе лютой выскочил наружу,
Чтоб разгромить небесные владенья.
Размахивая посохом от гнева,
Я взад-вперед метался там, и скоро
Все тридцать три перетревожил неба,
Не повстречав достойного отпора.
И лишь святого Будды заклинанью
Я должен был с позором подчиниться,
Он гору взял своей могучей дланью
И опустил ко мне на поясницу...
Я пять веков под нею был придавлен
И думал, что навеки там останусь,
Но, к счастью для меня, совсем недавно
Пришел святой монах из царства Танов.
Путь к Истине для нас далек и труден,—
Ведь тайна в странах Запада хранится,
Но в храм Раскатов грома мы прибудем,
Чтоб перед Буддой золотым склониться;
Кого захочешь, на Земле спроси ты,
Тебе любой немедленно ответит,
Что я волшебник самый знаменитый
Из всех, какие есть на белом свете! [1]

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Так ты, оказывается, тот самый конюх из небесных чертогов, который учинил дебош на небе,— ехидно сказал волшебник.

А следует вам сказать, что Сунь У-кун не выносил, когда его называли конюхом, и потому пришел в бешенство.

— Ах ты проклятое чудовище! — заорал он.— Ты выкрал рясу и, вместо того чтобы вернуть ее, еще оскорбляешь меня! Отведай же моего посоха!

Волшебнику удалось уклониться и избежать удара. С пикой в руках он ринулся навстречу противнику, и между ними завязался отчаянный бой.

Гром битвы оглашал пещерный свод...
Они сражались в ярости великой —
Один свой посох выставил вперед,
Другой вращал над головою пикой.
Вот первый — тело изогнул дугой,
Как белый тигр, терзающий добычу,
И не жалеет сил, чтобы другой
Признал его надменное величье.
А враг, как желтый сказочный дракон,
Что кольцами клубится в злобе рьяной,
Отбросил милосердия закон,—
И в голову и в грудь наносит раны!..
Дыханье двух борцов все горячей —
Сгустилось мглой и злой ым ветром веет,
И мечется слепящий сноп лучей,
Он средь паров зловеще пламенеет.
Измучились борцы, но не склонясь,
Они удары множат с дикой силой...
За что же бьются и Мудрец и Князь?
Священная одежда их прельстила![1]

Они схватывались уже раз десять, и все же нельзя было сказать, на чьей стороне перевес. Раскаленное солнце стояло в зените, когда Черный волшебник, защищаясь копьем, крикнул:

— Монах Сунь! Сделаем передышку! Я хочу подкрепиться! А потом продолжим!

— Ах ты скотина мерзкая! — заорал в ответ Сунь У-кун.— А еще называешься удальцом! Хорош удалец! Сейчас только полдень, а ты есть захотел. Я больше пятисот лет был придавлен горой и все это время не пил и не ел. А за пятьсот лет можно было проголодаться! Нет, увильнуть тебе не удастся! Никуда ты не уйдешь! Верни рясу, тогда я отпущу тебя!

Однако Черный волшебник, притворившись, что собирается защищаться, быстро скрылся в пещере, затворив за собой каменные ворота. Нет надобности распространяться о том, как он собрал всех подвластных ему духов, распорядился об устройстве пира и написал приглашения всем духам и демонам — властителям гор с просьбой прибыть на торжество.

Как Сунь У-кун ни осаждал ворота, никто ему не открывал.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Пришлось вернуться в монастырь. Монахи уже успели похоронить наставника и находились в его келье, прислуживая Сюань-цзану. Они приготовили ему завтрак, а в полдень подали обед. И вот, когда они сменяли блюда и подносили воду, появился Сунь У-кун, опустившийся прямо с воздуха. Монахи почтительно склонились перед ним и провели его в келью.

— А, Сунь У-кун! Вернулся! — обрадовался, увидев его Сюань-цзан.— Ну, что с рясой?

— Да все как будто в порядке,— отвечал Сунь У-кун.— Зря я обидел монахов. Оказывается, украл рясу волшебник с горы Черного ветра. Я незаметно подкрался к нему: он сидел на лужайке на склоне горы и беседовал с каким-то ученым и даосом. Волшебник оказался недостаточно осторожным. Он рассказал, что послезавтра у него день рождения и он приглашает к себе всех духов. Кроме того, он сообщил, что ночью ему удалось достать одеяние Будды и в день своего рождения он устроит пир, который назовет «Пиром в честь одеяния Будды». Ну, тут я бросился на волшебника и пустил в ход свой посох. Однако волшебник превратился в ветер и скрылся. Исчез также и даос. Мне удалось только убить ученого-оборотня, который оказался белой пятнистой змеей. После этого я помчался к пещере Черного волшебника и вызвал его на бой. Он признался в том, что взял рясу. Мы бились с ним полдня, однако никто из нас не вышел победителем. Потом волшебник сказал, что проголодался, скрылся в пещере, запер каменные ворота и больше не показывался. Я вернулся лишь для того, чтобы посмотреть, как вы себя чувствуете, и сообщить обо всем. Самым главным было узнать, где находится ряса. А хочет он ее вернуть или нет, меня нисколько не беспокоит.

Монахи, кто благоговейно сложа руки и низко кланяясь, кто отбивая поклоны, в один голос причитали:

— О милостивый, святой Амитофо! Если мы сегодня узнаем, где находится ряса, наша жизнь вне опасности.

— Погодите радоваться,— сказал Сунь У-кун.— Рясу я пока не отобрал, а учитель еще от вас не уехал. Вот когда у меня в руках будет ряса, а вы достойным образом проводите учителя, тогда можете считать, что все в порядке. Смотрите не допускайте даже малейшей небрежности, раздражать меня нельзя! Ну, а сейчас у вас, может быть, найдется хороший чай для моего учителя и корм для нашего коня?

— Есть, как же! Конечно, есть! — с готовностью ответили монахи.— Мы со всяческим усердием рады служить учителю.

— Пока тебя не было,— сказал Сюань-цзан,— меня три раза поили чаем и два раза кормили. Они очень внимательны ко мне. А сейчас отправляйся и постарайся поскорее принести рясу.

— Не спешите, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Теперь нам известно, где она находится, и дело лишь за тем, чтобы поймать этого мерзавца и отобрать у него вашу драгоценность. А это я сделаю, не сомневайтесь.

Пока они разговаривали, смотритель верхних зданий приготовил еду и пригласил Сунь У-куна поесть. Подкрепившись, Сунь У-кун снова взобрался на облако и отправился на гору Черного ветра. По пути ему повстречался оборотень, который шел по главному пути и нес под мышкой цветной деревянный ящичек, сделанный из грушевого дерева. Сунь У-кун сразу же догадался, что в ящичке лежат пригласительные карточки. Тогда он поднял свой посох и опустил его на голову оборотня. Но, к несчастью, он не рассчитал удара, и от волшебника осталась одна лепешка. Сунь У-кун оттащил его в сторону, взял ящичек, раскрыл его и увидел, что там действительно лежит пригласительная карточка, на которой было написано:

«Я, Черный волшебник, земно кланяюсь и почтительно обращаюсь к вам, почтенный старец Цзинь-чи. В прошлом вы неоднократно оказывали мне милость, за что я вам глубоко признателен. Ночью я был свидетелем пожара, но не мог оказать вам помощи. Надеюсь, что вы остались невредимы. Мне случайно удалось приобрести рясу Будды, и я собираюсь устроить пир, на который почтительно приглашаю вас. Выражаю надежду, что вы прибудете со своей свитой. Примите мое уважение. Приглашение посылаю за два дня до торжества».

Прочитав это, Сунь У-кун не выдержал и расхохотался.

— Вот так мерзавец! — воскликнул он.— Он хоть и подох, но получил по заслугам. Так вот оно что! Оказывается, он в одной шайке с этим волшебником. Что ж тут удивляться, что он прожил двести семьдесят лет. Очевидно, волшебник научил его какому-нибудь способу подчинения духа, вот он и стал бессмертным. Я отлично помню, каков он из себя. Приму-ка я сейчас его вид, проникну в пещеру и разыщу рясу. Если будет нетрудно, возьму ее, чтобы избежать дальнейших хлопот.

О чудесный Мудрец! Он произнес заклинание и, встав против ветра, тотчас же изменил свой вид, превратившись в точную копию наставника монастыря. Спрятав посох, он, широко шагая, подошел к пещере и крикнул:

— Открывайте!

Духи-охранники открыли дверь и, увидев перед собой знакомую фигуру, бросились докладывать своему властителю, что прибыл почтенный отец Цзинь-чи.

— Да ведь я только что отправил к нему посыльного с приглашением,— изумился Черный волшебник.— Посыльный не успел еще прийти к нему. Как же мог почтенный отец так скоро очутиться здесь? Они, вероятно, разминулись. Видимо, Сунь У-кун подослал его за рясой. Спрячь ее подальше, чтобы он не увидел! — приказал волшебник.

Между тем, пройдя первые ворота, Сунь У-кун увидел небольшой двор, посреди которого росли сосны и бамбуки, поражающие яркостью своей зелени; персики и сливы оспаривали друг у друга красоту. Везде были цветы. Прекрасные орхидеи

разливали в воздухе нежный аромат. Это был поистине благословенный уголок. На вторых воротах Сунь У-кун увидел две бумажные полосы с надписями: «В далеких и тихих горах нет мирских печалей», «Уединение в райском уголке приносит истинное счастье».

«Этот волшебник покинул мир и познал тайны неба», — подумал Сунь У-кун. Он отправился дальше и, очутившись у третьих ворот, увидел стены с росписью и потолки с лепными украшениями. Двери были окрашены, окна большие, вокруг светло. Здесь находился сам Черный волшебник. Одет он был в темно-синюю власяницу и шелковый халат. Поверх халата была накидка из черного, как воронье крыло, шелка. Голову украшала повязка из мягкой материи, завязанная впереди в виде треугольника. Черные сапоги были сшиты из кожи молодого оленя. Увидев Сунь У-куна, волшебник поспешно одернул халат, поправил повязку на голове и пошел гостю навстречу.

— Почтенный друг Цзинь-чи! Давненько не видались! Присаживайтесь, пожалуйста!

Сунь У-кун ответил на приветствие, совершил по всем правилам этикета поклоны, и вместе с хозяином они уселись. Подали чай. После чая Черный волшебник, почтительно склонившись, сказал:

— Я только что отправил вам приглашение на пир, который состоится послезавтра, как мы и договаривались. Что же привело вас сюда сегодня?!

— Ваше приглашение я получил как раз в пути, когда шел к вам,— отвечал Сунь-У-кун.— Весть о прекрасном Пире в честь одеяния Будды заставила меня поспешить сюда и попросить вас показать мне это платье.

— Тут что-то не так, дорогой друг,— сказал смеясь волшебник.— Эта ряса принадлежит Танскому монаху. Он ведь остановился в вашем монастыре. Как же могли вы не видеть ее?

— Не успел я вчера вечером развернуть ее и вдоволь налюбоваться, как вы унесли ее к себе,— отвечал Сунь У-кун.— А тут еще случился пожар, все наши дома и имущество сгорели. На беду ученик Танского монаха оказался очень уж отчаянным. В суматохе мы обыскали все кругом, но рясы так и не нашли. На наше счастье, вы унесли ее к себе. Вот почему я и пришел к вам с просьбой показать рясу мне.

Неожиданно их беседу прервал волшебник, который охранял горы.

— Великий князь! Беда! — сказал он входя.— Гонец с приглашениями по дороге убит Сунь У-куном. Сам же Сунь У-кун под видом наставника монастыря Цзинь-чи явился сюда, чтобы завладеть одеянием Будды.

Выслушав это, волшебник подумал:

«Мне и самому показалось странным, что наставник так быстро пришел сюда. Конечно, это Сунь У-кун!»

Вскочив на ноги, волшебник схватил копье и ринулся на Сунь У-куна. А тот, выхватив из уха свой посох, приняв свой настоящий вид, отразил удар и выскочил во двор. Здесь перед воротами завязался ожесточенный бой. Волшебники, населяющие пещеру, помертвели от страха. В этот раз противники дрались куда яростней, нежели в прошлый.

Начав бой у самой пещеры, противники постепенно передвинулись на вершину горы, а оттуда взлетели на облака. Они вызывали туман и ветер, кружили песок и камни. Они дрались до тех пор, пока красный диск солнца не стал спускаться к западу. Однако все еще нельзя было сказать, на чьей стороне перевес.

— Эй, Сунь! — крикнул наконец волшебник.— Остановись! Сейчас уже поздно. Иди-ка к себе, а завтра утром приходи. И тогда мы сразимся с тобой не на жизнь, а на смерть.

— Нет, постой! — крикнул Сунь У-кун.— Биться, так до конца. Разве можно уходить только потому, что поздно?!

Сунь У-кун продолжал наступать. Тогда Черный волшебник превратился в ветер и скрылся в пещере. Он запер каменные ворота и больше не показывался. Сунь У-куну ничего не оставалось, как снова вернуться в монастырь бодисатвы Гуаньинь. Опустившись на облаке вниз, он крикнул:

— Учитель!

Трипитака, с нетерпением дожидавшийся своего ученика, очень обрадовался. Однако заметив, что тот вернулся без рясы, не на шутку испугался.

— Что ж ты и на сей раз вернулся без рясы?

В ответ на это Сунь У-кун вынул из рукава пригласительную карточку, и передавая ее Трипитаке, сказал:

— А ведь волшебник с покойным настоятелем были друзьями. Волшебник отправил к нему гонца с приглашением на Пир в честь одеяния Будды. Я убил гонца, а сам принял вид монаха-наставника и таким образом попал к волшебнику в пещеру. Меня приняли как дорогого гостя, напоили чаем. Но когда я попросил показать мне рясу, он наотрез отказался. В довершение ко всему во время нашей беседы появился дух, который охранял горы, и все дело раскрылось. Тогда Черный волшебник начал со мной драться. Мы бились до позднего вечера, но ни один из нас не вышел победителем. Наконец волшебник улизнул к себе в пещеру и крепко заперся там. Мне тоже не оставалось ничего другого, как вернуться домой.

— Ну, а как ты думаешь, сможешь ты в конце концов одолеть его? — спросил Трипитака.

— Вряд ли,— отвечал Сунь У-кун.— Силы у нас, пожалуй, равны.

Прочитав пригласительную карточку, Трипитака передал ее смотрителю.

— А ваш наставник, вероятно, тоже был волшебником? — спросил он.

Смотритель упал на колени:

— Почтенный отец,— взмолился он,— наш наставник был человеком. Однако Черный волшебник путем совершенствования овладел человеческой сущностью и постоянно приходил к настоятелю беседовать о священных книгах. Кроме того, он обучил нашего учителя искусству подчинения духа. Так они и стали друзьями.

— Нет у этих монахов никакой волшебной силы,— вмешался в разговор Сунь У-кун.— Голова у них торчит вверх, ноги обычные, ступают по земле. Они толще меня. А это тоже говорит о том, что они не духи. Однако взгляните, на карточке написано: «Почтенному храброму медведю». Это значит, что в настоятеле, несомненно, сидит Дух медведя.

— Я слышал, что в старину люди говорили, будто обезьяны и медведи относятся к одной породе зверей,— сказал Трипитака.— Как же мог он превратиться в духа?

— Стал же я, с вашей точки зрения относящийся к породе зверей, Великим Мудрецом, равным небу,— со смехом сказал Сунь У-кун,— так чем же он хуже меня? Ведь всякое живое существо на земле, имеющее девять отверстий, может путем самоусовершенствования, достичь бессмертия.

— Ты только что сказал, что способности у вас одинаковы,— возразил Трипитака.— Как же, в таком случае, ты сможешь одолеть его и отобрать рясу?

— Э, не беспокойтесь! — успокоил Трипитаку Сунь У-кун.— Я знаю, что делать.

Пока они беседовали, монахи накрыли на стол и пригласили учителя с учеником поесть. После ужина Трипитака с фонарем в руках отправился на отдых в передний храм. Монахи расположились на ночлег вдоль стен, во временно устроенных шалашах. Задние помещения — покои наставника — они уступили старшим священнослужителям. Ночь прошла спокойно. Вот что рассказывается о ней в стихах!

Чертогов неба линия сверкала
Волшебной, безупречной чистотой,
Небесная Река пересекала
Все небо полосою золотой.
Но россыпь звезд не только в черном небе,—
Их огоньки дрожат в реке земной,
Умолк в горах веселый птичий щебет
И мир уснул, объятый тишиной.
Померк костер рыбачий, пепла грудой
Вдали едва его отмечен след,
И в пагоде высокой, перед Буддой
Угас лампадки благодатный свет.
Еще вчера здесь гонга медь гудела,
Звал барабан остатки сил напрячь,
Сегодня ночью в храме опустелом
Лишь слышатся стенания да плач...[1]

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Но Трипитака, почивавший в храме бодисатвы Гуаньинь, спал беспокойно. Все его мысли были сосредоточены на рясе. Повернувшись на бок и взглянув в окно, он вдруг увидел, что забрезжил рассвет. Он быстро встал и позвал:

— Сунь У-кун! Уже светло! Иди скорей за рясой!

Сунь У-кун одним прыжком вскочил с постели. Монахи уже принесли воду для умыванья.

— Смотрите, как следует прислуживайте моему учителю,— приказывал им Сунь У-кун,— а я снова отправляюсь в путь.

Встав с постели, Трипитака остановил его:

— Ты куда идешь?

— По-моему, бодисатва Гуаньинь довольно беззаботна,— не отвечая на вопрос, сказал Сунь У-кун.— В ее честь здесь воздвигнут прекрасный монастырь, возжигаются благовония, а она допускает, чтобы по соседству жил какой-то волшебник. Я сейчас отправлюсь к Южному морю. Найду ее и скажу, чтобы она прибыла сюда сама и отобрала у волшебника рясу.

— А когда ты вернешься? — спросил Трипитака.

— Если успею, вернусь, когда вы еще будете завтракать,— сказал Сунь У-кун.— Могу и задержаться. Но к полудню непременно буду здесь. Вы не беспокойтесь, монахи будут хорошо служить вам. Итак, я отправляюсь.

Не успели замереть еще звуки его голоса, как он бесследно исчез. Вмиг очутился он у Южного моря и, остановив свое облако, стал осматриваться. Величественная картина открылась перед ним.

Морской простор лазурный, необъятиый
От синевы небес неотделим,
И залиты сияньем благодатным
Вершииы гор и глубина долин.
И с яростью сшибаясь иепрестанно,
Валы швыряют хлопья пеиы вверх,
И в сумраке прибрежного тумаиа
Ликующий и ясный день померк.
Как гром, прибой грохочет небывалый,
Великолепна неба красота.
Там радуг миогоцветных покрывало
Раскинулось над пиками хребта,
Цвета переливаются и гаснут,
И снова — алость, желтизна и синь...
На море Южиом есть утес прекрасный,
Его ты взором пристальиым окинь —
Там Гуаньинь в блажеистве обитает
И, красоты исполнен иеземной,
Хребет вершины грозные взметает
До иеба достающею стеной.
Колышет ветви ветер, свеж и ласков,
Траву, которой мягче нет нигде,
И солнца светлый круг на иебе ясном
Горит как лотос золотой в воде.
И иа дворцовой черепичиой крыше
Глазурь необычайной красоты,
И двери в грот, где звук прилива слышен,

Сплошь покрывают черепах щиты.
В густой тени под веткой тополиной
Рой попугаев весел и болтлив,
А у бамбука, где кричат павлины,
На листьях фиолетовый отлив [1].

Сунь У-кун долго любовался всей этой красотой и никак не мог налюбоваться. Наконец он на облаке опустился у бамбуковой рощи. Тут его встретили небожители и обратились к нему с такими словами:

— Бодисатва говорила нам, что Великий Мудрец встал на путь Истины, и даже оповестила всех об этом. Сейчас вы должны охранять Танского монаха. Как же вам удалось выбрать свободное время и прибыть сюда?

— Именно потому, что я охраняю Танского монаха, я и хотел побеспокоить бодисатву. Дело в том, что мы с учителем попали в затруднительное положение.

Тут дух-хранитель вошел в пещеру и доложил бодисатве о приходе Сунь У-куна. Бодисатва приказала ввести его. Войдя в пещеру, Сунь У-кун подошел к лотосовому трону и приветствовал бодисатву поклоном.

— Зачем ты явился? — спросила бодисатва.

— В пути мы с учителем зашли в монастырь, выстроенный в честь тебя. Народ приносит тебе жертвы. А ты позволила волшебнику — Духу черного медведя поселиться рядом с монастырем и выкрасть рясу моего учителя. Я много раз пытался отобрать у него рясу, но не смог, и сейчас прибыл специально для того, чтобы просить у тебя помощи.

— Ну что за невежественная обезьяна! — возмутилась бодисатва.— Как ты смеешь так со мной разговаривать и требовать, чтобы я спасала вашу рясу? Из-за тебя все и получилось. Зачем тебе понадобилось хвастаться этой драгоценностью и показывать ее простым смертным, да вдобавок ко всему вызывать ветер и раздувать пожар? Ведь ты сожгла мой монастырь Задерживающихся облаков. А теперь явилась сюда и поднимаешь шум.

Сун У-кун понял, что бодисатве известно все, что было, и все, что будет, и поспешно опустился на колени.

— О бодисатва!—воскликнул он.— Прости твоему сыну грехи! Все это правда. Но я осмелился побеспокоить тебя, милостивая бодисатва, лишь потому, что волшебник ни за что не хочет отдавать рясы, а учитель сердится и грозит заклинанием, от которого у меня голова раскалывается на части. Яви свое милосердие, помоги отобрать у волшебника рясу, и мы сможем продолжать свой путь.

— Этот волшебник обладает огромной силой и, пожалуй, не уступит тебе. Но ради Танского монаха я, так и быть, отправлюсь вместе с тобой.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Тут Сунь У-кун снова склонился перед бодисатвой, выражая ей свою глубокую признательность, и затем вслед за ней вышел из пещеры. Сев на радужное облако, они вмиг очутились у горы Черного ветра и здесь спустились вниз.

Направляясь по тропинке к пещере, они вдруг заметили даоса, который появился из-за склона горы. В руках у него было стеклянное блюдо, а на блюде лежали две пилюли бессмертия. Чрезвычайно обрадованный этой встречей, Сунь У-кун выхватил свой посох и с размаху так стукнул даоса по голове, что у того вылетели мозги и фонтаном брызнула кровь.

— Ну что за обезьяна! — в ужасе воскликнула бодисатва.— Опять ты за свое! Ведь не он украл твою рясу, ты даже не знаешь его. Значит, между вами не могло быть никакой вражды. За что же ты убил его?

— Ты знаешь, кто это такой? Это приятель Черного волшебника. Вчера они еще с каким-то мудрецом сидели на полянке и беседовали. Черный волшебник пригласил его на Пир в честь одеяния Будды. Дух, которого я убил, шел поздравить Черного волшебника, а завтра должен был явиться на Пир в честь одеяния Будды. Вот откуда я знаю его.

— Ну, ладно! — сказала бодисатва.

Сунь У-кун приподнял даоса, чтобы рассмотреть его как следует, и тут увидел, что это волк. На блюде была выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы».

Прочитав это, Сунь У-кун от радости рассмеялся.

— Вот удача! — воскликнул он.— Теперь нам не придется затрачивать усилий! Этот волшебник, можно сказать, сам попал нам в руки, а с другим мы быстро разделаемся.

— О чем это ты говоришь? — спросила бодисатва.

— У меня есть одна мысль, которую можно назвать: «На план ответить планом». Только я не знаю, одобришь ли ты ее.

— Ну говори, что надумал.

— Взгляни на это блюдо,— сказал Сунь У-кун.— Здесь лежат две пилюли бессмертия. Мы понесем их в подарок волшебнику. На оборотной стороне этого блюда вырезаны четыре иероглифа: «Сделал Лин Сюй-цзы». На эту удочку мы и поймаем волшебника. Если ты согласишься, нам не придется прибегать к оружию и драться с волшебником. Его мгновенно поразит болезнь, и тогда ряса в наших руках. Если же ты не согласишься, ты можешь спокойно отправляться к себе на Запад, а я вернусь на Восток. В этом случае рясу можно считать подаренной волшебнику, а поездка Танского монаха кончится впустую.

— Ну и язык у этой обезьяны! — рассмеялась бодисатва.

— Что ты, помилуй! Я просто хотел предложить тебе свой план!— отвечал Сунь У-кун.

— Ну, что же ты придумал? — спросила бодисатва.

— На этом блюде выгравирована надпись: «Сделал Лин Сюй-цзы». Надо полагать, что Лин Сюй-цзы — имя этого даоса.

Ты, бодисатва, должна принять вид этого даоса. Я же съем пилюлю бессмертия и приму ее вид, только буду немного побольше. Затем ты возьмешь блюдо с пилюлями и преподнесешь волшебнику ко дню его рождения. Потом предложишь ему съесть пилюлю, которая побольше. Когда волшебник проглотит ее, то есть меня, я у него в желудке найду, что делать. Пусть только откажется вернуть рясу, я из его кишок веревки совью.

Бодисатва покачала головой, но возразить ничего не могла и вынуждена была согласиться.

— Каково? — смеясь спросил Сунь У-кун.

Тут бодисатва проявила свое великое милосердие и безграничную божественную силу. Обладая способностью превращаться в любое существо или предмет, она во мгновение ока превратилась в даоса — отшельника Лин Сюй-цзы.

У журавлей священных ветер страшный
Пух развевает, вдруг рассвирепев,
И вой его суровый и протяжный
Напоминает боевой напев.
И стонут под могучим этим ветром,
Стволами ударяются порой,
Красивые не по-земному кедры
И лучезарно-синих сосен строй.
Природа только кажется единой.
Различиям в природе нет числа!
Но для людей все к одному сводимо —
К борьбе неутомимой против зла! [1]

— Чудесно! Замечательно! — с восторгом воскликнул Сунь У-кун.— Не разберешь — не то это оборотень — бодисатва, не то бодисатва—оборотень.

— Бодисатва, оборотень — все это лишь одни понятия, — сказала смеясь бодисатва.— Если говорить по существу, то ничего подобного нет.

Сунь У-кун тотчас же понял, что хотела сказать бодисатва, и, повернувшись, превратился в пилюлю бессмертия.

Пилюля, в которую превратился Сунь У-кун, была чуть побольше. Бодисатва отметила это, взяла блюдо и отправилась прямо к пещере.

Бодисатва осталась очень довольна.

«Эта грязная скотина не зря выбрала себе такое место для жилья»,— подумала она и все же в душе у нее родилось чувство сострадания.

У пещеры бодисатва увидела духов, они охраняли вход.

— Преподобный отшельник Лин Сюй-цзы прибыл! — закричали духи. Одни из них бросились доложить о его приходе, другие пошли навстречу.

Тотчас же показался дух-волшебник, вышедший встретить гостя.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Я очень рад,— сказал он,— что ты осчастливил мое убогое жилище своим высоким посещением.

— Примите от меня скромный дар — пилюлю бессмертия и пожелание вам вечной жизни,— промолвила в ответ бодисатва.

Закончив церемонию приветствий, они уселись и начали обсуждать вчерашние события. Бодисатва поспешила достать блюдо с пилюлями.

— Великий князь,— молвила она,— прошу вас взглянуть на мой скромный подарок.

Выбрав шарик побольше, она преподнесла его волшебнику со словами:

— Желаю вам, великий князь, здравствовать тысячу лет!

Волшебник в свою очередь взял второй шарик и, подавая его бодисатве, сказал:

— Желаю того же и вам, дорогой Лин Сюй-цзы!

Как только церемония была окончена, волшебник хотел проглотить пилюлю, но пилюля сама проскользнула прямо в желудок. Там Сунь У-кун принял свой обычный вид, потянулся во все стороны, и волшебник тотчас же повалился на землю. Бодисатва тоже приняла свой обычный вид и велела волшебнику отдать рясу.

Тем временем Сунь У-кун успел уже выйти через нос волшебника. Однако, опасаясь, как бы волшебник не учинил какого-нибудь буйства, бодисатва набросила ему на голову обруч. И когда волшебник, вскочив на ноги, бросился на Сунь У-куна с копьем, она вместе с Сунь У-куном была уже высоко в воздухе и стала произносить заклинание. В тот же миг у волшебника началась мучительная головная боль, он выронил из рук копье и стал кататься по земле. А Прекрасный царь обезьян, наблюдая все это, посмеивался.

— Ну что, мерзкая тварь, вернешь ты теперь рясу или нет?— спросила бодисатва.

— Я готов сделать это сейчас же,— поспешил ответить волшебник.— Только пощадите меня.

Между тем Сунь У-кун, боясь, как бы дело не затянулось, решил избить волшебника, но бодисатва остановила его:

— Не причиняй ему вреда! — сказал она.— Он мне еще пригодится.

— Да на что может пригодиться это чудовище, убить его надо, вот и все,— сказал Сунь У-кун.

— Часть горы Лоцзяшань, где я живу,— сказала бодисатва,— сейчас никем не охраняется. Я возьму его с собой и сделаю небожителем — хранителем этой горы.

— Ты поистине милосердна и всегда выручаешь из беды,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Тебе жаль погубить всякое живое существо. Вот если бы я знал это заклинание, то наверняка прочитал бы его не меньше тысячи раз. Однако здесь еще осталось много духов, надо и с ними кончить.

Волшебник тем временем пришел в себя. Он катался по земле и жалобно кричал:

— Пожалейте меня! Я готов вступить на путь Истины.

Тогда бодисатва опустилась на облаке вниз и, возложив руки на голову чудовища, взяла с него обет монашества. Затем она заставила волшебника взять копье и следовать за ней. Наконец-то лихие помыслы Духа черного медведя исчезли и строптивый характер его был усмирен.

— А ты, Сунь У-кун, возвращайся теперь обратно,— приказала бодисатва,— и как следует служи Танскому монаху. Смотри, чтобы в дальнейшем не было никаких упущений или безобразий.

— Прости, бодисатва, что доставил тебе столько хлопот и заставил ехать в такую даль,— сказал Сунь У-кун.— Позволь мне проводить тебя немного,— добавил он.

— Нет, не нужно,— отвечала бодисатва.

Тогда Сунь У-кун взял рясу и, распростившись с бодисатвой, отправился в монастырь. А бодисатва в сопровождении Духа черного медведя пустилась в обратный путь к Великому морю.

Вот что рассказывается об этом в стихах:

Темь облаков раздвинулась внезапно,
И в ореоле мягкого сиянья
С небес сошла на землю бодисатва,
Чтоб людям грешным облегчить страданья.
Ей троном служит лотос совершенный
С большими золотыми лепестками,
Она следит за тем, чтоб нарушений
Законов Будды мы не допускали.
Она познаний жажду утоляет
И объясняет сутр священных строки,
И, уходя на небо, оставляет
Лишь добродетель, истребив пороки [1].

О том, как же развивались события в дальнейшем, вы узнаете из следующей главы.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Танский монах избавился от грозивших ему опасностей в монастыре бодисатвы Гуаньинь и как Сунь У-кун покорил оборотня в деревне Гаолаочжуан

Простившись с бодисатвой, Сунь У-кун опустился на облаке вниз, повесил рясу на дерево и с посохом в руках ворвался в пещеру Черного ветра. Однако там было пусто. Духи видели, как явилась бодисатва, видели они и то, как заставила она волшебника кататься от боли по земле, и, трепеща от страха, вмиг разбежались.

Сун У-кун пришел в ярость. Он натаскал ко всем воротам хворосту, поджег его и превратил пещеру Черного ветра в пещеру Красного ветра. После этого он взял рясу, оседлал волшебное облако и отправился прямо на север.

Между тем Трипитака с нетерпением ждал Сунь У-куна, а тот все не возвращался. Монаха стали одолевать сомнения. Может быть Сун У-куну не удалось упросить бодисатву прийти на помощь или он просто выдумал все это, чтобы сбежать? И вот, погруженный в свои думы, он вдруг увидел радужное сияние, и в тот же миг перед ним предстал Сунь У-кун, который, склонившись, промолвил:

— Учитель, я принес рясу!

Трипитака был счастлив. Ликовали также все монахи.

— Прекрасно! Замечательно! — восклицали они.— Теперь нам нечего больше опасаться за свою жизнь!

Между тем Трипитака, приняв от Сунь У-куна рясу, сказал ему:

— Отправляясь в путь, ты обещал вернуться к завтраку и уж во всяком случае не позже, чем в полдень. А сейчас уже вечер, что же случилось?

Сунь У-куну пришлось подробно рассказать всю историю о том, как он приглашал бодисатву, как перевоплощался и как был усмирен волшебник. Выслушав все, Трипитака повернулся лицом к югу, возжег благовония и совершил поклоны.

— Ну, дорогой ученик! — сказал он после этого.— Ряса Будды у нас, давай собирать вещи и в путь!

— Не нужно спешить, учитель! — остановил его Сунь У-кун.— День клонится к вечеру. Подождем до утра.

Тут все монахи опустились на колени.

— Почтенный Сунь У-кун совершенно прав,— говорили они.— Время позднее, а кроме того, мы дали обет и хотим выполнить его, поскольку все, к нашему счастью, благополучно завершилось и ваша драгоценность нашлась. Просим вас, почтенный господин, присутствовать при богослужении. А завтра утром отправитесь дальше.

— Совершенно верно! — поддержал монахов Сунь У-кун.

И вы посмотрите только, что сделали монахи! Они перевернули все вверх дном, собрали ценности, которые им удалось спасти от огня, принесли все, что у них осталось, и устроили роскошное угощение. Затем они совершили жертвоприношение, сжигая жертвенную бумагу, что делается только в особых случаях, пели гимны, предохраняющие от бедствий и несчастий. Молениями и закончился день.

На следующее утро монахи вычистили и снарядили коня, сложили вещи и вместе с гостями вышли за ворота, далеко провожая их. Сунь У-кун шел впереди. В то время как раз начиналась весна.

Ступали мягко по земле
Копыта стройного коня,
Вокруг жемчужины росы
В траве рассыпались зеленой,
Качалась ива на ветру,
Наряд ветвей к земле склоня,—
Весь в ярких нитях золотых,
Росою чистой окропленный;
И персик с абрикосом вновь
Соперничали красотой
Убора молодых ветвей
С их цветом нежно-розоватым,
И протянулись вдоль дорог
Ряды смоковницы густой,
И веял свежий ветерок
Их животворным ароматом.
А на плотине из песка
В лучах весеннего тепла,
Подставив солнышку бока,
Дремала уток нежных пара...
Долина меж высоких скал
Цветами пышно расцвела,
И бабочки легко над ней
Порхали в поисках нектара [1].

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Семь дней шел Трипитака со своим учеником по пустынной дороге. И вот однажды, когда день уже клонился к вечеру, они увидели невдалеке селение.

— Взгляни, это как будто горная деревушка. Не переночевать ли нам здесь, а завтра двинемся дальше,— обратился Трипитака к Сунь У-куну.

— Погодите, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Сначала я посмотрю, не грозит ли нам опасность, а потом решим, что делать.

Трипитака остановил коня, а Сунь У-кун стал внимательно присматриваться к лежащему впереди селению, и что же он увидел?!

Так тесно молодой бамбук растет,
Что получилась изгородь живая,
Вздымаются деревья у ворот,
Приветливо прохожих осеняя.
Куда ни глянь, виднеется кругом
Убогих деревенских крыш солома,
И мостик над извилистым ручьем
Украсил вид перед фасадом дома,
И протянулась по краям дорог
Зеленых ив и тополей аллея,
А из садов несется ветерок,
Цветущих веток ароматом вея.
Уж близится ночной холодный мрак,
Щебечут в светлых горных рощах птицы,
Поставлен в доме ужин на очаг,
Дымок вечерний к небесам струится,
Усталые стада бредут домой,
Дремота сытых кур одолевает,
По улице идет сосед хмельной,
И безмятежно песню распевает [1].

— Пойдемте, учитель! — сказал наконец Сунь У-кун.— Народ здесь хороший, и мы можем смело попроситься на ночлег.

Трипитака подстегнул коня, и очень скоро они очутились у селения. По улице торопливо шел паренек в синей куртке. На голове у него была полотняная повязка, в руках зонт, на спине он нес узел. Полы одежды его были подоткнуты, штаны засучены. Ноги обуты в соломенные туфли с завязкой в три ушка. Держался парень заносчиво. Сунь У-кун остановил парня и спросил у него:

— Ты куда путь держишь и как называется это место?

Но вместо ответа парень грубо оттолкнул Сунь У-куна и крикнул:

— Чего пристал? Неужели во всей деревне некого было спросить?

— А ты, благодетель наш, не сердись, — улыбаясь сказал Сунь У-кун.— Как говорится: «Помогая другим, помогаешь са-

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

мому себе». Ведь от того, что ты скажешь нам, как называется это место, вреда никому не будет? А я, может быть, смогу оказаться тебе чем-нибудь полезным.

Не в силах вырваться от Сунь У-куна, паренек заметался:

— Что за чертовщина такая,— кричал он,— мне дома надоели всякие неприятности, а тут еще от какого-то лысого черта терпи издевательства.

— Ладно,— сказал Сунь У-кун.— Не хочешь говорить, не надо, иди своей дорогой, только попробуй раньше вырваться из моих рук.

Парень вертелся во все стороны, стараясь освободиться от Сунь У-куна, но напрасно. Его словно пригвоздили к месту. В ярости он швырнул на землю узел и зонтик и обеими руками колотил Сунь У-куна.

Сунь У-кун, поддерживая одной рукой свой багаж, второй придавил паренька, и как тот ни старался, ничего не мог сделать. Сунь У-кун тоже рассвирепел.

— Сунь У-кун,— сказал в это время Трипитака.— Там, кажется, кто-то идет. Спроси лучше его. Что толку держать этого парня? Отпусти его.

— Вы, учитель, кое-чего не понимаете,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Какой интерес спрашивать у других? Пусть он сам скажет, и все будет в порядке.

Видя, что ему никак не освободиться, парень вынужден был заговорить.

— Здесь проходит граница Тибетского государства,— сказал он.— Деревня называется Гаолаочжуан [1]. Называется она так потому, что здесь почти каждый житель носит фамилию Гао. А теперь отпусти меня.

— Судя по твоему багажу, ты собрался в далекий путь,— продолжал Сунь У-кун.— Так вот, если хочешь, чтобы я тебя отпустил, скажи мне правду, куда идешь и чем занимаешься.

Парню не оставалось ничего иного, как рассказать о себе всю правду.

— Я слуга почтенного Гао,— начал он.— Зовут меня Гао Цай. У нашего старосты есть дочь. Ей исполнилось двадцать лет, но она еще не замужем. Три года назад ее похитил волшебник и все это время этот волшебник считается зятем нашего старосты. Ну, староста, конечно, очень расстроен. Он говорит, что это большое несчастье для семьи, так как подрывает ее репутацию и, кроме того, у них не будет родственников, с которыми можно было бы поддерживать связь. Ему очень хочется как-нибудь избавиться от этого волшебника, но разве можно надеяться на то, что тот добровольно согласится уйти. Он запер свою жену в заднем помещении своего дома, и вот уже полгода держит ее там, не разрешая выходить оттуда и даже видеться с

[1] Гаолаочжуан — в переводе значит: селение рода Гао.

родными. И вот наш староста дал мне несколько лян[1] серебра, чтобы я нашел какого-нибудь буддийского монаха и попросил его усмирить волшебника. С тех пор я не знаю ни минуты покоя: хожу повсюду и разыскиваю монаха. Я нашел человек четырех, но все это были либо никудышные монахи, либо прыщавые даосы, которые никак не могли справиться с этим волшебником. И вот староста только что отругал меня, сказал, что я ничего не умею делать, дал пять цяней серебра на расходы и снова послал меня на поиски монаха, который сможет выгнать волшебника. Но тут, на беду, я повстречал вас. Потеряв надежду освободиться, я затеял с вами ссору. Против вашей необычайной силы мне не устоять, вот и пришлось рассказать вам все начистоту. Ну, теперь, надеюсь, вы отпустите меня и я пойду своей дорогой.

— Знаешь, парень, тебе, можно сказать, повезло,— промолвил Сунь У-кун.— Да и мне это дело нравится. Здорово получилось! Тебе незачем далеко ходить и тратить зря деньги. Мы — не какие-нибудь никчемные монахи или паршивые даосы. Что-нибудь придумаем. Нам ничего не стоит усмирить любого волшебника. Не зря говорится: «И врачу дал работу и сам выздоровел». Спокойно возвращайся домой и доложи своему хозяину, что сюда пришел монах из Китая, который является побратимом самого императора и идет в Индию поклониться Будде и привезти оттуда священные книги. Передай ему также, что мы отлично умеем расправляться с волшебниками и оборотнями.

— Смотри, не обманывай меня,— предупредил Гао Цай,— ведь мне и без того тошно. А если вы не сможете усмирить волшебника, мне лишний раз придется сносить оскорбления.

— Никто и не думает тебя обманывать! — возразил Сунь У-кун.— Ты лучше проводи нас к своему дому.

Парень взвалил на спину узел, взял зонт и повернул обратно. Приведя их к дому, он сказал:

— Вы, почтенные, посидите пока на скамеечке у коновязи, а я пойду доложу о вас хозяину.

Тут только Сунь У-кун выпустил его руку, положил вещи на землю и, привязав коня, сел вместе с учителем у ворот.

Между тем Гао Цай вошел во двор, прошел прямо в центральное помещение и тут лицом к лицу столкнулся с хозяином.

— Ах ты скотина мерзкая! — увидев его, сердито заорал хозяин.— Почему ты не отправился на поиски монаха? Зачем вернулся?

— Разрешите доложить,— промолвил Гао Цай, опуская на землю узел и зонт.— Не успел я выйти из деревни, как сразу же повстречал двух монахов. Один ехал верхом, другой нес вещи. Вдруг один из монахов схватил меня за руку и стал расспра-

[1] Лян — название старой весовой единицы, примерно 31,25 грамма.

шивать, куда я иду. Сначала я ничего не хотел говорить, но он так крепко держал меня, что я не в силах был освободиться и решил рассказать ему о вашем деле. Услышав это, он очень обрадовался и сказал, что может усмирить нашего волшебника.

— А откуда они пришли? — спросил хозяин.

— Говорят, что из Китая,— отвечал Гао Цай.— Один из них побратим самого императора. Император послал его в Индию поклониться Будде и привезти оттуда священные книги.

— Раз они из дальних мест,— заметил хозяин,— то вряд ли смогут что-нибудь сделать. Где они сейчас? — спросил он.

— Ждут у ворот.

Тут староста поспешил переодеться и вместе с Гао Цаем вышел встретить гостей.

— Почтенный отец! — произнес он, выйдя за ворота.

Трипитака обернулся и увидел перед собой хозяина дома. На голове у него была повязка из черного шелка, халат из сычуаньского шелка был светло-зеленого цвета, туфли сделаны из мягкой кожи. Пояс был темно-зеленый. Приветливо улыбаясь, хозяин пошел навстречу гостям:

— Прошу, уважаемые священнослужители, принять мои поклоны,— промолвил он.

Трипитака ответил на приветствие, но Сунь У-кун продолжал неподвижно стоять, а хозяин, увидев безобразную обезьяну, не решился даже поклониться ей.

— Почему же вы меня не приветствуете? — спросил Сунь У-кун.

Хозяин испугался и, подозвав к себе Гао Цая, напустился на него.

— Что ж ты, мерзавец, погубить меня хочешь, что ли? Хватит с нас одного безобразного чудовища — зятя, от которого мы никак не можем избавиться, так надо было тебе приводить еще Бога грома, от которого добра не жди!

— Почтенный отец! — вмешался тут Сунь У-кун.— Прожил ты много, а ничему не научился. Неужели ты не понимаешь, что нельзя судить о человеке по внешнему виду? Я, конечно, безобразен, что и говорить, но зато умею кое-что делать. Могу, например, справиться с обосновавшимся в вашем селе волшебником — вашим зятем, и вернуть вам дочь, умею вылавливать всяких чертей и оборотней. Все это хорошо, не правда ли? Зачем же ругать меня за мое безобразие?

Услышав все это, хозяин задрожал от страха, однако, набравшись духу, пролепетал:

— Пожалуйста входите!

Сунь У-кун велел Гао Цаю нести вещи, а сам взял под уздцы коня и вместе с Трипитакой вошел во двор. Не считаясь ни с какими приличиями, он привязал коня к столбу около парадного помещения, взял какое-то потертое кресло, предложил Трипитаке сесть, а для себя взял другое кресло и сел рядом.

— Однако этот молодой монах не отличается особой вежливостью,— заметил хозяин.

— Вот если бы ты оставил меня пожить здесь с полгодика, тогда не то еще увидел бы,— отвечал Сунь У-кун.

Когда все, наконец, уселись, хозяин обратился к своим гостям:

— Мой работник сказал мне, что вы прибыли из Китая, это правда?

— Совершенно верно,— подтвердил Трипитака.— Мы идем по указу императора в Индию, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Проезжая мимо вашего селения, мы решили попроситься на ночлег, а завтра снова двинемся в путь.

— Если вы думали здесь только переночевать, то как могли рассчитывать поймать волшебника? — удивился хозяин.

— Ну и что же! — сказал Сунь У-кун.— Для нас выловить за одну ночь даже нескольких оборотней — пустое дело. Сколько их у вас в доме?

— О небо! — взмолился старый Гао.— Он еще спрашивает сколько? Да один зять и тот замучил до смерти.

— Ну-ка расскажите нам поподробнее все, что знаете про этого волшебника,— попросил Сунь У-кун.— Какими чарами он действует? А потом мы постараемся схватить его.

— В нашей деревне,— начал хозяин,— никогда не водились ни духи, ни оборотни, ни черти, словом, никакая нечисть, никогда мы не терпели от них бедствий. Однако должен признаться, что в жизни мне не везло. Небо не послало мне ни одного сына, родились три дочери: старшая Сянь-лань — Душистая орхидея, средняя — Юй-лань — Жемчужная орхидея, и младшая — Цуй-лань — Бирюзовая орхидея. Двух старших я еще в детстве просватал за жителей нашей деревни, а для младшей хотел найти мужа, который поселился бы в нашем доме и помогал мне вести хозяйство. И вот три года назад в деревне появился парень. С виду он был хорош собой, сказал, что он житель гор Фулиншань и что фамилия его Чжу. Парень рассказал, что ни родителей, ни родственников у него нет и он хотел бы войти в чью-нибудь семью в качестве зятя. Раз этот парень ничем не связан, подумал я, то пусть станет моим зятем. Поселившись у нас в доме, парень проявил необычайное усердие. Для пахоты и боронования ему не нужно было ни вола, ни плуга. Урожай он тоже собирал без всяких серпов и без ножей. Уходил в сумерки, а возвращался на следующий день. И все, казалось, шло хорошо, если бы не одно дело. Лицо его стало меняться.

— Как это меняться? — спросил Сунь У-кун.

— Ну, первое время он был парень как парень, правда, толстоват и черноват, а потом рот и уши у него начали увеличиваться и он стал походить на какого-то дурня. Шея его покрылась щетиной, он стал каким-то неуклюжим, даже страшным,

а голова его превратилась в настоящую свиную морду. Ел он так, что за один раз нужно ему было пять доу[1] каши. А утром, чтобы слегка закусить, он съедал не меньше ста лепешек. Хорошо еще, что он ест только растительную пищу. А если бы он потребовал мяса, то от моего добра за каких-нибудь полгода ничего бы не осталось.

— Видимо, он ест так много потому, что хорошо работает,— заметил Трипитака.

— Это еще можно было терпеть,— сказал старый Гао.— Но он начал напускать облака и туманы, вызывать ветер такой сильный, что в воздухе кружил песок и летали камни. Он запугал нашу семью, даже соседи не знают покоя. А мою Цуйлань он запер в заднем помещении, и вот уже полгода мы ее не видели. Мы даже не знаем, жива она или нет. Теперь мы поняли, что этот парень — волшебник. Уж вы, пожалуйста, господа хорошие, выгоните его отсюда.

— Ничего трудного в этом нет,— сказал Сунь У-кун.— Вы можете быть совершенно спокойны, почтенный хозяин. Сегодня ночью я поймаю этого волшебника, заставлю его отказаться от брачного договора и вернуть вам дочь. Как вы на это смотрите?

— То, что он стал моим зятем,— еще полбеды,— обрадованно сказал хозяин.— Но он опорочил мое доброе имя, отпугнул всех моих родственников. Только бы поймать его, что там говорить о брачном контракте. Надо уничтожить его, и дело с концом.

— Это тоже нетрудно,— согласился Сунь У-кун.— Вот как наступит ночь и решим, что делать.

Хозяин пришел в неописуемый восторг. Он тотчас же распорядился накрыть стол и принести постную пищу. Когда трапеза была закончена, наступил вечер.

— Надо бы заранее все приготовить,— забеспокоился хозяин.— Какое вам понадобится оружие и сколько людей? — спросил он.

— А у меня есть свое оружие,— отвечал Сунь У-кун.

— Да у вас всего только по монашескому посоху,— взглянув на гостей, сказал хозяин. — А разве посохом можно убить такое чудовище?

Тут Сунь У-кун вынул из уха свою иглу, повертел ее в руках, помахал ею против ветра, и в тот же миг она превратилась в огромный железный посох с золотым обручем.

— Ну что, можно сравнить этот посох с вашим оружием? — спросил Сунь У-кун, показывая посох старому Гао.— Сумею я побить вашего волшебника?

— В таком случае, может быть, понадобятся люди? — спросил Гао.

---

[1] Д о у — мера сыпучих тел, равная 10 шэнам, или 10,35 литра.

— Не понадобятся,— отвечал Сунь У-кун.— А вот для моего учителя надо подыскать нескольких почтенных добродетельных старцев, пусть займут его разговорами, пока я не вернусь. В благодарность за это я поймаю чудовище, представлю его на суд всей деревни и избавлю вас от зла.

Хозяин тотчас же кликнул подростка и велел ему пригласить самых близких родственников и друзей. Вскоре все они явились. Когда они познакомились с гостями, Сунь У-кун сказал:

— Ну, учитель, я отправляюсь! А вы ни о чем не беспокойтесь и спокойно ждите меня здесь.

Затем, крепко сжимая железный посох, он взял за руку старого Гао и сказал:

— А теперь ведите меня в помещение, где живет ваш волшебник, я хочу взглянуть, что там происходит.

Гао подвел его к главному входу заднего помещения.

— Дайте-ка мне ключ!

— Нет, вы только посмотрите на него! — удивился Гао.— Да если бы можно было обойтись ключом, я бы не смел беспокоить вас!

— Эх ты, прожил столько лет, а шуток не понимаешь! — засмеялся Сунь У-кун.— Я пошутил с тобой, а ты принял шутку за правду.

Подойдя к двери, он ощупал замок и понял, что замок залит расплавленной медью. Рассердившись, Сунь У-кун с силой ударил по замку посохом и высадил дверь. Внутри было темно, как в погребе.

— Почтенный Гао! Окликните дочь! Посмотрим, здесь ли она.

Старый Гао набрался храбрости и позвал:

— Дочка!

— Отец, я здесь! — едва слышно отвечала дочь.

Сунь У-кун стал всматриваться в темноту своими золотистыми глазами и что же он увидел?

Была она причесана небрежно,
Уже давным-давно не умывалась,
Но красота изысканная — прежней
Наперекор страданьям оставалась.
В губах ее уж нет ни капли крови,
Склонился стройный, гибкий стан устало,
Как бабочки, взлетали кверху брови...
Едва шептала, страшно исхудала...[1]

Она подошла к старому Гао, схватила его за руку, а затем, обхватив голову руками, разрыдалась.

— Не плачь, девушка, не плачь! — стал утешать ее Сунь У-кун.— Ты лучше скажи, куда сейчас отправился волшебник?

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Танский император Тай-цзун, сановник Вэй-чжэн
и Танский монах Сюань-цзан

— Я не знаю, куда он уходит,— отвечала девушка.— Последние дни он отправляется с рассветом и возвращается к ночи. Его всегда сопровождают тучи и туман, поэтому трудно сказать, где он бывает. Однако ему стало известно, что отец собирается совершить обряд, который помогает изгонять духов, и он, видимо, готовится к этому. Вот почему он уходит с рассветом и возвращается только к ночи.

— Все ясно,— остановил девушку Сунь У-кун.— Уведите дочь в переднюю часть дома, устройте ее как следует, а я останусь здесь. Как только волшебник появится, я покончу с ним. Если же он не вернется, не сердитесь на меня.

Старый Гао, вне себя от радости, тотчас же увел дочь. А Сунь У-кун произнес заклинание, встряхнулся, принял вид дочери хозяина, уселся и стал ждать волшебника. Через некоторое время поднялся ветер, закружился в воздухе песок, полетели камни.

Вначале легкий ветерок возник,
Но мощь его все больше разрасталась —
И постепенно стал он так велик,
Что для него препятствий не осталось.
Валились ивы, словно конопля,
В садах склонялись до земли растенья,
Ломались скалы, трескалась земля, —
Объяло мир жестокое смятенье.
А ветер в рощах вырывал стволы,
Как овощи на грядах огородных,
Вздымал на реках и морях валы,
Распугивая всех чертей подводных.
Бродил олень среди цветущих трав —
Теперь он мчится в ужасе с поляны...
Плоды на землю в спешке побросав,
Среди ветвей укрылись обезьяны...
Рвет ураган святых знамен шелка
И налетает в злобе бесполезной
На пагоду, что прямо в облака
Вздымает свой седьмой этаж железный.
К дворцу приблизясь, ураган не стих:
Обрушены колонны из нефрита,
Погнулись своды балок золотых,
И крыша драгоценная разбита...
Уносит кровлю яростный порыв,
Как ласточки, мелькает черепица,
И лодочники, весла осушив,
Одно лишь могут — продолжать молиться.
Овец приносят в жертву и свиней,
Чтоб ураган замолк, утихомирся,
Но снова он становится сильней,—
Вот убегают боги из кумирен.
И в знак своей покорности, из воли,
Драконы четырех морей явились...
Разбит сторожевого духа челн,
И городские стены развалились [1].

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Когда бешеный порыв бури утих, в воздухе показался волшебник. Облик у него действительно был безобразный. Черная морда, покрытая щетиной, длинное рыло, огромные уши. Одет он был в заплатанную рясу из грубого холста не то синего, не то черного цвета, подпоясан полотенцем из крапчатой цветной материи.

— Вот так штучка! — подумал улыбаясь Сунь У-кун.

Он не вышел навстречу волшебнику, ни о чем не спрашивал его, а, притворившись больным, лежал на кровати и беспрерывно стонал. Волшебник, ничего не подозревая, вошел в комнату, обнял его и хотел поцеловать.

«Что же это он, собрался позабавиться со мной, что ли?» — смеясь в душе, подумал Сунь У-кун и, схватив чудовище за морду, дал ему подножку. Тот рухнул на пол.

— Дорогая моя! Ты за что это на меня сердишься? Может быть, за то, что я немного опоздал? — ухватившись за край кровати и пытаясь подняться, промолвил волшебник.

— Да я вовсе не сержусь,— ответил Сунь У-кун.

— В таком случае,— продолжал волшебник,— почему ты меня отталкиваешь?

— А почему ты себя непристойно ведешь? — в свою очередь спросил Сунь У-кун.— Тебе бы все обниматься да целоваться. Я чувствую себя не совсем хорошо, поэтому не встретила тебя, как обычно. А сейчас раздевайся и ложись спать.

Не догадываясь, в чем дело, волшебник стал раздеваться. А Сунь У-кун между тем вскочил с постели и сел на комод. Волшебник подошел к кровати и, обнаружив, что никого здесь нет, спросил:

— Дорогая! Куда же ты исчезла? Сними одежду и давай спать!

— Ты спи, а я схожу оправиться,— сказал Сунь У-кун.

Волшебник разделся и лег.

Между тем Сунь У-кун, горестно вздыхая, промолвил:

— Ну что за несчастная жизнь у меня!

— О чем ты беспокоишься? — спросил волшебник.— Что я сделал тебе плохого? Разве я зря ем ваш хлеб? Я и двор мету, и канавы рою, и кирпич доставляю и черепицу, возвожу стены. Я и пашу, и бороню, сею пшеницу, сажаю рис, в общем всячески стараюсь увеличить добро. У тебя есть шелковые платья и золотые украшения. Круглый год ты можешь есть фрукты, овощи у нас никогда не переводятся. А ты жалуешься на свою судьбу. Говоришь, что несчастна!

— Сама-то я всем довольна,— продолжал Сунь У-кун.— Но вот родители мои сегодня бросали через стену камни и черепицу и ругали меня!

— За что же они тебя ругали? — удивился волшебник.

— Они говорят,— продолжал Сунь У-кун,— что, несмотря на то что мы поженились и ты вошел к ним в дом зятем, почета от

этого им никакого нет. Что у такого урода, как ты, не может быть никаких родственников. И неизвестно, что ты за существо, если появляешься и исчезаешь в тумане и облаках. Никто не знает, как тебя зовут и ты только позоришь доброе, честное имя нашей семьи. Вот за что они ругали меня. Поэтому мне так тяжело.

— Я действительно неказист,— признался волшебник,— однако мне ничего не стоит превратиться в красавца. Ведь твои родители сами пожелали принять меня в свой дом зятем, почему же они сейчас все это говорят? Моя семья живет в пещере Юньчжаньдун, в горах Фулиншань. Фамилию мне дали Чжу, что значит свинья, а имя Ган-ле — Жесткая щетина. Если они снова заведут с тобой разговор, расскажи им все это.

«А этот волшебник — честный малый,— с удовлетворением подумал Сунь У-кун.— Мне не пришлось прибегать к насилию, он сам выложил все начистоту. Теперь, когда я узнал, откуда он родом и как его зовут, он в моих руках».

— Они собираются пригласить монаха, чтобы поймать тебя,— продолжал Сунь У-кун.

— Ты не беспокойся и спи спокойно! — смеясь отвечал волшебник.— Не обращай внимания на то, что они делают. Я обладаю небесным даром различных превращений, у меня есть грабли с девятью зубцами, и никакие монахи и даосы мне не страшны. Если твой отец человек очень набожный, пусть призывает самого патриарха Дан-мо с девятого неба, я и с ним готов познакомиться — ничего он мне не сделает.

— Они говорят, что пригласили Великого Мудреца, равного небу, по фамилии Сунь, который пятьсот лет назад учинил дебош в небесных чертогах, и просили его усмирить тебя,— продолжал Сунь У-кун.

Услышав это, волшебник встревоженно сказал:

— В таком случае мне надо немедленно убираться отсюда. Поспать нам с тобой не придется.

— Отчего же? — удивленно спросил Сунь У-кун.

— Да ты не знаешь, что этот монах из небесных чертогов обладает огромной волшебной силой, и с ним, конечно, мне не справиться.

С этими словами он встал, оделся и, открыв дверь, хотел выйти. Но тут Сунь У-кун схватил его за руку и, потерев лицо, принял свой настоящий вид.

— Ну, милое чудище! Куда же это ты собрался? Подними-ка голову и посмотри, кто перед тобой!

Волшебник взглянул и увидел существо, очень похожее на Бога грома: с узенькой мордочкой, острыми зубами, с огненным взглядом, плоской головой и обросшим шерстью лицом. От страха у него опустились руки и подкосились ноги. Он с шумом оставил свое тело и, превратившись в бешеный вихрь, умчался прочь.

Сунь У-кун ринулся за ним и, размахнувшись, ударил своим посохом по ветру. От этого удара полетели тысячи искр, но ветер умчался по направлению к своей горе. Сунь У-кун на облаке помчался за ним.

— Куда бежишь? — кричал Сунь У-кун.— Если ты спрячешься на небе, я найду тебя даже во дворце созвездия Южной Медведицы! Если попытаешься скрыться в землю, я достану тебя из царства Владыки преисподней Янь-вана!

Чем окончилась эта погоня и кто в конце концов победил, вы можете узнать, прочитав следующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун усмирил волшебника Пещеры облаков и как Сюань-цзан на горе Будды познал сутру о моральном и телесном очищении

Итак, волшебник, превратившись в луч света, умчался, а Великий Мудрец на радуге пустился в погоню за ним. Вдруг перед ними, словно из-под земли, выросла гора. В тот же миг волшебник, превратившись в большой красный луч, принял свой настоящий облик, ринулся в пещеру и, схватив там грабли с девятью зубьями, выбежал, готовый к бою.

— Ах ты низкая тварь! — заорал Сунь У-кун.— Откуда ты взялся? И каким образом узнал, кто я такой? Ну, показывай, на что ты способен, тогда я пощажу тебя.

— Даже тебе неизвестно, на что я способен! — отвечал волшебник.— Иди-ка сюда, держись крепче и слушай, что я тебе скажу.

Я с малых лет был по натуре грубым,
В невежестве не чувствовал стыда,
И более всего мне было любо
Укрыться от постылого труда.

Себя улучшить я и не пытался,
И жажда истин не владела мной,—
Потокам грез неясных отдавался
Под солнцем — днем, а ночью — под луной.

Но вот однажды, предаваясь лени,
Я праведного мужа повстречал,
И он, радея о моем спасенье,
Меня в беседах долгих поучал.

Он к чистой жизни звал искать дорогу,
Остерегал — не падать в бездну зла:
Ведь те, кто посвящает жизнь пороку,—
Вершат грехи, которым нет числа!

Как небо ни гневи, а неизбежно
Приходит смерть — и ты познаешь страх,
Но думать будет поздно, безнадежно
О трех путях и о восьми концах.

В словах священных мощь была такая,
Что я с себя стряхнул мирскую грязь,
И стал трудиться, искренне раскаясь,
К познанью вечной тайны устремясь.

Любви к учителю я преисполнен!—
Нет. Гнев его мне не принес вреда:
Он отвратил меня от Преисподней
И указал небесные врата.

И познавал я «девять превращений»
И эликсир бессмертья получал,
Охваченный неистощимым рвеньем,
Над книгами склоняясь по ночам...

Меня туманы в небе окружили
Сияющей цветною пеленой,
Наполнились здоровой силой жилы—
И вход в чертог открылся предо мной.

Там был устроен лучезарный праздник
В честь моего прихода,— и вокруг
Бессмертные расселись, сообразно
Ступеням рангов и былых заслуг.

Я оказался равен им по чину —
И подошла Небесная река,
Чтоб опуститься мог в ее пучины
И в бой водить подводные войска!

Когда уж безупречным все казалось,
Царицы день рожденья наступил,—
И в заводях Нефритового зала
Толпа придворных собралась на пир.

Но там вино мой разум одолело
И пробудило мой свирепый нрав...
Я все громил направо и налево,
Я буйствовал, рассудок потеряв.

Я в тот дворец, где крылся холод вечный,
Посмел ворваться в ярости слепой...
Небесных фей я видел рой беспечный,
Был окружен их шумною толпой.

Едва я очнулся вместе с ними,
Как сердце охватил любовный пыл:
Не совладав с желаньями земными,
Я дерзко и бесстыдно поступил.

Запретное казалось мне возможным...
Не ведая, где чистота, где грех,
Чан Э* я выбрал из толпы наложниц,
Схватил и обнял на виду у всех.

Я долго умолял ее, но тщетно!..
И, все сбивая на своем пути,
Я стал метаться в страсти безответной,
Не в силах утешенье обрести.

Я так тогда разбушевался дико,
Что потерял и выход из палат,
И получил Нефритовый владыка
Об этом от чиновника доклад.

Такой осадой был дворец обложен,
Что ускользнуть не мог бы ветерок...
Вот так поступок мой неосторожный
Меня на гибель верную обрек!

Я крепко схвачен был волшебной стражей,
Но продолжало действовать вино,—
И предстоящий суд мне не был страшен,
Что ждет меня,— мне было все равно.

Предстал я на допросе перед троном,
Охраной огражден со всех сторон,—
И тут же, в соответствии с законом,
К жестокой казни был приговорен.

И ждал я смерти, ужасом объятый...
Но вдруг придворных дрогнули ряды,—
И вышел неожиданный ходатай:
Дух милосердный Золотой звезды [1].

Его слова не прозвучали даром
И жизнь мою ничтожную спасли,
Но молотом две тысячи ударов
Мне палачи по телу нанесли.

С костями перебитыми, без кожи,
В мученьях я познал вину свою,
И сброшен был в поместье у подножья
Горы Фулинь, — и превращен в свинью...

Преступника молва не пощадила,
И, зная жизнь мою, не мудрено
Понять, за что мне «Жесткая щетина»
В округе было прозвище дано! [2]

— Так ты, оказывается, дух неба, Повелитель небесных водных сил, изгнанный на землю,— промолвил Сунь У-кун.— Тогда нет ничего удивительного в том, что тебе известно мое имя.

— Ишь ты, сумасбродный конюх,— воскликнул волшебник.— Сколько духов пострадало, когда ты учинил на небе дебош. А теперь ты явился сюда, чтобы обманывать людей! Хватит безобразничать! Отведай-ка моих грабель!

---

[1] Золотая звезда — планета Венера.
[2] Стихи в обработке В. Гордеева.

Сунь У-кун не в силах был снести подобного оскорбления, взмахнул посохом и ринулся на своего противника. И вот на склоне горы между ними завязался бой.

Бой начался во вторую ночную стражу и продолжался до самого рассвета. Наконец волшебник почувствовал, что теряет силы, превратился в ветер и скрылся в пещере, крепко заперев ворота. Осмотрев пещеру, Сунь У-кун обнаружил плиту с надписью: «Пещера облаков». Увидев, что уже совсем рассвело, а чудовище все не появляется, Сунь У-кун подумал: «Ведь учитель ждет меня. Пойду-ка я к нему, а потом вернусь и изловлю чудовище».

На облаках он быстро вернулся в Гаолаочжуан. А надо вам сказать, что Сюань-цзан всю ночь провел в беседе со старцами, толкуя о старине, а также о современных делах и даже не сомкнул глаз. И не успел он подумать, что Сунь У-кун долго не возвращается, как, выглянув во двор, увидел его. Спрятав посох, Сунь У-кун поправил на себе одежду и вошел в помещение.

— Я здесь, учитель!

Старцы поспешили подняться и почтительно склонились перед ним.

— Много пришлось вам потрудиться! — промолвили они.

— Ты пропадал всю ночь,— сказал Сюань-цзан.— Удалось тебе поймать волшебника?

— Учитель,— отвечал Сунь У-кун,— этот волшебник не простой оборотень и не какое-нибудь горное чудовище. Он изгнанный с неба Повелитель водных сил. По ошибке он был зачат не в той утробе, поэтому лицо его и похоже на свиную морду. А свою духовную сущность он не утратил. Он сказал, что фамилию и имя ему дали соответственно его наружности и потому называют Чжу Ган-ле — Свинья-Жесткая щетина. Я выманил его из пещеры и вступил с ним в бой, однако он превратился в ветер и улетел про́чь. А когда я посохом ударил по ветру, он превратился в золотистый луч и скрылся в пещере своей горы. Там он схватил грабли с девятью зубьями и бился со мной всю ночь. Однако на рассвете волшебник струсил, бежал с поля боя и заперся в своей пещере. Я хотел было высадить дверь и схватиться с этим чудовищем не на жизнь, а на смерть, но вспомнил, что вы, учитель, будете беспокоиться, и решил вернуться сюда, рассказать вам, как обстоят дела.

Когда он кончил свой рассказ, старый Гао подошел к нему и, опустившись на колени, взмолился:

— Почтенный отец! Что же теперь будет? Как только вы уйдете, это чудовище снова вернется сюда. Умоляю вас довести де́ло до конца, вырвать зло с корнем, чтобы после не случилось какой-нибудь беды. Сделайте для меня такую милость, а я отблагодарю вас по заслугам. В присутствии всех моих родственников я составлю бумагу о том, что половину всей земли и имущества отдаю вам. Только уж, пожалуйста, вырвите вредную

траву с корнем, чтобы дом наш мог пребывать в спокойствии и мире.

— Мне кажется, что вы немного преувеличиваете, почтенный Гао,— сказал смеясь Сунь У-кун.— Волшебник сам сказал мне, что аппетит у него действительно велик, однако и работает он на вас усердно. Благодаря его стараниям вы за эти годы приумножили свои богатства. Так что он не зря ест ваш хлеб. Почему же вы непременно хотите выгнать его? Он — небесное божество, изгнанное на землю, он помогает вам вести хозяйство и, как мне кажется, не причинил никакого вреда вашей дочери. По-моему, такой зять очень ценный в доме человек и никак не может запятнать честь вашей семьи, опозорить вас. Я считаю, что вы должны оставить его у себя в доме.

— Дорогой отец,— сказал на это старый Гао.— Пусть все это верно, однако слава о нем идет дурная. Мне постоянно приходится слышать разговоры о том, что старый Гао взял в зятья чудовище. Как вы думаете, приятно это?

— Раз уж ты начал это дело,— вмешался тут Сюань-цзан,— то надо довести его до конца.

— Да я просто пошутил,— сказал Сунь У-кун,— хотел послушать, что он будет говорить. На этот раз я непременно изловлю это чудовище и приведу сюда. Так что можете ни о чем не беспокоиться. А теперь, почтенный Гао, позаботьтесь как следует о моем учителе, а я отправлюсь! — закончил Сунь У-кун.

С этими словами он исчез. Одним прыжком Сунь У-кун очутился у горы и, подойдя к пещере, ударом посоха разнес ворота.

— Эй ты! — громко крикнул он.— Прожорливый дурень! Мешок с мякиной! Живо выходи! Померяемся с тобой силами!

Волшебник в это время спал, сладко похрапывая. Шум и ругань разбудили его. Он в бешенстве схватил свои грабли и, набравшись духу, выбежал из пещеры, пронзительно крича:

— Ах ты проклятый монах! С тобой бед не оберешься! Почему ты разбил мои ворота? Что я тебе сделал?! Почитай законы и узнаешь, что за насильственное вторжение в чужой дом виновный карается смертной казнью!

— Да ты, видно, настоящий дурень! — сказал смеясь Сунь У-кун.— Если я и разбил твои ворота, так не зря: были на то причины. Не забывай, что ты силой захватил чужую девушку и без всяких полагающихся в таких случаях церемоний жил с ней. Известно ли тебе, что за такие вещи полагается смертная казнь?!

— Да что с тобой разговаривать! — крикнул волшебник.— Отведай-ка лучше мои грабли!

— Ведь этими самыми граблями ты работал на поле почтенного Гао,— сказал Сунь У-кун, без труда отражая удар.— Так неужели ты думаешь, что я испугаюсь тебя?

— Ну, если ты считаешь, что это обыкновенные грабли, то ошибаешься! — воскликнул волшебник.— Послушай, что я тебе о них расскажу:

Их твердостью могучей обеспечил,
Надежно закалив, священный лед.
С клещами Лао-цзюнь сидел у печи,
Шуруя уголь, ночи напролет.

Волшбой отполированы на славу,
Пылают зубья в солнечных лучах,—
Недаром уголь дух Звезды Кровавой
Подбрасывал в пылающий очаг.

Пять полководцев, не боясь усилий,
Раскрыли мудрой тактики секрет,
И знанье сокровенное вносили
В работу боги всех пяти планет!

Старались духи тьмы и света дружно,
И труд был завершен в конце концов,
Вот девять зубьев светятся жемчужных,
И с золотыми листьями кольцо.

И небо грабли достают и землю,—
Безмерно протяженные в длину,—
Начало Инь с началом Ян объемлют
И разделяют солнце и луну.

И шесть двойных волшебных начертаний
Порядку в небесах помочь должны,
А чтобы звезды верно сочетались,—
Триграммы ба-гуа нанесены.

Их высшей драгоценностью недаром
Назвали, ибо нет для них преград,
От мастеров их получив в подарок,
Правитель неба был безмерно рад!

Я улучшал себя и стал бессмертным
И заработал полководца чин,—
Сам император в милости безмерной
С почетом эти грабли мне вручил.

Поднимешь их — полно сияньем небо,
Опустишь их — завоет ураган,
И, урожай суля, сугробы снега
Укроют землю, к радости крестьян!

Самим бессмертным силы их опасны,
Владыка ада ощущает дрожь...
А отчего их нет у смертных — ясно:
Где на земле металл такой найдешь?

Свой облик изменять они способны,
И заклинанья слушаясь,— как вихрь,
Они взметнутся в небеса и сотни
Покажут упражнений боевых!

Расстаться с ними ни на миг не в силах,
Их ствол резной сжимаю я во сне,
На Персиковый пир я захватил их,
И были во дворце они при мне.

Но, опьянев и став не в меру пылким,
Я оскорбил святые небеса,
И на земле я очутился в ссылке,
И здесь скорблю, возмездие неся;

Став духом-людоедом, злым и гневным,
Тащу в пещеру путников с дорог,
И оттого приятно мне в деревне
Прожить хотя бы и недолгий срок.

Да, грабли эти — славное оружье!
Им тигров и волков легко убить,
Они драконов могут обнаружить
В их логове, во тьме морских глубин.

С той дивной остротой и мощью грозной
Я побеждаю в споре боевом,
Хотя бы ты был весь из стали создан,—
Один удар — и дух из тела вон![1]

— Брось молоть чепуху, Дурень! — выслушав его, отвечал Сунь У-кун, опуская посох.— Я готов подставить тебе свою голову. Попробуй ударь по ней и сам увидишь, улетит у меня душа или нет.

Тут волшебник взмахнул граблями и что было силы хватил ими Сунь У-куна по голове. Раздался страшный треск, от граблей полетели искры, но на голове у Сунь У-куна не осталось даже царапины. У волшебника от страха опустились руки и ноги подкосились.

— Вот так штука! Что за голова! — изумленно воскликнул он.

— Ты меня еще не знаешь! — продолжал Сунь У-кун.— Когда я учинил дебош в небесных чертогах и выкрал эликсир бессмертия, утащил персики бессмертия и унес вино небесного императора, бессмертный Эрлан захватил меня и доставил во дворец Духа звезды Южной Медведицы. Все небесное воинство рубило меня топорами, мечами и саблями, колотило молотками, на меня напускали гром и молнию, но все напрасно — я остался невредим. После этого меня забрал с собой святейший Лао-цзюнь, он поместил меня в свою волшебную печь и поджаривал на священном огне. Глаза мои стали огненными, голова — медной, а руки — железными. Если не веришь, бей еще, посмотришь будет ли мне больно.

— Я помню, что до того, как ты учинил дебош на небе, ты проживал в Пещере водного занавеса на Горе цветов и плодов, в стране Аолайго. Однако потом я о тебе ничего больше не слышал. Какими же судьбами ты очутился здесь и почему решил напасть на меня? Уж не мой ли тесть пригласил тебя?

— Нет, твой тесть тут ни при чем,— отвечал Сунь У-кун.— Я вступил на путь Истины, отрешился от даосизма и стал монахом. Мой учитель, почтенный Сюань-цзан, названый брат Тан-

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

ского императора, следует сейчас в Индию поклониться Будде и попросить у него священные книги. Я охраняю его. Прибыв в деревню Гаолаочжуан, мы разговорились со старым Гао и вот тогда-то он и попросил нас спасти его дочь и изловить тебя, грязное животное!

Тут волшебник отбросил свои вилы и, громко приветствуя Сунь У-куна, воскликнул:

— А где же сейчас этот паломник, который идет за книгами? Очень прошу вас представить меня ему.

— А для чего он тебе понадобился? — спросил Сунь У-кун.

— По правде говоря,— промолвил волшебник,— я живу здесь по повелению бодисатвы Гуаньинь, которая призвала меня стать на путь Истины, питаться только растительной пищей и ожидать здесь прибытия паломника в Индию, к Будде за священными книгами. За это она обещала мне прощение. И вот я живу здесь уже несколько лет, но так ничего и не слышал о паломнике. Почему же ты, его ученик, сразу не сказал мне, что вы идете за священными книгами, а решил действовать силой, врываться в мой дом и вступать со мной в драку?!

— Ты только не хитри и не вздумай улизнуть от меня! — предупредил волшебника Сунь У-кун.— Поклянись перед небом, что ты действительно желаешь охранять Танского паломника, тогда я сведу тебя к моему учителю.

Тут волшебник упал на колени, поднял глаза к небу и, отбивая земные поклоны, воскликнул:

— О милостивый Амитофо! Тебя я призываю в свидетели! Если я солгал, пусть меня сочтут преступником и разрежут на мелкие части!

— Ну, в таком случае неси огонь,— приказал Сунь У-кун,— и спали свое жилье, тогда я отведу тебя к своему учителю.

Волшебник вмиг натаскал соломы и хвороста, раздобыл огня и поджег. Вскоре от Пещеры облаков остались одни развалины и она стала похожа на заброшенную гончарную печь.

— Ну, теперь я свободен. Веди меня к учителю! — сказал волшебник.

— Отдай раньше грабли,— потребовал Сунь У-кун.

Волшебник повиновался. Тогда Сунь У-кун выдернул у себя пучок шерсти и, дунув на нее, крикнул:

— Изменись!

Шерсть тотчас же превратилась в веревку. Сунь У-кун подошел к волшебнику, скрутил ему руки назад и крепко-накрепко связал. Волшебник не оказал никакого сопротивления. Затем Сунь У-кун схватил его за ухо и потащил за собой, приговаривая:

— Ну, живее иди! Пошевеливайся!

— Да ты полегче! — взмолился волшебник.— У тебя такая тяжелая рука, что у меня уши трещат от боли.

— Полегче нельзя! — отвечал Сунь У-кун.— А то мне за тобой недоглядеть! Ведь не зря говорит пословица: «Дело будет

вернее, если даже самую смирную свинью крепче держать за ухо». Вот погоди, придем к учителю, выяснится, что ты говоришь правду, тогда я отпущу тебя!

На облаках и туманах они отправились прямо в деревню Гаолаочжуан.

Очень быстро они достигли деревни. Одной рукой держа грабли, а другой таща за ухо своего пленника, Сунь У-кун сказал:

— Видишь, вон сидит человек? Это и есть мой учитель!

Между тем семья Гао, все родственники и старик Гао, увидев, что Сунь У-кун тащит волшебника за ухо, вышли им навстречу.

— Почтенный учитель! Дорогой учитель! — воскликнули они.— Да, это действительно наш зять!

Тут волшебник выступил вперед и как был со связанными за спиной руками повалился перед Сюань-цзаном на колени.

— Учитель, твой ученик рад приветствовать тебя! — промолвил он.— Если бы я раньше узнал о том, что вы пожаловали в дом моего тестя, то давно бы пришел приветствовать вас и не допустил бы никаких неприятностей.

— Что все это значит? — спросил Сюань-цзан, обращаясь к Сунь У-куну.— Тебе, оказывается, не только удалось усмирить это чудовище, но оно даже пришло приветствовать меня?

Тогда Сунь У-кун отпустил своего пленника и, ударив его палкой, крикнул:

— Ну, Дурень! Рассказывай!

Тут волшебник подробно рассказал о том, что бодисатва Гуаньинь уговорила его встать на путь Истины. Выслушав его, Сюань-цзан пришел в восторг:

— Почтенный Гао,— сказал он.— Принесите, пожалуйста, столик для жертвоприношений.

Гао тотчас же выполнил его приказание. А Сюань-цзан, вымыв руки и обратившись лицом к югу, возжег благовония и вознес молитву.

— О великая бодисатва! — говорил он.— Благодарю тебя за твои бесконечные милости!

Старцы молились вместе с ним. Окончив молитву, Сюань-цзан вошел в дом и сел на возвышение. Затем он приказал Сунь У-куну развязать волшебника. Сунь У-кун встряхнулся, и веревки тотчас же превратились в шерсть, а волшебник был освобожден. Он склонился перед Сюань-цзаном и выразил желание сопровождать его в пути. Затем он поклонился Сунь У-куну, просил считать его своим братом и сказал, что будет называть Сунь У-куна «Брат-учитель».

— Ну, раз ты решил встать на путь добродетели и следовать за мной, то я должен дать тебе монашеское имя, так будет удобнее.

— Учитель! — отвечал волшебник.— Я уже получил посвящение от бодисатвы, она дала мне имя Чжу У-нэн.

— Ну, вот и замечательно! — обрадовался Сюань-цзан.— Имя твоего старшего брата — У-кун, а твое будет — У-нэн.— Эти имена как раз соответствуют тем, которые приняты в нашей секте.

— Учитель,— сказал тогда У-нэн.— Бодисатва не разрешила мне есть мясного и скоромного. Живя в доме моего тестя, я ни разу не нарушил этого запрета. Но теперь, учитель, я прошу вас снять его с меня.

— Ни в коем случае,— запротестовал Сюань-цзан.— Раз ты не ешь ничего мясного и скоромного, то я дам тебе другое имя, отныне ты будешь называться Ба-цзе*.

— Я готов выполнить все ваши приказания! — радостно воскликнул Дурень. С этого времени его стали называть Чжу Ба-цзе.

То, что чудовище было поставлено на путь Истины, доставило еще большее удовольствие старому Гао. Он был очень благодарен Танскому монаху и приказал устроить в честь его пир. Между тем Чжу Ба-цзе выступил вперед и, взяв за руку старого Гао, сказал:

— Отец! Ты бы позвал жену, пусть поклонится учителю и брату!

— Дорогой брат! — рассмеялся Сунь У-кун.— Раз уж ты принял посвящение и стал монахом, то теперь не должен даже вспоминать о том, что у тебя есть жена. Среди даосов еще встречаются женатые монахи, но среди буддистов никогда. А сейчас рассаживайтесь и давайте есть. Нам надо поскорее отправляться в путь.

Столы уже были накрыты, и старый Гао предложил Сюань-цзану занять почетное место. По обе стороны от Сюань-цзана он усадил Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе. Затем хозяин налил бокал некрепленого вина, принес его в жертву в честь неба и лишь после этого преподнес вино Сюань-цзану.

— Должен откровенно признаться вам,— промолвил Сюань-цзан,— что за всю свою жизнь я никогда не ел мясного и не потреблял вина.

— Зная, что вы не вкушаете ничего скоромного,— отвечал хозяин,— я приготовил вам исключительно постную пищу. Вино это тоже можно сказать постное, поэтому я думаю, что вы можете выпить чашечку.

— Нет, этого я никак не могу сделать,— наотрез отказался Сюань-цзан.— Первая заповедь у нас, монахов, это не пить вина.

— Учитель! — забеспокоился Чжу Ба-цзе.—Я хоть и ел только постную пищу, но от вина никогда не отказывался.

— Ну, я не очень люблю, больше фляги не пью, однако не откажусь,— вставил тут свое слово Сунь У-кун.

— Ну вот вы вдвоем и выпейте,— сказал Сюань-цзан.— Только смотрите не напивайтесь и чтобы никаких недоразумений не было.

После этого Сунь У-куну и Чжу Ба-цзе преподнесли кубки с вином. Остальные расселись за столом в соответствии с возрастом и положением. Каких только яств здесь не было! Столы ломились от изобилия.

После того как пир был закончен, старый Гао вынес на красном лакированном блюде двести лян серебра и преподнес их Сюань-цзану и его ученикам на дорожные расходы. Кроме того, он хотел подарить им три шелковых халата.

— Мы, странствующие монахи, живем на подаяние, которое собираем в селениях, попадающихся на пути,— сказал Сюань-цзан,— как же можем мы принять от вас деньги и ценные подарки?

Но в этот момент вперед выступил Сунь У-кун. Схватив деньги и обращаясь к слуге, он крикнул:

— Гао Цай! Вчера мы заставили тебя проводить нас с учителем сюда, а сегодня у нас появился еще ученик. Нам нечем отблагодарить тебя, так возьми себе эти деньги. Купи соломенные туфли. А если когда-нибудь у вас снова появятся волшебники, можешь обратиться ко мне, и я смогу лучше отблагодарить тебя.

Гао Цай взял деньги и низко поклонился.

— Раз вы не хотите брать денег,— сказал тогда старый Гао,— то примите это грубое платье — скромный дар в знак моей глубокой признательности.

— Если мы, монахи, примем в дар хотя бы одну нитку, для нас навсегда будет закрыт путь к спасению,— отвечал Сюань-цзан.— Мы будем очень довольны, если вы дадите нам на дорогу немного оставшихся от угощения лепешек и фруктов.

— Уважаемый учитель и вы, старший брат,— вмешался в разговор Чжу Ба-цзе.— Не скромничайте. Сколько лет я работал в доме моего тестя. Если заплатить за это одними только продуктами, то это будет не меньше трех даней. Дорогой тесть,— обратился он к старому Гао,— старший брат в схватке изорвал вчера мой халат, дай мне, пожалуйста, новую рясу из черного шелка. Да и туфли у меня прохудились, так что заодно дай мне пару новых туфель.

Старый Гао не мог ему отказать в этой просьбе. Он тотчас же послал купить туфли и вместе с халатом преподнес Чжу Ба-цзе. Чжу Ба-цзе надел все новое, степенно подошел к тестю и, почтительно обращаясь к нему, сказал:

— Прошу вас передать уважаемым теще, невестке, деверям и всем моим родственникам, что сегодня я стал монахом, и попросите их извинить меня за то, что не успел попрощаться с ними лично. А тебя, дорогой тесть, я прошу не обижать тут мою жену. Кто знает, может быть, нам и не удастся достать священные книги, тогда я вернусь в мир и снова стану вашим зятем.

— Не болтай глупостей, дубина ты этакая! — крикнул Сунь У-кун.

— Это вовсе не глупости,— возразил Чжу Ба-цзе.— Я хочу лишь сказать, что все может случиться. Это, конечно, не значит, что я буду выполнять свой долг недобросовестно. Но если ничего не выйдет, я вдвойне проиграю.

— Нечего зря болтать! — сказал Сюань-цзан.— Пора трогаться в путь!

Они быстро собрали вещи, Чжу Ба-цзе взял узел, Сюань-цзан сел верхом на коня, а Сунь У-кун с посохом через плечо пошел вперед. Распростившись со старым Гао и всеми его родственниками, они двинулись на Запад.

Дым очагов над соснами клубился,
Был темным лес, и пламенел закат,

Все дальше уходил монах на Запад,
И было много на пути преград!

Питался подаяньями прохожих,
И в непогоду крова не имел,

В лохмотьях жалких шел монах на Запад,
Он был настойчив,терпелив и смел.

...Гони соблазны, подражай монаху —
И отрешись от суеты мирской,

Учеником святого Будды будет,
Кто в созерцанье обретет покой! [1]

Целый месяц шли они втроем без всяких приключений. И вот однажды, пересекая границу Тибета, они увидели впереди высокую гору.

— Надо быть осторожнее, впереди гора,— сказал Сюань-цзан, остановив коня.

— Пустяки! — ответил Чжу Ба-цзе.— Это гора Футушань — гора Будды. На ней живет монах по прозвищу Отшельник Воронье гнездо, который занимается самоусовершенствованием. Мне приходилось с ним раньше встречаться.

— А что он за человек? — спросил Сюань-цзан.

— Это человек высокой добродетели,— сказал Чжу Ба-цзе.— Он предлагал мне тоже заняться самоусовершенствованием, но я отказался.

Беседуя, они незаметно добрались до горы. Это была чудесная гора.

На юге — зелень темная сосны
И бирюза изящная акаций,
А птицы в густоте ветвей лесных
Не устают с утра перекликаться.

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

На севере — склонились ветви ив,
И персиков плоды налиты соком;
Попрыгав, крылья пестрые раскрыв,
Исчезли журавли в пути высоком.

Сейчас — цветенья дивная пора,
Весь мир насыщен тонким ароматом,
И травы ярче лучшего ковра
Разнообразием цветов богатым.

Ручьи в ущельях весело журчат
И вниз со скал кидаются бросками,
И контур белых облаков курчав
Над черными могучими хребтами.

Поистине прекрасен этот вид!
Взгляни — и вмиг исчезнут все тревоги...
Что ж путника ни один не оживит
Петляющей ущельями дороги? [1]

Сидя на коне, Сюань-цзан увидел впереди под душистой акацией соломенную хижину. По одну сторону хижины разгуливали олени, держа в зубах цветы. По другую сторону — горные обезьяны несли куда-то фрукты. На верхушках деревьев пестрокрылые фениксы распевали песни. Священные журавли и золотистые птицы собирались стаями.

— А вот и сам отшельник У-чао,— сказал Чжу Ба-цзе, указывая вперед.

Сюань-цзан подстегнул коня и подъехал к дереву. Между тем, заметив приближающихся путников, отшельник поспешил спрыгнуть с дерева. Сюань-цзан сошел с коня и почтительно склонился перед ним. Поддерживая Сюань-цзана под руку и помогая ему подняться, отшельник промолвил:

— Прошу вас, святой монах, встаньте. Простите, что не встретил вас раньше.

— Примите, почтенный отец, также и мои поклоны,— сказал тут Чжу Ба-цзе.

— О, да это Чжу Ган-ле, с горы Фулиншань! — изумленно воскликнул отшельник.— Как же ты очутился вместе со святым монахом?

— В позапрошлом году,— отвечал Чжу Ба-цзе,— бодисатва Гуаньинь повелела мне встать на путь добродетели, и вот согласно ее воле я стал учеником этого святого отца и следую за ним.

— Отлично! Замечательно! — воскликнул отшельник.— А это кто такой? — спросил он, указывая на Сунь У-куна.

— Что же это такое, святой отец, его ты узнал, а меня признавать не хочешь? — смеясь спросил Сунь У-кун.

— Видимо, я незнаком с вами,— отвечал монах.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Это — мой старший ученик Сунь У-кун,— пояснил Сюань-цзан.

— Простите мне мою неучтивость,— с улыбкой извинялся отшельник.

Сюань-цзан еще раз поклонился отшельнику и спросил его, далеко ли до храма Раскатов грома, который расположен в Индии.

— Ох, далеко, далеко! — сказал отшельник.— Дорога туда трудная, много диких зверей.

Сюань-цзан стал просить отшельника поподробнее рассказать о предстоящем пути.

— Путь, конечно, далек,— промолвил отшельник,— но в конце концов вы достигнете цели своего путешествия. Трудно только будет вам бороться с духами. Но я знаю сутру о духовном и телесном совершенстве. В ней всего пятьдесят четыре фразы и семьдесят иероглифов. Как только повстречаете духов, читайте сутру, и они не причинят вам никакого вреда.

Сюань-цзан поклонился монаху до земли и попросил его прочесть сутру. Монах начал читать.

«Сутра о великой мудрости и полном совершенствовании» гласила:

О Гуаньинь, милостивая бодисатва!
Ты углубилась в высочайшую мудрость в деяньях своих.
Всегда тебя озаряет сиянье,
Ты видишь, что форма, чувствование, сознание, действие, знание—
Все это лишь пустота.
Ты преодолеваешь все бедствия и все невзгоды,
О, останки нетленные Будды!
Форма — это пустота,
Пустота — это форма,
Но все повторяется снова и снова —
О, останки нетленные Будды!
Они всех Будд воплощение призрачное,
Они не рождаются, не умирают,
Они не грязнятся, не очищаются,
Они не увеличиваются, не уменьшаются,
И поэтому в мире
Нет ни формы, ни чувствования, ни сознания, ни действия.

Нет и пяти корней зла —
Глаз, ушей, носа, языка и тела,
Нет и способов, чтобы иметь представление
О форме, звуке, запахе, вкусе, осязании,
Мир невидимого приводит к миру, где нет
Чувственных желаний и познания.
Ясности нет, но нет и полной неясности,
Старости и смерти нет,
Но нет и полноты их отсутствия:
Избавленье от страданий, обращенье к нирване
Непостижимо и недостижимо.
Недостижимо потому,
Что нужно пройти путь бодисатв десяти ступеней,
На сутру Великого Просветления опираясь,
Душа не встречает трудностей,

А когда затрудненья отсутствуют,
Места нет опасениям.
Когда покинешь иллюзии,—
Приблизишься этим к нирване,
К трем поколениям Будд.
Опираясь на сутру Великого Просветления,
Ты достигнешь полной и совершенной Мудрости,
Поэтому узнав сутру Великого Просветления,
Ты увидишь, что это и есть заклинание великого духа —
Явное и ясное заклинание!
Высшее заклинание, заклинание, которому нет равного,
Заклинание, которое способно устранить все страдания,
Заклинание истинное и не лживое,
Поэтому произносить сутру Великого Просветления
Это то же, что повторять заклинания:
«О гата, гата! О премудрость! О Великое Просветление!»

Сюань-цзан обладавший необычайными способностями, прослушав сутру всего лишь раз, запомнил ее всю от начала до конца и даже передал ее потомству. Это была главная сутра для самоусовершенствования, путь к превращению в Будду.

Закончив чтение, отшельник сел на облако, чтобы подняться в свое убежище на дереве, но Сюань-цзан удержал его и еще раз попросил рассказать о пути, который им предстояло проделать. Монах рассмеялся и сказал:

— Если вы будете во всем следовать моим указаниям, то преодолеете все трудности, которые встретятся на пути. Впереди много гор и глубоких рек. Вы будете проходить по гибельным местам, встретите множество духов и оборотней. Может случиться, что вы попадете на край света, но сохраняйте спокойствие и не поддавайтесь страху. Когда достигнете Мо-эр-янь, будьте особенно осторожны. Остерегайтесь леса черных сосен. Там будут вам чинить препятствия оборотни, лисы и другая нечисть. Волшебные существа наполняют города в этом лесу, демоны владычествуют над горами. Управляет лесом черных сосен тигр, волк там главный учетчик. Львы и слоны носят княжеский титул, тигры и барсы служат адъютантами, а дикие свиньи — носильщиками. Там выйдут встречать вас водяные чудовища, и наконец вы увидите старую каменную обезьяну, в которой живут гнев и ненависть. Спросите у них дорогу на Запад, они вам скажут.

Выслушав это, Сунь У-кун ехидно улыбнулся и сказал:

— Пойдемте дальше! Нечего с ним разговаривать. Обо всем этом вы можете узнать от меня.

Сюань-цзан не понял, что хотел сказать Сунь У-кун. Между тем отшельник, превратившись в огненный луч, исчез в своем гнезде. Сюань-цзан в знак благодарности поклонился в том направлении, куда он исчез.

Все это вызвало у Сунь У-куна такой гнев, что он поднял свой посох и стал колотить им по воздуху. В тот же миг цветы лотоса покрылись тысячами бутонов и с неба опустился радужный туман, окутавший все вокруг. Даже Сунь У-кун, обладающий

волшебной силой поворачивать вспять реки и будоражить моря, не мог рассчитывать на то, что ему удастся повредить хотя бы одно растение из гнезда отшельника. Тогда Сюань-цзан взял его за руку и сказал:

— Ведь это же сам бодисатва! А ты хочешь разбить его гнездо!

— Он обругал нас с братом,— возмутился Сунь У-кун.

— Откуда ты это взял? — удивился Сюань-цзан.— Он просто объяснял нам дорогу на Запад!

— Где уж вам понять,— сказал Сунь У-кун.— Говоря о диких свиньях, которые таскают тяжести, он имел в виду Чжу Ба-цзе, а упомянув старую каменную обезьяну, обругал меня. Разве могли вы понять скрытый смысл его слов?

— Не гневайтесь, дорогой брат,— вмешался тут Чжу Ба-цзе.— Этому отшельнику известно то, что было, и то, что будет. А вот встретятся ли нам водяные чудовища, о которых он говорил, это еще неизвестно. Поэтому пусть отправляется восвояси.

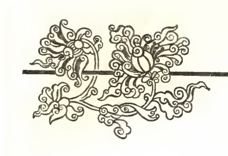
В этот момент Сунь У-кун увидел, как цветы лотоса радужным туманом обволакивают обиталище отшельника. Тогда он пригласил Сюань-цзана сесть на коня, и они двинулись дальше, на Запад.

Ничто не предвещало счастья.
Их ожидали демоны в горах [1].

Однако о том, что ждало наших путников впереди, вы узнаете из следующей главы.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Танский монах на горе Желтого ветра встретил преграду и как Чжу Ба-цзе на склоне горы одержал победу

Рождается в сердце
Закона основа

И в сердце живет
До конца рокового.

Какой же мудрец
Небытью и рожденью

Пределы увидит
И разграниченья?

Для каждого сердца
Свои есть законы —

Они для него,
А другим незнакомы.

Все ж нужно добиться
Всесилья такого,

Чтоб кровь выжимать
Из железа сухого

И чтобы верхушку
Древа покоя

Веревкой связать
С мировой пустотою.

Коровы и люди
Неравны на свете,

Но солнце для них
Одинаково светит,

Луна проплывает
Над всеми мирами,

Не делая выбора
Меж существами.

Этот гимн сутры Великого Просветления Сюань-цзан особенно хорошо запомнил, он как бы открыл перед Сюань-цзаном двери в мир. И чем больше он повторял этот гимн, тем более просветленным и возвышенным чувствовал себя.

Однако вернемся к нашим путникам. Огромные трудности и испытания выпали на их долю. Им приходилось голодать, ночевать под открытым небом, делать ночные переходы. Лето давно миновало.

Пчелки, пестрые бабочки
Не резвятся, молчат,

Лишь цикады с деревьев
Звонкий слышится голос.

Ожил тутовый кокон,
Распустился гранат,

Лепестки раскрывает
На озере лотос [1].

И вот однажды, когда день уже клонился к вечеру, путники увидели хижину у дороги.

— Сунь У-кун,— промолвил Сюань-цзан.— Видишь, солнце садится за горы и скоро совсем скроется, а над Восточным морем уже всплывает холодный диск луны. К счастью, мы можем остановиться на ночлег вон в той хижине, а завтра тронемся дальше.

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе.— А то я что-то проголодался, хоть подкреплюсь немного — легче будет нести ношу.

— Ишь ты, черт какой, домовой! — рассердился Сунь У-кун.— Не успел покинуть дом, как уже начинает роптать!

— Ну, брат! — возразил Чжу Ба-цзе.— Ты можешь питаться ветром и дымом, разве я могу равняться с тобой? А я, да будет тебе известно, с того момента, как пошел за учителем, все время ощущаю голод.

— У-нэн,— сказал ему Сюань-цзан.— Если твоя душа тяготеет к дому и у тебя нет желания отрешиться от мира, возвращайся лучше обратно.

Дурень был так напуган этими словами, что грохнулся на колени и сказал:

— Учитель, не слушайте моего старшего брата! Он любит порочить других. Я даже не думал жаловаться, просто он хочет

[1] Перевод стихов И. Голубева.

обвинить меня в этом. Как человек простой и невежественный я прямо сказал, что голоден и неплохо было бы зайти куда-нибудь поесть. А он обозвал меня за это домовым. Учитель, я дал обет бодисатве, и вы оказали мне милость, разрешив сопровождать вас на Запад. Клянусь, что ни капли не раскаиваюсь в своем поступке. Ведь это и называется: «Презирать трудности и стремиться к самоусовершенствованию». Зачем же говорить, что у меня нет желания отрешиться от мира?

— Ну, если ты говоришь правду, встань! — сказал Сюань-цзан.

Дурень поднялся, бормоча что-то себе под нос, взял свою ношу и уныло поплелся вперед. Вскоре они пришли к хижине. Сюань-цзан спешился, Сунь У-кун взял коня под уздцы, а Чжу Ба-цзе опустил на землю свою ношу. Они остановились в тени деревьев. Сюань-цзан, держа наперевес свой монашеский посох, подошел к калитке увитого плющом домика и увидел старца, который сидел на бамбуковой кушетке и читал буддийские молитвы. Сюань-цзан тихонько окликнул его:

— Учитель, разрешите побеспокоить вас.

Старик быстро вскочил, оправил на себе одежду и, выйдя за ворота, приветствовал Сюань-цзана.

— Простите, что я не встретил вас,—извинился он.— Откуда вы прибыли и как очутились около моей хижины?

— Я — Танский монах, путь держу из Китая,— отвечал Сюань-цзан.— По высочайшему повелению я направляюсь в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. Время сейчас позднее, и вот, увидев ваш дом, мы решили обратиться к вам с просьбой разрешить нам переночевать здесь. Вы уж, пожалуйста, приютите нас.

Выслушав его, старик замахал руками и, покачивая головой, сказал:

— Путь на Запад необычайно труден, вам его не пройти! Если хотите достать священные книги, отправляйтесь на Восток.

Сюань-цзан промолчал и, растерявшись, подумал про себя: «Гуаньинь велела мне идти на Запад, почему же этот старик сказал, что следует идти на Восток? И где на Востоке можно достать священные книги?»

Между тем Сунь У-кун, обладавший, как известно, упрямым и злым характером, не мог спокойно вынести того, что сказал старик и, выступив вперед, громко крикнул:

— Эй, старик! Прожил ты на свете много, а не умеешь обращаться с людьми. Мы, монахи, прибыли издалека и думали, что найдем здесь пристанище на ночь, а ты начинаешь пугать нас какой-то ерундой. Может быть, твоя хижина так тесна, что для нас не найдется места, тогда мы проведем ночь под деревьями и не будем тебя беспокоить.

— Учитель,— сказал старик, взяв Сюань-цзана за руку,— вы все время молчите. Зато ваш ученик, с лицом разбойника,

впалыми щеками, острым подбородком и огненными глазами, напоминающий Бога грома, осмелился оскорбить меня, старого человека!

— Эх ты, старик! — смеясь сказал Сунь У-кун.— Да у тебя, видно, глаз нет. С виду ты как будто неплохой человек, но не зря говорится: «Хорош на вид, но негоден на вкус». Я же хоть мал, да крепок. Весь соткан из мускулов.

— Что ж ты хочешь сказать, что и способности у тебя какие-то есть? — недоверчиво спросил старик.

— Не стану хвастаться,— отвечал Сунь У-кун.— Но кое-что я умею.

— А где твой дом? И что заставило тебя пойти в монахи? — поинтересовался старик.

— Родина моя — Пещера водного занавеса, в стране Аолайго за Восточным морем,— отвечал Сунь У-кун.— Еще в детстве я познал тайны волшебства и меня назвали У-кун, что значит — Познание небытия. Благодаря своим способностям я стал Великим Мудрецом, равным небу. Однако за то, что я отказался повиноваться велениям неба и учинил дебош в небесных чертогах, пришлось мне перенести немало мучений. Но сейчас уже все позади, я постригся в монахи, вступил на путь Истины и сопровождаю моего учителя, Танского монаха, на Запад для поклонения Будде. Мне ли бояться высоких гор, опасных дорог, широких рек или бурных волн? Я могу ловить оборотней, покорять чертей, усмирять тигров и вылавливать драконов. Если понадобится — взберусь на небо и сойду в преисподнюю. Так что, если у вас здесь летают кирпичи, бьется черепица или же гремят котлы и раскрываются двери, в моих силах все это прекратить.

Выслушав все это, старик расхохотался.

— Так вот, оказывается, какой отчаянный говорун-монах бродит по свету, прося подаяние,— сказал он.

— Будь я проклят,— отвечал Сунь У-кун.— Поговорить люблю. Правда, последнее время из-за всяких неприятностей, которые нам с учителем пришлось пережить в дороге, у меня пропала всякая охота к разговорам.

— Если бы путь не утомил вас, ты, чего доброго, заговорил бы меня до смерти. Ну, при таких способностях вы свободно дойдете до Запада. Сколько вас всего человек? — спросил он.— Пожалуйста, заходите в мою скромную хижину.

— Мы очень признательны вам, благодетель, за вашу любезность,— промолвил Сюань-цзан.— Нас трое.

— А где же третий? — спросил старик.

— Да что это ты, старик, ослеп, что ли? — рассердился Сунь У-кун.— Не видишь, кто стоит в тени дерева? — И он указал рукой.

Старик действительно был подслеповат. Внимательно присмотревшись и увидев морду Чжу Ба-цзе, он со страху чуть не упал и опрометью бросился в дом, крича:

— Закрывайте ворота, оборотень явился!

Сунь У-кун бросился за ним и удержал его за руку:

— Не бойся, почтенный! Это совсем не оборотень, а мой брат-монах.

— Ладно, ладно! — пробормотал, дрожа всем телом, старик.— Вот так история, один монах безобразнее другого!

— Почтенный хозяин,— сказал тут, выступив вперед Чжу Ба-цзе.— Если вы судите о людях только по их внешнему виду, то совершаете большую ошибку. На вид мы действительно неказисты, зато народ полезный.

В это время с южной стороны усадьбы показались двое молодых людей и старушка с четырьмя ребятами. Они шли, подоткнув одежду, босые, так как, видимо, сажали рис и теперь возвращались домой. Увидев белого коня, коромысло с вещами на земле и услыхав шум у ворот своего дома, они, не понимая, что все это значит, бросились вперед и крикнули:

— Что вы тут делаете?

В этот момент Чжу Ба-цзе обернулся и, вытянув морду, похлопал ушами. Все в страхе бросились в разные стороны и повалились наземь. Сюань-цзан не на шутку встревожился, замахал руками и закричал:

— Не бойтесь! Не бойтесь! Мы не дурные люди! Мы — монахи и идем за священными книгами!

В этот момент из ворот вышел старик и, подымая старуху, сказал:

— Встань, жена, не бойся! Этот учитель прибыл из страны Танов. Вот только у его учеников вид какой-то неприятный. Да это не беда, с виду они хоть и страшноваты, зато люди хорошие. Забирай детей и иди в дом.

Уцепившись за старика, старуха ушла в дом, а детей увели молодые люди. Сидя со своими учениками во дворе на бамбуковой кровати, Сюань-цзан, отчитывая их, говорил:

— Ученики мои! Вы поставили меня в очень неудобное положение, мало того, что вид у вас безобразный, вы и в разговоре грубы. Ведь вы чуть не насмерть перепугали всех!

— Не стану скрывать от вас, учитель,— сказал тут Чжу Ба-цзе,— что сейчас я стал гораздо красивее. А вот, когда я жил в деревне Гаолаочжуан, было совсем другое; стоило мне вытянуть шею и задвигать ушами, как сразу же человек двадцать — тридцать со страху богу душу отдавали.

— Вот Дурень! — рассмеялся Сунь У-кун. — Брось болтать глупости! Ты бы лучше как-нибудь прикрыл свое безобразие.

— Да ты что говоришь, Сунь У-кун! — изумленно воскликнул Сюань-цзан.— Ведь наша внешность дается нам от рождения. Ты советуешь ему невозможное!

— Пусть хотя бы свое свиное рыло прячет,— отвечал Сунь У-кун.— А ушами, огромными как веера, пусть не шевелит. Вот это и значит прикрыть свое безобразие.

Чжу Ба-цзе так и сделал. Он спрятал свою морду, плотно прижал к голове уши и отошел в сторону. Между тем Сунь У-кун привязал коня к столбу и внес в дом вещи. В это время старый хозяин вошел с парнем, который на деревянном подносе принес гостям зеленого чаю. После чаю хозяин велел приготовить ужин. Паренек вынес во двор ветхий, некрашеный стол, поставил его в тени деревьев, а затем вынес две полуразвалившихся скамейки. Гостей пригласили к столу.

— Можно узнать вашу фамилию, почтенный хозяин? — спросил Сюань-цзан.

— Фамилия моя Ван,— отвечал старик.

— А большая у вас семья?

— Двое детей и три внука.

— Прекрасно! — сказал Сюань-цзан и поинтересовался, сколько хозяину лет.

— Шестьдесят один год.

— Вот здорово! — сказал Сунь У-кун.— Значит, вы проживете еще столько же.

— Скажите, почтенный хозяин,— снова обратился Сюань-цзан к хозяину,— почему вы сказали, что идти на Запад за священными книгами не следует?

— Достать священные книги — дело нелегкое,— сказал хозяин.— Одна дорога туда чего стоит. В тридцати ли отсюда есть гора, которая называется горой Желтого ветра, это гора протяжением в восемьсот ли. Там водится бесчисленное множество всяких оборотней. Но если этот почтенный младший монах, как он говорит, знает всякие волшебные способы, то вам удастся достичь своей цели.

— Все это пустяки! — подтвердил Сунь У-кун.— Со мной да вот еще с моим младшим братом, никакие черти и оборотни не посмеют связываться.

Пока они беседовали, паренек принес еду и пригласил гостей к столу. Сюань-цзан, молитвенно сложив ладони, стал читать псалом. Однако Чжу Ба-цзе ухитрился сразу же проглотить целую чашку пищи. А пока Сюань-цзан прочел несколько строк псалма, Дурень успел съесть уже три чашки.

— Ну и обжора! — воскликнул Сунь У-кун.— Ты словно бесприютный голодающий дух.

Увидев, с какой жадностью ест гость, старик Ван с любопытством сказал:

— А этот монах, видимо, действительно проголодался. Принесите-ка ему еще еды!

Здесь уместно напомнить, что аппетит у Дурня был и в самом деле невероятный. Он как сел за стол, так, не поднимая головы, проглотил одним духом более десяти чашек еды, в то время как Сюань-цзан и Сунь У-кун не успели съесть и двух.

— Уж вы не обессудьте! Мы приготовили все наспех, чем богаты, тем и рады,— сказал старый хозяин.

— Вполне достаточно!—промолвили в один голос Сюань-цзан и Сунь У-кун.

— Да что вы там бормочете, почтенный,— сказал Чжу Ба-цзе.— Разве кто-нибудь упрекнул вас? Если у вас есть еще еда, давайте, и все будет в порядке.

Дурень съел все, что нашлось в доме, но заявил, что не наелся. После ужина гостям поставили внизу бамбуковые кровати, и они улеглись спать.

На следующее утро, как только рассвело, хозяин велел жене приготовить гостям закусить. После этого Сунь У-кун оседлал коня, Чжу Ба-цзе взял коромысло с вещами, и они, распрощавшись с хозяином, двинулись в путь. На прощанье хозяин сказал:

— Если в дороге с вами что-нибудь случится, непременно возвращайтесь к нам!

— Не говори чего не следует, почтенный хозяин,— отвечал на это Сунь У-кун.— Мы, монахи, никогда не возвращаемся!

И они двинулись в путь. На этот раз им действительно предстояло перенести очень много трудностей. Им встречались черти и оборотни, бесчисленные бедствия так и сыпались на их голову. Не прошли они полдня, как перед ними выросла высокая гора. Выглядела она зловеще. Приблизившись к обрывистым утесам, Сюань-цзан приподнялся на стременах, и что же он увидел!

Была хребтов безмерна высота,
Вздымались пики к небу величаво.

Источников прозрачная вода
Внизу переливалась и журчала.

Утесы там скалисты и круты,
Ущелья там тенисты и бездонны,

Душистыми цветами до вершин
Покрыты гор пленительные склоны.

Касались неба острия вершин,
В аду глубины пропастей терялись,

И ветер вольный тучи ворошил,
Которые над пиком простирались.

Там входы меж причудливых камней
В пещеры, где драконы обитали,

Где своды эхо делали слышней,—
И даже капли громом грохотали.

Из чащи выбегали иногда
Рогатые и гордые олени,

Косуль пугливых быстрые стада
На путников взирали в изумленье,

В ветвях скользил медлительный удав,
В броне чешуй, как сталь кольчуги, твердых,

И не было покоя от забав
Стремительных мартышек беломордых!

Там к вечеру, усталостью влеком,
Тигр торопился в логово на отдых,

А на заре, подняв прибой, дракон
К пещере из пучин стремился водных.

Взлетали с шумом птицы из травы,
Убежищ звери в панике искали,

И исчезали путники с тропы,
Когда являлся волк, клыки оскалив.

Ну и гора! Поистине она
Средь гор других сверкает словно чудо!

Под пеленой туманной зелена,
Как дымчатая глыба изумруда [1].

Сюань-цзан ухватился за серебристую гриву своего коня. Сунь У-кун остановил облако и медленно пошел дальше пешком, а Чжу Ба-цзе, с ношей на плечах, плелся сзади. Вдруг поднялся сильный ветер.

— Сунь У-кун, начинается буря! — с тревогой промолвил Сюань-цзан.

— Ну и что же,— сказал Сунь У-кун.— Здесь постоянно дуют ветры, так что бояться нечего.

— Нет, это какой-то зловещий ветер, он совсем не похож на обычный,— взволнованно произнес Сюань-цзан.

— Чем же он необычный? — спросил Сунь У-кун.

— Да ты сам посмотри,— отвечал Сюань-цзан.

Как он могуч, как он велик,—
Со свистом мчащийся и ревом,—

Он где-то далеко возник
В бездонном небе бирюзовом...

Он пролетает над хребтом
И мчится вдаль, преград не зная,

И издают деревья стон,
И никнет глухомань лесная,

А он несется вдоль реки
И выворачивает ивы,

С цветов срывают лепестки
Его свирепые порывы.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Улов богатый побросав,
Спешат на берег рыболовы,

Суда спускают паруса,
Пережидая вихрь суровый.

Качается обрыва край,
Деревья он хоронит, рухнув,

К смятенью обезьяньих стай,
Бросающих огрызки фруктов.

Олень во всю несется прыть
С заросшего цветами луга,

И весь поток лесной покрыт
Листвой опавшею бамбука.

Кружится в воздухе земля,
И смерч проносится мгновенный,

Река вздувается бурля,
И море бьет волною пенной [1].

— Дорогой брат,— взяв Сунь У-куна за руку, сказал Чжу Ба-цзе.— Ветер крепчает. Надо бы укрыться!

— Ну, куда мы годимся! — рассмеялся Сунь У-кун.— Если бы ветер действительно был силен, можно было бы подумать о том, чтобы куда-нибудь укрыться. А вдруг мы встретим здесь какого-нибудь волшебника, тогда как быть?

— Дорогой брат,— промолвил тут Чжу Ба-цзе.— Ты разве не знаешь, что: «Избежать соблазна все равно, что избежать врага; а спрятаться от ветра, все равно, что спрятаться от стрелы». Лучше все же укрыться куда-нибудь: вреда это не принесет.

— Погодите! — сказал Сунь У-кун.— Я сейчас поймаю ветер и узнаю, чем он пахнет.

— Опять ты за свое, дорогой брат,— смеясь сказал Чжу Ба-цзе.— Как это ты будешь ловить ветер и нюхать его? Если даже тебе и удастся поймать, он все равно тут же ускользнет.

— Да ты, дорогой, и не знаешь, что я обладаю способностью ловить ветер,— заметил Сунь У-кун.

О Великий Мудрец! Он схватил ветер за хвост и, понюхав его, сразу же ощутил смрадный дух.

— Да, ветер этот действительно вредный,— сказал он.— Это не ветер, который подымает на ходу тигр, это ветер волшебника. Тут что-то неладно.

Не успел он договорить, как у подножья холма, откуда ни возьмись, появился свирепый пятнистый тигр. Сюань-цзан от испуга кубарем скатился с седла и, отскочив в сторону, сел на землю ни жив ни мертв. Тут Чжу Ба-цзе бросил ношу, схватил свои грабли и, отстранив Сунь У-куна, закричал:

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Ах ты грязная скотина! Куда это тебя несет? — Он размахнулся и ударил тигра граблями по голове. Тигр стал на задние лапы, выпустил когти на передней левой лапе и, со страшным шумом разорвав на себе шкуру, встал у края дороги. О, что это было за страшное чудовище!

На теле голом потоки крови,
Сгибались ноги, — не чуял их...

Торчком поднимались в ярости брови,
Торчали концы усов огневых.

За молнией молнию глаза метали,
Злобно сверкал оскаленный клык,

В полном смятенье враги замирали,
Когда раздавался чудовищный рык [1].

— Стойте, обождите! — закричал он.— Я охрана Князя Желтого ветра. По его приказу я обхожу дозором гору и хотел выловить нескольких простых смертных, чтобы приготовить из них закуску к выпивке. Вы что за монахи, откуда взялись и как осмелились ранить меня?

— Сейчас я тебе покажу, грязная скотина! — орал Чжу Ба-цзе.— Ты что, не узнаешь нас? Мы не обыкновенные прохожие, мы ученики Сюань-цзана — названого брата Танского императора. По высочайшему велению мы следуем на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Не пугай нашего учителя и немедленно убирайся с дороги, тогда я пощажу тебя. Если же ты будешь безобразничать, я пущу в ход свои грабли, и тогда пеняй на себя.

Однако чудовище, не желая ничего слушать, ринулось на Чжу Ба-цзе, стремясь схватить его за голову. Чжу Ба-цзе успел уклониться и яростно завертел своими граблями, а волшебник, у которого не было оружия, повернул обратно и пустился наутек. Чжу Ба-цзе бросился за ним, но волшебник подбежал к подножию холма и скрылся между скал. Очень скоро он выскочил навстречу противнику, яростно размахивая двумя мечами из красной меди. И вот на склоне холма между ними завязался бой. Они то отступали, то наступали. Тогда Сунь У-кун, поддерживая Танского монаха, сказал:

— Вы, учитель, не бойтесь! Посидите здесь, а я пойду помогу Чжу Ба-цзе покончить с этим чудовищем, тогда путь нам будет открыт.

Тут только Сюань-цзан поднялся с земли и, весь дрожа, начал читать сутру Великого Просветления. Однако распространяться об этом мы не будем.

Между тем Сунь У-кун, схватив свой посох, закричал:

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Держи его!

В тот же момент Чжу Ба-цзе напряг все свои силы, и чудовище, потерпев поражение, покинуло поле боя.

— Не выпускай его! — закричал Сунь У-кун.— Его надо догнать!

И оба они спустились с горы, размахивая один — граблями, другой — посохом. Оборотень не растерялся и, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», сделал прыжок и сразу же принял свой прежний образ, то есть превратился в свирепого тигра. Это, конечно, не остановило Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, и они продолжали преследовать тигра, желая вырвать зло с корнем.

Однако, когда они уже совсем было настигли оборотня, тот схватил себя за грудь, сдернул с себя шкуру и, накинув ее на камень, сам превратился в бешеный вихрь и ринулся назад. Вдруг он заметил Сюань-цзана, который продолжал читать сутру. Оборотень схватил его и унес с собой. О, бедный Сюань-цзан! Его имя Цзян-лю — Принесенный рекой, говорило о том, что на своем веку ему придется претерпеть немало страданий и бедствий, прежде чем он выполнит свою миссию.

Между тем оборотень доставил Сюань-цзана ко входу в пещеру. Здесь он приостановил ветер и сказал привратнику, охранявшему вход:

— Пойди доложи князю, что Тигр-охранник поймал монаха и ждет у входа дальнейших приказаний.

Вскоре привратник вернулся и передал, что властитель пещеры велел привести прибывших к нему. Тигр-охранник, заткнув за пояс оба меча, взял Танского монаха и, подойдя с ним к властителю пещеры, опустился на колени.

— Великий князь! — промолвил он.— Ваш скромный раб, выполняя ваше распоряжение и обходя дозором горы, вдруг увидел монаха. Этот монах — названый брат Танского императора — учитель Сюань-цзан. Он идет на Запад поклониться Будде и испросить у него священные книги. Я поймал его и вот доставил вам, чтобы вы полакомились.

Выслушав это, властитель пещеры не на шутку испугался:

— Я давно уже слышал, что учитель Сюань-цзан — святой монах, который следует по высочайшему повелению Танского императора за священными книгами. Сопровождает монаха ученик по имени Сунь У-кун, обладающий сверхъестественной силой и великими познаниями. Как же удалось тебе поймать этого монаха?

— У него два ученика,— сказал Тигр-охранник.— Они шли впереди. Один из них с длинной мордой и огромными ушами вооружен граблями с девятью зубьями. Второй несет железный посох с золотой оправой. У него — огненные глаза. Они гнались за мной, и я едва отбился. Потом, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», я оставил свою телесную оболочку и исчез.

И сейчас этого монаха я почтительно преподношу в дар вам, великий князь, отведайте его.

— Пока не смей говорить об этом! — приказал властитель пещеры.

— Ну, куда это годится, князь, перед вами угощение, а вы что-то выдумываете и отказываетесь от него.

— Ничего ты не понимаешь! — рассердился властитель пещеры.— Съесть его ничего не стоит. Но я боюсь, что явятся его ученики и устроят здесь скандал. Тогда неприятностей не оберешься. Привяжи его пока к столбу усмирения ветров в саду позади дома. Обождем деньков пять, и если ученики его не станут беспокоить нас, тогда мы и съедим его. Во-первых, тело его будет чище, а во-вторых, мы избежим скандала и никто не будет нам мешать. Мы не спеша его поджарим, а может быть сварим или испечем, и сможем насладиться им в свое удовольствие.

— Вы очень дальновидны, великий князь,— с одобрением сказал Дух тигра.— Все, что вы сказали,— совершенно правильно. Ну-ка, ребята, уберите его отсюда! — приказал он.

Тут, словно ястребы-стервятники, налетающие на маленьких пташек, на Сюань-цзана налетели восемь оборотней и связали его по рукам и ногам. В этот тяжелый момент Сюань-цзан вспоминал о Сунь У-куне и Чжу Ба-цзе.

— Дорогие ученики мои! — восклицал он.— В каких горах вы сейчас ловите чудовище, где усмиряете оборотней, мне неведомо. А я вот попался в лапы к дьяволу, который готовит мне гибель. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Какое горе! Если вы успеете вовремя вернуться, я спасен, если же запоздаете, все будет кончено.— Говоря это, Сюань-цзан всхлипывал, и слезы градом катились из его глаз.

Что же делали в это время Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе? Преследуя тигра, они вдруг увидели, как он подпрыгнул, а затем лег, притаившись у скалы. Сунь У-кун взмахнул своим посохом и изо всех сил ударил тигра. Раздался оглушительный грохот, удар был так тяжел, что у Сунь У-куна даже руки заныли. Чжу Ба-цзе с такой же силой ударил тигра граблями. Но, как выяснилось, они колотили шкуру, надетую на камень, точь-в-точь похожий на спящего тигра.

— Дело дрянь! — воскликнул изумленный Сунь У-кун.— Мы попались на удочку!

— Как же это он нас провел? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Штука, которую он выкинул с нами, называется «Цикада сбрасывает с себя оболочку». Он накрыл этот камень шкурой тигра, а сам сбежал. Надо сейчас же возвращаться назад, а то как бы с нашим учителем беды не приключилось.

Они поспешно бросились назад, но Сюань-цзана нигде не нашли.

— Он успел похитить нашего учителя,— загремел во весь голос Сунь У-кун.— Что ж теперь делать?

Взяв коня под уздцы, Чжу Ба-цзе запричитал:

— О небо, небо! Где же нам искать его?

— Перестань реветь! — прикрикнул на него Сунь У-кун.— Когда плачут, смелость пропадает. Необходимо что-нибудь придумать. Искать его нужно здесь, на этой горе.

Они ринулись в горы, пересекли хребет и шли довольно долго, пока наконец увидели выступ над горой со входом в пещеру. Тут они остановились и начали внимательно присматриваться. Картина перед ними открылась зловещая.

Здесь горы-великаны громоздились,
Отрог переходил в другой отрог, —

И путники невольно заблудились
Среди давно заброшенных дорог.

К развесистой сосне благоуханной
Бамбук ветвями жадными припал,

Вокруг — камней нагроможденье странных,
В лесу тенистом много птичьих пар,

Несутся в небе облачные клочья,
Вода потоков пенна и быстра.

И изумруд травы густой и сочной
Простерся наподобие ковра.

В траве порою зайцы пробегали,
Скрывались лисы в мраке темных нор,

Олени со склоненными рогами
Готовились дать хищникам отпор.

И полосы лиан тысячелетних
Вокруг больших стволов переплелись,

И гибкие раскидистые ветви
Склоняет над оврагом кипарис.

Вид этих мест волшебных необычен,
Как пик Хуа красив и величав,

Склоняются цветы, и крики птичьи
Весь день, как на горе Таньбай, звучат [1].

— Вот что, брат,— сказал Сунь У-кун.— Спрячь вещи где нибудь в ущелье, чтобы их не унесло ветром, а коня пусти погулять. Сам же сиди и не показывайся. Я схожу к самому главному из них и померяюсь с ним силами. Нужно словить этого волшебника, только тогда учитель будет спасен.

— Ладно! Нечего учить меня! Отправляйся скорее! — сказал Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун одернул свой кафтан, подтянул тигровый плащ и,

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

схватив посох, ринулся прямо к пещере. У входа была надпись: «Пещера Желтого ветра на горе Желтого ветра». Сунь У-кун остановился, словно врос в землю, и громко крикнул:

— Эй ты, волшебник! Сейчас же освободи моего учителя, не то я переверну твое логово и сравняю его с землей!

Духи-прислужники, дрожа от страха, ринулись в пещеру.

— Великий князь, беда! — доложили они.

— Что случилось? — спросил дух Желтого ветра.

— К пещере подошел какой-то монах, похожий на Бога грома, с лицом, заросшим волосами, и огромным железным посохом в руках. Он требует, чтобы освободили его учителя.

Встревожившись, властитель пещеры вызвал к себе Духа тигра и сказал:

— Я велел тебе обойти горы и выловить горных козлов, диких кабанов, жирных оленей и глупых баранов. Зачем же тебе понадобился этот Танский монах? Ты только раздразнил его ученика. Что ж теперь делать?

— Успокойтесь, великий князь,— отвечал тигр.— Я хоть и не обладаю особыми талантами, но сейчас возьму себе пятьдесят помощников и выйду к нему навстречу. Что бы там ни было, я поймаю его и преподнесу вам на угощенье.

— Не считая старших командиров, в моем распоряжении есть еще около семисот младших духов,— промолвил властитель пещеры.— Возьми, сколько тебе надо, только слови этого Сунь У-куна. Тогда уж нам никто не помешает полакомиться монахом, а я охотно побратаюсь с тобой. Боюсь только, что этот Сунь У-кун изувечит тебя, тогда не будь на меня в обиде.

— Не волнуйтесь! И ждите моего возвращения! — сказал тигр.

Он отобрал себе пятьдесят самых сильных духов, подвязал к поясу два меча из красной меди и с оглушительным барабанным боем, размахивая знаменами, выскочил из пещеры.

— Ты откуда взялся, обезьяний монах? И как смеешь шуметь здесь? — заорал тигр.

— Ах ты скотина ободранная! — крикнул в ответ Сунь У-кун.— Ты сбросил с себя оболочку, утащил нашего учителя, а теперь еще спрашиваешь, как я смею шуметь! Если хочешь остаться в живых, немедленно возврати моего учителя!

— Я действительно захватил твоего учителя,— подтвердил тигр.— Мы с князем собираемся приготовить из него угощение. Если у тебя есть хоть капля ума, уходи отсюда подобру-поздорову. Иначе мы и тебя съедим. Просто я хотел поступить по принципу: поймал одного, другого можно помиловать.

Эти слова привели Сунь У-куна в неописуемое бешенство. Яростно заскрежетав зубами, он вытаращил глаза и, размахивая посохом, заорал:

— Какими же способностями ты обладаешь, что так расхвастался! Вот сейчас я познакомлю тебя с моим посохом!

Тигр напряг все усилия, чтобы отразить удар. Это был страшный бой, в котором оба противника пустили в ход всю свою силу и уменье.

Почувствовав, что ему не устоять против Сунь У-куна, Дух тигра бежал. Однако возвращаться к князю, перед которым он так похвалялся, было неудобно, поэтому он, спасая свою жизнь, бежал прямо в горы. Сунь У-кун с громким криком бросился за ним и гнался до тех пор, пока не достиг ущелья.

Там он увидел Чжу Ба-цзе, который пас коня. Услышав крики и увидев удирающего тигра, он бросил коня, взмахнул своими граблями и наотмашь ударил тигра по голове. Несчастный Дух тигра, решивший избежать наказания своего начальника, неожиданно для самого себя попал в другую беду. Одного удара Чжу Ба-цзе было достаточно, чтобы продырявить ему голову сразу в девяти местах. Хлынула кровь, и мозги разлетелись в разные стороны.

Между тем Дурень, встав ногой на спину повергнутого тигра, взмахнул граблями и нанес ему еще удар. Увидев это, Сунь У-кун в восторге крикнул:

— Так ему и надо, дорогой брат! Он вместе со своими духами осмелился выступить против меня, но, признав себя побежденным, покинул поле боя. Однако побежал он не в пещеру, а сюда, и здесь нашел свою смерть. Хорошо, что ты пришел мне на помощь, не то он мог улизнуть.

— Вероятно, это он вызвал ветер и похитил нашего учителя? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Конечно, он,— подтвердил Сунь У-кун.

— А ты узнал, где находится сейчас учитель?

— Волшебник утащил учителя в пещеру,— сказал Сунь У-кун,— и с каким-то чертовым князем решил съесть его. Услышав об этом, я не мог сдержаться, вступил в бой с волшебником и загнал его сюда. А тут уже ты его прикончил. Выходит, брат, это твоя заслуга. Ты оставайся здесь и стереги коня и вещи. А я уберу отсюда труп этого волшебника и вызову духов из пещеры на бой. Надо во что бы то ни стало изловить главного волшебника, лишь тогда учитель наш обретет свободу.

— Ты совершенно прав, дорогой брат,— отвечал Чжу Бацзе.— Постарайся во время боя загнать духов сюда, а я покончу с ними.

О, прекрасный Сунь У-кун! Взяв в одну руку посох, а второй волоча за собой убитого Духа тигра, он отправился прямо к пещере.

Если вы хотите узнать, удалось ли Сунь У-куну покорить духа и спасти Танского монаха, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

повествующая о том, как Духи — хранители буддизма устроили селение, чтобы дать приют Великому Мудрецу, и как бодисатва Лин-цзи с горы Сумеру усмирил духа Желтого ветра

Итак, уцелевшие после боя духи с изорванными знаменами и разбитыми барабанами бросились обратно в пещеру.

— Великий князь! — запыхавшись, докладывали они.— Тигр не смог устоять против этого волосатого монаха и бежал от него в восточные горы.

Эта весть окончательно расстроила старого волшебника, и вот, когда он, опустив голову, молча раздумывал над тем, что предпринять, к нему подошел дух, охраняющий вход.

— Великий князь! — доложил он.— Волосатый монах убил тигра, притащил его труп к пещере и сейчас скандалит там.

Волшебника охватило отчаяние.

— Ну что за негодяй! — воскликнул он.— Ведь я даже пальцем не тронул его учителя, а он взял и убил моего тигра! Безобразие! Дайте-ка мне мои доспехи! Я кое-что слышал об этом Сунь У-куне! Вот сейчас выйду и посмотрю что он о девяти головах и девяти хвостах, что ли? Давайте его сюда, я отомщу ему за моего тигра!

Духи поспешили принести своему повелителю боевые доспехи. Волшебник надел их, привел себя в порядок и, взяв стальные вилы с трезубцем, во главе своих подчиненных выскочил из пещеры. Перед Сунь У-куном предстал храбрый воин в полном боевом облачении.

— Кто тут странствующий монах Сунь У-кун?! — закричал во все горло волшебник.

Сунь У-кун в это время стоял на убитом тигре и, не выпуская из рук своего посоха, ответил:

— Твой почтенный дедушка Сунь У-кун здесь! Сейчас же возврати моего учителя!

Когда волшебник увидел Сунь У-куна, рост которого не достигал и четырех чи, а лицо было сморщенным, он со смехом воскликнул:

— Вот досада! Я думаю, что за непобедимый храбрец здесь появился, а это, оказывается, какой-то сморчок!

— Ничего ты не смыслишь, мерзавец! — отвечал с улыбкой Сунь У-кун.— Ростом я, конечно, мал, но стоит тебе ударить меня своими вилами разок по голове, и я сразу вырасту до шести чи.

— Ну, раз ты такой твердоголовый, испробуй моих вил! — крикнул волшебник.

Но Великий Мудрец продолжал стоять, не проявляя никакого страха. Тогда волшебник размахнулся и хватил его вилами по голове. Сунь У-кун слегка покачнулся и сразу же увеличился на шесть чи, став ростом в один чжан.

— Сунь У-кун! — воскликнул изумленный волшебник, убирая вилы.— Как смеешь ты в моем присутствии прибегать к способу превращения для защиты своего тела?! Не трать зря времени! Ступай лучше сюда, померяемся силами.

— Эх ты щенок! — смеясь сказал Сунь У-кун.— Недаром говорится: «Когда хотят пощадить, руки не поднимают. А уж если поднял руку, пощады быть не может». У дедушки твоего рука чересчур тяжела, боюсь, ты не вынесешь и одного моего удара!

Но разве могло что-нибудь остановить волшебника! Он размахнулся, нацелив вилы прямо в грудь Сунь У-куна. Но Великий Мудрец никогда не терялся и умел найти выход из любого положения. Он выставил свой посох, ловким приемом отпарировал удар и в свою очередь нанес удар противнику по голове. И вот у пещеры Желтого ветра начался бой.

Великий гнев обоих охватил,
Их пыл с ударом каждым разрастался,
Один за гибель Авангарда мстил,
Другой за жизнь учителя сражался.
Волшебный посох на расправу скор,
Но грабли отбивают нападенье,
Один из них — защитник местных гор,
Другой — хранит буддийское ученье.
Так два богатыря в бою сошлись,
И бьются в тучах пыли, ввысь летящей,
Сверкает обод посоха, лучист,
Стальные грабли остры и блестящи.
Здесь участь неизбежная грозит
Не медля увидать владыку ада,
Тому, кто вмиг удар не отразит
Иль нанесет удар не так, как надо;
Но каждый веру в свой успех имел
И полагал, что враг ему не равен,
И трудно разобраться — кто был цел,
А кто в смертельной схватке этой ранен [1].

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Раз тридцать схватывались противники, но все еще нельзя было сказать, кто победит. Сунь У-кун, желая во что бы то ни стало одолеть своего врага, применил один из многих волшебных способов, которыми он обладал. Выдернув у себя пучок шерсти и пожевав его во рту, он выплюнул его и крикнул: «Изменяйся!» В тот же миг появилось более ста Сунь У-кунов. Все они были одеты, как и он сам, и у каждого был железный посох в руках. Они плотным кольцом окружили волшебника. А тот, перепуганный, решил применить один из известных ему способов и, быстро повернувшись лицом к юго-востоку, трижды раскрыл рот и с силой выдохнул из себя воздух. В тот же миг подул Желтый ветер. Это был ветер неимоверной силы.

Когда завыл холодный ветер грубо,
Земля и небо изменились сразу,
Он ввысь взметнул, сворачивая в клубы
Пыль желтую, чуть видимую глазу.
Гора тот ветер не остановила,
Лишь сосны вековые поломались,
Бурлила Хуанхэ, и тучи ила
Со дна в воде кипящей поднимались.
И на Сянцзяне ветром образован
Прибой необычайный и жестокий,
На необъятном небе бирюзовом
Треща шатались звездные чертоги;
Вопль пятисот святых подхвачен эхом,
И страх велик среди небесных стражей;
Манджутра в небе сумрачном проехал
На льве, заросшем черной шерстью страшной,
И слон Пусяня скрылся, — не способна
Найти его была толпа конюшних;
Слетели с мулов расписные седла,
И строгий строй небесных войск нарушен [1].

Ураган, вызванный волшебником, развеял созданные Сунь У-куном существа, и они завертелись в воздухе, словно ось в колесе. Где уж тут было действовать посохом, они не знали, как удержаться в воздухе.

Тогда Сунь У-кун встряхнулся, вставил пучок шерсти на прежнее место и, взмахнув посохом, ринулся на противника. Тут волшебник снова дунул прямо в лицо Сунь У-куну, и поднялся такой бешеный ветер, что Сунь У-кун был вынужден зажмурить свои огненные глаза и никак не мог раскрыть их снова. Это лишило его возможности действовать посохом, и он потерпел поражение. Мы не будем сейчас распространяться о том, как волшебник прекратил действие ветра и возвратился к себе в пещеру.

Вернемся лучше к Чжу Ба-цзе. Когда начался ураган, окутавший всю вселенную мраком, он взял вещи и повел коня в ущелье. Там он сел и, опустив голову не смея даже открыть глаз, читал буддийские псалмы и давал обеты. Что сталось с Сунь У-куном,

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

который отправился драться с врагом, ему было неизвестно, не знал он также, жив ли учитель.

И вот, в то время как он сидел, погруженный в свои думы, ветер стих, и небо прояснилось. У пещеры все было тихо, оттуда не доносился барабанный бой и никаких признаков сражения не было. Чжу Ба-цзе не знал, что делать, он хотел было пойти к пещере, но боялся оставить без присмотра коня и вещи. И вот, стоя в нерешительности, он вдруг увидел Великого Мудреца, который с шумом и грохотом появился с западной стороны. Приветствуя его низким поклоном, Чжу Ба-цзе сказал:

— Дорогой брат! Ты откуда прибыл? Какой ужасный ветер!

— Беда! Беда! — с досадой махнул рукой Сунь У-кун.— За всю свою жизнь я еще ни разу не видел такого чудовищного ветра. Этот волшебник сначала ринулся на меня со стальными вилами, но после того как мы схватывались с ним раз тридцать, я применил свой волшебный способ и окружил его со всех сторон существами, подобными мне. Тогда он вызвал этот дьявольский ветер. Я едва удержался на ногах и мне пришлось покинуть поле боя. Это было настоящее наваждение, а не ветер! Я ведь тоже могу вызывать и ветер и дождь, но поднять такой ураган не в моих силах.

— А что, силен волшебник в военном искусстве, дорогой брат? — поинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Да как будто ничего,— отвечал Сунь У-кун.— Он неплохо орудует своими вилами. В общем, силы у нас равны. Но против урагана, который он поднял, я устоять не мог.

— Как же нам спасти учителя? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Ну, об этом мы еще успеем поговорить, а сейчас я хотел бы найти здесь лекаря, который полечил бы мне глаза.

— А что у тебя с глазами? — поинтересовался Чжу Ба-цзе.

— Да этот волшебник своим ураганом попортил мне глаза, и теперь как только подует ветер, так у меня слезы из глаз текут.

— О каком еще лекаре ты толкуешь, дорогой брат! Время позднее, а нам даже переночевать негде.

— Да ночлег найти —дело нетрудное,— сказал Сунь У-кун.— Я думаю, что волшебник не осмелится сейчас причинить какой-нибудь вред нашему учителю. Давай выйдем на дорогу, найдем какое-нибудь жилье и переночуем. А завтра утром вернемся сюда и расправимся с волшебником.

— Вот это дело! — обрадовался Чжу Ба-цзе.

Взяв вещи и ведя за собой коня, они вышли из ущелья. Стало быстро темнеть. Вдруг они услышали, что на южном склоне горы воет собака. Они остановились и впереди увидели усадьбу, в темноте мелькал свет фонаря. Не разбирая дороги, они двинулись прямо к усадьбе и вскоре очутились у ворот.

Не решаясь сразу войти во двор, они остановились и крикнули:

— Откройте, пожалуйста!

Тотчас же во двор вышел старик в сопровождении нескольких деревенских парней, которые держали в руках вилы, грабли и метелки.

— Кто там? Что за шум? — встревоженно спросил старик.

— Мы ученики святого Танского монаха из Китая,— почтительно кланяясь, сказал Сунь У-кун.— Держим путь на Запад. Здесь, в этих горах, Князь Желтого ветра похитил нашего учителя, и мы еще не успели выручить его. А так как время позднее, то мы и осмелились побеспокоить вас и попроситься на ночлег. Будьте милостивы, не откажите нам в нашей просьбе.

— Простите, что не успел встретить вас,— отвечая на поклоны, промолвил старик.— Здесь у нас людей почти не бывает, одни только облака разгуливают. Ну, мы и испугались, когда услышали шум у ворот. Подумали, уж не оборотни ли это, или злодеи какие-нибудь. Вот почему мы встретили вас так неприветливо Пожалуйста, заходите, почтенные монахи!

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе вошли во внутренний двор, привязали коня и, поставив на землю вещи, сели и завели разговор. Старик слуга подал чай. После чая подали несколько чашек каши из кунжутного семени. А когда трапеза была закончена, гостям приготовили постели.

— Спать нам вовсе не обязательно,— сказал Сунь У-кун.— Вы лучше скажите нам, добрый человек, нельзя ли здесь где-нибудь достать лекарства для глаз?

— А у кого из вас болят глаза? — спросил хозяин.

— Не станем обманывать вас,— сказал на это Сунь У-кун.— Мы, монахи, вообще не подвержены болезням. Поэтому и не знаем, как лечить глаза.

— Но если у вас не болят глаза, для чего вам лекарство? — удивился старик.

— Да вот сегодня, когда мы были у пещеры Желтого ветра, желая спасти нашего учителя, волшебник подьял такой бешеный ураган, что глазам стало больно. А теперь непрерывно текут слезы. Вот я и хотел найти какое-нибудь лекарство.

— Ах, боже мой, боже! — вздохнул старик.— Как ты, молодой монах, можешь рассказывать такие небылицы! Ветер, вызываемый Князем Желтого ветра,— страшная вещь. Его не сравнить ни с весенним, ни с осенним, ни с каким другим ветром...

— Это, вероятно, ветер, сжимающий мозг,— перебил его Чжу Ба-цзе,— а может быть, ветер бараньего уха, конопли или всесокрушающий ветер?

— Нет, нет,— возразил старик.— Он называется — «священный ветер с горы Самади»*.

— Что же это значит? — спросил Сунь У-кун.

И старик ответил:

— Этот ветер может окутать мраком всю вселенную; он может нагнать печаль даже на чертей; он так свиреп, что раскалывает камни и обрушивает вниз утесы; человек, встретивший такой ве-

тер,— погибает. Да если бы вы встретились с этим ветром,— продолжал старик,— никакой надежды на спасение у вас быть не могло. Только бессмертные могут устоять против этого ветра.

— Вы не ошиблись! — воскликнул Сунь У-кун.—Мы сами хоть и не бессмертные, но зато наши младшие потомки бессмертны. Поэтому нас невозможно лишить жизни. А вот глаза от этого ветра у меня все же заболели.

— Так вот оно что! — сказал старик.— Таких людей мне еще не приходилось встречать. Никаких лекарств здесь не достанешь. Но от ветра и холода у меня тоже текут из глаз слезы и вот какой-то шутник оставил мне рецепт: «Мазь трех цветков и девяти плодов». Эта мазь может излечить любую болезнь глаз, пострадавших от ветра.

Услышав это, Сунь У-кун почтительно склонился перед хозяином и стал просить его:

— Будьте добры, дайте мне немного, я попробую, может быть, легче станет.

Старик согласился и пошел за мазью в другую комнату, где вынул небольшой флакон, сделанный из агата. Вернувшись с флаконом, он открыл его, макнул туда шпильку, помазал Сунь У-куну глаза и велел не открывать их до утра. Затем он приказал всем домашним уйти во внутреннее помещение и унес флакон. Чжу Ба-цзе развязал узел и, приготовив постель, предложил Сунь У-куну лечь спать Когда Сунь У-кун стал ощупью искать постель, Чжу-Ба-цзе рассмеялся:

— Где же ваш посох, учитель?

— Дурень ты толстобрюхий! — рассердился Сунь У-кун.— Лучше помог бы мне, ведь я ничего не вижу.

Наконец Дурень заснул. А Сунь У-кун долго еще ворочался на постели и уснул лишь когда наступила третья стража. Спали они крепко и проснулись, когда наступила пятая стража. Проснувшись, Сунь У-кун потер лицо и, широко раскрыв глаза, воскликнул:

— Замечательное лекарство! Я вижу даже лучше, чем раньше.

Осмотревшись, он вдруг обнаружил, что ни строений, ни ворот нет, вокруг стоят только старые акации и высокие ивы, а они с Чжу Ба-цзе лежат на зеленой траве среди осоки.

— Ты что, брат, кричишь? — проснувшись, спросил Чжу Ба-цзе.

— Открой глаза и посмотри, что делается,— сказал Сунь У-кун.

Дурень поднял голову и, не увидев ни дома, ни людей, моментально вскочил на ноги.

— А где же конь? — закричал он.

— А у дерева кто привязан, не конь, что ли?

— А грабли мои где?

— А что около тебя лежит?

— Вот вредный старик! — рассердился Чжу Ба-цзе.— Переселился и ни слова не сказал нам об этом. Мог бы хоть предупредить нас или оставить нам немного чаю и фруктов. Наверное скрывается почему-нибудь и, боясь как бы не узнал староста, решил бежать ночью. Но мы тоже хороши! — воскликнул он.— Спали как убитые! Как же это он перевез целый дом, а мы ничего не услышали?

— Да не ори ты, Дурень! — смеясь сказал Сунь У-кун.— Пойди прочитай, что написано на бумаге, которая приклеена к тому дереву.

Чжу Ба-цзе подошел к дереву и, сорвав бумагу, прочитал следующие строчки:

В этом жилище
Не обычный монах проживал,

Защищая закон,
Привлекал он страдальцев сюда,

Он лекарством мудреным
Больные глаза врачевал,

Колебаний не ведал
И был милосерден всегда! [1]

— Этот дух очень силен,— сказал Сунь У-кун.— После того как он помог вернуть нам коня, я ни разу не вызывал его, а тут такое пустячное дело, и он решил показаться!

—Ты вот что, брат,— сказал Чжу Ба-цзе.—Не сердись на него. Только я не пойму что-то, как это ты можешь вызывать его?

— Э, брат, ты многого еще не знаешь,— отвечал Сунь У-кун.—Этот Дух — хранитель буддийских монастырей, духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя, Духи пяти стран света и Духи, несущие постоянную охрану, получили приказ Будды охранять нашего учителя. Ну вот тогда я и запомнил их всех хорошенько. Но после того как ты присоединился к нам, я не прибегал к их помощи и не вызывал их.

— Дорогой брат,—сказал тогда Чжу Ба-цзе.—Теперь все ясно. Будда велел им тайно охранять нашего учителя, поэтому они не появляются и специально устроили эту деревню. Благодаря им тебе удалось вылечить свои глаза, они накормили нас. Видишь, как они стараются, так что ты уж не сердись на них, пойдем лучше выручать нашего учителя.

— Ну что ж, ты прав,— сказал Сунь У-кун.— Отсюда до пещеры Желтого ветра недалеко. Ты оставайся в лесу, присмотри за конем и вещами, а я пойду посмотрю, что там делается, постараюсь разузнать, где учитель, а потом уже вызову на бой волшебника.

— Так и сделай,— сказал Чжу Ба-цзе.— Но прежде всего надо выяснить, жив ли учитель. Если его уже нет в живых, каж-

[1] Перевод стихов И. Голубева.

дый из нас пойдет своей дорогой и найдет подходящее для себя занятие. Если же он жив, мы приложим все силы, чтобы выручить его.

— Ну, хватит болтать! Я пошел! — прервал его Сунь У-кун.

После этого он встряхнулся и сразу же очутился у пещеры. Там все еще спали, и ворота были заперты. Сунь У-кун не стал стучаться, боясь разбудить стражу, а произнес заклинание, встряхнулся и превратился в комара.

Тельце крошечиое веичалось
Острым тоиеиьким хоботком,
И жужжаиие разносилось,
Словио в иебе весеииий гром.
В щели дома ветхого прячась,
Ои сквозь шелк завес проиикал,
Летиий воздух в полдень горячий
На прогулки его увлекал.
Опасался ои только дыма —
Бился в дверь, чтоб спастись скорей,
И к тому же иеудержимо
Устремлялся иа блеск огией.
Цепко, словио болезиь, вгрызался,—
Не глядите, что с виду мал,
И в пещере ои оказался,
Где могучий волшебник спал [1].

У входа в пещеру сладко спал привратник, храпя во всю мочь. Сунь У-кун сел ему на лицо и так укусил, что волшебник сразу вскочил.

— О небо! — воскликнул он. — Вот это комар! От одного укуса выскочил огромный волдырь! Однако уже рассвело!— сказал он, протирая глаза.

В это время раздался скрип, и раскрылись вторые ворота. Сунь У-кун влетел внутрь. Тут он услышал, как старый волшебник приказал расставить оружие вдоль стены.

— Боюсь,— говорил он,— что после вчерашнего урагана Сунь У-кун все же остался жив. В таком случае он сегодня непременно явится сюда. Ну что же, тем лучше. Здесь он найдет свою смерть.

Выслушав это, Сунь У-кун пролетел в главное помещение, а затем в помещение, которое находилось в конце пещеры. Ворота были крепко заперты. Проскользнув в щелку, Сунь У-кун увидел огромный сад, а у стены — привязанного к столбу Ветров Танского монаха. Тот горько плакал и все время вспоминал своих учеников. Тогда Сунь У-кун опустился ему на голову и позвал:

— Учитель!

Сюань-цзан, отлично знавший голос Сунь У-куна, встрепенулся.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Сунь У-кун! — позвал он.— Где ты? Ты что, смерти моей хочешь?

— Я у вас на голове, учитель,— отвечал Сунь У-кун.— Вы не волнуйтесь. Мы непременно изловим этого мошенника и освободим вас.

— Дорогой ученик! Когда же это будет?

— Тигра, который похитил вас, Чжу Ба-цзе уже убил. А волшебник, который хозяйничает в этой пещере, умеет напускать страшной силы ветер. Я думаю, что сегодня нам удастся расправиться с ним. Не отчаивайтесь, а сейчас мне надо отправляться.

Сказав это, он зажужжал и улетел. В помещении, которое находилось в начале пещеры, Сунь У-кун увидел восседавшего на возвышении старого волшебника, который производил проверку командиров, назначенных для ведения боя. Затем он увидел еще одного волшебника, который размахивал флажком со знаком «приказ» у входа в пещеру и, вбежав, доложил:

— Великий князь! Я обходил гору и, выйдя из пещеры, увидел в лесу монаха с длинной мордой и огромными ушами. Я едва удрал от него. Но волосатого монаха, который был здесь вчера, я не видел.

— Ну, значит Сунь У-кун погиб от ветра. Теперь ему уж не придется искать помощи.

— Великий князь,— сказал второй волшебник.— Хорошо, если вы уморили его своим ветром. А может быть, он жив и отправился созывать на помощь других духов? Что тогда делать?

— Никакие духи мне не страшны! — сказал волшебник.— Один только бодисатва Лин-цзи может остановить мой ветер.

Сидевший в это время на балке Сунь У-кун, услышав эти слова, пришел в восторг. Он вылетел из пещеры и, приняв свой обычный вид, отправился прямо в лес к Чжу Ба-цзе.

— Брат! — позвал он.

— А! — откликнулся тот.— Где ты был? Я только что прогнал отсюда волшебника знаменосца.

— Вот здорово! Молодец! — похвалил его смеясь Сунь У-кун.— Я превратился в комара и проник в пещеру, чтобы взглянуть, что с учителем. Он привязан к столбу и горько плачет. Я успокоил его, а затем влетел в какое-то помещение, где устроился на балке. Там как раз я и увидел волшебника знаменосца, который, запыхавшись, вбежал в пещеру и доложил, что ты гнался за ним. Он сказал, что меня не видел. Тогда старый волшебник стал строить всякие догадки и болтать разные глупости. Он высказал, например, предположение о том, что я погиб от поднятого им ветра, а другой сказал, будто я ушел за войском духов. Этим он выдал себя. В общем, все это очень интересно.

— Кого же он почитает? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Он говорил, что ему не страшны никакие небесные силы.

Один только небесный воин способен укротить его. Это бодисатва Лин-цзи. Но где этот Лин-цзи, я понятия не имею,— закончил Сунь У-кун.

Так, беседуя, они вдруг заметили на дороге старца.

Хоть посох не служил ему опорою,
Была походка у него тверда,
Под ветром встречным развевались в стороны
Красивые усы и борода.
Хотя глаза его и были тусклыми,
Но в них ума светились огоньки,
Сухие кости, старческие мускулы
Еще надежны были и крепки.
Сутулый чуть, с движеньями неспешными,
Румяный, брови все еще густы,
Был с человеком схож по виду внешнему
Дух древний Долголетия звезды [1].

Чжу Ба-цзе очень обрадовался и сказал:

— Дорогой брат! Пословица говорит: «Если хочешь знать, как пройти под горой, спроси прохожего человека». Что, если ты пойдешь и поговоришь с ним?

Тут Сунь У-кун спрятал свой посох, привел в порядок одежду и, выступив вперед, обратился к старцу:

— Почтенный, разрешите спросить у вас.

Старец нехотя ответил на приветствие и, в свою очередь, обратился к ним с вопросом:

— Вы как попали сюда и что делаете в этих глухих местах?

— Мы идем за священными книгами,— отвечал на это Сунь У-кун.— И вот вчера потеряли своего учителя. Не можете ли вы сказать нам, почтенный старец, где обитает бодисатва Линцзи?

— Идите прямо на юг,— сказал старик.— Пройдете три тысячи ли и увидите гору, которая называется гора Малая Сумеру. На горе этой стоит храм, в этом храме бодисатва проповедует свое учение. А вы что, хотите взять у него священные книги?— спросил старик.

— Нет, за книгами мы идем не к нему,— сказал Сунь У-кун.— Мы хотели бы побеспокоить его по одному делу, и вот не знаем, как к нему пройти.

— Видите эту извилистую дорогу? Она как раз и ведет к бодисатве.— Старик показал на юг.

Не успел Великий Мудрец повернуться и посмотреть, куда указывал старик, как того и след простыл,— он превратился в ветер и вмиг исчез. А на том месте, где он стоял, осталась записка из четырех строк:

Докладываю Великому Мудрецу, равному небу, что я
Не кто иной, как Ли Чаи-гэи.
На горе Сумеру есть посох Летающего дракона.
Лин-цзи в тот год покарал войско Будды.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Сунь У-кун поднял эту записку и хотел тотчас же отправиться в путь, но в этот момент его окликнул Чжу Ба-цзе.

— Брат! Последние дни нам что-то не везет. Среди бела дня являются черти. Кто же этот старик, который превратился в ветер?

Вместо ответа Сунь У-кун протянул Чжу Ба-цзе записку. Прочитав ее, тот спросил:

— Кто же такой Ли Чан-гэн?

— Это Дух Вечерней звезды,— отвечал Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе поспешно опустился на колени и, земно кланяясь тому месту, где стоял дух, воскликнул:

— О милостивый благодетель! Если бы ты не заступился за меня перед Нефритовым императором, что сталось бы со мной?

— Ну, брат! — сказал Сунь У-кун.— Хватит изливать свои чувства. Оставайся здесь, спрячься подальше в лесу, хорошенько стереги коня и вещи да смотри, не впутывайся ни в какие истории. Я отправлюсь на гору Сумеру и попрошу бодисатву помочь нам.

— Ладно, ладно,— отвечал Чжу Ба-цзе. — Иди живее! Я знаю способ «Черной черепахи». Он пригодится мне, если понадобится спрятать голову.

Сунь У-кун совершил прыжок в воздух, сел на облако и с молниеносной быстротой устремился прямо на юг. Кивнув головой, он проделал три тысячи ли, а шевельнув поясницей, еще восемьсот. Через какой-нибудь миг перед ним выросла высокая гора, над которой висело радужное облачко и клубился волшебный туман. Среди гор действительно стоял монастырь; оттуда доносился колокольный звон и звуки цимбал. Воздух был напоен фимиамом. Великий Мудрец направился прямо к воротам монастыря и здесь увидел монаха-даоса, который, перебирая четки, читал молитву.

— Разрешите приветствовать вас, почтенный, — кланяясь промолвил Сунь-У-кун.

Отвечая на приветствие, даос спросил:

— Откуда вы прибыли, отец?

— Скажите, пожалуйста, здесь бодисатва Лин-цзи проповедует свои священные книги? — вопросом на вопрос отвечал Сунь У-кун.

— Совершенно верно, — подтвердил даос. — А почему вас это интересует?

— Осмелюсь просить вас, почтенный отец, доложить обо мне бодисатве,— попросил Сунь У-кун.— Я ученик преподобного отца Сюань-цзана, названого брата самого императора великих Танов, а зовут меня Великий Мудрец, равный небу, странствующий монах Сунь У-кун. Я хотел бы поговорить с бодисатвой по весьма неотложному делу.

— Отец мой! — улыбаясь сказал даос. — Вы наговорили столько, что всего и не упомнишь.

— Тогда скажите просто, что пришел ученик Танского монаха Сунь У-кун.

Даос удалился в храм. Как только бодисатва услышал о Сунь У-куне, он приказал прибавить благовоний в курильницах и приготовился встретить гостя. Великий Мудрец вошел в храм, и перед ним открылась великолепная картина:

Вид величавый храму придавало
Свеченье золота средь мягкой полутьмы,
Толпа пришельцев стройно распевала
Буддийские священные псалмы.
И в барабан стуча, служитель старый
Весь дружный хор всегда сопровождал,
И много было у высоких статуй
Цветов и фруктов, принесенных в дар.
Здесь изобилье яств — в больших сосудах
Расставлены на длинные столы,
И сладкий дым струится из курильниц,
Клубился он, заполнив все углы.
Здесь пламени спокойное горенье
В затейливых подсвечниках литых,
Здесь обретают все успокоенье
От проповедей ясных и святых...
Густой и белый — вдруг туман спустился,
Чтоб на верхушки сосен мягко лечь,
И демон злобный головы лишился,—
И вот уж убран всемогущий меч [1].

Бодисатва оправил на себе одежду и пошел навстречу гостю. После этого Сунь У-куна подвели к столу, пригласили занять почетное место и тотчас же приказали подать чай.

— Прошу вас не беспокоиться,— промолвил Сунь У-кун.— Я пришел сообщить вам, что наш учитель на горе Желтого ветра попал в беду, и прошу вас, милостивый бодисатва, проявить свою божественную силу: усмирить волшебника и спасти учителя.

— Я получил приказ Будды,— сказал бодисатва,— укротить духа Желтого ветра. Будда пожаловал мне шарик, «усмиряющий ветер» и Драгоценный посох Летающего дракона. Когда-то я схватил этого волшебника, но сохранил ему жизнь и разрешил удалиться в горы. Я строго запретил ему наносить вред кому бы то ни было и творить безобразия. А то, что он собирается причинить зло вашему учителю,— мне неизвестно. В его преступлении отчасти повинен и я.

Несмотря на настойчивые приглашения бодисатвы остаться закусить и побеседовать, Сунь У-кун решительно отказался. Тогда бодисатва захватил посох Летающего дракона и вместе с Великим Мудрецом отправился на облаке в путь.

Очень скоро они прибыли на гору Желтого ветра.

— Великий Мудрец! — сказал тут бодисатва. — Волшебник боится меня, так что лучше я останусь на облаках, а ты спустись

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

вниз и вызови его на бой. Когда он выйдет из пещеры, мне удобнее будет расправиться с ним.

Сунь У-кун так и сделал. Он опустился на облаке вниз и посохом разнес ворота пещеры.

— Эй, волшебник! Отдавай моего учителя!

Перепуганный привратник побежал доложить о случившемся. Тогда старый волшебник сказал:

— Эта мерзкая обезьяна совсем обнаглела! Вместо того чтобы утихомириться, она посмела разбить мои ворота! Ну, на сей раз я подыму такой ветер, который лишит ее жизни.

Он надел на себя боевые доспехи, взял стальные вилы и вышел из пещеры. Увидев Сунь У-куна, волшебник, не говоря ни слова, нацелился и нанес ему удар прямо в грудь.

После нескольких схваток волшебник решил вызвать ветер и только было раскрыл рот, чтобы подуть, как в этот момент бодисатва Лин-цзи бросил с высоты посох Летающего дракона. Затем бодисатва произнес заклинание, и посох вмиг превратился в золотого дракона с восемью лапами. Дракон впился когтями в волшебника, схватил его за голову и отнес на каменный уступ скалы. Здесь волшебник принял свой первоначальный вид и превратился в желтого соболя. Сунь У-кун погнался за ним и хотел ударить его посохом, но бодисатва остановил его:

— Великий Мудрец, не лишай его жизни. Я отнесу его к Будде. Ведь он был крысой, жил у подножья горы Линшань и сумел достичь совершенства. Но потом он выкрал из лампады чистое масло, и огонь в светильнике померк. Опасаясь, что бог охраны схватит его, он бежал и на горе Желтого ветра стал волшебником. Будда помиловал его и послал меня следить за ним. Но поскольку он нападает на людей и творит злодеяния, осмелившись угрожать жизни Танского монаха, я возьму его с собой на гору Линшань к Будде. Пусть он определит ему наказание. А ты можешь считать свою миссию выполненной.

Выслушав это, Сунь У-кун поблагодарил бодисатву. О том же, как бодисатва отбыл на Запад, мы здесь рассказывать не будем.

Между тем находившийся в лесу Чжу Ба-цзе уже начал беспокоиться, почему так долго не возвращается Сунь У-кун, как вдруг услышал доносившийся до него из-под горы голос.

— Эй, брат У-нэн! Веди коня и неси вещи!

Дурень сразу узнал голос Сунь У-куна, взял узел и вышел из леса.

— Как дела, дорогой брат?

— Я призвал на помощь бодисатву Лин-цзи,— сказал Сунь У-кун,— и он с помощью посоха Летающего дракона, захватил волшебника. Он оказался оборотнем, который прежде был желтым соболем. Бодисатва взял его с собой к Будде на гору Линшань. А теперь пойдем в пещеру выручать нашего учителя.

Дурень пришел в восторг. Они отправились в пещеру и, размахивая граблями и посохом, уничтожили всех оборотней: хитрых зайцев, волшебниц лисиц, душистых косуль, рогатых оленей. После этого они прошли в сад, находившийся позади пещеры, и здесь склонились перед своим учителем.

— Как же вам удалось одолеть волшебника? — спросил Сюань-цзан, когда они покинули пещеру.

Тогда Сунь У-кун подробно рассказал о том, как призвал бодисатву Лин-цзи на помощь и как тот усмирил волшебника. Учитель был тронут до глубины души и без конца благодарил своих учеников. После этого Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе разыскали в пещере съестные припасы и приготовили обед. Закончив трапезу, они покинули пещеру и, выйдя на дорогу, продолжали свой путь.

Однако о том, что с ними происходило в дальнейшем, вы узнаете, прочитав следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Чжу Ба-цзе вступил в бой с духом реки Сыпучих песков и как Муча по повелению бодисатвы усмирил духа

Мы остановились на том, что Танский монах со своими учениками отправился дальше на Запад. Прошло много дней, прежде чем им удалось пересечь гору Желтого ветра. И вот перед ними раскинулась широкая равнина. Время летело быстро, незаметно кончилось лето и подошла осень. Среди увядающих ив звучали грустные песни цикад. Созвездие Да-хо уже переместилось на запад [1]. И вот однажды они увидели перед собой огромную реку, бурно катившую свои воды. Волны кипели, устремляясь вперед.

— Ученики,— с тревогой в голосе сказал Сюань-цзан.— Перед нами широкая река, но нигде не видно переправы. Как же мы переберемся на тот берег?

— Да, река действительно бурная,— промолвил Чжу Ба-цзе,— и нигде ни одной лодки, на которой можно было бы переплыть.

В этот момент Сунь У-кун подпрыгнул в воздух и, прикрыв руками глаза, осмотрелся.

— Вы правы, учитель,— с беспокойством сказал он,— дела наши действительно плохи. Что до меня, то стоит мне повернуться, и я тут же буду на другом берегу. Но вам, учитель, трудно придется.

— Как она широка! Я не вижу даже противоположного берега,— сказал Сюань-цзан.

— Шириной она примерно в восемьсот ли,— сказал Сунь У-кун.

— Как тебе удалось определить ее ширину? — удивился Чжу Ба-цзе.

---

[1] Признак наступления осени.

— Не буду скрывать от тебя, дорогой брат, что днем мои глаза видят на тысячу ли вокруг. Я могу точно определить, что ожидает нас: счастье или несчастье. И вот сейчас, находясь в воздухе, я хоть и не смог установить длину реки, зато установил ее ширину: восемьсот ли.

От его слов Сюань-цзан впал в отчаяние. Повернув коня, он вдруг заметил каменную плиту, и когда они все втроем приблизились к ней, то увидели надпись из трех иероглифов в стиле Чжуан-цзы: «Река Сыпучих песков». На оборотной стороне были четыре стихотворные строки, написанные по всем правилам:

У реки Сыпучих песков
Поворотов всего восемьсот,

Три тысячи бурных потоков
Всесильны и глубоки,

Не плавает даже перо
На поверхности этих вод,

На самое дно уходят
Тростниковых цветов лепестки... [1]

И вот, когда учитель со своими учениками читал эти стихи, река вдруг забурлила и по ней пошли огромные, как горы, волны. В тот же момент из реки выскочило чудовище, безобразное и свирепое на вид.

Чудовище бросилось к берегу и ринулось прямо на Сюань-цзана. Однако Сунь У-кун схватил в охапку своего учителя и мигом очутился с ним на высоком берегу, избежав таким образом опасности. Чжу Ба-цзе тут же бросил на землю свою кладь и, взмахнув граблями, хотел ударить чудовище. Но чудовище, выставив свой посох, предотвратило удар. И вот на берегу реки Сыпучих песков разгорелся бой. Противники состязались в отваге.

Встревожена ими Сыпучих песков река,
У берега схватки кипели безмерно жестоки,
Один возглавлял в небесах до опалы войска,
Другой был знаток церемоний в небесном чертоге.
И каждый с врагом своим был до сраженья знаком,
Они на небесных приемах друг друга встречали,
И каждый позорно нарушил небесный закон,
И оба по воле небес очутились в опале.
Мелькает оружье противников по сторонам,
И знают они, что смертелен единственный промах,
И посох походит на режущий бивень слона,
И когти на граблях — как будто на лапах драконьих.
Один из них в темных глубинах реки обитал,
Безжалостно всех проходящих людей пожирая,
Другой же, прозревший, на путь добродетели встал,
Достичь совершенства служением Будде желая [2].

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.
[2] Стихи в обработке В. Гордеева.

Раз двадцать они схватывались друг с другом, но трудно было определить, кто из них выйдет победителем. Между тем Сунь У-кун, охранявший Сюань-цзана, отвел в сторону коня и сложил вещи. Глядя, как Чжу Ба-цзе бьется с чудовищем, он в ярости заскрипел зубами, горя нетерпением вступить в бой. Наконец, не выдержав, он взял посох и, подойдя к Сюань-цзану, сказал:

— Вы, учитель, посидите здесь и ничего не бойтесь. А я пойду позабавлюсь немного.

Напрасно уговаривал его Сюань-цзан не ходить, удержать его было невозможно. Издав резкий свист, он одним прыжком очутился на берегу реки. Между тем бой был в самом разгаре и уйти с поля боя не представлялось никакой возможности. Тогда Сунь У-кун размахнулся и изо всей силы опустил посох на голову чудовища. Тот сразу же повернул обратно и, бросившись в реку Сыпучих песков, исчез в воде. Взбешенный Чжу Ба-цзе даже запрыгал от досады.

— Дорогой брат! — крикнул он. — Ну кто просил тебя вмешиваться? Чудовище стало терять силы и, если бы мы схватились еще раз пять, я непременно поймал бы его! Но, увидев твое свирепое лицо, он бежал с поля боя. Что же теперь делать?

— Скажу тебе всю правду, брат,— проговорил улыбаясь Сунь У-кун.— Вот уже месяц, как мы дрались с волшебником по прозванию Желтый ветер, с тех пор я не имел случая поиграть моим посохом. Теперь тебе ясно, почему я не стерпел, глядя, как ты дерешься с чудовищем, и решил немного отвести душу. Кто мог подумать, что чудовище сбежит?

После этого они рука об руку, шутя и смеясь, вернулись к учителю.

— Ну что, изловили чудовище? — спросил Сюань-цзан.

— Да это чудовище видно не очень-то любит драться, — отвечал Сунь У-кун.— Признав себя побежденным, оно скрылось в воде.

— Ученики мои, — промолвил тогда Сюань-цзан. — Это чудовище давно живет здесь и, конечно, хорошо знает реку. Поскольку на этих бескрайних мертвых водах нет никакой переправы, давайте используем его в качестве проводника. Лишь таким образом мы сможем переправиться на другой берег.

— Совершенно верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Ведь не зря говорится: «Что лежит рядом с киноварью — красное, что с тушью — черное». Чудовище это живет здесь и, несомненно, хорошо знает реку. Мы должны сейчас же поймать его и, не причиняя никакого вреда, заставить переправить нашего учителя через реку. А там посмотрим, что делать.

— Дорогой брат, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Не теряй зря времени. Удовольствие поймать это чудовище я предоставляю тебе, а я побуду с учителем.

— Ну, дорогой мой,— смеясь сказал Сунь У-кун. — В данном случае похвалиться мне нечем. Должен прямо сказать, что

в воде я чувствую себя не совсем уверенно. Придется вначале произнести какое-нибудь заклинание, а затем уже заклинание против воды, иначе я не смогу переправиться черсз реку. Я могу, конечно, еще превратиться в рыбу, краба, креветку или моллюска, это единственный выход. Ни в горах, ни в облаках никакие препятствия мне не страшны, а вот с водой дело обстоит хуже.

— Когда-то я был повелителем водных сил на реке Тяньхэ [1], — сказал на это Чжу Ба-цзе,— под моим началом находилось восьмидесятитысячное войско. О воде мне тоже кое-что известно. Плохо только, что я не знаком с обитателями здешних вод и сколько их — мне тоже неизвестно. Если они все вместе навалятся на меня, то мне с ними не справиться. Они могут схватить меня. Что тогда делать?

— Если в воде у вас начнется бой,— сказал на это Сунь У-кун,— ты притворись, что терпишь поражение и вымани чудовище на сушу. А тут уж я приду тебе на помощь.

— Ну что ж, это, пожалуй, правильно,— согласился Чжу Ба-цзе. — Тогда я сейчас же отправлюсь.

С этими словами он сдернул с себя рясу из черного шелка, снял башмаки и, размахивая граблями, начал прокладывать себе в воде дорогу. Применяя известные ему способы, он ринулся прямо в волны и, стремительно продвигаясь вперед, очень скоро достиг дна.

Чудовище, только что потерпев поражение, едва пришло в себя, как вдруг услышало, что кто-то баламутит воду. Вскочив на ноги и приглядевшись, оно увидело, как Чжу Ба-цзе граблями разгребает воду. Схватив посох, чудовище ринулось Чжу Ба-цзе навстречу и закричало:

— Эй ты, монах! Куда идешь? Ну-ка держись!

Отбив удар своими граблями, Чжу Ба-цзе крикнул:

— Ты кто такой, что осмеливаешься преграждать мне дорогу?

— Да ты, оказывается, не знаешь меня? — отвечал волшебник.— Я вовсе не какой-нибудь злой волшебник и не черт. Имя мое многим известно.

— Если ты не черт и не оборотень,— возразил Чжу Ба-цзе,— то почему нападаешь на людей? Говори, кто ты такой, тогда я, может быть, сохраню тебе жизнь.

Тогда чудовище отвечало:

Я силой духа необыкновенной
Был с малолетства небом наделен,
И побывал во всех углах вселенной,
Чтоб отыскать бессмертия закон.
Молва о доблести моей гремела,
Героев всех мой подвиг поражал,
И в Поднебесной я служил примером
Всем честным, благороднейшим мужам.

---

[1] Тяньхэ — Небесная река, или Млечный Путь.

Во все края вели меня скитанья —
Вокруг озер, вдоль берегов морей,
Приобретая новые познанья,
Я становился с каждым днем мудрей.
Я, истинами Будды увлекаем,
Не ослаблял вниманья ни на миг
И пользовался часто облаками,
Чтоб посетить далекий материк.
Но я тогда лишь праведника встретил,
Когда стократ измерил круг земной,
И к откровенью путь — блестящ и светел —
Простерся наконец передо мной...
И заслужил я на пути заветном
Святых заслуг великое число,
Мой подвиг не остался незаметным:
Меня к бессмертным Небо вознесло.
И чином там отмеченный немалым,
Служить я был владыке Неба рад,
Распоряжаясь церемониалом
И возглавляя стражу Южных врат.
В чертогах небосвода признавалась
Владыкой мне подаренная власть,
На поясной табличке красовалась
Тигровая оскаленная пасть.
Блестели золотой кольчуги звенья,
И драгоценный шлем горел огнем,
И, духов приводя к повиновенью,
Я в воздухе помахивал ремнем.
Я открывал ряды придворных шествий,
В покоях императора бывал,
И, восседая на почетном месте,
С придворными порою пировал.
Но как-то на пиру проступок страшный
Я, охмелев немного, совершил:
Разбил случайно, сделанный из яшмы,
Любимый императорский кувшин.
Как только руки цепкие разжались
И звук удара грозный пролетел,—
Все божества в испуге разбежались,
И вмиг чертог огромный опустел.
И воины из стражи поспешили —
Сколь главным был владыки Неба жест!—
Меня доспехов золотых лишили,
Затем изгнали из числа божеств.
Я ожидал в смятенье и тревоге,
Когда наступит лютой смерти час,
Но, сжалившись, Бессмертный Босоногий
Меня от лютой казни все же спас.
Просил он, чтоб мою смягчили участь,
И был я по решению суда
На берега реки песков Сыпучих
В изгнание отправлен навсегда.
Голодный, злой я воды будоражу,
Ловлю себе на завтрак крупных рыб,
А коль увижу дровосека — сразу
Считайте все, что он уже погиб.
Нажравшись, я дремлю в прибрежной тине,
И все же ты напрасно осмелел:
Из тех людей, что мимо проходили,
Покуда ни один не уцелел.

Ответь же мне — ты по какому праву
Посмел в моих владениях бывать?
Пожалуй, ты годишься на приправу,
Хоть для закуски стар и грубоват...[1]

— Ах ты низкая тварь! — в ярости вскричал Чжу Ба-цзе. — Ты что ослеп, что ли? Да я тебя в пену превращу. Мало того, что ты назвал меня грубым, ты еще грозишься сделать из меня приправу! Ну, так держись! Сейчас я познакомлю тебя с моими граблями, может быть, после этого ты перестанешь быть невежей.

Увидев занесенные над собой грабли, волшебник быстрым движением уклонился от удара. И вот между ними начался бой. Из глубины они выскочили на поверхность и продолжали драться, прыгая по волнам. Этот бой совсем не был похож на предыдущий.

Прошло уже более двух страж, а противники все бились и никто не мог бы сказать, на чьей стороне перевес. Тут уж поистине можно было сказать, что нашла коса на камень.

Между тем Великий Мудрец, который охранял Танского монаха и не имел возможности сам что-либо предпринять, не отрывая глаз, следил за боем.

Вдруг он увидел, что Чжу Ба-цзе нарочно промахнулся своими граблями и, сделав вид, что терпит поражение, поспешил к восточному берегу реки. Чудовище погналось за ним. И вот, когда оно приблизилось к берегу, Сунь У-кун не мог больше сдерживать себя. Бросив учителя, он с посохом в руках ринулся на берег и, размахнувшись, ударил волшебника по голове. Тот не посмел даже защищаться и с шумом скрылся в воде.

— Конюх ты чертов! — закричал разъяренный Чжу Ба-цзе.— Вот уже поистине нетерпеливая обезьяна! Неужели ты не мог обождать, пока я загоню его на высокое место? Тогда бы ты преградил ему путь к реке, и мы, конечно, схватили бы его. А теперь жди, пока он снова появится.

— Не кричи ты, Дурень! — сказал Сунь У-кун.— Пойдем лучше посмотрим, что делает наш учитель.

Они поднялись на берег и подошли к Сюань-цзану.

— Ну как, тяжело вам пришлось, ученики мои? — спросил Сюань-цзан.

— Да стоит ли говорить о каких-то трудностях, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Мы были бы счастливыми, если бы нам удалось покорить волшебника и заставить его перевезти вас через реку.

— Чем же закончился ваш бой? — спросил Сюань-цзан.

— Да это чудовище по своим способностям не уступает мне,— сказал Чжу Ба-цзе. — Во время боя я сделал вид, что потерпел поражение, и побежал к берегу. Но Сунь У-кун пустил в ход свой посох, и чудовище скрылось в реке.

— Что же теперь делать? — спросил Сюань-цзан.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Успокойтесь, учитель, и не тревожьте себя понапрасну,— отвечал Сунь У-кун. — Время позднее. Я сейчас раздобуду для вас какой-нибудь еды, поешьте и ложитесь спать. А завтра посмотрим, что делать.

— Правильно ты говоришь,— подтвердил Чжу Ба-цзе. — Иди, только живее!

Сунь У-кун взобрался на облако и вмиг очутился на севере. Там он попросил у жителей чашку постной пищи и, вернувшись, подал ее учителю. Сюань-цзан удивился тому, что Сунь У-кун так быстро вернулся, и сказал:

— А что, если нам спросить, как переправиться через реку, там, где ты просил подаяние? Тогда не нужно будет бороться с этим чудовищем.

— Да ведь это очень далеко,— со смехом сказал Сунь У-кун.— По крайней мере тысяч семь ли отсюда. Какой же смысл спрашивать об этом тамошних жителей? Разве они знают, что представляет собой эта река?

— Ну, опять ты несешь вздор, — сказал Чжу Ба-цзе. — Если они живут за семь тысяч ли отсюда, как же ты успел так быстро обернуться?

— Ничего ты не понимаешь! — сказал Сунь У-кун. — Я одним прыжком могу покрыть расстояние в сто восемь тысяч ли, а уж о семи тысячах и говорить не приходится. Для этого мне достаточно дважды кивнуть головой или же нагнуться.

— Дорогой брат,— сказал тогда Чжу Ба-цзе. — Раз у тебя все так легко получается, ты мог бы перенести на спине нашего учителя через реку. Ведь для этого тебе нужно лишь кивнуть головой или же податься вперед. Зачем продолжать борьбу с волшебником?

— Так ведь ты тоже можешь ездить на облаках,— сказал Сунь У-кун. — Вот и перенеси учителя.

— Как же я могу взять его с собой на облако? Наш учитель простой смертный,— сказал Чжу Ба-цзе,— и для этого он тяжел, как гора Тайшань. Это под силу тебе одному, так как ты совершаешь прыжки в воздухе.

— Да мои прыжки то же самое, что передвижение на облаках,— сказал Сунь У-кун. — Разница только в расстоянии. Поэтому я, так же как и ты, не могу перенести учителя. Ведь еще в древности люди говорили: «Перенести гору Тайшань так же легко, как перенести горчичное зерно, но очень трудно избавить простого смертного от суетного мира». Ну, взять хоть к примеру этих волшебников: что бы они ни творили, какой бы ветер ни вызывали, им удавалось только задержать нас, но мы очень быстро расправлялись с ними и шли дальше. Правда, мы всегда ходим по земле. А вот поднять учителя в воздух не могли. Все их способы мне хорошо известны. Мало того, я могу становиться невидимым, проделывать огромные расстояния. Но ведь учителю предначертано до конца проделать свой путь по чужеземным стра-

нам и вынести все испытания. Вот почему каждый шаг дается с таким трудом. Нам с тобой велено охранять учителя, оберегать его жизнь, но не в наших силах избавить его от всех этих трудностей, точно так же, как мы не можем сами достать священные книги. Если бы в пути мы даже опередили учителя, Будда все равно не согласился бы дать нам священные книги. Не зря ведь говорят: «То, что легко достается, не имеет большой ценности».

Выслушав это, Чжу Ба-цзе что-то недовольно пробурчал себе под нос. Затем они поели постной пищи и расположились на отдых.

— Каковы же у тебя планы, Сунь У-кун, на сегодняшний день? — спросил на следующее утро Сюань-цзан.

— Да никаких особенных планов у меня нет,— отвечал тот. — Вот только Чжу Ба-цзе опять придется спуститься в реку.

— Вот что, дорогой брат,— сказал Чжу Ба-цзе. — Ты, что же, сам хочешь остаться в стороне, а меня только и знаешь, что гнать в воду?

— Ну, на этот раз я торопиться не буду. Я дам тебе возможность заманить его подальше, а сам отрежу ему отступление, и мы непременно изловим его.

О, волшебный Чжу Ба-цзе! Он потер лицо, собрался с силами и, взяв обеими руками грабли, отправился к реке. Прокладывая себе путь к воде, он снова очутился у логова своего противника. Чудовище только что проснулось и, услышав шум, поспешно вскочило на ноги. Увидев Чжу Ба-цзе с граблями в руках, чудовище преградило ему дорогу и заорало:

— Стой! Куда торопишься? Испробуй-ка вначале силу моего посоха!

Тогда Чжу Ба-цзе взмахнул граблями и, отражая удар, закричал:

— Да что у тебя за посох такой, что ты все грозишься им?

Тут дух воскликнул:

— Тебе, мерзавец, видимо, неизвестно, что это за посох.

Шест для него самим У Ганом срублен,
Лу Бань* отшлифовал поверхность гладко,
Горят снаружи нити перлов крупных,
Блестит внутри из золота прокладка.
В воде и в небе демонов коварных
Он усмиряет быстро и сурово;
Чтоб вел я в бой полки небесных армий,
Мне посох императором дарован!
Изменит тотчас он свои размеры,
Едва творить я заклинанья стану,
С ним в высшие я поднимался сферы
Во время пира возглавлял охрану.
Ему святые почести воздали,
Когда я на дежурстве был в покоях,
Такую силу он обрел с годами,
Что с ним оружье не сравнить простое!

Покииув навсегда небес владеиья,
Без страха с ним я по земле скитался,
Могу сказать без преувеличенья:
Подобиый посох мие не попадался!
Ну, как ты мог обломки грабель ржавых
Поставить с посохом волшебиым рядом?
Они годятся лишь на то, пожалуй,
Чтоб ковыряться в огороде, в грядах![1]

— Ах ты мерзкая тварь! Мало тебя, видно, били! — крикнул смеясь Чжу Ба-цзе. — Ты не смотри, что этими граблями можно разрыхлять землю в огороде. Стоит мне разок стукнуть ими, так у тебя живого места не останется и из всех девяти отверстий хлынет кровь. А если даже ты останешься жив, то тебя навеки хватит столбняк!

Тут чудовище, не выдержав, ринулось в бой. Вначале противники сражались на дне реки, но постепенно снова выбрались на поверхность. И этот бой был совсем не похож на тот, который они вели накануне.

Итак, то наступая, то отступая, противники схватывались уже раз тридцать, но все еще нельзя было сказать, кто из них выйдет победителем. Тогда Чжу Ба-цзе, снова сделав вид, что потерпел поражение, волоча грабли, бросился бежать. Чудовище, вздымая бурные волны, бросилось за ним и выскочило на берег.

— Я тебе покажу, мерзкое чудовище! — орал Чжу Ба-цзе:— Выйди-ка сюда на высокое место, тут хоть земля под ногами и можно будет подраться как следует!

— Я знаю, негодяй, ты хочешь заманить меня наверх, чтобы твой приятель пришел тебе на помощь. Нет, ты лучше спускайся вниз, и мы сразимся в воде.

Чудовище было достаточно хитрым и, не желая взбираться на берег, стояло у воды, переругиваясь с Чжу Ба-цзе.

Убедившись в том, что чудовище не желает выходить на берег, Сунь У-кун пожелал во что бы то ни стало поскорее выловить его.

— Учитель! — крикнул он. — Сейчас я выловлю это чудовище, как голодный орел добычу.

С этими словами он совершил прыжок в воздухе и устремился прямо на волшебника. Но волшебник, услыхав шум ветра, быстро обернулся и, увидев устремившегося на него из-под облаков Сунь У-куна, схватил свой посох и тотчас же скрылся под водой. Сунь У-кун долго стоял на берегу, озираясь вокруг, а затем сказал Чжу Ба-цзе:

— Ну, брат! Опять этому волшебнику удалось ускользнуть от нас. Что же теперь делать? Теперь-то уж он больше не покажется!

— Да, дело это нелегкое! — согласился Чжу Ба-цзе. —

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Победить его очень трудно. Я уже израсходовал все свои силы и чувствую, что теперь мы с ним равны.

— Ну, ладно, там видно будет, а пока пойдем к учителю,— сказал Сунь У-кун.

Они поднялись на берег и рассказали Сюань-цзану о том, как трудно изловить волшебника. У Сюань-цзана глаза наполнились слезами.

— Как же мы в таком случае переправимся через реку? — спросил он.

— Да вы не расстраивайтесь, учитель, — стал успокаивать его Сунь У-кун. — Волшебник скрылся глубоко под водой и к нему действительно трудно пробраться. Вот что, Чжу Ба-цзе, — продолжал он, — ты оставайся здесь охранять учителя, а в бой с чудовищем больше не вступай и жди, пока я побываю в Южном море.

— А зачем ты отправишься туда, дорогой брат? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Паломничеством за священными книгами ведает бодисатва Гуаньинь, — сказал Сунь У-кун. — Значит, она должна помочь нам. Сейчас на пути у нас преграда — река Сыпучих песков, и без помощи бодисатвы нам не обойтись. Вот я и хочу отправиться к Южному морю, где живет бодисатва. Пусть она поможет нам одолеть это чудовище.

— Ты прав! — согласился Чжу Ба-цзе. — Дорогой брат, когда будешь там, окажи милость, замолви за меня словечко. Когда-то бодисатва была ко мне милостива.

— Только не задерживайся там,— попросил Сюань-цзан,— и поскорее возвращайся.

И вот Сунь У-кун, совершив прыжок в воздух, помчался к Южному морю. Не прошла половина стражи, как он увидел перед собой гору Поталака, а еще через момент опустился в рощу Пурпурного бамбука, где его встретили духи двадцати четырех дорог.

— По какому делу пожаловали, Великий Мудрец? — спросили они, приветствуя его.

— Мой учитель попал в трудное положение,— отвечал Сунь У-кун. — И я прибыл сюда поговорить об этом с бодисатвой.

— Присядьте, пожалуйста, мы сейчас доложим о вас.

Дух, похожий на диск солнца, в один момент оказался у входа в пещеру Гуаньинь.

— К вам прибыл Сунь У-кун,— доложил он.

В это время Гуаньинь, вместе с дочерью дракона, владельца волшебного жемчуга, стояла, облокотившись на изгородь у Лотосового озера, и любовалась цветами. Выслушав духа, она повернулась к облачному обрыву и, открыв двери, пригласила Сунь У-куна войти.

Сунь У-кун, оправив на себе одежду, вошел в пещеру.

— Почему ты покинул Танского монаха и не охраняешь его? — спросила бодисатва.— Зачем опять явился?

— Да будет вам известно, милостивая бодисатва,— начал Сунь У-кун,— что мой учитель, проходя деревню Гаолаочжуан, взял себе еще одного ученика, по имени Чжу Ба-цзе. Когда-то вы пожаловали этому ученику монашеское имя У-нэн. Так вот, перейдя хребет Желтого ветра, мы достигли реки Сыпучих песков, которая еще называется Черной рекой и имеет в ширину восемьсот ли. Река эта очень глубокая и учителю через нее не перебраться. К тому же в этой реке живет чудовище, которое весьма искусно ведет бой. Чжу Ба-цзе три раза схватывался с ним, но не мог его одолеть. Это чудовище мешает нам перебраться через реку, поэтому я и решил побеспокоить вас, бодисатва. Явите милость и помогите нашему учителю переправиться через реку.

— Ну что ты за обезьяна! — сказала на это бодисатва.— Опять безобразничаешь! Отвечай, как служишь Танскому монаху?

— Мы хотели изловить чудовище,— сказал тогда Сунь У-кун,— и заставить его перевезти нашего учителя через реку. Однако в воде-то я не очень силен, поэтому Чжу Ба-цзе ходил к его логову и затевал с ним ссору. По-моему, он не сказал чудовищу о том, что мы идем за священными книгами.

— Этот волшебник из реки Сыпучих песков когда-то был главным церемониймейстером во дворце Небесного императора. Я убедила его встать на путь Истины и велела оказывать помощь всем паломникам за священными книгами. Стоило вам сказать хоть слово о том, что вы идете за священными книгами, и он не вступил бы с вами в бой, а выразил бы полную покорность.

— Сейчас волшебник скрылся под водой и в бой вступать боится. Как же нам добиться его покорности и помочь нашему учителю переправиться через реку?

Тут бодисатва позвала Хуэй-аня, вынула из рукава красную тыкву и сказала:

— Возьми эту тыкву и отправляйся с Сунь У-куном к реке Сыпучих песков. Как придешь, крикни: «У-цзин!» И чудовище тотчас же выйдет из воды. Прежде всего заставь его приветствовать Танского монаха. Затем сними девять черепов, которые висят у него на шее, свяжи вместе и расположи в том порядке, в каком расположены палаты императорского дворца, а тыкву помести в середине. Получится корабль, и вы сможете переправить Танского монаха через реку.

Хуэй-ань почтительно выслушал приказание и, приняв тыкву, вместе с Великим Мудрецом покинул обитель бодисатвы и лес Пурпурного бамбука.

Вскоре оба наших путника опустились на облаке к реке Сыпучих песков. Чжу Ба-цзе узнал ученика бодисатвы Хуэй-аня

и подвел его к учителю. Когда церемония поклонов была закончена, Чжу Ба-цзе тоже поклонился.

— Благодаря вашим наставлениям,— промолвил Чжу Ба-цзе,— я получил возможность увидеть бодисатву и стал почитателем законов Будды. Рад приветствовать вас. Вы уж простите меня, что я не смог раньше принести вам свою благодарность: все это время было очень много хлопот.

— Не будем зря тратить времени,— сказал Сунь У-кун,— ведь нам надо еще вызвать этого негодяя.

— О ком это вы говорите? — спросил Сюань-цзан.

— Когда я был у бодисатвы,— отвечал Сунь У-кун,— я поведал ей обо всем, что с нами случилось. Бодисатва сказала, что волшебник, живущий в реке Сыпучих песков, был когда-то главным церемониймейстером на небе. Но за какое-то преступление его сослали в эту реку, и он превратился в чудовище. Впоследствии бодисатва обратила на него свое милостивое внимание и поручила ему сопровождать вас, учитель, на Запад. Но поскольку мы не сказали ему, что направляемся за священными книгами, оно всеми силами сопротивлялось. И вот теперь бодисатва отправила сюда своего ученика и дала ему тыкву, чтобы мы вместе с этим мошенником соорудили лодку и переправили вас, учитель, через реку.

Услышав это, Сюань-цзан совершил множество поклонов.

— В таком случае, умоляю вас поторопитесь,— сказал он, кланяясь Хуэй-аню.

Тогда Хуэй-ань, не выпуская из рук тыквы, поднялся в воздух над рекой Сыпучих песков и громко крикнул:

— У-цзин! У-цзин! Паломник за священными книгами давно уже здесь! Почему же ты не выразишь ему свое повиновение?

А в это время чудовище, напуганное Царем обезьян, вернулось к себе на дно реки и отдыхало в своем логове. Услышав, что кто-то произнес его монашеское имя, оно сразу же сообразило, что это посланец бодисатвы Гуаньинь, а слова «паломник за священными книгами давно уже здесь» окончательно рассеяли его страх. Взбудоражив воду, волшебник всплыл наверх и высунул голову. Увидев Странствующего монаха — ученика бодисатвы, он расплылся в улыбке и, почтительно поклонившись, сказал:

— Простите, уважаемый, что не встретил вас. А где же бодисатва?

— Бодисатва не прибыла сюда,— отвечал Хуэй-ань. — Она послала меня и велела передать тебе, чтобы ты стал учеником Танского монаха и следовал за ним. Она велела также соорудить из этой вот тыквы и черепов, которые ты носишь на своей шее, буддийский корабль наподобие императорского дворца и переправить Танского монаха через реку.

— А где же сам паломник за священными книгами? — спросило чудовище.

— Он на восточном берегу,— сказал, указывая рукой Хуэй-ань.

— А откуда взялась эта мерзкая тварь? — снова спросило чудовище, увидев в этот момент Чжу Ба-цзе. — Вот уже два дня мы сражаемся, но до сих пор я не знал, что они идут за священными книгами. А это кто? — спросил он, увидев Сунь У-куна.— Он помогал моему врагу. Это ужасное существо. Нет, я не пойду к ним.

— Да первый из них Чжу Ба-цзе, а второй Сунь У-кун, — сказал Хуэй-ань. — Оба они ученики Танского монаха и обоих бодисатва наставила на путь Истины. Бояться их нечего. Пойдем я представлю тебя Танскому монаху.

Тогда У-цзин взял свой посох, оправил на себе желтую шелковую рясу и, выскочив на берег, склонился перед Танским монахом:

— Умоляю вас, учитель, простить меня за то, что я, словно слепой, не смог признать вашего высокого сана и безрассудно оскорбил вас.

— Ты, чирей! — крикнул тут Чжу Ба-цзе. — Почему вместо того чтобы сразу выразить свою покорность, ты упорно дрался с нами? Чем объяснишь ты свой поступок?

— Дорогой брат, — смеясь сказал Сунь У-кун, — не сердись на него. — Ведь мы не назвали своих имен и не сказали, что идем за священными книгами.

— Скажи, ты искренне желаешь принять нашу веру? — спросил Сюань-цзан.

— Разве осмелюсь я не покориться вам, учитель,— отвечал У-цзин, — ведь сама бодисатва наставила меня на путь Истины и пожаловала мне монашеское имя Ша У-цзин!

— Ну, в таком случае, Сунь У-кун, возьми священный нож и остриги ему волосы,— приказал Сюань-цзан.

Великий Мудрец тут же выполнил приказ. Затем У-цзин поклонился вначале Сюань-цзану, а затем Сунь У-куну и Чжу Ба-цзе. Убедившись в том, что У-цзин делает все, как полагается монаху, Сюань-цзан пожаловал ему монашеское имя Ша-сэн.

— А теперь, не теряя времени, — сказал Хуэй-ань,— давайте сооружать священный корабль.

У-цзин снял с шеи черепа, из веревки сделал магический круг и в середину положил тыкву. После этого он пригласил Сюань-цзана взойти на корабль. Усевшись, Сюань-цзан почувствовал себя так, как на настоящей лодке. Чжу Ба-цзе и У-цзин сели по сторонам, поддерживая своего учителя. Сунь У-кун следовал за ними на облаках, ведя за собой коня-дракона. Выше всех находился Хуэй-ань, охраняя их. Наконец-то Сюань-цзану удалось легко и свободно, при попутном ветре, переправиться через мертвые воды реки Сыпучих песков.

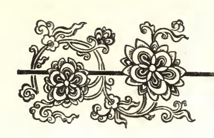
Корабль летел, как стрела, и очень скоро они достигли противоположного берега. Здесь они благополучно высадились, даже не замочив ног и не испачкав одежды.

Когда учитель и его ученики уже стояли на земле, Хуэйань, взяв с собой тыкву, на священном облаке исчез из виду. В тот же момент девять черепов превратились в девять воздушных потоков и бесследно исчезли.

Сюань-цзан почтительно поклонился вслед удалившемуся Хуэй-аню и совершил поклоны бодисатве.

Однако о том, что случилось в дальнейшем с паломниками за священными книгами, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как Сюань-цзан не нарушил основ учения и как испытывали четырех подвижников в твердости веры

Из этой главы вы узнаете о путях паломничества за священными книгами, путях, которые связаны с исполнением основного долга паломников.

Вернемся, однако, к нашим путникам, которые теперь уже вчетвером, познав вечную Истину и покинув суетный мир, пройдя через море страсти и реку Сыпучих песков, беспрепятственно продвигались дальше, по дороге на Запад. По пути им пришлось преодолеть множество покрытых растительностью гор, где протекали голубые реки, взор их не в силах был охватить широких просторов полей и цветов. Однако время летело быстро, и незаметно подошла осень.

Сделал красными горные дали
Кленов пышных осенний наряд,
Хризантем лепестки опадали...
Из кустарников, полный печали,
Реже слышался стрекот цикад.
Вянул лотос, цветы увядали,
Мандаринов густел аромат,
В небе бледном, построившись в ряд,
Стаи диких гусей улетали...[1]

И вот однажды вечером Сюань-цзан сказал:

— Ученики мои, время уже позднее, не поискать ли нам место для ночлега?

— Вы не совсем правы, учитель, — возразил Сунь У-кун. — Ведь не зря говорится, что монах должен питаться под открытым небом и спать на росе и на инее. Для него любое место должно быть домом. Поэтому не стоит говорить об удобном ночлеге.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Ну, дорогой брат, — вступил в разговор Чжу Ба-цзе.— Ты идешь налегке, так тебе и дела нет до того, что другие падают от усталости. После того как мы переправились через реку Сыпучих песков, мне очень трудно было карабкаться с моей ношей по горам. Вот мученье было! Непременно нужно найти сейчас какое-нибудь жилье, поесть, чаю попить и отдохнуть немного.

— Дурень ты! — сказал на это Сунь У-кун. — Да ты никак ропщешь. Боюсь, что не видать тебе больше такой спокойной жизни, как в деревне Гаолаочжуан, где ты, можно сказать, прозябал, а не стремился к высшему счастью. Поэтому тебе сейчас трудновато. Но если хочешь отрешиться от мира и стать монахом, смирись с трудностями и лишениями. Только тогда ты сможешь считать себя настоящим учеником Танского монаха.

— Дорогой брат! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Подумай сам, сколько весит этот груз!

— С тех пор как ты и Ша-сэн присоединились к нам,— сказал Сунь У-кун,— я не носил груза. Откуда же мне знать, сколько он весит?

— Так вот, прикинь, сколько весит груз, который мне приходится нести,— сказал Чжу Ба-цзе.— Мне одному тяжело все это таскать. Выходит, ты один ученик, а я просто носильщик.

— Ты с кем разговариваешь, Дурень? — с улыбкой спросил Сунь У-кун.

— С тобой, дорогой мой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Зря ты завел этот разговор,— сказал Сунь У-кун. — Я отвечаю за жизнь учителя, а вы с Ша-сэном должны заботиться о вещах и коне. Если же вы не будете проявлять должного усердия, вам придется попробовать моего посоха.

— Дорогой брат, — сказал Чжу Ба-цзе,— тебе не следовало бы так говорить. Ведь драка — это насилие над другими. Я знаю, что по натуре ты горд и заносчив и не станешь, конечно, нести вещи. Но ведь у нас есть сильный конь, на котором едет всего один человек. И если бы ты навьючил на этого коня несколько вещей, это было бы проявлением братского чувства с твоей стороны.

— А знаешь ли ты, что это не простой конь,— сказал Сунь У-кун. — Это — конь-дракон, сын Царя драконов Западного моря Ао-жуна, третий наследный принц. За то что он устроил пожар во дворце и сжег драгоценности, отец обвинил его в сыновней непочтительности и нарушении законов неба. Только по милости бодисатвы Гуаньинь ему удалось спасти свою жизнь. После этого он долго ждал в ущелье Орлиной печали прихода учителя. Наконец туда явилась бодисатва Гуаньинь, которая избавила его от чешуи и рогов и вынула у него из-под подбородка жемчужину мудрости. Только после этого он превратился в того коня,

которого ты видишь перед собой, и выразил готовность служить учителю верой и правдой и везти его в Индию на поклонение Будде. У каждого из нас своя судьба, а на коня сердиться и не думай.

— Неужели это конь-дракон, дорогой брат? — спросил Шасэн.

— Да, это конь-дракон,— подтвердил Сунь У-кун.

— Дорогой брат, — сказал тогда Чжу Ба-цзе, — еще в старину говорили, что: «Дракон обладает способностью собирать тучи и напускать туман, разрыхлять землю и вздымать песок, что он обладает сверхъестественной силой, может сворачивать горы и сдвигать хребты, обращать вспять реки и баламутить моря». Чем же объяснить, что наш дракон идет так медленно?

— Если хочешь, чтобы он двигался быстрее, я могу заставить его сделать это, — сказал Сунь У-кун,— вот, смотри.

И Великий Мудрец сжал свой посох. В тот же момент во все стороны разлетелись сияющие облака. Увидев посох в руках Сунь У-куна, конь подумал, что тот собирается его бить и, испугавшись, помчался во весь дух, только ноги сверкали. Сюань-цзан от неожиданности выпустил из рук поводья. Конь, почувствовав свободу, понесся сломя голову и замедлил шаг только тогда, когда взлетел на хребет и подбежал к обрыву. Едва придя в себя, Сюань-цзан осмотрелся и увидел впереди сосновую рощу, а в ней несколько величественных строений.

Величавые здания высились
Возле самых зеленых гор,
Изумрудный лес кипарисовый
Над воротами ветви простер.
На ветвях, широко разбросанных,
Древних сосен хвоя густа,
Много-много цветов бледно-розовых
В потаенных местах у моста;

И бамбук молодой в отдалении
Протянулся за рядом ряд,
И могучие краски осенние
В хризантемах диких горят.

Вдоль усадьбы стена квадратная —
Вся из белого кирпича,
И вокруг тишина благодатная,
И покой дворцов величав;
Отдыхают крестьяне свободные,
В амбары убрав урожай,
И в хлевах не кричат животные,
И не слышен собачий лай...[1]

И вот, когда Сюань-цзан, осадив коня, осматривал открывшуюся перед ним картину, подошли Сунь У-кун и его товарищи.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Все благополучно, учитель? — спросил Сунь У-кунь.

— Мерзкая ты обезьяна,— сердито сказал Сюань-цзан. — Конь от испуга так помчался, что я едва не свалился на землю.

— Не ругайте меня, учитель,— сказал улыбаясь Сунь У-кун. — Это все Чжу Ба-цзе. Он сказал, что конь идет очень медленно, вот я и решил доказать ему, что конь может бегать и быстрее.

Стараясь поспеть за конем, Чжу Ба-цзе выбился из сил и, запыхавшись, возмущенно крикнул:

— Ладно! Хватит! Вот уж поистине: заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет! Ноша моя и так тяжела, а ты еще заставляешь меня гнаться за конем!

— Ну, вот что, ученики мои,— сказал тут Сюань-цзан. — За той стеной находится поместье, хорошо было бы остановиться здесь на ночлег.

Сунь У-кун быстро поднял голову и, присмотревшись, увидел облака, они окутывали поместье своим радужным сиянием. Сунь У-кун сразу же понял, что это место, отмеченное Буддой, но, не желая раскрывать тайны неба, промолвил:

— Вот и замечательно! Пойдем попросимся на ночлег!

Сюань-цзан поспешил сойти с коня и, подойдя к воротам с аркой, увидел на них резьбу. Перекладины ворот были украшены резными цветами лотоса и хоботом слона. Ша-сэн опустил свою ношу на землю. А Чжу Ба-цзе, подходя, сказал:

— Тут, несомненно, живут богатые люди.

Сунь У-кун хотел было войти во двор, но Сюань-цзан остановил его.

— Погоди! Мы с тобой монахи и не должны вызывать подозрений. Не надо входить без разрешения, подождем пока кто-нибудь выйдет и попросим пустить нас переночевать.

Чжу Ба-цзе привязал коня, а сам прислонился к стене. Сюань-цзан сел на каменный барабан, а Сунь У-кун с Ша-сэном устроились у основания башни. Прошло довольно много времени, но из дома никто не показывался. Тогда нетерпеливый по натуре Сунь У-кун, не выдержав, вскочил на ноги и вошел во двор. Осмотревшись, он увидел прежде всего помещение из трех комнат, обращенных на юг. Дверные занавески были высоко подняты. На стоявшей перед дверьми ширме висели картины с изображением горы, символизирующей долголетие, и моря, означавшего счастье. С двух сторон стояли два покрытых лаком с золотой инкрустацией столба, на которых также висели свитки с новогодними пожеланиями счастья и благополучия. На свитках были надписи: «Вечером у ровного моста летает нежный пух ивы. Лепестки ароматной сливы падают словно снег; в маленький дворик пришла весна». Посредине стоял черный полированный столик для возжигания благовоний, а на нем древняя медная курильница с изображением сына дракона.

У стола были расставлены шесть стульев. На восточной и западной стенах двора висели свитки с изображением четырех времен года.

И вот, когда Сунь У-кун украдкой рассматривал все это, за дверью послышались шаги и вышла женщина средних лет.

— Кто осмелился вторгнуться в дом вдовы? — спросила она нежным голосом.

Сунь У-кун поспешил приветствовать ее и громко сказал:

— Я, скромный монах, прибыл из Китая, страны великих Танов. По высочайшему повелению мы следуем на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Нас четверо. И вот, поскольку ваш дом лежит на нашем пути, а время уже позднее, мы и решили попроситься к вам на ночлег.

— А где же ваши спутники, духовный отец? — улыбаясь спросила женщина. — Пригласите их сюда.

— Учитель, вас приглашают войти! — громко позвал Сунь У-кун.

Сюань-цзан, в сопровождении Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, вошел во двор. Чжу Ба-цзе вел коня, а Ша-сэн нес вещи. Увидев женщину, Чжу Ба-цзе не мог оторвать от нее жадного взгляда. А как роскошно она была одета!

На одеянье из зеленого холста
Затейливый узор искусно выткан,
И юбка шелковая с бантами желта,
И розова просторная накидка.
На каблуке изящном и высоком,
Был башмачок прекрасен, как цветок,
Сквозь черный легкий газовый платок
Небрежно выбивался крупный локон.
Слоновая — прекрасна гребня кость,
Она, как жемчуг, радугой сверкала,
И, чтоб сдержать прическу наискось,
Вдова узорных шпилек ряд втыкала...
Прекрасна без румян и без белил,
Стан стройность сохранил и грациозность,
И кто бы на земле определил,
Насколько юн богини этой возраст? [1]

Увидев путников, женщина радостно приветствовала их и пригласила войти в дом. Когда была закончена церемония с поклонами, хозяйка велела подать чай. Тотчас же из-за перегородки вышла девушка-служанка с длинной косой. Она несла золотой поднос с чашками из белоснежного нефрита. Из чашек шел душистый аромат. На подносе лежали также удивительно душистые, редкие плоды. Женщина, не стесняясь, засучила рукава, обнажив нежные, как весенние побеги бамбука, руки. Затем, высоко держа чашку, она с поклоном поднесла чай каждому из гостей, после чего приказала приготовить трапезу.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

113-1

— Простите, уважаемая благодетельница,— промолвил Сюань-цзан, подняв для приветствия руки, — можно ли узнать вашу драгоценную фамилию и откуда вы родом?

— Это — район восточной Индии, — отвечала хозяйка. — Моя девичья фамилия — Цзя, а по мужу я Мо. С малых лет меня преследовал злой рок. Я рано потеряла родителей и хозяйство перешло к нам с мужем. Мы имели довольно большое состояние, тысячу циней[1] земли, но нам не повезло. Родились три дочери, а сына не было. А в позапрошлом году меня постигло еще большее несчастье — умер муж, и вот уже год, как я вдовствую. В этом году закончился срок моего траура. У нас нет никаких родственников, и все имущество и земля пропадают попусту. Я хотела вторично выйти замуж, но жаль расставаться со своим добром. Вот если бы я и мои дочери могли выйти замуж, не расставаясь с домом! На наше счастье к нам прибыли вы, духовный отец. Вместе с учениками вас четверо. Как было бы хорошо, если бы вы взяли нас в жены: получилось бы четыре супружеские пары. Не знаю только, согласитесь ли вы?

Сюань-цзан сделал вид, что он глух и нем и, закрыв глаза, сидел, сохраняя полное спокойствие, не отвечая на вопрос хозяйки.

— У нас более трехсот му [2] поливных полей, — продолжала хозяйка, — свыше трехсот циней богарной земли и триста с лишним циней фруктовых садов в горах. Кроме того, у нас есть более тысячи волов, много мулов и лошадей, а свиней и овец не перечесть. Помимо всего этого, у нас разбросано по сенокосам не меньше семидесяти заимок. Хлеба у нас хватит лет на девять. А шелков, разной материи и одежды за десять лет не износить. Золота и серебра хватит на всю жизнь. Как говорится, расшитые пологи затемняют собою красоту весны. А о разных там золотых украшениях и говорить не приходится. Так что если бы вы, духовные отцы, согласились остаться в нашем доме, то жили бы в полном довольствии. Это, пожалуй, лучше, чем идти на Запад и претерпевать различные трудности.

Сюань-цзан сидел неподвижно и молчал.

— Я родилась в третий день третьей луны. Мой покойный муж был старше меня на три года. В этом году мне исполнилось сорок пять лет. Мою старшую дочь зовут Чжэнь-чжэнь, ей двадцать лет. Второй — Ай-ай — восемнадцать, и младшей — Лянь-лянь — шестнадцать. Ни одна из них не помолвлена. Сама-то я уже не могу похвалиться красотой, зато про дочек смело скажу, что они у меня красавицы. Руки у них золотые. Они умеют и шить и вышивать, в общем, за какое дело ни возьмутся — непременно справятся. Поскольку у нас с мужем не было сыновей, мы их воспитывали как мальчиков. С детства обучили конфуци-

---

[1] Ц и н — мера земли в 100 му, около 6,15 гектара.

[2] Один му равен 0,061 гектара.

анским книгам, они научились читать и писать стихи. Несмотря на то что мы живем в глухих местах, мы все же не совсем невежественны и могли бы составить вам достойную партию. Так вот, почтенный отец! Если вы вернетесь в мир и станете хозяином в этом доме, вы будете носить шелковые халаты. Это, пожалуй, лучше, чем ходить с глиняной чашей для подаяния, носить черную рясу и соломенные башмаки или шляпу из бамбука.

Сюань-цзан, восседавший на почетном месте, был похож на ребенка, напуганного громом, или, еще лучше, на лягушку, попавшую под дождь. Он был потрясен и не мог даже смотреть хозяйке в глаза. Между тем Чжу Ба-цзе, услыхав о таких богатствах и красоте дочерей, вертелся, словно сидел на иголках, и не мог сдержать волнения. Наконец он не вытерпел и, подойдя к учителю, дернул его за рукав.

— Учитель! Почему вы с таким пренебрежением относитесь к тому, что говорит эта женщина. Мне кажется, следовало бы прислушаться к ее словам.

Тогда Сюань-цзан резко поднял голову и с презрением оттолкнул от себя Чжу Ба-цзэ.

— Ты грязная тварь! — гневно крикнул он. — Можем ли мы, отрешившись от суетного мира, прельщаться богатством и красотой? На что же это будет похоже!

— А жаль, очень жаль! — улыбаясь сказала хозяйка. — Что хорошего в монашеском обете?

— Послушай, уважаемая, что хорошего у вас, мирских людей? — спросил в свою очередь Сюань-цзан.

— Присядьте, учитель, — промолвила хозяйка,— я расскажу вам, какие радости испытывают люди. Об этом написано в стихах:

Когда весною новый шелк готов,
Бери себе для платья ткань любую,
Чтобы гулять все лето вдоль прудов,
Цветеньем ярких лотосов любуясь.
Собрав с полей прилежно спелый рис,
Готовь вино, когда приходит осень,
Зимою в доме теплом затворись,
Чтоб пировать, заботы прочь отбросив.
И все для жизни безмятежной даст
Тебе рукою щедрою природа,
Полны столы изысканнейших яств
У нас в домах в любое время года.
Наш сон при огоньках цветных свечей
В шелках постели пышной непробуден,
Счастливым, нам тащиться вдаль зачем,
Чтоб в странах дальних поклониться Будде? [1]

— Все это прекрасно, уважаемая благодетельница, — отвечал Сюань-цзан. — Хорошо, что у вас, мирян, изобилие и

[1] Стихи в обработке В. Гордеева

богатство, что у вас вдосталь еды и одежды и что мужчины и женщины живут в браке. Но наша монашеская жизнь имеет свои достоинства и, если хотите, я тоже могу прочесть вам стихи:

Возвышенную цель
Перед собою

Поставь —
И прежний храм любви отринь.

Не увлекайся
Внешней суетою,

А постигай прилежно
«Ян» и «Инь».

Окончив подвиг,
С сердцем просветленным

Увидишь в небе
Золотой чертог,

Но станет, смерть приняв,
Мешком зловонным

Тот, кто познаньем мира
Пренебрег [1].

— Ах ты грязный и бесцеремонный монах! — выслушав его, закричала разгневанная хозяйка. — Если бы ты пришел не из такой далекой страны, как Китай, я выгнала бы тебя вон. Я с чистым сердцем и добрыми намерениями предложила вам стать хозяевами в этом доме, а ты в ответ на это начинаешь оскорблять меня. Ну ладно, ты сам принял постриг, дал обет и решил никогда не возвращаться в мир, но, может быть, кто-нибудь из твоих учеников согласится остаться у нас? Почему ты так строг?

Желая успокоить хозяйку, Сюань-цзан примирительно сказал.

— Ну что ж, Сунь У-кун, оставайся здесь!

— Нет,— отвечал тот. — Я никогда не имел отношения к такого рода делам. Пусть Чжу Ба-цзе остается.

— Нечего издеваться,— рассердился Чжу Ба-цзе. — Мы поговорим об этом более подробно.

— Ну, раз вы оба отказываетесь,— сказал Сюань-цзан, — тогда, может быть, оставим здесь Ша-сэна?

— Как можно так говорить, учитель, — возмутился Ша-сэн.— Я ведь был обращен на путь Истины самой бодисатвой, принял постриг и дождался вашего прихода. Когда же вы взяли меня к себе в ученики, вы милостиво дали мне свои наставления. Не прошло еще и двух месяцев, как я следую за вами, я не сделал еще и половины того, что мне положено, чтобы искупить свою

[1] Стихи в обработке В. Гордеева

вину, как же смею я думать о богатстве и роскоши? Нет, я ни за что не совершу столь постыдного поступка и уж лучше погибну, но последую за вами в Индию.

После этого хозяйка резко повернулась, ушла за перегородку и с шумом захлопнула дверь. Учитель остался один со своими учениками. Никто больше не предлагал им чаю, не приглашал покушать. Больше всех волновался Чжу Ба-цзе.

— Своими словами вы все дело испортили, учитель, — начал он ворчать. — Вы бы хоть сделали вид, что соглашаетесь. Тогда они угостили бы нас, и мы неплохо провели бы этот вечер. А потом уж могли поступить, как нам заблагорассудится. Сейчас же все пути нам отрезаны, и мы проведем эту ночь у холодного очага. Разве хорошо это?

— Дорогой брат, — сказал Ша-сэн. — А может быть, ты все же останешься тут и станешь ее зятем?

— Ну вот что, брат,— сказал Чжу Ба-цзе. — Нечего смеяться надо мной. Давайте лучше как следует обсудим все.

— А что же тут обсуждать, — сказал Сунь У-кун. — Если ты согласен остаться здесь, то попроси учителя быть твоим сватом, пусть он скажет хозяйке, что ты желаешь породниться с ней. Здесь столько всякого добра, и уж конечно они смогут одеть тебя как следует и устроят по этому случаю роскошный пир. И нам кое-что перепадет, и ты вернешься в мир, так что во всех отношениях будет хорошо.

— Да, все это как будто правильно, — нерешительно произнес Чжу Ба-цзе,— но что же это получается: то я ухожу из мира, то снова возвращаюсь туда, то развожусь, то опять женюсь?

— Так у тебя, дорогой брат, оказывается, есть жена? — с удивлением спросил Ша-сэн.

— Ты ничего не знаешь,— заметил Сунь У-кун.— Ведь он был в Тибете зятем почтенного Гао из деревни Гаолаочжуан. Затем его наставила на путь Истины бодисатва, потом я его усмирил, и ему не оставалось ничего другого, как постричься в монахи. Он оставил жену и согласился сопровождать учителя на Запад. Ну, а поскольку он расстался со своей женой давно, то теперь ему в голову лезут всякие скверные мысли. Вот почему он, выслушав хозяйку, так загорелся. Дурень, — обратился Сунь У-кун к Чжу Ба-цзе, — иди в зятья. Но прежде поклонись мне как следует, да не один раз. Тогда я уж, так и быть, препятствовать не стану.

— Ну что ты болтаешь! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Каждый из вас не прочь остаться здесь, а строите из себя скромников и на одного меня нападаете. Ведь недаром говорится: «Монах — что похотливый дьявол». Кто же откажется от этого? А вы стараетесь выдать себя бог знает за кого. Сегодня мы чаю, надо полагать, не дождемся, да и огня у нас нет. Но это ничего, одну ночь как-нибудь перебьемся, а вот коню завтра снова придется везти

на себе ездока и, если его не покормить, он будет пригоден только на то, чтобы содрать с него шкуру. Так что вы сидите здесь, а я пойду попасу коня.

С этими словами Дурень со злостью отвязал поводья.

— Ша-сэн! — сказал Сунь У-кун. — Побудь с учителем, а я пойду посмотрю, где он будет пасти коня.

— Иди, — сказал Сюань-цзан, — только смотри не издевайся над ним.

— Ладно!

Выйдя из дома, Великий Мудрец встряхнулся и, превратившись в красную стрекозу, вылетел за ворота. Нагнав Чжу Ба-цзе, он увидел, что тот и не собирался искать хорошего пастбища. Подгоняя коня, Чжу Ба-цзе обошел усадьбу кругом и подошел к задним воротам. Здесь хозяйка с дочерьми любовалась орхидеями. При появлении Чжу Ба-цзе девушки тотчас же скрылись в доме.

— Куда это вы направились, почтенный монах? — спросила хозяйка.

Дурень выронил из рук поводья и, приветствуя женщину, сказал:

— Да вот вышел попасти коня.

— Какой-то непонятный человек ваш учитель, — продолжала женщина. — Ведь остаться в моем доме куда лучше, чем быть странствующим монахом и идти на Запад.

— Видите ли, они идут по приказу самого Танского императора и не решаются нарушить его волю. Вот только сейчас они насмехались надо мной, поставили меня в неудобное положение и даже вызвали во мне некоторые сомнения. Боюсь только, что со своей длинной мордой и огромными ушами не понравлюсь вам.

— Никакой неприязни к вашей наружности я не испытываю, — отвечала женщина. — У нас в доме нет хозяина, а он нам очень нужен. Не знаю только понравитесь ли вы моим дочерям.

— Да вы скажите дочерям, пусть не смотрят только на внешний вид, — сказал Чжу Ба-цзе. — Чрезмерная разборчивость ни к чему. Возьмите, например, нашего Танского монаха. С виду он красавец, а на что годится? А я хоть и безобразен, зато обо мне даже стихи сложили.

— А что в этих стихах говорится? — спросила женщина.

— А вот что, — отвечал Чжу Ба-цзе.

Хотя слыву я существом
Нечистым и ничтожным,
Мне трудолюбием своим
Все ж похвалиться можно.

Не нужен сильный вол — со мной
Сравнится ли скотина?
Могу вспахать я целину
На много тысяч цинов.

Едва лишь граблями взмахну,
Как всем на удивленье
Взойдут из брошенных семян
Чудесные растенья.

Коль нет дождя — я упрошу,
И сильный дождь польется,
Коль нужен ветер — покричу,
И ветер отзовется...

Везде проникну, все пройду,
Все на земле открою,
Лягнув небес могучий свод,
Колодец вмиг отрою...

Хотя слыву я существом
Нечистым и ничтожным,
Мне трудолюбием своим
Все ж похвалиться можно [1].

— Если вам действительно хочется заняться хозяйством,— сказала женщина, — то пойдите еще раз посоветуйтесь со своим учителем. Если он не будет возражать, я согласна взять вас в зятья.

— А что мне с ним советоваться,— отвечал Чжу Ба-цзе. — Он мне не отец. Я и сам знаю, что делать.

— Ладно,— согласилась женщина. — Я сейчас поговорю с дочерьми.

С этими словами она ушла в дом, с шумом захлопнув за собой дверь. А Чжу Ба-цзе, который и не думал даже пасти коня, подвел его к дому. Он, конечно, не подозревал, что Сунь У-кун все видел и слышал. А Сунь-У-кун тотчас же полетел назад, принял свой обычный вид и, представ перед Сюань-цзаном, сказал:

— Учитель, а ведь Чжу Ба-цзе все-таки увел коня! [2]

— Ну, если бы он не вел его на поводу, конь мог бы легко сбежать, — отвечал Сюань-цзан.

Тут Сунь У-кун рассмеялся и передал во всех подробностях разговор хозяйки с Чжу Ба-цзе. Сюань-цзану трудно было поверить всему этому. Немного погодя они увидели, как Дурень привел коня и привязал его.

— Ну что, попас коня? — спросил учитель.

— Да здесь даже хорошей травы нет,— отвечал тот.

— Где попасти коня ты не нашел, а вот куда привести его, нашел место, — заметил Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе понял, что тайна его раскрыта, и, опустив голову, молчал. Вскоре скрипнула входная дверь, появились две пары красных фонарей, курильница и наконец сама хозяйка. Она благоухала, украшения звенели. Вместе с ней вы-

---

[1] Перевод стихов И. Голубева.

[2] Здесь игра слов: вести коня на поводу значит — свататься.

шли все три дочери: Чжэнь-чжэнь, Ай-ай и Лянь-лянь. Она велела девушкам приветствовать паломников за священными книгами. Девушки встали в ряд и почтительно поклонились. Поистине это были писаные красавицы.

Их дивная застенчивость влечет
Людей завороженные сердца,
И тонкие нефритовые брови,
Темны, как будто мотыльков пыльца.
Взгляни — и прелесть их прозрачных лиц
Тебя дыханием весны обдаст,
Нет красоте божественной границ —
Она смиряет силу государств.
Обилье украшений головных
В подобранных изящно волосах.
И вьются, отгоняя пыль от них,
Расшитые искусно пояса.
Их нежная улыбка хороша,
Как розоватых персиков расцвет,
Когда они проходят не спеша,
Все ароматы веют им вослед.
Сгибались, колыхались на ходу
С покорностью к ручью склоненных ив,
Чу* славную в преданьях красоту
И Си-цзы * прелесть тонкую затмив.
И равномерно колыхаясь в такт
Их необычно маленьким шагам,
Большие шпильки наклонялись так,
Что пробегал огонь по жемчугам.
Не с неба ли девятого сошли,
Сияя красотою неземной?
Возможно, ради страждущей земли
Чан Э* рассталась с золотой луной? [1]

Увидев их, Сюань-цзан сложил ладони рук и, опустив голову, начал молиться. Великий Мудрец Сунь У-кун не обращал на них ни малейшего внимания, а Ша-сэн и вовсе повернулся к ним спиной. Но что творилось с Чжу Ба-цзе! Он не мог оторвать глаз от красавиц, находился в полном смятении и был обуреваем греховными помыслами и страстями. От крайнего волнения он едва слышным голосом проговорил:

— Благодарение небу, что бессмертные небожительницы сошли с неба. Мамаша, уведите, пожалуйста, ваших дочерей.

Девушки тотчас же скрылись за ширмами, оставив пару шелковых фонарей.

— Почтенные отцы духовные, — сказала тут хозяйка. — Кто из вас пожелал бы остаться и взять в жены моих дочерей?

— Мы уже советовались на этот счет, — сказал Ша-сэн, — и решили оставить здесь Чжу Ба-цзе.

— Брат, не смейся надо мной. Опять вы разыгрываете меня.

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Какие тут еще насмешки! — воскликнул Сунь У-кун. — Ведь ты уж обо всем договорился. Ты даже называл хозяйку мамашей. Учитель будет посаженым отцом, хозяйка — матерью, я — поручителем, а Ша-сэн — сватом. Сегодня как раз счастливый день. Поклонись учителю и оставайся здесь.

— Нет, так не пойдет! — запротестовал Чжу Ба-цзе. — Кто же поступает так в подобных случаях?

— Ну, вот что, Дурень! — сказал Сунь У-кун. — Нечего притворяться! Ведь сколько раз ты назвал хозяйку «мамашей», зачем же говорить, что из этого ничего не получится? Соглашайся поскорее, и веди нас к свадебному столу, так-то оно лучше будет.

С этими словами он одной рукой схватил Чжу Ба-цзе, а другой — хозяйку и сказал:

— Дорогая матушка, введите зятя в свой дом.

Дурень совсем растерялся и не знал, что делать, — то ли идти за хозяйкой, то ли оставаться здесь. В этот момент хозяйка позвала слугу.

— Расставьте столы и стулья! — приказала она. — И приготовьте ужин в честь этих почтенных монахов. А я уведу своего зятя в дом.

Затем она велела повару заняться приготовлением свадебного пира, который решила устроить на следующий день. Слуги поспешили выполнить распоряжение хозяйки. Вскоре трое паломников поужинали и, быстро расстелив свои постели, улеглись спать в гостиной, но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся лучше к Чжу Ба-цзе. Следуя за тещей, он прошел уже бесчисленное количество комнат. Шел он неуверенно, спотыкаясь на каждом пороге.

— Мамаша, — взмолился он наконец, — идите помедленнее. Дорога для меня незнакомая и вы уж, пожалуйста, помогите мне.

— Мы прошли только кладовые, склады, крупорушку и другие хозяйственные помещения,— сказала хозяйка. — И даже не дошли до кухни.

— Какой у вас громадный дом! — поразился Чжу Ба-цзе и снова поплелся, наощупь находя повороты и огибая углы.

Они долго шли, пока наконец не очутились у жилых помещений.

— Дорогой зять,— промолвила хозяйка. — Твой старший брат сказал, что сегодня счастливый день для бракосочетания, и велел мне ввести тебя в свой дом. Но все это произошло как-то неожиданно, мы не успели даже позвать гадальщика, не поклонились перед домашним алтарем и не совершили свадебного обряда. Так что сейчас ты должен совершить хотя бы восемь поклонов.

— Вы совершенно правы, мамаша,— согласился Чжу Ба-цзе. — Прошу вас сесть и принять мои поклоны. Но я думаю, что

для экономии один поклон можно будет считать за два — один поклон алтарю, а другой вам, в благодарность за то, что вы согласились породниться со мной.

— Ну ладно, ладно,— засмеялась женщина. — Вот ведь какой экономный зять мне попался. Я сяду, а ты совершай поклоны.

И что тут только было! Зал ярко сиял в серебряном свете свечей. Дурень начал отбивать поклоны.

— Мамаша,— сказал он, кончив отбивать поклоны,— а какую из дочерей вы отдаете мне в жены?

— Не знаю, что и делать,— сказала тут хозяйка. — Я хотела бы выдать за тебя старшую, но боюсь, что рассердится вторая. Если же отдать за тебя вторую, станет сердиться третья. А если отдать младшую, опять же рассердится старшая. Вот я и не могу решить.

— Мамаша, — сказал Чжу Ба-цзе,— если вы боитесь, что начнутся раздоры, отдайте за меня всех трех, и все будет в порядке.

— Что за вздор ты несешь! Ведь нельзя жениться на всех сразу!

— А почему бы и нет? — возразил Чжу Ба-цзе. — Да у кого не бывает трех жен или четырех наложниц? Пусть даже их было бы больше, я охотно согласился бы. С молодых лет питаю пристрастие к женскому полу и ручаюсь, что угожу каждой из них.

— Нет, это не дело,— сказала хозяйка. — Сделаем вот как: ты завяжешь себе глаза вот этим платком и устроим гаданье. Я позову дочерей, они будут проходить мимо тебя. Ты протянешь руки и которая из них попадется тебе в руки, та и будет твоей женой.

Дурень согласился, взял платок и завязал глаза.

— Ну, мамаша, зовите дочерей!

— Чжэнь-чжэнь! Ай-ай! Лянь-лянь! — позвала хозяйка.— Сейчас жених будет гадать: на кого падет выбор, та и выйдет за него замуж.

Зазвенели украшения, вокруг разлился чудесный аромат, словно сами небожительницы спустились на землю. Дурень протянул руки, стараясь поймать одну из них, бросался то в одну, то в другую сторону, но все безуспешно. Он слышал лишь шорох, когда женщины проходили мимо него. Побежит в одну сторону, хватает столб, ринется в другую, наткнется на стену. У него даже закружилась голова, и он едва держался на ногах. От ударов и толчков у него распухла морда и вся голова была в шишках. Наконец, едва переводя дух, он опустился на пол и сказал:

— Ваши дочери чересчур хитры. Ни одной из них я не могу поймать. Что же делать?

Тогда женщина сняла с его глаз повязку и сказала:

— Нет, дорогой зять, дело не в том, что они хитры, просто ни одна из них не хочет обижать другую.

— Тогда вот что, мамаша, — сказал Чжу Ба-цзе. — Раз они не хотят, выходите вы за меня.

— Дорогой зятек! — воскликнула хозяйка. — Где же это видано— на теще жениться! Мои дочери от природы очень умные. Каждая из них вышила жемчугом рубашку. Может, какая-нибудь подойдет тебе, тогда ту дочь, которая сделала ее, возьмешь себе в жены.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Давайте сюда рубашки, я попробую их надеть и если надену все сразу, то на всех дочерях и женюсь.

Хозяйка пошла в комнату, вынесла оттуда рубашку и передала ее Чжу Ба-цзе. Дурень снял с себя черный халат и натянул рубашку. Однако не успел он повязаться поясом, как тут же рухнул на пол. Оказалось, что он крепко-накрепко связан веревками. Тело его нестерпимо ныло от боли, а женщины куда-то исчезли.

В этот момент Сюань-цзан, Сунь У-кун и Ша-сэн проснулись, словно от какого-то толчка. На востоке занимался рассвет. Подняв голову, они внимательно осмотрелись кругом и не увидели ни домов, ни колонн с резьбой. А спали они в лесу среди сосен и кедров. Сюань-цзан, совершенно растерявшись, позвал Сунь У-куна.

— Дорогой брат! Хватит спать! — воскликнул Ша-сэн. — Мы встретились с нечистой силой!

— Почему ты так думаешь? — спросил улыбаясь Сунь У-кун. Он прекрасно понимал, что произошло.

— Да ты посмотри, где мы спали, — сказал Сюань-цзан.

— Ну что ж, — сказал Сунь У-кун. — Мы неплохо провели ночь в этом сосновом лесу. Не знаю только, куда в наказанье поместили нашего Дурня, — добавил он.

— О каком наказании ты говоришь? — спросил Сюань-цзан.

— Женщины, которых мы видели вчера здесь, бодисатвы, правда, я не знаю, какие именно,— сказал Сунь У-кун. — Явившись к нам, они приняли человеческий облик, а в полночь, вероятно, исчезли. Но вот Чжу Ба-цзе пришлось понести наказание.

Услышав это, Сюань-цзан сложил ладони рук и почтительно поклонился. В этот момент они увидели развевающуюся на сучке старого кедра полосу бумаги. Ша-сэн бросился туда и, взяв бумагу, передал учителю. Там было восемь строф.

И вот, когда Сюань-цзан со своими учениками читал эти строфы, из глубины леса донесся отчаянный крик:

— Отцы мои! Меня связали, погибаю! Спасите! Я никогда больше не осмелюсь так поступать!

— Сунь У-кун! — сказал Сюань-цзан. — Уж не Чжу Ба-цзе ли это кричит?

— Конечно, он,— подтвердил Ша-сэн.

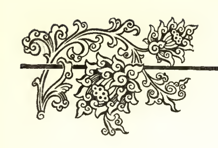
— Не обращай внимания, брат,— сказал Сунь У-кун. — Надо трогаться в путь!

— Этот Дурень, конечно, закоренелый упрямец,— промолвил Сюань-цзан. — Но все же он правдивый парень. К тому же он силен и несет наши вещи. В свое время бодисатва не оставила его своей милостью. Я думаю, что надо помочь ему и взять его с собой. Впредь он, пожалуй, не будет делать ничего предосудительного.

Ша-сэн свернул постель и собрал вещи. Сунь У-кун подвел Сюань-цзану коня, тот сел на него, и они отправились в глубь леса.

Однако, если вас интересует, что случилось потом с Чжу Ба-цзе, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как великий праведник с горы Ваньшоушань задержал своего старого друга и как Сунь У-кун украл плоды дерева жизни в монастыре Учжуангуань

И вот три паломника вошли в лес и увидели там Дурня, который был привязан к дереву и громко стонал от боли. Подойдя к нему, Сун У-кун язвительно сказал:

— Ну что, прекрасный зятек! Так поздно, а ты еще не встал. Ведь надо поблагодарить родителей невесты и сообщить учителю о счастливом событии. Что же ты возишься со своими узлами? А где же теща, жена где?!

Дурень не знал, куда деваться от стыда и, стиснув зубы, старался превозмочь нестерпимую боль. Ша-сэн пожалел его и, опустив коромысло с вещами, освободил от веревок. Чжу Ба-цзе молчал, не переставая кланяться.

О том, как все это происходило, в сборнике «Сицзянюе» есть стихи.

Наносим мы смертельные удары
По собственным телам мечом страстей,
Разряженной красотки юной чары
Любого духа злобного страшней.
Стремиться к мелким выгодам не стоит,
Нет счастья в наполнении мошны,
Для сохраненья внутренних достоинств
Мы в строгости себя блюсти должны [1].

Чжу Ба-цзе сгреб в кучку листья и, возжигая благовония, поклонился небу.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Ты узнал этих бодисатв? — спросил его Сунь У-кун.

— Как мог я узнать? У меня перед глазами пошли огненные круги, и я упал без сознания.

Тогда Сунь У-кун передал ему снятую с дерева полоску бумаги. Прочитав ее, Чжу Ба-цзе ощутил еще больший стыд.

— Ну что, брат, — сказал со смехом Ша-сэн, — видишь, как тебе повезло!

— Не говори об этом, брат. Я и так презираю себя! — сказал Чжу Ба-цзе. — Вперед не стану поступать так безрассудно. Пусть кости мои трещат, пусть плечи покроются мозолями от ноши, я буду следовать за учителем.

— Вот теперь ты правильно рассуждаешь, — промолвил Сюань-цзан.

И они двинулись дальше. Сунь У-кун вывел всех на дорогу. Они шли довольно долго и вдруг перед ними выросла огромная гора. Остановив коня, Сюань-цзан сказал:

— Ученики мои! Надо быть начеку. Может быть, на этой горе живут волшебники, которые могут причинить нам вред.

— Вам нечего бояться, учитель, — успокоил его Сунь У-кун, — ведь ваши ученики рядом с вами.

Не тревожась больше, Сюань-цзан двинулся дальше. Однако вы послушайте, какая это была замечательная гора:

Не видно конца к небесам устремившимся скалам,
Утесы над пропастью мрачною нагромоздились,
К хребту Куэнь-луня гора вдалеке примыкала,
В Небесную реку вершины ее погрузились.
Спускались порой журавли на верхушки акаций,
Слепящее солнце пронзало лесные туманы,
На свежих зеленых полянах устав кувыркаться,
На длинных лианах качались крича обезьяны.
И ветер рождался в ущельях сырых и тенистых,
И ввысь устремясь, вызывал облаков колыханье...
И щебет невидимой птицы в зеленом бамбуке,
И в дикой душистой траве поединки фазаньи...
И венчики слив на зеленых нагорьях раскрылись,
И склоны покрыл розоватый и цепкий шиповник,
Простерся чудесным ковром фиолетовый ирис,
Был певчими птицами лес заповедный наполнен...
В глубоких и мрачных пещерах жилище Цилиня,
Которому звери с покорностью повиновались,
И горные реки меж скал, в благодатной долине
Прозрачную воду неспешно струя, извивались...[1]

— Ученики мои! — восторженно воскликнул Сюань-цзан. — Мы долго шли, встречая на своем пути немало высоких гор и опасных рек. Но ни одна из них по красоте не может сравниться с этой горой. Это поистине удивительная гора! Может быть, до храма Раскатов грома уж не так далеко, тогда нам нужно как следует подготовиться, чтобы предстать перед Буддой!

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

— Рановато,— сказал смеясь Сунь У-кун. —Путь еще нам предстоит долгий!

— Дорогой брат! Сколько же осталось до храма Раскатов грома? — спросил Ша-сэн.

— Сто восемь тысяч ли, — отвечал Сун У-кун. — Из десяти перевалов мы не сделали пока и одного.

— Сколько же лет нужно идти, чтобы добраться туда, дорогой брат? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Вы, братья мои, сможете проделать этот путь дней за десять. Я за один день могу пятьдесят раз обойти вокруг земли и все время буду видеть солнце. А вот об учителе трудно что-нибудь сказать.

— Когда же, по-твоему, мы придем? — спросил Сюань-цзан.

— Если бы вы отправились в путь еще ребенком и шли до самой старости, а потом снова стали бы молодым и так повторялось бы тысячу раз, то и за это время трудно было бы дойти. Но вам я вот что скажу. Храните чистые помыслы и искренне молитесь о том, чтобы благополучно вернуться обратно, только тогда вы достигнете священной горы Линшань.

— Дорогой брат, — сказал Ша-сэн. — Хоть здесь и не расположен храм Раскатов грома, но в этих удивительно красивых местах, несомненно, живут хорошие люди.

— Это, конечно, верно, — подтвердил Сунь У-кун. — Здесь нет злых духов и обитают только монахи и небожители. Пойдемте потихоньку.

Оставим пока наших путников и посмотрим, что представляла собой гора Ваньшоушань. Здесь находился монастырь под названием Учжуангуань. В этом монастыре проживал преподобный старец, даосское имя которого было Чжэнь Юань-цзы, а прозвище — Юй Ши Тунцзюнь. В монастырском саду росло священное дерево, появившееся в период первобытного хаоса, когда земля и небо еще не были отделены друг от друга. Лишь на одном из четырех материков, на материке Синюхэчжоу, росло такое дерево. Называлось оно «Дерево жизни». Это дерево цвело раз в три тысячи лет. Еще через три тысячи лет на нем завязывались плоды и только через последующие три тысячи лет плоды созревали. Таким образом лишь через десять тысяч лет можно было вкушать плоды этого дерева. Вызревало всего тридцать плодов. Каждый плод походил на новорожденного младенца. У него были четыре конечности и все пять органов чувств. Тот, кому посчастливится ощутить аромат этого плода, может прожить до трехсот шестидесяти лет, кому же выпадет счастье съесть такой плод, тот живет до сорока семи тысяч лет.

В тот день праведник Чжэнь Юань-цзы получил приглашение от Высшего даосского божества во дворец Мило, расположенный в высших небесных сферах, слушать проповедь «Пути и следствия хаотического начала». Надо вам сказать, что этот праведник воспитал бесчисленное количество учеников, но многих при нем уже

не было. Осталось всего сорок восемь человек, в совершенстве познавших Истину. Захватив с собой сорок шесть учеников, праведник отправился слушать проповедь. Самых младших учеников он оставил дома. Одного из них звали Цин-фын — Чистый ветер, другого — Мин-юе — Ясная луна. Цин-фыну было всего тысяча триста двадцать лет, а Мин-юе только что исполнилось тысяча двести.

Отправляясь из дома, Чжэнь Юань-цзы дал своим послушникам наказ:

— Я не посмел отказаться от приглашения высшего божества и должен отправиться во дворец Мило. Вы оставайтесь здесь и будьте осторожны. На днях здесь будет проходить один мой старый друг, так вы уж постарайтесь как следует принять его. Можете сорвать два плода с дерева жизни и угостить его. Словом, пусть он поймет, что я помню нашу старую дружбу.

— А кто же он, ваш старый друг? — спросили послушники.— Скажите нам, чтобы мы могли устроить ему достойную встречу.

— Это преподобный монах, который служит у Танского императора в Китае. Его духовное имя Трипитака. Сейчас он следует в Индию, чтобы поклониться Будде и получить у него священные книги.

Тут послушники сказали.

— Еще Конфуций говорил: «Если пути Истины различны, нет надобности для сближения». Мы — последователи даосской школы Великого начала, зачем же нам водить дружбу с этим монахом?

— Где уж вам понять это? — сказал праведник. — Этот монах до перерождения был великим человеком и являлся вторым учеником святого Будды на Западе. Я познакомился с ним пятьсот лет назад на пиру в честь спасения бесприютных духов. Он собственными руками поднес мне чай, и сын Будды почтил меня. Вот почему я считаю его своим старым другом.

Тогда послушники выразили готовность выполнить его волю. А праведник, уходя, продолжал давать им наставления.

— Я веду строгий учет этих плодов,— говорил он. — Вы дайте ему два, а больше не расходуйте.

— С тех пор как врата сада были для нас открыты,— сказал Цин-фын,— мы съели всего два плода и на дереве осталось еще двадцать восемь. Мы дадим вашему другу два плода, как вы приказали.

— С Танским монахом мы в дружбе,— продолжал праведник,— но смотрите, как бы не вышло каких-нибудь неприятностей с его спутниками. Надо сделать так, чтобы они ничего не заподозрили.

Послушники обещали выполнить все, как полагается. После этого праведник в сопровождении учеников отправился на небо.

Между тем наши паломники, продолжая путь, вдруг увидели среди соснового леса и зарослей бамбука высокие строения.

— Что это за место? — спросил Сюань-цзан у Сунь У-куна.

— Это монастырь, — внимательно присмотревшись, отвечал Сунь У-кун. — Не то буддийский, не то даосский. Давайте подойдем поближе и посмотрим.

Вскоре они очутились у ворот, где перед ними открылась чудесная картина:

Безмятежностью веяло светлой от склонов,
Вековою сосною покрыты хребты,
На тропинках, бамбуком густым осененных,
Преисполнено все неземной чистоты.
Журавлиные стаи порой пролетали,
Словно в небе плыла облаков череда,
Обезьяны друг с другом делились плодами,
По ветвям пробегая туда и сюда.
И резные ворота средь пышных растений
Отражались в сверкающей глади пруда,
И тянулись травинки из тонких расщелин,
Хоть под ними скала, как железо, тверда...
И повсюду буддийские храмы вздымали.
Прямо в небо шатры черепичные крыш,
И террасы и башни топули в тумане,
И стояла повсюду глубокая тишь...
Здесь вовек суета не терзает мирская,
Дышит полным покоем святая земля,
К добродетельной жизни сердца привлекая,
И в награду познание Дао суля.
Здесь царицы Ван-му доставляя посланья,
Птицы черные в небе лазурном снуют,
Облегчая великого Дао познанье,
Книги Лао-цзы фениксы всем раздают.
Вид хребтов, протянувшихся вдаль, необычен,
От него невозможно глаза оторвать,
Эту землю по праву любой небожитель
Мог своею обителью чистой назвать [1].

Сюань-цзан сошел с коня и, взглянув на ворота, увидел слева табличку с надписью: «Волшебная страна горы долголетия, обиталище небожителей — монастырь Учжуангуань».

— А ведь это действительно даосский монастырь, ученики мои,— сказал Сюань-цзан.

— Учитель,— промолвил Ша-сэн,— этот монастырь так прекрасен, что здесь, несомненно, живут хорошие люди. Давайте войдем и посмотрим, что там делается. Это место мы запомним на всю жизнь и, вернувшись в Китай, будем вспоминать о нем.

— Ты совершенно прав,— согласился с ним Сунь У-кун.

После этого все вошли в первые ворота. На вторых воротах висела надпись, оставшаяся с предыдущего нового года: «Обиталище никогда не стареющих небожителей, счастливая страна вечно живущих даосов».

— Эти даосы такими громкими словами просто хотят запугать людей,— рассмеявшись сказал Сунь У-кун. — Пятьсот лет

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

назад, когда я устроил дебош в небесных чертогах, я не видал ничего подобного даже на воротах дворца самого великого Лао-цзюня.

— А ты не обращай внимания и входи,— посоветовал Чжу Ба-цзе. — Кто знает, может быть, эти даосы действительно имеют какие-нибудь особые заслуги.

И вот, когда они уже вошли во вторые ворота, то увидели двух молодых отроков, быстро идущих им навстречу.

Их облик жизнерадостности полон:
Прически в виде круглого пучка,
Откинулись халатов легких полы,
И вьются перья рукавов слегка.
Тугие пояса у стройных талий,
На пряжке толстой золотой дракон,
И туго верх соломенных сандалий
Затянут тонким шелковым шнурком.
Весь вид их и спокоен и изящен,
И всяк поймет, взглянув на них едва,
По лицам, смертным не принадлежащим,
Что перед ним два юных божества [1].

Низко кланяясь, отроки вышли навстречу гостям и приветствовали их:

— Почтенный учитель! Простите, что мы раньше не вышли встретить вас. Пожалуйста, проходите!

Сюань-цзан был обрадован таким приемом и, следуя за послушниками, прошел в центральный храм, который состоял из пяти залов, с дверьми решетчатыми сверху и глухими снизу. Послушники открыли дверь и ввели Сюань-цзана в зал. На стене висели два огромных разукрашенных иероглифа «Небо и земля». Рядом стоял небольшой жертвенный столик, покрытый красным лаком, с инкрустациями, а на столике — две золотые курильницы и ароматные свечи для возжигания.

Сюань-цзан подошел к столику и зажег свечи. Затем он трижды обошел зал по кругу и, обернувшись, сказал:

— Святые послушники! Ваш монастырь расположен на Священной границе с Западом. Почему же вы не приносите жертвы трем даосским божествам, четырем императорам и всем служителям даосского неба, а лишь возжигаете фимиам Небу и Земле?

— Не станем обманывать вас, учитель,— с улыбкой отвечали послушники,— видите эти два иероглифа: так вот, мы считаем, что поклоняться следует только верхнему. И все это благодаря нашему учителю.

— Что же он сделал? — спросил Сюань-цзан.

— Три даосских божества — приятели нашего учителя,— отвечали послушники. — Четыре императора — его старые друзья. Девять светил — его младшие потомки, а Юань-чэн просто гость.

---

[1] Стихи в обработке В. Гордеева.

Услышав это, Сунь У-кун так расхохотался, что даже упал.

— Слушай, брат! Ты чему смеешься? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Вот все говорят, что я один морочу голову,—отвечал Сунь У-кун. — Но эти отроки врут еще более беззастенчиво.

— А где же ваш учитель? — спросил Сюань-цзан.

— Учитель получил приглашение от высшего даосского божества во дворец Мило, который расположен в высших небесных сферах, и слушает там проповедь «Пути и следствия хаотического начала».

Тут Сунь У-кун не мог сдержать негодования:

— Стыда у вас нет!— крикнул он сердито. — Да перед кем это вы решили выкидывать свои штучки? Нечего хвалиться и молоть всякую ерунду! Да знаете ли вы, какие небожители обитают во дворце Мило? Станут приглашать туда таких скотов, как вы!

Видя, что Сунь У-кун пришел в ярость, и опасаясь скандала или драки, Сюань-цзан поспешил вмешаться.

— Сунь У-кун, перестань спорить,— сказал он. — Мы как пришли сюда, так и уйдем. Ведь не зря говорит пословица: «Ворон ворону глаз не выклюет». Раз их учителя нет дома, зачем подымать шум? Ты пойди за ворота, попаси коня. Ша-сэн присмотрит за вещами, а Чжу Ба-цзе пусть достанет из тюка пшено и попросит разрешения приготовить на очаге еду. Перед уходом мы расплатимся с ними, и все будет в порядке. А сейчас займитесь каждый своим делом и дайте мне немножко отдохнуть. Подкрепимся и пойдем дальше.

После этого Сунь У-кун, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе занялись своим делом. А Мин-юе и Цин-фын остались очень довольны.

— Какой замечательный монах! — говорили они.— Он как святой с Запада, явившийся к нам. Истинную природу не скроешь. Наш учитель велел оказать хороший прием Танскому монаху и в доказательство своей дружбы к нему сказал, чтобы мы угостили его плодами дерева жизни. Однако он предостерегал нас от скандала, который могут учинить его спутники. И действительно, уж очень дерзкие и грубые у него ученики. Хорошо, что он услал их отсюда, а то нельзя было бы даже показать плод дерева жизни.

— Вот что, брат, — сказал тут Цин-фын. — А ведь мы, собственно говоря, и не знаем, действительно ли этот монах старый друг нашего учителя. Надо будет как следует порасспросить его, а то как бы не вышло ошибки.

И, подойдя к Сюань-цзану, они спросили:

— Разрешите узнать у вас, почтенный учитель, не вы ли Танский монах Трипитака, который следует в Индию за священными книгами?

— Я самый и есть, — почтительно отвечал им Сюань-цзан.—

47-2

А откуда вам известно мое имя? — в свою очередь спросил он послушников.

— Наш учитель, уходя, велел нам выйти пораньше встретить вас, — сказали они. — Но вы так скоро прибыли, что мы не успели выполнить его приказа. Присядьте, пожалуйста, учитель, мы сейчас подадим вам чаю.

— Не стоит, спасибо, — поблагодарил Сюань-цзан.

Мин-юе тотчас же сходил в свою комнату, налил чашку ароматного чаю и поднес ее гостю. После этого Цин-фын обратился к Мин-юе:

— Брат, мы не должны нарушать воли нашего учителя. Пойдем принесем плоды.

Оставив Сюань-цзана одного, послушники отправились к себе. Один из них взял золотую колотушку, другой — красивое блюдо, которое покрыл несколькими шелковыми полотенцами, и они пошли в сад. Цин-фын вскарабкался на дерево и колотушкой начал сбивать плоды, а Мин-юе стоял под деревом и принимал их на блюдо. Сбив два плода, они вернулись в зал и преподнесли их Сюань-цзану.

— Почтенный Танский учитель, — промолвили они. — Наш монастырь Учжуангуань находится в захолустье, и у нас нет ничего, чем мы могли бы угостить вас. Единственное, что мы можем предложить, — вот эти плоды, отведайте и утолите жажду.

Увидев плоды, Сюань-цзан весь задрожал и, отскочив в сторону, воскликнул:

— О небо! Небо! Возможно ли, чтобы в такой урожайный год в монастыре ели людей? Ведь это младенцы, как же вы смеете предлагать мне утолить ими жажду?

— Этот монах живет в мире сует, где царит беззаконие,— тихонько сказал Цин-фын. — Он происходит от простых смертных, где ему распознать драгоценность небожителей?

— Учитель,— сказал тогда, выступая вперед, Мин-юе, — это плод жизни, ничего не случится, если вы съедите его.

— Глупости все это! Ерунда! — закричал Сюань-цзан. — Мать этого ребенка, еще когда носила его, вынесла много горя, как же можно сейчас, когда он не прожил еще и трех дней, преподносить его вместо плода?

— Но этот плод действительно вырос на дереве,— уверял Цин-фын.

— Что за чепуха! — продолжал возмущаться Сюань-цзан.— Уж не хотите ли вы сказать, что на дереве растут люди! Унесите это блюдо! Совести у вас нет!

Убедившись в том, что Сюань-цзан не станет есть плодов, послушники вынуждены были унести их. А надо сказать, что плоды эти были необычны: их следовало сразу есть, так как они очень быстро затвердевали и становились непригодными для еды. Поэтому, вернувшись к себе в комнату, послушники взяли каждый по плоду и, усевшись рядом на кровати, начали есть.

И надо же было случиться, чтобы комната, в которой они находились, была отделена от кухни всего лишь тоненькой перегородкой. Даже шепот был отчетливо слышен на кухне. А там в это время как раз находился Чжу Ба-цзе, занятый приготовлением еды. Он еще раньше слышал, как приходили послушники взять колотушку и блюдо, и насторожился. А сейчас, услыхав разговор о том, что Танский монах по своему неведению отказался есть плоды жизни, и узнав, что послушники сами решили съесть их, он подумал: «А почему бы и мне не отведать такой плод!» При этой мысли у него потекли слюнки. Однако решиться на это один он не мог и стал дожидаться Сунь У-куна, чтобы посоветоваться с ним, как быть. Он забыл и о пище, и об очаге и только то и делал, что вытягивал шею, прислушивался, или же выбегал из кухни, посмотреть, что делается.

Вскоре он увидел Сунь У-куна, который привел коня, привязал его к акации и хотел возвращаться. Тут Дурень отчаянно замахал ему руками и позвал:

— Иди сюда!

Сунь У-кун подошел и спросил:

— Ты что шумишь? Может быть, думаешь, что еды на всех не хватит? Тогда надо будет накормить досыта учителя, а сами мы попросим для себя еды где-нибудь по дороге.

— Входи сюда,— сказал Чжу Ба-цзе. — Дело совсем не в этом. Известно ли тебе, что в этом монастыре есть драгоценность?

— Что еще за драгоценность? — полюбопытствовал Сунь У-кун.

— Ты, конечно, о ней никогда не слышал и не поймешь, что это такое,— смеясь сказал Чжу Ба-цзе.

— Ты что ж, Дурень, решил пошутить надо мною? — рассердился Сунь У-кун. — Пятьсот лет назад, стремясь познать закон небожителей и путешествуя на облаках, я побывал на краю света и чего только не повидал!

— А видел ты когда-нибудь, дорогой брат, плоды дерева жизни? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Вот чего не видел, того не видел,— признался изумленный Сунь У-кун. — Однако слышал, как другие говорили, что плоды дерева жизни — это эликсир бессмертия, и если человек вкусит этих плодов, то может продлить свою жизнь. Но где их достать?

— Они здесь рядом,— отвечал Чжу Ба-цзе. — Эти послушники принесли два плода, чтобы угостить нашего учителя, но он принял их за младенцев и решительно отказался есть. За это послушники даже упрекнули нашего учителя. Я думаю, что после того как учитель отказался, им следовало бы предложить эти плоды нам. Но вместо этого они тайком от нас там, за перегородкой, съели их, да с таким аппетитом, что я весь слюной изошел. Как бы нам попробовать хотя бы по одному? — спросил

он Сунь У-куна. — Мне кажется, что в этом деле ты кое-что смыслишь. Что если бы ты сходил в сад и выкрал несколько плодов?

— Это сущий пустяк для меня,— заявил Сунь У-кун. — Стоит мне только пойти туда, и все будет сделано.

С этими словами он повернулся и хотел уйти. Но Чжу Ба-цзе остановил его.

— Слушай, брат,— сказал он. — Они говорили о какой-то золотой колотушке, которой сбивают плоды. Очевидно, без нее не обойтись. Смотри, как бы не промахнуться.

— Знаю, знаю! — отвечал на это Сунь У-кун.

Великий Мудрец тут же сделался невидимым и вошел в комнату послушников. Но здесь он никого не нашел. Съев плоды, послушники ушли в зал и там беседовали с Сюань-цзаном. Сунь У-кун осмотрелся, ища то, что называлось золотой колотушкой. Однако ничего, кроме золотой палочки, длиной в два чи и толщиной в палец, которая висела над подоконником, он не нашел. Внизу прутик оканчивался шишкой, величиной с головку чеснока, а вверху имел отверстие, в которое был вдет зеленый шнур. «Это, видимо, и есть золотая колотушка»,— решил Сунь У-кун, снял прутик и вышел из комнаты. Пройдя за дом, он открыл ворота и увидел сад.

Это поистине было прекраснейшее обиталище небожителей на земле, лучший сад на западе. Сунь У-кун никак не мог налюбоваться красотой этого леса. Пройдя первый ряд деревьев, он увидел перед собой огород.

Здесь повсюду росли плоды и овощи всех четырех времен года. Тут можно было найти и шпинат, и сельдерей, и капусту. Молодые ростки бамбука и батат, тыквы-горлянки и съедобные водяные травы, лук и чеснок, гвоздику и лук душистый. Гнезда лотоса, и баклажаны, буковник и редьку, красный бархатник, зеленую капусту и коричневую горчицу.

«Да эти монахи, оказывается, сами снабжают себя овощами»,— усмехнувшись подумал Сунь У-кун.

Пройдя огород, он обнаружил еще одни ворота и, открыв их, увидел огромное дерево. Его листья напоминали листья банана и издавали чудесный аромат. Крона бросала густую тень. Высота этого дерева достигала более тысячи чи, а корни расходились на восемь чжан в окружности.

Сунь У-кун прислонился к дереву и посмотрел вверх. На ветвях, обращенных к южной стороне, он увидел плод жизни, точь-в-точь похожий на младенца. Он был прикреплен к ветви и только руки и ноги производили свободные движения да голова покачивалась. Когда же проносился ветерок, казалось, что плоды эти издают звуки. Сунь У-кун был в восторге и думал про себя: «Что за чудо! Вот уж поистине такое редко встретишь!» И он с шумом взобрался на дерево.

А надо вам сказать, что таким делом Сунь У-куну еще не приходилось заниматься. Не успел он ударить золотой колотушкой,

как плод свалился с дерева. Сунь У-кун тоже прыгнул вниз и начал искать его. Однако как он ни старался, плода найти не смог. Он обшарил всю траву, но напрасно.

«Что за странные вещи происходят! — подумал Сунь У-кун.— Не иначе как у плода есть ноги. Но если бы даже он умел ходить, то все равно не смог бы перебраться через стену. Видимо, духи почвы в саду не хотят, чтобы плод достался мне, и забрали его».

И Сунь У-кун произнес заклинание, начинавшееся словом: «Ом!» В тот же миг перед ним предстал дух и, почтительно кланяясь, промолвил:

— Явился по вашему вызову, Великий Мудрец! Какие будут приказания?

— Ты разве не знаешь, что я известный разбойник в Поднебесной,— сказал Сунь У-кун. — Я выкрал персики из Небесного сада, стащил императорское вино, похитил эликсир бессмертия и все же никто не осмелился отнять их у меня. А сейчас, когда я выкрал всего один плод, ты хочешь получить свою долю. Эти плоды растут на дереве, их может склевать даже птица, что же особенного в том, что я хотел съесть один из них? А ты воспользовался тем, что я сбил с дерева плод, и утащил его.

— Обвинение ваше несправедливо,— отвечал Дух почвы.— Это сокровище принадлежит земным небожителям, а я дух почвы, так разве осмелился бы я взять его? Я даже не имею счастья вдыхать его аромат.

— Куда же он мог деться? — спросил Сунь У-кун. — Я ведь сбил его с дерева.

— Великий Мудрец,— сказал тут дух, — вы знаете лишь то, что это сокровище приносит долголетие, но вам неизвестно его происхождение.

— Что значит происхождение? — спросил Сунь У-кун.

— Это сокровище цветет раз в три тысячи лет. Еще через три тысячи лет на дереве завязываются плоды, а чтобы они созрели, должно пройти еще три тысячи лет. За десять тысяч лет созревает всего тридцать плодов. Тот, кому посчастливится вдохнуть их аромат, будет жить триста шестьдесят лет, а тот, кто съест один из них, проживет сорок семь тысяч лет. Единственно, чего они боятся,— это пяти элементов[1].

— Я что-то не совсем понимаю,— сказал Сунь У-кун.

— А это значит,— сказал дух,— что от соприкосновения с металлом они падают вниз, от соприкосновения с деревом засыхают, в воде растворяются, в огне сгорают, а прикоснувшись к земле, уходят в нее. Поэтому сбивать эти плоды с дерева можно лишь какой-нибудь металлической вещью. Когда плод сбит, его надо принять на блюдо, покрытое шелковым полотенцем. На деревянной посуде он тотчас же засыхает и теряет свою

[1] Пять элементов в древней китайской философии — металл, дерево, вода, огонь и земля.

силу. Их можно держать только на фарфоровой посуде и есть, обмыв чистой водой. Если плод приблизить к огню, он засохнет и тоже потеряет свою силу. Оказавшись на земле, он уходит в нее. Плод, который вы, Великий Мудрец, только что сбили, несомненно, ушел в землю. И теперь эта земля в течение сорока семи тысяч лет будет тверже, чем чугун, даже стальной бурав не оставит на ней никакого следа. Вот почему человек, который съест плод дерева жизни, становится долговечным. Если вы сомневаетесь, Великий Мудрец, можете сами убедиться, стоит вам только ударить по этой земле.

Сунь У-кун взял посох и изо всей силы стукнул им по земле. Раздался страшный треск, посох отскочил, однако на земле не осталось даже царапины.

— Вот чудеса! — воскликнул изумленный Сунь У-кун. — Этим посохом я превращал скалы в порошок. Даже на чугуне он оставлял глубокие следы. А сейчас царапины и то не осталось. Выходит, я зря обвинил тебя! Что же, иди с миром!

И дух почвы удалился.

Теперь Сун У-кун знал, что делать. Он влез на дерево и, держа в одной руке колотушку, другой загнул переднюю полу своего шелкового халата, чтобы поймать падающие плоды. Затем, проскользнув между ветками, он сбил в полу своего халата три плода, спрыгнул с дерева и направился прямо в кухню.

— Ну как, брат, удалось достать? — с улыбкой спросил Чжу Ба-цзе.

— Сам посмотри, — сказал Сунь У-кун. — Это было не так уж трудно. На Ша-сэна тоже хватит. Надо позвать его.

— Ша-сэн, иди сюда! — махнул рукой Чжу Ба-цзе.

Услышав, что его зовут, Ша-сэн оставил вещи, которые охранял, и прибежал на кухню.

— Ты зачем меня звал, брат? — спросил он.

— Посмотри, ты знаешь, что это за штука? — сказал Сунь У-кун, раскрывая полу рясы.

— Это плоды дерева жизни, — отвечал Ша-сэн.

— Верно! Да ты, оказывается, знаешь! — удивился Сунь У-кун. — Где же тебе довелось их попробовать?

— Есть мне их, правда, не приходилось,— отвечал Ша-сэн.— Но, когда я служил распорядителем церемоний при дворе императора и сопровождал императорскую колесницу на Персиковый пир, я видел, как небожители из других стран преподносили эти плоды царице Ван-му в день ее рождения. Ну вот, видеть видел, а поесть так и не удалось. Ты уж дал бы мне, брат, попробовать.

— Ладно! — сказал Сунь У-кун, — Каждый из нас может съесть по одному плоду.

И они начали есть.

Как вам известно, Чжу Ба-цзе от природы был невероятно прожорлив и имел огромную пасть. Да еще послушники раздразнили его аппетит, поэтому, как только плод жизни попал к нему

в руки, он в один миг проглотил его, а затем с невинным видом, глядя на Сунь У-куна и Ша-сэна, спросил:

— Что это вы едите?

— Плоды жизни,— ответил Ша-сэн.

— Каковы они на вкус?

— Не обращай на него внимания, Ша-сэн,— сказал Сунь У-кун. — Ведь ты уже съел свою долю, чего же пристаешь с вопросами.

— Поторопился я, дорогой брат,— признался Чжу Ба-цзе.— Надо было есть, как вы: медленно, с чувством, чтобы распознать как следует вкус. А я проглотил его целиком и не знаю даже, есть ли в середине плода косточка. Будь другом, раз уже разжег мой аппетит, достань для меня еще один плод, чтобы я как следует распробовал его.

— Ты, дорогой мой, не знаешь меры,— сказал Сунь У-кун.— Ведь это тебе не каша и не лепешки, которыми наедаются до отвала. Ты сам подумай, за десять тысяч лет их вызревает всего тридцать штук, и съесть хотя бы одну штуку — большое счастье. Нет, нет! Хватит с тебя!

С этими словами Сунь У-кун взял золотую колотушку и, не глядя, бросил ее в комнату послушников, в то время как Дурень продолжал ворчать.

Между тем послушники вошли к себе в комнату, чтобы взять чай и угостить Сюань-цзана. И тут они услышали, как Чжу Ба-цзе недовольно сказал:

— Никакого удовольствия от того, что съел плод жизни, я не получил. Вот бы съесть еще, тогда все было бы по-другому.

Услышав это, Цин-фын заподозрил неладное.

— Мин-юе — сказал он, обращаясь к своему товарищу,— ты слышал, что сказал длинномордый монах? Он сказал, что неплохо бы съесть еще один плод жизни. Уходя, наш учитель наказывал нам остерегаться спутников Танского монаха. Не иначе, как они выкрали наше сокровище.

— Беда, брат, беда! — сказал Мин-юе. — Ты посмотри, почему золотая колотушка очутилась на полу? Ну-ка, пойдем скорее в сад, посмотрим, что там делается.

И они оба отправились в сад. Ворота были открыты.

— Что же это такое? Ведь я закрыл ворота,— удивился Цин-фын.

Он обошел сад и обнаружил, что ворота в огород тоже открыты. Тогда они поспешили к дереву жизни и стали считать плоды, но насчитали всего только двадцать два плода.

— Ты хорошо считаешь? — спросил Мин-юе.

— Хорошо,— отвечал Цин-фын.

— Так вот, всего было тридцать плодов,— сказал Мин-юе.— Открыв сад, учитель разделил между всеми нами два плода, значит, осталось двадцать восемь. Сейчас мы с тобой сбили два плода для Танского монаха, таким образом должно остаться

двадцать шесть, а мы насчитали всего двадцать два. Выходит, четырех плодов не хватает. Совершенно ясно, что плоды украдены этими злодеями. У нас нет иного выхода, как пойти поругаться с Танским монахом.

Они вышли из сада и прошли прямо в зал.

Тыча в Сюань-цзана пальцем [1], послушники стали ругать его самыми непристойными словами. Они называли его и разбойником, и крысиной головой, и лысым разбойником, и бесстыжим, и брюзгой. Наконец Сюань-цзан не вытерпел:

— Почтенные послушники! — сказал он. — Что вы ругаетесь? Успокойтесь. Ведь можно говорить потише. Зачем зря шуметь?

— Да ты оглох, что ли? — возмутился Цин-фын. — Мы ведь тебя ругаем, неужели ты не понимаешь? Ты выкрал у нас плоды жизни, и хочешь, чтобы мы молчали!

— А как они выглядят, эти плоды? — спросил Сюань-цзан.

— Да ведь мы только что приносили их тебе и предлагали съесть, а ты отказался, заявив, что это младенцы.

— Боже милостивый! — воскликнул Сюань-цзан.— Да при одном только виде этих плодов я пришел в ужас, как же мог я съесть их? Да если бы даже я был прожорливым человеком, то и тогда не решился бы на такой злодейский поступок. Так что зря вы нападаете на меня.

— В таком случае плоды украли ваши ученики!

— А вот это вполне возможно, — признался Сюань-цзан. — Вы успокойтесь, а я расспрошу их об этом. Если это действительно они, я заставлю их возместить эту потерю.

— Возместить! — воскликнул Мин-юе.— Да разве купишь их за деньги?

— Может быть, их и нельзя купить, но пословица не зря говорит: «Добродетель и справедливость — дороже золота». Я прикажу им принести вам извинения, и дело с концом. И кроме того, неизвестно, виновны ли они.

— А кто же, если не они? — сказал Мин-юе. — Они и сейчас продолжают спорить, никак не поделят их между собой.

— Ученики! — крикнул Сюань-цзан. — Идите-ка все сюда!

— Ну, теперь пропали! — сказал Ша-сэн. — Учитель зовет нас, да и послушники раскричались. Разговор, видимо, будет об украденных плодах.

— Ну и дела! — воскликнул Сунь У-кун. — Ведь и особенного-то ничего нет. Этими плодами можно только жажду утолить. Конечно, мы их выкрали. Однако признаваться в этом не надо.

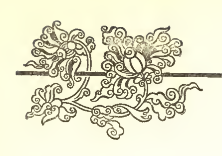
— Вот это правильно! — подхватил Чжу Ба-цзе. — Молчок!

И, выйдя из кухни, они все втроем направились в зал.

Но о том, как они отказались от того, что сделали, вы узнаете из следующей главы.

---

[1] Оскорбительный жест.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как праведник Чжэнь Юань-цзы захватил паломника за священными книгами и как Сунь У-кун учинил разгром в монастыре Учжуангуань

Войдя в зал, ученики сказали своему учителю:

— Кушанье скоро будет готово. Вы об этом хотели спросить у нас?

— Нет,— отвечал Сюань-цзан,— совсем не об этом. Здесь в монастыре растет дерево жизни, плоды его похожи на новорожденного младенца. Так вот, кто из вас украл и съел эти плоды?

— Я и в глаза их не видел,— отвечал Чжу Ба-цзе.

— Вот кто это сделал,— крикнул тут Цин-фын. — И еще смеется!

— У меня от рождения улыбка на лице,— крикнул Сунь У-кун. — И потом, я не видел никаких ваших плодов, почему же мне не смеяться?

— Ты не сердись,— сказал Сюань-цзан. — Нам, людям монашеского звания, не пристало ругаться и есть то, что нам не положено. Если вы виновны, принесите извинение. Зачем же отпираться?

Выслушав учителя, Сунь У-кун решил, что тот вполне прав и надо сказать всю правду.

— Учитель,— сказал он. — Я не виноват. Чжу Ба-цзе узнал, что послушники за перегородкой едят плоды жизни. Ему тоже захотелось их попробовать. Тогда он попросил меня достать этот плод. Я достал три штуки и каждый из нас съел по одному плоду. А раз съели, так о чем теперь говорить?

— Ну, не разбойник ли этот монах! — крикнул Мин-юе.— Ведь он выкрал целых четыре плода!

— О милосердный Будда! Как же так? Выкрали четыре, а у нас оказалось только три. Видимо, один плод Сунь У-кун спрятал для себя,— ворчал Дурень.

Узнав, что плоды жизни действительно украдены, послушники еще больше разозлились. Все это привело в ярость Великого Мудреца. Он заскрежетал зубами и, вытаращив свои огненные глаза, метавшие молнии, принялся вращать посохом. Едва сдерживая гнев, он пробормотал:

— Как нагло ведут себя эти послушники! Уж лучше бы отколотили нас. А то завели какую-то канитель. С какой стати мы должны терпеть это? Ну, погодите, разделаюсь я с вами, не придется вам больше кушать этих плодов.

С этими словами он выдернул у себя с загривка волосок и, дунув на него, крикнул:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в точную копию Сунь У-куна, которого он усадил рядом с Танским монахом и вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном оставил выслушивать ругань послушников. А из самого Сунь У-куна в это время вылетел дух, который, вскочив на облако, поплыл прямо в сад. Здесь он постучал своим посохом и, призвав магическую силу, способную сдвигать горы и хребты, свалил дерево жизни. Увы! от дерева полетели лишь ветки, и оно свалилось, обнажив корни. Даосы лишились волшебных плодов, продлевающих жизнь.

Свалив дерево, Великий Мудрец стал искать плоды, однако ничего не нашел. А дело в том, что они, как вы уже знаете, от соприкосновения с металлом падали вниз. А так как посох Сунь У-куна имел с обоих концов золотые ободки и был сделан из железа, то плоды тут же попадали вниз и ушли в землю. Вот поэтому-то на дереве не осталось ни одного плода.

— Отлично! — воскликнул Сунь У-кун. — Теперь мы квиты!

Он вернулся в зал, водворил на место выдернутый волосок и принял свой обычный вид. Однако для простых смертных, находившихся в зале, все его действия остались незамеченными.

Но вернемся к послушникам. Наругавшись вдосталь, Цин-фын сказал:

— Эти монахи терпеливы, словно курицы, и совершенно спокойно выносят оскорбления. Сколько мы ругали их, а они и словом не обмолвились. Возможно, что не они выкрали плоды жизни. Мы могли неверно сосчитать: ветви на верхушке дерева очень густые. Не будем больше зря бранить их, пойдем-ка посмотрим еще раз как следует.

— Ты прав, пожалуй,— согласился Мин-юе.

И они снова отправились в сад. Дерево жизни лежало на земле со сломанными ветвями и изуродованным стволом. У Цин-фына от испуга отнялись ноги, и он рухнул на землю, а Мин-юе почувствовал слабость во всем теле и задрожал как осиновый лист.

У послушников в голове все помутилось, и, лежа в пыли, они причитали:

— Что ж теперь делать! Что делать! Ведь они уничтожили драгоценность монастыря Учжуангуань и лишили потомство наших бессмертных плодов! Что мы скажем учителю, когда он вернется?

— Вот что, брат, — сказал наконец Мин-юе. — Перестань кричать. Давай-ка лучше приведем себя в порядок и постараемся не вспугнуть монахов. Все это, конечно, дело рук волосатого монаха с лицом Бога грома. Это он своим волшебством погубил нашу драгоценность. Если мы станем с ними ссориться, они, конечно, будут от всего отказываться и в конце концов начнут с нами драку. А разве можем мы двое справиться с четырьмя? Поэтому не надо пока их раздражать, скажем, что мы ошиблись — плоды все на месте, и извинимся перед ними. Когда же они примутся за еду, мы добавим им закуски. Как только каждый из них возьмет в руки чашку, мы сразу же захлопнем все ворота, повесим замки и не выпустим монахов отсюда. Вернется учитель, пусть сам все рассудит. Этот монах его старинный друг. Может быть, наш учитель окажется настолько гуманным, что простит его. Если же он захочет наказать их, разбойники будут в наших руках, и мы хоть таким путем искупим свою вину.

— Вот это правильно!—подтвердил, выслушав его, Цин-фын.

Кое-как собравшись с духом и стараясь придать своему лицу радостное выражение, они пришли в зал и, низко кланяясь монаху, промолвили:

— Вы уж не сердитесь на нас, почтенный отец, за нашу грубость.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Сюань-цзан.

— Плоды, оказывается, все на месте,— сказал Цин-фын.— Листва на верхушке очень густая, и мы не могли правильно сосчитать плодов. А вот сейчас пошли проверили, и все оказалось на месте.

Тут Чжу Ба-цзе с негодованием сказал:

— Вы так молоды, что даже не умеете вести себя! Начали ругаться и понапрасну обвинили нас. Это недостойно человека!

Один только Сунь У-кун все понимал и думал про себя:

«Врете, друзья, врете! Плодов жизни больше нет! Не иначе, как вы пустились на хитрость, чтобы выйти сухими из воды».

— Ну, в таком случае накрывайте на стол, — сказал Сюань-цзан.— Подкрепимся и в путь.

Чжу Ба-цзе пошел на кухню за едой, а Ша-сэн поставил стол и стулья. Послушники поспешили принести закуски. Тут были маринованные тыквы, баклажаны, соленья, редька, маринованные бобы, семена лотоса, сельдерей — в общем, семь тарелок. Кроме того, был подан чайник с прекрасным ароматным чаем и две чайных чашки.Словом, послушники старались, как могли, угодить гостям. И вот, как только Сюань-цзан и его ученики взяли в руки

чашки с едой, послушники с шумом захлопнули ворота и закрыли их на замок с двумя пружинами.

— Эй вы послушники, — сказал засмеявшись Чжу Ба-цзе. — Что вы делаете? Какие-то чудные у вас тут обычаи. Неужели, когда вы едите, вы закрываете ворота?

— Вы совершенно правы,— сказал Мин-юе. — Вы ешьте, а потом мы откроем ворота.

Но Цин-фын, не выдержав, начал ругаться.

— Погодите, лысые разбойники, мы отомстим вам за вашу жадность! Вы стащили у нас священные плоды и должны поплатиться за это, как преступники, забравшиеся в поле или в сад. Но это еще не все. Вы повалили священное дерево и уничтожили драгоценность монастыря Учжуангуань. Что вы можете сказать в свое оправдание? Лишь в том случае, если вам удастся добраться до Индии и вы увидите Будду, вы сможете пребывать в новом перевоплощении.

При этих словах Сюань-цзан выронил чашку из рук и почувствовал, как тяжело стало у него на сердце. Между тем, закрыв все ворота, послушники вернулись к дверям зала и начали всячески поносить паломников.Они кричали до позднего вечера, пока сильно не проголодались. А после трапезы ушли к себе. Тут Сюань-цзан стал отчитывать Сунь У-куна.

— Пакостная ты обезьяна! — говорил он. — Вечно из-за тебя какие-нибудь несчастья! Если бы ты только украл плоды, они посердились бы, поругались — и дело с концом. Так надо было тебе повалить дерево жизни. Ведь если разобраться в этом деле, то будь на месте судьи даже твой родной отец, он и то ничего не смог бы сказать в твое оправдание!

— Не волнуйтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Подождем, пока послушники уснут, и тут же тронемся в путь.

— Да что ты, брат! — сказал Ша-сэн. — Как можем мы это сделать, если все ворота крепко-накрепко заперты?

— Об этом не беспокойся! — сказал смеясь Сунь У-кун.— Я знаю, что делать.

— О, тебе что беспокоиться,— заметил Чжу Ба-цзе. —Ты можешь превратиться в насекомое и вылететь через любую щелочку. А вот мы не обладаем такой способностью и вынуждены будем остаться здесь: расплачиваться за других.

— Пусть только он попробует поступить так и отправиться без нас,— сказал тут Сюань-цзан. — Я прочитаю строки из псалма Старой сутры, посмотрим, как это ему понравится!

Чжу Ба-цзе хоть и был огорчен, все же не утерпел, чтобы не рассмеяться.

— Учитель, о чем вы говорите? Мне известно, что среди священных буддийских книг имеются сутры Лэняньцзин, Фахуацзин, сутра Павлина, Алмазная сутра, сутра бодисатвы Гуаньинь, но о Старой сутре я никогда ничего не слышал.

— Да ты, брат, не знаешь, в чем дело, — сказал Сунь У-кун.—

Обруч, который я ношу на своей голове, подарен нашему учителю самой бодисатвой Гуаньинь. Учитель обманом уговорил меня надеть его, и как только я это сделал, он словно прирос ко мне. И теперь нечего даже думать о том, чтобы его снять. Заклинание это называется «Сжатие обруча», вот что значит Старая сутра. Как только учитель начинает читать заклинание, у меня сразу же появляется нестерпимая головная боль. Этим учитель держит меня в руках. Учитель! — обратился он к Сюань-цзану. — Пожалуйста, не читайте своего заклинания. Я никого не собираюсь обманывать и обещаю вывести вас всех отсюда.

Когда они закончили разговор, на востоке взошла луна.

— Сейчас самое подходящее время трогаться в путь, — сказал Сунь У-кун. — Вокруг все тихо, взошла луна.

— Да что ты голову морочишь, — сказал Чжу Ба-цзе. — Куда же мы пойдем, когда все ворота заперты?

— Не веришь, так смотри! — сказал Сунь У-кун.

С этими словами он взял свой посох, повертел его в руках и произнес «Заклинание о раскрытии замков». Затем он указал им на ворота, и в тот же миг все замки с лязгом полетели вниз, а ворота с шумом распахнулись.

— Вот это ловко! — с удовлетворением воскликнул Чжу Ба-цзе. — Даже волшебник-алхимик не мог бы так сделать.

— Подумаешь, какая невидаль, — сказал Сунь У-кун. — Да если бы здесь были Южные ворота неба, и они раскрылись бы.

Сунь У-кун предложил учителю выйти из монастыря и помог ему сесть верхом. Чжу Ба-цзе взял коромысло с вещами, а Шасэн повел коня.

— Идите пока медленно,— сказал Сунь У-кун. — А я позабочусь о том, чтобы послушники проспали целый месяц.

— Только смотри, не причини им вреда,— предупредил Сюань-цзан. — Иначе ты поплатишься за свою неблагодарность.

— Не беспокойтесь,— ответил Сунь У-кун.

Затем он вошел в монастырь и подошел к той комнате, где спали послушники. В поясе у Сунь У-куна были запрятаны насекомые, которые усыпляли людей. В свое время он выиграл их у одного из князей неба Цзэн-чана — Вирупакши, когда играл с ним в цайцюань [1] у Восточных ворот неба. И вот Сунь У-кун вытащил двух насекомых и бросил их в окно. Насекомые побежали прямо к послушникам, которые сладко спали. После этого Сунь У-кун нагнал Танского монаха, и они все вместе зашагали на запад.

Всю ночь, до самого рассвета, путники, не останавливаясь, шли вперед.

— Эта обезьяна доконает меня,— сказал Сюань-цзан. — Из-за тебя я не спал всю ночь.

---

[1] Цайцюань — игра; заключается в отгадывании общего количества выбрасываемых двумя партнерами пальцев. Проигравший пьет штрафную рюмку.

— Вы, учитель, только и знаете, что ворчать, — обиделся Сунь У-кун. — Сейчас уже светло, и вы можете немного отдохнуть где-нибудь у дороги под деревьями.

Тогда Сюань-цзан спешился и, подойдя к дереву, устроил себе постель. Ша-сэн поставил на землю коромысло и задремал, а Чжу Ба-цзе улегся спать, подложив под голову камень. Сунь У-кун был очень доволен. Взобравшись на дерево, он начал резвиться и прыгать по ветвям. Однако о том, как отдыхали четыре паломника, мы распространяться не будем.

Вернемся теперь к праведнику Чжэнь Юань-цзы. После того как проповедь во дворце Мило была закончена, он вместе со своими учениками покинул небо Тушита, спустился на яшмовое небо и, воссев на лучезарные облака, вскоре прибыл к воротам монастыря Учжуангуань на горе Ваньшоушань. Ворота монастыря были распахнуты настежь, а земля чисто подметена.

— Цин-фын и Мин-юе действительно надежные люди, — сказал праведник. — Обычно, когда солнце только под горизонтом, они еще даже не потягиваются. А вот теперь, оставшись одни, не поленились подняться рано и подмести двор.

Сопровождавших его учеников обрадовали эти слова. Однако, войдя в храм, они увидели, что никто не возжег фимиама, и не могли понять, куда девались Цин-фын и Мин-юе.

— Вероятно, они решили воспользоваться нашим отсутствием, захватить с собой кое-что из вещей и скрыться, — высказал кто-то свое предположение.

— Ну, что за глупости! — воскликнул праведник. — Разве может человек, отрекшийся от мира, совершить столь постыдный поступок. Просто вчера вечером перед сном они забыли запереть ворота, а сегодня еще не вставали.

И действительно, дверь в комнату послушников была заперта и оттуда доносился храп. Однако ни стук в дверь, ни крики не разбудили послушников. Пришлось высадить дверь и стащить послушников с кровати. Но те не просыпались.

— Ну и молодцы! — рассмеялся праведник. — Когда человек обретает бессмертие, он всегда полон энергии и не думает о сне. Неужели они так сильно утомились? Быть не может, это кто-то околдовал их. Воды! Живее!

Один из послушников поспешил выполнить приказание. Праведник произнес заклинание и, набрав в рот воды, прыснул ею в лица послушников. В тот же миг они освободились от сонных чар и, широко открыв глаза, увидели своего учителя и собратьев. Они тут же стали отбивать поклоны, приговаривая:

— Уважаемый учитель! Ваш друг хоть и монах, но он и его спутники — настоящие бандиты.

— Вы не волнуйтесь,— сказал с улыбкой праведник,— и расскажите все толком.

— Учитель,— начал тогда Цин-фын, — после того как мы расстались с вами, сюда прибыл Танский монах из Китая и с

ним три его ученика. У них был конь. Не смея нарушить вашу волю, мы расспросили их о цели путешествия, а затем сорвали два плода жизни и преподнесли их монаху. Однако монах оказался простым смертным и не смог оценить наше сокровище. Как ни упрашивали мы его попробовать эти плоды, он упорно твердил, что мы предлагаем ему новорожденных младенцев, и наотрез отказался принять угощение. Тогда мы сами съели эти плоды. Кто мог подумать, что один из его учеников, странствующий монах по имени Сунь У-кун, и его товарищи украдут у нас четыре плода и съедят их? Но Сунь У-кун ни за что не хотел сознаваться в этом и, применив волшебство... — Тут Цин-фын остановился, не в силах продолжать.

У послушников потекли по щекам слезы.

— А бил вас этот монах? — спросили послушников бессмертные.

— Нет, не бил,— отвечал Мин-юе. — Но он погубил наше дерево жизни.

— Не горюйте и не плачьте! — успокоил их праведник, у которого рассказ послушников не вызвал и тени возмущения.— Вы, конечно, не знаете, что этот монах, по имени Сунь У-кун — один из бывших служителей секты Тай-и. Когда-то он учинил в небесных чертогах дебош. Он обладает необычайной сверхъестественной силой. Надеюсь, вы сможете опознать этих монахов?

— Разумеется,— отвечал Цин-фын.

— В таком случае следуйте за мной,— приказал праведник.— А вы,— обратился он к остальным ученикам,— приготовьте все, что необходимо для наказания. Мы приведем монахов обратно, и вы как следует проучите их.

Ученики отправились выполнять приказание, а сам праведник вместе с Мин-юе и Цин-фыном взобрался на волшебное облако и отправился догонять Сюань-цзана. За какой-нибудь миг они проделали расстояние в тысячу ли. Праведник внимательно посмотрел на запад, но никаких следов Сюань-цзана там не обнаружил. Тогда он посмотрел на восток и увидел, что они обогнали Сюань-цзана больше чем на девятьсот ли. Несмотря на то что Сюань-цзан со своими учениками шел, не отдыхая всю ночь, он проделал путь всего в сто двадцать ли, в то время как праведник на своем волшебном облаке в один миг обогнал его.

— Учитель,— промолвили послушники,— человек, который сидит под деревом у дороги, и есть Танский монах.

— Да я и сам вижу,— отвечал праведник. — Вы возвращайтесь, приготовьте веревки и ждите. Я поймаю и приведу его.

С этими словами праведник опустился на землю и, встряхнувшись, принял вид странствующего святого.

В сплошных заплатах ветхая ряса,
Пенькой простою подпоясан,
Из хвоста оленя в руках мухобойка,
В барабан деревянный ударяет легонько,

На ногах башмаки из соломы,
Голова платком обмотана скромным,
Рукавами встречный ветер играет,
Шагает он, песенку о луне напевая... [1]

Подойдя прямо к дереву, под которым отдыхал Сюань-цзан, он громким голосом обратился к нему:

— Учитель! Скромный монах приветствует вас!

Сюань-цзан поспешил ответить на приветствие почтительным поклоном и сказал:

— Простите, пожалуйста, мою неучтивость!

— Откуда путь держите, учитель? — спросил праведник:— И почему сидите здесь, у дороги?

— Я послан великим китайским императором Танов в Индию за священными книгами,— отвечал ему Сюань-цзан. — И вот, утомившись, решил немного отдохнуть.

— Ах, вот как! — с притворным удивлением воскликнул праведник: — Раз вы едете из Китая, то, верно, побывали на той горе, где живу я?

— Не знаю, на какой горе находится ваша уважаемая обитель, — сказал Сюань-цзан.

— Я обитаю в монастыре Учжуангуань, на горе Ваньшоушань.

Сунь У-кун, слышавший все это, решил на всякий случай вступить в разговор.

— Нет, нет, мы там не были. Мы проехали верхней дорогой,— сказал он.

— Я тебе покажу, низкая обезьяна! — смеясь сказал праведник, тыча пальцем в Сунь У-куна. — Кого же это ты вздумал обманывать? Ведь это ты повалил дерево жизни. Вы шли всю ночь, но, как видишь, недалеко ушли. Для чего же ты отпираешься? Мы все равно не отпустим вас. Ты должен вернуть нам дерево.

Услышав это, Сунь У-кун рассвирепел. Схватив свой посох, он размахнулся и хотел ударить праведника по голове. Однако тот уклонился от удара и на облаке вознесся в небо. Сунь У-кун тоже вскочил на облако и бросился за ним вдогонку. В воздухе праведник принял свой настоящий вид.

Сунь У-кун размахивал своим посохом во все стороны. Праведник же, поворачивая свою мухобойку то вправо, то влево, отражал удары и, наконец, пустил в ход волшебство. Он раскрыл свой рукав навстречу ветру, взмахнул им, и в тот же миг все четыре паломника, вместе с конем, оказались в рукаве.

— Дело дрянь!— сказал тут Чжу Ба-цзе. — Мы ведь попали в суму.

— Не в суму, Дурень,— сказал Сунь У-кун,— а в рукав.

— Ну, раз так, то не беда,— сказал Чжу Ба-цзе. — Дайте-ка

[1] Стихи в обработке В. Гордеева

я поработаю своими граблями, пробью дыру в рукаве и освобожусь. А потом можно сказать, что мы выпали по его собственной неосторожности.

И Чжу Ба-цзе изо всех сил ткнул граблями в рукав. Однако это оказалось бесполезным. Наощупь преграда казалась мягкой, в действительности же была крепче железа.

В тот же миг праведник повернул облако и сразу же опустился около монастыря Учжуангуань. Здесь собрались все его ученики, готовые выполнить любое приказание. Праведник велел принести веревку и стал вытаскивать из рукава своих пленников, словно кукол. Первым он вытащил Танского монаха и велел привязать его к колонне в центральном зале. Затем вынул трех его учеников, которых тоже привязали к столбу. И, наконец, он вынул коня, которого привязали на дворе и дали ему сена. Вещи паломников праведник бросил на веранду.

— Ученики мои, — сказал он. — Эти монахи отреклись от суетного мира, поэтому к ним нельзя применить ни меча, ни пики, ни топора. Принесите-ка плетку и вздуйте их, хоть душу отведем, а то очень жаль дерево жизни.

Послушники тотчас же выполнили приказание. А надо вам сказать, что плетка эта была неимоверной длины и сделана не из шкуры вола, барана, оленя или теленка, а из кожи дракона. Кроме того, ее специально отмачивали в воде. И вот здоровенный послушник взял плетку в руки.

— Учитель, с кого начинать? — спросил он.

— Так как больше всех виноват Танский монах Сюань-цзан, то с него и начинайте,— сказал праведник.

Услышав это, Сунь У-кун подумал: «Наш учитель не вынесет побоев. Одного удара достаточно, чтобы покончить с ним. А ведь все это я наделал». И он тут же, не выдержав, сказал:

— Вы ошиблись, учитель! Ведь плоды украл и съел я, и дерево повалил тоже я. Почему же вы начинаете с него?

— Ишь, какая отчаянная обезьяна! — сказал улыбаясь праведник. — Ну что ж, тогда с нее и начинайте.

— А сколько ударов всыпать? — снова спросил послушник.

— Тридцать! Столько, сколько было плодов на дереве,— отвечал праведник.

Послушник взмахнул плеткой и начал отсчитывать удары. Опасаясь, что удары будут чересчур сильны, Сунь У-кун напряг все свое внимание, чтобы угадать, по какому месту его будут бить. И, увидев, что послушник намеревается бить по ногам, Сунь У-кун сделал движение и сказал: «Изменяйтесь». В тот же миг его ноги стали железными.

Пока послушник отсчитал тридцать ударов, наступил полдень.

— Ну что ж, а теперь следует наказать Сюань-цзана за то, что он распустил своих разнузданных и упрямых учеников и тем самым нарушил заповедь религии,— сказал праведник.

Послушник хотел уже взяться за дело, но Сунь У-кун снова вмешался.

— Учитель, вы опять делаете ошибку,— сказал он. — Наш учитель понятия не имел о том, что я украл плоды. Он сидел в это время в зале и беседовал с вашими послушниками. Так что во всем виноваты мы, нас и наказывайте.

— Эта подлая обезьяна хотя и коварна,— сказал праведник,— но все же понимает, что надо почитать старших. Ну что ж, всыпь ей еще.

Послушник снова отсчитал тридцать ударов. И когда после этого Сунь У-кун посмотрел на свои ноги, они блестели, как зеркало. Но никакой боли он не испытывал. Между тем близился вечер.

— Опустите пока плетку в воду,— сказал праведник. — Подождем утра и тогда продолжим наказание.

Поужинав, все ушли на покой, однако распространяться об этом мы больше не будем.

Сюань-цзан очень горевал по поводу всего случившегося, и по лицу у него текли слезы.

— Мало того, что вы натворили, — выговаривал он своим ученикам,— так и меня еще впутали в это дело и мне приходится отвечать за вас. Как же можно все это вынести?

— Не ругайте нас, учитель, — стал просить Сунь У-кун.— Ведь не вас били, а меня, о чем же вам печалиться?

— Хоть меня и не били, — продолжал Сюань-цзан, — зато привязали и мне больно.

— Но ведь мы тоже привязаны,— сказал Ша-сэн.

— Ладно, перестаньте шуметь! — сказал Сунь У-кун. — Скоро тронемся в путь.

— Дорогой брат. Опять ты что-то затеваешь, — сказал Чжу Ба-цзе,— и все без толку. Веревки, которыми связали нас, конопляные, для крепости намочены в воде. Это, пожалуй, куда хуже, чем сидеть запертыми в храме. Тогда ты хоть мог посредством волшебства открыть ворота, и мы свободно прошли.

— Не хвастаясь, скажу вам, — отвечал на это Сунь У-кун,— что будь это не конопляные веревки, скрученные втрое и намоченные в воде, а канаты толщиной в чашку, сделанные из коры кокосовой пальмы, освободиться от них было бы для меня сущим пустяком.

Пока они разговаривали, вокруг все стихло. В это время бессмертные обычно удалялись на покой. И вот прекрасный Сунь У-кун стал уменьшаться и быстро освободился от веревок.

— Ну, учитель, пошли! — сказал он.

— Брат, — забеспокоился тут Ша-сэн. — Помоги и нам!

— Потише разговаривайте! — предупредил Сунь У-кун.

Освободив Сюань-цзана, он развязал также Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Затем привел в порядок свою одежду, оседлал коня, принес с веранды вещи, и они все вместе вышли из ворот.

— Чжу Ба-цзе,— сказал он.— Пойди сруби четыре ивы, что растут на берегу!

— Для чего они тебе? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Нужны! Иди скорее!

Чжу Ба-цзе обладал огромной силой и мог одним ударом свалить дерево. Поэтому очень скоро он принес Сунь У-куну все четыре ивы. Тот обломал ветки, велел внести деревья в монастырь и поставить около тех столбов, где они сами до этого были привязаны. Затем Великий Мудрец произнес заклинание, надкусил кончик языка и, вспрыснув в деревья кровь, сказал: «Изменяйтесь!» В тот же момент одно дерево превратилось в Сюань-цзана, второе в Сунь У-куна, а остальные два в Ша-сэна и Чжу Ба-цзе. Деревья могли говорить и отвечали, если к ним обращались по имени. После этого Сунь У-кун с Чжу Ба-цзе поспешили в путь и вскоре догнали своего учителя.

В эту ночь, как и в предыдущую, они шли без остановок и далеко ушли от монастыря Учжуангуань. К утру Сюань-цзан совсем обессилел и спал, покачиваясь в седле.

— Учитель! — окликнул его Сунь У-кун. — Так не годится. Разве может монах быть таким слабым? Вот я, например, могу не спать тысячу ночей подряд и не буду чувствовать никакой усталости. Слезайте с коня, не то проезжие станут над вами смеяться. Укройтесь где-нибудь от ветра, отдохните, а потом двинемся дальше.

Не будем говорить сейчас о том, как отдыхали четверо паломников, а вернемся лучше в монастырь. На следующее утро праведник, позавтракав, вошел в зал.

— Принесите плетку,— приказал он. — Сегодня будет подвергнут наказанию Танский монах Сюань-цзан.

Послушник, взмахнув плеткой, сказал:

— Сейчас я буду тебя бить.

— Что ж, бей,— отвечало дерево.

Отсчитав тридцать ударов, послушник перешел к Чжу Ба-цзе.

— А теперь я примусь за тебя, — сказал он.

— Ладно,— отвечало дерево.

Точно так же ответил и Ша-сэн. Но когда очередь дошла до дерева, принявшего вид Сунь У-куна, настоящего Сунь У-куна, следовавшего в пути, вдруг пробрала дрожь.

— Плохи дела! — воскликнул он.

— Ты о чем это? — спросил Сюань-цзан.

— Превращая четыре дерева в наши подобия,— отвечал Сунь У-кун,— я был уверен, что сегодня меня уже бить не будут. Но, оказывается, я ошибся, и вот сейчас меня всего трясет. Придется снять заклинание.

И Сунь У-кун что-то быстро проговорил. Послушник, производивший наказание, от испуга выронил плетку.

— Учитель,— доложил он. — Первым подвергся наказанию Танский монах, а сейчас передо мной дерево!

Услышав это, праведник рассмеялся.

— Сунь У-кун — действительно Прекрасный царь обезьян,— сказал он. — Я слышал о том, что он учинил дебош в небесных чертогах и его не могли поймать никакими сетями, расставленными на небе и земле. Теперь я верю этому. Ну, хорошо, тебе удалось бежать, но зачем было устраивать эту штуку с деревьями? Нет, этого ему никак нельзя простить! Я догоню его!

Сказав это, праведник поднялся на облако и, посмотрев на запад, увидел идущих по дороге паломников: один нес вещи, другой ехал на коне.

— Куда же ты направился, Сунь У-кун? — посмотрев вниз, крикнул праведник. — Верни-ка нам дерево жизни!

— Все кончено! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Опять наш враг появился.

— Вот что, учитель, — сказал тут Сунь У-кун, — от благих помыслов придется пока отказаться. Разрешите нам применить силу. Мы в момент расправимся с ним и после этого сможем идти дальше.

Услышав это, Танский монах весь задрожал, но не успел он еще ответить, как все три его ученика, схватив свое волшебное оружие, все вместе поднялись в воздух и, окружив праведника, со всех сторон стали наносить ему удары.

Пустив в ход всю свою силу, они одновременно нападали на праведника. Однако тот лишь помахивал мухобойкой. Через каких-нибудь полстражи он, как и в первый раз, раскрыл свой рукав и изловил всех четырех паломников вместе с конем и вещами. В следующий момент он повернул облако и тут же очутился в монастыре. Там его встретили бессмертные. Усевшись в зале, он одного за другим стал вынимать своих пленников. Танского монаха привязали к ясеню. Чжу Ба-цзе и Ша-сэна — рядом с ним, а Сунь У-куна связали и повалили на землю.

«Сейчас начнут допрашивать», — подумал Великий Мудрец.

Праведник приказал принести десять кусков полотна.

— Вот как заботятся о нас, Чжу Ба-цзе,— сказал смеясь Сунь У-кун. — Из полотна, вероятно, сошьют одежду. Чуть поэкономнее, так можно и рясу сшить.

Тем временем небожители принесли несколько кусков полотна.

— Заверните в полотно Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна,— приказал праведник.

Небожители поспешили выполнить приказ.

— Вот здорово! — воскликнул Сунь У-кун. — Живых людей обряжают, как покойников!

Затем праведник приказал принести лак. Небожители принесли лак собственного изготовления и густым слоем покрыли полотно, в которое были обернуты три паломника. Свободной оставили только голову.

— Учитель,— сказал тут Чжу Ба-цзе. — Вы бы лучше внизу оставили отверстие, чтобы нам можно было справлять нужду.

Наконец праведник приказал принести большой котел.

— Ну, Чжу Ба-цзе, и повезло же нам! — продолжал подшучивать Сунь У-кун.— Видишь, котел вынесли. Видимо, будут готовить нам еду.

— Что ж, это дело! — откликнулся Чжу Ба-цзе. — Пусть покормят. На том свете хоть не будем голодными духами.

Небожители подтащили котел к крыльцу. Праведник приказал принести хвороста и разжечь костер.

— Налейте в котел масла и вскипятите его,— распоряжался он, — а когда масло начнет кипеть, бросьте туда Сунь У-куна. Пусть он поварится за то, что погубил дерево жизни.

— Это как раз то, чего я сам хотел. Давно не мылся, все тело зудит. Уж теперь-то я покупаюсь в свое удовольствие. Очень благодарен вам за вашу милость.

Вскоре масло закипело. Тут Великий Мудрец решил соблюсти осторожность. Опасаясь, что ему трудно будет устоять против волшебства праведника и что, очутившись в котле, он будет бессилен что-либо сделать, он быстро осмотрелся и на восточной стороне под террасой заметил площадку для наблюдения за движением солнца, а на западной — каменного льва. Тут Сунь У-кун подтянулся и перекатился на западную сторону. Надкусив кончик языка, он опрыснул льва кровью и сказал: «Изменяйся!» В тот же миг каменный лев превратился в точную копию Сунь У-куна и тоже оказался связанным. А дух Сунь У-куна взлетел вверх, уселся на краю облака и, глядя вниз, стал наблюдать за даосами.

— Учитель, масло плещет через край,— доложили в этот момент праведнику его подчиненные.

— Опустите туда Сунь У-куна! — распорядился праведник.

Четверо бессмертных попытались было поднять Сунь У-куна, но не смогли даже сдвинуть его с места. Затем попробовали это сделать восемь человек, но тоже оказались бессильными. Затем подошли еще четверо, но и это не помогло.

— Да эта обезьяна, видимо, приросла к земле,— заговорили бессмертные,— ее трудно даже с места сдвинуть. Такая маленькая, а смотрите какая тяжелая.

Наконец двадцать человек подняли Сунь У-куна и бросили его прямо в котел. Брызги кипящего масла полетели во все стороны и попали на бессмертных. На лицах у них вскочили огромные волдыри. В этот момент послушник, поддерживавший огонь под котлом, вдруг закричал:

— Котел течет!

Не успел он крикнуть, как котел был совершенно пуст. Ну, а дело было в том, что вместо Сунь У-куна они бросили в котел каменного льва, который пробил дно.

— Ах ты подлая обезьяна! — закричал разгневанный праведник. — Продолжаешь безобразничать! Но мы сами даем ему возможность проделывать свои фокусы. Ну, пусть ты сбежал, ладно, но зачем ломать мой котел? Нет, нам, видно, не поймать эту поганую обезьяну. Она ускользает из рук, как песок или ртуть. Это все равно, что ловить тень или ветер... Пусть убегает,— сказал праведник.— А теперь развяжите Танского монаха и несите другой котел. Пусть хоть монах поплатится за то, что погибло дерево жизни.

Сюань-цзана быстро освободили. Между тем, находясь в воздухе, Сунь У-кун слышал все, что произошло внизу. «Ну, теперь учитель погиб,— подумал он. — Если его окунуть в котел с кипящим маслом, он тут же кончится, если сделать это вторично, он изжарится! Если же его обмакнуть туда несколько раз, получится разваренный монах. Надо во что бы то ни стало помочь ему!»

Тут Великий Мудрец опустился на облаке вниз и, скрестив руки, сказал:

— Не портите покрытой лаком материи! Не варите нашего учителя! Лучше я сам полезу в кипящее масло.

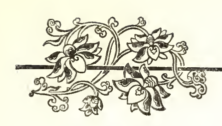
— Сейчас я тебе покажу, низкая тварь! — рассвирепел праведник. — Да как ты смеешь портить мои вещи?

— Со мной вы повстречались на свою беду,— смеясь сказал Сунь У-кун.— Но разве я виноват? Я сам хотел воспользоваться вашей милостью и помыться в масле, но мне необходимо было справить нужду. Если бы я сделал это, сидя в котле, то испортил бы ваше масло. Ну, а сейчас я сделал все, что нужно, и полностью очистился. Так что теперь мне можно лезть в котел. Прошу вас, сварите меня вместо учителя.

Услышав это, праведник зло рассмеялся и, выйдя из зала, схватил Сунь У-куна за шиворот.

Однако, что он сказал и как паломникам удалось избавиться от беды, вы узнаете, прочитав следующую главу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 10. *Конфуцианство, буддизм, даосизм.*— Принципы конфуцианства, как религии, были заимствованы из социально-этического учения знаменитого китайского философа Конфуция, жившего приблизительно в 551—479 годах до н. э. Конфуций создал собственную философскую школу, которая сыграла огромную роль в формировании и развитии китайской феодальной культуры.

Основными моральными принципами социально-этического учения Конфуция были почитание старших, гуманность, справедливость, сдержанность и честность.

Помимо этого, конфуцианство стремилось к укреплению общественного строя, проповедуя строгое подчинение подданных правителю, детей родителям и жены мужу.

Как религиозное учение, конфуцианство главным образом стремилось к восстановлению обрядов древнекитайского культа предков и поклонения духам природы. Древнекитайская религия в основном сводилась к культу предков и поклонению многочисленному сонму духов природы, взаимоотношения между которыми определялись сложной иерархией. Во главе всей иерархической лестницы находилось небо, верховное божество, блюститель порядка на земле. Император считался его представителем на земле и назывался сыном неба. Внешняя сторона конфуцианства выражалась в жертвоприношениях и других обрядах. Жертвы приносились небу, земле, умершим предкам императора, богам урожая, Конфуцию и другим мудрецам, гениям — покровителям ремесел и занятий, государственным деятелям, оказавшим услуги государству, духам предков и т. д. Конфуцианская религия не требует особого сословия жрецов для выполнения религиозных обрядов, и необходимые церемонии чествования духов выполняются либо самим императором, либо официальными и административными лицами, а духам предков и домашним богам приносит жертвы глава каждого семейства. Для церемонии жертвоприношения существовал строго разработанный сложный ритуал, выполнение которого считалось обязательным и весьма важным.

Необходимо отметить, что сам Конфуций обращал основное внимание на обрядовую сторону и, стремясь к укреплению нравственно-этических норм поведения, избегал касаться темы сверхъестественного. Свидетельством этого может служить следующий знаменитый ответ Конфуция на вопрос, как следует поклоняться духам и что такое смерть? «Когда не умеем служить людям, то где уж служить духам! Духам надлежит приносить жертвы, как если бы они присутствовали здесь. Если мы еще не знаем, что такое жизнь, то как мы можем знать, что представляет собой смерть?»

Вера в сверхъестественное в конфуцианстве должна быть отделена от обычных конфуцианских представлений об идеальной жизни, которые тесно связаны с земной жизнью, с вопросами отношений между людьми.

В течение многих столетий конфуцианство являлось государственной религией и отложило глубокий отпечаток на весь строй феодального общества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оно враждебно отнеслось к появлению в Китае буддизма, рассматривая последний как идеологию, опасную для китайского общественного строя, в основе которого находится семья и конфуцианская система отношений между государем и подданными.

Вторая национальная религия в Китае — *даосизм*— связывается с учением другого китайского философа Лао-цзы (Ли Эр), жившего, согласно преданиям, одновременно с Конфуцием, то есть в VI—V веках до н. э. По китайской традиции, Лао-цзы был хранителем императорской библиотеки и придворным историографом при Чжоуском дворе [1]. Смысл учения, приписываемого Лао-цзы, в основном сводится к «Дао» — учению о правильном пути. Реальный мир и жизнь людей в обществе подчинены определенному, естественному пути — Дао, означающему всеобщий закон движения и изменения мира. Дао — это, по сути дела, абсолют, обезличенная природа, которая дает начало всему сущему. Дао предшествует видимому многообразию предметов природы: это бездна, породившая весь видимый мир.

По учению Лао-цзы, истинный покой наступает с прекращением борьбы и установлением жизни в соответствии с Дао. Причина беспорядков в мире порождается отходом от природы, появлением искусственного, далекого от природы образа жизни. Единственное средство для избежания этих беспорядков — это возвращение на путь Дао. Такова философская основа даосизма.

Основоположником даосизма, как религии, считается Чжан Дао-лин, получивший звание «Тянь-ши»—«Небесный наставник», который жил, по преданию, в I веке н. э. Как религия даосизм представляет собой смесь шаманства и веры во всевозможных духов — злых и добрых. Но только буддизм способствовал его окончательному оформлению в культ. Даосы создали свой пантеон богов по буддийскому образцу. Верховным владыкой всей небесной даосской иерархии был Юй-хуан шан-ди—Нефритовый император. И свою концепцию божества последователи даосизма заимствовали у буддистов.

Очень важную роль у даосов играет звездное небо. Ян и Инь—два основных начала древнекитайской философии, от движения и взаимодействия которых произошло все мироздание и которые означают: положительное — мужское и отрицательное—женское начала, или свет и тьму, жизнь и смерть, добро и зло; в даосской космологии соответствуют солнцу и луне. От них образовались все

---

[1] Эпоха Чжоу — 1122—247 года до н. э.

остальные звезды и созвездия, которые являются местопребыванием различных духов, играющих огромную роль в жизни людей. Совершенно очевидно, что от философского учения тут уже почти ничего не осталось. Главным среди созвездий является Северное, представляющее собой средоточие всего мира духов. Каждая звезда имеет своего правителя, но все они зависят от духа Северной звезды.

И, наконец, читатель может убедиться в том, что духами заселены не только планеты и созвездия. Духи обитают повсюду — в воздухе, на земле, под землей, в воде, в горах. Злые духи приносят вред человеку, добрые — помогают ему. Таким образом, всю свою жизнь человек чувствует себя в зависимости от этих духов и старается избежать злого воздействия одних и заручиться помощью и покровительством других.

Следует сказать, что важное место в даосизме отведено верованию в возможность обрести бессмертие посредством магии и различным учениям о приготовлении эликсира бессмертия. Особенно большой известностью пользовались алхимики и их опыты с киноварью по изготовлению философского камня, приносящего бессмертие и сверхъестественную силу, о чем и повествуется в романе.

И, наконец, *буддизм* — религия, которой в романе отводится основное место. Буддизм заимствован из Индии. Датой его возникновения, по преданию, считается 544 год до н. э. — год смерти Будды — Гаутамы.

Будда — слово санскритское и значит: очнувшийся, прозревший. Оно обозначает высшую ступень святости в буддийской религии, когда наступает полное просветление, полное освобождение от всех законов перерождения.

В Китае буддизм начал распространяться уже в первом столетии нашей эры. Особенно большое влияние он приобрел в VI—VII веках. По буддийскому учению, высшим божеством является некое духовное начало, извечно существующее и пребывающее в покое, в состоянии нирваны. Видимый, материальный мир (сансара) является лишь частью этого божественного начала. Однако в буддийском пантеоне мы находим огромное количество конкретных воплощений этого божественного начала в лице будд, бодисатв, архатов, представляющих собой различные степени святости на пути к достижению вечного блаженства.

Материальный, видимый мир, по учению буддизма, не существует реально, а представляет собой лишь проявление мистического духовного начала. Все многообразие явлений природы создается в результате бесконечного движения и образования различных комбинаций «дхарм» — мельчайших частиц духовного начала. Исчезновение предметов видимого мира или смерть живых существ является результатом распада этих «дхарм». Однако смерть не есть полное исчезновение. Буддизм учит, что жизнь — это цепь бесконечных перерождений, обусловленных определенной причинной связью. Поэтому невзгоды и бедствия в земной жизни являются возмездием («кармой») за проступки, совершенные в одном из предыдущих перерождений. Равным образом вознаграждаются также добродетель и добрые дела. На примере многих героев романа «Путешествие на Запад», не исключая и самого Танского монаха, читатель узнает, что они проходят одну из стадий такого перерождения, как воздаяние за совершенные ими в прошлом поступки.

За многие века своего существования буддийское учение непрерывно развивалось и видоизменялось.

Следует еще заметить, что широкому распространению буддизма в Китае в значительной степени способствовала большая приспособляемость его к местным условиям. Так, например, буддизм не останавливался перед тем, чтобы зачислить в буддийский пантеон богов местных религий. Он свободно заимствовал принципы национальных религий, например, культ поклонения предкам в Китае. Кроме того, учение о рае и аде, одинаковом возмездии за грехи и награды за добродетель для всех без исключения, богатого и бедного, знатного и простолюдина, производило большое впечатление на простой народ, не видевший выхода из того бедственного положения, в котором он находился, и не могло не привлекать его симпатий.

В целях усиления эмоционального воздействия на верующих в буддийских обрядностях широко использовались изобразительное искусство, музыка, пышные процессии, ритуальные пляски.

Широкое распространение в течение нескольких столетий буддизма в Китае не могло, конечно, не оказать глубокого влияния на всю китайскую культуру.

В Минскую эпоху большим влиянием пользовалась даосская религия, и потому буддисты были не в почете и даже подвергались гонениям, о чем автор повествует в главах сорок четвертой, шестьдесят второй и других, где он описывает преследования буддийских монахов. Выражение симпатии и сострадания буддийским монахам, попавшим в беду, по мнению китайских исследователей, следует считать не проявлением религиозных чувств автора, а проявлением его симпатий к страданиям народа, его желанием, чтобы народ осознал свое бедственное положение и добивался правды, лучшего управления. Естественно, что автор вынужден был делать это иносказательно, описывая под видом монахов страдания самого народа.

Стр. 19. *Хаос.*— По китайской натурфилософии, первоначально в мире существовал хаос. Потом светлые частицы поднялись кверху, и образовалось небо, а тяжелые частицы опустились вниз, и образовалась земля.

Пань-гу—первый человек. По преданию, создал вселенную. Он отделил небо от земли и сделался первым правителем мира. Для завершения этой задачи ему потребовалось 18000 лет, после чего он исчез, растворившись во вселенной.

Стр. 20. По натурфилософским воззрениям древних китайцев, изложенным в «Ицзине» («Книге перемен»), вся жизнь и развитие в природе происходят на основе борьбы противоположных сил *Инь* (женское, темное начало) и *Ян* (мужское, светлое начало), и на круговороте пяти основных элементов, из которых состоит мир: вода, огонь, дерево, металл, земля. Взаимодействие этих пяти элементов представляется в виде преодоления одного элемента другим: дерево преодолевает землю, земля преодолевает воду, вода преодолевает огонь, огонь преодолевает дерево и т. д. Все земные предметы и явления относятся к сфере действия какой-нибудь из этих пяти стихий.

Стр. 21. *Пять элементов природы.*— По китайской натурфилософии — пять первоначальных элементов: металл, дерево, огонь, вода и земля, от взаимодействия которых произошла вся вселенная.

По буддийской космологии, в центре плоской земли возвышается огромная гора Сумеру, по сторонам которой расположены четыре больших материка. Санскритские названия этих материков следующие:

1) к востоку от горы — Пурвавидеха; 2) к югу — Джамбудвипа, 3) на западе — Годанья и 4) на севере — Курудвипа.

По представлениям древней космологии, под землей проходят драконовы жилы, которые представляют собой «магнетические, подземные соки», питающие почву животворной влагой.

Стр. 22. *Цилинь* — одно из четырех сказочных животных (Единорог, Феникс, Черепаха и Дракон), обычно переводится Носорог. Символ счастья и благополучия. Имеет тело оленя, хвост быка, один рог; покрыт чешуей. Ногами он не касается ничего живого, даже травы. Его рог оброс мясом в знак того, что хотя он и готов к бою, но предпочитает мир.

Восемь триграмм (ба-гуа), или восемь первоэлементов.— Согласно древним китайским материалистическим воззрениям, из восьми триграмм состоит природа. Эти первоэлементы, или триграммы, изображаются в виде трех линий или черт, целых и прерывистых. Восемь триграмм являются символами неба, земли, огня, воды, озера, ветра, горы и грома. Триграммы, комбинируясь в определенном порядке, составляют шестьдесят гексограмм.

Девять гунов — девять дворцов, расположенных по цвету в соответствии с делениями круга, относящимися к ба-гуа (восьми триграммам):

1) белый — север; 2) черный — юго-запад; 3) голубой — восток; 4) темно-зеленый — юго-восток; 5) желтый — центр; 6) белый — северо-запад; 7) красный — запад; 8) белый — северо-восток; 9) пурпурный — юг.

Стр. 23. *Полярная звезда.*— По верованиям древних китайцев, все небесные светила — солнце, луна, а также планеты и созвездия — были заселены небесными духами. Особо важной обителью духов считалось созвездие Полярной звезды.

Нефритовый император — высшее даосское божество. Верховный правитель на небесах.

Стр. 29. *«Дао»* — путь, истина. Основа учения даосизма, философии, основоположником которой считается философ Лао-цзы, родившийся в 604 году до н. э. Дао — это абсолютное начало вселенной, порождающее все многообразие мира. Высший идеал поведения человека— это «следование по пути Дао, что значит познать самого себя, ограничить свои желания, победить свои страсти». Даосизм как религия соединяет в себе основные принципы даосской философии, некоторые суеверия и колдовство.

Три категории — представители трех господствующих религий в Китае — буддизма, конфуцианства и даосизма.

Перевоплощение.— Согласно буддийской религии, прежде чем достигнуть святости человек проходит целый ряд перевоплощений и только после окончательного очищения от грехов достигает состояния высшего блаженства — нирваны.

Стр. 33. *Пэнлай* — один из трех островов, где, по преданию, обитают бессмертные.

Сгнила... рукоятка топора... — Здесь имеется в виду китайская легенда, согласно которой живший в Цзиньскую эпоху (265—420 гг.) дровосек по имени Ван Чжи, однажды отправился в горы собирать хворост. Там он увидел двух отроков, игравших в шашки. Ван Чжи остановился посмотреть на игру. Отроки предложили ему какой-то плод, похожий на косточку жужуба. Проглотив его, Ван Чжи не ощущал никакого чувства голода. Когда игра окончилась, отроки, указывая Ван Чжи на его топор, смеясь сказали: «Смотри, топорище-то у тебя сгнило». Когда же Ван Чжи вернулся обратно домой, он об-

наружил, что с момента его ухода прошло сто лет и в деревне уже не осталось в живых никого из его сверстников.

Здесь необходимо еще указать, что китайские шашки — «вэйци» — в переводе значит «окружение», или «война», игра очень сложная, требующая большого искусства и сообразительности. Ведется она на большой доске, разделенной на триста шестьдесят клеток, по количеству земных градусов, и сводится к тому, чтобы захватить как можно большее пространство и окружить противника. Изобретение этой игры приписывается легендарному императору Яо (2356—2258 гг. до н. э.).

Стр. 42. *Три учения, или три колесницы.*—По буддийскому учению три способа достижения высшего блаженства (нирваны). Из этих трех учений, способов, наибольшее распространение в Китае получило учение Большой колесницы (да-чэн), или по-санскритски Махайяна, открывающее доступ к спасению всем смертным, в отличие от учения Малой колесницы (сяо-чэн), или по-санскритски Хинаяна, открывавшей доступ к достижению нирваны только тем, кто целиком посвятил себя служению Будде.

Стр. 43. *Мо-цзы*, или *Мо Ди* (479—381 гг. до н. э.)—один из выдающихся представителей древней китайской философии. В основе этического учения Мо Ди лежал принцип «всеобщей любви», противопоставленный конфуцианскому принципу «гуманности» (жэнь) и эгоистической морали Ян Чжу (философ V—IV вв. до н. э.).

Стр. 44. *Третья стража.*— В древнем Китае ночное время делилось на стражи. Время с семи часов вечера до пяти часов утра разделялось на пять ночных страж (у-цзин). Каждая стража равнялась двум часам. Первая стража — семь — девять часов, вторая — девять — одиннадцать часов вечера, третья — с одиннадцати до часу ночи, четвертая с часу до трех часов ночи и пятая стража — с трех до пяти часов утра. Стражи отбивались деревянной колотушкой соответствующим количеством ударов.

Стр. 45. *Философский камень* (цзинь-дань).— Киноварная пилюля, дающая, по представлениям даосов, бессмертие и сверхъестественную силу. В даосской религии существует особое учение о способах приготовления этих пилюль.

Стр. 46. *Ворон* — по-китайски «У» — символ солнца, так же как заяц — «Ту» — символ луны.

Китайское предание гласит, что на луне живет яшмовый заяц, который толчет в ступе снадобье, дающее человеку бессмертие. Как божество этот заяц чествовался в старом Китае в праздник осени, то есть в половине восьмой луны.

Изображение черепахи с обвившейся вокруг нее змеей, по представлениям древних китайцев, являлось символом Севера, или же бога отваги.

Стр. 53. *Вол железный.*—В древнем Китае отлитые из железа изображения волов ставили по берегам рек или бросали в воду, так как, согласно поверью, это предотвращало наводнения.

Стр. 61. *Духи семидесяти двух пещер.*— По верованиям древних китайцев, небесные светила, планеты, созвездия и звезды были заселены различными духами и божествами. На земле также имеется много знаменитых благословенных мест — обителей бессмертных. Из этих мест наиболее часто упоминаются тридцать шесть небесных пещер, управляемых духами, и семьдесят два благословенных места, управляемых праведниками. Иногда эти же цифры, как в данном случае, связываются с местами, населенными духами вообще.

Стр. 62. *Якша* (санскр.)—в китайской транскрипции—Е-ча. Демоны, подчиненные небесному князю Вайсравана. Они двигаются быстро, как стрела. В подземном и водном царстве выполняют роль посланцев или стражей.

Стр. 64. *Юй* — один из первых трех легендарных императоров, основателей первых трех династий. Юй — основатель династии Ся (2205—1783 гг. до н. э.). По преданию, Юй усмирил водную стихию, избавил народ от наводнений и разделил страну на девять областей.

Стр. 68. *Тридцать три неба* — синоним неба или рая. Название связано с легендой о том, что после смерти Будды — Сакья-муни, какая-то женщина начала строить пагоду. Ей помогали еще тридцать два человека. После окончания постройки женщина сделалась правительницей этого сооружения, а помогавшие ей строить — ее помощниками.

Стр. 69. *Десять судей смерти.*— Под этим именем подразумевается один Владыка ада Янь-ван. Наименование десяти судей, или князей смерти, присвоено ему потому, что в каждой из десяти секций, на которые разделен ад, он выступает под другим именем.

Стр. 71. *Дицзан-ван*—или бодисатва Кшитигарба, известен также под названием Учитель, правитель или преобразователь ада. По народному поверью, на эту должность он назначен самим небом, что подтверждает факт смешения народных поверий с буддизмом. Дицзан-ван имеет свободный доступ во все части ада и, как гласит народное поверье, считает своим долгом облегчать участь осужденных на мучения.

Стр. 79. *Бимавэнь* — должность, присвоенная Сунь У-куну в конюшнях небесного императора. В переводе означает: излечивающий лошадиные болезни. Здесь автор использовал народное поверье, по которому обезьяны обладают способностью предохранять лошадей от болезни.

Му-ван (1001—955 гг. до н. э.) — правитель династии Чжоу. По преданию, у него была восьмерка самых быстроногих в мире коней. На этих конях знаменитый возничий Му-вана — Цзао-фу — возил его по империи и в поход на запад.

Гуань-юй —один из героев средневекового классического романа «Троецарствие» Ло Гуан-чжуна. Его знаменитый скакун был назван по имени легендарного животного «красным зайцем».

Стр. 82. *Вайсравана* — один из четырех небесных князей. По буддийской традиции, это — четыре мифических властителя, командующие небесной армией, которые охраняют склоны священной горы Сумеру и почитаются защитниками буддийского мира небожителей, а также буддийских храмов. Поэтому их статуи устанавливаются у входа в буддийские храмы. Имена этих князей: *До-вэнь* (Многослышащий) — Вайсравана; *Чи-го* — Дритастра; *Цэн-чжан* — Вирудака; *Гуан-моу* (Многовидящий) — Вирупакша.

Ночжа, или *принц Ночжа*.—Одно из второстепенных божеств. Заимствован даосской мифологией из индийских источников. Герой фантастических легенд, проникнутых духом буддийской традиции. Как и большинство даосских божеств, Ночжа почитается звездным божеством, но прежде он жил и действовал на земле. По буддийской версии, Ночжа считается сыном бога грома (Ваджра). В «Истории духов» рассказывается о том, что, когда Небесный император решил усмирить армию демонов (мара), он сделал так, что один из приближенных к нему духов воплотился и сделался третьим сыном Тота-тянь-вана, то есть

«Небесного князя, несущего пагоду», что соответствует санскритскому Ваджрипани. Зазубренную молнию, которую держит в руках это божество, китайцы, очевидно по ошибке, приняли за пагоду и потому стали изображать его на картинах с погодой в руках.

За проступок Ночжа был казнен собственным отцом, но сумел возродиться. Будда помог Ночже перевоплотиться и поручил ему ведать колесом закона (символ распространения буддийской доктрины). Изображается Ночжа с восемью руками, а колесо Будды в народной легенде превратилось в два огненных колеса, на которых он и изображается странствующим по небу.

Стр. 83. *Цзюйлиншэнь* — бог рек. При помощи рук и ног раздвинул гору и разделил ее на две части, которые якобы образовали современные горы Хуашань и Шоу-ян шань.

Стр. 92. *Троица буддийского божества* — Лао-цзы, Пань-гу и Верховный владыка неба — Нефритовый император.

Стр. 93. *Персиковые сады* — сады, принадлежащие богине Запада — Сиван-му, в которых произрастают священные плоды персика, приносящие бессмертие.

Стр. 94. *Сиван-му* (или *Ван-му*) — божество даосской мифологии, мифическая фея далеких западных стран, живущая в мраморных и яшмовых чертогах в горах Куэнь-лунь, окруженная сонмом фей. Известна также под названием Западная царица, или Золотая дева. Живет среди Персиковых садов. Миф о ней сохранился во многих исторических и литературных произведениях Китая.

Стр. 96. *Лохани* — или Алохани, транскрибированное санскритское слово Архаты. Под этим названием китайские буддисты почитали святых четвертой, высшей степени, то есть подвижников, освободившихся от перерождений. По верованиям буддистов, имеется две категории Алоханей: 1) Алохани без остатка, то есть погрузившиеся в нирвану, и 2) Алохани с остатком, то есть оставшиеся в мире и принимающие человеческий образ. Алоханей второй категории насчитывается пятьсот, их местопребыванием считаются горы Кашмира. Изображение главных Алоханей, в количестве восемнадцати, можно встретить в виде статуй почти во всех буддийских храмах.

Бодисатва — в китайской транскрипции Пуса. В переводе значит — достижение познания управления своими чувствами. У буддистов третья степень святости, после которой остается только еще одно перерождение на земле, чтобы сделаться Буддой. Одно из средств перехода в нирвану. Символически изображается в виде слона, переходящего реку.

Гуаньинь — бодисатва Авалокиташвара. Наиболее почитаемое и популярное буддийское божество в старом Китае. Изображается в виде женщины либо с младенцем на руках, либо с вазой и веткой ивы. Почитается как божество милосердия, оказывающее помощь всем обездоленным и избавляющее от всех бед и несчастий. Известна также под названиями Гуань-ши инь и Гуаньинь Пуса (бодисатва). По преданию, Гуаньинь была младшей дочерью правителя одного из индийских княжеств. Она была очень религиозной и страстной почитательницей Будды. Вопреки воле отца, хотевшего отдать ее замуж, она покинула дом и ушла в монастырь. В монастыре ей пришлось пережить большие трудности, так как другие монахини, завидуя ее красоте, старались свалить на нее самую тяжелую работу. Позднее, когда ее отец узнал о ее местопребывании,

он послал туда отряд солдат. Солдаты сожгли монастырь и привезли дочь князя домой. Здесь ей предложили на выбор: или выйти замуж, или умереть. Она предпочла смерть и была задушена. В царстве мрака она получила персик, приносящий бессмертие. И после этого повсюду, где бы она ни появлялась, она приносила с собой счастье и благополучие. Князь ада Яма, он же Янь-лован, не захотел, чтобы она оставалась в аду, и потому она вернулась на землю. Здесь для постоянного местопребывания ей была отведена гора Путошань, или как ее еще называют Путолоцзяшань, находящаяся на небольшом острове, восточнее провинции Чжэцзян. На этой горе в честь Гуаньинь сооружен главный храм.

Стр. 96. *Тай-и.*— Великое начало, от которого в результате развития и взаимодействия двух начал: *Ян* — положительного и *Инь* — отрицательного, произошли все существующие вещи.

Стр. 98. *Тушита* — у буддистов небо, где бодисатвы ожидают своего воплощения на земле в качестве будд. В данном случае — это обитель верховного даосского божества Тайшань Лао-цзюня.

Стр. 103. *Раху* и *Кету* — места, где луна выходит из эклиптики и входит в нее, отчего и происходят затмения. Эти места называются светилами и в китайской астрологии, которая заимствовала их из Индии; им придается очень важное значение. Изображения их встречаются только в Японии: две статуи, имеющие гневный вид — одна на зеленом драконе, другая на черной корове. В руках они держат солнце и луну.

Стр. 110. *Мокша* — сокращенная транскрипция санскритского слова Пратимокша: освобождение, спасение, путь к спасению. В данном случае второе имя Хуэй-аня, ученика бодисатвы Гуаньинь и второго сына небесного князя Вайсраваны.

Стр. 122. *Застава Ханьгугуань.*— Застава на западной границе Китая, через которую, по преданию, прошел Лао-цзы из Китая на Запад.

Стр. 183. *Три сановника*, или три гуна — по-китайски «сань гун».

Стр. 225. *Счастливый день.*— По старым китайским верованиям, для того чтобы то или иное большое начинание или событие завершилось успехом, необходимо было заранее определить для него благоприятный день. Такие дни указывались по китайскому гороскопу профессиональными гадателями.

Стр. 227. *«Три мира»* — у буддистов — Мир пожеланий, Мир цвета и Мир бесцветий.

«Чжэнь-чан» — истинная неизменность и верность — качества, необходимые для достижения нирваны.

Стр. 228. *«Шесть путей»* — шесть областей или форм перерождений в низшем, то есть чувственном мире: 1) небожители, 2) люди, 3) асуры, 4) голодные духи, 5) животные, 6) ад.

Стр. 232. *Триратна* (санскр.) — будды Сакья-муни, Амитабу и Майтрея (Будда, Закон, Священство).

«Четыре существа» — имеются в виду четыре рода животных: безногие, двуногие, четвероногие и многоногие.

Стр 281. *Три духа* (или три души) — «саньши-шэнь». По верованию даосов, обитают в каждом человеке. Они контролируют разум или волю, чувства и действия человека.

Семь отверстий — имеются в виду глаза, ноздри, уши, рот.

Стр. 342. *Чан Э* — жена легендарного стрелка императора Яо Хоу И, который, пуская стрелы в небо, прекратил затмение луны. В другой раз на небе появилось десять солнц, и Хоу И стрельбой из лука уничтожил девять из них и прекратил бедствия, которые они причиняли народу. Царица неба Сиван-му подарила Хоу И эликсир бессмертия. Этот эликсир украла у него жена Чан Э и, боясь расплаты, бежала со своей добычей на луну. Там она превратилась в лягушку. Чан Э также богиня луны.

Стр. 350. *Ба-цзе* — восемь заповедей. Первые восемь из десяти буддийских монашеских заповедей: 1) Не убивай; 2) Не воруй; 3) Не прелюбодействуй, 4) Не лги; 5) Не пей вина; 6) Не сиди на высоких сиденьях; 7) Не носи красивой одежды; 8) Не пей, не танцуй и не смотри на игрища; 9) Не носи драгоценностей; 10) Не ешь в неположенное время.

Существует еще У-цзе — пять заповедей для мирян, первые пять из перечисленных выше.

Стр. 376. *Священный ветер с горы Самади.* — Самади — санскритское слово. У буддистов этим словом обозначается земная нирвана. Высшая степень совершенства. Состояние духовного экстаза.

Стр. 393. *Лу Бань* — легендарный искусный строитель, живший в уделе Лу. Почитается богом-покровителем плотницкого дела.

Стр. 411. *Чу*, *Си-цзы*, или *Си-ши* — имена знаменитых красавиц древности.

СОДЕРЖАНИЕ

У ЧЭН-ЭНЬ
Путешествие на Запад, том 1

Редактор *С. Хохлова*. Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *М. Позднякова*. Корректоры *Г. Сурис* и *А. Шлейфер*

Сдано в набор 17/IX 1958 г. Подписано к печати 20/XI 1958 г. А10702
Бумага $60 \times 92^{1}/_{16}$—28,5 печ. л. 29,61 уч.-изд. л.+ 4 вкл. = 29,85 л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 2280. Цена 9 р. 80 к.
Гослитиздат. Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28

